

Марина Вантара

HOMO LIBERATUS

Посвящается всем мирным жертвам войн,
терроризма и принуждения на планете Земля

Contents

Пролог

Глава 1. Возвращение

Глава 2. Homo liberatus

Глава 3. Молчание могил

Глава 4. Живые свидетели

Глава 6. Во все тяжкие

Глава 7. Племянник

Глава 8. Вампиры обыкновенные, и где они обитают

Глава 9. Дядя

Глава 10. В лабиринтах памяти

Глава 11. География предательства. Часть 1

Глава 12. География предательства. Часть 2

Глава 13. Последняя жертва

Глава 14. Земля и крестьяне

Глава 15. История вампира, идеальная и реальная

Глава 16. Логово

Глава 17. Шабаш серых кардиналов

Глава 18. Любовь

Глава 19. Привидение

Глава 20. Мерцание индиго

Глава 21. Три луны с индиго

Глава 22. Индиго в новом свете

Глава 23. Единое сознание

Глава 24. Железный катаклизм

Глава 26. Суд

Глава 27. Преступление и наказание

Эпилог

– Трусость – один из самых страшных человеческих пороков.
– Осмелюсь вам возразить. Трусость – самый страшный человеческий порок.
Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита»

Пролог

Вечер 22 марта 1943 года. Белоруссия. Не прошло и часа как 118-й батальон штурманшафта, сделав своё чёрное дело, покинул Хатынь. В леденящем молчании сумерек, в белизне голых берёз и сырого снега зловеще зияет тёмное пятно с проседями пепла – вот во что каратели превратили деревню. Обломки сожжённых ими крестьянских домов курятся прядями едкого дыма. Над одним из пепелищ – стойкая вонь горелого человеческого мяса. Она долго не рассеивается в лесном безветрии. Единственный звук на ещё вчера оживлённой улице – потрескивание тлеющих бревенчатых балок, то и дело взрывающее нестерпимую тишину.

От *того* сарая ведут несколько цепочек человеческих следов. А в конце каждой цепочки – распластавшийся на снегу труп с вытянутыми руками и окровавленными дырками от пуль в спине. Возле *того* сарая больше нет людей. Живых людей.

Вдруг из воздуха возникают двое. Молодые, невысокие, хорошо сложенные мужчина и женщина, чистые, словно только что из ароматной ванны, одетые в лёгкие, напоминающие греческие, зелёные туники, босые. Их точёные силуэты словно вырезаны кем-то из бумаги и цинично подкинута на пепелище. Пришельцы совсем не похожи ни на местных русоголовых жителей, ни на блондинисто-рыжих истинных арийцев – они смуглы и черноглазы, как цыгане. Вот только в лицах незнакомцев, в отличие от беспокойных вечно мятущихся цыганских – умиротворённость, неземная, и уж совсем не совместимая со зрелищем обугленного кровавого месива, открывшегося их глазам.

Несколько минут двое, держась за руки, молча оглядываются, поражённые видом надругательства, совершённого здесь над жизнью. Наконец, девушка думает:

«Какая нечеловеческая жестокость! Неужели мы не могли это остановить?» – её мысль пронзительна, как крик.

«Это как раз человеческая жестокость, моя дорогая. Её не остановить. Во всяком случае пока, – так же мысленно отзывается мужчина. Его бездонная печаль тут же передаётся подруге. – Давай лучше искать *его*. Я уже начинаю думать, что *он* не выжил».

«А я верю, что выжил! – горячо возражает спутница. – Ведь *он* твой сын!»
Мужчина бросает на неё благодарный взгляд.

«Совсем маленький...Если бы я знал, что всё случится именно сегодня, я бы забрал *его* с собой, уже когда отправлялся на Единение! Просто пожалел Полину, хотел, чтобы они побыли вместе как можно дольше. Да, предвидение – не мой конёк. Хоть бы это не стоило Ясику жизни!»

Они подходят ближе к *тому* сараю. Оттуда нестерпимо несёт палёной плотью. Обгорелые трупы лежат голые, и только некоторые покрыты чёрным, смешавшимся с обугленной кожей рваньём. Среди этих почерневших останков, сохранивших искажённые гримасы предсмертного ужаса, кажется невозможным найти тело красавицы Полины, деревенской травницы.

«Смотри, Симон, некоторые женщины лежат на животах. Надо перевернуть».

«Зачем? Ты что, недостаточно увидела?» – с отвращением отзывается мужчина.

«Просто сделай!»

Не сходя с места, пришелец вытягивает руку в сторону одного женского трупа и медленно поворачивает кверху ладонь. Тело откидывается на спину, и под ним обнаруживается задохнувшийся до смерти, но почти не обгоревший младенец.

«Теперь видишь? – настаивает девушка. – Мать пыталась спасти ему жизнь. Ну, давай же! Надо надеяться! Смотри, вот здесь!»

И она указывает на место, где недавно стояла дверь сарая. Там обуглившееся женское тело застыло в какой-то неестественной позе, словно та умирала, стоя на четвереньках. Симон приближается, проводит вытянутой рукой под её животом, где, на первый взгляд, пусто, но он тут же чувствует тепло своего ребёнка.

– Ясик! Не бойся, это папа!

Невидимый комок под трупом Полины вдруг превращается в мальчика лет трёх, в грязной, но почти целой рубашонке, со спутанными тёмными волосиками и пронзительно-чёрными цыганскими глазёнками. Ребёнок скорее удивлён, чем напуган, но не издаёт ни звука и даже не тянется к своим спасителям. Симон сам высвобождает маленькое тельце и крепко прижимает к себе. Он бросает долгий тоскливый взгляд на то, что осталось от любимой женщины, отворачивается и решительно отходит прочь. Его спутница, тем временем переворачивает все лежавшие на животах трупы и находит ещё одного еле живого малыша, с которым исчезает в воздухе, а

через несколько минут возвращается уже с пустыми руками. Она подходит к мужчине, не выпускающему из рук своего чудом уцелевшего сына, и все трое испаряются в промозгом воздухе мартовской ночи.

Глава 1. Возвращение

Первая самостоятельная межпланетная телепортация едва меня не убила. Я сделал отчаянное усилие не распасться на атомы, не расплыться в ошеломляющем круговороте едва знакомых, затерянных в детских воспоминаниях звуков и запахов. И тут совсем близко увидел удивлённо распахнутые глаза цвета предштормового моря. Они-то и сумели приковать астральное тело к моему физическому, мужскому естеству. Потом я ударился головой и провалился в темноту.

Очнулся в просторном вонючем помещении с дощатыми стенами и низким потолком, лёжа на узком топчане. В центре стоял железный монстр приятного небесно-голубого цвета. На задней части машины, как раз на уровне моих глаз прикорнула надпись «Жигули». Маслянисто-нефтяной смрад, исходивший от автомобиля, усиливал состояние пришибленности, мешая сосредоточиться. Во время астральных путешествий мы лишены обоняния, но теперь, когда моё физическое тело тоже оказалось на Земле, это зловоние, восстав из лабиринтов забытых детских кошмаров, вызывало горечь во рту и делало меня больным. И было почти невозможно уловить приятный травяной аромат, едва доносившийся из противоположного угла помещения. Я с трудом приподнял голову, чтобы взглянуть туда, и увидел стоявшую ко мне спиной русоголовую девочку-подростка рядом с плоским разогретым докрасна кругляшом на ножках – электрической печкой.

Готовясь к возвращению на родину предков – главному событию в своей жизни – я совершил множество астральных вылазок в самые разные уголки Земли, но вот полноценная межпланетная телепортация требует особого мастерства. На его приобретение ушло более сорока лет, и даже после всех нескончаемых тренировок меня занесло намного южнее, чем планировалось, да ещё мимо водоёма – потому и тошнило до сих пор.

«Надо осваиваться, – и я попытался пошевелить пальцами рук и ног. – Вроде ничего не сломал. А теперь – что-нибудь передвинуть». Высоко на полке, выступавшей из стены, возле которой возилась девочка, очевидно,

и притащившая меня сюда, стояла безобидная на вид цилиндрическая ёмкость. Я просто хотел перенести объект вниз, но не справился с первой попыткой телекинеза при земной гравитации – и банка, сделав неловкий пируэт в воздухе, грузно ударилась о пол. Не слишком плотно прижатый к отверстию металлический кругляшок отлетел далеко в сторону; жидкая субстанция, нестерпимо воняющая аммиаком, выплеснулась из разверзшегося сосуда и изумрудным фонтаном обдала мою спасительницу, и та, застигнутая врасплох, коротко взвизгнула и резко повернулась ко мне лицом. «Ничего себе благодарность!» – пронеслось у меня в голове. А девочка стояла, почти вся зелёная, остолбенев, онемев от растерянности, а через несколько секунд шёпотом пролепетала:

– Что же я скажу маме? А папе? Господи, а как я домой пойду?

Встряска от этой небольшого инцидента чудесным образом вернула меня к жизни. Небольшое усилие – и опустошённый металлический цилиндр плавно оторвался от пола и поплыл вверх, пока, наконец, не встал на прежнее место. Девочка всё ещё не двигалась и ошалело следила за самостоятельно перемещавшейся банкой от краски.

– Сейчас я всё исправлю, – попытался успокоить я. – Не шевелись, – и стал возвращать зелёную субстанцию в банку.

Да, земная гравитация и вправду оказалась сильнее, чем на Новой Лемурии. Этого тоже невозможно было почувствовать во время астральных путешествий. Большие и маленькие аммиачные капельки цвета весенней листвы отрывались от платья и волос девочки и причудливыми тонкими нитями устремлялись по воздуху обратно в металлическую ёмкость, а моя потерпевшая, потеряв дар речи, бледнее облака, еле стояла на ногах, опираясь рукой о старый заполненный железками шкаф. «Сильная! – мелькнуло у меня в голове. – Другая, наверное, уже валялась бы в обмороке». А она думала: «Я точно это вижу, но это не может быть правдой! Я сплю? – она украдкой ущипнула себе руку. – Кажется нет. Тогда как же это всё? Как волшебство.... Фу, да какое волшебство? – и представила, как на неё показывают пальцами в школе, где многие и так считали мою новую знакомую странной. – Ну, поздравляю! Ты всё-таки сошла с ума...»

Я поспешил на помощь:

– Нет, нет, Полина. Ты находишься в здравом уме. Тебя ведь Полина зовут?

– Д-да... – девочка кивнула и посмотрела на меня с подозрением. – А откуда вы знаете?

– Дай я сначала почищу. Держись! – мой голос и, конечно, немного внушения её успокоили.

Когда я вернул всю до капельки зелёную краску в водружённую обратно на полку банку, платье Полины снова стало голубым, как до моего неудачного эксперимента. Девочка подняла указательный палец вверх и потыкала им в воздух:

– Крышкой надо...

– Ах, да, конечно! – согласился я, и заставил железный кругляшок закупорить отверстие в цилиндре поплотнее, чем раньше.

– Кто вы? – наконец, решительно потребовала ответа Полина и поспешно соврала: – Учтите, я не верю ни в волшебников, ни в инопланетян.

– Напрасно, – усмехнулся я.

Пора было бы объясниться – ведь девочка не могла слышать мои мысли, но я находился на грани истощения. Сказывалось приземление вместо воды на сушу после межпланетной телепортации, и удар головой, и непривычно сильное земное притяжение, а хуже всего – нестерпимая вонь аммиака и бензина. Поэтому я, морщась, промямлил:

– Это длинная история... Я обязательно расскажу тебе, когда выберусь на свежий воздух. Никогда в жизни не испытывал такой головной боли! Есть поблизости озеро или река?

– Конечно! – с ноткой удивления, не понимая, к чему я это спросил, ответила моя новая знакомая. – Примерно в километре отсюда... Но сможете ли вы дойти? У вас ссадина на затылке и, может быть, сотрясение мозга... Вас бы в больницу, но я не знаю, что сказать врачам...– она замялась.

– ...Чтобы тебя не приняли за сумасшедшую? – понятливо подхватил я.
– Нет, в больнице вашей мне точно нечего делать.

– Я компресс вам приготовила. Вот, приложите, – Полина подала мне аккуратно сложенное пропитанное травяным отваром полотенце и добавила почему-то извиняющимся тоном: – Жаль, что тёплый. У папы нет в гараже холодильника... – я приложил ко лбу полотенце, а она, обежав вокруг машины, вернулась с металлической кружкой, наполненной тем же отваром. – Выпейте. Это должно снять боль.

– Спасибо, милая, – я взял кружку, отхлебнул, и сразу почувствовал прилив сил. А моё сердце вдруг сжалось, заколотилось сильнее от накатившего воспоминания о другой Полине – моей матери, которая готовила точно такой же целебный отвар! – Мне не придётся добираться

пешком, – объяснил я, наконец. – Ты вот что: иди к озеру, а я чуть-чуть полежу тут с компрессом и буду там одновременно с тобой. Знаю, ты умираешь от любопытства.

Без дальнейших расспросов Полина прихватила свою курточку и вышла из гаража, по моей просьбе заперев его на ключ, но через минуту в замке снова послышался щелчок, и две её длинные косы показались в дверном проёме.

– Вам же нельзя на улицу в таких лохмотьях! – она порылась в ворохе отцовского барахла, висевшего на вбитых в стену крючках и припасённого, казалось, на все случаи жизни, выудила оттуда и подала мне старые, но вполне приличные брюки, рубашку в голубую клетку и толстый тёмно-зелёный джемпер. – Вот! Наденьте!

Приправив мой гардероб парой коричневых слегка великоватых мужских туфель с чуть сбитыми подошвами, она, наконец, отправилась на озеро. Я тоже не желал слишком надолго задерживаться в компании вонючего монстра под названием «Жигули», совсем не способствовавшей улучшению самочувствия. И потом, меня тянуло к этой девочке, поэтому, даже имея слабое представление о местности, я уже не боялся промахнуться. Связь, молниеносно возникшая в момент моего приземления, оказалась так сильна, что я не потерял бы Полину ни в самом отдалённом уголке Земли, ни в самой неизведанной точке Вселенной. Я уже догадался: падение именно сюда, к её ногам, не было случайным, ибо родственные души притягиваются, как магнит, и направляют друг друга, как компас. Я словно перемещался не на ставшей мне чужой планете, а на той, которую считал домом. Так что телепортация к озеру, куда отправилась моя незваная любовь, прошла даже очень гладко, за вычетом того, что для неё мне пришлось собрать последние силы. Легко настроившись на мысли Полины – а думала она громко – я возник «из воздуха» на расстоянии вытянутой руки от неё.

Сидя на узкой деревянной лавочке возле небольшого круглого водоёма, девочка ёрзала от нетерпения. Она тихонько взвизгнула, хотя и видела моё «волшебное» появление уже во второй раз. Несколько рыбаков на противоположном берегу были так поглощены вечерним клёвом и собственными мыслями, что не обратили никакого внимания на телепортацию, осуществлённую у них чуть не перед носом. Зато, когда я полез в воду, они моментально это заметили и стали показывать пальцами на «сумасшедшего, которому приспичило купаться в середине апреля». Вода действительно была довольно холодной, но такая возвращает к

полноценной жизни даже лучше, чем более для меня привычная, прогретая тропическим солнцем. Через несколько минут я уже сидел на берегу и, сняв ботинки и повысив температуру тела, не раздеваясь, сушил великоватую, сопливи свисавшую одежду, а Полина с удивлением наблюдала как от меня клубился белый пар.

Наконец, всё высохло. Тогда я с удовольствием растянулся на мягкой траве и стал следить за редкими клочковатыми облаками, розовато-сизыми в предсумеречной синеве. Полина тоже сползла с лавочки, села рядом на землю, обхватив колени руками. Берег озера порос густым кустарником и красивыми белоствольными деревьями. Их тонкие ниспадающие ветви были усеяны набухшими бурыми почками, а местами – новорождёнными клейкими листочками. В воздухе суетилась недавно пробудившаяся мелкая мошкара. Смешные мохнатые в жёлтую и чёрную полосу увальни покрупнее, важно жужжа, неповоротливо зависали между соцветиями какого-то кустарника, похожими на морскую пену. Ум и тело стремительно восстанавливались, напитываясь энергией кишащей повсюду жизни. Теперь я был в состоянии получше рассмотреть Полину.

Дома я много слышал о привлекательности землянок. Моя мать, по странному стечению обстоятельств носившая то же имя, что и это юное создание, была единственной женщиной *homo sapiens*, которую я знал до того дня. Воспоминания о матери всегда сопровождались грустью и горечью. Они были как бы размывы временем и пространством. И только глядя на свою новую знакомую, я начал понимать соплеменников, снова и снова возвращавшихся в покинутый дом, несмотря на причиняемые человечеством неудобства и разрушения... Женская энергия этой девочки-подростка манила к себе, хотя была неосознанной, неуправляемой – она словно рождалась из окружавшего нас весеннего буйства. Ещё в момент своего приземления я был околдован и спасён этими глазами, цветом напоминающими море перед началом шторма, и такими же опасными, как это море – а теперь, окончательно придя в себя, я понял, что люблю. И это было невозможно ни объяснить, ни прекратить. Мой взгляд всё время возвращался к ней. Как и мои мысли.

Несмотря на некоторую свойственную возрасту несуразность фигуры, было ясно, что она обещала стать красавицей. Чистота её кожи и свежий румянец говорили о частом пребывании на лоне Природы. Энергия леса буквально переполняла Полину – вот откуда у неё взялись силы самостоятельно дотащить меня до гаража! Она была немного полновата, отчего сильнее бросалось в глаза происходившее с ней превращение из

девочки в женщину: платье из мягкой тянущейся ткани облегалo подросткую грудь уже плотнее, чем следовало, а родители, видимо, ещё не успели этого заметить и предложить дочери одежду посвободнее. Если бы только можно было просто, как у себя дома, безо всяких объяснений протянуть руку к этой чуть наметившейся груди и погладить её, нежно, вызывая сладкую истому в теле любимой. Потом скользнуть ладонью вдоль округлого плеча, дотронуться до шеи под двумя спадавшими ниже плеч тяжёлыми косами цвета сухой травы. Притянуть к себе и поцеловать – целовать без остановки... но Полина не могла читать мои мысли, и даже на подозревала, какую бурю желаний она всколыхнула в свалившемся к её ногам пришельце. А я понятия не имел, как это – говорить о том, что чувствуешь. Мне ни разу в жизни не приходилось делать ничего подобного. К тому же и некоторые знания о homo sapiens, и моё собственное чутьё подсказывали, что на Земле с любовью всё совсем не так просто, как на Новой Лемурии. И поэтому я сделал усилие и взял свои гормоны под контроль. Подчинил тело своей воле. Вернул ясность мысли. Надолго.

В свои четырнадцать Полина была уже выше меня ростом, и полнота её не портила, но я отметил про себя, что таких крупных людей давно уже нет среди представителей моей расы. Мы не едим мяса живых существ, не отделяем сахар от растений, вообще не производим и не употребляем ничего искусственного, обмениваемся энергией с Природой, а не запасаем на собственных боках...

В минуты напряжения девочка очень мило закусывала свои яркие полные губы. Между бровями Полины была ранняя вертикальная морщинка, видимо, от частых попыток осмыслить жизнь внутри и вокруг себя. А в её светло-зелёных с серой каймой глазах под тёмными, то и дело недоверчиво взлетающими бровями читались и пытливость подростка, и упрямо не проходящее желание верить в чудеса. Девочке всё казалось, что в мире есть нечто большее, чем видит человеческий глаз, даже вооружённый самыми мощными телескопами и микроскопами. Определённо, вопросы поселились в этой юной головке задолго до моего появления, но сегодня их стало ещё больше.

– Меня зовут Ян, – начал я свой рассказ. – Я родился в 1940 году по земному летоисчислению, в деревне Хатынь.

– Погоди, тебе, значит... – перебила Полина и уставилась в пространство перед собой, мысленно высчитывая. – Тебе должно быть сорок пять лет? – она принялась всматриваться в моё лицо и через мгновение заключила: –

Значит, ты... вы... старше моих папы и мамы? Они оба родились после войны. Этого не может быть!

Удивление девочки было вполне понятно – ведь она росла среди homo sapiens, не имеющих представления о гармонии и от того рано стареющих. Я же напоминал ей нового учителя рисования максимум лет двадцати пяти, а не собственных родителей и их уже отрастивших животики друзей и сослуживцев. Багдасар Арушанович, за глаза прозванный Багдасарчиком, жгучий брюнет с глубокими задумчиво-страстными карими глазами, армянин, после педагогического института неизвестно как попал по распределению в Белоруссию, да ещё в военную часть. Видимо, за неимением в учительской гвардии других представителей мужского пола, по нём, несмотря на невысокий рост, незамедлительно начало вздыхать чуть ли не всё женское сообщество школы, начиная класса с шестого. Судя по отражению образа Багдасарчика в прочитанных мной мыслях Полины, я действительно слегка походил на этого молодого homo sapiens не только биологическим возрастом, но и ростом, цветом волос и глаз. Ведь старый, затонувший остров Лемурия располагался в Индийском океане, и мы от предков унаследовали черты жителей современного азиатского континента.

– Можно на «ты», – улыбнулся я. – И оставим пока мою внешность в покое. Думаю, скоро ты поймёшь больше.

Полина недоверчиво скривила рот и опять не дала мне продолжить:

– Ведь Хатынь сожгли немцы?

– Ты об этом знаешь? – удивился я.

– Все об этом знают, – пожала плечами школьница. – А ты, получается, выжил?

– Благодаря родителям. Нас с матерью вместе со всеми жителями деревни загнали в сарай. Потом всё загорелось... Ну, ты об этом и так слышала или читала. Мать укрыла меня от огня своим телом, а сама погибла от ожогов. Мой отец опоздал и не смог её спасти. Он прилетел уже после ухода палачей и нашёл меня в развалинах, – никогда раньше мне не приходилось говорить об этом вслух, потому что на Лемурии любую боль понимают без слов, и было удивительно, как отстранённо и даже спокойно прозвучал мой голос. Будто картины пожарища и не были ночными кошмарами моего детства, будто окрики извергов и душераздирающие предсмертные вопли их жертв не заставляли маленького Ясика плакать от клокотавших внутри него гнева и ощущения собственного бессилия, почти не знакомого его соплеменникам.

Полина же, наконец, добралась до настоящей, с её точки зрения, интриги:

– Прилетел – откуда?

– С Новой Лемурии. Мой отец Симон – лемурианец.

– Новая Лемурия? Это где?

– Пара световых лет. Теперь эта планета называется так, – произнёс я с напряжением, понимая, что после сказанного объяснений потребуется ещё больше и что придётся открыть Полине также и тайну нашего существования на Земле. Девочка испытующе уставилась своими колдовскими глазами мне в лицо, пытаюсь отыскать в нём хоть какие-то черты, выдающие инопланетянина. «Ну что ж, она часть моего мира, – убеждал я себя. – В ней тоже есть капля крови homo liberatus. Будет даже лучше, если Полина поймёт источник своей только пробуждающейся силы прежде, чем научится её использовать». К тому же непреодолимое влечение к юной землянке не оставляло мне выбора: только зная правду, Полина могла оставаться в моей жизни. Павду обо мне и о себе самой. – Ну хорошо, слушай.

Глава 2. Homo liberatus

– Миллион лет назад в Индийском океане был остров Лемурия с благодатным климатом и богатой, щедрой природой, – начал я свой рассказ. – Его жители продвинулись по эволюционной лестнице намного выше, чем остальные обитатели планеты Земля: они научились использовать весь потенциал своего мозга и постепенно утратили страх на генетическом уровне.

– Люди без страха? – не поверила Полина. – Так не бывает! Разве им совсем нечего было бояться? Хищников, например?

– Опасности, естественно, были и есть, но страх – это всего лишь эмоция, реакция выживания биологического существа, неспособного или не уверенного в своей способности бороться с угрозой. А когда ресурсов для выживания более чем достаточно, то и реакция постепенно исчезает. Разумеется, лемурианцы изжили страх далеко не сразу, а по мере развития у себя сверхспособностей.

– Ну да, конечно! Если на вас нападут, вы же можете просто телепортировать! – догадалась девочка.

– Это лишь один из примеров. Хотя мои предки первым делом научились не телепортировать, а влиять на поведение других живых существ и тем самым избавились от угрозы быть съеденными.

– Гипнотизировали тигров? – рассмеялась Полина.

– Вроде того, – я улыбнулся, а она спросила с некоторым вызовом:

– Почему же тогда остальные люди на Земле не научились так делать?

– К сожалению, я не могу назвать точной причины, – вздохнул я, понимая, что Полина мне не верит. – Думаю, у большинства древних *homo sapiens* была очень непростая жизнь, и мои предки достигли более высокой ступени развития во многом благодаря своей изолированности в раю под названием Лемурия. До тех пор, пока не научились перемещаться в пространстве, они не путешествовали дальше, чем могли забраться вплавь. Когда же, наконец, островитяне освоили телепортацию и поняли, как сильно отличаются от вида, считающего себя царями Природы, то назвали свою расу *homo liberatus* – человек свободный. Свободный от страха.

– Как же получилось, что до телепортации они совсем не путешествовали? – с какой-то даже жалостью в голосе воскликнула Полина.

– Разве на Лемурии не делали лодок?

– А зачем? – спросил я, тем самым поставив собеседницу в тупик.

– Как зачем? – удивилась девочка. – Чтобы рыбачить в море, например, или открывать новые земли.

Теперь была моя очередь смеяться:

– От добра – добра не ищут! Так ведь у вас говорят? Мои предки были счастливы и на своём острове.

– И им совсем не было любопытно, что находится за океаном?

– Конечно, было, но, видишь ли, ты рассуждаешь как продукт человеческой цивилизации, – я не мог удержаться от поддразнивания. – Желая справиться с трудностью, вы сразу же изобретаете *приспособление*. Черпаете ресурсы вовне, а не внутри себя.

– А разве это плохо? – воскликнула Полина, обиженная моей попыткой низвести с пьедестала то, чем люди привыкли гордиться больше всего на свете. – Только посмотри, чего добилось человечество с помощью изобретений!

– Чего же оно добилось?

– Как чего? – Полина задохнулась, теряясь в примерах. – Самолёты, телефоны, электрические приборы разные, комбайны... Да много чего! И все эти изобретения помогают нам перемещаться в пространстве, общаться на расстоянии, и даже летать в космос!

– И когда ты говоришь «нам», кого именно ты имеешь в виду? Себя?

– Ну-у, не лично себя... Людей вообще! – смутилась она

Я молча выставил вперёд левую ладонь. К ней прилипло еле заметное семечко, и я бросил его на землю. Держа руку над местом, куда оно упало, я направил луч прозрачного белого света на свой крохотный объект. На глазах затаившей дыхание девочки семечко за несколько секунд превратилось в маленький зелёный кустик с резными листиками, который ещё через минуту покрылся белыми цветочками с жёлтыми сердцевинками. Полина взвизгнула от восторга:

– Ой! Ромашки! Как ты это делаешь?

– Как и все лемурианцы, – спокойно отозвался я, наслаждаясь эффектом.

– Управляя энергией.

– Что, вот так? Прямо рукой?

Я пожал плечами и нарочито обыденно ответил:

– Каждый взрослый homo liberatus так может. Мои предки стремились плавать, как рыбы, летать, как птицы, чуют, как животные – и понимать всё сказанное словами и без, не делая никаких приспособлений, надеясь только на свою Природу – и постепенно научились контролировать энергию. Недостаток ваших изобретений в том, что они не часть вас самих. Приборы, машины и инструменты надо всегда держать при себе, то есть *иметь*. А если самое нужное приспособление теряется, ломается или, к примеру, кто-то чужой его забирает, вы возвращаетесь к изначальному состоянию беспомощности. Ты не сможешь никуда полететь, не сесть в самолёт, или поговорить с кем-либо на расстоянии без телефона, а мы... Ну, ты и сама видела, – я махнул рукой, не желая демонстрировать искусство преодоления гравитации на глазах у людей, застывших в рыболовной медитации на противоположном берегу. Моя собеседница уставилась на меня, поражённая очевидностью проблемы, задумываться о которой «цари природы» не учат своих детей, потому что и сами предпочитают о ней не вспоминать. – С другой стороны, homo sapiens за сотни тысяч лет своего существования не изменились, не претерпели эволюции. Это тебе не кажется странным?

Об эволюции в школе рассказывали лишь самую малость, но девочка тут же и выпалила:

– Ну как же не претерпели? Ведь люди произошли от обезьян, так? Разве это не огромный шаг?

– Не могу сказать наверняка, от кого произошли люди, – честно признался я, встретив дикий взгляд школьницы.

– Как это? Любой первоклашка об этом знает! – рассмеялась Полина. – Говорят же: «Обезьяна взяла палку – и стала человеком». То есть человека создал труд! – она так и сыпала заученными, но мало осмысленными ею истинами, и с этим нужно было что-то делать, раз моей целью стало показать

Полине мир за пределами матрицы homo sapiens. Набрав побольше воздуха в лёгкие, я возразил:

– Мало ли что говорят! А сами-то они откуда знают? Это – во-первых. А во-вторых, не надо путать палку с трудом. Труд – всего лишь превращение одного вида энергии в другой, в пищу, например. Лошади, быки, ослы и другие копытные веками трудятся на благо человека и взамен получают еду и уход. Однако, их ум от этого не стал острее – скорее даже наоборот, если они так слепо позволили себя поработить! Дикие животные тоже трудятся, постоянно в поисках богатых пищей территорий, но претерпевают лишь физиологические изменения, приспособиваясь к природным условиям... Почему же они не стали разумными, а обезьяны вдруг взяли и поднялись над своими инстинктами, доросли о мышления?

– Почему? – озадаченно переспросила моя юная собеседница. Её растерянность была такой милой, что я не смог спрятать дурацкую улыбку влюблённого, весьма неуместную при обсуждении такой глубокой темы.

– В символическом смысле, палка – это приспособление, помогающее тратить как раз меньше сил. Ею сбивают фрукты с дерева, не карабкаясь на него, или обращают себе на пользу энергию тех же лошадей, которых погоняют... Так что получается, обезьяна развилась в человека от того, что стала трудиться меньше, – объяснил я.

Полина уже совсем запуталась, пытаюсь сложить всё, что я говорил, в единую картину.

– Выходит, что так... – нерешительно пробормотала она.

– Дарвин ваш был, в принципе, прав, но он не знал самого главного: эволюция бывает горизонтальная и вертикальная.

– Как это? – не поняла моя собеседница.

– Горизонтальная эволюция – явление биологическое, оно касается лишь грубой материи, а вертикальная происходит в области тонкого тела: ума, души, эмоций...

– Какого тела? – советская школьница никогда не слышала о тонких материях.

– Системы энергетических центров, которые есть у каждого живого существа, – не желая пока что слишком углубляться в подробности, пояснил я. – Их также называют чакрами.

– Об этом нам в школе не говорили... – нерешительно сообщила Полина, спешно перебирая в мыслях всё, что знала из уроков биологии.

– Разумеется, – отказ homo sapiens от обучения детей самому главному закону Природы меня не удивлял. На Лемурии ходят легенды о том, как тщательно у них скрываются знания, способные сделать каждого отдельного человека независимым от других. – Большинство людей приучены не верить

в существование всего, что нельзя потрогать, но неверие не упраздняет само явление. Ты с этим согласна?

– Думаю, да...

– Так вот, у *homo sapiens* таких центров семь, у большинства млекопитающих – три, а у обезьян – четыре. Чем больше центров, тем сложнее система, выше интеллект и способность управлять энергией. Вот обезьяны и преуспели лучше других животных, начали перераспределять свои силы. Так что они, скорее всего, действительно, наши ближайшие родственники, но совсем не благодаря труду.

– Вы имеете в виду, что от физического труда тупеешь? – изумленно воскликнула закаленная идеологией материализма школьница, словно я преступил какую-то недозволенную черту.

– Ты ведь учишься, а не работаешь? – вместо ответа спросил я. – И обязанности по уборке – и дома, и в школе – ты считаешь самым скучным занятием на свете? – девочка смутилась и утвердительно кивнула. – Интересно, почему? – и не дав ей раскрыть рта, я продолжил: – А когда ты гуляешь по лесу, то любишь рассматривать разные растения, трогать и нюхать их, а иногда даже выкапываешь из земли корни, чтобы изучить. Задаёшь вопросы, исследуешь и находишь ответы.

– Откуда вы про меня всё знаете? – тёмные брови моей спасительницы снова удивлённо взлетели. Она действительно давно и сильно интересовалась жизнью растений, но стеснялась этой своей страсти, о которой в школе никто не знал, а дома не слишком приветствовали из-за того, что Полина с детства таскала из лесу всякую траву, то есть мусор.

– Я ведь слышу твои мысли – разве ты ещё не поняла? – засмеялся я, а девочка смущённо хмыкнула в ответ. Наверное, к такому ещё надо привыкнуть. – Но продолжим. Ты развиваешься благодаря своей любознательности – и уже научилась готовить придающий силы лекарственный отвар из трав, который действительно помогает! – впервые в жизни услышав похвалу своему секретному искусству, Полина зарделась как утренняя заря, так что мне захотелось покончить с лекцией, сгрести её в охапку и расцеловать. Но было не время. Пока что. Я собрал волю в кулак и продолжал: – Знания и умения – это единственный ресурс, который невозможно отнять. А теперь представь, что, вместо учёбы и наблюдений, тебе пришлось бы заниматься физическим трудом восемь или десять часов в день, скажем, выращивать одни и те же растения или ухаживать за одними и теми же животными. Ты бы этого хотела? Только честно! – Полина помотала головой отрицательно и почему-то пристыжённо. – Теперь скажи мне – почему?

– Ну-у... Вообще-то, многие так живут, – вместо ответа возразила девочка, испытывая страшный дискомфорт. Уборку в доме она действительно считала невыносимо нудным занятием и делала через силу, в то время как детей и в школе, и дома стыдили за отлынивание от физического труда. – Но если честно, это было бы немного скучно...

– А что делает однообразную работу скучной?

– Как что? – засмеялась Полина. – Однообразие и делает!

– Правильно! Так что же поможет тебе развиваться лучше – добывание новых знаний или повторяемое изо дня в день действие?

– Ухаживать за животными и растениями тоже надо учиться! – опять возразила Полина, надув губы. В школе не уставали повторять, что любой труд достоин уважения, хотя подростку не раз приходило в голову, что в словах учителей было что-то неискреннее, и что сложно представить кого-нибудь из них занятыми мытьём коридоров или подметанием улиц. Не говоря уже о том, что дома ей при любой попытке отлынивать от уроков напоминали, что без образования можно стать только дворником.

– Разумеется, учиться надо всему – согласился я. – Но не всему одинаково долго. Простым действиям и научиться несложно. А дальше – тупик.

– Но ведь кто-то же должен выращивать хлеб и овощи! – всё не соглашалась Полина.

– В созданном homo sapiens мире – да! А на самом деле всё это не так уж и обязательно выращивать, – терпеливо объяснял я. – Природа позаботилась о своих созданиях, и пищи в ней для всех достаточно. На Лемурии люди никогда ничего не выращивали. Сотни тысяч лет мы продолжаем питаться дикорастущими плодами и не вкладываем драгоценное, необратимое время жизни в тяжкий труд земледелия.

Полина тут же представила меня одетым в звериную шкуру и лезущим на пальму за бананом – и расхохоталась:

– То есть у вас всё ещё первобытнообщинный строй?

– Да, если общину существ, научившихся преодолевать гравитацию, лечить все болезни, способных к телепатии, телекинезу и телепортации можно назвать первобытной! – отрезал я. Девочка осеклась. Как же глубоко она погрязла в болоте примитивных человеческих представлений о мире? Но я решил не сдаваться. – Люди придумали теорию общественного строя, чтобы оправдать избранный ими же самими способ коллективного выживания. Поскольку мои предки на Лемурии не страдали от голода и с самого рождения учились понимать Природу, они не так сильно нуждались в себе подобных. Мы уверены, что человека создало любопытство, благодаря которому homo sapiens стремились к новому опыту и делали открытия. Как же иначе можно было понять, что колосья вырастают из

зёрен? – я подмигнул школьнице. – Благодаря любознательности у людей образовались новые чакры и произошло перераспределение энергетических центров, которое и сделало их людьми. За открытиями следует творчество – вот здесь-то наши пути и разошлись. Пока homo sapiens занимались изобретением инструментов, то есть усовершенствованием палки, homo liberatus сосредотачивались на собственных возможностях – и развили ещё и восьмую чакру.

Полина задумалась, мучительно пытаюсь втиснуть всё, что я говорил, в школьное представление о мире. У неё не очень получалось, и мозг девочки взрывался от когнитивного диссонанса. Выходило, что человек совершенно точно не царь Природы, а волшебные сказки оказывались так же реальны, как и телепортировавшийся у неё на глазах пришелец, как ни в чём ни бывало валявшийся теперь на свежей травке. Ей нужно было время, и я молчал. Наконец, Полина нерешительно заговорила:

– Так, давайте сначала. Обезьяна стала человеком потому, что научилась делать орудия труда – так?

– Пусть так, я не возражаю, – согласился я с сочувственной улыбкой.

– Так почему же вы говорите, что homo sapiens остановились в развитии после изобретения инструментов?

– Хороший вопрос. Ключевое слово здесь – «научилась». На раннем этапе пользование инструментами действительно усовершенствовало мозг древнего человека – но потом оно же и затормозило развитие.

– Как? – всё не могла понять Полина.

– А что было дальше?

– Что?

– Изобретателей среди homo sapiens единицы – остальные же считают за благо экономить умственную энергию, а не тратить. Просто берут придуманное кем-то приспособление и пользуются.

– Это правда! – хихикнула девочка. Холодильник, пылесос и стиральная машина были лучшими друзьями её семьи.

– И всё свелось к тому, что абсолютное большинство людей больше ничего не изобретают. Вы доверили своё выживание приборам, придуманным самыми талантливыми из вас – другими словами, поставили себя в зависимость от разнообразных вариаций той самой палки. И теперь палка, а не ваш вид, переживает эволюцию, называемую техническим прогрессом. Получается, инструменты совершенствуются, а подавляющая масса homo sapiens – нет. Даже наоборот. Используя изобретения, вы меньше напрягаете своё тело – и становитесь физически слабее. А ваш ум, научившись какой-нибудь сотне операций, погрязает в рутине и нередко даже деградирует.

– Да-а... – Полина не могла не согласиться. – Любой дурак может нажимать на кнопки – даже обезьяна!

– Машинки с кнопками – довольно закономерное явление. Культура homo sapiens с незапамятных времён вращается вокруг инструментов-помощников. Даже героям ваших сказок для совершения волшебства – то есть управления энергией – требуются приспособления: волшебная палочка – да, да, та самая палка! – кольцо какое-нибудь, всякие талисманы и артефакты...

Полина стала перебирать в уме прочитанные в детстве сказки.

– Ой, ну точно! – и, опять хихикнув, она добавила: – Между прочим, я всегда думала, что таскать с собой волшебную палочку как-то неудобно! Очень легко её потерять!

– Правильно думала! – похвалил я со смехом. – Волшебство с помощью артефактов в сказках – это проекция человеческой слабости. А прототипам волшебников из ваших сказок – моим собратьям homo liberatus – никакие приспособления не требуются.

– Да-а, – задумчиво сказала школьница. – Это многое объясняет...

– Иметь хорошую палку стало у вашего вида навязчивой идеей, чуть ли не смыслом жизни, и ключевое слово здесь «иметь». Оставшись с пустыми руками, homo sapiens ощущает себя слабым и беспомощным, испытывает страх смерти, который его и поработает. При этом свобода в принципе невозможна. Вот и получается, что человечество принесло свою свободу в жертву той самой палке, которая его создала.

– А у вас – по-другому? – сообразила, наконец, поинтересоваться слушающая меня с раскрытым ртом девочка.

– Именно! – я обрадовался, почувствовав, что дело, наконец, сдвинулось с мёртвой точки. – Жители Лемурии всегда следовали своей любознательности, в основе которой лежал тот же инстинкт самосохранения, что и у вас. Только своим девизом они сделали слово «уметь», а не «иметь». Да, наши предки так и не начали обрабатывать землю, зато у них всегда было свободное время, которое...

– А, я поняла! – догадалась Полина. – Вместо того, чтобы работать в поле, они развивали сверхспособности!

– Ну, не все сразу, но, в общем, да! – ответил я и почувствовал облегчение. Мне раньше не приходилось прилагать столько усилий, чтобы кому-то что-то объяснить! – Хотя почти всё, что умеем мы, заложено Природой и в людях. Современный homo sapiens использует, в лучшем случае, пятую часть мозга – остальное безнадежно подавлено, законсервировано и почти атрофировалось, так же как у лемурианцев атрофировалась способность испытывать страх.

Полина, наконец, нащупала связь между приобретением сверхспособностей и утерей чувства страха:

– Если умеешь всё, что можете вы, ничего и не нужно бояться!

– Совершенно верно, – подтвердил я. – Мы считаем, что как раз наша эволюция и стала причиной утраты гена страха, хотя, конечно, на раскрытие полных возможностей нашего мозга ушло не одно тысячелетие. Homo sapiens и homo liberatus выбрали разные точки приложения своих усилий.

Подавив короткий завистливый вздох, Полина спросила:

– Интересно, как всё началось?

– Это-то нам хорошо известно! – ответил я, воодушевляясь её пониманием. – Вначале наши предки дошли до осознания симбиоза – взаимодействия и взаимозависимости всего живого – и это случилось около миллиона лет назад. Они считали себя лишь малой частью единого огромного мира, в котором всё создано для поддержания жизнеспособности друг друга, а не взаимного уничтожения. Тогда островитяне ещё не знали о существовании других homo sapiens и другого пути.

– А на охоту вы разве не ходите? – Полина думала, что это каверзный вопрос.

– Мы не охотимся уже много тысяч лет. На заре своего существования homo liberatus были мясоедами, но, осознав свой глубокий симбиоз с животными, поняли: нельзя рубить сук, на котором сидишь. Например, охота на птиц означала уничтожение санитаров леса, в котором мы живём – то есть нарушение баланса в собственном доме. Справедливости ради надо сказать, что заменить мясо на острове Лемурия было несложно, так как еда произрастала вокруг в изобилии. Отказ от питания трупами имел ещё один замечательный побочный эффект: тяжёлая энергия смерти постепенно покинула тела homo liberatus, и тогда выяснилось, что наши возможности лежат значительно дальше гипноза и телепатии.

Заговорив о пище, я вдруг понял, что мы оба умираем от голода.

– Ты есть хочешь? – вопрос, конечно, был риторическим, потому что я легко считывал биологическое состояние собеседницы. Полина, уже довольно долго игнорировавшая урчание у себя в животе, кивнула с энтузиазмом. – И что тут растёт съедобного?

– Сейчас? – удивилась девочка и развела руками. – Ничего! Сейчас весна. Вот летом бывают разные ягоды, а осенью грибы, лесные орехи и райские яблочки, маленькие такие... можно даже жить в лесу... – мечтательно добавила она. – Рыбу ещё можно ловить, – и Полина указала на мужчин с удочками, хихикнув при виде гримасы отвращения на моём лице. – Ну да, вы же не едите трупов!

– Континентальный климат – это совсем не удобно, – подумал я вслух. – Неудивительно, что люди боятся остаться без припасов... А на Лемурии можно жить в джунглях круглый год, не заботясь о пище.

– Надо бы сбежать домой и принести чего-нибудь, но... – и Полина запнулась. – Скоро стемнеет, и вряд ли мама разрешит мне выйти из дома аж до завтра!

– А не нужно никуда идти. Сейчас разберёмся, – пообещал я. – Закрой глаза и представь, что ты дома.

Заинтригованная, Полина послушно опустила ресницы и стала усиленно думать о квартире, в которой жила с родителями, и ждать, что будет. Войдя в её воображение, я увидел комнату-коробку, находившуюся внутри ещё большей коробки – здания, выстроенного из искусственных камней правильной прямоугольной формы – кирпичей. Пол был покрыт узкой ковровой дорожкой, и в углу над кроватью тоже висел толстый с причудливыми узорами ковёр, в котором весьма вольготно обитал многообразный микроскопический мир. Напротив кровати стоял большой старый шкаф для одежды, а у окна располагался стол, за которым Полина обычно делала домашние задания. Стена над столом была завешена полками, в свою очередь, заставленными человеческими носителями информации – книгами. Конечно, мне хотелось рассмотреть всё получше, но чувство голода сильно отвлекало. В комнате никого не было. На столе я увидел большую тарелку с орехами, свежими и сушёными фруктами и чем-то вкусно пахнущим, завёрнутым во влажную бумагу. «Этого будет вполне достаточно», – подумал я. Усилие воли – и угощение материализовалось перед нами на траве. Полина захлопала в ладоши:

– Здорово! Это мама всегда оставляет мне на полдник, – и добавила, состроив важную гримасу, передразнивая учительский тон матери: – Чтобы я «не забывала кушать витамины». Хотя полдник я уже прогуляла. Налетай!

Я стал брать с тарелки очищенные от скорлупы маслянистые ядра орехов, напоминавшие своей формой человеческий мозг. Жуя, я указал на вкусно пахнущую мягкую белую массу, завёрнутую в тонкую бумагу:

– А это что?

– Это сладкий сырок. Творожный.

– Из чего он?

– Э-э-э... из молока. Там ещё есть сахар и ваниль, я думаю. Попробуйте.

Предвкушая встречу с первой за многие годы созданной человеческими руками пищей, я с любопытством оттянул края обёртки, пальцами отщипнул кусочек сырка и положил в рот. Вкус творога был мне знаком с раннего детства, но смесь, попавшая мне в рот теперь, была настолько отвратительной, что я тут же выплюнул:

– Фу, гадость! Какое сладкое!

Полина тоже отломала кусочек, попробовала и в недоумении пожалала плечами:

– Да нет, обычный сладкий сырок... ну, даже не очень сладкий...

После такого вкусового шока есть вообще расхотелось. «Позже что-нибудь придумаю», – решил я и, пока моя сотрапезница приканчивала свои витамины, продолжил рассказ:

– Так вот, постепенно лемурианцы овладели тем, что вы называете сверхспособностями. За осознанием симбиоза с другими видами последовала телепатия. Мои предки легко научились общаться без слов на малом, а потом и на большом расстоянии. Это оказалось весьма полезным умением, ведь большинство *homo liberatus* по натуре одиночки. Каждый из нас способен выжить без помощи себе подобных. Многие так и делают. Почти одновременно с телепатией мы научились гипнотизировать животных и казаться им невидимыми...

– А для людей вы тоже можете быть невидимками? – с набитым ртом поинтересовалась девочка.

– Это даже легче, чем с животными! Ведь звери различают нас ещё и по запаху, а люди – нет, почти никто, – покосившись в сторону рыбаков, я исчез с глаз своей новой знакомой всего на пару секунд – и снова появился в той же позе.

– Ух ты! А гипнотизировать? – воскликнула Полина, но, вспомнив какую-то передачу из телевизора, тут же добавила: – Хотя это глупый вопрос. Даже некоторые люди это умеют.

– Да, с людьми довольно просто. К тому же у вас очень богатое воображение, которое можно использовать во время гипноза.

– А друг друга? – не унималась девочка.

– Смотря что называть гипнозом, – неопределённо ответил я. – Навязать чью-то волю лемурианцу невозможно, если только он сам не решит следовать за лидером. Кстати, опять же, такие негипнабельные есть и среди *homo sapiens*. Возможно, и ты принадлежишь к их числу, – начал я подготавливать почву.

– Правда?! – с восторгом воскликнула Полина, совсем не понимая, какую ответственность налагают как её способности, так и само происхождение.

– Там видно будет, – уклончиво ответил я и быстро переменял тему. – Когда мои предки научились концентрировать и направлять энергию, качество их жизни улучшилось. Ведь оно напрямую зависит от энергии. Каждый *homo liberatus* может приготовить пищу без огня и вылечить свой или чужой организм без помощи каких-либо приспособлений или снадобий.

Мы не знаем болезней и живём в среднем пятьсот лет. Хотя, возможно, я проживу только триста...

– Как грустно, – серьёзно проговорила Полина. – Почему же не пятьсот?

Меня рассмешило наивное разочарование в голосе школьницы:

– Потому что я родился от женщины homo sapiens. Но не забывай: всё же это далеко за пределами продолжительности жизни обычного человека! По земным меркам, теперь мне сорок пять, а в пропорции я даже чуть моложе тебя – и это с расчётом всего на триста лет!

Полина схватила палочку и начала чертить на земле вычисления. Потом лучезарно улыбнулась и радостно засмеялась.

– Выходит, мы почти ровесники? Можно перейти на «ты»?

– Ну, в некотором смысле... и да, разумеется, можно.

Конечно же, в свои сорок пять я, во всех отношениях, оставил пубертат в прошлом. У меня всего-навсего больше времени, чтобы радоваться жизни, учиться и совершать что-либо важное вроде моей миссии. В отношении же Полины это значило, что наша разница в возрасте, довольно большая по человеческим меркам, была ничтожна по лемурианским, так что меня очень обрадовало и немного удивило то, как легко она переосмыслила субординацию. У нас людей считают существами консервативными. Хотя, конечно, эта девочка и не совсем homo sapiens...

– Ты уже видела телепортацию – и, на сегодняшний день, это высшее достижение нашего вида, хотя и этому мы научились ещё до возникновения древнеегипетской цивилизации...

Тут Полина перебила меня, вспомнив о главном:

– А как же вы оказались на другой планете?

– Это случилось совсем недавно, незадолго до моего рождения. Открытие и использование людьми радиоволн стало угрожать тайне нашего существования. Над океаном начали летать самолёты, всё больше кораблей стало попадать в зону энергетической защиты нашего острова. Если бы люди рассекретили существование homo liberatus, они бы сделали всё для превращения нашего свободного народа в инструмент достижения своих, так называемых великих, целей, на самом деле порождаемых страхом, агрессией и жаждой власти.

– Как же так получается, что вам пришлось спастись бегством? – изумилась Полина. – Ведь вы намного сильнее людей!

– Это правда в отношении людей самих по себе, как биологического вида – но технический прогресс, если ещё и не сравнял наши возможности, то когда-нибудь сделает это. К тому же нас всего несколько тысяч, и мы не используем наши силы ни для убийства, ни для подчинения кого-либо, в то время как чуть ли не половина человеческих изобретений предназначена

именно для таких целей. Так что наше духовное преимущество могло оказаться слабостью. Оракулы Лемурии в один голос предсказывали скорое порабощение и призывали бежать, – я решил не сообщать девочке-подростку, что неуёмное стремление homo sapiens делать Природу и друг друга инструментами наживы было причиной не только исхода моей расы с планеты Земля, но и моего возвращения сюда. Поэтому я ограничился тем, что сказал: – Не было смысла искать другое место на Земле, потому что очень скоро изобретённые людьми технологии окажутся повсюду. Астрально путешествуя во Вселенной, мои собратья лет за десять отыскивали похожую планету и, назвав её Новая Лемурия, поселились там в подходящей для нашего образа жизни климатической зоне. Это сравнительно молодая планета, и мы надеемся превратить её в более гармоничную версию Земли...

– Новая Лемурия, – эхом повторила Полина. – А какая она?

Я посмотрел на девочку и, заговорщицки подмигнув, ответил:

– Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать – так ведь у вас говорят? – у Полины округлились глаза, а я, выставив ладонь в комически-защитном жесте, закончил со смехом: – Ну-ну, спокойно! Я ничего не обещаю! Многое будет зависеть от того, захочешь ли ты освоить кое-какие из наших умений – а для этого потребуется много усилий. Очень много!

– А что, этому можно научиться? – не веря своим ушам, возбуждённо воскликнула девочка.

– Я же говорил, что все способности заложены и в homo sapiens, – ответил я, не вдаваясь в подробности о дальнем родстве своей собеседницы с нашей расой. До выполнения хотя бы первой части миссии я вообще не мог никому ничего обещать. – Но сначала я должен наведаться в нашу колонию.

– На Лемурию? – осторожно поинтересовалась Полина. Я не мог удержаться, чтобы не подразнить её:

– Совсем не знаешь географии, да?

– Знаю! – обиженно возразила девочка, которая географию любила как раз больше всех других школьных предметов. Она мечтала увидеть весь мир. – Знаю! Потому и спрашиваю. Что-то я не помню такого острова!

– Ну, ладно, ладно, не дуйся, – и я пожал её прохладные пальцы. Полина инстинктивно отдернула руку, но тут же и пожалела о своей реакции. А я, не форсируя событий, продолжал: – Двести тысяч лет назад, когда началось подводное землетрясение, древний остров Лемурия затонул. Его нет на географических картах потому, что его вообще больше нет.

– Вот оно что! – выдохнула девочка, одновременно с облегчением и раздосадованная тем, как легко я её провёл. – Где же вы жили всё это время?

– Благодаря глубокой связи с Природой острова, мои предки предвидели гибель Лемурии и заранее нашли себе новый дом. К тому времени они уже

умели телепортировать на очень дальние расстояния, и первые признаки катастрофы – подземные толчки – заставили лемурианцев задуматься о всеобщем переселении из Индийского океана в Атлантический. Homo liberatus остановились на одном из островов в центре Бермудского Треугольника, который моему народу до сих пор удавалось скрывать от homo sapiens.

– То есть тайна Бермудского треугольника...

– Это мы. До самого начала Первой Мировой войны этот остров был нашим домом, а после общего переселения на другую планету на нём всё ещё остаётся небольшая колония. Лемурианцы так и не смогли окончательно распрощаться с Землёй.

– А что случилось с людьми, пропадавшими в Бермудском Треугольнике? Я вздохнул. Это была большая тема.

– По горькой иронии, homo liberatus оказались невольными тюремщиками неудачливых путешественников, которых нельзя отпускать. Поверь мне, никто этому не рад, но рассекречивание нашей колонии было бы равносильно её уничтожению.

Уже почти совсем стемнело и очень похолодало. Полина огляделась вокруг, словно очнувшись от сна.

– Теперь мне точно пора домой, а то мама будет волноваться, – при мысли о матери девочка, вдруг и сама разволновалась так, что её пульс участился почти вдвое. Это показалось мне немного странным, а она спросила, поспешно поднимаясь с травы: – Что ты собираешься делать? Можно переночевать в гараже. Папа в командировке, а мама туда никогда не заходит.

– О, нет! Только не в гараже! – я даже фыркнул от отвращения при мысли о соседстве с вонючими «Жигулями». – Буду спать на природе.

– На холоде?

– Мне не будет холодно, не волнуйся. Воспользуюсь своими возможностями, – и я подмигнул Полине. – Лучше давай заброшу тебя прямо в твою комнату, а то ты уж слишком переживаешь. Я теперь знаю, где это.

– А это не больно?

– Не думаю. Давай руку!

Девочка доверчиво протянула мне розовую ладошку, но тут же отдернула её и задала вопрос, который до сих пор как-то не приходил ей в голову:

– А зачем ты вообще прилетел на Землю, вот теперь?

– Ну-у... во-первых, я всегда хотел побывать в Хатыни, где родился... но только недавно научился межпланетной телепортации – и сразу сюда.

– А во-вторых? – не отставала Полина.

– А во-вторых, у меня на Земле есть очень важное дело.

«Интересно, какое?» – подумала девочка, но спросить постеснялась.

– Лучше тебе не знать, – улыбнулся я, добавив про себя: «Слишком тяжелая ноша для юного ума».

Полина недовольно надула губки и подумала, что, возможно, завтра у неё получится выпытать у меня побольше. А я опять ответил на её мысли:

– Нет, не получится. Мы увидимся, но не завтра. Пройдёт время... и я не могу тебе точно сказать, сколько времени.

Девочка раздосадовано выдохнула:

– Хватит подслушивать у меня в голове! – она снова протянула мне ладонь и несмело спросила: – Мы точно ещё увидимся? – да с такой отчаянной надеждой, что у меня защемило в груди от нежности.

– Конечно, милая! Мне нужно некоторое время, но я обязательно к тебе вернусь, – произнося это обещание, я погладил её ладонь – и меня одарили вопросительным взглядом женщины. Ведь Полина не могла читать мои мысли и не знала, как я был околдован её глазами и как они пробудили во мне ту самую вечную любовь, о которой сложено столько легенд и о которой большинство представителей обеих рас лишь мечтает...

Через минуту школьница, ошарашенная первой, но далеко не последней в своей жизни телепортацией, сидела за столом в комнате перед прихваченной с берега пустой тарелкой. Ещё через минуту дверная ручка повернулась – я едва успел исчезнуть из виду – и в комнату вошла мать девочки. Её глаза округлились при виде Полины.

– О боже, ты дома?!

– Да, мам, спасибо за полдник! – приторным голоском прощепетала дочь, демонстративно облизнулась, показала пустую тарелку и лучезарно улыбнулась, подумав: «Вот это повезло! Хорошо, что мама не вошла, когда мы появились!»

– А я была уверена, что тебя ещё нет! – начала ворчать сорокалетняя дама. – Сижу на кухне, волнуюсь. Когда ты явилась?

– С полчаса назад, мамочка. Я решила тебе не мешать, – выкрутилась девочка. – Вот, уже и с витаминами покончила. Спасибо! Я только что всё это съела и ужинать уже не хочу. Пойду отнесу тарелку на кухню.

Чмокнув ошарашенную мамашу в щёку, Полина увела её из комнаты, давая мне возможность исчезнуть по-тихому.

– Никогда больше так не делай! – не унималась мать, слегка преувеличивая степень своего беспокойства. – Совсем распустилась, пока отец мотается по командировкам...

Спать в белорусском лесу, где весенняя ночь и вправду обещала быть прохладной, мне вовсе не хотелось, но и отправляться в Бермудскую колонию, не придя в согласие со своим не на шутку разбушевавшимся сердцем, тоже не стоило. Конечно, лемурианцы всегда поддерживают тех, кто оказался перед трудным выбором, так как его преодоление – это единственный путь к обретению мудрости и гармонии, особенно во время первого столетия жизни. Но несмотря на это, являться к малознакомым бермудским колонистам при моем нынешнем состоянии души казалось мне чуть ли не дурным тоном, поскольку мои смятение и сомнения стали бы очевидными благодаря телепатии. Там ведь ждали, верили в меня, а я...

Было предсказано, что я сумею освободить планету наших предков от вампиров – homo sapiens, паразитирующих на энергии Природы и себе подобных. Для лемурианцев моё возвращение знаменовало начало этой, пожалуй, самой важной в истории человечества миссии – и под человечеством подразумевались оба наших вида. Отправляясь на Землю, я считал, что готов начать действовать, но внезапно вспыхнувшая любовь к девочке-подростку застала нового мессию врасплох, выбила из колеи, привела в замешательство – словом, парализовала во мне героя. Так что до того, как начать спасать Природу Земли, требовалось спасение моего смущённого ума. Больше, чем когда-либо, я нуждался в уединении. Лишь оно позволяет навести порядок в нашем главном доме – собственной душе. В конце концов, каждый сам решает, обратиться ему к опыту собратьев или искать ответы, сливаясь в медитации с одной Природой.

За уединением я отправился на один из островов Бухты Халонг на дальнем востоке азиатского материка. Её влажный тёплый климат и изобилие там растительной пищи напоминают уголок Новой Лемурии, где я вырос. Симон, мой отец, любил бывать в Бухте Халонг даже больше, чем на Бермудах, да и вообще многим из наших здесь нравилось как до, так и после переселения на далёкую планету. И только вездесущность не в меру расплодившихся местных жителей, а позже с каждым десятилетием прибывавших туристов не позволяла перенести нашу колонию в этот благодатный уголок Земли. Вместе с отцом мы много раз заходили сюда астрально, и я точно знал, где искать похожее на гнездо сооружение на дереве, приспособленное нашими специально для таких вот одиноких вылазок. Эта хатка, затаившаяся в непролазной гуще тропической листвы, почти всегда пустовала, на протяжении многих десятилетий скрытая от людей и животных маскирующим энергетическим куполом. И теперь, оказавшись в ней в физической действительности, я сбросил надоедливую человеческую одежду и наслаждался влажным теплом пропитанного морем воздуха. Мне очень понравился вкус незнакомых местных фруктов,

несколько видов которых я на скорую руку собрал неподалёку. Покончив с едой, я, наконец, крепко уснул на дне «гнезда», устеленном мягкой подстилкой из сухой травы. Уснул, несмотря на полуденное солнце. События этого казавшегося бесконечным дня так меня вымотали, что я проспал почти целые сутки.

Лишь на следующее утро я сумел по достоинству оценить красоту этого места. Дерево, на котором располагалось «гнездо», было довольно высоким и к тому же росло на холме, так что прямо из хатки можно было увидеть почти весь остров. Густые джунгли подо мной казались морем, переливавшимся сотней оттенков сочной живой зелени, а дальше, за пределами острова, царила настоящая водная стихия. Из её капризной бирюзовой ряби выступали шипы известковых островов, словно стая расположившихся на отдых неуклюжих гигантских рептилий. Как же, наверное, грустно было моему народу покидать это великолепие, оставляя свою чудесную родину непутёвым братьям, гораздо менее заслуживавшим таких вот щедрых красот Земли! Природа планеты Новая Лемурия тоже благодатна, но всё же она скромнее земного тропического буйства. А может, это просто тосковала моя человеческая душа?

Я *homo liberatus* только наполовину, хоть и привык считать Новую Лемурию своим домом. Любовь между лемурианцем и человеком сама по себе не редкость, но вот смешанные дети рождаются нечасто – только когда лемурианец сознательно этого пожелает. Отпрыски, всё-таки появившиеся на свет, остаются жить среди людей, потому что просто не способны разделить наш образ жизни. Почти все они наследуют самый доминирующий у человека разумного ген, который блокирует использование полного спектра унаследованных от нашего вида возможностей. «Первородный страх» заставляет живое существо сознательно или нет направлять чуть ли не всю свою энергию на заботу о безопасности.

Я родился без гена страха и за последние два тысячелетия был единственным, кого забрали на Новую Лемурию. После мальчика по имени Иисус. Моё появление было предсказано сразу несколькими лемурианскими провидицами, и Симон, как когда-то Гаврил, почти сто лет блуждал по Земле в поисках женщины, в которой текла бы кровь и *homo sapiens*, и *homo liberatus*. Только так можно было надеяться, что ребёнок родится без страха, но всё же сохранит способность чувствовать, как люди. За время странствий отец хорошо изучил *homo sapiens* и узнал, на какие подлости те готовы, движимые страхом, а на что из-за него же почти никогда не решаются. Симон встретил нескольких девушек, отдалённо связанных с лемурианцами кровными узами, но он не мог обещать им того, что ищут земные женщины:

защиты и крепкой семьи. А брать силой или увлекать обманом нам претит, как и самой Природе. Такой поступок сделал бы отца изгоем.

Наконец, Симон увидел Полину. Остановился, чтобы восполнить силы в благоухающей земляничной белоствольной роще, как раз когда моя будущая мать собирала там целебные травы. Она была статной русоволосой красавицей и, даже несмотря на зрелый возраст, сохранила оттенок ауры, выдающий кровное родство с homo liberatus. В деревенской травнице удивительным образом сочетались женская страсть, безграничная доброта и смелое спокойствие, необычное для человека, занимавшегося «ненаучной» практикой в то отличавшееся нетерпимостью время – кажется, всё это и покорило моего отца. Симон и Полина сошлись в редкой гармонии, какая даже в мире людей не требует слов. Их любовь вспыхнула, как измождённая солнцем трава, и завертела жарким вихрем, сделав не способными оторваться друг от друга.

Тридцатилетняя бездетная вдова не беспокоилась ни о своём будущем, ни о том, что скажут в деревне о её явившемся неизвестно откуда черноглазом любовнике. Соседи решили, что Симон отбил от вечно странствующего народа, и, посмеиваясь, за глаза судачили, что, мол, колдунья приворожила цыгана и что они два сапога пара. На самом деле, эти толки были недалеко от истины, ведь цыгане – самые близкие родственники homo liberatus и даже внешне они похожи на нас. А светловолосая Полина... от далёкого лемурианского предка она унаследовала обострённое чутье и умение «слышать» растения. Днём она работала в колхозе, а в свободное время лечила заговорами и травами, причём помогала лучше фельдшера из деревни побольше, что по соседству. Фельдшер её, конечно, презирал и считал шарлатанкой, но травница совершенно ничего не брала за помощь односельчанам и посетителям из округи, так что местное начальство не имело повода трогать одинокую женщину, тем более что никто лучше Полины не умел успокаивать животных на колхозной ферме.

Вскоре после моего рождения началась война. Отец, конечно же, в неё не ввязался, не встал ни на чью сторону. Для homo liberatus убийство – преступление против Природы, которому не существует оправдания. Он оставался с нами в Хатыни, гипнозом морочил головы «своим» и «чужим» и отлучался лишь три раза в год. Гибель моей матери была предсказана. Скрывая от неё неизбежное, Симон ценил каждое мгновение, которое проводил с любимой, в тайне надеясь обмануть судьбу. Я не виню его за опоздание всего на несколько часов, потому что он не мог точно знать, как и когда всё произойдёт. Но вот за то, что он отказывался помочь мне забыть... Каждый день своей жизни я помнил тяжесть опавшего на мою спину тела мамы, уже начинавшего холодеть среди дотлевающих брёвен

того сарае – помнил так ясно, словно всё это случилось вчера. Я снова и снова переживал последний день самого близкого мне существа и родной деревни. Эта боль не утихает, а, наоборот, усиливается с годами. Она не даёт мне обрести свойственное homo liberatus душевное равновесие!

– Используй свою гипнотическую силу! – умолял я отца. – Ведь ты же научил меня всему, что я умею, а сам умеешь намного больше...

Но ответом неизменно был его взгляд, уводивший мысли в такую бездну, что обрывки моих детских воспоминаний о трагедии начинали казаться лишь невинными клочками облаков над этой пропастью печали.

– Прости, сынок, но тебе придётся залечивать душевную рану более сложным путём. Так решило *Единение*. Эта боль делает тебя способным к твоей миссии, – напоминал Симон вслух. – Я верю в тебя и всегда буду рядом, – а думал он о том, что для исцеления ему пришлось бы заставить меня забыть её, но отец и сам ни за что не променял бы тоску по своей погибшей любви на белое пятно забвения. Это было бы всё равно, что ампутировать кусочек собственной души. И ещё эта общая потеря прочно связывала нас, так что отец слышал мои мысли даже сквозь межпланетное пространство.

Как и все лемурианцы, Симон не умел лукавить. Я рано узнал, что мне суждено вернуться на Землю, и что только мои боль и гнев – чувства, редко посещающие homo liberatus, – станут залогом выполнения миссии, которая, в свою очередь, послужит началом новой эры на Земле. Сам же он и подготовил меня к первому путешествию. Выходит, спасти миры можно лишь через жертву и страдание? Иисус страдал телом, а я обречён страдать душой... Был ли я на это согласен? В юном возрасте, пока от начала миссии меня отделяли годы, я даже по-детски гордился таким предназначением и до самого своего возвращения на Землю не видел другой стези. Но вот теперь оказался на распутье – потому и сбежал на эти вьетнамские острова вместо того, чтобы сразу приступить к миссии.

Вдыхая теплые влажные запахи джунглей, бродя по поскрипывающему под ногами белому песку пляжей, перемещаясь между самыми безлюдными уголками островов, я тянул время, потому что чувствовал, что моя душа как-то смягчилась. Гнев превратился в ноющую боль, как от занозы, о которой забываешь, когда появляется более неотложное дело. Зеленоглазое чудо, первым явившееся мне на Земле, притушило мощь запала, с которым я сюда отправлялся. Чистое, словно сверкающие озёра Новой Лемурии, чувство к девочке-подростку нейтрализовало желание посмотреть в лицо убийцы моей матери, сжигавшее мне сердце все эти годы. Когда обретаешь редкий дар любви – лучшее, что может произойти с живым существом – хочется радоваться и радовать, а не мстить. Миссия даже начала казаться мне

глупостью и не таким уж важным и нужным делом – ведь она не касалась моего народа напрямую. Homo liberatus переселились на другую планету ещё до моего рождения, и освобождение Природы от вампиров было нужно в первую очередь людям, которые сами же эту Природу и разрушают. С другой стороны, я жаждал быть рядом с Полиной, мечтал научить её использовать унаследованные от наших общих предков способности, о которых она пока не подозревала, – а любимая жила на этой планете... В общем, я всё больше запутывался в собственных мотивах.

Даже предпринял астральное путешествие обратно на Новую Лемурию, чтобы обратиться к отцу за советом. Тот лишь покачал головой. «Неоконченное дело отравляет душу», – вот всё, что ответил мне Симон. Заставить homo liberatus в принципе невозможно: чувство долга у нас неотделимо от доброй воли. Кроме того, я не мог не услышать и сомнения отца. Его горечь в отношении предназначенной мне миссии ни для кого не была секретом, благодаря *Единению*. Лемурианцы разделяли чувство Симона, как могли, хотя большинство собратьев знали о самом существовании подобной эмоции лишь из нашего с отцом опыта. Возможно, то было моё последнее *Единение*.

Ещё со времён старой Лемурии трижды в год все взрослые homo liberatus сходятся на совместную медитацию, будто ручейки душ моего народа стекаются в одну большую реку, переплетаясь, обмениваясь своими потоками, чтобы после снова выплеснуться в великое море жизни. В это время возникает Единое Сознание – состояние, в котором чувства и знания одного становятся достоянием каждого. Так наши молодые получают доступ к опыту старших и быстро обретают мудрость. Так наш народ принимает решения без ущемления меньшинства. В *Единении* мы ощущаем все нужды и противоречия друг друга как свои собственные, мыслим и чувствуем как один человек, по определению желающий быть счастливым. Поэтому никто из нас не стремится навязать свою волю другим. Лемурианцы без сожаления делятся с нуждающимися соплеменниками всем – и получают то же, когда нуждаются сами. Мы не боимся потерять, отдавая. Мы не боимся – точка.

В нашем мире не требуется доказывать свою правоту. Для Единого Сознания конфликт интересов – то же самое, что и внутренний конфликт одного человека: обдумывая трудности, взвешивая все «за» и «против», мы приходим к балансу, а не компромиссу, и это у нас получается, потому что мы все одинаково хотим баланса. Заповедь «полюби ближнего как самого себя» пришла к человечеству от нас, но у homo liberatus это не фигура речи, а реальность, в которой каждый на время становится ближним и видит мир его глазами. Когда весь народ думает и чувствует, как один, ничья боль или радость не остаётся незамеченной, ничьи нужды не уходят на дальний план,

если только сам лемурианец не решит принести жертву. Как сделал Иисус. Как было предсказано мне. Медитация *Единения* длится не только часами, но и целыми днями и даже неделями. Зато путешествие по лабиринтам душ своего народа избавляет нас от необходимости писать законы. Единое Сознание принимает решение – и потом каждый живёт своей жизнью и делает, что нужно – вот и всё.

Быть частью Единого Сознания – наивысшее блаженство, духовное и физическое, но это и наша самая уязвимая способность. *Homo liberatus* не вливаются в Единение, пока не достигают глубокого понимания себя и мира, умения жить в гармонии. Баланс – закон Природы, а не людей, а Природа – не машина. Она, словно музыка – и система, и импровизация, бесконечные варианты вечно преобразующейся реальности – и лишь умеющий настроиться на её пассажи и следовать самым тонким знакам проявления её воли вступает с Природой в гармонию. Вот чему лемурианцы учат своих детей. А примерно годам к тридцати – но каждый в своё время – молодые люди, достигшие гармонии, начинают сами различать, что для Природы есть добро, а что зло. И тогда они слышат зов *Единения* и могут быть его частью. После вхождения в Единое Сознания раз обретенная гармония становится нужна как воздух, и если нарушишь баланс Природы, то потеряешь и гармонию – и перестанешь воспринимать зов. Станешь изгоем, необратимо, навсегда. Опыт многих тысячелетий подсказывает, что, по счастью, мысли никогда ничего не меняют – изгоями становятся лишь нарушив баланс действием. Видимо, поэтому я со своим гневом и жаждой мести всё ещё не изгнан из этого прекрасного целого.

Homo liberatus не судят и не наказывают – они полностью доверяют Природе. Это она отнимает у нарушителя баланса способность вливаться в Единое Сознание. Выпадение из *Единения* – очень редкое у нас событие. На моей относительно не долгой памяти не было ни одного подобного случая, но наши старожилы утверждают, что это настоящее несчастье, которое само по себе хуже самого болезненного наказания. Изгой перестаёт слышать зов, и даже добрые и чистые сердцем лемурианцы не могут любить как самих себя соплеменника, чья душа для них потёмки. Горько делается изгоя без благословенной гармонии. Навечно ограниченный своим собственным сознанием, он становится похож на *homo sapiens* и в конце концов сам уходит к себе подобным.

Поиск человека, командовавшего уничтожением Хатыни – убийцы моей матери и односельчан – должен был стать первым шагом в избавлении планеты Земля от вампиров. Будучи лемурианцем лишь наполовину, я совсем не был уверен, что смогу пощадить чудовище, вампира или нет, отдавшего приказ поджечь *тот* сарай. А когда я отыщу и обезврежу этого

одного, как придётся поступать с другими, подобными ему? Хотя вампиры и являются главными нарушителями природного баланса Земли, было неизвестно, простит ли Природа физическое уничтожение хотя бы одного из этих её порождений. Сами homo liberatus считают, что лишение кого-либо жизни из мести разрушает гармонию не меньше, чем убийство по любой другой причине, так что никто не знал, смогу ли я снова испытать радость *Единения* после того, как исполню пророчество. Вероятность стать изгоем в ходе моей миссии была так высока, что на Новой Лемурии меня уже жалели, хотя и старались всячески поддерживать и ободрять. А я перед перемещением на Землю мысленно простился с *Единением*.

Глава 3. Молчание могил

Да, я тянул время. Образ Полины то и дело возникал перед моим мысленным взором, ведь она ждала моего возвращения каждый день – я слышал это даже с противоположного конца азиатского континента, а оторваться, отрешиться от её мыслей не то не мог, не то не хотел. Любовь стояла между мной и миссией – или это миссия стояла между нами с Полиной?

Я не знал, как долго продлятся поиски *моего* вампира. Ни лицо, ни имя палача, отдававшего команды карателям в день гибели Хатыни, мне известны не были, но это определённо был тот, кто сумел избежать положенного у homo sapiens наказания за своё преступление. Другими словами, мерзавец был ещё жив. Ненадолго, если пророчество верно. Я понимал, что, скорее всего, совершу убийство, встретив палача моей деревни лицом к лицу. Последствия этого мне были неведомы, потому что на протяжении нескольких сотен лет никто из лемурианцев не отнял ни единой жизни. Став изгоем, придётся жить на Земле, и тогда мы с Полиной сможем быть вместе всегда... но полюбит ли она человека, запятнавшего руки кровью? И тогда не лучше ли будет, чтобы эта неискушённая душа вспоминала о нашей мимолётной встрече лишь как о невероятном приключении, похожем на одну из её детских фантазий? Пробудить, надежды в совсем юной девушке, чтобы потом их обмануть? На это я пойти не мог и ещё сильнее утвердился в решении отложить нашу новую встречу до времени, когда моё собственное положение прояснится. В общем, нужно было действовать.

И вот я оказался ровно на том самом месте, где деревенская травница произвела меня на свет. Теперь здесь царил камень.

В утреннем безмолвии раздался надрывный в своём одиночестве металлический звук, эхом разлетелся по полю, отозвался холодным ознобом в моих плечах и задержался в горле тяжёлым комом. Я помнил, как трёхлетним карапузом топал по пыльной деревенской улице босыми ножками, держась за руку роскошной красавицы-матери. Я помнил живую изгородь, тёплые бревенчатые дома и нескончаемый плетень, на котором соседки вывешивали проветрить одеяла. Но в *тот* день деревянные дома и изгороди сгорели дотла, и лишь кирпичные трубы печей остались торчать над пепелищем, словно руки мирных селян простирались из-под земли в отчаянной мольбе.

Двадцать шесть лет печные трубы никто не трогал, а потом архитектор заменил их на двадцать шесть тонких гранитных столбов, увенчанных небольшими колоколами. Эти символические дымоходы возвышались над двадцатью шестью закатанными в камень и огороженными барьером прямоугольниками – символами двадцати шести сожжённых домов. Чёрные таблички на столбах сообщали посетителю имена жильцов, выгнанных в *тот* день из своих домов на улицу и сгоревших в *том* сарае. Каждые пять минут звук единственного унылого удара тягостной слезой срывался с одного из колоколов, жутковато растекаясь по безмолвным лесистым окрестностям. Дабы не позабыть о трагедии, люди построили *мемориальной комплекс* на месте уничтоженной вампирами Хатыни.

А на окраине деревни, где стоял наш, двадцать седьмой дом, было пусто и зеленела молодая травка, ничего не подозревающая о ненасытном пожаре сорокалетней давности. Я узнал берёзу, ровесницу моей матери, росшую когда-то прямо за нашей калиткой. Она каким-то чудом выжила и так и стояла в полном одиночестве, грустная и постаревшая, молчаливо храня секрет самого существования травницы Полины, воспоминание о которой Симон и его подруга Мина предусмотрительно изъяли из ментального пространства землян. Поэтому на месте нашего бывшего дома и не было ни отшлифованного человеческой рукой гранита, ни колокола.

До своего приземления я пару раз побывал в Хатыни астрально и мог бы нарисовать точный план парка-кладбища, в который превратилась моя родная деревня, но во время таких путешествий мы не способны ни слышать звуки, ни осязать. Мне тогда представлялось, что это берёза моей мамы, и я мысленно называл её Полиной, как маму. Наконец-то я смог погладить рукой нежную белую кору, и ощутить тёплую шершавость чёрных древесных прожилок. Прижаться щекой, как когда-то в детстве прижимался к её плечу. Я слишком хорошо знал, что в этой берёзе нет даже малой

Полининой частицы: на земле останки умерших кладут в ящики и закапывают поглубже. Зачем? Это плод извращённого представления людей о жизни после смерти. Или, может быть, так они защищаются от страха смерти, поглубже пряча покойных и придавив их нещадно обтёсаным и потому тоже мёртвым камнем, видимо, для верности.

На Лемурии сжигают тела окончивших своё биологическое существование соплеменников и в смешанную с пеплом почву сажают молодое дерево, создавая таким образом новое пристанище для астрального тела – души. Мы можем общаться с предками и знаем: смерти нет, а есть лишь другая форма жизни, а потому наше кладбище – сад, где все деревья имеют имена. Редкие *homo sapiens* так поступают, поэтому совсем немногие из них не уходят в небытие. Может быть, Земля и теряет душу столь стремительно потому, что даже рождение всё большего числа молодых не способно возместить потерю накопивших мудрость предков... А здесь даже нет отдельных могил. Всех сгоревших в *том* сарае сложили в братскую, под одну огромную гладкую плиту. Так что травница Полина исчезла окончательно вместе с остальными.

Начали прибывать группы. Я следовал то за одной, то за другой. Что я хотел услышать? Для меня в этой истории было много белых пятен. Сам я помнил лишь поток оглушавших меня душераздирающих криков, вонь горелого мяса и дыма, мощные, исходившие от людей волны ужаса, сбивавшие с ног и устремлявшиеся из *того* сарая по направлению к палачам. Для мало что понимавшего малыша, рождённого без страха, всё это казалось бессмысленным. Я просто был удивлён и шёл за всеми, а когда мать нависла надо мной, встав на четвереньки, и угасающим голосом прохрипела: «Сиди тихо!», снова очень удивился, но послушался, как обычно. То были её последние слова, но и этого я тогда не понимал.

Потом, на Новой Лемурии, когда я, наконец, осознал, что навсегда потерял её, тоска по матери на какое-то время полностью поглотила моё маленькое сердце, и только спустя пару биологических лет я начал задавать вопросы. Версия Симона, бывшего частью мира без страха, а следовательно, без жадности, ненависти, идеологий и войн, была проста: «Твоя мать погибла от рук вампиров». И это было правдой с точки зрения физики, но в мире людей вампиры скрываются под тысячами масок. Об их хитрости и жестокости я знал лишь в общих чертах, а этого не было достаточно даже для осмысленного первого шага, не говоря уже об успехе миссии. Так что я решил воспользоваться моментом, и со слов водивших экскурсии работниц музея история гибели Хатыни впервые предстала передо мной в человеческой перспективе:

– Вечером 22 марта фашисты ворвались в Хатынь, прикладами автоматов подняли с постелей стариков, женщин и детей, выгнали на улицу и согнали в колхозный сарай, который потом заперли, обложили соломой и подожгли. Сарай был деревянный и сразу же загорелся...

– Обезумевшие от страха люди, стоявшие внутри сарая так плотно, что не могли пошевелиться, кричали, а дети задыхались в дыму и плакали...

– Двери сарая рухнули под напором тел – и люди ринулись наружу. Но там их ждали немцы с автоматами, получившие приказ не оставлять живых. Они расстреливали всех, кому удалось вырваться наружу...

– Вот эта каменная крыша находится как раз на месте, где был *тот* сарай... «Где погибла мама», – подумал я, – а рядом вы видите братскую могилу жителей деревни...

Печаль, словно вот эта самая каменная крыша, давила моё сердце. Значит, здесь, вместе с десятками других человеческих тел, сгнило и разложилось всё, что осталось от Полины, а душа её умерла навсегда, раздавленная серым камнем, как и души всех наших добрых соседей. Мне никогда в жизни не доводилось плакать, а теперь из глаз сочилась солёная жидкость, высвобождая из заточения горе, копившееся долгие годы. Вместе с горем моя энергия бесцельно утекала в атмосферу солнечного утра – а мне было всё равно, и было странно, что, несмотря на боль от разворошённых, роем налетевших воспоминаний, мне хотелось слышать больше. И я слушал:

– Всего в Хатыни погибло сто сорок девять человек

«Сто пятьдесят, – мысленно возразил я. – Никто не помнит о моей матери!»

– Из них семьдесят пять детей. А выжило пятеро детей и только один взрослый, – продолжала экскурсовод Оля. – Деревенский кузнец Иосиф Каминский потерял сознание от ран и ожогов, а, придя в себя уже после ухода немцев, начал искать выживших и нашёл своего сына Адама. Мальчик был тяжело ранен, он истекал кровью, живот ребёнка был прошит очередью, и из него вывалились внутренности, – при этих словах в сознании нескольких наделённых богатым воображением подростков тут же возникла иллюстрация: мужчина с изувеченным мальчиком на руках, едва переставляя ноги, бредущий меж догорающих развалин. И хотя эти подростки никогда не видели войны, не теряли близких от рук карателей, не слышали ни выстрелов, ни взрывов, их ментальные картины были до странности точны и похожи на те, что помнил я – вот это меня поразило больше всего! У некоторых школьников даже заныло в животах, и энергия их страха холодными струйками стала выходить наружу – так реально оказалось их переживание случившихся сорок пять лет назад ужасов. – Ребёнок скончался на руках у отца, – и тут девушка резко замолчала.

Каждый раз она, точно влюблённая в свою роль актриса, выдерживала паузу на этом месте, чтобы довести свою аудиторию до высшей точки сопереживания. Рассказ об Иосифе Каминском неизменно ошеломляюще действовал на посетителей, будь то школьники из соседней деревни или туристы из Европы. Для Ольги же эта работа не была игрой – внучка воевавшего в этих местах партизана, болела Хатынью и рассказами деда о подпольной борьбе с мучителями своей земли. Вчерашняя студентка исторического факультета знала, что делает правое дело, не давая порастить бильём горю своих земляков. Чтобы помнили. Чтобы не повторяли. Вот и теперь никто из следовавших за ней homo sapiens не смел проронить ни слова, и воцарившаяся в группе тишина слилась с застывшим безмолвием мёртвой деревни, нарушаемым лишь едва различимыми беззаботными птичьими голосами, доносившимися из леса. Очередной удар колокола с верхушки столба над нашими головами вспорол воздух, и все, включая ведущую, вздрогнули и невольно пригнули головы. Ольга указала на возвышавшуюся впереди огромную статую тощего старика в лохмотьях, держащего мальчика с безжизненно свешенными руками. – Вот эта шестиметровая скульптура в центре нашего мемориального комплекса называется «Непокорённый человек». Хотя она и представляет собирательный образ жителя деревни, история Иосифа Каминского легла в основу создания памятника. А сам Иосиф Иосифович умер в 1973 году. До самой смерти он жил недалеко отсюда в деревне Козыри. Говорят, он пешком приходил в Хатынь до конца своих дней, – закончила Ольга.

Как только она умолкла, ветер донёс до моего слуха слова ведущей другой группы, остановившейся неподалёку:

– Хатынь – лишь одна из шестисот белорусских деревень, уничтоженных фашистами во время Великой Отечественной войны. Жители ста восьмидесяти шести из них были сожжены заживо, как и жители Хатыни, а деревни эти, окончательно стёртые с лица земли, так и не возродились после войны...

Раньше я не знал этих подробностей. Потому что и Симон, единственный на обеих Лемуриях эксперт по Белоруссии, намеренно отказался вдаваться в них. После четырёх лет, прожитых в Хатыни, каждого погибшего в *том* сарае крестьянина он знал в лицо и по имени. Гнев, неминуемо вызванный мыслями о зверском убийстве вампирами всех этих людей, помешал бы отцу вырастить из меня настоящего лемурианца, научить меня всему, что освобождает homo libertus от необходимости испытывать страх. Именно это Симон справедливо считал своей главной задачей, своей собственной миссией – и запрещал себе думать о том дне.

Но постоит, если сто пятьдесят погибших жителей Хатыни умножить на сто восемьдесят шесть белорусских деревень..., то выходит, горстка вампиров убила людей больше численности всей расы *homo liberatus*! Или вампиров там было не так уж мало? А если посчитать всех погибших от войн на этой планете, хотя бы за последние сто лет? Что же ждёт человечество и планету Земля, если все населяющие её люди перейдут к такому вот извращению природного баланса? Откуда будет браться энергия, если все захотят отнимать её у других и копить, и никто не захочет отдавать?

Услышанное подействовало на меня отрезвляюще, и смягчавшая моё сердце любовь заняла надлежащее в жизни мужчины место – второе после миссии. Теперь я действительно был готов. Если есть хоть малейшая надежда на избавление человечества от монстров, подобных палачам Хатыни, пока не стало совсем поздно, то превратиться в изгоя – не такая уж большая плата за попытку. Да что там! Даже умереть стоило за то, чтобы трагедия Хатыни, не первая и не последняя в истории *homo sapiens*, перестала повторяться снова и снова, ужесточаясь на каждом новом витке!

Жители нашей бермудской колонии на каждом Единении сообщают, что всё больше *homo sapiens* предпочитают накопление разного рода энергии её обмену – то есть ведут себя как вампиры, но тому, кто вырос в мире гармонии, вообразить такое глобальное попиранье главного закона Природы просто невыносимо. Так что только здесь я впервые по-настоящему осознал серьёзность проблемы, а осознав, понял, что даже самому опытному *homo liberatus*, коим я в свои сорок пять, разумеется, не являлся, было бы не под силу справиться со всем вампирами Земли в одиночку. На помощь братьев мне рассчитывать не советовали. Хотя лемурианцы и жалеют *homo sapiens*, ценя всё прекрасное, созданное людьми и достойное быть спасённым, они не пожелали ввязываться в человеческие дразги, а просто сменили планету.

До сих пор раса, эволюционно опередившая тех, кто называет себя царями Природы, не верила в необходимость вмешиваться в дела царские, что было лейтмотивом чуть ли не каждого *Единения*. Мои братья считали бессмысленной трату драгоценного времени своей жизни на борьбу, которая людям нужна значительно больше, чем им. Эта миссия была определена мне и никому другому как раз потому, что ни у одного из живущих в гармонии *homo liberatus* не могло возникнуть такого же жгучего желания разобраться с вампирами, какое теперь испытывал я, лишённый гена страха, но всё же человек. Выходило, что без помощников из числа *homo sapiens* мне было не обойтись. Пока что это казалось трудной задачей, ведь я почти совсем не знал людей. Я был согласен с Симоном: нужно выбирать лишь тех, кто сознательно сохраняет верность Природе, то есть, как говорят люди,

«законам добра» – а это значило, что мне придётся посетить умы многих, чтобы выбрать нескольких достойных. И я стал наблюдать за доступными здесь и теперь экземплярами *homo sapiens* из экскурсионных групп.

– Далее за статуей «Непокорённый человек» вы видите кладбище деревень. Во время постройки мемориала наши волонтеры отправились по следам войны на места сожжённых поселений, из каждого привезли урну земли и установили рядом с названиями, высеченными в плитах из чёрного гранита. Так что это кладбище лишь символическое. Оно создано для того, чтобы мы с вами помнили об жестокости, проявленной немецкими захватчиками на нашей земле. А останки погибших жителей находятся в братских могилах, разбросанных по всей Белоруссии...

Экскурсоводы Нина, Юлия и Оля, местные жительницы, не понаслышке знали, что в округе не было ни одной семьи, не потерявшей родных в уничтоженных фашистами деревнях, поэтому они не сомневались в нужности своей работы. Но молодые женщины не знали самой войны, по сравнению с испытаниями которой любые их заботы должны были бы казаться ничтожными. И всё же довольно мелкие тревоги переживались ими с далеко не ничтожной силой.

Тридцатилетняя Нина беспокоилась о своей дочурке, которая не хотела ходить в детский сад: «Наверное, там её обижают другие дети, – думала мать, и сердце её начинало колотиться, а кулаки сжимались от обиды и гнева. – Надо поговорить с воспитательницей... А вдруг ребёнок начнёт болеть? Может быть, не стоило выходить на работу? Да, но зарплаты мужа нам едва хватает чтобы сводить концы с концами... А что скажет мама? Опять начнёт критиковать мужа? Я уже боюсь с ней разговаривать. Что же делать?» – и сердце Нины колотилось ещё сильнее от бессильного раздражения. Как можно бояться собственной матери, подумалось мне, но тут же я вспомнил волнение, испытанное Полиной из-за позднего прихода домой. Выходит, страх проникает даже в отношения самых родных и близких *homo sapiens*!

Мать-одиночка Юлия переживала за проделки десятилетнего сына-сорванца, но на самом деле она боялась директора его школы больше, чем последствий хулиганства самого мальчишки. Ведь этот строгий седой дядька занимал свой пост ещё когда сама Юлия была девочкой. Его боялись и взрослые, и дети, но мне опять же было не совсем ясно, почему.

Ольга же, самая молодая из женщин, только что окончила исторический факультет Минского университета, поступила в аспирантуру и собиралась писать диссертацию о трагедии Хатыни. Интересно... но... несмотря на любовь к своему делу, мысли девушки не впечатляли: «Хоть бы куратор одобрил тему! А вдруг мне не дадут место на кафедре? Опять придётся жить

на стипендию?» – волновалась она. И ещё больше Оля боялась, что платье, которое она хотела надеть вечером на свидание, не понравится молодому человеку, за которого будущая аспирантка мечтала выйти замуж. – А если он решит, что платье слишком вызывающее или дурацкое?» В продолжении всей экскурсии, мысли о том, что подумает её парень, словно острые пчелиные жала, то и дело вонзались в Олино ментальное пространство, и производили в душе девушки волнение нешуточной силы, на которое тратилось просто невыносимое, и уж точно несоразмерное количество энергии, умение управлять которой у будущего доктора исторических наук отсутствовало... М-да.

Как это люди, даже не будучи в настоящей опасности, находят причины для страха на ровном месте, просто перед тем, что называется жизнью? Может, это невостребованный ген вынуждает homo sapiens искать повода бояться, чего придётся, даже когда бояться – нечего? Возможно, инстинкт самосохранения подталкивает их к поиску опасности так же, как инстинкт размножения вынуждает к поиску пары. Им кажется, если нечего бояться – значит, что-то не так, значит, они просто чего-то не замечают, и люди начинают цепляться за каждый, даже малый намёк на опасность, бессознательно, чтобы не дать угаснуть инстинкту. Сколько же времени и сил теряют homo sapiens, обуреваемые вот такими переживаниями, беспричинными и чаще всего внушёнными другими! И всё это несмотря на кратковременность отпущенной им жизни... Жалость, которую я почувствовал к братьям меньшим, была сродни жалости к бестолково ползающим слепым котёнкам. Такие вот дрожащие существа не только не могут противостоять вампирам, но и предпочитают вообще в них не верить, только бы не оказаться полностью парализованными паникой...

Привезённые на экскурсию школьники были ровесниками Полины. Дети homo sapiens отличались друг от друга: хотя все они уже впитали и носили в себе культуру царей Природы, но каждый переживал увиденное и услышанное в Хатыни по-своему. Щуплый и бледный Ваня, следуя за экскурсоводами, слушал историю о пожаре, человеческой жестокости и страданиях с широко раскрытыми глазами, как будто эти рассказы помогали расти чему-то большому и важному в его душе, звеневшей, как натянутая струна. Мальчик представлял, как ушёл бы в партизаны мстить немцам и стал бы героем, пусть даже посмертно... Жаль, что ему было лишь двенадцать...

А вот Серёжа, рыжий веснушчатый увалень с глубоко посаженными маленькими серыми глазками, отстал от группы по совершенно неподобающему случаю. Учительнице пришлось вернуться за ним.

– Комаров! – шёпотом проревела Анна Павловна. – Что ты здесь делаешь? Как тебе не стыдно? А ну-ка марш за всеми, негодник!

– Ладно, Анн Пална, – пробурчал Комаров, неохотно выпуская и пухлых грязных пальцев жучка с чёрными крапинками на рыжих крыльях, арестованного за сидение на братской могиле и не подозревавшего об опасности туристов. Страдальчески закатив глаза, мальчишка поплёлся вслед за учительницей. Видно, его не впечатляли ни памятники, ни страшная история Хатыни, ни история вообще. Воображение этого молодого *homo sapiens* не распространялось далее его собственной физической оболочки, а ум его ограждал себя от всего, что не касалось его напрямую. Он видел здесь лишь то, что видел – груды гранита. Вот мальчик и увлёкся чем-то живым и осязаемым, и, как делают вампиры, неминуемо разобрал бы жучка на лапки и крылышки и вобрал в себя ту кроху энергии, что покинула бы умирающее существо. Сама того не ведая, Анна Павловна спасла жизнь несчастному насекомому. Невежественные намерения подростка Серёжи вызвали во мне отвращение. Видно, люди и в самом деле совершенно не учат своих детей гармонии с Природой!

А сопровождавшие школьников учителя истории и сами только притворялись, что внимательно слушали экскурсоводов. Они приезжали сюда каждый год и знали лекцию о гибели Хатыни наизусть. Возможно, поэтому их восприятие трагической повести сильно притупилось. Вместо того, чтобы визуализировать картину страшных событий, мозг учителей был отдан на растерзание мыслям о ежедневных заботах. Чувство долга беспокойным красным светом мигало в сознании педагогов, а мысли их представляли собой невероятную какофонию из удивительно похожих от сознания к сознанию мотивов: план уроков на завтра, проверка письменных работ, классный час, дополнительное занятие с отстающими учениками после уроков, исторический кружок для старшеклассников, вызов родителей (Комарова) в школу и разговор о неприемлемом поведении их сына на экскурсии в Хатыни, успеть подготовиться и к выступлению на педсовете, и, с наибольшей тщательностью, к открытому уроку... Все эти мысли сопровождалась страхом ошибки, неудачи, нехватки времени или всех этих ужасов одновременно, потому что успех задуманного слишком часто зависел от других *homo sapiens* – незрелых подростков, с которыми постоянно чувствуешь себя как на пороховой бочке. А где-то в закоулке ментального пространства мысль о вине за двойку собственного сына-второклассника по математике долбила, как дятел, и неотвязный призрак пустого холодильника приказывал заскочить в гастроном после возвращения с экскурсии, потому что холодильник никак не наполнится сам собой. От таких вот волнений энергия учителей утекала так же стремительно

и бесполезно, как набегу из неглубокой ёмкости расплёскивается вода, которой потом не остаётся на случай истинной жажды. Главное, шансов на восстановление этим людям перепадало так мало, что их психические сущности жили в режиме строгой экономии ресурсов: их решения следовали универсальной рутине, а переполненный ум уже не мог ни вместить, ни обработать ничего за пределами надёжно накатанной дорожки. Почти всё, что преподавали учителя истории в школе, было взято из учебников и выучено так же, как и рассказы работниц музея, от экскурсии к экскурсии повторявших вариацию одной и той же версии и называвших палачей Хатыни немцами. Ни ведущие, ни учителя не видели нужды тратить энергию на лишние вопросы. Немцы так немцы. Теперь это уже не важно.

Конечно, глупо было бы винить людей за подобное легкомыслие. Не побывав на поле боя, трудно судить о громкости пушечных залпов. Да и кого заботит звук выстрела, прогремевшего ещё до твоего рождения? Редкий *homo sapiens* доживает даже до ста лет, оттого и правда их недолговечна.

В мире людей реальность становится историей лет через сорок. За неспособностью *homo sapiens* к телепатической передаче опыта, как только умирает большинство очевидцев, за достоверность истории не способна поручиться ни одна живая душа. Реальность очевидцев недалёкого прошлого слишком скоро обрастает домыслами, и жизнь Иисуса яркий тому пример. Долгожители-лемурианцы, незримо существовавшие бок о бок с человечеством почти с его колыбели, слишком долго наблюдали, какие шутки короткая память играет с *homo sapiens*. Мои предки подсказали Моисею идею сорокалетнего блуждания по пустыне, чтобы израильтяне позабыли рабство. Лемурианцы заботились об «избранном» народе потому, что наши пророчицы предсказывали рождение в нём Иисуса, который не мог быть воспитан рабом.

Самое отвратительное, что в историях *homo sapiens* герои и злодеи легко меняются местами в зависимости от намерений рассказчика. И вот уже героев клеймят как преступников, а злодеев возносят на пьедестал. Защитившего от обидчика потомки переименовывают в захватчика. Царица-распутница, презиравшая культуру народа в том самом государстве, которым правила, и насадившая чужие обычаи, называется Великой. И новые *homo sapiens*, не знавшие ран и увечий, снова отправляются воевать со злом, которое так недавно считалось добром. В мире людей было бы значительно больше покоя и равновесия, живи они хотя бы лет двести. А вдруг ещё через сорок лет сожжённые вампирами заживо хатынцы совсем исчезнут из памяти своих потомков? Вдруг война, отнявшая у меня мать, совсем позабудется, и кое-где люди назовут вампиров, карателей Хатыни,

героями, а партизан, атаковавших нацистов из глубины белорусских лесов, – мучителями и бандитами?

Нет. Так нельзя. Нельзя. В моей детской памяти звучали слова какого-то мужчины, покрывшие плач и крики плотно прижатых друг к другу напуганных людей: *«Молитесь богу потому что здесь умрут все!»*, и всё ещё скрипел противный хриплый от весенней простуды и кровожадного возбуждения голос одного из палачей, рывкнувшего со злобной насмешкой: *«О цэ, іконы топталы, іконы палылы, мы вас сейчас спалым»*. Было ли это сказано на понятном мне языке или во мне уже тогда проявилась способность понимать за его пределами? Здесь, в Хатыни и более трёхсот километров к югу, где я встретил Полину, звучал язык похожий, но не идентичный. Значит, там были не только немцы и, скорее всего, стоило поискать нужного мне вампира ближе? Если бы я видел лицо того набожного фашиста, может, моя задача была бы намного проще, но весной сорок третьего оно просто не могло попасть в моё поле зрения – ведь в три года я видел больше ног, чем голов. Целый лес тошнотворно пахнущих холодным потом ужаса ног близко прижатых друг к другу людей. Мне запомнился только голос карателя, как я теперь подозревал, не-немца. Разумеется, та мстительная шавка была пешкой, а не главарём, но ведь лидер должен быть оттуда же, откуда и его солдаты, понимавшие его команды! Откуда именно, ответа пока не было. Могилы молчали, от учителей истории и детей ожидать было нечего, и я стоял среди камней, размышляя. Окунувшись в сознание приехавших на экскурсию homo sapiens, я был более чем разочарован. Оставалось лишь надеяться, что поиски помощников и соратников не займут ещё одно столетие.

Неожиданно мне повезло. Из приземистого здания информационного центра вышел мужчина с совершенно белыми волосами и, прихрамывая, торопливо направился к группе, куда прибился я. Он подошёл к ведущей и тихо сообщил:

– Там тебя к телефону, – и добавил вполголоса: – Ничего, иди, я сам закончу.

Женщина благодарно кивнула и с взволнованным лицом побежала к зданию, а седой человек обратился к детям:

– Ребята, кто может мне сказать, на чём остановилась наша Нина?

Несколько детских рук поднялось в ответ. Новый ведущий выбрал Ваню, и тот очень чётко и вдумчиво произнёс:

– Во время пожара выжило шесть человек, и только один взрослый. Вот это, – и мальчик указал на статую гигантского старика в центре поля, – это памятник ему и сыну, который погиб на у него руках.

– Молодец! – похвалил старик. – Как тебя зовут и откуда ты, пионер?

– Ваня Яковлев. Сто тридцать пятая Минская школа – отчеканил мальчик.

Пожилой человек улыбнулся, подумав: «Орёл!» и продолжил экскурсию вместо Нины:

– Да, деревенский кузнец Иосиф Каминский был единственным взрослым из шести выживших. Ещё несколько были подобраны жителями соседних деревень, но они умерли в следующие два дня. Так, Казимир Етка, весь в смертельных ожогах, шёл за карателями и просил пристрелить его, но фашисты только рассмеялись и ответили: «Жалко на тебя пули тратить! Ты всё равно подохнешь, но сначала расскажешь соседям, что ждёт их всех за помощь партизанам!» Немцы прекрасно знали, что партизанам помогало большинство мирных жителей, и стремились запугать людей, – в голосе нового ведущего зазвучал металл, он невольно сжал кулаки и, переведя дыхание от участвовавшего сердцебиения, договорил: – Но у фашистов это плохо получилось. Добравшись до соседней деревни, Казимир Етка скончался от ожогов, а белорусы продолжали помогать партизанским отрядам. А как же иначе? Ведь там воевали члены их семей! И это несмотря на то, что расправы над мирным населением продолжались. Ещё двум девушкам Марии Федорович и Юлии Климович чудом удалось выбраться из горящего сарая и лесом доползти до соседней деревни Хворостень. Там их подобрала местная жителя. Но вскоре фашисты сожгли и эту деревню, и Юля с Машей всё равно погибли...

Директор мемориала умолк. Перед его мысленным взором проплывали призраки телег, медленно катившихся между одиноко вздымавшимися печными трубами. Сгорбленные от горя и ужаса крестьяне надеялись найти выживших родственников, но взамен увозили лишь обугленные до неузнаваемости останки, чтобы похоронить. Все эти люди ехали, уставившись прямо перед собой и не видели разведчика партизанского отряда, отступившего накануне. Бойца, оцепеневшего в кустах, глотая слёзы вины и бессильного гнева. Никто из экскурсантов не смел прервать воцарившегося тягостного молчания. Через минуту старик, очнувшись от нахлынувших воспоминаний, вздрогнул, тяжело вздохнул и продолжал:

– Остальные выжившие были детьми вашего возраста или младше. Девятилетней Соне Яскевич удалось спрятаться в подвале тёткиного дома, а её тринадцатилетнему брату Володе – в яме для картошки. Их младшей сестрёнке Леночке повезло меньше. Сначала она спряталась во дворе, а потом попыталась убежать в лес, но немцы её заметили и начали стрелять. Когда фашисты поняли, что пули не попали в девочку, один из них догнал её и расстрелял на глазах у отца, а потом убил и его... – седой человек снова умолк. Даже толстокожий Комаров, в чьей голове со слов старого партизана начали, наконец, вырисовываться картины трагедии, застыл на месте с

полуоткрытым ртом. Очередной удар колокола прорезал тишину, и ведущий снова заговорил: – Семилетнего Витю Желобковича укрыла своим телом его смертельно раненая мать Анна, когда в неё попала пуля. Мальчик был ранен в руку, но выжил.

«Это, наверное, тот мальчик, которого спасла Мина, подумал я. – Она сама отнесла его и оставила на крыльце дома, постучала и невидимкой дождалась, пока люди откроют дверь и возьмут ребёнка к себе. Почему же они говорят, что его нашли здесь?»

– Раненого Антона Барановского фашисты приняли за мёртвого.

«И не только они! – удивился я. – Симон и Мина тоже не заметили!»

– ...Жители соседних деревень, приехавшие наутро, подобрали обоих мальчиков и *выходили*.

И после ещё одной недолгой паузы, старик закончил:

– Вот так погибла Хатынь.

Астральное тело нашего рассказчика на всех уровнях было переполнено гневом и чувством вины за что-то скрытое слишком глубоко, чтобы разобрать вот так сходу, но я понял, что вот это самое недосказанное и разъедало старого партизана изнутри в течение всех послевоенных лет.

Из толпы школьников опять раздался звенящий голос Вани:

– А что было с ними потом? С этими детьми?

Впервые с момента своего прихода директор музея улыбнулся не то любознательности пионера, ни то мысли о живых:

– До конца войны они оставались по соседям и родственникам, а после войны воспитывались в Плещеницком детском доме. Четверо из тех пятерых детей живы и сейчас. Софья Антоновна Яскевич работает телеграфисткой на почте в Минске, а её брат Владимир Антонович – на Минском автозаводе. Антон Барановский – единственный ребёнок, который выжил, находясь в *том* сарае, но, к несчастью, ему не удалось избежать участи односельчан. В 1969 году он умер от удушья в загоревшемся ночью бараке, в Оренбурге, куда уехал на работу...

«И непонятно, что там произошло... – мысленно закончил седой человек.

– Я не верю в такие совпадения!»

– Самому старшему из выживших детей Саше Желобковичу было тринадцать. Как только появились каратели, родители посадили мальчика на коня, и он ускакал через лес в соседнюю деревню. Сашин дядя воевал в нашем партизанском отряде. Он попал в плен и был замучен гестаповцами... Когда мальчик вырос, он не видел для себя иного выбора как стать защитником Родины. Подполковник Александр Петрович Желобкович недавно вышел в запас и живёт в городе Гродно со своей семьёй. Он частый гость в Хатыни и участвовал в открытии этого мемориала.

Итак, среди хранящих безмолвие могил всё-таки теплилось несколько живых ниточек, ведущих к событиям, в которых мне предстояло разобраться. После экскурсии я последовал за бывшим партизаном в сторону информационного центра.

– Матвей Иванович! – окликнул я.

Директор музея медленно обернулся, и вопросительно взглянул на меня из-под седых бровей:

– Мы знакомы?

– Нет, но у меня есть несколько вопросов.

Старик кивнул.

– Хорошо, проходите, – чётко произнёс он, отпирая дверь кабинета. – Что вас интересует?

Я помедлил несколько мгновений, изучая грустный человеческий взгляд старика, противоречивший его формальному тону. С марта сорок третьего я не встречал кого-либо, видевшего насильственную смерть – много насильственной смерти – и творившего её, пусть даже и вынужденно.

– Из вашей экскурсии я понял, что вы участник войны и что воевали где-то поблизости – в партизанском отряде? – осторожно начал я.

– Да, это правда, – кивком подтвердил заведующий музеем.

– Дело в том, что я расследую некоторые подробности сожжения Хатыни.

Брови старого партизана взлетели иронически:

– Да ну? Не вы первый. Что же именно вас интересует?

И я решил быть честным:

– Хочу найти и наказать того, кто на месте преступления отдавал приказы о сожжении и расстреле людей. Есть информация, что командир карателей ещё жив. Ведь это был не немец?

– Какую организацию вы представляете? – сурово нахмурившись, перебил бывший партизан.

– Никакую, – осёкся я. – Я частное лицо.

– Тогда мне больше нечего добавить к тому, что вы уже слышали во время экскурсии.

– А если бы я был лицом официальным? – настаивал я. – Ведь это же далеко не всё, правда?

– До свидания, товарищ, – и Матвей Иванович раздражённо махнул рукой в сторону двери.

– Поймите же, это чрезвычайно важно!

– Я всё сказал, – и бывший партизан уставился на меня стальным взглядом. Он твёрдо упирался ладонями в рабочий стол, слегка подавшись

вперёд, и бессознательно, но довольно успешно концентрировал энергию, пытаясь вытолкнуть меня за дверь, что у него несомненно получилось бы, будь я одним из людей. Мой защитный блок отражал и рассеивал нацеленную на меня силу этого человека, и я просто стоял и терпеливо ждал, когда он поймёт всю тщетность своих попыток.

Мне не хотелось вторгаться в глубинные мысли старого солдата – хотелось привлечь на свою сторону первого достойного взрослого homo sapiens, встреченного на Земле. Это был своего рода эксперимент. Седой партизан не сдавался, и тогда я решился на откровенный трюк: прямо на глазах упрямого собеседника я стал невидимым, а потом опять появился. Заведующий музеем приоткрыл рот и выпучил глаза, тяжело оседая в директорское кресло. Потом он тряхнул головой, решив, что всё это ему померещилось, но я повторил свой фокус снова, а потом ещё раз.

– Матвей Иванович, вы не сходите с ума, – наконец успокоил я ошалевшего человека.

– К-кто вы? – беззвучно прохрипел старик, отирая капли пота со лба белым в голубую клетку носовым платком, выхваченным из кармана брюк привычным движением пальцев.

Прежде чем продолжать разговор, надо было помочь ветерану не схватить удар. Я сосредоточился на его кровеносной системе и за несколько секунд стабилизировал работу сердца и кровообращение пожилого человека. Когда его здоровье было вне опасности, я телепортировал со середины комнаты на стул для посетителей напротив заведующего, чтобы окончательно убедить Матвея Ивановича в реальности и в то же время исключительности происходящего.

– Это долгая история. Поверьте, мне вы можете доверять.

– В-вы из КГБ? – заикаясь, предположил Матвей Иванович.

– Что такое КГБ?

Подумав: «Он что, с луны свалился?» – старый партизан удивлённо уставился на меня:

– Не понял?

– Скажем, я не совсем человек, – сжалился я наконец.

– Инопланетянин, что ли? – заведующий музеем не удержался от саркастического смешка.

– И да, и нет, – желая избежать ненужных подробностей, ответил я. – Мне просто нужна информация. – Я сделал паузу, но заведующий выжидательно молчал и смотрел на меня не отрываясь. – Я могу продолжать? – уточнил я. Матвей Иванович кивнул. – Тогда ответьте мне на вопрос: кто на самом деле сжёг Хатынь?

Старый солдат тяжело вздохнул, встал из-за стола, открыл деревянную дверцу шкафа и достал длинный прозрачный сосуд и две ёмкости из того же прозрачного материала. Потом мой собеседник молча налил вонючую жидкость в оба стакана, и выпив залпом, взглянул на меня удивлённо-вопросительно:

– Не пьёшь? – я отрицательно покачал головой. – Напрасно... – если бы он знал, как был не прав! Алкоголь разрушает не только физическое тело, но и ментальное – это ещё один проверенный вампирами трюк по перекрыванию сверхспособностей у своих соплеменников. А мой собеседник поинтересовался: – А зачем тебе-то эти подробности?

– Я должен найти того, кто отдавал в тот день приказы и воздать ему по заслугам. Для этого мне надо знать, где его искать.

– Ну, это дело правое, – задумчиво отозвался старик. – Но я не знаю, смогу ли тебе помочь, потому что меня не было там во время трагедии.

– Да, я знаю, что вы вернулись в деревню только наутро, – сказал я, показывая пальцем на лоб в ответ на удивление собеседника.

– Но ведь ты же и сам можешь... – возразил старик, тоже ткнув пальцем себе в лоб.

– Да, – улыбнулся я. – Без сомнения, я мог бы взломать ваше сознание, как старый амбарный замок, но из уважения к вам не хочу этого делать. И ещё мне кажется, вы и сами очень давно мечтаете выплеснуть что-то, о чём будто бы не желаете говорить. Так расскажите хотя бы то, что знаете, – попросил я, надеясь, что во время рассказа в его памяти всплывут более ясные картины.

– Ну, ладно, – Матвей Иванович помолчал несколько мгновений, решая, с чего начать. – Я воевал тогда в партизанском отряде дяди Васи, – заметив вопрос на моём лице, он пояснил: – Нашего командира звали Василий Воронянский. Ты знаешь, что такое партизанская война? – я помотал головой и сделал вопросительное лицо, поощряя собеседника. Ещё во время экскурсии стало понятно, что старый партизан – хороший рассказчик. Он даже какое-то время работал учителем истории в школе. – Это борьба с врагом на оккупированной им территории, – объяснил Матвей Иванович. – Когда немцы напали в сорок первом, я уже отслужил в армии. Советский Союз не готовился к войне, и Белоруссию заняли так быстро, что мало кто успел уйти на фронт, поэтому в округе оставалось много взрослых мужчин, и партизанское сопротивление появилось почти сразу. В начале войны наши группы были разрозненным. Местные мужчины просто уходили в лес и старались как можно сильнее навредить немцам: обрывали телефонные провода, взрывали железнодорожные пути и мосты, нападали на обозы с провиантом, громили продовольственные хранилища и склады

боеприпасов... Но, когда разные группы партизан делали это, не договариваясь, получался хаос и иногда выходило больше вреда, чем пользы... Понимаешь?

– В общем, да, – отозвался я, терпеливо выжидая, когда же рассказ дойдёт до интересующих меня подробностей.

И Матвей Иванович продолжил:

– К сорок третьему году партизаны объединились и уже имели центр командования в Москве – вот почему нескоординированный обстрел немецкой автоколонны был маловероятен, и никто впоследствии не верил, что мы не знали о *том* обстреле, – горько скривил губы заведующий музеем и с отчаянием в голосе добавил: – И до сих пор не верят!

– Простите, я не понимаю... Какой обстрел? – я намеренно пытался не читать его мыслей, чтобы услышать историю по порядку, а не в сумбурности потока сознания. Ощущение было столь непривычное, что я невольно терял терпение.

– Ах, да, – спохватился Матвей, – этого ведь не рассказывают на экскурсии... Утром того дня, когда сожгли Хатынь, на дороге неподалёку была обстреляна немецкая автоколонна и убит один офицер. А он, как оказалось, был олимпийским чемпионом Германии: установил мировой рекорд в толкании ядра. Об этом мы уже после узнали. Так вот, офицер Вёльке был любимцем и гордостью Гитлера – видимо поэтому его сопровождала целая автоколонна, хотя он всего лишь ехал на железнодорожную станцию, чтобы оттуда отправиться в отпуск...

Директор музея перевёл дыхание и добавил с досадой:

– Все думают, что обстрел автоколонны – наших рук дело, а мы даже не знали о нападении. Не нужна нам была эта колонна!

– Почему нет?

– А не было смысла её обстреливать. Ущерб особому немцам это не нанесло бы. Я имею в виду материального. Ведь нашей главной целью было мешать им воевать, а не убивать их олимпийских чемпионов... Да и реакция фашистов – то, что они бы выместили зло на местном населении, – была хорошо предсказуема. А нам опять же это зачем? Почти все наши партизаны были родом из окрестных деревень, в том числе и из Хатыни была пара человек.

– И вы тоже?

– Нет, я из Козырей, но в Хатынь заходил часто. Там всегда хорошо принимали партизан. И в то утро, когда кто-то обстрелял ту автоколонну, мы были на пути к деревне, чтобы пополнить запасы еды. Лично я очень ждал ночёвки в тёплом доме – это нам выпадало крайне редко. Простить себе не могу!

– Чего простить не можете? – я так и не понимал, почему старика так мучило чувство вины.

– Мы только зашли в дом – и тут немцы. Мы повыскакивали, отстреливались какое-то время, потом ушли в лес огородами, по ходу дела ещё нескольких фрицев прикончили. А их начальство к обеду прислало полицаев, чтобы расправиться с деревней. Получается, это мы людей подставили! Понимаешь?

– А почему же сами жители не покинули деревню?

– А у них времени не было. Они не ушли бы далеко: почти половина всего населения – маленькие дети. Да и снег лежал ещё. Куда бы они все делись в лесу? Понадеялись, что обойдётся... и погибли.

– Так вы думаете, что деревню сожгли из-за вас?

– Да, так говорили нацисты. А партизанским отрядам после Хатыни даже приказ вышел не ночевать в деревнях. Да только мёртвых-то не вернёшь! И теперь некоторые историки гавкают, что из-за нас деревню сожгли, – старик вздохнул и передёрнул плечами. – Только посетителям музея не рассказывают, потому что это бросило бы тень на партизан, а руководство страны хочет, чтобы в партизанах видели героев, и чтобы дети брали с нас пример. Мне даже из школы пришлось уволиться и занять вот эту почётную должность, – горько усмехнулся бывший учитель истории. – Потому что слишком хотелось облегчить душу перед молодёжью – а нельзя.

– Но на самом деле разве вы не герои? – удивился я.

– Да дело не в этом, – отмахнулся Матвей. – Во-первых, герои – тоже люди, и они тоже ошибаются. А во-вторых, мы воевали просто потому, что не могли сидеть и ждать, когда нас всех посжигают в сараях. За жизнь свою воевали, понимаешь? В этом нет ничего героического. Просто закон природы... Ты же слышал: сто восемьдесят шесть деревень истреблено безвозвратно, вместе с жителями.

– Ну, ладно, если Хатынь сожгли в отместку за гибель олимпийского чемпиона, из-за чего же тогда сожгли все другие деревни?

– Да разве сложно повод придумать? – старый партизан скривил рот. – Как сказал поэт, «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Гитлер обещал своим солдатам землю в Восточной Европе в награду за участие в войне. Истребляя целые деревни, нацисты таким образом *расчищали* пространство для своих будущих ферм, – он сжал кулаки и сорвался на крик. – Представляешь?

– Получается, убийство немецкого офицера партизанами было всего лишь предлогом... и Хатынь в любом случае была обречена, как и остальные уничтоженные деревни? В этом-то нет вашей вины.

– Да, понимаю я... – печально согласился Матвей. – И местные жители всё это понимали, но мне от этого не легче.

«Как странно, – подумал я. – Этот человек чувствует себя виноватым в гибели целой деревни, хотя он ни отдавал приказа сжигать людей заживо, ни приводил этот приказ в исполнение. Его вина лишь в том, что он поддался соблазну провести холодную мартовскую ночь в тепле. А те, другие, своими руками расстреливали детей – а теперь скрываются по углам и, возможно, даже счастливы. Какие же вы разные, люди!» До встречи с бывшим партизаном я думал, человеческое сердце не могло болеть больше, чем все эти годы болело моё. Оказалось, я был неправ.

– Кто же был у них главным? Кто отдавал приказы, когда жгли деревню? Вы его видели? – не выдержал, наконец, я.

– Этого я не знаю. Я же говорю, мы с партизанами подходили близко только изредка, а в Хатынь вернулись уже на следующее утро, когда узнали, что сделали фашисты...

Бывший партизан закрыл глаза, безуспешно пытаясь вызвать в памяти хоть какие-нибудь лица врагов. Взамен, в его сознании всплыла обстановка одной встречи, имевшей место уже годы спустя после войны. Седой историк не помнил ни повода её, ни содержания, ни точного времени, да и сама встреча была как в тумане. Перед внутренним взором старика возник лишь собеседник, строгий человек в военной форме, который мог бы показаться неприметным, почти безликим, если бы не его странные глаза. Тогда от взгляда незнакомца у старого партизана по спине забегали мурашки. Глаза визави были разного цвета: левый желтовато-карий, а правый до того светло голубой, что казался прозрачным. Эти глаза смотрели на Матвея Ивановича в упор, не моргая, заковав бывшего партизана в какое-то оцепенение. Лишь этот жутковатый взгляд отпечатался в его памяти на долгие годы и словно запер на ключ что-то неподобающее... В общем, с памятью директора музея побаловался кто-то обладавший способностью к гипнозу. Кто-то сильный. И это было как-то связано с памятью о фашистах. Комментировать мои телепатические наблюдения было бессмысленно – Матвей всё равно не смог бы добавить ничего к тому, что мне и так стало понятно. Вместо этого я спросил.

– Кто мог бы узнать командира фашистов в лицо?

– Может, детишки, которые выжили в Хатыни, могли видеть краем глаза... хотя вряд ли запомнили кого-то.

– Поможете их найти?

– А чего их искать? – грустно усмехнулся заведующий музеем. – Вот, у меня их адреса есть в столе. Только много они тебе не расскажут. Я общался

с выжившими свидетелями много раз. Они мало что помнят. От страха в тот день даже себя не помнили.

– Ну, это уж моя забота, – отозвался я, принимая заветный листок из рук старого партизана.

– Ну-ну... – Матвей с сомнением пожал плечами, протянул мне руку и, с силой тряхнув её на прощание, напутственно добавил: – Советую не показывать им свои фокусы!

– Это как получится!

Я вышел на воздух, поразмыслил несколько минут и понял, что оставить этого славного старика как есть означало бы бросить его в лапы смерти. Так что на следующее утро я ещё раз материализовался в кабинете заведующего музеем – прямо перед самым заведующим.

– Опять ты? – взвизгнул старик, от неожиданности хватаясь за сердце, но через пару секунд проворчал добродушно, безуспешно пытаясь скрыть радость от моего появления: – Какого чёрта ещё тебе нужно?

От его притворного гнева у меня появилось игривое настроение, и я соврал:

– Да вот хотел ещё уточнить, кто всё-таки обстрелял ту автоколонну...

– Да не знаю я! – отмахнулся старик раздосадовано. – Знал бы – разве позволил бы показывать пальцем на партизан? Когда же я наконец от тебя избавлюсь?

– Не спешите избавляться, Матвей Иванович. Истинная цель моего сегодняшнего визита – вас подлечить, в благодарность за вчерашнюю беседу.

– Чего-чего? – это предложение застало старого партизана врасплох, но он ответил с достоинством: – Спасибо, любезный, но у нас лучшая в мире медицина.

Удивительно было это выражение достоинства более всего потому, что Матвей Иванович часто хворал, и страх уже не первый день подстерегавшей смерти то и дело вырывался из заточения в строго охраняемом уголке сознания старого солдата. На этот случай и была припрятана в шкафу бутылка с жидкостью, которая заглушала страх – и одновременно приближала конец.

– В *этом* мире – возможно, и лучшая, – парировал я.

– А что же вчера не полечил? – пытался отшутиться заведующий.

– А вчера вы водочку при мне кушали, а сия субстанция блокирует всё то здоровое, что ещё осталось в вашем изношенном теле, – объяснил я с шутливым пафосом. – Надо было бы ещё пару дней подождать, пока вся не выветрится, водочка, то есть, но боюсь пару дней вы можете и не протянуть.

Глаза заведующего округлились:

– Это почему же?

– Ну, сами посудите. Сердце ваше слабое, желудок испорчен ещё с войны, печень вы тоже не щадили, и теперь не щадите. Опять же, старая рана в плечо о себе забыть не даёт. Но главное, в сосудах ваших собралось... – я прищурился, определяя поточнее, – три зловещих сгустка, один из которых засел аккурат в мозгу. Так что удар вас подстерегает, без преувеличения, со дня на день, – я сделал выжидательную паузу. Матвей Иванович заметно сник: кое-что из сказанного мной ему и самому было небезызвестно, но тромб в сосуде мозга оказался новостью.

– Ну так что, лечиться желаете?

– А что я должен делать?

– Да просто расслабиться, а остальное предоставьте мне.

Без дальнейших препирательств хозяин кабинета взял трубку телефона и скомандовал:

– Аня, я занят. Никого сюда не пускать, – и, для верности бросив трубку на стол, спросил:

– Что теперь?

Я указал на потёртый кожаный диван в углу:

– Сюда пожалуйста.

Через полчаса заметно пободревший Матвей Иванович отплясывал «Яблочко» в центре своего кабинета под аккомпанемент собственного фальцета. В дверь просунулась голова секретарши Ани с выпученными глазами, как раз когда я выливал остатки содержимого вчерашней стеклянной бутылки в раковину ракушечника.

– Всего хорошего! – вежливо попрощался я с дамой и поспешил ретироваться через дверь, подальше от вокальных излияний поздоровевшего деда, которому медведь на ухо наступил, что было, увы, неизлечимо.

Глава 4. Живые свидетели

«Курочек покормила, посуду помыла – маме помогла, теперь можно...» – восьмилетняя Соня Яскевич вошла в хорошо натопленный дом, пыхтя, освободилась в сенях от тяжёлых валенок и принялась на ходу стягивать старый заячий полушубок, перешедший по наследству от двоюродной сестры. Девочка направилась было в свой угол, где дожидалась её гордость – прекрасная, как королевична, единственная в деревне настоящая кукла

Ядвига. Эту куклу отец привёз Соне из Минска прямо перед войной – на зависть всем деревенским девчуркам, толпой и в одиночку приходившим поглазеть на богато разодетое чудо с длинными светлыми волосами, большими голубыми глазами и кокетливо завитыми кверху ресницами. Когда пришли фашисты, подросткам подружкам стало не до кукол, и они забыли про Сонино сокровище – но сама хозяйка, тщательно прятавшая Ядвигу под покрывалом – от жадных полицаев, а не от подружек – частенько выставляла куклу на кровать и молча любовалась красавицей, сидя на полу. В такие минуты в ушах её всё звенел счастливый смех родителей, когда они, обнявшись, наблюдали за вприскокку кружившей по комнате дочуркой, прижимавшей к себе невиданный царский подарок. Вот и теперь, выполнив все обязанности по хозяйству, девочку неудержимо потянуло в компанию безмолвной принцессы – теперь единственного в округе существа со счастливым лицом.

– Соня!

– Да, мамочка!

– Иди сюда, покачай Толика! Мне надо к тётке Стеше сбегать.

– Сейча-а-ас!

«Ох, ну только собиралась поиграть... – раздосадованная девочка остановилась посреди комнаты. – Но что это? Почему так шумно за окном? Солдаты! Опять! Страшно...»

Сердце бешено заколотилось в груди телеграфистки Софьи Антоновны, словно у восьмилетней девчушки, какой она была в день сожжения Хатыни. Пытаясь выудить что-нибудь полезное из воспоминаний выжившей свидетельницы, я вместе с ней ощутил, как к горлу женщины подступил и затруднил дыхание бывший привычным в годы войны комок страха.

...Соня застыла как вкопанная, парализованная паникой, но ненадолго. «Мама, где ты?» – пронёсся в голове вопрос. В ней жила тогда детская вера в то, что мама обязательно спасёт от тех страшных дядек с автоматами, которые время от времени вваливались в деревню, топая, как стадо быков, и выгребали из крестьянских дворов всё, что плохо лежало, сопровождая своё мародёрство грубой руганью на едва понятных или вовсе не понятных языках.

– Мама-а-а!

Вот она мама, вошла, держа Толика в одной руке, а другой застёгивая блузку. Кормила его, наверное.

– Что там за шум?

– Солдаты!

Обе, большая и маленькая, осторожно, с противоположных углов подоконника, отодвинули простенькие ситцевые занавески, чтобы, не

выдавая своего присутствия в доме, рассмотреть происходящее снаружи. Здоровенные мужчины в серых шинелях, с автоматами наперевес заполонили улицу. Некоторые в немецкой форме, но большинство в какой-то другой. Они шли явно целенаправленно, цепью, то и дело что-то выкрикивая. В памяти Софьи Антоновны лица полицаев были будто бы размыты, словно кто-то размазал по ним прозрачный яблочный кисель...

– Ах, чтоб их! – сомнение, даже какое-то смятение появилось на материном лице, но девочка знала: мама всегда подскажет, что делать. – Ты вот что, Сонюшка...

«Сонюшка? Ух ты! Как ласково! – сердце ребёнка сжалось от восторга, но дочь тут же и насторожилась: – Никогда не называла меня Сонюшкой – всё больше Софьей, как большую».

– Ты беги к тётке Стеше, а оттуда, гляди, если получится, может, в лесу спрячься.

– Но ма-а...

– Давай, давай, не перечь!

«Ну вот, только что была «Сонюшка», а теперь такая строгая, почти кричит... – девочка сникла, но послушалась и стала снова натягивать тёплый заячий полушубок. – Ой, да ладно! Ей поди-ка тоже страшно. Мамочка, родненькая, ты такая тёплая! И Толик тоже тёплый и так сладко пахнет младенчиком... И глаза твои, большие и синие, и морщинки вокруг них... люблю, даже, когда ты кричишь!»

Перед уходом Соня на секунду прижалась к матери, и комок страха в горле как-то рассосался и отступил. Мать обняла и поцеловала дочурку с такой силой, с такой любовью, какой в своих многотрудных крестьянских буднях никогда раньше не выплёскивала ни на одного из детей. То было прощальное объятие, но Соня истолковала его по-своему. Она обрадовалась и воодушевилась: «Что может случиться, раз мама так сильно меня любит?»

– Давай, давай! – заторопила женщина. – Только огородами. Да беги же! Некогда верхнее застёгивать!

«Странно, – опять пронеслось в голове у девочки. – Всегда, наоборот, заставляет застёгиваться до ушей, а тут... Холодно нараспашку-то, но бегом ничего». Огородами добралась до Стешиной хаты.

– Тётя, там солдаты!

– Знаю, знаю... беги спрячься, детка.

– А где все твои?

– Да в деревне, кто где.

– Так побежали в лес! Вон, тут рукой подать!

– Поздно, милая, просто спрячься. Наверное, эти паразиты партизан ищут – так их тут нет уже никого, с утра ушли, после перестрелки. Может, обойдётся...

Тётя Стеша врать не умеет. Вон как боится, аж трясётся вся... и мечется по дому – а в нём и нет почти укромных углов-то.

– Спрячься, детка! Вон, в погребе хотя бы. А я дверь припру – может, подумают, что дома никого...

– Да не запирай! Так ведь никогда же не запираешь... всё равно выломают...

– И то правда... – и Стеша в растерянности застыла посреди кухни, безнадежно опустив руки, но потом всё же подошла к двери и спустила широкий дубовый засов в два железных паза, тем самым продлив собственную жизнь на пару минут.

«Крутые ступеньки у тёти в подвале! Хоть бы не упасть, шуму не наделать! – сердце ребёнка колотилось так сильно, что его удары отдавались в висках болезненным звоном. – Куда же спрятаться? Может, в картошку? Должна влезть, если только картошки немного в ящике. Темно-то как! Пошарить рукой? Вот так, ничего, я маленькая. Фу, грязная какая картошка, пыльная! Хоть бы не чихнуть! Ну вот, уже забарабанили в дверь. Ногами. Кулаками. Дверь-то неказиста. Ох, какой грохот... выломали-таки, уроды!»

Тут сидевшая в картошке Соня, пытаясь заглушить шум, производимый выпрыгивавшим из груди сердцем, видимо, потеряла сознание от аритмии и очнулась только когда наверху, в доме, прогремел одиночный выстрел и раздался короткий женский вскрик. Шестин вскрик. «Что это там рухнуло? Тётю Стешу застрелили? Мамочка, спаси меня! Боженька, спаси!» – девочка зажмурилась, глотая слёзы, без позволения начавшие проливаться по доброй тёте Стеше, дыша картофельной пылью через рот, чтобы не выдать себя всхлипыванием или шмыганьем носа. В ту минуту Соня отчаянно пожелала стать невидимкой.

Разверзлась деревянная крышка погреба. Прорисовавшийся из-под света силуэт мужчины в каске показался девочке фигурой страшного чудища, но она сделала усилие и сумела подавить возглас ужаса.

– Є тут хто? – прогремел хриплый окрик. Луч фонаря пронзил темноту.

«Вот дурак! – вдруг подумалось восьмилетнему ребёнку. – Кто ж тебе ответит? Ох, он уже лезет вниз, лезет сюда! Солдат. Как топают! Сапоги-то совсем новые, небось... Ищет. Чего ищет? Людей или чем поживиться? Фу, какой страшный... худющий, как кощей. Не дышать, не сопеть... только бы пронесло! Мамочка, где ты? Боженька, спаси меня!»

Софья Антоновна помнила, как спустившийся в погреб полицейский, одетый в форму с тёмно-синими лацканами, проворчал что-то невнятное, обернулся

вокруг себя, причём лицо его в памяти свидетельницы было затянато всё той же кисельной дымкой. Внимание страшного дядьки привлекла верхняя полка, на которой, источая пряный чесночный аромат, красовалась дожидавшаяся там особого случая палка колбасы. Он ухмыльнулся от радости, поднял руку, стянул добычу вниз. Радостно потряс колбасой в воздухе, словно военным трофеем, снова потянулся вверх и ещё пошарил по полке в надежде отыскать другие припасы, но нащупал лишь банку подсолнечного масла, сгрёб и её и потопал сапожищами наверх, вон из погреба. Колбаса эта отвлекла карателя от дальнейшего обыска подвала – она, по всей вероятности, и спасла жизнь девочке Соне, да ещё помог ветер, который сдувал в сторону дым с подождённого Стешино дома и не дал хозяйкиной племяннице задохнуться в погребе.

Это я уллучил минуту, чтобы устроить телеграфистке мини-сеанс телепатического гипноза, когда в почтовом отделении не было людей, но как-то неожиданно быстро набежала целая куча народу, словно все они только и дожидались снаружи.

– Женщина, можно побыстрее обслуживать! – сварливый бабский голос из очереди заставил меня прервать зрительный контакт. Телеграфистка пришла в себя, с удивлением оглядела толпившихся посетителей.

– Вам плохо? – слегка перегибаясь через стойку, спросил я, стараясь придать участливость своему голосу – кажется, успешно.

Тёмно-русская с проседью женщина средних лет окончательно очнулась и чуть заметно вздрогнула:

– Нет, простите. Я задумалась на минутку, – проговорила она извиняющимся голосом, даже не подозревая, что отключилась на целых десять минут. И тут же другой, уже стариковский голос из очереди прошипел:

– Вы что, мечтать на работу ходите? Безобразие! Пожилая женщина, а сама как кисейная барышня!

«Давно со мной такого не было – кажется, с тех самых пор, как тот странный доктор приходил в детский дом», – подумала Софья Антоновна без раздражения, отогнав в сторону воспоминание о «докторе» и не обращая внимания на грубость нетерпеливого деда. Тот годился ей в отцы, но телеграфистка выглядела значительно старше своих пятидесяти из-за глубоких морщин на кротком лице. Это была простая женщина, не просившая у жизни слишком многого – и потому имевшая всё, чего желала. Она считала большой удачей само то, что осталась в живых, и суеверно называла мечты ещё о каких-то благах кошунством. Ни лиц, ни разговоров

фашистов, уничтоживших её родную деревню, она не помнила, чему была скорее рада. Я догадался, что с её сознанием кто-то поработал так же, как и с памятью Матвея Ивановича, но Софье Антоновне я завидовал. Мне казалось, именно такое вот частичное забвение позволило её с детства истерзанной лишениями душе продолжить жить в мире с собой и людьми. Быть может, не забудь Соня Яскевич, как выглядели убийцы её семьи, ей тоже не было бы на этом свете покоя.

Её старший брат, Владимир Яскевич, помнил и того меньше. Когда пришли каратели, он спрятался в пустой картофельной яме на окраине деревни, и, там, видимо, провалился в обморок от ужаса. Владимир так думал потому, что вообще ничего не помнил: с того момента, когда он залез в яму, в его сознании всё было стёрто начисто. Итак, я нашёл и прочёл воспоминания двух из четырёх свидетелей преступления в Хатыни – и ни на шаг не приблизился к своей цели.

Подполковник запаса Александр Желобкович был моей главной надеждой. От Матвея Ивановича я узнал, что после уничтожения Хатыни подросток Саша оставался у партизан до самого изгнания фашистов из Белоруссии и помогал, как мог, хотя и был слишком юн для участия в рискованных операциях. Прежде чем выходить на прямой контакт с этим свидетелем, я решил за ним понаблюдать.

Я незаметно следовал за бодро шагающим на работу Александром. Было любопытно, чем же теперь занимался мальчик, ускокавший от смерти на деревенской лошади в марте сорок третьего. А он, давно уже взрослый, уверенный в себе мужчина, неспешно шагал по натопанной тропке вдоль реки. Каждый раз, когда выдавалось солнечное утро, подполковник запаса делал такой крюк, специально чтобы насладиться движением и лишним раз порадоваться жизни. В этом он походил на телеграфистку Софью Антоновну. Наверное, никто не чувствует счастья быть просто живым сильнее тех, чья жизнь хотя бы раз висела на волоске.

Город, выбранный Желобковичами после ухода главы семейства в запас, был безмятежно тихим и сиял обилием чисто выбеленных крытых черепицей невысоких домиков. На Лемурии все живут на открытом воздухе, не делают искусственных построек, не отгораживаются от Природы. Благодатный климат поощряет наше невмешательство в её порядок, а она даёт нам как обед, так и ночлег, без лишних хлопот. Тем не менее, красота архитектуры, создаваемой homo sapiens, всегда восхищала моих братьев. Мне, как и Саше Желобковичу, чудилось, что старинные белоснежные

постройки Гродно излучают непоколебимое спокойствие, несмотря на близость к государственной границе.

Миновав нарядную белую церквушку с пирамидальной крышей, будто дремавшую на уютном, покрытом радужной утренней росой зелёном пригорке, Александр вдруг обернулся и окинул взглядом изгиб Немана, словно хотел вобрать в себя беззаботную бесконечность, простиравшуюся вокруг маленького человека. Искрясь на солнце серебряными бликами, в войну выдавшая виды река тихо катилась к подёрнутому изумрудной весенней дымкой горизонту. Саша Желобкович постоял так с минуту, не в силах надыхаться мирным апрельским утром, подставляя лицо солнцу и лёгкому ветерку и просто признался самому себе: «Я счастлив». Бывший хатынский подросток думал о предстоящей свадьбе дочери с очень хорошим человеком. Он мечтал об ораве внуков и о том, как будет с ними играть.

Бывший артиллерист был из числа плохо поддающихся гипнозу людей, а его утренние размышления никак не касались последнего дня родной деревни, поэтому я ничего и не мог узнать просто так, незаметно. Подполковник запаса был здоров и спокоен. Несмотря на пережитую в детстве трагедию, его не мучили подспудные страхи. Наоборот, Александр был честен с собой и другими, смело смотрел в лицо трудностям, объехал всю страну... Он не боялся жизни, в то время как музейские девчонки-экскурсоводы, которым повезло родиться в мирное время, были полны разъедающих душу пустяковых тревог. Как же это работает у homo sapiens? Мне нужны были союзники со светлым умом и энергией, похожие на Александра, и я не смел нарушать его ментальных границ без позволения ещё и поэтому, хотя... Он выглядел уж слишком довольным жизнью.

Поравнявшись с двухэтажным свежесвеженным зданием, Желобкович вынул из кармана ключ и отпер узкую дверь с табличкой «Общество «Знание». Мне пора было проявиться...

– Наверное, вам уже надоело внимание журналистов? – начал я, подойдя к нему со спины и представившись очередным работником прессы.

– А это не важно! – без тени удивления ответил Александр, даже не обернувшись. – Я никогда не отказываюсь давать интервью о Хатыни. Не позволять людям о ней забыть – мой гражданский долг, – он действительно говорил то, что думал.

Его темно-синие глаза внимательно смотрели на собеседника. Бывший военный был всегда начеку. Недавно появившиеся залысины делали его крупный, пересечённый одной глубокой горизонтальной морщиной лоб ещё выше. Гладкие щёки вполне сытого человека и не слишком тонкие губы очень красивой формы, ямочка на подбородке – черты его лица никак не вязались с представлением о солдате. Мешки под глазами, часто

появляющиеся у homo sapiens средних лет, придавали ему слегка усталый вид – а ведь биологически он был немногим старше меня! Да, у подполковника запаса оставался совсем небольшой запас энергии...

– Тогда расскажите о том трагическом дне, пожалуйста.

Я приготовился внимательно слушать, а он поинтересовался:

– Записывать не будете? Где же ваши ручка и блокнот или магнитофон?

– А... я... всё запоминаю, – сконфузился я, сообразив, что забыл позаботиться о соответствующем случаю реквизите. – Пожалуйста, начинайте. Где вы были, когда пришли каратели?

Мой собеседник прикрыл глаза. Хотя он считал своим святым долгом всегда отвечать на вопросы о Хатыни, я теперь понял, как нелегко ему это давалось, несмотря на многие годы и гладко текущую жизнь. И особенно некстати эти воспоминания оказались в такое чудное весеннее утро, после прогулки с приятными мыслями о семье. Александр чуть поморщился, но, наконец, усилием воли собравшись, твёрдо ответил:

– Я был во дворе нашего дома вместе с отцом. Он что-то мастерил, а я качался на качелях... Отец их поставил незадолго до того дня – он всегда придумывал способы нас развеселить... – вызывая в памяти картину последнего дня своего загубленного войной детства, Саша тоскливо посмотрел в окно, за которым, кичась своей яркой новорождённой листвой, красовалась нарядная молодая берёзка. – Их было очень много, они шли подковой, и поэтому мой отец понял, что начинается оцепление. Тогда он побежал в стойло и вывел оттуда нашу лошадь. Мне было тринадцать, и я уже хорошо умел ездить верхом. Отец посадил меня и приказал скакать к тёте Маше в Замостье.

– И вы ускакали?

– Д-да... – голос Желобковича прозвучал глухо, а его лицо вдруг вспыхнуло стыдом и злостью на самого себя.

– Вы чувствуете, что виноваты.

Александр уставился мне прямо в глаза.

– Об этом меня никогда не спрашивали. Пытаются быть тактичными. Вы необычный журналист.

– Это не вопрос. Это факт, – я начал играть в открытую. С этим homo sapiens особенно хотелось быть честным. – Вам не даёт покоя мысль, что можно было увезти с собой кого-то из братьев и сестёр, или даже двоих – и они сейчас были бы живы. И вы всю жизнь не можете себе простить, что этого не сделали, хотя умом и понимаете, что это отец, а не вы, подхлестнул лошадь, настояя, что нет времени.

– Откуда вы знаете? – удивление моего собеседника росло. – Кроме своей жены, я никогда никому не рассказывал об этих своих сожалениях.

А я лишь подливал масла в огонь:

– И вы стали военным тоже чтобы защитить хотя бы других, и тем искупить вину перед погибшими родными. А на самом деле часто думаете, что из вас получился бы хороший врач. И это правда: вы очень добрый и умный человек со светлой энергией.

– Со светлой энергией? – озадаченно переспросил Александр и подпёр гладко выбритый подбородок кулаком. – Интересно! Вы знаете обо мне больше, чем я сам. Зачем же вам это интервью? – вопрос прозвучал иронически, и он тут же догадался: – Вы не журналист. Вы как будто читаете мысли.

Я кивнул утвердительно, дважды, отдельно подтверждая каждое из его предположений.

– Кто же вы? – настороженно поинтересовался подполковник запаса. – Из КГБ?

Далось им это КГБ! Я отрицательно помотал головой.

– Тогда откуда? Может быть из ЦРУ? – полушутливо предположил он.

– Что такое ЦРУ? – поинтересовался я в свою очередь.

Желобкович удивлённо уставился на меня, подумав: «Он что, с луны свалился?», а я терпеливо пояснил:

– Не с Луны, а с Лемурии.

После короткой вопросительной паузы раздался сардонический хохот подполковника Советской Армии. Заливаясь смехом, он помахал ладонью возле уха – из вежливости, вместо того чтобы покрутить пальцем у виска. Наконец, утирая выступившие на глазах слёзы, Александр проговорил:

– Инопланетянин, значит... ха-ха-ха... Да вы, батенька, сумасшедший! Как же я сразу не догадался? Наступает такое время, что всякая шушера начинает лезть наружу – опять!

Я обречённо вздохнул при виде руки собеседника, потянувшейся к дремавшему на столе телефонному аппарату, и подумал с досадой: «Мне что же, придётся устраивать показательное выступление перед каждым homo sapiens, кому я решу рассказать о себе правду?» Предварительно удостоверившись, что сердце у Желобковича крепче, чем у заведующего музеем, я со вздохом начал представление. Папки с документами степенно снялись со стола хозяина кабинета и, выстроившись в линию, вереницей поплыли в воздухе. Достигнув середины помещения, делопроизводство завальсировало по малому кругу, не растеряв при этом ни одной бумажки. По завершении папками полного круга, к ним грациозно присоединились брошюры из книжного шкафа.

Смех Александра постепенно утих. Он следил за происходящим, раскрыв рот, а потом вышел из-за стола и, приблизившись к кружащимся в воздухе

предметам, попытался выловить какую-нибудь брошюру из дьявольского хоровода, чтобы оборвать ниточку, на которой, по его ошалелому предположению, всё каким-то образом было подвешено. Брошюра не далась и, как следует приложив по шее своего хозяина, поспешила вернуться в компанию удалой канцелярии, уже заходившейся в неудержимом фокстроте. Давно я так не веселился!

– Ну что, теперь верите? – спросил я, стараясь улыбаться как можно дружелюбнее.

Мой собеседник не отвечал. В голове его совершалась борьба между «материалистическим мировоззрением» и наблюдаемым фактом. Деваться было некуда. Ведь факт – это самая упрямая в мире вещь.

– Вы не сходите с ума, Александр Петрович, – успокаивал я, не двигаясь со своего стула, который, к слову, тоже преодолел гравитацию и висел ровно в центре бумажного хоровода. – Человек – не царь Природы и не самое высокоразвитое существо на Земле, а тем более во Вселенной. Разве это не логично?

– Л-логично, – неуверенно согласился председатель гродненского филиала общества «Знание». Медленно, то и дело оглядываясь на всё, что так ненаучно оказалось в воздухе, он вернулся к столу и, вдруг опомнившись, поинтересовался: – А вам-то какое дело до Хатыни?

– Я там родился, – плавно приземляясь и постепенно отправляя документы и брошюры по прежним местам, отозвался я.

– Что-о?

– Да-да. Вы не ослышались. Мне было три. Я был в *том* сарае во время пожара и тоже выжил, благодаря своей матери.

– Не может быть! – снова не поверил Александр. – Вам же лет двадцать с небольшим!

– Мне сорок пять, – возразил я.

– Предположим... вы хорошо сохранились... – напряжённо всматриваясь в моё лицо в поисках возрастных морщин, с сомнением ответил он. – Тогда чей же вы сын?

– Полины, травницы.

– Не помню такую... а я ведь всех знал в деревне. Но допустим, вашу мать я забыл. А отец?

– А мой отец – лемурианец, он представитель расы, более высоко развитой, чем ваша.

– Да вы точно издеваетесь! – снова возмутился Желобкович.

– Сейчас вы всё вспомните, – начал я короткий сеанс, воспользовавшись первой попавшейся ручкой с его стола. – Смотрите сюда, – оппонент перевёл взгляд на предмет, зажатый в моих пальцах. Словесный код для

разблокировки воспоминаний о нас с матерью я знал – это были слова, которые не могли быть услышаны homo sapiens случайно. – Сейчас я досчитаю до пяти, и вы вспомните. Один... два... три... четыре... пять... homo liberatus.

Лицо Александра Петровича на мгновение исказилось напряжением, но тут же прояснилось:

– Помню травницу! – воскликнул он, широко распахнув глаза. – И её...цыгана? Так ты цыганёнок Ясик? Теперь понятно, откуда взялись твои фокусы! Хотя...

– Ну, пусть буду цыганёнок... – я не смог удержаться от улыбки. То, что мы оказались односельчанами, земляками, должно было поспособствовать установлению доверия. – И всё-таки, расскажите... расскажи, что ты знаешь, Саня.

– Чего именно ты добиваешься? Зачем?

Теперь интервью брали у меня, что не входило в мои планы, и я отвечал как можно более сжато:

– Я послан, чтобы найти этих вампиров и освободить человечество от них, и от других тоже, – я знал, что Александр понял слово «вампиры» лишь фигурально, и пока это было мне на руку. – Ещё не знаю, где именно их искать. А начать я хотел бы с поиска командира, который отдавал приказы, потому что он был там самым мощным... В общем, мне нужно, чтобы ты представил картину всего, что видел в *тот* день – и я попытаюсь считать с твоей памяти хоть какие-то лица. Вот такое интервью.

– Считать? – удивлённо переспросил подполковник запаса, но устроенное мною ранее представление оказалось достаточно убедительным, так что он с готовностью прикрыл глаза и разрешил: – Хорошо, валяй!

Александр привычно легко сосредоточился. В мыслях его замелькали воспоминания: задний двор, лошадиная грива – и даже кисловатый запах взмыленной лошади, бешеная скачка, проносащиеся мимо сплошной стеной деревья, худощавая тётка, снимающая подростка с тяжело дышащего животного, громоподобное тиканье стенных часов в гробовой тишине тёткиной кухни... нескончаемое ожидание... нестерпимо медленное путешествие на дядиной подводе – обратно в Хатынь и... обугленная, но уже безжизненно холодная печная труба – единственное, что уцелело от большого семейного гнезда. На месте кузнецова сарая – превратившееся в головешки балки. Под балками – гора обгоревших трупов.

– Да, ты действительно не видел лиц карателей... – наконец, оторвавшись от Сашиных воспоминаний, сказал я разочарованно. – Кто же может мне помочь? Я уже был у Яскевичей – и ничего. Остался Витя. Он твой брат?

– Двоюродный, – отозвался Александр задумчиво. – Только не помнит и он никого, можешь не терять времени. И никто не помнит. Знаю, это как-то странно, неестественно. Из других деревень, сожжённых в войну, люди тоже не помнят ни лиц тех немцев, ни их слов. Как заколдованные.

«Немцев», – отметил я про себя, а вслух поинтересовался:

– А скажи, ты когда-нибудь встречал человека с глазами разного цвета?

Александр вздрогнул, словно вопрос застал его врасплох, передёрнул плечами.

– Брр... Вот напомнил жуть! Был один приходящий лектор, когда я учился в артиллерийской школе.

И в его памяти всплыл актовый зал полный парней-курсантов и туман, а в тумане – уже знакомое мне из воспоминаний Матвея Ивановича лицо с разными, жёлто-карим и светло-голубым, глазами.

– Выступал пару раз, вроде... А вот что преподавал – не помню... Мы сидели там все, как под гипнозом, – закончил Саня.

– Да я уж вижу, – согласился я. – Зато теперь ясно: если свидетелей не раскодировать, командира отряда карателей мне не найти.

– Раскодировать? – рассмеялся мой собеседник. – Ты думаешь, нас тогда действительно загипнотизировали? Что за ерунда?

– Не думаю – знаю, – возразил я. – Чтобы ты всё вспомнил, нужен код, который известен гипнотизёру. Точно так же, как пять минут назад ты вспомнил меня.

– Ты это серьёзно? – всё ещё не верил Александр Петрович.

– Совершенно серьёзно. И у меня к тебе есть последний вопрос, на сегодня.

– Валяй! – снова разрешил он.

– Где находится КГБ?

Мой собеседник одарил меня диким взглядом, но потом опять развеселился и, подавив смешок, ответил по существу:

– Главная контора – на Большой Лубянке, в Москве. Не думаешь ли ты, наивный пришелец, что они вот так тебе и выложат этот код на блюдечке?

– Нет, конечно. Но у меня свои методы...

– У них тоже! Это тебе не артиллериста расколоть, – усмехнулся Саша, намекая на то, как легко мне было прочесть его собственные мысли. – И потом, то было в пятидесятые. Если этот, с разными глазами, из КГБ, он, наверное, на пенсии уже. Хотя, конечно, данные должны быть в архивах... Это если тебе удастся до них добраться.

Я решил показать ему последний трюк на прощание: включил невидимку и произнёс из воздуха:

– А так? – на что услышал после секундной паузы:

– Да-а, так у тебя намного больше шансов. Но тебе точно нужен тот мужик. С глазами.

– Это ясно! – снова став видимым для собеседника, я поднял руку в прощальном жесте и, собираясь уходить, сказал: – Ещё увидимся! – но Александр задержал меня:

– Поймай! Прикрой дверь...

Я вернулся, а он неуверенно произнёс:

– Знаешь, я думаю, что Хатынь сожгли свои, то есть полицаи... Некоторых уже посадили или расстреляли, и я присутствовал на двух последних процессах в качестве свидетеля. К сожалению, я мог сообщить суду лишь и без того всем известные факты, а никого из карателей я не узнал... мне всё-таки думается, что среди палачей Хатыни предателей из наших было гораздо больше, чем самих немцев. И если нас, выживших свидетелей, подвергли гипнозу, то, возможно... хотели, чтобы мы забыли именно это? Но зачем? – бывший артиллерист глубоко задумался и, после некоторого времени в не прерываемом мной молчании, добавил: – Но мои рассуждения – всего лишь догадка, логическое умозаключение, если хочешь... Понимаешь? И об этом не принято говорить во всеуслышание.

– Это интересная догадка, – поощрил я Александра, покидая помещение общества «Знание».

Глава 5. Спасение утопающих – дело самих утопающих

На этот раз я приземлился удачнее. То есть приводнился. То есть телепортировался в воды, прилегающие к Бермудской Лемурии. Тёплый океан обласкал меня так приветливо, что до берега мне захотелось уже просто, по-человечески, доплыть, благо я предусмотрительно снял ботинки ещё в лесочке за Гродно. Со спины меня окликнули:

– Ян! Добро пожаловать домой!

Я повернулся и на небольшом расстоянии от себя увидел мокрое смуглое лицо хозяйки низкого с бархатной хрипотцой женского голоса. Она улыбнулась, сверкнув идеально ровными белыми зубами, на несколько мгновений скрылась в бирюзе накатившей волны, и вынырнула так близко, что её по-юному прекрасная обнажённая грудь на мгновение прижалась к моему так не кстати одетому телу. Тёмные умные глаза пронзили меня насквозь, безошибочно определяя, как сильно нуждалось в женской ласке моё распалённое любовью к невинной девочке, наэлектризованное от

вынужденного воздержания тело. Кассандра – так её звали – тут же отстранилась, снова улыбнулась, одарила меня недвусмысленным озорным, манящим взглядом и движением головы указала в сторону берега, приглашая следовать за собой. Тихо, без всплесков, будто сама была частью прозрачной водной глади, она поплыла к пляжу широко разводя ноги, чтобы ещё больше меня подразнить. Её мощная энергия точно затягивала в опасную и оттого нестерпимо вожаделенную западню, так что, плыви я тоже нагишом, всё случилось бы прямо в воде.

Кассандра – младшая сестра Мины, подруги моего отца. Она родилась на Земле, ещё до всеобщего переселения на Новую Лемурию, где сама появляется очень редко, только на *Единениях*. И я раньше никогда не встречался с этой загадочной женщиной вот так, один на один. Большинство homo liberatus, остававшиеся в бермудской колонии не желали верить в обречённость этой планеты и поэтому не спешили её покидать. Что ж, Кассандре виднее... она ведь пророчица. Своё имя она получила во младенчестве, хотя родители тогда ещё не имели понятия, что девушка окажется одной из самых сильных оракулов Лемурии и будет в числе предсказавших мою миссию. Всё это я знал от Мины, которая любила говорить о сестре.

Вода даже в этом скрытом от так называемой цивилизации месте воняла нефтью и ещё чем-то несовместимым с Природой – просто из рук вон! Нужно иметь истинную любовь к Земле, чтобы здесь оставаться и терпеть... Брюки, рубашка и вязаный шерстяной джемпер, позаимствованные в шкафу Полининого отца, были тяжёлыми от воды и, как только я выбрался на берег, всё это противно обвисло, пуская в песок мелкие солёные струйки, так что я поспешил как можно скорее избавиться от одежды. Кассандра же залезла в воду уже обнажённой, специально, чтобы в таком виде встретить меня – вот до какой степени точно она предвидела будущее!

Homo liberatus вообще не любят одеваться. Естественно. И только когда приходится прикрывать наготу для общения с людьми, лемурианцы неохотно облачаются либо в соответствующие случаю человеческие костюмы, либо в тонкие лёгкие туники. Одна из таких дожидалась на берегу под пальмой, но моя новая знакомая не спешила прикрывать своё прекрасное тело цветущей двухсотлетней лемурианки – в глазах homo sapiens она выглядела бы тридцатилетней. Кассандра не спеша поворачивалась так и сяк, якобы чтобы высушить бархатистую смуглую кожу, но на самом деле это шоу откровенно предназначалось мне и приносило удовольствие как актрисе, так и зрителю. Её точёная фигура светилась переливавшимися на солнце каплями океана, крупные вздёрнутые вверх соски затвердели, обдуваемые ласковым бризом, а безупречные

длинные ноги были слегка разведены, соблазняя и призывая, так что можно было бы догадаться о её желании обзавестись потомством даже если бы она не открыла мне эту часть своих мыслей: «Смелее, мой герой!»

Устоять было невозможно, и я отложил роившиеся в голове вопросы на потом. Полюбовавшись издали пару минут, я двинулся к Кассандре, приблизился вплотную. Мои ладони заскользили по её гладкой смуглой коже, от длинной шеи к восхитительной, одновременно упругой и мягкой груди, вниз до плоского живота, и, наконец, мои пальцы коснулись влажной ложбинки меж гладких бёдер. Опытное тело лемурианки поддавалось моим ласкам, как мягкая глина рукам скульптора, следовало моим желанием – в этом преимущество телепатии, когда дело доходит до земных удовольствий. А то, что мысли провидицы не были мне самому доступны, лишь поддразнивало и разжигало мой азарт. Мы сделали это на берегу, и на волнах, и даже в воздухе. Я потерял счёт времени. Так, на раскалённом песке необитаемого пляжа, я получил великолепное угощение в честь своего первого прибытия в бермудскую колонию. Снова и снова испытывать эйфорию слияния – и блаженство опустошённости. Предаваясь утехам плоти, чувствовать вкус жизни – вот почему лемурианцы не желают переходить к астральному существованию! То было бы именно существование, а не жизнь! И мы редко отказываем себе в этой подаренной самой Природой радости.

Находясь лишь в начале как своей миссии, так и жизненного пути, я точно не ощущал готовности стать отцом – тем более странным было бы подарить ребёнка женщине, которую я никогда не смог бы узнать до конца. Но Кассандра дала мне понять, что это всё равно случится, хотя и не торопила. В тот первый раз она хотела близости не только из-за желания родить от меня. Благодаря своему дару она видела во мне редкого среди мужчин-лемурианцев героя, и восхищалась мной за ещё не совершённые подвиги. Это было очень странное для меня чувство: словно паришь в невесомости, без всякой точки опоры. Я уже упоминал, что предвидение – не самая сильная моя сторона. Наверное, это семейное, потому что отец часто жалуется на ту же проблему. Так что оставалось довериться эксперту, тем более такому приятному и на вид, и на ошупь. Кассандра открыла мне, что видела на моём пути много испытаний, но не сомневалась, что я их преодолею. Учитывая не раз доказанный талант этой удивительной женщины к предсказанию, мне действительно стоило верить в успех. Так что встреча с ней меня не только развлекла, но и ободрила.

Покончив, наконец, с насущным, мы перенеслись на плато, служившее лемурианцам местом совместных медитаций. На острове, который мой народ считал домом на протяжении многих тысячелетий и где я оказался

впервые, решения принималась на малом Единении. Такая автономность была необходима, так как homo liberatus жили на Бермудской Лемурии не одни, хотя и считали себя здесь хозяевами в том смысле, что лишь на этом клочке Земли вели свой образ жизни открыто.

Плато Единения лежало на внушительной высоте. Отсюда открывался обзор на весь остров, окружённый естественной защитой – выступавшими из океанской стихии острыми, как ножи, обломками камней, словно намеренно созданными Природой, чтобы оградить мой народ от вторжения непрошенных гостей. А внутри бастиона из гигантских скал, отвесных обрывов и опасных рифов Бермудская Лемурия заросла тропическими джунглями, где не стихал многоголосый гомон непуганой жизни. С высоты плато Единения виднелись всего три крохотные белые полосы чистых песчаных пляжей. На горизонте, где-то очень далеко, лишь зоркий и опытный глаз мог различить силуэты других отдалённых островов, но с той стороны нашу землю никто не замечал, благодаря маскирующему энергетическому куполу. Для homo sapiens Бермудская Лемурия сливалась с океаном.

Как только наши ноги коснулись тёплых камней плато, из воздуха стали возникать лемурианцы в туниках. Они появлялись по одному, по двое, а изредка небольшими группами – всего собралось человек пятьдесят. Гармония многоголосой тропической Природы не нарушилась ни единым словом – а радушные телепатические приветствия светлыми ручейками устремлялись в моё сознание.

Остров населяла горстка homo liberatus, отчаянно любивших Землю и не желавших её покидать. Обитатели бермудской колонии мечтали восстановить природный баланс. Они то и дело являлись среди людей и внушали им, что сохранить и продлить жизнь можно только следуя Природе. Лемурианцы искали и находили возможности обучать наиболее способных homo sapiens и верили, что, лишь став сильнее как вид, человечество сможет освободиться от истинной угрозы своему существованию. К сожалению, мирный путь саморазвития долог, а энергетические паразиты – вампиры – действуют грубо и быстро. Они навязывают всё больше технологий, которые, в свою очередь, делают биологический вид homo sapiens всё слабее, уводят человечество всё дальше от Природы, всё глубже загоняют в клетку страха, который и делает людей рабами. Поэтому здесь меня ждали давно.

Единение с жителями острова стало приятной необходимостью. Кассандра подняла руку, требуя внимания, и, не разжимая губ, обратилась к собратьям: «Друзья, нам всем хорошо известно, какая важная и нелёгкая миссия предсказана Яну, сыну Симона. На этой планете нас осталось совсем немного. Зачем? Почему мы не желаем лёгкого пути – просто бежать на

Новую Лемурию, где нет разрушительных последствий порождённой страхом «цивилизации» homo sapiens? Ответ вы знаете: мы отказываемся махнуть рукой на свой дом. Не соглашаемся покинуть Природу Земли на произвол вампиров. И вот, он, наша надежда на восстановление баланса на этой планете, наконец, здесь, в начале пути, встать на который ни один из нас до сих пор не пожелал – и сейчас Яну очень нужна наша помощь».

«Это смотря какая помощь!» – настороженно пронеслось в умах сразу нескольких homo liberatus. Вступать в какую-либо войну ни согласился бы ни один из них, будь противник даже самим исчадием ада. Кассандра усмехнулась: «Никто не может заставить вас убивать то, что создала Природа. Убийство равносильно самоубийству – этого закона Природа не отменяла. А Яну просто нужна информация». И она взглядом дала понять, что пришёл мой черёд.

«Многие из вас бывают в разных уголках мира. Возможно, кто-нибудь встречал вот этого человека, – и я визуализировал образ одетого в военную форму homo sapiens с жёлто-кари́м и голубым глазами, взятый из воспоминаний директора музея и Александра Желобковича. – Свидетели преступлений нацистов в Белоруссии, вместо необходимых мне подробностей, вспоминают лишь это лицо, виденное ими лет тридцать назад».

«Гипноз», – в унисон догадалось Единение. «Да, – подтвердил я. – И этот человек – ключ, который сможет значительно ускорить успех если не всей миссии, то, по крайней мере, её первой ступени». К сожалению, в памяти лемурианцев я не отыскивал похожего лица, хотя... стоп! Вот, кажется, это оно! Или нет? Я встретил взгляд задумчивых чёрных глаз homo liberatus по имени Индо. В ответ он улыбнулся и, тряхнув внушительной копной прямых черных с проседью волос, приблизился ко мне. Остальные без лишних расшаркиваний растворились в прозрачном веянии океанского бриза.

– А почему же воспоминание такое блёклое? – удивлённо поинтересовался я у Индо. – И какое-то обрывочное. Странно... Образ очень нечёткий – я даже не уверен, тот ли это, кто мне нужен.

– Просто это не моё воспоминание, – ответил Индо, кривя губы и без энтузиазма добавил: – Пойдём. Тебе придётся познакомиться с его хозяином, – и мы отправились в глубь острова, хотя мой новый товарищ определённо не испытывал восторга по поводу предстоящей нам встречи.

На Бермудской Лемурии жили не только homo liberatus. Вместе с Индо мы перенеслись в небольшую деревушку, притаившуюся в заросшей густыми джунглями долине. Это была именно деревня, и состояла она из настоящих рукотворных хижин. Индо постучался в один из домиков. Ответа не последовало, но изнутри мы услышали стук падающего деревянного

предмета. Индо осторожно приложил ухо к двери, но, внезапно изменившись в лице, крикнул «За мной!» и исчез по другую сторону стены. Оказавшись в хижине, мы увидели homo sapiens, висевшего за шею на верёвке, привязанной к поперечной балке под потолком. Ноги его судорожно дёргались. Я был настолько поражён, что застыл на месте, теряя драгоценное время, а более опытный в общении с людьми Индо быстро схватил висельника за ноги и приподнял его, чтобы ослабить давление верёвки на горло.

– Режь верёвку! Чего ты стоишь? – громко прорычал мой товарищ. Этот горячечный окрик, брошенный тихим, погружённым в себя, многое повидавшим за четыреста с лишним лет лемурианцем, был столь неожиданным, что сам по себе меня обескуражил. Наконец, опомнившись и сообразив, что речь идёт о жизни и смерти, я преодолел гравитацию и, оказавшись под потолком, начал пальцами, по-человечески, распутывать затянутый на совесть узел.

– Да вот же нож у него на столе! – опять рывкнул на меня Индо.

К тому моменту верёвка уже и так поддалась, и наш незадачливый самоубийца тяжело рухнул на пол. Индо занялся восстановлением дыхания у старика, а я подошёл к столу и взял в руки то, что называлось ножом. Это была очень острая металлическая пластина, вставленная в деревянную ручку и сделанная давно, видимо, ещё в бытность своего хозяина на континенте. Такого приспособления я, кажется, ещё и не видел, во всяком случае в это своё недолгое пребывание на Земле. Нет, ну, при желании, можно было бы откопать воспоминания о ножах из раннего детства, когда мать пользовалась ими для готовки, но на Новой Лемурии я совершенно позабыл об этом человеческом изобретении, а вот теперь просто растерялся при виде живого существа, пытавшегося добровольно лишиться себя жизни – поступок немислимый ни для одного создания Природы, кроме homo sapiens. От удивления я не сообразил воспользоваться не то, чтобы малознакомым предметом, но даже и более привычным способом – пережечь верёвку разрядом энергии, вместо чего последовал своему человеческому инстинкту. «Будет над чем посмеяться с Симоном!» – мелькнуло у меня в голове. Спасённый нами старик тем временем пришёл в себя. Он был мрачен, молча сидел на полу и – весьма успешно блокировал наши попытки услышать или увидеть, что он думает!

«Как он это делает? – безмолвно обратился я к Индо. – Он ведь homo sapiens!»

«О, это интересная история», – ответил мой товарищ телепатически, а вслух проговорил:

– Видишь ли, давным-давно лемурианцы решили не отпускать в мир тех, кто случайно попадает на этот остров во время крушений кораблей и самолётов и обнаруживает наше последнее пристанище на Земле. Приходится удерживать их здесь, к сожалению, против воли... – Индо с жалостью поглядел на угрюмого человека, уставившегося в пол. – Но мы всегда приглашаем всех вынужденных жить здесь homo sapiens стать частью нашего мира. Предлагаем тренироваться и учиться всему, что делает нас бесстрашными и свободными. Достижения далеко не у всех одинаковы, но они есть. И эти люди изменяются: они лучше овладевают своей природой, становятся увереннее и некоторые начинают чувствовать принадлежность к нам даже в большей степени, чем к своему виду. Освоивший телепортацию в достаточной мере, чтобы переместиться на континент, свободен покинуть остров. Как говорится, спасение утопающих – задача самих утопающих. В прошлом таких бывало немало. Они возвращались к людям и становились учителями, просветлёнными. Но за последние сто лет ни один homo sapiens не сумел нас покинуть. Технический прогресс делает их ленивыми, замещает природные силы и отнимает веру в них. Кое-чему застрявшие здесь люди, конечно, учатся. Телепатию освоить довольно несложно, а блокирование доступа к своим мыслям – ещё проще. Ну вот, это и есть единственное, чему научился наш несчастный, – закончил Индо, указав на несостоявшегося висельника и укоризненно спросил на родном для того языке: – Что же ты такое удумал, Джим?

– Не могу я больше, – мрачно отозвался человек и добавил с сарказмом: – Тошно мне с вами и с вашими просветлёнными, тоскливо!

– Что же ты сам не занимаешься? Есть же путь обратно.

– У кого он есть-то? Во всяком случае, не у меня, – возразил Джим с надломленным стоном. – У меня только один путь – на тот свет, – и он безнадежно ткнул пальцем в воздух. – Может быть, хотя бы там я увижу своих... когда-нибудь.

«У него жена и две дочери. Скучает по ним», – пояснил для меня Индо, а старику сказал:

– Нам нужна твоя помощь, Джим.

– Да неужели? – злобно огрызнулся старик. – С каких это пор никчемная вошь вроде меня помогает всеильным либератусам?

Такое начало не предвещало ничего хорошего, но мудрый Индо продолжал миролюбивым тоном:

– Нам всего лишь нужны твои воспоминания относительно вот этого человека, – и он воспроизвёл в воздухе прозрачный образ военного с глазами разного цвета.

Джим криво усмехнулся, прищурился и, помедлив, сказал:

– Да, с этим *товарищем* мне пришлось познакомиться однажды...

– Так впусти нас – и тебе не придётся рассказывать! Мы сами рассмотрим всё, что нас интересует, – с энтузиазмом поощрил наш переговорщик.

Но неудачливый самоубийца умел торговаться лучше нас. Он с ненавистью уставился на лемурианца непроницаемыми глазами с наглостью человека, которому нечего терять, и глухо отчеканил:

– Ну уж нет. Просто так я вам ничего не скажу, – его ментальная защита была, как броня. Возможно, это и было единственное, чему Джим научился на Бермудской Лемурии, но научился он действительно хорошо. К тому же вдруг зашевелившийся в старом лётчике азарт лишь усиливал его энергетику

– Чего же ты хочешь? – поинтересовался я. Меня одолевало нетерпение. Странная ирония была в том, что между мной и единственной зацепкой в моих поисках стоял барьер, созданный вот этим немощным, костлявым восьмидесятилетним *homo sapiens* с железной волей. Конечно, я мог бы хорошо постараться и сломать его сопротивление... но этим навредил бы старику, чья вина состояли лишь в обиде на лемурианцев за жизнь, проведённую вдали от родных. Это было понятно и без телепатии. Я жалел Джима.

– Хочу вернуться домой и дожить свой век с семьёй, – ещё тише произнёс он.

«Его жена жива, – пояснил Индо, которого терзало сомнение. – Никогда мы не позволяли покидать наш остров тем, кто не умел телепортироваться самостоятельно. Что скажешь? Поиск этого гипнотизёра действительно так важен, что стоит сделать исключение?»

«Скорее всего, от результата зависит, найду ли я *того* вампира... То есть начнётся ли миссия вообще», – ответил я подавленно, и Индо, как свою собственную, ощутил одолевавшую меня безысходность при мысли потерять даже эту тонкую ниточку к разгадке. Не прощаясь с Джимом, мы перенеслись из его домика обратно на плато, где часом ранее виделись с обитателями бермудской Лемурии. А они уже были в сборе.

«Ну и переполох ты устроил! – смеялась Кассандра. – Не помню, чтобы здесь собирались дважды в день!»

«Эх, молодёжь! – проворчал старейший на Земле лемурианец, долгожитель, которому недавно исполнилось шестьсот восемьдесят два года. Он на удивление хорошо сохранился, хотя и проводил почти всё своё время на загрязнённой планете. – Всякое бывало. Когда европейцы открыли Америку, мы тут собирались по два раза чуть ли не каждый день. Думали, что с ними делать...»

«И что вы думаете, дедушка Пересвет?» – перебивая начавшийся было рассказ про дела давно минувших дней, прицепилась к нему пророчица, как будто и понятия не имела об исходе встречи.

«Что тебе сказать, детка? – и старый homo liberatus присел на камень. – Этот Джим по их меркам такой же старик, как и я, а стариков тянет домой. Потому-то и я сижу вот здесь, на Земле, хотя телепортировать на большое *Единение*, – и он указал глазами на небо, – становится всё труднее. Каждый раз возвращаясь на Землю и думаю, что следующий призыв застанет меня уже внутри неё. Хочу умереть дома, – и Пересвет грустно улыбнулся, показав идеальные белые зубы. – Чем нам может навредить этот человек? Отпустите Джима. Доброе дело сделаете и нашему малышу поможете». Малышом он назвал меня, а я и вправду радовался, как ребёнок. И за себя, и за Джима.

Мы с Индо отсутствовали и домике нашего свидетеля около часа. «Надеюсь, он не попытался опять повеситься!» – переживал я.

«Да что ты! – улыбался Индо. – Думаю, этот час он жил надеждой».

– Ну что, мой друг, танцуй: ты отправляешься домой! – возвестил мой спутник, застав старого homo sapiens сидевшим за столом неподвижно, уронив голову на руки.

Джим медленно поднял на нас широко раскрытые блестящие слезами глаза. Старик прожил на Бермудской Лемурии без малого сорок лет и знал: homo liberatus не умеют лгать. Его подбородок задрожал. Ум не просто распахнулся, а вывернулся наизнанку. В одно мгновение нас, словно острой иглой, пронзило всё, что выстрадал этот угрюмый человек в нашем земном раю, и что он скрывал от хозяев острова за баррикадой ментальной защиты единственно по причине того, что у людей называется гордостью. Гнев несчастного существа, бессильного перед лицом неизбежности, тоска по любимым и беспросветное одиночество среди так и не ставших своими «волшебников». Надежда, надежда, надежда, не угасавшая десятилетиями и в конце – отчаяние, бессмысленность существования, без ножа кромсавшая его сердце долгие годы. Эти чувства пленника Лемурии, во многом понятные мне из-за тоски по матери, но неведомые расе homo liberatus, поразили Индо. Он опустил на лавку рядом со стариком, положил руку ему на плечо и сказал:

– Прости нас, Джим. Я не знал, как разрушалась твоя душа всё это время..., позволь нам увидеть то, что мы ищем – и ты отправишься к семье.

Через три четверти часа Джим стоял посреди крохотной квартирki на отдалённой от океанского побережья окраине Джексонавилла, а его Джулия, по обыкновению развлекавшая свой начинавший затуманиваться старческой болезнью ум нескончаемой мыльной оперой, привстав с

необъятного редко покидаемого кресла, хватала воздух ртом, вытаращенными рыбьими глазами пялясь на сильно постаревшего воскресшего мужа.

Глава 6. Во все тяжкие

Итак, наш предполагаемый гипнотизёр определённо имел отношение к службе в государственной безопасности – вот единственное, что нам удалось выведать у Джима, и даже это он узнал лишь по стечению обстоятельств. До того, как Джим попал в аварию над Бермудской Лемурией, он работал пилотом на международных рейсах. Однажды, вскоре после Второй мировой войны, его самолёт на несколько дней задержался в одном из московских аэропортов, и членов экипажа поселили в гостинице «Интурист», где они находились под неусыпным наблюдением КГБ.

Младший лейтенант Павел Пилатов – так было написано в предъявленном Джиму удостоверении – был тогда одним из рядовых наблюдателей, курировавших американцев. Незаметная внешность – преимущество для чекиста, но это лицо сложно было не запомнить благодаря пристальному взгляду жутковатых глаз – один был изжелтакарий, а другой – бледно-голубой, почти бесцветный. Под таким взглядом хранить секреты невозможно, но, по счастью, у лётчика пассажирской авиации секретов и не было. И тем не менее, при воспоминании о тех сверлящих душу глазах по коже Джима пробежал неприятный озноб. Так что речь действительно шла о нашем субъекте.

«Что тебе даст знание имени? – пожав плечами, поинтересовался Индо. – Как ты собираешься искать этого Пилатова?» Я колебался с ответом, но тут перед нами материализовалась Кассандра и вмешалась с таким видом, будто с самого начала участвовала в разговоре: «Он ведь работал в государственной системе безопасности, а у них всегда всё записано на бумаге. Надо попасть туда, где хранятся эти бумаги – и мы легко сможем узнать, где находится ваш удав. Просто! – подытожила провидица, изобразив блюдечко своими изящными ладонями, и тоном, не допускающим возражений, добавила: – Я иду с тобой».

Я даже не знал, радоваться или огорчаться такому заявлению. Конечно, отправиться на незнакомую территорию с кем-то из своих было бы гораздо полезнее, чем в одиночку, но Кассандра... Рядом с ней я ощущал себя не в своей тарелке, так как не слышал, что происходило у неё в голове. Оракулы – единственные *homo liberatus*, которые блокируют мысли от собратьев, чтобы сделать недоступными свои видения. Всё потому, что любой

получивший достойное доверия предсказание о будущем непременно это будущее изменяет, вольно или невольно. Если бы каждый мог видеть глазами оракулов, легко вообразить, какой хаос воцарился бы среди людей, как «разумных», так и «свободных», так что провидицы мужественно несут ношу своего знания в одиночестве и сообщают нам о предстоящих испытаниях лишь в редких, по-настоящему критических, случаях. Повседневные мысли, не относящиеся к предвидению, они открывают тоже по своему усмотрению, но homo literatus безоговорочно доверяют таким, как Кассандра, потому что убеждены, что Природа наделила оракулов абсолютной мудростью...

А тем временем эта женщина-загадка прекрасно читала моё замешательство, веселилась и поддразнивала, и в непоследовательных обрывках её мыслей, к которым меня соизволили допустить, я не разбирал ничего, кроме тяги к приключениям. Так или иначе, больше никто не вызвался участвовать в затеваемой аванюре, и мне оставалось рассчитывать на предложенную компанию.

Найти нужное место в Москве было несложно. «Ну что, мой герой, с чего начнём?» – задорно спросила Кассандра. С угла площади мы смотрели на гигантскую жёлтую кирпичную коробку, отсвечивавшую стройными рядами оконных стёкол. Даже взгляда снаружи хватало, чтобы понять: в здании на Лубянской улице мог бы уместиться, по меньшей мере, весь лемурианский народ, а оно к тому же было разделено на сотни маленьких комнат-коробочек. – И это только фасад! – прокомментировала моя спутница. – Там, за этим зданием, у них настоящий город государственной безопасности. Город, созданный из страха, превратился в город, внушающий страх. У людей так всегда», – несмотря на показную шутовскую тону, недооценивать роль этого каменного мешка в жизни слишком многих homo sapiens не приходилось. Я, как позже выяснилось, наивно, подумал: «Почему мы не можем просто спросить?»

«Конечно, можно и спросить, – беспечно усмехаясь, отозвалась провидица. – Кого спрашивать будем?»

«Давай войдём и посмотрим», – предложил я.

Мы вошли, как люди, через двустворчатые двери в центре фасада, но Кассандра настояла, чтобы я не показывался. Мы явились в Москву ещё накануне ночью – хотели осмотреться и подготовиться, и лемурианка беззастенчиво позаимствовала в валютном магазине деловой костюм, состоявший из очень узкой чёрной юбки чуть выше колен, прекрасно сидевшего полуприлегающего пиджака и белой шёлковой блузки,

растёгнутой ровно до места, где начинала открываться ложбинка груди. Стройные ноги в гладких тёмно-бежевых, под цвет смуглой кожи, чулочках были обуты в чёрные туфли-лодочки на неимоверно высоком узеньком каблуке. В этой одежде и с красиво ниспадающими по плечам блестящими густыми волосами цвета воронова крыла моя спутница выглядела так привлекательно, что просто дух захватывало! Я всё гадал, как ей вообще удаётся стоять на ногах в этой обуви, а она держалась на удивление уверенно, словно имела давнюю привычку гарцевать вот так на носочках по площадям и коридорам, построенным человеческой цивилизацией. «Красота требует жертв!» – ухмыльнулась озорная бестия, а я, поскольку спорить было всё равно бесполезно, согласился, что в таком виде разговаривать с количественно преобладавшими в здании мужчинами ей будет гораздо удобнее без сопровождения. Вслед за Кассандрой я невидимкой переступил через порог здания. Внутри мы сразу наткнулись на человека в чёрном костюме, который внимательно наблюдал за входящими и выходящими. Это была его работа. Его мыслям редко доводилось выбираться из своеобразного ментального ящика, где они были заперты надёжно, как искомые нами документы.

– Здравствуйте! – вкрадчиво, обворожительно улыбаясь рубиновыми губами, обратилась к охраннику Кассандра. – Мы хотели бы встретиться с Павлом Пилатовым.

– А кто это? – отозвался охранник, невольно уставившись туда, где расходился в стороны ворот её шёлковой блузки.

– Это сотрудник КГБ.

Молодой мужчина удивлённо перевёл глаза на лицо Кассандры, хлопавшей длинными ресницами для убедительности, и подумал: «Ты что, с луны свалилась? Красивая дурочка. Ты хоть представляешь себе, сколько людей здесь работает?», но сделал усилие, и вежливо ответил:

– Вам нужен отдел кадров. Это другое здание, – и, радуясь возможности отделаться от нежелательного запроса без лишних забот, назвал адрес неподалёку, куда мы и отправились.

Я следовал за Кассандрой, по-прежнему невидимо. В другом здании удивительно похожий на первого охранник в таком же чёрном костюме, так же скосив глаза на вырез шёлковой блузки, спросил:

– А по какому вы вопросу?

– По личному, – ответила Кассандра, наивно улыбаясь и, снова хлопая ресницами, прониновенно заглянула в глаза костюму.

– По личным вопросам, девушка, здесь справок не дают, – этот, хотя тоже мысленно и назвал её красивой дурочкой, начал подозревать и какой-то

подвох. – Нужен официальный запрос от организации, которую вы представляете.

– А я никого не представляю... – с притворным огорчением сникла Кассандра. Потом спросила с напором: – Что же мне теперь делать? – и, уже откровенно нарываясь на неприятности, она бодрым грациозным аллюром устремилась вглубь фойе в обход собеседника. Охранник сперва опешил, а через секунду громко крикнул в трубку рации: «Проникновение!» Несколько очень похожих на него мужчин в одинаковых чёрных костюмах сбежались и окружили мою подругу плотным кольцом, из которого она не замедлила испариться и оказалась в противоположном углу фойе, рядом со мной. Оставаясь невидимой, Кассандра громко, нарочито-заливисто захохотала, так что охранники, озадаченно заозирались по сторонам. Потом она проявилась, помахала костюмам ручкой и снова исчезла. Тогда мужчины рассыпались по помещению и стали обыскивать каждый его угол, но мы уже перенеслись наверх и отправились по этажам в поисках какой-нибудь зацепки.

«Ты с ума сошла! – выговаривал я своей взбалмошной подруге. – Теперь они удвоят бдительность и нам будет труднее!»

«Да пусть хоть утroat! Что могут сделать нам жалкие существа? – задиристо парировала Кассандра и с глубоким презрением добавила: – Охранники! Человеческая работа, порождённая исключительно страхом. Только посмотри на этих здоровых парней! Как можно тратить свою и без того короткую жизнь на стояние у двери «на всякий случай»?

Действительно, бдительность охранников нам никак не могла помешать, а мысль, что homo sapiens способны провести полжизни стоя у дверей, меня как громом поразила. Лишённому страха сложно понять порождённую страхом систему, а Кассандра лишь подливала масла в огонь: «Если ты собираешься бороться с пожирателями энергии, ты должен понять, до какой степени поведение людей продиктовано желанием оградиться от угрозы, чаще мнимой, чем реальной». Она была права, и определённо имело смысл познакомиться с одной из самых мощных человеческих систем безопасности на Земле поближе, так что мы решили разделить не только чтобы ускорить поиски, но и чтобы я мог сам осмотреться вокруг и сделать выводы.

На этажах здания меня поглотила тягостная тишина нескончаемых коридоров со множеством закрытых дверей. За каждой дверью сидели люди, чьей работой так или иначе было охранять покой страны. Судя по количеству кабинетов, работы у них было много. Продвигаясь по коридору, я сквозь двери слышал обрывки разговоров и мыслей. В стране назревали перемены, и в калейдоскопе мнений и энергий, приводивших в движение этот оплот безопасности, несмотря на внешнюю тишину, не было

необходимого любой системе порядка – там присутствовала какая-то хаотичность и взбаламученность, порождённая долгожданным возбуждением скупающих умов. Мысли людей метались из одной противоположности в другую: от опасения к любопытству, от недоверия к надежде, от настороженной сдержанности к готовности со всех ног бежать навстречу маячившему вдали неразборчивому, как мираж, и оттого казавшемуся прекрасным новому.

«Большое дело затеяли! Давно пора обновить систему!»

«Но хорошо ли это?»

«Андропов* тоже планировал реформы – но не дожил... Значит, видел необходимость?»

«Демократизация – это хорошо, в теории. Людям и правда хочется высказаться – нам ли не знать? Но нам-то как теперь работать?»

«Ускорить технический прогресс – да? Один уже догнал и перегнал Америку, а в результате – чуть все на воздух не взлетели...»

«Как это отразится на внешней политике? Где *он* черту-то проводить собирается?»

Никто до конца не понимал смысла перемен, о которых вещалось со всех экранов, и некоторые закрывали глаза на то, что перемены эти неизбежно расшатывают охраняемую ими же самими систему. Из страха порицания за невыполнение приказов они просто продолжали, как могли, делать свою работу. Пока.

Забираться за каждую дверь было глупо – это заняло бы вечность. К тому же, побывав в паре кабинетов, я почувствовал, как заразительно было всеобщее возбуждение. Из-за него я уже и сам терял энергию, которая тут же присоединялась ко внушительной мощности потоку, устремлявшемуся куда-то за пределы здания. Превращаться в донора неизвестно для кого точно не входило в мои планы, и я, вместо посещения кабинетов, стал по надписям на дверных табличках угадывать, где можно было узнать о нашем гипнотизёре. Один из коридоров был перегорожен дверью, на которой значилось «Отдел неизученных и паранормальных явлений». «Мне точно сюда», – сообразил я, зная, что даже такая простая вещь, как гипноз, у homo sapiens явление редкое и мало изученное. Оказавшись по другую сторону двери, я почувствовал, как моё тело зазудело предчувствием, но решил не звать Кассандру. Своей взбалмошностью и непредсказуемостью она выводила меня из равновесия и могла всё испортить. Выходка в фойе и так была главной темой разговоров во всех этих кабинетах, где и без того накрученные неопределённостью сотрудники государственной безопасности строили самые безумные догадки.

В кресле за большим прямоугольным рабочим столом сидел крупный мужчина в военной форме, с тремя напинавшими пентаграммы значками на плечах кителя. Выслушав довольно точный отчёт о происшествии у входа в здание отдела кадров, он с негодованием уставился на не улыбочивого подтянутого субъекта в чёрном костюме, не таком мешковатом, как у тех, что ловили Кассандру в фойе.

– Как так исчезла? – сокрушённо спросил человек с пентаграммами. – Проворонили, наверное!

– Никак нет, товарищ полковник, – оправдывался начальник охраны. – Я сам лично там был, как раз случайно зашёл. Мы её окружили плотным кольцом, человек десять – а она просто испарилась из середины! Да ещё хохотала так громко, даже дико... Она-то испарилась, а смех – нет. Его потом слышали из противоположной части фойе, где она и появилась, но только *после* смеха! А потом снова исчезла. Чертовщина какая-то!

– Ладно, – отозвался полковник. – Предположим всё это не групповая галлюцинация. Что мы имеем? – и он потёр пальцами гладко выбритый подбородок. – Красивая молодая женщина, предположительно, азиатской национальности, одетая как иностранный дипломат, просила о встрече с бывшим сотрудником нашего отдела, пенсионером, потом устроила сцену в фойе и исчезла, а через секунду появилась на противоположной стороне того же помещения, куда в такое короткое время она физически попасть не могла ни пешком, ни бегом – а потом опять исчезла.

– Да, всё точно так и было, – подтвердил костюм.

– Получается, она вас всех загипнотизировала, – сделал вывод начальник. – Или эта дама, во-первых, умеет становиться невидимой и, во-вторых, обладает способностью к телепортации. Так или иначе, это, действительно, по нашей части, – полковник резко встал, прошёлся по кабинету и снова плюхнулся в кресло. – При таком раскладе, она наверняка всё ещё находится в здании.

– Диверсия? – с тревогой в голосе предположил начальник охраны, а в его уме нарастала граничившая с паникой озабоченность, потому что было абсолютно ясно, что изловить столь умелую диверсантку не представлялось возможным и что теперь она могла свободно проникнуть в самые охраняемые закоулки здания и легко завладеть самыми что ни на есть секретными документами...

– Диверсия? – эхом переспросил полковник, взвешивая в уме все пункты услышанного рапорта. – Возможно... Вот только если бы она охотилась за секретной информацией, то проникла бы в здание тихо, а не устроила бы такой переполох.

– Кто же она тогда? – начальник охраны в недоумении уставился на старшего по званию и с надежной в голосе спросил: – И какие будут указания?

Игривым тоном, не вязавшимся с внушительным размером командирского тела, полковник ответил неожиданно громко, словно обращался к воздуху:

– Она спрашивала Павла Пилатова? – начальник охраны кивнул. – Так ведь у нас в отделе племянник его работает, Андрей – вот пусть он и разбирается с дядиными косяками! – и, нажав на одну из кнопок телефонного аппарата, он гаркнул в трубку: – Майор, у тебя Пилатов на месте?

– Так точно, как раз сегодня вернулся из командировки, – прошипел в ответ голос из телефона. – Отчётом занимается.

– Сюда его, пулей! – приказал командир и, как следует приложив трубкой по аппарату, добавил, обращаясь к начальнику охраны: – Вот так-то, Вася. Свободен! Если дамочка опять возникнет в поле зрения, доложить.

– Есть! – и человек в костюме с глубоким вздохом облегчения от того, что головную боль взял на себя кто-то другой, вышел из кабинета.

Оставшись один, полковник встал из-за стола и подошёл к окну. Там он стоял некоторое время, невидящими глазами уставившись в стекло, по которому неспешно сползали капли недавно припустившего мелкого дождика. На минуту мысли офицера вернулись на двадцать лет назад, ко времени курсов повышения квалификации, когда он впервые увидел человека с одним жёлто-карим глазом, а другим жутковатым прозрачно-голубым. Павел Андреевич Пилатов преподавал там навыки гипноза и ментальной самозащиты. Ни к тому, ни к другому Свиридов, тогда ещё майор, не имел способностей, хотя теорию изучил прилежно, а немногих коллег, у кого всё это до какой-то степени получалось, уважал, вплоть до тайного благоговения. Пилатов же был сильнейшим гипнологом, которого ещё и побаивались за нетерпимый к любому нонсенсу характер. Мне пока не удавалось извлечь больше сведений из потока сознания полковника Свиридова, так как удивительный инцидент этого утра занимал все мысли начальника отдела по неизученным явлениям, а его воспоминание о бывшем преподавателе гипноза было скорее мимолётным. Я лишь понял, что в этих стенах человек со странными глазами больше не бывает.

В дверь постучали. Вошёл высокий молодой офицер, очень похожий на Павла Пилатова из воспоминаний Джима, за исключением цвета глаз. Как у дяди, слегка навывкате, они, слава богу, были одинакового, серо-голубого цвета и глядели не пристально, а скорее устало, даже чуть разочарованно. В чертах лица молодого человека просматривалась порода: немного крупный

нос с горбинкой, высокие скулы, при густых светло-русых волосах – тёмные, почти чёрные брови, красиво очерченный рот, ямочка на подбородке. Андрей Пилатов выглядел мужественно, но не брутально. Я поймал себя на мысли, что Кассандру мог бы заинтересовать этот красавчик, и что если она решит уделить ему внимание, то, возможно, оставит меня в покое, так что я даже начал испытывать симпатию к этому тридцатитрёхлетнему молодцу с выправкой и меланхоличным взглядом.

– Вызывали, товарищ полковник? – с мягкой улыбкой спросил молодой человек, обнаружив ямочки ещё и на щеках.

– Здравствуй, капитан. Пройди, присядь, – и Свиридов возвратился к своему креслу. Когда Андрей Пилатов поместился на стуле там, где начиналась длинная сторона прямоугольного стола, полковник, потыкал указательным пальцем вниз, подразумевая фойе отдела кадров, и со смешком поинтересовался: – Слышал о сегодняшнем инциденте?

– Кто ж не слышал? – оживившись, ответил капитан. – Не каждый день такие наглые вражеские диверсии происходят прямо в этом здании... Я был уверен, что вы меня вызовете, ведь диверсантка, кажется, искала дядю Пашу... то есть, простите, полковника Пилатова?

– Диверсантка, говоришь? – задумчиво отозвался начальник. – Не уверен. Я даже не уверен, что она или они сейчас не присутствуют в этом кабинете.

«Старик начинает чудить», – подумал капитан, а вслух сказал:

– Здесь? Вы шутите?

– Может, шучу, а может и не шучу... – неопределённо отозвался Свиридов. – Если не шучу, то ловлю на живца – на тебя то есть. Думаю, они на тебя выйдут в первую очередь. Так что докладывай о любой попытке контакта. Это дело отдаю тебе, если возникнет какое-то дело, конечно. Свободен пока.

– Есть, товарищ полковник.

Молодой офицер поднялся и направился к выходу. Когда он уже взялся за ручку двери, Свиридов окликнул его:

– Андрюша, ты это... оружием не размахивай без надобности. А дяде позвони, расскажи, что здесь случилось, и предупреди, чтоб ждал гостей.

– Будет сделано, Фёдор Сергеевич! – отчеканил Андрей Пилатов, подумав: «Плохо же уход Андропова на тебе сказался!»

К моменту, когда племянник отставного гипнотизёра вышел из кабинета своего начальника, из его мыслей я уже раздобыл сведения о том, как добраться до общежития КГБ, где у капитана была небольшая комната – единственное место, куда Андрей в ту минуту хотел попасть после утомительной командировки. Теперь младший Пилатов никуда не мог от меня деться. Я собирался заняться им вплотную, но сперва захотел подольше

задержаться у Свиридова. Было любопытно, как тот, не обладая ни высокой чувствительностью, ни простейшими навыками телепатии вернее всех сложил в уме картину происходившего, столь маловероятного с точки зрения обычного погрязшего в стереотипах homo sapiens.

Этот неугомонный человек избрал работу в спецслужбе ради «настоящей жизни». Он ни минуты не жалел о своём выборе, несмотря на многие пережитые опасности и даже на иногда неудобоваримые и откровенно дурацкие непрофессиональные директивы, спускаемые сверху. Свиридов имел живой, открытый и критический ум и был поклонником здравого смысла, который у *человека разумного*, не имеющего доступа к сознанию себе подобных, основывается только на опыте лично пережитых, увиденных воочию событий. И начальник отдела по неизученным и паранормальным явлениям, как и другие одарённые недюжинным интеллектом homo sapiens, привык верить своим глазам и фактам. Вот только за время работы в отделе он увидел такие вещи и узнал о таких фактах, что понял: мир действительно более удивителен и разнообразен, чем он кажется вон тем бегающим за окном человечкам, терпеливо стоящим в очередях за колбасой, озабоченно, как заведённые механические игрушки, спешащим на работу и с работы, пугающимся неизвестного и закрывающим глаза на необъяснимое.

Более двадцати лет Фёдор Сергеевич пытался обратить необъяснимое на пользу советского государства. объездил если не весь земной шар, то, во всяком случае, многие его загадочные уголки. Вскоре после начала службы в департаменте КГБ Свиридов, тогда ещё лейтенант, был заброшен в Тибет. Это не было оперативным заданием – от него требовалось оценить потенциал духовных и физических практик, которым жившие в монастырях люди посвящали целые жизни. Идея руководства состояла в том, чтобы позаимствовать знания тибетских монахов и обучить им своих наиболее способных сотрудников. Делом Свиридова был лишь сбор информации, но и этого ему хватило, чтобы осознать безграничность человеческих возможностей, так что понимание полковником здравого смысла сильно отличалось от представлений капитана Пилатова. Тот работал с рядовыми советскими гражданами, что приходят в возбуждение от сенсаций об НЛО, но верить по-настоящему ни в какие чудеса не стремятся. Мир действительно многообразен и всё ещё слишком мало изучен. В глазах полковника КГБ Свиридова это было неоспоримым фактом.

Итак, он ничуть не сомневался в реальности инцидента в фойе отдела кадров – и лишь гадал, была ли поднявшая «бучу» дамочка – наша Кассандра – инопланетянкой или вражеской лазутчицей. Контакты с внеземными цивилизациями постепенно переставали быть мифом, и полковник очень надеялся на версию с инопланетянкой. В этом случае всё-таки была

возможность какого-нибудь мирного развития событий, исходя из того, что полученные до сих пор сигналы из космоса ещё не принесли никаких особенно разрушительных для Земли последствий. А вот появление иностранной разведчицы, умевшей становиться невидимой и перемещаться в пространстве, точно не предвещало ничего хорошего. К сожалению, последняя версия представлялась более реалистичной. Третьего варианта у него не было – здесь полковнику просто не хватало воображения.

Наконец, удовлетворив своё любопытство, я покинул кабинет Свиридова и призвал Кассандру, на что она игриво ответила: «Лучше ты ко мне!» Я повиновался и очутился в подвале ещё одного, третьего по счёту здания. У пустой комнаты средних размеров, где меня ожидала искательница приключений, были холодные каменные стены, низкий сводчатый потолок и запертые снаружи железные двери. В углу стоял небольшой, но крепкий деревянный стол в компании двух простых коренастых стульев. Под потолком белой точкой зависал стеклянный полукруглый плафон без лампочки, и, если бы мы не умели видеть в темноте, пришлось бы передвигаться наощупь. Комната была заброшена и не отпиралась по меньшей мере два десятка лет, но пыли в ней было совсем не много, так как ей просто неоткуда было налететь, кроме как через небольшое отверстие-вытяжку под потолком. Когда-то в этом подвале допрашивали и убивали, часто и с удовольствием, и даже после стольких лет всё здесь было пропитано энергетическими следами ужаса и безнадёжности жертв и торжества сытых вампиров – отвратительными вибрациями, как из моих детских воспоминаний о плававшей Хатыни. Я бы не выбрал такую комнату для игр с дамой.

«Что это за очаровательное место?» – спросил я Кассандру, которая выжидала, сидя на крышке стола, беззаботно болтая ногами.

«Это можно сказать, музей вампиризма, – тоном экскурсовода ответила она. – Здесь допрашивали *политических* заключённых, а иногда и расстреливали их. Ещё при Сталине. Конечно, исполнять такую работу могут только вампиры».

«Зачем же мы здесь?» – удивился я, поёживаясь.

«Для твоего общего развития – это раз. Для тренировки устойчивости к негативной энергии – это два. Ну, а в-третьих, здесь нам никто не помешает», – и Кассандра, вытянув в мою сторону стройную ножку в замечательно гладком чулке и в столь же красивой, сколь и неудобной чёрной туфельке. Она начала медленно расстёгивать белую блузку, обнажая для меня то, что не удалось рассмотреть охранникам в скучных чёрных костюмах.

– У нас будет мальчик, – мечтательно промурлыкала вслух соблазнительная провидица, и добавила, подняв вверх миниатюрный указательный палец, предупреждая возражения: – Ты мне должен: без моего творческого подхода ты бы ещё долго искал ниточки к своему Пилатову – а теперь он у тебя в кармане, и точно тебе поможет.

– Так ты специально устроила то выступление в фойе? – поражённо воскликнул я, приближаясь вплотную к Кассандре и ощущая её учащённое от предвкушения удовольствия дыхание на своей щеке. – Почему же я ни слышал твоих мыслей, ни чувствовал, что ты их блокируешь?

– А-а-а... – самодовольно пропела она, сгребая на одно плечо неизменно пахнувшие морским ветром волосы. – Я и так умею! Некоторые важные поступки должны совершаться спонтанно!

С вызывающим кокетством Кассандра сверкнула глазами в темноте и стала медленно закатывать стеснявшую движения юбку, чтобы стянуть невиданный мною доселе нежный чулок. Я увидел её светлое кружевное бельё, протянул руку и стал пальцами трогать обтягивавшую тело Кассандры ткань, мягкую и гладкую на ощупь. Всё, о чём я мог теперь думать в наполненном воздухом человеческих страданий подвале, было нестерпимое желание овладеть влажными от вожделения прелестями оракула, скрывавшимися под созданной человеческой цивилизацией привлекательной обёрткой. Лемурианки, если вообще соизволяют одеваться, то носят короткие лёгкие туники. В случае обоюдного желания их тело легко доступно – и это тоже здорово. Только доступность эта мне привычна. А вот «шпионское» облачение, медленно сползающее с тела, красиво изогнувшегося на чёрном столе в бывшей комнате смерти, возбудило во мне острую, непознанную, накалённую до предела страсть... Кассандра умела быть убедительной. В конце концов, она ведь провидица и знает, что делает. Мальчик так мальчик.

*Юрий Владимирович Андропов – Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1983–1984) и Председатель КГБ СССР (1962 – 1967)

Глава 7. Племянник

Наступил долгожданный вечер. В комнате общежития КГБ работал старый чёрно-белый телевизор. На экране мужчина с продольным

фиолетово-бурым, как расплывшиеся высохшие чернила, родимым пятном на лысине убеждал граждан самой большой страны на Земле в том, что вот уже почти семьдесят лет все они живут неправильно. И что из-за негибкого управления и «железного занавеса» страна продолжает отставать от Запада экономически. И что если ускорить технический прогресс, начать во всеулышанье говорить о своих проблемах, вступить в отношения рыночной экономики и заняться улучшением качества жизни, передав сферу услуг малому бизнесу, то у советского общества всё-таки есть шанс построить коммунизм, причём в обозримом будущем.

«Так, да не так, – размышлял капитан Пилатов, закинув крупные босые ступни на спинку старого, но ещё довольно крепкого дивана. На полу под его свешивавшейся с дивана рукой стояла наполовину опустошённая бутылка пива и валялась книга в мягкой обложке. Андрей пытался расслабиться после возвращения утром из командировки и странного дня на Лубянке. Чтение его быстро утомило, а вот оторваться от телевизора, медленно и безостановочно поглощавшего энергию, молодому человеку было трудно, несмотря на раздражение после просмотра очередного бездарно проигранного футбольного матча. От пива капитана немного развезло, но речь нового генсека не давала уснуть, и голос из телевизора, как дятел, долбил мозг. – Неужели кто-то верит в эту чепуху про построение коммунизма? Тут бы социализм удержат... И разве в техническом прогрессе дело или в улучшении сферы услуг или уровня жизни? Или даже в пьянстве? Хотя да, водка погубила много хороших людей, и не только в СССР...»

Капитан Пилатов отхлебнул пива из бутылки и продолжал свой внутренний монолог, постепенно отвлекаясь от нескончаемой речи нового лидера: «Сколько можно мечтать о коммунизме? Коммунизм – утопия. Он для идеальных людей, честных, любящих ближнего, как самого себя. А у нас что? Каждый стремится урвать побольше, а если при этом надо ближнего надуть – так это ещё веселее. Вроде как бы надуватель выглядит умнее обманутого и даже приз получает в виде повышения самооценки. Какая уж тут любовь? В нашей работе это особенно заметно. Не дале как на прошлой неделе «целительницу» накрыли, которая людей облапошивала, особенно жён высокопоставленных лиц. Очень довольная собой дамочка, ни тени раскаяния! Оказалась отставной актрисой, несостоявшейся, из какого-то захолустья... Вот тебе и малый бизнес в сфере услуг!»

Погрузившись в свои мысли, Пилатов наконец-то отвлекся от ненасытного ящика и постепенно расслабился, но продолжал рассуждать:

«Чтобы построить коммунизм, честность людей должна быть абсолютной и всеобщей, то есть лжецов и мошенников вообще не должно быть, ни по эту сторону Берлинской стены, ни по ту, ни за океаном. Ведь даже если

предположить, что здесь мы всё-таки как-нибудь умудримся следовать моральному кодексу и построим идеальное коммунистическое общество, то всё равно *те* нас, честных, незамедлительно съедят с потрохами, задавят. Потому как их-то никакой моральной кодекс не связывает – они акулы капитализма. Честный человек может оставаться честным только среди достойных доверия людей. Одно без другого невозможно! И как никто этого не понимает? А скольким на самом деле можно доверять? Наша служба – живой тому пример. Дипломаты друг другу улыбаются и руки жмут, в то время как разведчики их стран вынюхивают, выискивают слабые места, рыскают на периферии, пробы на радиацию берут – ядерное оружие по лесам ищут. Они у нас, а мы у них. То есть надуваем друг друга в целях безопасности. Получается, надуваем из страха? И так поступают все, *и по эту сторону, и по ту*. И даже самые честные ломаются в этом вертепе самосохранения, начинают так или иначе лавировать и хитрить, якобы в целях самозащиты, и винить их за это было бы просто... нечестно, – и Андрей громко хмыкнул, грустно радуясь пришедшему в голову каламбуру. – Конечно, воплотить в жизнь это «от каждого по способностям – каждому по потребностям» было бы здорово, – продолжал он про себя, – только вот сначала надо научиться отличать потребности от желаний. Потребностей у человека, в принципе, не так уж много: съесть бутерброд после работы, выпить пива, и чтобы дали выспаться в тепле – вот, пожалуй, и всё. А вот желаниям нет предела. Как только узнаём о чём-нибудь хорошем – сразу же хотим это хорошее занять или попробовать. Неистребимая жадность человеческая – вот главный враг коммунизма. И на предательство Родины люди идут из-за той же жадности... Вон сколько «кротов» каждый год отлавливаем, а ведь среди них мало идейных – всё больше тех вербуют, кто мечтает о красивой жизни. Роют, роют под систему, пусть не идеальную, но всё-таки созданную потом и кровью *честных* людей, разбазаривают страну по ниточкам, а гонорар – себе в карман. И выходит, что никому доверять нельзя. Какой тут к чёрту коммунизм?

Вот и этот новоиспечённый – куда он клонит? Видишь, как рот кривит. Критикует, значит. А сам ведь не один десяток задниц облизал, чтобы вскарабкаться к власти и деньгам, не правда ли, Михаил Сергеевич? Спрашивается, зачем вам это? Чего вам не сиделось в своём Ставрополе? Что это, потребность у вас такая была жизненная – руководить страной? Или способности к руководству у вас лучше, чем у прежних? Это мы ещё увидим, конечно, но что-то мне подсказывает, вы вашей правдой-маткой изрубите систему в щепки – а пользы советскому человеку будет с гулькинос... Рот вы кривите потому, что прекрасно знаете: светлое будущее и всеобщее счастье, то есть, цель коммунизма – недостижимы. Они с самого начала

мечта, иллюзия, и только доверчивые обыватели всё ещё понимают эти фигуры речи буквально. Для них и вещаете, потому что без них вы никто. Всеобщее счастье невозможно согласно самой сути диалектического материализма, который учит, что противоречия – это и есть основа развития. А если счастье всеобщее, то не должно быть противоречий, или как?»

Молодой человек протянул руку и поднял с пола книгу с торчавшей в ней закладкой, указывавшей, что опус был осилен им почти до конца. Глядя на заглавие «Зигмунд Фрейд. Избранное», капитан КГБ подумал:

«Когда Маркс и Энгельс* писали «Манифест коммунистической партии», Фрейд** ещё не родился, так что психологию бессознательного первые идеологи коммунизма просто не могли учитывать. Зато русские революции – все три – проходили практически параллельно с открытиями Фрейда. Похоже, революционеры Фрейда тогда не читали. Боролись они за всеобщее равенство, но почему-то закрывали глаза на то, что для всеобщего равенства нужна всеобщая честность. А чтобы все были честными – это же надо, чтобы «Сверх-я», то есть совесть, победило окончательно и бесповоротно в каждом без исключения индивидууме. И куда же, позвольте, девать испуганное, не знающее правил «Оно»?»

Если даже сохранится один-единственный обманщик, играющий не по правилам, он неминуемо воспользуется честностью других и наживётся за их счёт. Непреодолимое противоречие! Эх, если бы только Фрейд жил лет на пятьдесят раньше! Был бы современником Маркса. Возможно, они бы встретились там, в Лондоне и вместе рассудили бы, что уничтожение частной собственности невозможно, по крайней мере без всеобщей лоботомии. Страх и вытекающие из него эгоизм и агрессия неотделимы от человеческой природы. Главное, марксизм действительно притягивает, он убедителен: читаешь и понимаешь, что коммунизм, принёс бы всеобщее счастье! *Если бы* он был возможен в обществе, где обман – преимущество, а честность – это слабость...

Нужно что-то третье, какой-то компромисс...

Видимо, наши революционеры любили романтику и приключения больше истины, если отказывались замечать такие очевидные несоответствия. А их попытка продвинуться к коммунизму с помощью террора? Страху нагнали на людей больше прежнего – какое уж тут доверие, а тем более честность? Коммунизм и страх – вещи по сути своей несовместимые, потому что к честности, как и к любви вынудить нельзя – это ценности сугубо добровольные. Вот и получается, что построению коммунизма мешают не враги народа и не капиталисты других стран, а сама человеческая натура, *как по эту сторону, так и по ту...* Держатся люди за свои вещички и денежки, всеми правдами и неправдами запасают на чёрный

день. И чем больше боятся, тем больше запасают. Малоимущий, конечно, кричит, что хочет всеобщего равенства, но только потому, что рассчитывает в равенстве занять больше, чем в своей бедности. А как только появляются деньжата, да ещё и власть, мечта о равенстве куда-то улетучивается, и наш человечиска уже только и думает, как бы удержать и приумножить, что имеет. И боится, боится потерять, и всё ему мало... Возможно, когда жизнь становится лучше и безопаснее, люди начинают бояться меньше и чувствуют себя счастливее?»

– Возможно, милый, но страх в homo sapiens никуда не девается, потому что он заложен генетически и активизируется при малейшем намёке на опасность, пусть даже воображаемую, – вслух отозвалась Кассандра из воздуха. Ей очень нравилось вводить людей в ступор.

Мгновенно потеряв сон, капитан КГБ приподнялся на локте и окинул комнату осоловелым взглядом. Потом взял с пола недопитое пиво, поднёс к глазам, как будто женский голос мог исходить из узкого горлышка бутылки. «Я что, настолько впал в депрессию, что уже слышу голоса?» – с недоумением подумал он, но на всякий случай спросил вслух:

– Кто здесь?

Кассандра, наконец, сжалилась и проявилась перед молодым человеком, вальяжно сидя на подлокотнике дивана, в ногах у капитана, в своём потрясающем костюме. Если явление «из воздуха» перед коммунистом-материалистом, конечно, можно назвать жалостью. От неожиданности бедный Андрей вскочил как ужаленный и вжался в спинку дивана, сам желая стать невидимкой.

– К-кто вы? – сбивчиво пролепетал он, выпучив глаза.

– Ну вот, – хихикнула Кассандра. – Только-только человек расслабился – и ужасы тут как тут, подкарауливают в собственном доме! – и она кокетливо указала на себя тонким пальчиком. – Да не дрожи ты так! Я не шпионка и не террористка. Тебя ведь предупреждали обо мне уже тысячу раз! И что, ты думал, я только в рабочее время включаю невидимку и телепортирую? Кстати, мы здесь не одни. Ян, дорогой не стесняйся!

Вместе с со своей спутницей я незримо присутствовал в комнате ещё с момента, когда капитан Пилатов вернулся туда после утомительного рабочего дня. Мы с Кассандрой внимательно прислушивались к потоку сознания офицера КГБ – хотели хорошенько понять ход его мыслей. Чтобы наш подопечный не посчитал себя попавшим в окружение, я решил перебраться на деревянный табурет у обеденного стола, подальше от дивана, перед тем как показаться капитану. Мне было немного жаль парня, но оказалось, что молодой Пилатов всё-таки имел отличную реакцию и выдержку. Он на удивление быстро пришёл в себя. Мы это поняли по тому,

что больше не могли слышать его мысли. Очевидно, спецтренировка не прошла даром, хотя Андрей не продвинулся дальше блокирования мыслей, во всяком случае, пока. Стальным голосом чекиста, видимо, тоже отработанным в процессе тренировки, он медленно и чётко повторил свой вопрос:

– Кто вы и что вам нужно?

Я решил, что пришла моя очередь и, мысленно попросив свою уж слишком доминировавшую спутницу помолчать, ответил серьёзно:

– Мы представители расы *homo liberatus*.

– Чего-чего? – удивлённо-насмешливым тоном переспросил капитан КГБ.
– Это что-то новенькое!

– Вообще-то *homo liberatus* – самая старая человеческая раса на Земле, – не удержавшись, презрительно вставила Кассандра, а я предупреждающе выставил ладонь в её сторону и примирительно продолжил:

– Надеюсь вы слышали о затонувших островах, Атлантиде и Лемурии?

– Об Атлантиде, конечно, слышал, а о Лемурии – очень смутно. Что-то мельком проскакивало в лекциях по легендам и мифологии... Только не говорите, что вы с Атлантиды! – саркастически закончил капитан. Несмотря на то, что этот человек работал в отделе необъяснимых явлений – и именно поэтому – его недоверие к подобным рассказам зашкаливало. Смутное время в его стране лишь набирало обороты, но уже сейчас представление Андрея о мире разрывалось между его весьма солидным основным образованием в духе диалектического материализма и очень поверхностными знаниями в области ментальных практик. Сарказм в отношении паранормальных явлений у него развился из-за мошенников, плодившихся как грибы, которых службе безопасности не раз приходилось выявлять и призывать к порядку. В том, что «сверхспособности» реальны, капитан Пилатов не сомневался, так как факты их проявлений были зафиксированы советскими учёными, после чего моментально засекречены. К тому же он долго и плотно общался с дядей-гипнотизёром, до недавней поры работавшим в том же ведомстве. Тем не менее, Андрею, как и остальным рядовым *homo sapiens*, казалось, что если чудеса и существуют, то где-то в другой жизни, а с ним ничего такого просто не может произойти... И теперь лишь личный опыт мог помочь молодому человеку избавиться от сарказма и признать реальность своих вечерних визитёров.

– Об Атлантиде всем известно как раз потому, что её население действительно вымерло, – пояснил я. – Не мне вам объяснять, что мифы озвучиваются, а реалии умалчиваются...

– Ну, хорошо, предположим, – неохотно согласился капитан только потому, что опровергнуть факт нашей невидимости, чтения мыслей и

телепортации было уже невозможно. – То есть население Лемурии выжило? Но ведь острова больше нет. Где же вы живёте?

– Правильный вопрос.

И я рассказал Андрею о Новой и Бермудской Лемурии.

– Ещё и инопланетяне! – в голосе капитана КГБ снова звучала насмешка.

Тут Кассандра, до сих пор сдерживавшая свой острый язычок, но то и дело раздражённо закатывавшая глаза во время нашей с Пилатовым беседы, всё-таки не смогла смолчать и выпалила:

– Зря ты возишься с этим молокососом! Надо было не показываться, а просто дожидаться, когда он начнёт звонить своему дяде, которого ему приказали предупредить. И не пришлось бы его уговаривать. Хотя... – она оценивающе окинула взглядом спартанскую фигуру молодого мужчины и закончила хищным голосом: – Я бы его уговорила на что-нибудь повеселее, чем встреча со старым брюзгой!

Андрей с удивлением уставился на неё. Ему было не до флирта. Он никогда в жизни не был так озадачен:

– Так зачем же вам дядя Паша?

– Позвольте по порядку, – ответил я и указал на свою спутницу: – Во-первых, Кассандра абсолютно права, и мы могли бы, говоря вашим языком, «отшпионить» местонахождение вашего дяди, не входя с вами в прямой контакт. Причина, по которой я с вами разговариваю так подробно – это моя миссия, в которой нужны помощники. Вы мне подходите.

– Отлично! – и капитан рассмеялся. – Миссия – не больше, не меньше! А меня спросить не забыли? Или заставите с помощью гипноза?

– На гипноз пришлось бы потратить много энергии, так как вас неплохо обучили отражать такие попытки. Дядя тренировал? – поинтересовался я, на что молодой Пилатов утвердительно кивнул. – А помогать или нет – это вам решать, но только после того, как меня выслушаете.

– Ну, хорошо, валяйте, – согласился капитан, обречённым тоном, хотя и умирал от любопытства.

– Существование homo sapiens по-прежнему наполнено страхом. Это бы ещё ничего, и можно было бы вас пожалеть, если бы количество вампиров среди людей не росло всё стремительнее. Эта вариация выживания может превратить человечество в тупиковую ветвь эволюции.

Глаза капитана Пилатова комически округлились, и его гомерический хохот взорвал тишину:

– Вампиры? Серьёзно? Это те, что кровь сосут?

– Да не сосут они кровь! – с досадой осадил молодого человека Кассандра. – Это всё ваши сказки. Людям ведь, чтобы понять невидимое их примитивному зрению, нужно обязательно это визуализировать: все

природные силы у вас в человеческих обличьях, и даже сам человек создан по образу и подобию никого иного, как бога. А в результате – вы слишком заняты своим воображением, чтобы видеть реальные явления прямо у себя под носом!

А я добавил примирительным тоном:

– Кассандра права. Вампиры сосут не кровь, а энергию, движение которой глаз обычного homo sapiens уловить не может. Большинство из вас ощущают лишь её присутствие – хорошее настроение и желание жить полной жизнью. А усталость, апатия, депрессия или так называемое «выгорание» говорят о потере, перерасходе энергии. Это вам понятно, Андрей?

– Да, звучит знакомо, – сказал капитан, вздохнул и, покрывив рот, покосился на своё недопитое пиво.

– Вот, например, сегодня ваша энергия на очень низком уровне, – продолжил я. – Вы много израсходовали на расследование какой-то глупости. И до нашего появления вы, как и все уставшие люди, пытались восстановить растрченную энергию, но у вас не очень получалось... – Андрей опять согласно вздохнул и грустно улыбнулся в ответ. – Должен вам сообщить, что вы, наоборот, продолжили терять энергию, слушая речь ещё одного вампира, да ещё запивая её алкоголем, который тоже ослабляет. А остатки сил вы потратили на то, чтобы заблокировать чтение нами ваших мыслей, хотя мы-то как раз не те, от кого необходимо защищаться. И блокада эта уже практически пала, – услышав правду, Андрей нахмурился, в его глазах на мгновение мелькнула тревога, и он спросил:

– И что же мне делать? Как восстановить энергию?

– Я думаю, вы знаете ответ, раз всё ещё функционируете при такой работе, – ответил я с улыбкой.

– Сон?

– Да, и ещё медитация, прямой контакт тела с землёй, чистая вода, свежий воздух, лучше среди растений, в лесу, в парке или, на худой конец, на газоне или клумбе... способов много. Или вот так. Вы позволите?

С этими словами я приподнялся было со стула, но давно уже скучавшая в углу дивана Кассандра жестом остановила моё движение и неожиданно серьёзно заявила:

– Нет, Ян, твоя энергия слишком ценна. И ты уже поделился сегодня со мной, – она подмигнула мне, намекая на наше приключение в камере расстрельного подвала. При воспоминании о мрачности того места меня покорило. Казалась непостижимой лёгкость, с которой эта женщина не только переходила в совершенно противоположные настроения, но и держала в подчинении все эти эмоциональные качели. – Давай я! – и провидица, присев на корточки перед снова вжавшимся в спинку дивана

человеком, протянула руки и взялась за его виски своими тонкими пальцами.
– Расслабься, милый, всё хорошо, – мягко произнесла лемурианка. Проведя ладонью по лицу капитана, она направила к нему поток своей энергии, и Андрей постепенно расслабился, задышал полной грудью, медленно и глубоко. – Лучше?

Он открыл глаза, и счастливо улыбнулся:

– Да, гораздо!

Зато Кассандра выглядела уставшей. Подойдя к окну, она обратилась ко мне:

– Ну вот, теперь с ним можно разговаривать. Удачи!

Её силуэт красиво растаял на фоне плавно перетекавших в ночь сумерек, а я остался убеждать капитана КГБ оказать помощь в моей миссии.

* Карл Маркс и Фридрих Энгельс – авторы «Манифеста коммунистической партии»

** Зигмунд Фрейд – один из основоположников теории бессознательного и психоанализа

Глава 8. Вампиры обыкновенные, и где они обитают

– Какая непредсказуемая дамочка, – заметил капитан Пилатов, как только Кассандра исчезла из виду.

– Тсс... Она может быть ещё здесь! – я засмеялся, с выражением комического ужаса приложил палец к губам и посмотрел вверх, хотя и знал, что подуставшая Кассандра, получив и отдав всё, что считала нужным, воспользовалась первой возможностью ретироваться обратно в колонию для восстановительной медитации. Если честно, мы с капитаном были рады исчезновению неугомонной лемурианки. Энергия Кассандры не оставляла пространства для манёвра – словно стремительный клокочущий водоворот, она неминуемо брала в оборот любого, вне зависимости от видовой принадлежности. Я сообразил, что это общее чувство облегчения – хороший повод для сближения и, пользуясь моментом, предложил: – И... мы могли бы перейти на «ты»?

Андрей кивнул, дружелюбно улыбнулся, показав ямочки на щеках, окончательно успокоился и расслабился. Перестал блокировать доступ к своим мыслям. Уж очень нелегко ему давалось это искусство.

– Чайку? – получив от меня утвердительный кивок, капитан всунул свои большие ступни в стоптанные шлёпанцы, взял одиноко ютившийся на подоконнике чайник и отправился в общежитскую кухню. Он не хотел, чтобы соседи знали о моём присутствии, и я был с этим согласен.

Я стал разглядывать внутренности кирпичной коробки, которую капитан Пилатов в то время считал своим домом. Стены её были оклеены старой бумагой, бежевой в повторяющихся светло-коричневых цветочках. Кроме дивана и телевизора, в комнате был небольшой стол, стоявший у окна с видом на чисто выметенный внутренний двор общежития. Под столом прятались два дышавших на ладан табурета. Всё это служило мало бывавшему дома хозяину для уединённых чаепитий на сон грядущий и тех весьма редких случаев, когда он обедал здесь, а не в столовой КГБ, или делал не относившиеся к работе заметки в блокноте, лежавшем теперь плашмя поверх книг в узком книжном шкафу.

Этот шкаф был, пожалуй, самым примечательным предметом мебели в жилище капитана и, кажется, единственным, о котором здесь заботились. Он гордо возвышался от пола почти до самого потолка и был полностью заставлен томами разной толщины, из которых мало какие были напрямую связаны со службой хозяина в органах безопасности. Некоторым книгам даже не хватило места в основных рядах, и они, как и блокнот, ютились поверх плотно прижимавшихся друг к другу подружек. Ряды на большинстве полок были нестройными – видимо, хозяин часто доставал

разные книги и ставил их обратно, причём второпях. На двух средних полках, помимо нескольких купленных по случаю томиков Фрейда, недавнего увлечения Андрея, в глаза бросался сборник работ Ницше, из которого торчали бумажные закладки. Целую полку занимал писатель Достоевский, известный у нас оригинальным осмыслением учений Иисуса. Корешки нескольких книг заслоняла оправленная в рамку чёрно-белая фотография. На снимке мой новый знакомый в курсантской форме стоял рядом с так долго искомым мною полковником-гипнотизёром позади сидящей на стуле женщины, лицом похожей на Андрея. За фотографией, в торце той же полки, как в изгнании, жался «Герой нашего времени» какого-то Лермонтова в мягкой весьма потрёпанной обложке, тоже пестревший закладками, исписанными мелкими каракулями молодого человека...

В рассматривание книжных полок я углубился от скуки, пока капитан возился на кухне. Он вернулся со смешанным чувством надежды и беспокойства, что меня не окажется в комнате. Я всё ещё сидел на неустойчивом табурете за столом, и молодой офицер облегчённо вздохнул, окончательно убедившись в собственной нормальности и принимая факт, что с этого дня жизнь его, по всей видимости, круто изменится. Андрей водрузил на стол горячий чайник, а я молча указал пальцем на угол полки.

– Дядя Паша и моя мама, – констатировал очевидное хозяин комнаты, решив, что меня заинтересовала фотография.

– Это понятно, – сказал я. – А что не так с бедной книжкой?

– А-а, это? – Андрей скривил губы в иронической улыбке. – Любил Лермонтова в юности. Воображал себя Печориным – эдакий неприкаянный страдающий гений, разбивающий женские сердца... – он смутился, вспомнив свои фантазии десятилетней давности, развёл руками и пробормотал: – Ерунда. Глупость. Оказалось, что в жизни есть вещи более важные, чем дурацкое самомнение и эгоцентризм.

Я понял, что эту тему развивать не стоило, и вернулся к главному:

– Вижу, теперь ты нам веришь и готов выслушать?

– Так в чём же состоит твоя миссия? – вместо ответа спросил капитан Пилатов. Вопрос прозвучал безо всякой иронии. – Энергетические вампиры и?..

– И избавление от них Природы планеты Земля, – ответил я. – Вы защищаете свои границы от американцев, немцев, японцев – чуть ли не от целого мира, но за границами живут такие же люди, как и вы сами...

– В теории, – саркастически заметил Андрей, ещё ни разу не бывавший за пределами своей страны.

– И на практике тоже, – возразил я. – Вампиры – вот кто настоящие враги, *и по эту сторону, и по ту*, – капитан, узнав выражение, к которому он всё возвращался в своём внутреннем монологе, настороженно посмотрел на меня: «Слышали?» Обыденно пожав плечами и утвердительно кивнув, я продолжил: – Вампиры похищают и присваивают энергию вместо того, чтобы обмениваться и генерировать её самостоятельно, как задумано Природой, и тем самым они нарушают баланс. Истощают ресурсы, которые предназначены для всех живых существ планеты в одинаковой мере, а не только для избранных. Я вернулся на Землю, чтобы найти способ защитить человечество и Природу от этих паразитов.

– Понятно, – задумчивым голосом соврал Андрей. На самом деле из моего пока что голословного объяснения ему ничего понятно не было. Капитан сидел за столом, подперев лицо кулаками, и изо всех сил пытался представить поведение вампиров. В его ментальном пространстве неминуемо возникала сцена, в которой человек со злым лицом сосёт кровь из чьей-то сонной артерии, предварительно продырявленной острыми белыми клыками.

– То, что рисует твоё воображение – всего лишь образы фольклора, – поспешил объяснить я. – Существование вампиров не секрет для *homo sapiens*, так как невозможно игнорировать чувство моральной опустошённости и физической усталости после общения с ними. Редкий человек способен видеть движение тонкой материи в принципе, поэтому вам для понимания таких явлений нужны зрительные образы. Чтобы визуализировать понятие энергии, люди ассоциируют её с кровью. В общем-то, это недалеко от истины, потому что при недостатке энергии жизненные функции ослабевают, выработка и движение крови замедляются, и её действительно становится меньше.

– Но ведь есть же животные, которые питаются кровью, – возразил Андрей.

– Это правда, – согласился я. – Но человек к их числу не относится.

– Значит, вампиры – люди? И они не бессмертны? – искреннее удивление и невежество капитана меня развеселили.

– Конечно, люди – и совершенно не бессмертные! – со смехом ответил я. – Мы думаем, что энергетический вампиризм изначально – просто плохая привычка, но она толкает своего обладателя на путь, в конце которого находятся вырождение и гибель. И вампиры заведут человечество, включая самих себя, в этот эволюционный тупик, если им не помешать.

– Высосут всю энергию? – шутливо поинтересовался капитан.

– Те, что существуют сейчас, не справятся, – усмехнулся я. – Число вампиров на Земле всё ещё не очень велико, но оно слишком быстро растёт,

и такими темпами отбирать энергию, или, как ты выражаешься, сосать её скоро станет просто не из кого.

– Ну и как же они её *отбирают*? – продолжал любопытствовать капитан. Впрыснутая в него Кассандрой энергия на время прогнала сон, и в отравленным материализмом, но изголодавшемся уме Андрея вопросы роились, как потревоженные пчёлы.

Приходилось набраться терпения. Чтобы убедить племянника гипнотизёра мне помогать, нужно было сперва насытить его любознательность. В конце концов, именно она делает человека свободным.

– Есть очень много способов, но для вампира главное, чтобы жертвы не замечали, то есть не понимали, что их обирают – в противном случае любой средний *homo sapiens* способен пресечь кражу: оказать сопротивление и даже поставить отзеркаливающий блок.

– Да-а-а?! – Андрей даже привстал с дивана.

– Разумеется! Ты ведь уже умеешь блокировать доступ к мыслям – а создать отзеркаливающий блок ещё проще. Нужно лишь немного воображения и самообладания.

Недоверие на лице капитана сменилось радостью.

– А меня научишь? – спецтренировка, которую он проходил в КГБ, обыкновенно была сосредоточена на так называемых «полезных» навыках: чтение мыслей с целью шпионажа, в котором капитан так и не преуспел, или, по крайней мере, умение не давать прочитать свои. О биопсихическом вампиризме там почти не упоминалось, но молодой Пилатов не мог не ощущать, как много сил уходило у него сквозь пальцы, непонятно куда и зачем, на какие-то мелкие тревожнения и дела, каких-то посторонних людей – и как остро не доставало этих самых сил для чего-то важного, значительного, совершить которое он мечтал ещё мальчишкой, но что всё как-то не случалось. И вместо подвигов на избранном поприще Андрей углублялся в книги несмотря на то, что его короткая человеческая жизнь неумолимо приближалась к середине.

– Да ты уже умеешь, просто сам об этом не подозреваешь, – ответил я, жестом предупреждая возражения. – У любого психически здорового человека это получается, как только он начинает понимать, что его, так сказать, вампирят. Срабатывает инстинкт самосохранения.

– Где они, психически здоровые? – горько усмехнулся Андрей.

– Это да! – согласился я. – Цивилизация *homo sapiens* не слишком располагает к душевному балансу, который чаще всего вампирами и нарушается. От дисбаланса люди и теряют энергию – а паразиты ею подпитываются. Им выгодно, когда ты нервничаешь.

– Может скажешь, что и цивилизацию вампиры создали? – с вызовом сказал капитан.

– Создали вряд ли они, – спокойно возразил я. – Вампиры – паразиты и мало что создают, но они весьма успешно заставляют цивилизацию работать на себя путём обмана и манипуляции вашим сознанием, – тут я подумал, что справляюсь с объяснением довольно неплохо, учитывая моё знание о вампирах исключительно от других лемурианцев, о чём капитану Пилатову лучше пока не сообщать. – Так вот. Отзеркаливающий блок – это не сложно. Чему действительно следует научиться – это распознавать момент, когда кто-нибудь вынуждает тебя терять или отдавать биопсихическую энергию, – Андрей вскочил было из-за стола, сделал движение к лежавшей на полке записной книжке, но тут же, решив, что конспектировать за тем, кто читает мысли и межпланетно телепортирует выглядело бы как-то глупо и жалко, подавил свой студенческий порыв. Вместо этого он, забыв о недопитом чае, подошёл к окну, мимоходом окинул взглядом освещённый единственным фонарём задний дворик, после чего подошёл к дивану и плюхнулся на него. – Не волнуйся, ты и так запомнишь, успокоил я. – Обычно человек непроизвольно теряет энергию, когда не контролирует свои негативные эмоции – например, раздражение, гнев, тревогу, страх или боль. Хотя есть свидетельства, что вампиры также могут питаться энергией радости и внимания. Замечал когда-нибудь, как в самый счастливый момент вдруг становится тягостно и не по себе?

– Я, кажется, начинаю понимать... – перебил Андрей. – Они стараются вызвать все эти чувства и как бы запустить выброс энергии? Это многое объясняет!

– Именно так! – согласился я. Капитан хмыкнул и почесал вечернюю щетину на подбородке. Не требовалось далеко ходить за примерами, когда его самого, видимо, регулярно вампирили. Последний случай был утром того же дня. Сторож, якобы видевший неопознанный летающий объект, всё говорил и говорил, цепляясь, как репейник, за внимание офицера КГБ, прибывшего на место предполагаемого происшествия. И голос, и повадка псевдосвидетеля были столь неприятными, что хотелось повернуться к нему спиной и твёрдым шагом утопать куда подальше, но воспитание и необходимость предоставить отчёт о результатах командировки не позволяли капитану это сделать. Ничего путного от сторожа Андрей так и не узнал, а после часового разговора с многословным дедком так устал, будто не стоял на одном месте, а разгружал вагон с арбузами.

Я молча наблюдал за его воспоминанием и, в конце концов, согласился:

– Да, скорее всего сторож был вампиром. Слабеньким, разумеется.

– Получается, нужно оградить себя от эмоций? Негативных – или вообще? – в голосе молодого человека прозвучало разочарование. Мир его переживаний был даже слишком богат для избранной им профессии. В основном, это и мешало капитану успешно карабкаться вверх по карьерной лестнице.

– Конечно нет! – возразил я. – Все мы – и homo sapiens, и homo liberatus – постоянно испытываем целую палитру чувств, в том числе вызывая их друг в друге, обмениваясь энергией – и это прекрасно. В Природе существует сложная система обмена: получил от кого-то – отдал кому-то ещё. Вот, например, Кассандра, как бы раздражающе ни было её поведение, только что совершенно добровольно отдала тебе часть своей энергии, а до этого получила её от меня. Вампиры же, осознанно или нет, забирают, но либо вообще не отдают, либо отдают меньше, чем взяли. В отличие от естественного обмена, энергия, которую они удерживают, не возвращается вовне, то есть у Природы остаётся всё меньше и меньше, и она постепенно истощается.

– Как уходит энергия, мне даже очень понятно, – сказал Андрей. «Не сомневаюсь!» – мысленно согласился я, снова окинув взглядом его более чем скромное жилище, которое красноречиво говорило о полном отсутствии привычки накопительства у хозяина. – Но как же можно удержать энергию?

– О, homo sapiens изобрели множество способов! А у вампиров вообще страсть к накоплению – любых ресурсов, которые так или иначе можно трансформировать в энергию... Запасы еды, резервуары с горючими веществами, деньги...

– Деньги? – оживился капитан. – Отсюда, пожалуйста, поподробнее!

– *Особенно* деньги. Еда портится. Горючие вещества опасны. Эмоции нестабильны и непредсказуемы, а деньги... они консервируют энергию надолго. Это самая глубокая западня, созданная человечеством для самого себя. Только задумайся, что такое ваши деньги?

– Определение я помню ещё со студенческой скамьи! – засмеялся Андрей, предвкушая своё любимое занятие – рассуждения. – Деньги – это, во-первых, мера стоимости, а во-вторых, посредник в процессе обращения.

– Стоимости и обращения – чего?

– Ну... всего: товаров, услуг, ресурсов...

– Правильно. А чтобы создавать или добывать то, за что платятся деньги, требуется чья-то жизненная энергия. Правильно?

– Разумеется, – согласился капитан и задумался. – Хотя ценность денег обеспечивается золотом...

Я отмахнулся:

– Ох, ну каким золотом? Это же просто металл. Его на хлеб не намажешь. Хотя золото и серебро красивы и стабильны, их роль в обмене энергией, в принципе, ничем не отличаются от роли бумажных денег. Более того, добыча драгоценных металлов сама по себе требует немалых энергетических затрат. Нас всегда удивляло, зачем homo sapiens этим занимаются. Вы используете и деньги, и металлы как посредников в оценке количества энергии, то есть как её символ. И обмениваетесь вы символами, а те, в свою очередь открывают доступ к разным благам, созданным вложением энергии.

– Звучит сложно! – рассмеялся Андрей.

– Так и есть. Ваша система обмена энергией слишком сложна, – подтвердил я. – Но главный вопрос – кому и зачем нужна вся эта сложность?

– А как же ещё можно получить всё, что нужно для жизни? – удивился капитан. – Ведь один человек не может уметь всё!

– Не может или не хочет... – ответил я, пожав плечами. – Или хочет слишком многого. Так или иначе, заплатив за что-либо символами энергии – деньгами – ты компенсируешь часть чужой жизненной энергии, пожертвованной другими людьми для удовлетворения твоих нужд и желаний, а получивший деньги от тебя может потратить их для удовлетворения своих нужд. Сложность в том, что чуть ли не каждой человеческой потребностью у вас заведует отдельный специалист, которому, в свою очередь, нужны другие специалисты.

Андрей опять засмеялся:

– Как будто мы только и делаем, что ходим по кругу и просим помочь с нашими нуждами!

– А разве это не так? – возразил я. Андрей задумался и через минуту согласился:

– В сущности, так и есть. Но из твоих уст звучит странно и даже глупо...

– Глупо то, что вы развиваете лишь непростительно малую долю своих природных задатков, а в остальном зависите друг от друга и мало чему учитесь за пределами так называемой «профессии».

– А разве разделение труда не форма обмена энергией? – запротестовал капитан. – В обучение профессии нужно вложить – то есть отдать – энергию, чтобы потом работать на благо других, то есть снова отдавать. И получать обратно в виде денег на протяжении всей жизни. Чем больше сил человек потратил на обучение, тем лучше делает своё дело и тем больше энергии в виде денег возвращается к нему. Это же обмен, правильно? – я согласно кивнул, а капитан спросил: – Ну и где подвох?

– Всё это так, и действительно разделение труда является формой обмена энергией, – согласился я. – Вот только Природой задумано, что любой

отдающий что-то на благо других, должен столько же получать обратно из одного или нескольких источников. То есть, на языке homo sapiens, ваши денежные символы должны покупать достаточно ресурсов для восполнения сил и оправдания времени, затраченных вами на труд. В противном случае кто-то другой присваивает эту энергию, а следовательно, и саму жизнь работника, поскольку время, которое и есть жизнь, вернуть невозможно. Люди постоянно подвержены такому дисбалансу, потому что не только не умеют измерять реальные затраты собственной биопсихической энергии, но и вообще имеют о ней самое слабое представление.

– Это называется эксплуатация. Так работает капитализм, – профессорски пояснил Андрей, но тут же по-юношески задиристо добавил: – Вот поэтому мы и строим коммунизм!

– Да? – хмыкнул я и укоризненно посмотрел на собеседника. – И какие успехи? Вспомни, о чём ты тут, лёжа на диване, рассуждал сам с собой до нашего появления. Разве вложенная в работу энергия возвращается сполна к каждому из ваших трудящихся?

Андрей смутился. Конечно, государство давало его согражданам не мало, но вот сполна ли? Хотя капитан Пилатов, как и большинство советских людей уже давно и обоснованно не верил в достижимость справедливого общественного строя, он, как и все, автоматически, как мантру, вслух декларировал обратное, и только наедине с собой осмеливался на сомнение, чтобы снова похоронить его где-то на задворках собственного сознания. Я выдержал паузу и пояснил:

– Обмен энергией саботируется вампирами повсеместно, *и по эту сторону, и по ту*. Неполное возвращение биопсихической энергии истощает человека, а он, в свою очередь, либо находит возможность восстановиться за счёт кого-нибудь или чего-нибудь, либо живёт недолго... И неважно, как всё это называется.

– Ты хочешь сказать, что низкая зарплата за многочасовой тяжёлый труд напрямую сокращает жизнь? – уточнил Андрей.

– А разве это не очевидно? – ответил я, на что капитан Пилатов согласно закивал. – Далее. Чем больше у нанимателя накапливается денег, тем больше потенциальной энергии находится в его распоряжении. Самое главное, деньги позволяют отсрочивать её использование на неопределённое время, тем самым гарантируя односторонний источник в будущем не только для нанимателя, но и для его близких.

После минутной паузы на раздумья Андрей согласился:

– Ну да, всё правильно. В том, что ты говоришь, нет ничего нового. Только мы не привыкли проводить параллель между хищением чьей-то жизненной энергии и накоплением капитала. Если задуматься, то это и в

самом деле очевидно... и неважно, частный это капитал или государственный. Работникам всё равно не возвращают затраченного сполна.

– Заметь, что у *homo sapiens* это узаконенный способ присвоения жизнью себе подобных, и, если невозможно доказать, что деньги украдены, никого не волнует, откуда у человека их запас, то есть свою энергию он консервирует или чужую. Хотя с точки зрения природного баланса это даже неважно, потому что само по себе удержание энергии есть его нарушение. Кража у Природы.

– Так это что получается? Вся наша жизнь...

– Да, вся цивилизация *homo sapiens* со времени распада родового строя, а может быть и раньше, зиждется на нарушении законов Природы.

– Но почему? – растерянно спросил Андрей.

– А вот это и есть самый главный вопрос! – воскликнул я, наконец, добравшись до сути. – Всё это делается из страха, что завтра может не оказаться тех же ресурсов, которые есть сегодня. Страх голода и смерти, в сущности.

– Но разве это не естественно?

– Естественно бороться с реальной угрозой жизни, а с воображаемой – совсем нет. Как, по-твоему, выживают все остальные виды? Почти всё живое на Земле испытывает страх, но кроме человека, очень немногие существа создают большие запасы. Разве что пчёлы, но *homo sapiens* научились отбирать даже у них...

– Да... представить не делающее запасов человечество невозможно, – задумчиво сказал Андрей. Его ум работал с непривычной скоростью, и вопросы в нём прорастали, как грибы: на месте одного ответного тут же появлялось два новых. – А вот если, например, в стране высокий уровень инфляции и деньги обесцениваются? Получается, энергия тоже обесценивается?

Я невольно закатил глаза. Приходилось снова объяснять очевидные вещи!

– Энергия не может обесцениться, потому что это явление Природы! Во время инфляции всего лишь меняются условия компенсации энергетических затрат человека, понимаешь? – на это Андрей неуверенно кивнул. – Деньги обесцениваются не сами по себе, так? Ведь кто-нибудь же провоцирует этот процесс?

– По большому счёту, да, конечно, – согласился капитан. Он не замечал моего раздражения.

Homo liberatus постоянно наблюдали за явлением финансов, которое превратилось в целую науку незадолго до нашего переселения на Новую Лемурию. Наблюдали с тревогой, ибо понимали, что неуклонно растущее

господство финансов в цивилизации людей означало не что иное, как растущую власть вампиров на планете Земля. Во время Единений живущие на Земле лемурианцы не раз упоминали и об инфляции.

– Инфляция – это всего лишь трюк, чтобы отделить саму энергию от её символа, а потом воссоздать эту связь, но уже с другим количественным значением – то есть, присвоить чужие силы и время, обманув наивных сберегателей. Скажем, работал ты несколько лет отдавал энергию и время в пользу нанимателя, но не покупал блага на все полученные деньги, а копил себе на дом. И тут «случается» инфляция, и дом твоей мечты превращается в пару сапог – всё, на что ты теперь можешь рассчитывать, потому что кто-то хитро перераспределил соотношение энергии и её символа. А ведь ты годами в чём-то себе отказывал ради мечты о доме, не восстанавливал отданную нанимателю энергию до конца! Спрашивается, куда ушла эта энергия, если учитывать, что она не может просто исчезнуть?

– Я понял! – воскликнул капитан. – Если человек лишается своих сбережений из-за инфляции, значит, он безвозвратно теряет и возможность воспользоваться энергией, сохранение и даже приумножение которой до этого гарантировал его вклад в банке?

– Умиляет понятие «гарантировал», – заметил я. – Человека убеждают, что деньги пропадают безвозвратно, а на самом деле его просто вынуждают отказаться от претензии на природное восполнение энергии – отказаться в пользу вампиров, которые и провоцируют инфляцию и, конечно же, на ней наживаются. Надо сказать, эта схема и сложна, и гениальна. Вампиры с её помощью получают возможность красть затраченную на труд энергию сразу у всех *homo sapiens*, потому что инфляция одинаково обесценивает деньги, отложенные как в сберегательном банке, так и в стеклянной банке из-под огурцов.

– Ничего себе каламбурчик! – ухмыльнулся Андрей. – Где ты так выучил русский язык?

– Я не знаю, – ответил я. – Это как-то само получается, – мне нравилось шутить по-человечески, но я не хотел отвлекаться и закончил: – Правда в том, что гениальность вампиров – самое большое зло для Природы.

– И главное, невозможно ткнуть пальцем в кого-то конкретно виноватого в инфляции! Их как бы нет.

– Виноватые всегда есть, будь уверен, – убеждённо возразил я. – Ваше вечное желание сэкономить энергию, то есть попросту лень, создала настолько громоздкую экономическую машину, что средний *homo sapiens* давно уже не понимает, где начинается и где заканчивается система, в чём для него польза – а что работает исключительно на то, чтобы его обирать и

поработать. Живёте вслепую. А вампиры становятся тем наглее, чем их махинации безнаказаннее. Что обычно следует за скачком инфляции?

– Война! – не задумываясь выпалил капитан, хорошо подготовленный по истории.

– Так точно, война. То есть ещё больше человеческих страданий – ещё больше энергии для вампиров, любимое лакомство которых – чужие боль и страх. Эти паразиты – и никто другой – провоцируют и ведут все войны на Земле, особенно затяжные, которые не прекращаются, покуда вампиры не опустошат ресурсы всех воюющих сторон. А потом войну просто останавливают, притворяются, что о чём-то договорились, чтобы на самом деле выждать, пока накопится новый запас энергии – и снова его опустошить.

Андрея вдруг осенило, и он воскликнул:

– То есть нормальные люди не смогут жить ни лучше, ни спокойнее, пока на Земле правят вампиры?!

– Теперь понимаешь? – ответил я вопросом на вопрос и вздохнул с облегчением. Кажется, цель разговора была достигнута в полной мере. – Но лучше, чтобы они не только перестали править, но и вообще исчезли. Во избежание рецидивов.

– Ага, – грустно хмыкнул капитан. – Как? – и он пальцем указал на томик, стоявший на верхней книжной полке «К. Маркс. Избранное». – Получается, что все капиталисты – вампиры, потому что они эксплуатируют чужой ресурс. Удерживают и накапливают плоды чужой работы – то есть чужой жизненной энергии? И войны затевают, к тому же.

– Ну, я бы не утверждал так однозначно, что все. Если капитал небольшой, то энергия так или иначе идёт в оборот. Хотя да, капитализм как система – это определённо детище вампиров. Любой вид эксплуатации человеком животного или другого человека – это присвоение биопсихической энергии. Думаю, объяснения здесь излишни.

– В капстранах есть люди, которые вообще не работают, а живут на дивиденды от инвестиций...

– То есть за счёт энергии тех, кто работает на бизнес, куда вложены деньги инвесторов. Вампиры они или нет, зависит от того, чем они занимают своё свободное время. Но ваш Маркс был во многом прав, хотя... – я взял с пола книгу, которую Андрей пытался читать до нашего с Кассандрой появления, и быстро пролистав её, добавил: – и Фрейд тоже прав. Кстати, оба мыслителя не умели копить и отдавали вовне значительно больше, чем получали взамен. Один умер в бедности, а другой – от рака, самой типичной реакции вашего вида на энергетический голод.

– Так вампирами рождаются или становятся? – теперь капитан хотел разобраться в источнике проблемы.

– Мы не уверены. Собственно, это мне и предстоит выяснить. Возможно, и то, и другое. Мы подозреваем, что бывает врождённая предрасположенность.

– Как к наркомании? – высказал догадку Андрей.

– Что-то вроде... Особенно если обратить внимание на homo sapiens, получающих лёгкий доступ к большому количеству энергии. У нас давно заметили, что большинство пришедших к власти людей рано или поздно становились вампирами, даже если целью борьбы за власть они искренне считали улучшение жизни себе подобных.

– Это правда! Да! – воскликнул Андрей, как будто впервые услышал эту простую истину. – То есть получается, власти не должно быть ни у кого? Разве такое возможно?

– Именно так homo liberatus живут уже сотни тысяч лет! – засмеялся я. – Самое удивительное, что вы сами прекрасно понимаете, как всё работает – и тем не менее продолжаете доверять свои судьбы кому-то другому, а потом с ним же и боретесь, чтобы самим прийти к власти и превратиться в вампиров. Есть даже такая легенда о драконе... кажется китайская.

– Когда воин победил охранявшего золото дракона и сам стал новым драконом? – тут же вспомнил Андрей.

– Дракон в этой сказке – вампир, преступник против Природы, а пещера с золотом – символ неограниченной энергии, получив которую, человек не желает её отдавать или просто не может.

– Пока не появится новый воин с добрыми намерениями...

– И так до бесконечности.

– Получается порочный круг...

– Да.

Мы помолчали. Стояла глубокая ночь. Телевизор был выключен ещё до исчезновения Кассандры, и только равномерное тикание массивного будильника на подоконнике дробило тишину на неумолимо оставляемые позади секунды. Андрей ощущал, что окончательно теряет и без того шаткую с недавнего времени политическую ориентацию. Он был членом партии, пошел работать в КГБ по стопам дяди и всегда считал, что таким образом защищает интересы народа. «Но ведь приказы, которые мы выполняем, отдаёт не народ, – думал капитан. – Они поступают от тех, кто находится у власти. От вампиров?»

Чтобы не позволить своему новому знакомому окончательно впасть в отчаяние, я сказал:

– Возможно, не все, кто управляет человеческими государствами, – вампиры. У нас есть версия, что это болезнь и что настоящая её причина – страх, который человек испытывал на протяжении долгого времени, чаще всего в детстве, например, когда ребёнок постоянно недополучал любви и внимания.

– Причём здесь это? – удивился капитан и вдруг широко зевнул. Его уже начинало клонить ко сну.

– Природа устроила так, что все маленькие дети слабы и примерно до начала возраста пубертата нуждаются во внешнем энергетическом доноре – взрослом человеке. Вот почему воспитание ребёнка так часто бывает утомительным. При полном истощении наступает смерть, поэтому ощущение дефицита энергии пугает, особенно в юном возрасте, когда ещё нет опыта замены одних источников другими. Мы считаем, что изначально вампиризм – это детский механизм компенсации, порождённый инстинктом самосохранения, но, если этот способ выживания используется долгое время, он превращается в болезнь зависимости. Таким больным отбирать энергию у других живых существ кажется легче, чем генерировать её естественным путём или же участвовать в обмене. Эта привычка развивается не сразу, но потом от неё, действительно как от наркотика, почти невозможно отказаться.

– А для самого вампира есть какой-то вред?

– Точно такой же, как и для младенца, которого кормят из бутылочки.

«Откуда мне знать про младенцев? – проворчал про себя Андрей. – Я их в руках не держал!»

– Я тоже, – ответил я на это вслух.

– Хватит читать мои мысли! – возмутился капитан.

– Я их просто слышу, – извинился я. – Мне, в принципе, всё равно, думаешь ты или говоришь, и нужно делать усилие, чтобы отгородиться от твоего сознания, для чего я прямо сейчас не вижу оснований. Это пустая трата энергии... мы все так считаем.

– Ну хорошо, подловил! – рассмеялся Андрей. – Ну так что там про младенцев?

– Да не в них дело, – возразил я. – Просто, как и вред от искусственного вскармливания, дисбаланс от хищения чужой энергии не сразу заметен. Например, люди начинают сторониться вызывающего неприятные эмоции человека, тем самым лишая его источников энергии – а это только провоцирует вампира на изобретение всё более изощрённых способов её добычи.

– Получается опять заколдованный круг?

– Представляешь, куда может завести хождение по этому кругу? Вампир становится изгоем Природы и поэтому совершает всё более тяжкие проступки против неё. И не надо далеко ходить за примерами. До текущего столетия на Земле не происходило мировых войн, а в двадцатом веке их было уже целых две – это, несомненно, работа вампиров. Конечно, в первую очередь страдают их жертвы, но чем больше вампиры нарушают природный баланс, тем ближе они и к самоуничтожению.

– Как Гитлер? – догадался Андрей.

– Да, это самый очевидный пример. Опаснее всех вампиры, питающиеся энергией боли и страха. Войны, реальной или потенциальной, боится население всей планеты. Вампиры раздувают конфликт, причём почти всегда на пустом месте, досыта насыщаются как энергией страха человечества перед возможной катастрофой, так и деньгами, получаемыми от создания оружия. Но если они заиграются, потеряют контроль, и ваша холодная война перерастёт в ядерную, то...

– Они и сами погибнут! – закончил капитан КГБ.

– А с ними и всё живое на этой планете. Ни один нормальный человек, то есть не-вампир, не может этого хотеть. Так вот, моя миссия – избавить Землю от вампиров.

– Отличная миссия! – воскликнул Андрей. – Считаю, что я в деле.

– Согласно предсказанию, я единственный *homo liberatus*, способный возглавить борьбу с энергетическими паразитами, но один в поле не воин, и мне нужны помощники среди людей, такие, как ты.

– А ваши? Ну, эти... *homo liberatus*? Они что же, не собираются помогать?

Мне казалось, в тот вечер было лишним рассказывать сонному капитану о полном отращении моей расы к насилию, но неведомое большинству лемурианцев чувство одиночества вдруг подступило к горлу, и я выдавил грустный ответ:

– Этого нельзя ожидать определённо. Вполне вероятно, вампиров придётся убивать, а для этого нужны либо страх, либо ненависть. Лемурианцы лишены и того, и другого, поэтому они не способны на убийство.

– Почему же ты способен?

– Способен ли? Даже это не известно наверняка, хотя я наполовину *homo liberatus* и наполовину человек, – и я ладонью отгородился от вопросительного взгляда капитана. – Позже расскажу, обещаю! Как и лемурианцы, я не могу испытывать страх, но мою мать, которая была вашего вида, погубили вампиры. И боль потери истязает моё сердце с раннего детства. Отсюда и ненависть к палачам. Наши предсказатели говорят, что моя сила в этой боли, – и я не удержался от вздоха, тяжёлого, как сама ноша.

– Да ты идеальная машина для убийства! – иронически заметил капитан Пилатов и уже серьёзно добавил: – И использовать твою боль довольно жестоко.

– Не менее жестоко, чем сама Природа. Я был бы машиной для убийства, если бы хотел убивать. Но да, это главная причина, по которой я стал избранным. Физическое истребление хотя бы некоторых вампиров может оказаться неизбежным – и это скорее всего уничтожит гармонию во мне, лишит меня связи с Природой. А другие лемурианцы к такому не готовы и начнут помогать только если я найду возможность возвращать вампиров в нормальное, природное состояние, не совершая убийства.

– Лечить от вампиризма как от наркомании? – хмыкнул капитан.

– Хотелось бы, – грустно согласился я. – До сих пор homo liberatus всеми силами избегали общения с вампирами и теперь ещё продолжают, так что пути излечения пока не найдено. В общем, работы непочатый край.

Я уже чувствовал себя неуютно в маленькой комнатухе капитана. Слишком много было комнатух для одного дня. Пора было выбиратья к деревьям и птицам. Я спросил Андрея:

– Когда ты познакомишь меня со своим дядей?

– Так всё-таки зачем он тебе?

Я вздохнул и пустился в ещё одно объяснение, надеясь, что оно будет последним для этого вечера:

– В пророчестве сказано: чтобы лучше разобраться в сущности вампиров, я должен найти одного из них – «своего».

Андрей выпучил глаза и воскликнул:

– Так что же, дядя Паша – вампир?!

– Да нет же! – отмахнулся я с досадой на необходимость всё разжёвывать этому мальчишке, в то время как мне уже так хотелось просто, по примеру Кассандры, исчезнуть. – «Мой» вампир тот, кто командовал сожжением Хатыни, где я родился. Тот, кто убил мою мать, понимаешь?

– Ну? – всё ещё недоумевал капитан.

– Да ведь никто из выживших в пожаре не помнит лиц карателей. И все, кого я до сих пор встретил, похоже, вспоминают лишь то, что им внушили.

– А, теперь ясно! – с облегчением выдохнул Андрей. – Ты думаешь, что мой дядя их загипнотизировал?

– Не уверен, но точно знаю, что Павел Пилатов имеет к этому отношение. Я очень надеюсь на его помощь...

– Понятно... – сказал племянник гипнотизёра, прикрывая зевающий рот тыльной стороной ладони. Убедившись, что его кумиру ничто не угрожало, капитан, наконец, поддался усталости. Заваливаясь на сторону и больше не

опасаясь моего присутствия, он пробормотал сквозь накотившую дремоту: – Завтра поедem. К дяде Паше...

– Вернусь утром, – ответил я уже отчалившему в мир сновидений капитану, а сам отправился в Бухту Халонг восстанавливаться после безумного дня.

Глава 9. Дядя

Сон у капитана КГБ Пилатова был крепким, какой бывает только у людей с прекрасным здоровьем и чистой совестью. Наконец, Андрей заворочался. Всю ночь он проспал на не раздвинутом диване в неудобной позе, потому что накануне его перегруженный событиями дня мозг отключился почти произвольно. От боли в затёкшей шее Андрей поморщился, а когда продрал глаза, обнаружил, что укрыт пледом – чуть ли не единственной вещью, оставшейся от бабки. В сорок втором её арестовали полицаи-эсэсовцы и под предлогом обыска на предмет хранения оружия и антифашистских листовок до нитки обобрали её новгородскую квартиру. Этот тёплый-претёплый пушистый плед, коричневый в тонкую красную и зелёную полоску не попал в руки грабителей лишь потому, что накануне ареста был одолжён соседкой с нижнего этажа, которая хотела укутать своего приболевшего трёхлетнего ребёнка. Партизанскую связную замучили в гестапо, и соседка вернула плед только после войны, когда дочь погибшей хозяйки Елизавета, будущая мать Андрея, снова поселилась в старой родительской квартире. Позже Елизавета отдала семейную реликвию своему сыну, чтобы «бедный мальчик» не мёрз в общежитии. Для сна у капитана было полноценное ватное одеяло, а бабкино наследство молодой Пилатов, ещё с суворовского училища приученный к порядку, обычно держал аккуратно сложенным на спинке дивана и использовал редко, только когда в выходные удавалось поваляться днём перед телевизором.

Медленно возвращаясь к реальности, Андрей подумал: «Кто это меня укрыл? Не сосед же!» Такая забота со стороны обитавшего через стенку лейтенанта Серёги была бы более чем излишней. Серёга не был под подозрением. Просто, сталкиваясь по работе с очень разными людьми, красавец Пилатов несколько раз подвергался весьма нежелательным для себя ухаживаниям, от которых оказывалось трудно отделаться, даже несмотря на статус сотрудника безопасности. Заигрывание мужчин, особенно занимавших видное положение, вызывало в нём панику. Андрей просто не знал, что с этим делать. Волею Природы, несмотря на ямочки на

щеках, он уродился совершенно гетеросексуальным и не то, чтобы осуждал других за однополую любовь, а просто хотел, чтобы «творческие натуры» к нему не лезли – а сами пусть живут, как хотят. Предупреждать щекотливые ситуации всегда было легче, чем из них потом выпутываться, поэтому капитан старался быть начеку.

Наконец, хлынувшие в сознание воспоминания предыдущего дня окончательно разбудили беднягу. Он резко сел на диване, соображая, мог ли вчерашний разговор с пришельцами ему просто присниться под впечатлением переполоха на работе. От мысли о такой возможности Андрей было обрадовался, но, припомнив подробности, засомневался: «Беседа о вампирах... уж слишком содержательной была. И потом, ладно – дамочка... Кассандра, что ли? О ней-то целый день зудели на Лубянке, а вот откуда этот парень, Ян, мог привидеться? Кажется, главный-то у них он. Память меня пока не подводила. Я его точно раньше не встречал...»

– Точно не встречал, – эхом подтвердил я, наконец уловив удобный момент для появления пред светлы очи капитана. – Кстати, это я тебя укрыл пледом. Жалко стало.

Надо признать, самообладание у него было отменное. Андрей даже не вздрогнул, а лишь поднял на меня всё ещё заспанные глаза и натянуто улыбнулся, не зная, как истолковать моё «жалко».

– А-а, так всё-таки не приснилось... – без особого энтузиазма отозвался он и шутиливо добавил: – Обидно было бы!

– Почему обидно? – засмеялся я, присаживаясь на табурет у стола.

– Ну как же, не хватает ведь приключений на мою голову! – капитан шутил лишь наполовину. С детства мечтавший о подвигах разведчиков, он как раз теперь находился на грани разочарования в службе, которая в последнее время состояла главным образом в расследовании дурацких сигналов от жаждавших внимания граждан. Всякие странности, о которых сообщали обыватели, на поверку всегда оказывались либо плодом их скучающего воображения, либо просто явлениями природы. Словом, никакой романтики. Я притворился, что не заметил сарказма, и пообещал:

– Что-что, а приключения я тебе гарантирую! Кстати, предлагаю начать прямо сейчас и отправиться к дяде Паше... тем более, что, кажется, у него проблемы.

– Откуда ты?.. – удивился было капитан, но остановил себя, сообразив: – Ах да... телепатия... – между прочим, если бы ум Андрея не был до отказа забит всевозможным информационным мусором, он тоже смог бы родственному почувствовать вибрации жуткой боли, которую каждую минуту испытывал его дядя, и то, что старик отчаянно нуждался в любви и поддержке. Вибрации эти уже которую неделю доходили до Андрея на

тонком плане и скапливались в его затюканном службой подсознании, как очередь, терпеливо ожидавшая перед безнадежно запертой дверью. Капитан спросил уже серьезно: – Какие проблемы?

– Со здоровьем. Ты ведь звонил ему вчера с работы три раза, а он не подходил к телефону, правильно? – Андрей утвердительно кивнул и нахмурился. – А до этого как давно вы с дядей разговаривали?

Капитан помолчал, пытаясь вспомнить, и сконфуженно ответил:

– Да уж месяцев пять будет... с тех пор, как провожали его на пенсию. Я и не заметил, как пролетело время с этой чёртовой службой! – пристыженный, Андрей поднялся с дивана, схватил валявшуюся в углу комнаты дорожную сумку, растерянно остановился посреди комнаты, пытаясь сообразить, что взять с собой в поездку, и бормоча: – Наверное, заболел старик. Какая же я всё-таки свинья! Сейчас позавтракаем и поедем.

– Там позавтракаешь, – я жестом остановил его попытку метнуться ещё и на кухню.

– Так туда добираться целый день – на поезде, потом на автобусе! – с жаром возразил капитан. Путешествие на голодный желудок его никак не вдохновляло.

– Всего пять минут, – сказал я. – Из них четыре потребуются, чтобы предупредить старика.

Андрей удивлённо вытаращил глаза, но не осмелился расспрашивать дальше. Решив, что «предупредить» значило позвонить дяде с вахты общежития, он снова шагнул было к выходу со словами:

– А если он опять не подойдёт к телефону? *Так* поедем?

– Конечно не подойдёт! – я испытывал нетерпение, потому что желал побыстрее завершить трёхнедельные поиски хоть какой-нибудь зацепки, и бестолковые телодвижения капитана начинали меня раздражать. Я указал на диван. – Сядь! – Андрей уже вообще ничего не понимал, но по команде бухнулся на смятое с ночи покрывало. – Закрой глаза и представь дом дяди.

– Зач...

– Молча! – с досадой перебил я. – Просто делай.

Кое-как, из хаоса, творившегося в голове молодого Пилатова, мне удалось выудить расположение дядиного дома и внушить посыл ожидания одиноко угасавшему от болезни старику. Далее я подсел на диван к совершенно сбитоному с толку капитану, который ещё с вечера был одет в растянутый в коленках спортивный костюм. Я приобнял его за шею, чтобы не потерять при телепортации. Андрей запаниковал, резко дёрнулся и бросил на меня дикий взгляд, тут же дополненный протестующим тычком его локтя в мои рёбра.

– О боже! Да хватит! – прошипел я, выходя из терпения. – Успокойся! Вчера Кассандра выжала из меня все соки! – в ответ капитан всё еще недоверчиво скосил глаза на мою руку, только что пытавшуюся взять его за шею.

– А кстати, как у вас с *этим*? Разрешается? – осмелился, наконец, озвучить свою тревогу мой новый знакомый. Встреча с полковником Пилатовым была единственным, о чём я в тот момент мог думать, но, видимо, назрела острая необходимость разрешить дурацкие сомнения капитана, для обоюдного спокойствия. Стараясь побороть уже кипевшую во мне досаду, я отодвинулся на другой край дивана и объяснил:

– Скажем так: у нас ничто не запрещается. Любовь есть любовь. Если бы мужчина полюбил мужчину или женщина женщину, то это посчитали бы волей Природы, и никто бы даже не подумал им препятствовать, но я ещё не слышал о подобных случаях среди лемурианцев, во всяком случае, на своём веку. К тому же у нас есть более интересные альтернативы... – Андрей заинтригованно вскинул брови, но я отрицательно покачал головой, вовсе не намереваясь вдаваться в дальнейшие подробности. Я поднялся с дивана, протянул капитану руку и скомандовал не терпящим возражений голосом: – А теперь будь так добр, встань и держись за меня крепче, чтобы дяде Паше не пришлось собирать тебя вдоль дороги по частям.

Через несколько секунд мы оказались в пригороде Великого Новгорода в заросшем высокой бог знает сколько времени не кошеной травой палисаднике родового гнезда Пилатовых, где Андрей провёл множество каникул, по пятам следуя за братом своего погибшего на задании отца. По какой-то загадочной для родных причине дядя Паша жил бобылём, хотя мог бы заполучить любую девицу в округе, тем более в послевоенные годы. Он любил племянника как сына, проводил с мальчиком много времени, несмотря на занятость, и не переставал удивлять, выдумывая разные подходящие для ребёнка приключения: то рыбка попадалась на удочку как по команде, то, играя в следопытов, они невзначай натыкались на пригодную к жизни полную «сокровищ» заброшенную избушку, то набредали на грибную поляну и вовсе забывали об охоте за сокровищами. В сознании Андрея человек со странными глазами выглядел вовсе не таким пугающим, как в памяти белорусов, которых «лечил» Пилатов-старший. Мальчик вырос – выросло и его восхищение дядей-гипнотизёром. Пришло понимание неподдельной природы пилатовских «фокусов».

Дом дяди Паши имел форму креста, в центре которого возвышалась двухэтажная башенка с резными окошками-арками и крышей в виде приплюснутой пирамиды. Переднее крыло постройки почти полностью состояло из веранды с красивыми изразцами, давно нуждавшимися в

покраске. В глубине веранды виднелась двустворчатая входная дверь. Правое боковое крыло было примечательно большим круглым окном, на деревянной раме которого светло-оранжевая краска тоже сильно потрескалась. Словом, представшая перед нами красота в стиле русского модерна отчаянно нуждалась в реставрации. Хозяин дома это прекрасно понимал, но предпринять ничего не мог, потому что силы неумолимо покидали его.

На веранде в монументальном кожаном кресле сидел Павел Андреевич Пилатов, высокий старик, совсем недавно лишившийся своей роскошной шевелюры и солидного жирового запаса, от чего кожа на его щеках свисала, как туника с чужого плеча. Он всматривался в незваных гостей, о которых непонятно как узнал лишь за несколько минут до их появления. Полковник четырнадцатого отделения был в отставке уже с полгода и в последние недели десять не отвечал на телефонные звонки, но сообщение о визите племянника «с товарищем» упало непосредственно в его сознание, будто в почтовый ящик. Поэтому Пилатов ожидал чего-то необычного, что, возможно, развлекло бы его напоследок.

Он умирал от недуга, вызванного нарушением природного баланса – хронического недовосстановления биопсихической энергии. Полковник всегда предвидел подобную болезнь, потому и не заводил семьи. Он не умел предсказывать будущее – просто знал, что большинство людей с паранормальными способностями, поставленными на службу материалистическому обществу, именно таким путём и попадали на кладбище. Пилатов прожил даже дольше многих. Теперь же чувство глубокой усталости день за днём неумолимо подталкивало его к концу. Поняв, что бороться с болезнью бесполезно, Павел Андреевич решил не обременять своими страданиями сноху и племянника, а тихо уйти, когда воздух окажется окончательно перекрыт. В последние пару месяцев больной питался только жидкой пищей, за приготовление которой платил соседке, так же, как и за самые необходимые хлопоты по дому и походы в магазин. Дополнительно Пилатов платил ей за молчание, строго-настрого запретив сообщать родным о его болезни, хотя на самом деле ему так хотелось испытать немного семейного тепла в конце своей полной крутых поворотов жизни! Всё же странные существа эти люди...

Кроме соседки, ни с кем из обитателей загородного посёлка Павел Андреевич не общался. Пристального взгляда полковника побаивались, а репутация Пилатовых заставляла обывателей сторониться этой семьи ещё при отце, докторе местной больницы Андрее Александровиче. Дед Пилатов был потомственным дворянином, чудом избежавшим всякой мести со стороны власть имущих. Он потихоньку, не афишируя, практиковал гипноз,

в основном, в лечебных целях. А в посёлке поговаривали, что ни назойливые партийские активисты в сталинские годы, ни туповатые полицаи во время оккупации ни разу не тронули его единственно потому, что подверглись какому-то «внушению». Сын врача точно знал, что это правда, потому что способность влиять на людей досталась и ему. Более того, Павел Андреевич оказался талантливее родителя и вышел на новый уровень: он освоил телепатию и, когда был моложе, даже несколько раз успешно выполнял роль разведчика-слипера – во сне проникал в ментальное пространство важных политиков недружественных государств и добывал информацию прямо из их сознания.

Теперь же отставной полковник КГБ горстями принимал болеутоляющие средства, после чего мог ещё изредка ходить или, выражаясь точнее, ползать по дому. Он с большим трудом выбрался на веранду, чтобы встретить гостей и попытаться не выдать всей серьёзности своего недуга. Андрей же, как я и ожидал, перенёс свою первую телепортацию не слишком стойко, и, как только материализовался перед хозяином дома, вместо приветственных слов, сразу рванул к растущим вдоль палисадника кустам, где прерывисто задышал в рвотных потугах.

– Вот почему я не дал тебе позавтракать, – спокойно прокомментировал я вслед своему пассажиру, терпеливо дожидаясь, когда к тому вернётся дар речи. Его плачевное состояние дало мне возможность лучше присмотреться к больному гипнотизёру, который с интересом наблюдал за нами. Павел Пилатов и правда не был таким уж страшным, каким рисовало его воображение встреченных мной свидетелей. Чувство юмора не покинуло волевого старика даже в болезни – это я понял по мысленно отпущенной им шутке по поводу побега племянника в кусты. То, что мы на его глазах возникли из воздуха, заинтриговало даже видавшего виды полковника разведки, отвлекло его от боли. Дядя Паша терпеливо следовал взглядом за племянником и выжидательно молчал, догадываясь, что всё разъяснится не ранее, чем тот придёт в себя. А я спокойно оставался стоять в отдалении, не всходя на веранду.

Наконец, отдышавшись и отирая рот завалявшимся в кармане спортивных штанов мятым носовым платком, Андрей повернулся лицом к дому и поспешил к Павлу Андреевичу:

– Дядя Паша! Здравствуйте! Я не дозвонился до вас вчера. У вас всё в порядке? – а сам подумал: «Старик выглядит неважно!»

В ответ полковник пошевелил губами и слабой рукой указал на горло.

– А-а, у вас простуда? Вы охрипли? – догадался Андрей и выдохнул было с облегчением: – Ну, это пройдёт!

Павел Андреевич, не издав ни звука, кивнул и попытался улыбнуться.

– Это он хочет, чтобы ты так думал, – вмешался я наконец. – На самом деле у него быстро прогрессирующий рак гортани, который уже не позволяет голосовым связкам издавать звуков, достаточно громких для телефонного разговора. Я поймал протестующий взгляд больного и почувствовал уважение. Не многие homo sapiens способны так стойко переносить боль и так умело использовать самовнушение, чтобы отвлекать от страха смерти своё всё не угасающее сознание. К счастью, я мог общаться с ним без помощи речевого аппарата.

«По какому праву?! Кто вы, наконец, такой?» – безмолвно метал молнии дядя Паша, не особо надеясь на ответ. Я даже удивился, как такой гнев мог вспылать в его едва теплившемся жизнью организме.

«Это длинная история, – мысленно отозвался я. – Давайте мы лучше избавим вас от страданий».

Полковник почти не удивился, что его услышали. Он вдруг как-то сник и даже успокоился, откинул назад голову в сильно поредевших и неопрятно отросших седых прядях, вздохнул так глубоко, как только позволяла ему поражённая опухолью гортань, и подумал со свойственным разведчику хладнокровием: «А вы можете?» Измученный болью, непрерывно клокотавшей в горле, как кипящая смола, он видел единственное избавление от страданий в смерти и готовился к ней, убеждая себя, что и так успел многое и что событий его бурных шестидесяти пяти лет хватило бы даже на несколько жизней. Павел Андреевич даже подумывал ускорить собственную кончину, но пока не решался.

«Вы ещё здесь нужны, – невозмутимо ответил я, вызвав великое недоумение больного. – Нет, нет, вы не так меня поняли! Я собираюсь убрать вашу опухоль»,

«Вы и это можете?!» – надежда осветила замутнённую болезнью ауру старика ярким пронзительным лучом – и его выстроенные нечеловеческим усилием бастионы самовнушения с готовностью рухнули. Полковник хотел жить.

«Несомненно, – заверил я. – Просто расслабьтесь».

Искоренение зловещей опухоли, быстро убивавшей тело бывшего разведчика, потребовало несравнимо больше энергии, чем разжижение тромбов в сосудах заведующего музеем. У Павла Пилатова была последняя стадия, и смерть, которой он, несмотря на все усилия воли, всё-таки боялся, уже схватила его за горло, причём буквально. Когда я сосредоточил энергетический поток на очаге болезни, вокруг шеи старика образовалось белое свечение, от вида которого его племянник потерял дар речи и, наблюдая за действием силы homo liberatus, как вкопанный застыл на скрипучих деревянных ступеньках веранды. Смертоносные клетки активно

сопротивлялись, но под моим настойчивым напором всё же постепенно таяли, пока окончательно не растворились.

Вылечив, наконец, полковника, я так ослабел, что даже не смог телепортировать. Бросив ещё стоявшему с раскрытым ртом Андрею быстрое «расскажи всё сам, а мне надо отдохнуть», я добрёл до сада за домом Пилатовых, снял мучительную обувь и жадными босыми ногами коснулся земли, покрытой ослепительно-зелёной молоденькой порослью. Так изголодавшийся младенец припадает губами к материнской груди. Давно не ухоженный сад впустил в себя Природу и был прекрасен в своей дикой простоте. Плодовые деревья свободно распростёрли тяжёлые необрезанные ветки, густо покрытые благоухающими розовато-белыми соцветиями. Я подошёл к самой высокой яблоне, приложил к ней похолодевшие от истощения ладони, закрыл глаза. Там оказалось место необычайной силы! Дерево тут же откликнулось. От его корней к моему усталому телу заструилась живительная энергия Земли, и я блаженно забылся на какое-то время.

Щекотное прикосновение мягких усиков к босой ступне заставило меня открыть глаза. Любопытный зайчишка осторожно обнюхивал пальцы моих ног. Этого обитателя запущенного сада привлёк направленный поток энергии, созданный мной для скорейшего самовосстановления. Ушастый тоже был не прочь пополнить силы в период своих брачных игр. Мне стало смешно, как примазывался и кланялся маленький прыгунок. Я наклонился и взял зверька на руки. Компания доверчивого пушистика заставляла меня улыбаться, от чего приток сил только увеличился. Так мы с зайцем и подзарядились, вдвоём. Потом мой новый приятель бодрячком ускакал искать себе зайчиху, а я вернулся в дом.

За круглым обеденным столом на толстых фигурных ножках, располагавшимся в центре просторной барского пошиба столовой, сидели дядя с племянником и оживлённо беседовали, одновременно с увлечением поглощая завтрак. Так как до нашего появления в холодильнике лежала только пицца «для младенцев», предназначенная больному, Андрей, переодевшись в дядино, уже смотался в центр посёлка за хлебом и чем бог послал – в основном рыбными консервами в томатном соусе. Капитану, по моей вине оставшемуся без завтрака, было не привыкать к грубой холостяцкой пище, да и голод, как говорится у homo sapiens, не тётка. А дядя Паша так радовался вновь обрётённой способности снова есть, как взрослый, что ему было всё равно, что жевать и глотать, во всяком случае пока. Оба Пилатовых с аппетитом уплетали толсто нарезанные куски хлеба, покрытые коричневой килькой, вымазанной в липком буровато-красном соусе, и запивали всё это чаем из красивых фарфоровых чашек, подаренных кем-то

полковнику в честь ухода на пенсию. Андрей уже заканчивал рассказ о расе homo liberatus и заплонявших планету Земля вампирах, в которых он сам всё ещё не до конца верил. Дядя Паша постоянно перебивал вопросами и без того путавшегося капитана.

Тошнотворный запах, исходивший от консервных банок с остатками соуса и их выложенного на хлеб содержимого, не позволил мне подсесть за стол. Я отошёл к большому окну, с широким, как лавка, подоконником, где и решил дожидаться конца офицерской трапезы. Вонь от рыбы, погибшей много месяцев назад и не протухшей лишь посредством какой-то химии, конечно, доходила и туда, но всё-таки, благодаря возможности глотнуть свежего воздуха, у открытого окна она не была столь убийственной. Павел Андреевич перевёл на меня извиняющийся взгляд и заторопился: «Сейчас закончим вашу пытку!» Он поднялся из-за стола, тщательно, с мылом вымыл под краном провонявшие килькой пальцы, после чего поманил меня в гостиную, на выходе из столовой отдав распоряжение младшему по званию:

– Посуда на тебе, капитан! Да всполосни, пожалуй, и жестянки из-под кильки, а то гость того и гляди в обморок грохнетя от ароматов нашей цивилизации, – уводя меня вон из провонявшей рыбными консервами кухни, отставной полковник предложил: – Давайте говорить *по-человечески*, чтобы и он мог слышать! – с этими словами Павел Андреевич кивнул в сторону кухни, куда только что отправил племянника. Сам старик бесконечно наслаждался звуком собственного голоса, и переполнявшая его радость исцеления была сродни эйфории – состоянию, непривычному для волевого и сдержанного инструктора четырнадцатого отдела КГБ. Он чуть ли не впервые в своей взрослой жизни разрешил себе испытать вот такое безоглядное счастье. Хотя родные и не знали о смертельной болезни дяди Паши, высшее начальство было в курсе, и поэтому полковника Пилатова с большим сожалением, но всё же списали со счетов и как действующего разведчика, и как тренера по искусству гипноза. Это означало, что теперь, внезапно выздоровев, он мог, наконец, полностью распоряжаться собственной жизнью, а необходимость в ежеминутном контроле окружения просто отпадала. Он родился заново. Здоровым. Свободным.

Оказалось, для полковника не была новостью проблема вампиризации мира, о которой он услышал от смущённо мявшегося из-за опасения сморозить глупость Андрея. Павел Пилатов понял важность моей миссии гораздо лучше, чем его племянник, и не только благодаря своему чудесному исцелению. Он знал об энергетических паразитах из личного опыта.

– Я таких субъектов много встречал, – сказал он. – *И по эту сторону, и по ту.*

Андрей, покончив с мытьём посуды, как раз появился в дверях гостиной и, услышав цитату из собственных рассуждений, внимательно посмотрел на дядю и невольно передёрнул плечами: в тот момент капитану показалось, что чуть ли не весь мир имел доступ к его мыслям!

– А ты думал, ты один такой умный? – усмехнулся Пилатов-старший, заметив дискомфорт племянника, и с грустью добавил: – Выполнять приказы вампиров мне приходилось не раз. Скажу больше: ты и теперь на них работаешь.

– Кажется, так и есть, к несчастью... – скривив губы в иронической усмешке, отозвался Андрей. Он прошёл в гостиную и сел на старый, но хорошо сохранившийся бледно-зелёный диван, по-домашнему закинув ногу за ногу.

– Получить власть и не превратиться в вампира способны лишь единицы. Так что среди высшего руководства страны... – и отставной разведчик многозначительно умолк. Такой откровенности от обычно сдержанного полковника его племянник не ожидал. И главное, дядя Паша, как эхо, повторил сказанное мной капитану накануне. После слегка затянувшейся паузы, наконец, переварив признание старшего по званию, Андрей вдруг с размаху ударил ладонью по широкому подлокотнику дивана и воскликнул:

– Так зачем?! – он даже задохнулся от возмущения. – Зачем же вы продолжали следовать их приказам, если знали?

– Ну, во-первых, про вампиров я не сразу догадался. Да и теперь понимаю далеко не всё, – примирительно объяснил старик. В глубине души он признавал негодование молодого человека отчасти справедливым. – Во-вторых, мои выводы основаны исключительно на личных наблюдениях, которые, разумеется, не являются истиной в последней инстанции. А в-третьих... – тут Павел Андреевич поднялся с кресла и гордо выпрямил спину, – и это главное: я потомственный дворянин и люблю Россию. Без условий, – он начал неспеша ходить по гостиной, продолжая говорить: – Сын не предаст свою мать, какой бы она ни была, а мать любит и оберегает своего ребёнка, как бы он себя ни повёл. Так и для настоящего русского служение Родине и её защита – ценность непреходящая, кто бы и как ни управлял нашей страной, – в том, как Павел Пилатов произносил слово «Родина» отчётливо слышалась заглавная буква. – Любое правительство – это просто люди, которые приходят и уходят, а Россия одна на все времена. Нельзя предавать Родину только из-за того, что ею плохо управляют. Она источник нашей силы, – полковник направил в мою сторону раскрытую ладонь. – Насколько я понимаю, Ян, вы тоже, в определённом смысле один из нас?

Я утвердительно кивнул, вспоминая, какую удивительную связь с землёй только что ощущал в саду. На Новой Лемурии мне никогда не доводилось

испытывать столь мощного притока энергии. И я понял, почему homo liberatus так упорно не оставляют мысли о возвращении на Землю – наша энергия связана именно с этой планетой!

– Возможно, мне и приходилось выполнять прихоти вампиров у власти, – обращаясь к племяннику, продолжал Павел Андреевич. – Тем не менее, никакая другая работа не сравнится со службой в КГБ в возможности действовать в интересах России. И совесть моя чиста, потому что, служа отчизне, я ни разу в жизни не навредил ей, – старик всё ходил перед нами, втолковывая свою жизненную позицию разгневанному и одновременно сбитоному с толку капитану. Низкий голос полковника звучал спокойно, уверенно, а жесты были неспешными и даже какими-то величавыми. – Более того, мне посчастливилось участвовать в нескольких секретных операциях, которые укрепили позиции нашей страны и предотвратили не один военный конфликт, то есть спасли тысячи человеческих жизней. Этим и занимается большинство чекистов. Наша служба – беречь Родину, а сопутствующая возня подвампиривающих и подворовывающих кабинетных крыс... – старый офицер поморщился, увольняяще махнул рукой в сторону окна, но твёрдо закончил: – Это лишь одна из издержек профессии.

Пока полковник Пилатов произносил свою речь перед нами, как проповедник перед паствой, его обновлённая жёлто-оранжевая аура распускалась, словно цветок лотоса. Она становилась всё объёмнее, всё насыщеннее, очевидно, возвращаясь к состоянию до болезни, и мне стало понятно, как этот человек смог изменить память чуть ли ни половины населения большой республики.

Андрей молчал. Он был подавлен и немного растерян. Молодого человека, изо дня в день привыкшего наблюдать набивавший оскомину показатель патриотизм – обязательное условие продвижения по карьерной лестнице – поразила неподдельная искренность дяди. Ну не приходилось капитану Пилатову защищать родину по-настоящему – ни внутри России, ни за её пределами, несмотря на семилетнюю службу в КГБ! Шпионская деятельность, связанная с опасностями разоблачения завербованных иностранной разведкой предателей, никогда не входила в его обязанности. Андрей не подозревал, что это мать, не желавшая потерять сына, как потеряла мужа, упростила деверя сделать всё, чтобы «мальчика» не направляли на задания, связанные с риском для жизни. А звание капитана молодой Пилатов получил ещё до перевода в четырнадцатый отдел, после задержания и «нейтрализации» одной неуловимой группы диссидентов, печатавших в подпольной типографии так называемые «антисоветские» стихи, в которых критиковались многие аспекты системы. Андрей вовсе не горел такой работой, потому что в глубине души был даже согласен с тем,

о чём говорилось в некоторых из изъятых у диссидентов опусов. «Не от них надо бы защищать страну, а от тех, кого они высмеивают», – не раз думалось капитану.

– В тебе тоже есть любовь к Родине, – ответил я на мысли Андрея, – которой ты почему-то стесняешься.

Дядя Паша едко вставил:

– А теперь патриотизм не в моде! – и сказал племяннику: – Хорошо, что твоё начальство не знает, что ты на самом деле думаешь, иначе тебя бы давно попёрли из органов.

– Возможно, я и сам хотел бы уйти, – безо всякого гонора возразил Пилатов-младший. В глубине души он понимал, что, вмняя в обязанность патриотизм, партия тем самым лишь душила в его поколении истинную любовь к своей стране, воспитывать которую, разумеется, было нужно, но как-то по-другому... – Ну что это за работа – выполнять приказы крыс из ЦК, которые заботятся о своих креслах и карманах больше, чем о деле?

– А кто мешает тебе заботиться о деле, если вопрос действительно в нём? Искать виноватых и обижаться проще всего, – отрезал полковник. – Я не сказал самой главной причины, по которой Россия нуждается в нас: *по ту сторону* сидит далеко не меньше, а скорее даже больше вампиров, мечтающих превратить нашу землю и людей в бесплатный источник как ископаемой, так и человеческой энергии. И это мне известно не из плакатов и газет, а как профессиональному разведчику. – Павел Андреевич помолчал, с сожалением взглядываясь в повесившего нос племянника и сказал: – Возможно, ты и прав насчёт увольнения, раз так сильно сомневаешься в службе, но погоди пороть горячку. Давай сначала посмотрим, как мы можем помочь ему, – и полковник указал на меня, – раз уж ты притащил сюда этого товарища.

– Это ещё кто кого притащил, – усмехнулся Андрей, которого мутило от одного воспоминания о телепортации.

– Вы, батенька, мир от вампиров спасти прибьли – ни больше ни меньше, если я правильно понимаю? – улыбаясь обращённой ко мне добродушной иронии полковника, я утвердительно кивнул. – Знаете русскую пословицу? Один в поле не воин.

– Уже знаком, – ответил я. – Как раз поэтому я и здесь. На вас очень надеюсь, Павел Андреевич, и на племянника вашего.

– Вот видишь, сынок, рано тебе драпать из системы, – и Павел Андреевич шутливо потрепал капитана по плечу. – С её помощью бороться с вампирами будет сподручнее.

«Я в них пока что не особо верю», – ворчливо подумал Андрей. Он всё забывал, что находится в одной комнате с двумя телепатами.

– Это поправимо! – с энтузиазмом сказал готовый горы свернуть полковник. – Ведь мы и ему поможем раскрыть потенциал, правда, Ян?

– Чуть позже, может быть, – неопределённо ответил я и быстренько завуалировал мотив своей уклончивости: не хотелось разочаровывать любящего дядю. В плане паранормальных способностей, Природа, видимо, решила отдохнуть на его племяннике – либо сам племянник своим цинизмом душил в себе Природу. В умонастроении, как у Андрея, без генетической связи с потомками Лемурии шансы развить паранормальные способности у homo sapiens близки к нулю. Настало время поговорить о деле. – Сейчас меня интересует Хатынь и каратели, которые сожгли её жителей в сорок третьем году. Среди них был вампир, которого я должен найти и... – я поколебался, не желая даже думать об убийстве, – возможно, истребить... Это должен быть их командир, который ещё жив.

– Откуда ты знаешь? – удивлённо вставил Андрей.

– Не я, а наша общая знакомая Кассандра и другие наши прорицательницы, – объяснил я.

– Кассандра? Не больше не меньше? Как интересно! – воскликнул Павел Андреевич. – Что, та самая?

– Нет, конечно, – ответил я. – Нашей знакомой всего двести лет...

– Просто тёзка! – хихикнул Андрей при воспоминании о взбалмошной игривой пророчице.

– Мы надеялись, что вы поможете, Павел Андреевич, – я говорил серьёзно, и капитан умолк. – Мне известно, что именно вы частично заблокировали воспоминания у местного населения. Вы согласитесь вернуть их к изначальному состоянию?

– Ну, не заблокировали, а только слегка изменили воспоминания... – уточнил отставной полковник. Он вздохнул и добавил задумчиво: – Можно, конечно, в свете назревающих политических катаклизмов... Но пользы от этого будет не так уж много...

– Почему? – в один голос воскликнули мы с Андреем.

– Потому что нужно знать имя вашего вампира. Иначе в нашей бескрайней стране вам ничего не светит, даже если вы сможете выудить портрет искомого преступника из памяти свидетелей.

– Почему не светит? – я пока плохо понимал, в чём состояла проблема. Получилось же разыскать самого полковника! Я как-то позабыл, что удача мне улыбнулась лишь благодаря случайному воспоминанию Джима о виденном им документе с именем Пилатова.

– Только представь, как хорошо этот гад умеет замечать следы, если делает это уже сорок лет! – настаивал дядя Паша. – Пострадавшее видели карателей мельком, и имена злодеев им вообще не известны – в этом можете

мне поверить. Мы всех свидетелей просканировали, прежде чем подкорректировать их воспоминания. Так что, даже раскодированные, они толком не сумеют помочь – а вот дерьма выльется наружу более, чем достаточно. И разбираться с этим потоком грязи придётся не вам, Ян, при всём уважении... – полковник указал на Андрея, имея в виду, что последствия восстановления памяти побывавших в немецкой оккупации белорусских колхозников падут на таких, как капитан. Я не совсем понял, о каких последствиях шла речь, но решил не отвлекаться, а Пилатов-старший закончил: – С другой стороны, зная имена, Андрей сможет отследить карателей по уже состоявшимся судебным делам, из которых вы и вычислите вашего вампира. Одно могу сказать наверняка: при условии, что преступник ещё жив, он точно разгуливает на свободе. Подобных ему у нас в лагеря не сажают, – дядя Паша провёл пальцами вдоль своей шеи, иллюстрируя альтернативу. – Вы следуете за моей мыслью?

– Да, – подтвердил я.

– Так вот, посудите сами: из шести выживших свидетелей хатынской трагедии только четверо до сих пор с нами. Все они тогда были детьми и воспринимали ужасы войны детским умом, то есть находились в том же положении, что и вы, – Пилатов сделал паузу, давая мне осмыслить сказанное. Убедившись, что мне всё понятно, он продолжил: – Далее, дети спаслись только благодаря тому, что сумели спрятаться, то есть каратели их не видели – а значит, и сами выжившие видели не многих преступников. Кто определённо пил чай и что покрепче с вашим вампиром, так это другие вампиры, то есть его сослуживцы. Вот кого нужно разыскать и покопаться у них в памяти!

– Точно! – согласился Андрей и выставил вверх указательный палец. – Надо поднять протоколы допросов бывших карателей. Как всё просто! – этим он заработал одобрительную улыбку дяди.

– Схема выработана задолго до вашего здесь появления, – сказал полковник, и я был удостоен покровительственного похлопывания по плечу. – Все протоколы хранятся в белорусском архиве КГБ. Вам нужен официальный доступ, чтобы их поднять. Я думаю, что мог бы посодействовать...

– Это будет такая тягомотина! – страдальчески проныл Андрей.

– Или не нужен официальный... – возразил я и, подмигнув, исчез и появился, чтобы продемонстрировать более лёгкий способ проникновения в хранилище документов.

– Да, но вам не помешает помощь капитана, чтобы разобраться в бумагах...

– Ну, у него уже есть опыт телепортации! – засмеялся я и заметив, как перекосилась физиономия Андрея при мысли о новом «виде транспорта», попытался его успокоить: – Не волнуйся, к этому можно привыкнуть!

Он в ответ только фыркнул:

– Без меня меня женили!

– Сегодня суббота, и архив как раз закрыт. За два дня управитесь? – поинтересовался дядя Паша, деловито потирая руки.

Я поколебался, не понимая, отчего наше время было ограничено двумя днями – совсем забыл, что Андрей не мог, как я, видеть в темноте, и что это затруднило бы поиск нужных бумаг в случае ночных визитов в архив по будням.

– Надеюсь...

– Тогда вам лучше поторопиться! Думаю, на службе не стоит афишировать, что ты помогаешь инопланетянину, – посоветовал племяннику Павел Андреевич. – Проблем от этого будет неизмеримо больше, чем пользы.

Капитан, едва успевавший соображать, ошалело кивнул и спросил:

– Документов по Хатыни должно быть очень много, так?

– Совершенно верно! – подтвердил дядя Паша. – Сам я их, к сожалению, не читал, но меня вводили в курс дела, когда мы работали с населением в пятидесятых и в начале шестидесятых. Материалов уже тогда набралось томов на семь.

– Семь томов! – расстроился Андрей и сокрушённо уставился на меня. – Тогда быстро не управимся! Точно придётся потратить больше двух дней, чтобы вычислить этого... ну, кого ты ищешь. Но мне же в понедельник на работу! – и он растерянно развёл руками.

– Тебе ведь дали задание меня предупредить, так? – возразил дядя Паша.

– Ну, дали...

– Я уверен, что ты сумеешь этим воспользоваться, чтобы взять отпуск. Твоё начальство думает, что я больной, и вряд ли откажет. А я смогу подтвердить, что ты ко мне приехал и сообщил всё, что нужно. Так и поступим, – услышав дядин совет, Андрей обрадовался, а Пилатов-старший сказал мне: – Очень удобно, что ваша подруга удалилась – не придётся лгать, говоря, что она здесь не появлялась.

Это была чисто человеческая спекуляция, до которой я никогда бы не додумался и которая лишней раз доказывала, как сложно было бы действовать в мире homo sapiens без помощи их самих. Привлечение в союзники внушавших доверие представителей этого не внушавшего оптимизма вида начинало приносить свои плоды. Поблагодарив опытного разведчика, я подошёл к капитану и спросил:

– Ну что, повторим путешествие?

Тот обречённо закатил глаза и безропотно протянул мне руку, но вдруг дядя Паша остановил нас воплем «Подождите!» Он сбегал на кухню и вернулся с тремя полупрозрачными пластиковыми пакетами, которые аккуратно сложил и торжественно вручил племяннику со словами:

– Один – сейчас, один – на обратную дорогу и один лишний, на всякий случай. Не обрыгай белорусский архив. Удачи!

И мы телепортировали в Минск.

Глава 10. В лабиринтах памяти

Уже сгущались сумерки, когда мы оказались в парке недалеко от цели нашего путешествия, так что ночного визита в архив избежать не получалось. Хотя моему пассажиру и не пришлось воспользоваться дядиным пакетом, ощущения капитана после телепортации были далеки от приятных. То же самое я мог сказать и о себе, так как воздух города-героя Минска не баловал чистотой и свежестью, а был перенасыщен не годными для дыхания газами – и не только угарным и углекислым, к которым я кое-как уже начинал приспосабливаться, но и какими-то ещё отвратительными выбросами, очевидно, из заводских труб. При этом атмосфера радовала глаз, словно и не подозревала о загрязнении своих нижних слоёв. На западе заслоняемое многоэтажными постройками солнце расцвечивало огненной каймой редкие пёрышки фиолетовых облаков, а с востока бездонная пасть Вселенной медленно и неумолимо заглатывала небо.

По парку, не особо интересуясь красотой небесной, гуляли парочки. Почти все они держались за руки, а те, что были пораскованнее, обнимались и даже целовались на лавочках, не обращая внимания на неодобрительно косившихся на них одиночек, водивших своих собак, собачек и собачонок привязанными за шею. Я никогда не видел, чтобы животных так грубо удерживали, а Андрей на мой вопрос ответил:

– Правильно! Чтобы собаки не кусались и не бросались на прохожих или вот этих, – глотая зависть, он едва заметным кивком головы указал на плотно прижимавшихся друг к другу влюблённых, сидевших на лавочке, мимо которой мы только что прошли. Как и любого *homo liberatus*, парочки меня совсем не смущали. На Лемурии желания плоти не ограничиваются ни по месту, ни по возрасту – там на лоне Природы такие сидели бы ещё и

нагишом. А вот при взгляде на собачьи ошейники и поводки, я задохнулся от возмущения:

– Но ведь эти животные высоко внушаемы, и достаточно им просто сказать, на худой конец, приказать! Я уверен, что даже homo sapiens способны с этим справиться.

– Ну-у... – неопределённо протянул Андрей. – Ты прав, большинство справляется, но не все. И потом, собаку держат на поводке скорее чтобы посторонние люди не пугались, если к ни подбежит незнакомая псина, особенно большая.

– Разве собак можно бояться? – эта новость поразила меня необычайно. – Ведь люди называют себя царями Природы! Какие же вы цари, если боитесь даже существ, управлять которыми легче, чем любыми другими животными?

– Хозяева собак, разумеется, управляют – а вот у чужих получается не всегда. Но вообще-то ты прав: собак боятся немногие... А почему тебя это так сильно занимает?

– Я никогда раньше не видел живое существо, ограниченное в свободе, да ещё таким вот смешным и жестоким способом!

Андрей иронически усмехнулся, подумав про себя: «Ты ещё не видел наших зоопарков и тюрем!», а вслух спросил:

– Даже хищников?

– Строго говоря, собака – тоже хищник!

– А как же вы защищаетесь, если, как ты говоришь, живёте бок о бок с дикой природой? – всё недоумевал капитан. – Скажем, если лев захотел бы тебя съесть или медведь?

– Homo liberatus с раннего детства учатся договариваться с любыми живыми существами, влиять на них ментально, поэтому у нас нет необходимости принуждать, убивать или ещё как-нибудь физически защищаться.

– Ты хочешь сказать, что даже со львом или крокодилом смог бы договориться? – недоверчиво хмыкнув спросил мой спутник.

– А какая разница? – спросил я, улыбаясь.

– А показать можешь?

– Где же здесь львы? – я прикинулся, что не понял.

– Прикажи что-нибудь хоть вон тому водолазу! – бросив мне этот дурацкий вызов, Андрей выставил из сжатого кулака большой палец и указал им через плечо на лохматого чёрного пса с апатичной мордой, метрах в десяти позади нас. Собаку вела на поводке хрупкая девочка-подросток в джинсах и длинном джемпере, мечтавшая о своём симпатичном однокласснике, которого надеялась встретить во время этой вечерней

прогулки в парке. Гигантский лохматый питомец доходил ей до пояса и был вдвое, если не втрое тяжелее девочки. Пёс нехотя брёл рядом с ней по аллее. Он-то мечтал покататься по манящей шелковистой траве, которая росла на газоне справа, но чувствовал, что любимой хозяйке не до него, и не делал никаких попыток удовлетворить свою потребность в простой собачьей радости.

Я приостановился и, не оборачиваясь, начал общение с пристёгнутым к ремешку скучавшим бедолагой, а Андрей повернулся посмотреть, что будет. Сперва водолаз встал как вкопанный и не двигался с места, несмотря на понукания со стороны девочки. Затем собака неожиданно для всех, кроме, разумеется, меня, плюхнулась на пыльный асфальт и начала кататься по нему на спине, смешно задрав тяжёлые лапы, после чего, поднявшись и зрелищно отряхнув посеревшую от пыли чёрную шубу прямо на не успевшую отскочить хозяйку, забегала вокруг бедняжки, от неожиданности упустившей поводок, причём, сделав три витка по часовой стрелке, резко сменила направление на противоположное – и так три раза. Хрупкая девочка в панике выкрикивала беспорядочные команды:

– Ротшильд! Перестань! Сидеть! Сидеть, я сказала! Ротшильд! Ты с ума сошёл? Сидеть! Лапу! – а обычно покладистый пёс полностью её игнорировал. Вокруг уже собрались зеваки, которые помощи никакой не предлагали, боясь, что собака взбесилась. Чтобы моё видимое безразличие никому не показалось странным, я тоже повернулся лицом к происходящему и, заметив, что мой спутник еле сдерживается, чтобы не расхохотаться во весь голос, через минуту оставил собаку в покое. Водолаз прекратил представление так же неожиданно, как начал, моментально успокоился и, как ни в чём ни бывало, встал у ноги заплаканной девочки, а на морду гиганта вернулась прежняя скучающая мина. Мы незаметно отделились от толпы и отправились дальше.

– Здорово! – воскликнул Андрей, наконец, позволив себе долго сдерживаемый смех, когда мы отошли. – Только девчонку жалко. Уж очень испугалась!

– Ты же сам просил! – грустно усмехнулся я. Андрей осёкся, а я добавил, даже не пытаясь скрыть осуждения: – Вот так у вас всегда. Сначала делаете – потом думаете. В результате – вредите себе и другим. Легкомысленные вы существа. И это вдобавок к проблеме с вампирами!

– Что есть, то есть, – с виноватым видом согласился капитан.

Прогулочным шагом мы стали продвигаться по центральному проспекту Минска. Я любовался его выбеленной чистотой, постепенно заживавшимися ночными огнями и правильностью линий, вовсе не природных, но всё же... Если бы не безбожно загазованный воздух!

Уже совсем стемнело, когда мы подошли к зданию КГБ с мощными белыми колоннами, украшавшими главный вход. Вся фронтальная часть строения была освещена прожекторами, посылавшими вверх снопы света, такие яркие, что подойти близко к стене незамеченными было невозможно.

– Это творение рук человеческих – совсем новое, – заметил я.

– Да, новое, по историческим меркам, – согласился капитан. – Фашисты полностью разбомбили Минск во время войны, так что весь город, был отстроен заново. Можно сказать, Белоруссия возродилась из пепла. Как птица Феникс... – Андрей помолчал, любуясь монументальным, вызывавшим некоторую подавленность строением и, вдруг вспомнив, добавил: – А знаешь, в чём ирония? Вот это здание строили немецкие военнопленные. Наши молодцы нашли отличное приложение их силе. Как там у вас? Трансформировали разрушительную энергию в созидательную, – попытался он сострить на лемурианский лад.

– И восстановили таким образом баланс, – добавил я. Шутка спутника заставила меня улыбнуться.

– Ну, разве что в какой-то, очень незначительной степени, – нехотя признал Андрей.

– Ты здесь раньше бывал?

– Не приходилось, – Пилатов-младший снова задрал голову и, оценивая потенциальную сложность несанкционированного проникновения в эту крепость, почесал затылок и добавил: – А вот дядя Паша – да, и не раз. Надо было спросить у него, как найти архив в этом дворце... И как я не сообразил?

– Зато я сообразил.

– Когда это?

– Покопался в памяти твоего дяди. Он ведь от меня не блокировался, так что был как открытая книга.

Чтобы телепортировать внутрь, нам пришлось отойти за угол ярко освещённого здания. Огромное помещение архива не имело окон – и мы оказались в крошечной темноте. Непроницаемая тишина помещения казалась неестественной, но и благословенной после изнурявшего слух шума центрального проспекта. Пока Андрей приходил в себя, я попытался осмотреться. Перед нами простирался лабиринт, в котором покоилась история людей, их подвигов и предательств, преступлений и наказаний. И так как история эта была записана на мёртвой бумаге, а не хранилась в памяти живого существа, я, словно homo sapiens, не имел иного доступа к этим уложенным в аккуратные стопки знаниям, кроме чтения. Короче говоря, тут была стихия поднаторевшего в бумажной работе капитана КГБ.

Вскоре Андрея перестало мутить, и он достал из кармана тоненький продолговатый предмет, оказавшийся источником света. Капитан всегда

держал карманный фонарик наготове – вот почему, несмотря на неспособность видеть в темноте, он не возражал против ночного посещения архива! Тонкий луч подававшего свет устройства едва позволял моему спутнику разбирать, что находилось в паре метров – а я из-за резкого светового контраста уже не мог как следует видеть всё остальное и спросил:

– Как нам найти то, что нужно?

Андрей немного удивился вопросу и беспечно ответил:

– Очень просто: по алфавиту! Давай за мной.

И мы пустились в путешествие между полками. Капитан то и дело подносил луч фонарика к надписям, пока мы не добрались до буквы «Х», где и покоились коробки с пометкой «Хатынь», занимавшие несколько полок.

Андрей почесал подбородок, оценивая разглядывая объёмные тома. Я же оторопел. Единственное нужное мне имя скрывалось среди сотен и даже тысяч кропотливо, по крупицам собранных протоколов, рапортов, отчётов, записок – но даже и в этом не могло быть уверенности! Наконец капитан объявил:

– Та-ак, мы не осилим всё это ни за ночь, ни за две!

Он стянул с верхней полки крайнюю левую коробку и распределил остальные посвободнее – так, чтобы исчезновение не бросалось в глаза, затем достал из кармана сэкономленные дядины пакеты. И только мы собрались аккуратно уложить в них свою добычу, как вдруг щёлкнул выключатель, разлился яркий неоновый свет, и со стороны входа в зал архива прозвучал настороженный мужской голос: «Кто здесь?» Из-за возни с коробками мы вовремя не обратили внимания на раздавшийся ранее щелчок ключа в замке ведущей наружу двери, находившейся где-то в другом конце хранилища документов. Андрей поспешно погасил фонарик. Уже совсем близко послышались шаги охранника. Времени телепортировать, не оставив следов, у нас совсем не было.

Лицо моего спутника побледнело и искривилось в панической гримасе. Ничего лучше заранее обречённой на поражение игры в кошки-мышки с беготнёй и прятками в этих лабиринтах человеческой памяти, ему в голову не пришло, и капитан уже было начал движение, оставив коробку с протоколами по делу Хатыни как есть, на полу. Андрей и меня потянул за рукав, инстинктивно пытаясь увлечь за собой, но я удержал его, приложил палец к губам и жестом приказал стать позади себя вместе с бумагами. Вся ротация заняла всего несколько секунд, а ещё через мгновение на месте, где начинался наш стеллаж, показалась фигура охранника. Его глазам предстал пустой пролёт между полками, на другом конце которого он видел лишь чистую светло-зелёную стену. Надо сказать, страж был добросовестным. Он решил пройти по узкому коридору между стеллажами и не задел нас лишь

потому, что мы до предела прижались к полкам и к друг другу, причём на этот раз мой товарищ вовсе не возражал против такой «противоестественной» близости. Будь охранник лемурианцем, он легко услышал бы набат, отбиваемый сердцем стоявшего за моей спиной капитана Пилатова, проникшего в помещение архива без письменного направления, да ещё и ночью, будто шпион, и тогда... Для homo sapiens Андрей совсем не плохо контролировал свой страх, но те минуты выжидания показались ему вечностью.

Наконец, охранник окончательно убедился, что возня между стеллажами ему почудилась, погасил свет, и щелчок ключа в замке просигналил нам отбой. Тогда мы молча, но слаженно до отказа заполнили папками все три прозрачных полиэтиленовых пакета, и Пилатов-младший с облегчением прошептал:

– Ну, всё. Полетели обратно.

– А остальное? – удивился я.

– Запомни это место, – ответил мой сообщник, ухмыляясь. – Тебе не раз придется возвращаться, брать, сколько унесёшь, – и он ткнул указательным пальцем в остававшиеся на полках материалы, – а отработанное, – теперь его палец перенаправился к нашим набитым бумагами пакетам, – класть на место. Пока не найдём нужную информацию.

– Мне? – поразился я, глядя на казавшиеся бесчисленными стопки, исписанные человеческой историей. – Одному?

– Конечно, – Андрей завёл глаза к потолку. – Столько телепортаций я не переживу!

– Но ты так хорошо ориентируешься в этих дебрях! – возразил я жалобным голосом, подумав: «Попытка – не пытка», на что Андрей, раскусив мою неумелую манипуляцию, засмеялся и заверил с плохо скрываемым превосходством:

– Ничего, справишься!

Дом Пилатова-старшего идеально подходил для разбора секретных документов. Во-первых, там не было лишних глаз. Павел Андреевич в принципе не принимал досужих гостей, а помогавшую по хозяйству соседку попросил пока что не приходить, сославшись на визит племянника. Во-вторых, дядя Паша был опытным разведчиком и имел неплохое представление о нашем деле, с которым уже соприкасался по службе. И, наконец, поскольку о чудесном излечении умиравшего гипнотизёра ещё никому не сообщали, Андрею легче было поддерживать легенду о визите к больному, действительно находясь в доме дяди. На следующее утро он позвонил полковнику Свиридову с просьбой об официальном отпуске, чтобы провести время с умирающим, заслуженным перед органами

безопасности родственником, а заодно и побыть здесь «в засаде» на случай, если «магическая дамочка», то есть Кассандра, всё же появится.

– Ладно, сиди там, – последовал ответ с другого конца провода. – Заявление напишешь задним числом.

Капитан Пилатов удивился, что так легко, без нареканий получил добро, потому что не знал о сеансе внушения в стиле *homo liberatus*, которому подвергся его начальник.

И закипела работа. Оба офицера взялись помогать мне с большим энтузиазмом. Особенно старший. И не только из благодарности за своё выздоровление. Всегда скрывавший от соратников по партии далёкие от традиционного материализма взгляды, в своём возвращении к жизни он увидел особый смысл. Павел Андреевич считал, что был излечен не просто так, а для определённой цели, так что в его лице я обрёл верного помощника, искушённого в разгадывании тайн, порождённых системой *homo sapiens*. Ещё до того, как распаковали первую сумку с архивными трофеями, в руках дяди Паши возник маленький чёрный пенальчик – списанный из КГБ мини фотоаппарат.

– Конечно, это больше не последнее слово техники, – сказал полковник в отставке, кладя на стол миниатюрную штучку. – Но всё же поможет нам зафиксировать главное...

Перебирать архивные документы, покрытые пылью декад, оказалось чрезвычайно нудным и кропотливым делом, признаться, сильно меня бесившим. Вот как *homo sapiens* компенсируют недостаток астральной и ментальной связи с себе подобными! Вот ещё одно бессмысленное занятие, на которое они тратят свою энергию и безвозвратно утекающее время! Теперь и мне приходилось заниматься тем же. Работу честно разделили на троих, хотя даже здесь у меня было преимущество – доступ и к тому, что я сам выуживал в этом море пыльной целлюлозы, и к тому, что узнавали другие двое. Я был рад их участию и благодарен, потому что знал: без искушённых в человеческой матрице помощников найти верную тропу в этом лабиринте памяти мне было бы гораздо труднее.

В первой доставшейся мне папке нашёлся протокол совещания партизанских командиров, в том числе командира отряда «Дяди Васи», где воевал мой недавний знакомый, директор мемориала «Хатынь». 29 марта 1943 г. Пробежав глазами запись чьей-то торопливой рукой на вырванной из блокнота странице, я зачитал вслух:

– *Майор Воронянский... Прекратить ночёвку и остановку партизан в деревнях, хотя бы и одиночек, ибо это влечёт за собой варварские издевательства врага над нашим населением. Много примеров, которые можно привести, даже у нас случай – сожжено 184 чел. в деревне Хатынь...*

«Значит, партизаны именно после трагедии в Хатыни окончательно решили не ночевать в деревнях! – подумал я. – Теперь понятно, откуда у Матвея такое неподъёмное чувство вины... но постой...»

– Сто восемьдесят четыре? – повторил я вслух. Там, где я вырос, насильственная смерть даже одного живого существа – немыслимое кощунство, а тут выяснялось, что из моей родной деревни вампиры забрали на целых тридцать пять жизней больше, чем говорилось на экскурсиях в Хатыни! Как же это? Я так огорчился, словно трагедия случилась вчера, а полковник оторвался от лежавших перед ним протоколов и пояснил:

– Ты неправильно понял, Ян. Партизаны не могли знать точное количество погибших в деревне людей. Цифра здесь, видимо, приблизительная.

– *Цифра?* – это звучало вообще дико! Особенно меня поразило полное отсутствие драмы в голосе полковника. Я просто потерял дар речи, а отставной гипнотизёр несколько секунд внимательно прислушивался к моему безмолвию и, наконец, добавил:

– М-да. Трудно тебе придётся. С таким трепетным отношением к жизни.

– Да что с вами такое? – я не находил слов от возмущения. – Хотя, я должен был знать...

– Видишь ли, – сказал дядя Паша. – В нашу человеческую психику как бы встроен защитный механизм. То, что ты сейчас чувствуешь, ведёт к потере энергии, разрушает тебя, – он был прав, потому что сразу после всплеска возмущения я почувствовал лёгкую слабость. – А человек, сознательно или нет, заботится в первую очередь о собственном здоровье и благополучии, стремится экономить силы, – Павел Андреевич с грустью посмотрел на выжидательно молчавшего племянника, не до конца понимавшего причину моего негодования. – Поэтому люди, хоть и создают себе и другим бесчисленные поводы для скорби, сами не способны скорбеть вечно, тем более о смерти незнакомцев. Жизни, утерянные в любой, даже самой страшной трагедии, лет через сорок, если не раньше, превращаются для нас просто в цифры, – он опять скосил глаза на капитана и добавил: – К сожалению. Так что тебе придётся привыкать, Ян. Вот здесь, например, указана уже меньшая *цифра*, – надавив на слово «цифра», полковник зачитал из своих изысканий: – *Акт Плеценицкой районной комиссии о сожжении немецко-фашистскими захватчиками жителей д.Хатынь. 28 октября 1944 года.*

Мы, нижеподписавшиеся, Плеценицкая райкомиссия по учёту злодеяний немецко-фашистских захватчиков, причинённых ими за период их хозяйничанья, в составе... Так, пропускаем имена пока что... настоящий акт о том, что 22 марта 1943 года в д. Хатынь Плеценицкого района Минской

области БССР прибыло 150 человек немецких солдат и офицеров, которые окружили деревню Хатынь и открыли по деревне пулемётный и винтовочный огонь, а затем согнали жителей деревни в сарай гражданина Каминского Иосифа. Сарай сожгли вместе с людьми.

Когда находившиеся в сарае старики, женщины стали ломать дверь, чтобы выйти, немецкие изверги открыли огонь из пулемёта. В результате зверства немецких варваров в сарае сгорело 157... – Вот видишь? – подчеркнул для меня Павел Андреевич и продолжил читать: – ...человек стариков, женщин и детей. Немцы также сожгли деревню, состоящую из 27 домов. О чём составлен настоящий акт.

Поимённый список сожжённых и протокол опроса спасённых при этом прилагается.

Председатель комиссии Ясинович, члены комиссии...

Тут Пилатов-старший увидел краем глаза, как капитан схватился было за мини-фотоаппарат. Бывший разведчик поспешил своей ладонью прижать руки племянника к столу и воскликнул:

– Эй, полегче! Побереги плёнку! Фотографируем только то, о чём не знаем!

А я всё думал о *цифрах*:

– Но здесь тоже не сто сорок девять, а сто пятьдесят семь!

– Ведь этот документ от сорок четвёртого года! – возразил полковник. Я не понял:

– И что?

– Так ведь этот протокол был, видимо, одним из первых! – вмешался Андрей. – Составлявшие его скорее всего не знали обо всех выживших, – надо заметить, всё, что так обстоятельно объяснял мне дядя Паша, было очевидно для капитана. И только теперь Андрей, нетерпеливо ёрзавший во время нашего разговора, с большим запозданием догадался, в чём состояла моя проблема с *цифрами*. – Тех-то приютили в других деревнях, а следователи, вероятно, нашли их уже после войны, – и, бегло перелистав стопку бумаг, он сообщил: – Здесь почти нет показаний отдельных свидетелей по Хатыни. Вот, только это, днём раньше предыдущего: *Протокол опроса свидетеля В.А. Яскевича. Г.п. Плещеницы, 27 октября 1944 г. Год рождения: 1930 года рождения*, то есть ему было четырнадцать на момент дачи показаний. Видно, парнишка оказался где-то недалеко, – пояснил капитан. – А другие дети были ещё меньше. *По существу дела показываю: 22 марта 1943 года в нашу деревню Хатынь прибыли примерно 150 человек – немецкие солдаты и офицеры. Окружили нашу деревню со всех сторон и открыли пулемётный и винтовочный огонь. Вслед за тем ворвались в деревню, согнали жителей в сарай гр-на Каминского Иосифа,*

отчество его не помню, заперли дверь в сарай и зажгли. Когда мужчины стали ломать дверь, открыли из пулемёта огонь. Таким образом, от рук немецких извергов в этом сарае сгорели живьём 150 человек детей, женщин и стариков.

В числе них погибли и мои родители, отец, Яскевич Антон Антонович, 50 лет, мать, Яскевич Елена Сидоровна, 51 год, брат, Яскевич Виктор Владимирович... Всего восемь человек в списке, – пояснил Андрей, пропуская имена. – Таким образом, из десяти человек семьи мы остались живы только два человека, ещё осталась моя сестра Яскевич Зоя Антоновна, 1934 года рождения, которая, когда немцы стали народ вгонять в сарай, побежала в хутор...

«По существу дела... – повторил я про себя. – Значит, то, что пережила восьмилетняя Соня Яскевич, сидя в картошке у тётки в подвале – не существенно, раз ничего об этом не сказано?»

– Конечно, существенно! – отозвался на мои мысли Пилатов-старший. – Только таких, как Соня, тогда были сотни. Ты представляешь, в какой хаос были ввергнуты жизни немногих выживших, как во время, так и сразу после войны? – Павел Андреевич расхаживал по кабинету и прихлёбывал чуть тёплый чай, до этого забытый на каминной полке, куда был убран ещё горячим, подальше от письменного стола. – Человек, потерявший дом и семью – иголка в стоге сена. Все свидетели трагедии остались без крова и ютились, где придётся, по родственникам и знакомым в соседних деревнях, часто довольно удалённых. И только после войны выживших детей собрали в детском доме. Да и вряд ли несовершеннолетних стали бы активно допрашивать. Это заставило бы их вернуться к ужасу, который они пережили – а они, как и вообще всё население, после фашистской оккупации страдали посттравматическим расстройством. Это как раз и было официальным поводом для нашей... ну, вы знаете... гипнотерапии...

Андрея тем временем заинтересовал ещё один документ:

– Здесь есть показания о сожжении и другой деревни – Осовы. Вот, например, свидетельница *Полетыка М.К.*, протокол от 30 октября 1944 года, – и он прочитал, с трудом разбирая каракули от руки непривычной к писанине крестьянки:

Могу рассказать как очевидица, что проделывали немецкие каратели. В 1943 году в мае м-це прибыли немцы в наше село все жилили находились в лесу, прятались от извергов и мучителей людей. Но они приказали чтобы жители из леса все стали выходить и собируются по домам. Пришли домой переназначали ночь, а утром часов 7 стали собирать партизанские семьи и сводить в сарай который находился за деревней. Утром ко мне вошли немцы 4 человека и не выпускали миня на двор. Нобрали людей как малая так

и старья закрыли в сарай. После стали собирать все остальные вулицу, собравшие всех выстроили подожгли сарай где находились живые люди. Я сумела выйти из строя и спряталась, а когда выехали немцы из деревни я побежала к сараю где горели люди. Горела мая братова жена и двое детей всего сожгли в сарае 50 человек и троих детей возрастом от 7 и до 10 лет застрелили бежавшим от сарая. Всего в тот день погибло 53 человека, – дочитав, капитан отложил в сторону желтоватый листок. – Видишь, Ян? Всё то же, что и в Хатыни как под копирку, за исключением *цифры*. Ты уж извини нашу фигуру речи! Главное: свидетели называют только имена погибших членов семей и соседей, а карателей – ни одного! – и Андрей развёл руками.

– Я же говорил, – заметил Павел Андреевич. – Палачи своим жертвам не представлялись.

Только теперь я начинал понимать, как прав был дядя Паша, утверждая, что его «пациенты» вряд ли смогут пролить свет на мои поиски. Выходило, я зря гонялся за гипнотизёром... Хотя... разве что-нибудь делается зря? Предстояло ещё выяснить, зачем он всё-таки встречался с жителями пострадавших деревень. Старый разведчик неплохо поработал, чтобы не впускать в собственное сознание подробностей той «терапевтической» операции, даже когда именно *она* находилась в центре разговора.

– Также здесь вскользь упоминается Рижский судебный процесс сорок шестого года, – сбил меня с мысли Андрей, так что я даже вздрогнул. – *Бруно Павел* сознался, что это он дал команду *сжечь Хатынь*. Ты не это искал? – я было заинтересовался и перегнулся через стол, чтобы взять листок из рук капитана, но он закончил: – Но почему-то никаких протоколов оттуда нет... – и я разочарованно откинулся обратно на спинку кресла.

– Рижский процесс был одним из первых, – объяснил Павел Андреевич. – Там судили только немецких офицеров, и делом занимался военный трибунал, так что документы должны быть в их архиве, а не КГБ. Но туда лезть бессмысленно.

– Почему? – в один голос удивились мы.

– Всех военных преступников тогда приговорили к смертной казни, а мы ведь ищем живого вампира, так?

– Да, – согласился я, а Андрей тут же сделал сомнительно-оптимистический вывод:

– Тогда круг значительно сужается! Ведь большинство карателей либо расстреляны, либо отбывают срок?

– Уверен, что не все, – ответил полковник, поджав губы. – Но здесь пока ничего, – он выглядел озабоченным и размышлял о том, насколько изворотливым и умным мог быть мой противник, если за все сорок лет после

войны сумел не выдать себя. Конечно, если он не остался жить за границей, как многие другие предатели... Но Павел Андреевич привык не спешить с выводами и лишь сказал вслух: – Следующий процесс проходил в начале шестидесятых. Документы в архиве, – и он сделал увольняющий жест в мою сторону.

Более недели мне пришлось по ночам таскать коробки и папки из архива белорусского КГБ в дом Павла Пилатова, а потом возвращать их на прежнее место и приносить взамен новые. Каждая партия бумаг аккуратно раскладывалась на добротном, невиданной длины письменном столе в просторном кабинете. Дядя Паша в домашнем халате восседал в хозяйском кожаном кресле боком к английского стиля камину и спиной к стене, затянутой светло-зелёными чуть полинявшими гобеленовыми обоями, а мы с Андреем располагались по другую сторону стола в гостевых, но не менее удобных, обитых тем же светло-зелёным гобеленом креслах с изящно изогнутыми ножками и подлокотниками чёрного дерева. Вся эта антикварная роскошь сохранилась в доме ещё от дворянских предков, нетронутая комиссарами потому, что дед Пилатов, доктор, был у них на особом счету. Кабинет совмещался с библиотекой, так что остальные стены пестрели томами научных, литературных и исторических трудов обо всём, что интересовало эту необычную семью *homo sapiens* на протяжении нескольких поколений. Никогда раньше я не бывал в человеческой библиотеке, и меня не покидало ощущение, что работа наша спорилась именно в окружении этих фолиантов, будто жили в них частички душ учёных и мыслителей, чьи истосковавшиеся по слушателям великие умы шептали нам на ухо подсказки и намёки.

В протоколах расследования от 1961 года мы нашли показания выжившего во время хатынской расправы взрослого, о котором я слышал во время экскурсии и чья шестиметровая статуя возвышается теперь в центре Хатыни – статуя, поставленная при чудом спасённой жизни.

31 января 1961 г.

Ст. Следователь следотдела КГБ при СМ БССР капитан Мурашко допросил в качестве свидетеля Каминского Иосифа Иосифовича, 1887 года рождения, уроженца дер. Гани Логойского района Минской области, из крестьян, белоруса, гр-на СССР, беспартийного, малограмотного, несудимого, женатого, пенсионера, проживающего в дер. Козыри Логойского района.

Допрос начат в 12 часов 25 минут. Об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу ложных показаний по ст.134 и 136 УК БССР предупреждён. (подпись – Каминский)

ВОПРОС: На каком языке Вы желаете давать показания?

ОТВЕТ: Показания буду давать на русском языке.

ВОПРОС: Где Вы проживали и чем занимались в период немецкой оккупации в 1941 – 1944 гг?

ОТВЕТ: В период немецкой оккупации я проживал до 22 марта 1943 года в дер. Хатынь Плещеницкого района Минской области, куда переехал на жительство из дер. Гани, будучи ещё малолетним. Когда Хатынь была сожжена немецкими карательными войсками, в связи с полученными ранениями и ожогами, лечился на хуторе Богдановка недалеко от Логойска, а затем и в г.Логойске до освобождения Советской Армией. До уничтожения дер. Хатынь занимался сельским хозяйством, а после ранения нигде не работал. В дер.Козыри проживаю с 1944 года.

ВОПРОС: Расскажите подробно об обстоятельствах уничтожения дер. Хатынь.

ОТВЕТ: 21 марта 1943 года, в воскресенье, в дер. Хатынь приехало много партизан, название отряда и бригады не знаю. Переночевав, утром, ещё было темно, большая часть из них выехала из нашей деревни. В середине дня, то есть в понедельник 22 марта 1943 года, я, находясь дома в дер. Хатынь, услышал стрельбу около деревни Козыри, расположенной в 4–5 км от дер. Хатынь. Причём стрельба сначала была большая, потом она прекратилась и вскоре снова возобновилась. Не помню точно, кажется, в 15 часов дня партизаны возвратились в дер. Хатынь и расположились обедать. Спустя час-полтора нашу деревню стали окружать немцы, после чего между ними и партизанами завязался бой. Несколько партизан в дер. Хатынь было убито. Партизаны после часового примерно боя, отступили, а солдаты немецких войск стали собирать подводы и грузить имуществом. Из числа жителей дер. Хатынь они взяли в подводчики только Рудак Стефана Алексеевича, который погиб в 1944–1945 годах на фронте. Остальных жителей начали сгонять в сарай, расположенный в метрах 35–50 от моего дома, то есть мой сарай. Ко мне в дом зашло 6 карателей, разговаривавших на русском и украинском языках. Одеты они были – трое в немецкой форме, а другие три карателя в каких-то шинелях серого цвета. Все они были вооружены винтовками. Дома тогда были я, моя жена Аделия и четверо моих детей в возрасте от 12 до 18 лет. Я стал на колени, они у меня спросили, сколько было партизан. Когда я ответил, что было у меня шесть человек, а кто они такие не знаю, вернее или партизаны или другие – я так выразился, спросили затем, есть ли лошадь, и предложили её запрячь. Как только я вышел из дома, один из карателей ударил меня прикладом винтовки в плечо, назвал бандитом и сказал быстрее запрягать лошадь. Лошадь стояла у моего брата Каминского Ивана Иосифовича, который проживал напротив моего дома через улицу. Зайдя туда во двор, я увидел,

что мой брат Иван уже лежал на пороге своего дома убитый. Видимо, он был убит ещё во время боя, в результате которого даже окна частично повывлетали, в том числе и в моём доме. Лошадь я запряг, и её взяли каратели, а меня и сына моего брата Владислава два карателя погнали в мой сарай. Когда я пришёл в сарай, то там уже были человек 10 граждан, в том числе и моя семья. Я ещё спросил, почему они не одетые, на что моя жена Аделия и дочь Ядвига ответили, что их каратели раздели. Людей продолжали сгонять в этот сарай, и он через непродолжительное время был совершенно заполнен, что даже нельзя поднять рук. Размер сарая 12х6 метров, в него согнали человек сто моих односельчан. Из сарая, когда открывали и загоняли людей, было видно, что многие дома уже горели. Я понял, что нас будут расстреливать, и сказал находившимся вместе со мной в сарае жителям: «Молитесь богу, потому что здесь умрут все». На это стоявший у дверей сарая каратель, по национальности украинец, высокого роста, худощавый, одетый в серой шинели, вооружённый автоматом, ответил: «О цэ, иконы топтали, иконы палили, мы вас сейчас спалим».

Я перестал читать и уставился перед собой. Значит, эти слова действительно были сказаны, причём именно так, как я их запомнил! Моё сердце заколотилось с невероятной силой, будто собиралось взорваться в груди. Эта сила подбросила меня на ноги из-за письменного стола, и я начал быстро ходить взад-вперёд по кабинету.

Несколько секунд оба Пилатовых изумлённо смотрели на меня.

– Ты чего забегал? – наконец, поинтересовался Андрей. – Как тигр в клетке!

– Я помню эти слова! Про иконы! – сказал я, переводя учащённое от волнения дыхание. – Значит этот язык – украинский?

– Определённо! – в один голос подтвердили офицеры. Капитан хотел добавить что-то ещё, но я указал на брошенные на столе бумаги и нетерпеливо потребовал:

– Дочитай это до конца, Андрей! Пожалуйста! Вопросы потом!

И капитан продолжил с места, где я остановился:

– Эти слова карателя мне особенно запомнились, так как в сарай были согнаны мирные жители, среди них много малолетних и даже грудного возраста детей, а остальные – в основном женщины, старики. При одном воспоминании их в глазах возникает страшная картина этого чудовищного факта истребления людей, жителей дер. Хатынь, среди которых я оказался. Уже горел сарай, вернее он загорелся ещё до того, как я сказал находившимся в сарае людям: «Молитесь богу» и другие слова, о чём записано выше. Обречённые на смерть люди, в том числе и члены моей

семьи, сильно плакали, кричали. Открыв двери сарая, каратели стали расстреливать из пулемётов, автоматов и другого оружия граждан, но стрельбы почти не было слышно из-за сильного крика людей. Я со своим 15-летним сыном Адамом оказался около стены, убитые граждане падали на меня, ещё живые люди металась в общей толпе словно волны, лилась кровь из раненых и убитых. Обвалилась горевшая крыша, страшный, дикий вой людей ещё усилился. Под ней горевшие живые люди так вопили и ворочались, что эта крыша прямо-таки кружилась. Мне удалось из-под трупов и горевших людей выбраться и доползти до дверей. Тут же упомянутый мною выше каратель, по национальности украинец, стоявший у дверей сарая, из автомата выстрелил по мне, в результате я оказался раненым в левое плечо; пули как будто обожгли меня, поцарапав в нескольких местах тело в области спины и порвав одежду. Мой сын Адам, до этого обгоревший, каким-то образом выскочил из сарая, но в метрах 10 от сарая, после выстрелов, упал. Я, будучи раненым, чтобы не стрелял больше по мне каратель, лежал без движения, прикинувшись мёртвым, но часть горевшей крыши упала мне на ноги и у меня загорелась одежда. Я после этого стал выползать из сарая, поднял немного голову, увидел, что карателей уже нет. Возле сарая лежало много убитых и обгоревших людей. Там же лежал раненый Етка Альбин Феликсович, у него из бока лилась кровь и, поскольку я находился рядом с ним, то кровь текла прямо на меня. Я ещё пытался ему помочь, затыкал рукой рану, чтобы не текла кровь, но он уже умирал, будучи совершенно обгоревшим, на лице и теле не было уже кожи, тем не менее он ещё сказал: «Спасайся!», – почувствовав моё прикосновение. Услышав слова умиравшего, Етки Альбина, каратель подошёл откуда-то, ничего не говоря поднял меня на ноги и бросил, я хотя был в полусознании, не ворочался. Тогда этот каратель ударил меня прикладом в лицо и ушёл. У меня была обгоревшая задняя часть тела и руки. Лежал я разутый, так как снял горевшие валенки, когда выползал из сарая. Лежал на снегу в луже крови, смешавшейся со снегом. Вскоре я услышал сигнал к отъезду карателей, а когда они немного отъехали, мой сын Адам, лежавший недалеко от меня, в метрах примерно трёх, позвал меня к себе, вытащить его из лужи. Я подполз, приподнял его, но увидел, что он перерезан пулями пополам. Мой сын Адам ещё успел спросить: «А жива ли мама?», – и тут же скончался. Какие большие трупы лежали около сарая, не помню, вспоминаю ещё только Желобковича Андрея, которого видел убитым. Кроме моих членов семьи, там погибли его жена и трое детей, в том числе грудной ребёнок. Я сам подняться и двигаться не мог, но вскоре подошёл ко мне мой шурин Яскевич Иосиф Антонович, проживавший на хуторе в полутора примерно километрах от дер. Хатынь, и отвёл к себе домой,

вернее, почти на себе. Деревня Хатынь уже полностью догорала. Это было вечером 22 марта 1943 года, когда стемнело. А жгли сарай и расстреливали в нём людей каратели часов в 5-6 дня. Когда меня вёл Яскевич Иосиф, который умер четыре года назад, я заметил два лежащие за деревней Хатынь трупа, но кто такие не знаю.

Впоследствии я лечился на хуторе Богдановка у своего родственника Воронько Петра и в г.Логойске. После выздоровления нигде не работал, проживал у своих родственников. Таким образом, немецкими карательными войсками 22 марта 1943 года была дотла сожжена дер.Хатынь, а её жители в количестве ста восьмидесяти семи... – Андрей сделал ударение на этой цифре и посмотрел на меня, – ...человек расстреляны или заживо сожжены. По рассказам Рудака Стефана, вблизи деревни Хатынь было убито 15 человек, а остальные погибли – расстреляны или сожжены в одном сарае. В рапорте партизан указано общее число погибших! – пояснил для меня капитан. – Приметы карателей я только запомнил те, что указал выше. Могу вместе с тем уточнить, что немцев тогда в Хатыни было мало, а остальные разговаривали, которых я видел в своём доме, на улице и около упомянутого сарая, на русском и украинском языках. Опознать их ввиду давности времени не смогу.

Когда Андрей дочитывал, я уже вернулся в своё кресло и сидел там, обхватив голову руками. Да, кузнец Иосиф видел намного больше, чем маленький Ясик – он видел всё.

– Эх, из этой памяти ты многое мог бы вытащить! – эхом отвечая на мои мысли, с досадой воскликнул дядя Паша. – И портретов нашлось бы достаточно, если умеючи! – одного полковник не сказал вслух: всех пострадавших свидетелей, подвергшихся «гипнотерапии», в своё время раскодировали для дачи показаний в судебных расследованиях, а потом возвращали в прежнее состояние частичного забвения, но старика Каминского было опасно вновь подвергать гипнозу из-за начинавшейся у того возрастной болезни. После суда так и пришлось оставить его наедине с памятью. Потому-то бывший кузнец и возвращался в Хатынь часто, до самой своей смерти. Прошло более тринадцати лет с тех пор, как умер Иосиф Каминский, так что теперь приходилось довольствоваться лишь вот этими листками с показаниями несчастного старика, хоть и весьма подробными, но не слишком полезными в нашем расследовании. – Был ещё Антон Барановский, – добавил полковник. – Единственный ребёнок, побывавший в том сарае и выживший. Кроме Яна, разумеется. Он тоже многих палачей видел в лицо. Вот, – и Павел Андреевич, вслух прочитал из лежавшего перед ним документа: – *Когда начался бой между партизанами и карателями, я ушёл к соседу Иодко Казимиру (погибшему во время расстрела вместе с*

семьей), где находилась моя мать. Во время боя мы легли на пол, а дверь закрыли на запор.

Как только прекратилась стрельба в деревне, в дверь дома кто-то сильно постучал. Мы не успели открыть дверь, как каратели разбили её прикладами. В дом ворвалось три или четыре карателя. Вошедший в дом первый каратель был вооружён винтовкой, а остальные автоматами. Одеты они все были в немецкую военную форму. Цвета их формы и знаков различия я не помню. Ворвавшийся первым каратель, на русском языке с характерным украинским акцентом в озлобленной форме, сопровождая слова нецензурной бранью, приказал нам выходить из дома. Когда мы стали выходить, то один каратель приказал дочери Иодко – Марии остаться дома...

– Могу себе представить, зачем! – возмущённо вставил Андрей, а полковник, не переводя глаз от протокола, лишь вздохнул и сказал:

– Да, – и продолжил читать: – *Примет заходивших в дом карателей я из-за давности времени не помню... В сорок третьем Антону было одиннадцать... – Пилатов-старший умолк и задумался. Некоторое время он не произносил ни слова, а мы выжидающе смотрели на него под громоподобное тикание, доносившееся из старинного часового шкафа. Наконец, Павел Андреевич прочёл и пометку на протоколе допроса свидетеля А.И.Барановского: Погиб в Оренбурге в декабре 1969г. при невыясненных обстоятельствах: задохнулся в загоревшемся ночью бараке.*

Неожиданно в животе нашего капитана раздалось такое громкое, неоднозначное урчание, к которому старшее поколение не могло не отнестись с сочувствием. Мы переглянулись и, оставив протоколы в кабинете, не сговариваясь, поднялись с мест и отправились в столовую, а самый молодой и голодный из нас – на кухню, чтобы на газовой плите разогреть извлечённый из холодильника вчерашний холостяцкий суп с макаронами, который я отказывался употреблять в виду плававшей в бульоне куриной ляжки. Вместо супа, мне были предложены прошлогодние овощи, причём капитан не поленился наскоро настругать салат и заправить блюдо растительным маслом. Воротить нос было бы грубо, да и бессмысленно, так что я старался просто жевать клетчатку, отвлекаясь на разговор с сотрапезниками.

– Какая ирония, – с грустью заметил капитан, как только вместе с первыми признаками сытости ощутил способность думать о чём-то, кроме обеда. – Хатынь всё же настигла Антона Барановского. Через восемнадцать лет. Совпадение?

– Не уверен, – с сомнением потерев пальцами гладко выбритый подбородок, признался старый разведчик. – Совсем не уверен. Что-то тут не

чисто! Антон пишет, что не помнит примет. Но он бы обязательно вспомнил, если бы встретил кого-то из ворвавшихся к ним в дом карателей лицом к лицу... Именно такую установку мы давали свидетелям преступлений нацистов в Белоруссии. А Антон видел тех четверых совсем близко.

– Погодите, погодите! Так всё-таки почему вы массово изменяли память населения? И что именно они должны были забыть? – наконец, осмелился спросить капитан.

Вместо ответа Павел Андреевич по памяти процитировал оставленный в кабинете протокол:

– *Выгнав нас из дома, каратели на русском языке с украинским акцентом приказали следовать к сараю Каминского Иосифа...* Теперь понял? *С украинским акцентом*, – подчеркнул он, – о котором мы и в показаниях Каминского читали...

– Ну, хотя бы я узнал, на каком языке говорил единственный каратель, которого я запомнил, – пожав плечами, отозвался я не понимая ценности сказанного полковником, а тот с силой возразил:

– Это я тебе и так мог сказать.

Глава 11. География предательства. Часть 1

*Теперь молчи, — сказал я, — если хочешь,
Предатель гнусный! В мире свой позор
Через меня навеки ты упрочишь*

Данте Алигьери «Божественная комедия»

– Полицай-украинец? Эка невидаль! – без удивления вставил Андрей. Он поднялся из-за стола и начал убирать посуду. – Предателей, спасавших свою шкуру службой у фашистов, было предостаточно везде, где ступала нога оккупантов. Хотя странно, что этот – не местный...

– В том-то и дело! – ответил Павел Андреевич. – *Почти все* палачи Хатыни, как и других стёртых с лица земли белорусских деревень, были украинцами. Это давно доказано.

– Как так? – запротестовал капитан. Он было собирался отнести грязные тарелки на кухню, но с этим вопросом присел обратно за стол. – Все знают, что Хатынь сожгли немцы!

– Эта лишь версия для населения, – со знающим видом возразил дядя. – В ходе расследований разных лет выяснилось другое: хоть приказы и исходили от немецкого командования, но истреблялось население Белоруссии руками полицейских, причём именно не местных. А психику своих солдат гитлеровцы стремились не травмировать без необходимости.

Андрей иронически вскинул брови, развёл руками и рассмеялся:

– Неужели их ещё можно было травмировать?!

– Зря смеёшься, – осадил племянника полковник Пилатов. – Мотивация – ключевой фактор на войне, как, впрочем, и в любом деле. Думаешь, за Гитлера воевали одни вампиры?

– Нет, конечно, – всё ещё ухмыляясь, сказал Андрей. – Очень надеюсь, в мире не так много вампиров, как солдат в нацистской армии!

– Правильно. Большинство из них были обычные немецкие парни, конечно, воспитанные на идеях нацизма и по-крестьянски жадноватые – но всё же нормальные люди. Многие отправились в Восточную Европу в надежде отхватить кусок фермерской земли на завоёванных территориях, но у всего своя цена. Одно дело убивать вооружённого противника – тут ты с ним на равных – и совсем другое – издеваться над безоружным мирным населением. Это уже не война, а геноцид, который психически здорового человека, мягко говоря, деморализует. Для геноцида требуются особые персонажи.

Андрей ответил, уже серьёзно:

– Согласен.

Он встал из-за стола и унёс посуду, намереваясь сразу же её и вымыть. Капитан не любил беспорядка и неоконченных дел. А Павел Андреевич спросил у меня:

– Чайку?

Я утвердительно кивнул, и он последовал в кухню за племянником, который, по мнению дяди Паши, не умел заваривать чай «как положено». Я же остался сидеть за столом, невидящими глазами уставившись в серое окно и вспоминая, какая волна энергии катилась к одетым в военную форму мужчинам, когда они плотным кольцом окружали *тот* сарай. Трёхлетний ребёнок, пусть даже и *homo liberatus*, оказавшись на пути такой силы, не сумел бы ей противостоять. Маленький Ясик мало что понимал во всеобщей суматохе и, благодаря своей природе, не был напуган, но каждой клеточкой своего крошечного существа воспринимал пульсировавшие разряды страха, исходившего от загнанных в закрытое пространство обречённых на смерть

односельчан. И если бы не крепость материнского тела, та ненасытная стихия человеческого ужаса непременно поглотила бы и уничтожила меня. А любому взрослому лемурианцу известно, что объём направленного течения энергии всегда равен способности принимающей стороны его вобрать. Вот и получается, что боль и страх жертв поглощались, по крайней мере, большинством стоявших снаружи палачей!

Андрей Пилатов мелькнул в дверях столовой, рукой поманив меня в гостиную. Там, в ожидании дяди Паши с его чаем, я расположился на диване, а молодой офицер присел за старинный, светлого дерева рояль. Андрей обнажил клавиши, и его пальцы лёгким и, к моему немалому удивлению, привычным движением пробежав по чёрно-белой дорожке, произвели *музыку*, небывалую в моём мире. С раннего детства я не слышал этого проникновенного человеческого языка, правдивее всех прочих поющего и о душевной боли, и о неуёмной радости, языка, на который откликаешься против воли. И это язык чистых эмоций, в котором каждый слышит своё! Неторопливая река звуков подхватила меня, застав врасплох с моими воспоминаниями, так что у меня снова, как тогда при ударе колокола на месте сожжённого хатынского дома, защемило в груди, к горлу подкатил комок, и на глаза, уже во второй раз с момента моего возвращения на Землю, навернулись непрошенные слёзы.

Мучительная и желанная, мелодия оборвалась так же внезапно, как и явилась, когда в гостиную вошёл Павел Андреевич с подносом. Полковник принёс большой глиняный чайник с заваренным по своему фирменному рецепту горячим напитком. Андрей легкомысленно срезал музыку на полупhrase, опустил крышку рояля и, отправился к серванту за фарфоровыми чашками и изящными тонкими блюдами. Потом, закончив накрывать маленький столик на резных ножках, капитан с удовольствием плюхнулся на диван и вальяжно развалился рядом со мной, совершенно не замечая впечатления, произведённого на меня его игрой. После минималистического аскетизма общежития он просто наслаждался привычным с детства скромным, но изысканным домашним уютом. А вот дядя Паша обратил внимание на мои блестящие влагой глаза и с улыбкой подумал: «Добро пожаловать домой, сынок!», но вслух он, разливая чай, продолжил начатую во время обеда беседу:

– Так вот, расследования показали, что в Белоруссию направили 118-й охранный батальон, который большей частью состоял из выходцев с Украины, переметнувшихся на сторону нацистов.

– Оуновцев? – высказал догадку Андрей, вытаращив глаза, но не от удивления, а оттого, что, отхлёбывая горячее, не рассчитал и обжётся.

– Лишь частично, – сухо отозвался бывший разведчик.

А я не понял:

– Кого-кого?

– Капитан имеет в виду Организацию Украинских Националистов – О-У-Н, – пояснил дядя Паша, – которая, кстати, существует до сих пор, хотя в нашей стране и запрещена, и потому сидит в подполье. Они, – полковник взглядом указал на племянника, – следят за оуновцами, ловить пытаются, но не очень успешно. Но в Западной Европе, а также – и особенно – в Канаде организация эта даже очень легальна.

Я слышал об этом впервые.

– Что же они делают? Чего добиваются?

Павел Андреевич ответил, поджав губы:

– Создания украинского государства, если совсем коротко.

– А что, им это запрещают? Почему?

– Даже не знаю, с чего начать! – иронически усмехнулся бывший чекист. Он прокашлялся и набрал в лёгкие побольше воздуха. Было ясно: нам предстояла послеобеденная лекция. – Возможно, с того, что земли Украины – плодородные, богатые земли – лежат на перекрёстке многих дорог. Территорию эту периодически оспаривают уже сформировавшиеся государства то с одной стороны, то с другой, но никто из них – ни Польша, ни Венгрия, ни Румыния, ни, разумеется, Россия, а затем и Советский Союз – пока не пожелал расстаться со своими владениями в пользу украинцев...

– Почему не пожелал? – не понял я. Дядя и племянник переглянулись, поражаясь моей наивности, а Андрей, пожав плечами, пояснил:

– Чтобы государство отказалось от территории в виде акта доброй воли? Такого не бывало в истории! Не-ет! Земельные владения отдают исключительно по принуждению, когда войну проигрывают, например...

– Верно, капитан, – согласился с племянником Павел Андреевич. – С украинцами всё особенно сложно. Они наследники казаков, живших по *краям* нескольких стран, вдоль границ. Отсюда и название «Украина». Вольное казачество в конце концов осело, сформировало самобытную культуру, стало называть себя украинцами, но так и не сумело объединиться в государство. Возможно, из-за нехватки определённости в самоидентификации. Вот всяком случае, пока...

– Ты думаешь, у них получится в будущем? – с любопытством поинтересовался Андрей.

– Посмотрим... – уклончиво ответил бывший разведчик и, давая выход уже не первый день одолевавшей его тревоге, добавил: – Грядут большие перемены...

Суть проблемы казалась мне понятной – ведь именно так ведут себя живущие стадами и прайдами животные. И я перефразировал:

– Другими словами, украинцы стремились закрепить за собой землю, на которой обитали, то есть обеспечить свой *подвид* ресурсами, но другие подвиды до сих пор оказывались сильнее.

– В точку! Видишь, капитан, как всё просто? – рассмеялся дядя Паша и, подмигнув своим карим глазом, добавил: – Правда, «подвид» – довольно необычное определение нации. И потом... являются ли все они одним *подвидом* – это ещё вопрос. У них даже религия не у всех одна и та же. Западные украинцы исповедуют католичество, как их ближайшие соседи поляки и венгры, а на востоке следуют православию, как русские.

– Религия – это не биологическая характеристика, – возразил я серьёзно, очевидностью чего сильно развеселил капитана, и он воскликнул:

– Конечно! Иначе наций на земле было бы значительно меньше!

Обычная в семье Пилатовых послеобеденная беседа давала мне шанс понять, почему *homo sapiens* так сильно усложняют природную борьбу за выживание. В моих глазах пока что всё выглядело довольно примитивно:

– То есть ООН желает обеспечить свой *подвид*? Это естественно даже в животном мире!

– Может и так, но весь вопрос в методах, не так ли? – ответил Павел Андреевич. – Ты пытаешься поставить людей в один ряд с животными – а вот сами люди этого сравнения не любят.

– Почему же? Ведь это правда!

Полковник ухмыльнулся:

– Хороший вопрос! Мы тысячелетиями убеждаем себя, что разум в корне отличает нас от всей остальной фауны.

– И это тоже правда, – сказал я, – которая всё же не упраздняет ни вашей биологической природы, ни нашей.

– А мы предпочитаем об этом не вспоминать, – язвительно сказал дядя Паша, – а всё философствуем, – это был камень в огород племянника. – Гуманизм – самая распространённая из философий в Европе. Правда, Андрей?

– Гуманизм, согласно которому *homo sapiens* – наивысшая ценность? – уточнил я, вспомнив сведения, воспринятые на одном из Единений.

Полковник утвердительно кивнул, а Андрея вдруг осенило:

– А может быть, именно гуманизм и помогает нам представлять себя царями Природы?

– Зачем вам это? – удивился я.

– С такой позиции легче предъявлять права на *все* её ресурсы! – неожиданно для самого себя выдал капитан и сам себе удивился. Полковник с гордостью взглянул на племянника и поддержал:

– А это интересная мысль! Верить в собственную исключительность просто выгодно – это ведь основа и национализма с расизмом тоже. Так что всё сходится!

– Именно таким путём *homo sapiens* пришли к доминированию, после чего уже внутри собственных подвидов, начали состязание, которое вы называете национализмом и расизмом, – перевёл я, не задумываясь. – Хищным животным весьма свойственно уничтожать конкурента в борьбе за территорию, но ведь человеку Природой дан разум, чтобы для выживания сотрудничать, а не разрушать! В противном случае он становится на путь вырождения.

– Тут-то и возникает противоречие, – поддакнул мне бывший разведчик. – Согласно философии гуманизма, ценен *любой* человек, – он уже допил свой чай и прохаживался по гостиной взад-вперёд, чтобы размять ноги, – в свете чего стремление к независимости нации не оправдывает убийство мирного польского населения или еврейские погромы на территориях, которые члены ОУН стремились закрепить за своим «подвидом» в начале нашего века.

– То есть они пытались избавиться от других претендентов на ресурсы, как животные, – снова перевёл я. – Именно так отвоёвывают территорию крупные хищники.

– Хищники? О, да! – воскликнул полковник. – Этой организацией руководили страшные люди. И зубы точили на соседей, то есть тех, кто, как ты выражаешься, «мешал им завладеть ресурсами на территории обитания», – полковника забавлял мой «упрощённый» взгляд на историю *homo sapiens*, хотя в глубине души бывший разведчик соглашался, что высокие идеи, как и любой продукт работы мозга, имеют биологическое происхождение. – К сожалению, далеко не все *homo sapiens* – гуманисты. Видимо, национализм кажется нашим вампирам гораздо выгоднее.

– И только в СССР Украина впервые оформилась как политическая единица! – вставил Андрей с таким самодовольством, словно частичная политическая автономия Украины была его личной заслугой. – Здесь ей впервые в истории отдали территории, за которые ОУН так долго боролась!

– Плохо знаешь историю, капитан! – осадил племянника Павел Андреевич. – Украинское государство создавалось и раньше, как раз деятелями ОУН, и просуществовало целых восемь месяцев, с апреля по декабрь 1918 года. Но я тебя не виню за незнание *незначительных* деталей. В первой половине нашего века в Европе был просто взрыв национализма, в результате чего она перекраивалась столько раз, что запутаться немудрено, – Пилатов-старший с жалостью относился к недостаткам образования у племянника. Того, что обсуждалось после обеда в узком кругу пилатовской

гостиной, было не найти в школьных и даже в университетских учебниках. Невозможно же интересоваться информацией, о самом существовании которой не подозреваешь! – а Советская Украина действительно получила почти все территории, заявленные ООН в 1918 году, а после Великой Отечественной войны – даже больше, – подтвердил, наконец, слова племянника полковник.

– Но теперь-то оуновцам просто нечего делать! – всё петушился Андрей.
– Украина ведь самая богатая республика СССР.

– Так было не всегда. Много жертв полегло за сегодняшнее процветание – и далеко не в одной Украине. Но в настоящее время – да, угнетёнными украинцев сложно назвать. Советская власть раскрыла экономический потенциал республики. Хрущёв им ещё и всесоюзную здравницу отдал – живи и радуйся! Политически республика, конечно, далека от самостоятельности, хотя властью украинцы точно не обделены – было бы желание! У нас их добрая половина Политбюро, что, честно говоря, даже беспокоит. Не удивительно, что эти материалы, – и дядя Паша махнул рукой в сторону кабинета, – до сих пор засекречены. – И тем не менее, ООН не перестала существовать.

– Чего же им ещё не хватает? – недоумевал я.

– Той же власти, полагаю, – ответил Павел Андреевич коротко.

– Зачем им власть?

На Лемурии, где всё решает Единое Сознание, во власти нет необходимости. Нам всегда было сложно понять желание слишком многих homo sapiens тратить целую жизнь на борьбу за контроль над себе подобными.

– Как зачем? – в один голос воскликнули дядя с племянником и озадаченно уставились на меня. Полковник даже на минуту перестал ходить и застыл посередине комнаты. Я попытался пояснить:

– Зачем власть, если есть всё необходимое, без особого риска это потерять?

– Ну-у... риск потери есть всегда – потенциальный хотя бы, – хмыкнул Андрей.

«Вот почему вас пожирает вечная тревога! – подумалось мне уже в который раз. – От страха потерять!» Павел Андреевич прислушался к моим мыслям и ответил на них:

– Да. И от страха человеку постоянно хочется больше, чем он имеет, и возможности контроля, чтобы всё это удерживать и приумножать. Затем и власть...

– В общем, для наших оппонентов на Западе лежковерные и тщеславные украинские эмигранты – настоящая находка, – подытожил капитан, стараясь отвлечь нас от беззвучного диалога, в котором сам не мог участвовать.

– Да, без заинтересованности Запада в ООН вообще не было бы смысла в наше время, – подхватил дядя Паша, продолжив курсировать взад-вперёд. Признаться, его моцион уже начинал меня раздражать, – как раз благодаря весьма благополучной жизни *простых* украинцев в составе СССР, – наконец, найдившись вдоволь по гостинной, он сделал приглашающий жест в нашу сторону и отправился в кабинет, чтобы там снова засесть за расследование. Мы встали и поплелись следом и уже из глубины кабинета услышали: – Если хотите знать моё мнение, то борьба ООН была и будет обречена на поражение.

– Откуда такая уверенность, дядя? – спросил капитан, зевая и тяжело опускаясь в кресло у письменного стола. После обеда его одолевала сонливость.

– Потому что цели их – недалёковидные, я бы даже сказал, романтические.

– Романтические? – со смехом переспросил Андрей, вскину брови. Националисты-романтики – вот что его разбудило!

– Ну да, – невозмутимо пояснил дядя Паша. – Ведь как рассуждает романтик? Думает: «Влюблюсь, женюсь – и буду счастлив!» И борется за свою любовь, делая глупости, лезет к избраннице на балкон с розочкой в зубах. – Капитан хихикнул, представив, как какой-то тип карабкается по водосточной трубе, зажав во рту красный цветок, а полковник закончил мысль: – Но, если герой-любовник не задумывается, как будет строить семью, вряд у такой любви есть будущее.

– А может он и вообще не хочет жениться! – вставил Пилатов-младший, озорно прищурившись.

– Или даже так, – согласился с ним дядя. – Вот и оуновцы флиртуют с нацией, обещая ей какую-то эфемерную независимость непонятно от чего – и даже господство обещают! Носятся с лозунгами в зубах, вместо розочек, а по сути, это лишь конфетно-букетный период, к тому же сильно затянувшийся.

– Теперь понимаю! – сказал на это капитан. – Интересное сравнение!

– Украинские националисты ни разу не представили чёткого плана, как они станут заботиться о своей нации в случае обретения ею независимости, – продолжал Павел Андреевич. – А обычные рядовые граждане – из которых и состоит эта самая нация! – захотят, для начала, просто нормально жить. И их благополучие не обеспечить одним фактом независимости, так как независимость – вещь абстрактная, и на хлеб её не намажешь. Как и семью

не прокормить розочками. Несерьёзно всё это. Умная женщина это понимает, и умная нация должна бы...

– А если спросить украинцев прямо сейчас, хотят ли они независимости? Скажем, от СССР? – прищурившись, поинтересовался Андрей.

– Уверен, что *большинство* – откажется! – убеждённо ответил полковник КГБ.

– Другими словами, у ОУН нет плана мирной жизни? – перефразировал я. – И борются они *не за* счастье своего подвида, *а против* притеснения соседями? А дальше – будь что будет? Так что ли?

– Психологи считают, что негативные установки приводят к поражению, – тоном молодого профессора вставил Андрей, чем вызвал у нас с полковником улыбку.

– Судя по преобладанию общих фраз и жестокости методов, лидеры ОУН жаждут не столько независимости для своей нации, сколько власти для себя, вполне вероятно, чтобы иметь свободу поработить кого-то другого, – поделился соображением дядя Паша. – Не думаю, что они остановились бы даже перед эксплуатацией своих же братьев-украинцев. Если они когда-нибудь добьются власти, то скорее всего тут же покажут свою вампирскую сущность. Это, во-первых.

– А есть и «во-вторых»? – поинтересовался Андрей.

– Разумеется, – Павел Андреевич утвердительно кивнул. Он откинулся на спинку кресла и сложил пальцы рук домиком. – Находясь между нескольких так называемых «угнетающих» сторон, гетманы эти договариваются то с одной, то с другой, перебегают с востока на запад и обратно – всегда туда, где им больше пообещают. Проще говоря, не освобождают нацию, до которой им, в сущности, и дела-то нет, а меняют хозяев, нарушая договорённости с предыдущими. И самое смешное – в результате теряют доверие всех.

– Смех сквозь слёзы! – вздохнул Андрей.

– Так и ходят по кругу уже лет пятьсот. Петр Первый после побега Мазепы к шведам даже орден Иуды тому присудил, заочно, а лидеры их, Мазепины потомки то есть, не снимают ту награду и по сей день, – с горькой иронией закончил Павел Пилатов.

Капитан задумался.

– Про Мазепу я, конечно, знал, – сказал он, – но не думал о нём с такой глобальной точки зрения... Что же получается? Географическое положение сделало украинцев предателями?

В ответ на такое прямолинейное толкование истории Павел Андреевич вдруг с такой силой хлопнул морщинистой ладонью по покоившимся на

письменном столе документам, что из них полетела пыль, а его племянник даже подскочил в кресле. Полковник перешёл на крик:

– Не сметь! – старик даже задохнулся от гнева. – Не бывает народа-предателя! Народ состоит из людей, таких же, как и ты сам! – мы с Андреем устали на бывшего разведчика, поражённые мгновенной перемене – так внезапно заострились исхудавшие в болезни скулы, а истерзанное недавними страданиями лицо приобрело непримиримое, жёсткое выражение. Видно, именно это его лицо наводило жуть на встреченных мной свидетелей. Павел Пилатов резко поднялся с кресла и прошёлся по кабинету.

«Как тигр в клетке!» – снова подумал Андрей, теперь про дядю.

– И не смейте обвинять украинцев в гибели Хатыни! – громовым голосом продолжал свою отповедь полковник. – В Белоруссии орудовало сборище садистов, вампиров, у которых нет национальности – предатели не отдельной страны, а самой человеческой природы!

«Хорошо сказано», – подумалось мне, а старый разведчик добавил глухим, зловещим голосом:

– И все они закончат в девятом кругу ада*, – мы с Андреем непонимающе устали на говорящего, а, полковник, заметив наше недоумение, загадочно сверкнул своими странными глазами и сказал «малообразованному» племяннику, словно пригвоздил к сидению: – Читай Данте! – и замолк. Он остановился у окна и уставился на монотонно сползающие по стеклу капли дождя. Никто из нас не смел прервать молчания. Пауза затянулась. Раздавшийся из угла кабинета бой монументальных старинных часов заставил обоих Пилатовых вздрогнуть, и полковник произнёс уже спокойнее: – Что бы там ни предполагали, если среди палачей Хатыни и были отдельные оуновцы, то боролись они вовсе не за независимость своего народа. Скорее всего просто старались урвать побольше – как грубой материи, так и тонкой энергии.

– Да о какой независимости может идти речь? – робко отозвался капитан. – Из показаний бывших шуцманов видно – чёрным по белому, – и он пальцем ткнул в разложенные на столе протоколы допросов. – Немцы не видели в них равных, а просто-напросто использовали. Я бы не удивился, если бы, в случае победы нацистов, все эти охранные батальоны отправились вслед за собственными жертвами – прямиком в крематорий, как сыгравшие свою – отрицательную – роль...

– Кто знает? – произнёс Павел Андреевич с неопределённостью. – В любом случае, зверские убийства женщин и детей – строго говоря, даже не русских, не поляков и не евреев! – довольно сомнительный способ несения идеологии свободы и независимости в массы.

– А-а-а! Я, кажется, понимаю зачем вы корректировали память населения! По политическим соображениям, да? – догадался, наконец, Андрей.

– По каким? – переспросил я.

– Ну, смотри: Украина и Белоруссия – части одного государства, союза пятнадцати республик, – начал объяснять Пилатов-младший. – Если бы рядовые белорусы, обыватели, помнили, что во время войны каждого третьего из них убили украинцы, они стали бы обвинять вообще всех украинцев – и тогда государство впало бы в межнациональную вражду и развалилось. Ведь так, дядя Паша?

– Так, – одобрительно подтвердил полковник. – Большинство свидетелей из пострадавших показало, что полицаи говорили на понятном им языке – украинском или русском с украинским акцентом. Вот это последнее запомнили многие, но конкретных имён, естественно, не назвали. От таких сведений больше вреда, чем пользы...

– Подождите, причём же здесь «все украинцы вообще»? – недоумевал я.

– Знаешь, как рассуждает масса? – вместо ответа спросил Павел Андреевич. Я не знал, и он снова пустился в объяснения: – Каждый судит по себе, то есть по собственному опыту – вот как!

– Это точно! – поддакнул капитан.

– Так что правда об украинском карательном батальоне непременно бросила бы тень на других – даже на тех украинцев, которые воевали в Красной Армии против нацистов. Героически воевали, между прочим. Но жители оккупированной Белоруссии, разумеется, этого своими глазами не видели. Зато массово пострадали от палачей, говоривших по-украински. Улавливаешь?

То, что я начинал «улавливать», казалось бессмысленным. У homo liberatus просто нет необходимости мучиться вопросом «кто виноват?» Природа сама изгоняет из *Единения* любого преступившего её законы, оставляя в покое невиновных.

– Да-а. Национальные конфликты для Советского Союза хуже бомбы, – рассудил Андрей. – И, если приходилось выбирать... Мир в государстве, конечно же, дороже наказания какого-нибудь затаившегося стареющего предателя. Вот что такое настоящая миротворческая миссия – на опережение! – с восхищением глядя на дядю Пашу заключил капитан. – Но какой объём работы! Как же вы умудрились такое повернуть?

И полковник Пилатов решился, наконец, рассказать правду, о которой молчал многие годы:

– Тогда у нас целая группа этим занималась. Мы объезжали деревни и небольшие города, средние и высшие учебные заведения, «беседовали», внушали, что карателями были немецкие захватчики. Поработали тогда на

совесть. Вся страна до сих пор не сомневается, что в преступлениях на белорусской земле виноваты немцы... то есть, *только* немцы.

– С лемурианцами эта манипуляция не прошла бы, – заметил я. – Хотя я начинаю понимать, зачем вы прибегали к сеансам гипноза. Пытались сохранить баланс?

Павел Андреевич посмотрел на меня исподлобья и скривил губы.

– Баланс... да, в некотором смысле, – старый разведчик, остановившийся было у окна, снова заходил по кабинету. На этот раз им двигали воспоминания, слишком долго заключённые в тюрьме его воли. Сам-то гипнотизёр явно не ощущал баланса. – Я хорошо помню то время! – говорил он. – Другого способа удержать мир на западе страны и не было. 118-й батальон насчитывал около двухсот полицаев, ну и батальон Дирлевангера примерно столько же, хотя тот частично состоял из немцев, очевидно, тоже, отборных головорезов. Таким образом, примерно четыреста карателей с оружием в руках сожгли и разорили около шестисот мирных белорусских деревень. Но было бы в высшей степени несправедливо обвинять весь народ Украины в злодеяниях, совершённых горсткой их соотечественников – а именно это и могло произойти, останься память простых белорусов нетронутой! Если даже капитан КГБ не смог удержаться от обобщений! – дядя Паша пристыжающим жестом указал на племянника, а тот съёжился от смущения. – В первое десятилетие после войны неразборчивый гнев белорусов по отношению к украинцам уже начинал распространяться. Как известно, боль слепа... Другого способа защитить украинцев от обвинений, а страну от междоусобной вражды не представлялось, и выбора у нас не было. Глава Украинской ССР первым начал бить в колокола. Хрущёв к нему прислушался, так как ценил его за преданность – вот и дал команду принять меры... по-тихому. Надо сказать, это было и в его личных интересах – Хрущёв и сам был украинцем. Начни белорусы рассказывать правду про то, что земляки генсека расстреляли, замучили и сожгли пол их республики, вряд ли Хрущёву удалось бы удержать власть так надолго. Подкорректировать ситуацию поручили нашему отделу. Специалисты у нас хорошие. Теперь все свидетели показывают на немцев... ну, или почти все.

– Как это «почти»? То есть были исключения? Вы не всех кодировали? – встрепенулся я.

– Нет, исключений не было, – разочаровал меня полковник. – Просто наша установка была чисто информационной. Она не включала память на конкретные лица... так что, если отдельные граждане снова встречали виденных ими в войну карателей – память автоматически активировалась.

– Ух ты! – восхитился капитан. – Виртуозно!

– Спасибо, – с ложной скромностью улыбнулся Павел Андреевич. – И постепенно предателей всё равно находили и судили, но только в индивидуальном порядке, без оглашения их национальности.

– Ясно, – сказал Андрей и поинтересовался: – Как же украинские полицаи оказались в Белоруссии?

– О, а это отдельная история! – горько усмехнулся бывший разведчик. – Нацисты хорошо понимали этническую психологию – ведь их собственная идеология базировалась на исключительности арийской расы. Навербовали головорезов из пленных и перебежчиков, потом объединили по национальному признаку – и таким образом сконструировали братские отношения внутри охранных батальонов. Чтобы повязать этих братьев кровью, им для начала поручили расстрелять евреев в Бабьем Яру, а потом вообще направили в другую республику. Белорусы в представлении карателей, конечно же, не считались *своими* – ведь только так можно было разрешить себе их убивать, – едко закончил Павел Андреевич. – Видишь, Ян? Национальная идея становится тем абсурднее, чем сильнее вампиры нуждаются в оправдании.

Андрей вспомнил утренний разговор и заключил, щёлкнув пальцами:

– Ага! Теперь ясно, как немецких солдат оберегали от травмы!

– Немецкое командование вообще великолепно умело манипулировать. В архивах есть и примеры, и доказательства. – Дядя Паша потянулся за копией письма с первой мини-фотоплёнки. Накануне Андрей полдня провозился с проявкой и печатью фотографий. – Вот здесь. Оригинал на немецком, а это – перевод, – пояснил полковник. – *Приказ начальника оперативного штаба полиции безопасности и СД рейхскоммисариата Остланд об организации борьбы с партизанами в Генеральном комиссариате Белоруссии. г. Минск. 18 ноября 1942 года.*

Руководителям всех разведкоманд передать немедленно устно, – дядя Паша голосом выделил слово «устно», – всем унтер-офицерам и рядовым. Рейхсфюрер СС поручил обергруппенфюреру Баху ведение борьбы с бандами партизан в Генеральном комиссариате Белоруссии. Обергруппенфюрер СС Бах возложил на меня обязанности в отношении необходимых полицейских мероприятий... – Павел Андреевич поглядел на наши выжидающие физиономии поверх очков. – Сейчас, где-то здесь было... – сказал он, подняв указательный палец и пробегая глазами длинный текст, полный стандартных терминов и оборотов военной коммуникации. – Ага, вот. *Я обращаю внимание на то, что часто целые деревни находятся под гнётом, – полковник голосом выделил «под гнётом», – банд партизан, так что жителей их не следует привлекать к ответственности за их прежнее поведение. Решающим должно быть то обстоятельство, как вели себя*

жители во время операции против партизан. Я указываю на большую ответственность в подобных решениях. Следует иметь в виду политические и пропагандистские моменты...

Андрей в недоумении уставился на дядю.

– То есть немецкое командование не планировало поголовное истребление местного населения? – воскликнул он наконец. – Я-то всегда думал, что у них был план зачистки территории, который они и осуществляли, избавляясь от местных жителей! – от слова «зачистка» меня покорило, но я старался не перебивать.

– Вот видишь? Ты тоже купился! – воскликнул Павел Андреевич с укоризной. – Скорее всего, Андрюша, план зачистки был, но «высшей расе» требовались покорные слуги на завоёванных территориях. Самых послушных трусов могли и оставить в живых. Ведь рабство – оно в уме раба даже больше, чем хозяина. Любые отношения между людьми существуют только когда на них соглашаются все вовлечённые стороны.

– Ну, не скажите! – запротестовал Андрей. – А если выбора нет? Если силой принуждают к рабству?

– Выбор есть всегда, извини за клише, – возразил дядя Паша. – В основе любого угнетения лежит страх смерти или боли, но история знает множество примеров, когда люди рабству предпочитали борьбу или смерть. Так что силой заставить человека подчиняться, конечно, можно, но ненадолго. Гораздо надёжнее, если он действует как бы от себя, в соответствии с собственными убеждениями. Принуждение силой рассчитано на согласие из страха, а вынуждение убеждением – результат манипуляции, вот и всё. Что ты об этом думаешь, Ян? – обратился он ко мне. – Ведь ваша раса не знает, что такое рабство?

Об угнетении и страхе я знал и от старших лемурианцев, и из смутных детских воспоминаний о войне, которых становилось уже слишком много для одного дня, и я ответил:

– Эксплуатация себе подобных – главный признак вампиризма. Мы с Андреем это недавно обсуждали. А *homo liberatus*, благодаря нашим способностям, невозможно принудить физически. И манипулировать нами тоже нельзя, так как мы слышим не только слова, но и мысли. Именно поэтому мы считаем себя свободными, по сравнению в вашем видо, – я не желал вгонять в уныние своих помощников, потому что сами же они и были продолжением человеческой истории, о которой пытались рассуждать. Но *homo sapiens* не избежать участия в своей собственной системе, рабами которой они являются, все без исключения. Я не видел смысла обсуждать то, что нельзя изменить, и лишь предложил: – Давайте лучше вернёмся к расследованию. Чувствую, мы нащупали верную нить! Ведь так?

Павел Андреевич, уловивший обрывки моих неутешительных для человечества мыслей, ответил не сразу, но, наконец сделал над собой усилие:

– Исходя из количества убитых людей и сожжённых деревень, получается, что, либо обитавшие там старики, женщины и дети поголовно оказались идейными «бандитами-коммунистами» ...

– М-да, особенно дети! – язвительно вставил Андрей.

–...Либо непосредственные исполнители, то есть полицаи, плевать хотели на приказы сверху. Опять же, либо у карателей была своя собственная цель, которая отличалась от поставленной немцами, либо они просто получали удовольствие от вида пыток и убийств... Я бы сказал «думайте, как хотите», но в данном случае именно в мотивах мы и пытаемся разобраться, если я правильно понимаю.

Я кивнул, соглашаясь с ходом мысли полковника. Андрей потянулся за прочитанным дядей рапортом и бегло просмотрел документ.

– *Целые деревни находятся под гнётом банд партизан.* Серьёзно? – фыркнул он.

– Технически, при желании, любую версию событий можно оспорить, если не иметь под рукой свидетелей, и даже тогда...– пояснил бывший разведчик.

– Вряд ли немецкое командование стремилось уточнять подробности у населения оккупированных территорий, – сказал капитан, а я вспомнил:

– Местные жители добровольно помогали партизанам! Это абсолютно точно. Я недавно общался с Александром Желобковичем – не только на словах, но и напрямую с его воспоминаниями. Так что немецкая депеша не соответствовала действительности!

– Немецкая депеша написана для немецких командиров – живых людей, которых требовалось мотивировать, поддерживать в них иллюзию правоты, – объяснил Павел Андреевич. – Что может быть благороднее защиты мирного населения от бандитов? Конечно, не все немецкие военные понимали, что «бандиты» сами были местными и «угнетали» свои родные деревни и семьи. А если и догадывались, всё равно соглашались с легендой, которая оправдывала всё, в чём им приходилось участвовать.

– Интересно, – не унимался капитан. – Вот тот, как его? Ну, который отвечал за борьбу с партизанами...

– Бах, – подсказал дядя Паша и печально вздохнул: – Как величайший немецкий композитор...

– Да, он... Он верил, что белорусские деревни страдали от партизан, или просто так говорил, чтобы убедить в этом своих подчинённых?

– Думаю, и то, и другое, – ответил Павел Александрович.

– Это как? – спросили мы с капитаном в один голос.

– Видите ли, большинство представителей нашего вида считают ложь интуитивно, по мимике, жестам и даже структуре речи, – пояснил гипнотизёр. – Поэтому в деле убеждения успеха достигает лишь пропагандист, который верит в собственную пропаганду, то есть, с субъективной точки зрения, не лжёт.

Эта мысль мне показалась дикой:

– Как же можно убедить самого себя в том, что не является правдой? Это же безумие, глупость!

– Знаешь, когда занятие пропагандой помогает в достижении важных для индивидуума целей, например карьеры или известности, либо просто набивает карман, то на помощь приходит лицемерие – такой вот очень человеческий способ психологической защиты, – объяснил Павел Андреевич. – И пропагандист закрывает глаза даже на очевидное несоответствие своих убеждений и реального положения дел.

– Они что, дураки? – не выдержал я.

– Ну-у... Как тебе сказать? – усмехнулся старый разведчик. – В каком-то смысле, ты прав. Скорее всего, такие люди не могут похвастаться аналитическим мышлением. А кто поумнее, рационализируют, используют псевдо аргументы. Зато какой результат! Обычному слушателю сложно разобраться, где заканчивается реальность, а где начинается промывание мозгов, если у самого пропагандиста мозги промыты.

– Или он очень постарался их сам себе промыть для пользы дела! – вставил капитан.

– И такое бывает, – согласился Павел Андреевич. – Когда говорят, что у каждого своя правда, обычно имеют в виду именно это. У каждого – выгодная ему правда! – полковник многозначительно взглянул на племянника, намекая на тайные идеологические метания капитана, и продекламировал:

*Учёный сверстник Галилея
Был Галилея не глупее.
Он знал, что вертится Земля,
Но у него была семья.*

– Евтушенко! – Андрею, наконец, удалось блеснуть крупицей своих познаний.

– А согласитесь, сказано в точку, – одобрительно улыбнувшись племяннику, заметил полковник. – *И по эту сторону, и по ту* люди закрывают глаза на всё, что невыгодно замечать. Так, многие советские

пропагандисты, особенно из рядовых, действительно верят в скорую победу коммунизма, игнорируя острые проблемы нашей реальности.

– Это точно! – с готовностью поддакнул капитан.

– С другой стороны, западные политики убеждены, что коммунизм – чума, и привыкли отождествлять его с диктатурой. А ведь Маркс писал свои работы в Германии и Англии! – дядя Паша взглянул на моё растерянно-озадаченное лицо и сказал: – Извини, Ян, я всё-таки отвлёкся. Думаю, постепенно ты во всём разберёшься. Просто хотел сказать, что среди пропагандистов победителей быть не может, разве что временные. Эти люди часто лгут, в том числе и в первую очередь, самим себе... Бах и офицеры под его командованием, скорее всего, предпочитали просто закрывать глаза на жестокое уничтожение людей украинскими полицаями, хотя, возможно, и не давали исполнителям прямых на то указаний.

– А исполнители, видимо, тоже по-своему понимали приказы! – саркастически заметил Андрей.

– Смотря чьи, думаю... – неопределённо отозвался полковник. – Но многие из них совершенно точно были моральными уродами, которых вы, – и он посмотрел на меня, – видимо, и называете вампирами. Особенно это касается командирского состава. Убивать по приказу и отдавать приказ об убийстве – далеко не одно и то же.

– Правда? – изумился я. Психология убийцы для меня по определению загадка, и вовсе не привлекательная тема для изучения, но, чтобы понять природу вампиров, изучить её было совершенно необходимо.

– Отдать приказ об убийстве может только ни во что не ставящий чужую жизнь психопат, которому чужие смерть и страдания в радость, – объяснял бывший разведчик. – А вот исполнитель на войне убивает часто из страха самому быть убитым. Позже многие предатели именно так и объясняли в судах свои преступления. Думаю, страх у них и в самом деле зашкаливал, а психика была заточена на выживание любой ценой, даже если требовалось бросать в костёр маленьких детей.

– Такие, к сожалению, встречаются среди *homo sapiens*, – безрадостно прокомментировал для меня капитан. – Хотя пока не наступает момент опасности, они... – тут он осёкся, вздохнул и честно поправил себя: – мы... и сами не подозреваем, на что способны.

– Да, но вычислить их в мирной жизни вовсе не сложно, – успокаивающе возразил наш более опытный собеседник. – Потенциальные предатели всегда принимают сторону победителя и вообще любого, кто бросает кость побольше. Природная аналогия – шакал, который тоже неразборчив и часто доедает за более крупным хищником, чем и выживает.

– Только у людей всё сложнее, – усмехнулся Андрей. – Сегодня победит одна сторона, а завтра – другая. Так и просчитаться недолго!

– Предатели, перешедшие к нацистам, как раз и просчитались, – подтвердил Пилатов-старший.

Капитан ещё раз пробежал глазами рапорт, подписанный подчинённым однофамильцем великого композитора:

– Что же, интересно, они рапортовали этому Баху о своих «подвигах»?

Павел Андреевич взял со стола фотографию ещё одного переведённого с немецкого документа:

– А вот что: *Донесение командира 118-го полицейского охранного батальона начальнику СС и полиции Борисовского уезда о нападении партизан на батальон у д. Губы и уничтожении д. Хатынь г. п. Плеценицы...* Подписано: *Кернер, майор шуцполиции.* Кернер нам хорошо известен, только нет его в живых уже, – и, бросив на меня быстрый с лукавинкой взгляд, полковник поспешил успокоить: – Не расстраивайся, Кернер там не один командовал. – Он быстро пробежал глазами текст, выбирая нужные отрывки. – ...*Сообщаю следующее: 22.3.43 года бандами – в смысле, партизанами – была повреждена телефонная связь между Плеценицами и Логойском. Для охраны восстановительной команды и для устранения возможных дорожных завалов в 9:30 были направлены 2 взвода 1-й роты 118-го полицейского охранного батальона...* это и есть батальон, сформированный в Киеве, из украинцев. Об этом нам известно из судебных процессов шестидесятых и семидесятых, – прервался для пояснения Павел Андреевич, под словом «нам» подразумевая КГБ, – *под командованием гауптмана шуцполиции Вельке.* Здесь Кернер сообщает о событиях, предшествовавших сожжению Хатыни. *Примерно в 600 м за дер. Губа встретили рабочих, занятых валкой леса. На наши вопросы они ответили, что бандитов не видели. Пройдя примерно 300 м, по команде из восточного направления был открыт сильный пулеметный и ружейный огонь. В завязавшемся бою были убиты гауптман шуцполиции Вельке и 3 украинских полицейских, а также ранены 2 полицейских. После короткого, но ожесточенного боя противник, забрав убитых и раненых, ушел в восточном направлении, на Хатынь. На этом по приказу украинского командира взвода бой был окончен, так как собственных сил для продолжения акции было недостаточно. На обратном пути упомянутые рабочие в лесу были арестованы, так как серьезно подозревались в пособничестве бандитам. Вскоре, за дер. Губа, часть из них пыталась бежать. В результате открытого нами огня 23 чел. были убиты... а остальные арестованные доставлены на допрос в жандармерию Плецениц. Так как их вина не была доказана, они были освобождены.*

– Ну вот тебе и акт справедливости! – хмыкнул Андрей. – Немцы или – кто там? – украинцы эти действительно думали, что признанные невиновными уйдут с благодарностью в сердце после того, как стали свидетелями расстрела убежавших товарищей?

– Каждый судит по себе, опять же, – усмехнувшись, отозвался бывший разведчик и продолжил читать: – *Для преследования ускользнувшего противника были направлены более крупные силы, в том числе части батальона СС Дирлевангера. В это время противник отступил в известную как пробандитски настроенную деревню Хатынь. Деревня была окружена и атакована со всех сторон. При этом противник оказал упорнейшее сопротивление из всех домов деревни, так что даже пришлось применить тяжелое оружие, как противотанковые орудия и тяжелые минометы. В ходе боя вместе с 34 бандитами было убито много жителей. Часть из них погибла в огне пожара. Большая часть жителей, во всяком случае, еще за несколько дней покинула Хатынь, чтобы не иметь ничего общего с бандитами...* вот интересно, всё население деревни согнали в сарай и сожгли, но о сарае в рапорте ни слова, хотя автор донесения самолично командовал казнью. «Жители покинули деревню» – откровенная ложь! – с негодованием подвёл черту Павел Андреевич.

– Бумага не краснеет! – со злостью отозвался капитан. – А проверять, очевидно, никто и не трудился.

– Конечно, нет! *Всё происходившее могли наблюдать жители деревень, расположенных вдоль шоссейной дороги...* Точно, они наблюдали, а после войны и свидетельские показания дали. Не всех перестрелял, падла! – дядя Паша в конце концов сорвался на грубость. Оба чекиста – и старый, и молодой – теперь тоже переживали события, описанные в этом рапорте, словно всё случилось не сорок лет назад за тысячу километров, а на днях по соседству.

– Скромненько... – едко сказал Андрей. – И ни слова о сожжении людей заживо или расстреле всех, кто пытался спастись!

– То есть Кернер вообще ничего не написал об этом в рапорте? – удивился я.

– Он, наверное, это имел в виду под словами «погибли в огне пожара»! – предположил Пилатов-младший ещё язвительнее. – Не придерёшься!

– ...Чтобы прикрыть свою заднюю часть перед начальством и соответствовать образу благородного воина! – пояснил Павел Андреевич. – Я тут обратил внимание, что немецкое руководство запрашивало подробности о Хатыни несколько раз, а он, мерзавец, не торопился – три недели вот это сочинял. Посмотрите на дату: *12 апреля!* – и полковник

потряс листком фотобумаги в воздухе так, будто этот Кернер скрывался между напечатанных на старой машинке строк.

– Как же ему сошло с рук? – недоумевал капитан.

– А очень просто. Посмотри, кому адресован рапорт. Тому же Баху. А настоящая фамилия обергруппенфюрера Баха – Зелевский.

– Поляк? – удивился Андрей. – Откуда вы знаете, дядя?

– Ну, я разведчик или кто? – отшутился отставной полковник. – Поляк, но родился в Германии, а фамилию сменил, маскируясь под истинного арийца, которым он на самом деле и не был. Фамилия его известная потому, что позаимствованная. Между прочим, концлагерь Освенцим создавался под его непосредственным руководством, так что Зелевский этот, то есть фальшивый Бах, очевидно, был махровым вампиром, которому война в удовольствие.

– Это многое объясняет! – сказал капитан.

– Я уверен, что *Бах*, в принципе, и не возражал против «творческого подхода» к своим инструкциям на местах, – продолжал Павел Андреевич. – К тому же невозможно отрицать его собственную непричастность, поскольку большинство нелегальных приказов отдавались нацистским командованием устно, чтобы не документировать нарушение международных конвенций о войне... Потом, в отчётах Рейхстагу, любые перегибы можно было списать на украинских полицейских, то есть славян. Что же взять с «расы рабов»? Очень удобно. И в наше время невозможно доказать, от кого именно исходило первичное распоряжение, – закончил полковник. Он с размаху опустил на стол копию рапорта, хлопнув по ней ладонью, представляя Кернера и Зелевского спрятавшимися под бумагой тараканами.

Пока Павел Андреевич рассказывал о поляке-вампире, притворявшемся истинным арийцем, во мне росло отвращение. Наконец, я не выдержал и разразился возмущённой тирадой на головы ни в чём не повинных дяди с племянником:

– Поляки и немцы? Русские и украинцы? Господи, что за абсурд! Вы же ничем не отличаетесь друг от друга! Все вы homo sapiens в одинаковой мере, ни один не лучше другого! Высшая раса и раса рабов? Какой бред! Бестолковый, отвратительный! – не в силах далее сдерживать возмущение и опасаясь навредить компаньонам количеством энергии, всколыхнувшись во мне от этой эмоциональной вспышки, я телепортировал прочь из кабинета, не дожидаясь ответа удивлённых чекистов.

Что именно тогда привело меня в ярость? Вынужденный заглянуть в самые отвратительные закоулки человеческой истории в поисках *своего* вампира, я ясно до боли осознал, что идеи о превосходстве подвида,

называемого нацией, веками изобретались homo sapiens с единственной целью – желанием заручиться ресурсами, чтобы заглушить свой животный страх перед лишениями. Для меня стало очевидно: чуть ли не любая человеческая философия, в том числе и в первую очередь идея о чьей-либо исключительности, служит прикрытием самого примитивного животного поведения, недостойного существа, которое Природа наделила семью чакрами.

А то, как они извратили намерения Иисуса, всего лишь пытавшегося донести до людей ценности homo liberatus, не укладывалось у меня в голове. Заживо сжигать беспомощных младенцев и при этом прикрываться мезью за какие-то уничтоженные иконы – то есть ego портреты! – представить такое бедный Иисус не мог бы в своём самом кошмарном сне! С именем нашего посланника на устах человечество совершило бесчётное число преступлений против того, чему он же и учил... И ведь отвратительна не сама естественная борьба за выживание, а жалкое, извращающее Природу лицемерие – у homo sapiens побеждает не лучшая биологическая особь, а тот, у кого палка мудрёнее. А главное, как ни называй проблему – суть её не меняется! Люди не желают понимать: любая победа отдельного подвида, называемого ими «нацией» – временная иллюзия, потому что это всего лишь война между равными, одинаково застрявшими на инструментальной стадии развития. Это война вампиров. Уничтожение себе подобных тормозит совершенствование. Я и до своего возвращения знал о саморазрушительных играх человечества, но не догадывался, что на Земле всё так серьёзно запущено!

*Девятый круг ада – в «Божественной комедии» Данте место наказания предателей

Глава 12. География предательства. Часть 2

Снаружи было мокро, скользко, печально. Противная морось забиралась во все щели, не оставляя ни сухой пяди. Со светло-зелёных листочков, рассыпанных по росшим вдоль палисадника кустам, свисали мутноватые холодные капли и, накопив довольно тяжести, срывались в прибитую к земле траву. А родовое гнездо Пилатовых безмолвно взирало заплаканными стёклами на нудный пейзаж. В неведомом мне до того дня нестерпимом

раздражении я выскочил из прогретого газовым отоплением дома, совершенно позабыв о температурной регуляции, так что слетавшая из безрадостных серых туч изморось быстро охладила мой гнев до ноющей дрожи. На подходе к саду всё тело уже тряслось в мелком ознобе. Среди вымокших стволов фруктовых деревьев было ещё более пусто и неудобно, потому что вся невидимая человеческому глазу живность, обитавшая там, затаилась, пытаясь укрыться от назойливости всепроникающих дождевых капель. Я разулся, подошёл к чудесной яблоне и обеими ладонями прикоснулся к её скользкому стволу. Желаящих составить мне компанию на этот раз не оказалось, и я восполнял силы в одиночестве. Через некоторое время мне удалось сбалансировать температуру тела – и весенний дождик перестал казаться плачем Природы. Течение моих мыслей приблизилось к искомому равновесию. Босиком, я стал вышагивать по мокрой траве, размышляя о том, как жилось в этом суровом мире предкам моих недавно обрётённых товарищей. Как скрывались они то от жаркого солнца, то от холодных дождей, то от лютых морозов, даже не подозревая, что есть на свете благодатные тропические края. Как научились добывать огонь и полностью ему доверились. А сумели бы древние обитатели Старой Лемурии развиваться в *homo liberatus*, живи они в неприветливом изменчивом климате средней полосы? На древнем острове круглый год питались щедрыми дарами Природы и проводили время в опытах и изысканиях, не заботясь о завтрашнем дне. Здесь же куда ни глянь – каждый озабочен грядущими испытаниями: кто собирает запасы, кто меняет шубку, кто в спячке пережидает холодную пору – а проснувшись, копит жир для новой зимы. Когда существование часто оказывается под ударом, дело, видимо, не доходит до тонких материй.

От понимания того, как *homo sapiens* попали в свой заколдованный круг, легче не становилось, но оно делало меня терпимее к их слабостям. Наконец, я вернулся в дом. Моё спонтанное бегство дало Пилатовым передышку, и дядя с племянником преспокойно пили чай на кухне. В ответ на их вопросительные взгляды я лишь махнул рукой, давая понять, что меня отпустило. Тогда Павел Андреевич сказал:

– Думаю, нам следует придерживаться существа вопроса, а не топить тебя в своих рассуждениях, Ян.

– Даже не знаю, – отозвался я. – Из ваших рассуждений я тоже многое почерпнул, только...

– То, что ты понял, тебе не понравилось, – закончил за меня полковник, понимающе усмехнувшись.

– В некотором смысле, – согласился я.

Андрей поднялся из-за стола, убрал чашки и объявил:

– Теряем время! – и направился в кабинет, чтобы снова закопаться в пыльные бумаги. Примерно через полчаса молчаливого разбора документов Павел Андреевич снова заговорил:

– Итак, по существу. Немецкое командование использовало 118-й батальон и батальон Дерливангера для самой грязной работы. Последний был смешанным, в его составе были немцы и предатели из *наших*, – при слове «наших» молодой Пилатов громко фыркнул, а дядя Паша, не обращая на это внимания, добавил: – В большинстве своём тоже украинцы. Главное, почти все каратели действительно были не местными, так что жертвам трагедий, учинённых полицейскими в белорусских деревнях, их палачей по именам не представляли и чай с ними пить не предлагали. Вот, что показал обвиняемый Грабаровский в ходе процесса 1961 года:

Всех жителей, не успевших скрыться, мы выгнали из домов и пригнали их к какому-то сараю. Кому принадлежал этот сарай, мне не известно. Сколько человек я лично пригнал к этому сараю, не помню, но знаю, что не один раз приводил семьями жителей этой деревни. Когда все жители деревни Хатынь были согнаны к сараю, их начали загонять туда, затем по приказу немцев расстреляли в этом сарае. Я тогда был вооружён винтовкой, тоже стрелял из неё по сараю с людьми. Расстреляв граждан, сарай с трупами и всю деревню Хатынь сожгли. Сарая и домов в деревне я не поджигал, кто их поджигал, не помню... Фамилии граждан Каминского, Етка, Желобковича, мне не известны... Видите? – прервался полковник Пилатов и обратился ко мне: – Но тебя должно заинтересовать вот что. Хотя большинство бывших нацистских шавок, выслеженных нашими сотрудниками после войны, были приговорены к смертной казни, некоторым из них удалось заработать замену расстрела на длительное тюремное заключение.

– Как это – заработать? – не понял я.

– Тем же сотрудничеством, – пояснил Павел Андреевич с ноткой персзрения. – Задержанные в ходе следствия каратели охотно называли имена бывших сослуживцев. Они не изменились. Были рады продать своих братьев-украинцев в надежде спасти собственную шкуру. Некоторым это удалось. Так что и вам придётся выуживать информацию, в основном, из показаний этих подонков.

– Вот этот назвал много имён, – я показал офицерам протокол, извлечённый из папки незадолго: – *И.Е.Тупига, (отряд Дерливангера) Минск, 13 июня 1961. После боя с партизанами мирное население нами в деревне было уничтожено, возможно, это было, как показывает Грабаровский, в дер. Хатынь, но я название деревни не помню. Не помню я также при каких обстоятельствах было уничтожено мирное население*

этой деревни, и в чём конкретно заключалось моё участие в этом злодеянии...

– Гляди-ка, и этому память отшибло! – скептически ухмыльнулся Андрей.

– Отрицание – распространённая тактика поведения на допросе, – менторски пояснил полковник Пилатов. – Этот приём хорошо известен в следственной среде. Говоришь, что не помнишь – и есть шанс, других улик против тебя не наберётся. В конце концов, всегда можно неожиданно «вспомнить»... Разве вас этому в школе КГБ не учили?

Андрей покраснел и ответил с вызовом:

– Учили. Но только применять свои знания мне нечасто приходится! – полковник пожал плечами и завёл глаза к потолку, сетуя на ребячество племянника, а Пилатов-младший сказал: – В любом случае, для этого полиция тактика забывания оказалась не слишком успешной!

– Почему? – заинтересовался я, не зная, как всё работает у существ разумных, но не умеющих слышать мысли себе подобных.

– Обычная логика, – объяснил Андрей. – Служба данного обвиняемого в карательном батальоне уже неоспоримо доказана и им самим не отрицается, так? – я кивнул. – Получается, единственная причина, по которой этот... как его? Тупига мог не помнить действия, свои и своих товарищей, в Хатыни – это если хатыней было много! Будь то единичный для него случай, забыть *такое* можно лишь в результате нарушения памяти... ну, или гипноза. Вы ведь им не давали такую установку, дядя Паша? – гипнотизёр в ответ скорчил презрительную мину и отрицательно покачал головой. – Ну, тогда этот Тупига косвенно признаётся, что участвовал в сожжении не одной, а многих деревень. Идиот. Тупига и есть, – и довольный собой капитан, окинув взглядом аудиторию и поняв, что его логика нас не очень впечатлила, со вздохом разочарования добавил: – Таких показаний много. Смотрите, тут лабиринты памяти становятся ещё фантастичнее в своей избирательности, – и Андрей приподнял над столом лежавший перед ним протокол. – М.В.Майданов (отряд Дерливангера) 08.05.61... *Таких фактов, чтобы из деревень открывали по нам ответный огонь, мне не припоминается, однако, в лесах перестрелка с партизанами была во многих местах. Обычно такие населённые пункты нами сжигались, а находившиеся в них жители уничтожались. Что касается уничтожения советских граждан в отдельных домах и сараях путём расстрела и сожжения, то такие факты были частными, о чём я уже показывал на предыдущих допросах. Возможно, это относится и к той деревне, о которой показал свидетель. Обычно по гражданам, согнанным в отдельные дома и сараи, стреляли каратели нашего взвода, имевшие на вооружении пулемёты и автоматы, а кто был с винтовками, к этому почти не привлекались. Я относился к числу*

последних... То есть он помнит, что был в Хатыни с винтовкой, а вот дальше – амнезия. Поразительно! – скептически прокомментировал капитан и продолжил читать: – ...Я не отрицаю своего участия в совершении злодеяния в деревне Хатынь, однако я не помню, чтобы мне приходилось стрелять по сараю с людьми. Людей к месту расправы, в частности к сараям, я приводил во многих деревнях, по всей вероятности, в этой деревне я также участвовал в сборе людей к сараю и поджигал постройки. Что делали при этом каратели, которых назвал Граборовский, не помню.

– А Граборовский назвал много имён, – заметил Павел Андреевич, всё ещё в держа руках зачитанный ранее документ, но Андрей поднял вверх указательный палец, требуя возможности закончить:

– Граборовский правильно показывает, что в этой карательной операции участвовали вместе со мною Сахно, Юрченко, Сурков, Шинкувич, Ялынский, Садон, Зайвый, Уманец, Погачёв, Стопченко, Майданов, Багрий, Гудков, Радковский, Кириенко, Мохнач, Романенко, Иванов, Майданюк, Слынько, Терещенко, Рожков, Долоко, Злань, Макеев, Евчик, Бакута, Годинов, Голтвяник, Терещук... Господи, да тут могут быть десятки имён! Мы так утонем, а нужного не найдём! – сокрушённо воскликнул Андрей. – Которого же из них ты должен убрать?

Я молча покачал головой, глядя на молодого офицера. «Убрать» ... Конечно, сам капитан Пилатов за свою жизнь и мухи не обидел, но как же просто это прозвучало из уст homo sapiens! Разве не трагично уже то, что сама по себе возможность убийства кого-то постороннего не удивляет и не трогает людей? Или что именно убийство находится в центре самых захватывающих сюжетов, придуманных их писателями для развлечения? В такие минуты чувство безнадежности подбиралось так близко к моему сердцу, что мне хотелось махнуть рукой на миссию, вернуться на не отравленную человечеством Новую Лемурию, чтобы помогать своим собратьям в создании мира лучшего, чем сложился на планете Земля... Настойчивый голос полковника вернул меня к действительности:

– Думаю, нам стоит сосредоточиться на живых свидетелях – их показания хотя бы можно проверить и уточнить.

– Верно! – согласился я. Иметь дело с памятью живых людей для меня гораздо легче и быстрее, чем с бумагами.

– Ты должен снова отправиться в архив, Ян, – сказал Павел Андреевич. – В шестьдесят первом над бывшими карателями проходил большой судебный процесс, и перед нами как раз его материалы. А в семидесятых состоялся ещё один, и те папки могут оказаться полезнее. Во-первых, это всё-таки более свежая информация, а во-вторых, тогда всплыли новые имена

участников карательной операции в Хатыни, и шансы встретиться с ними у тебя гораздо выше. К тому же ты ведь и ищешь *живого* вампира...

– Я не понял, – вдруг перебил дядю Андрей. – Что же, пока имена не «всплыли», палачи гуляли на свободе? Пятнадцать, а то и почти тридцать лет после войны?

– Не совсем так, – возразил полковник. – В НКВД очень хорошо знали, что на службу к фашистам попадали чаще всего через немецкий плен, где некоторые советские граждане – и их было немало – соглашались на сотрудничество с врагом, кто из страха, а кто и по убеждению. Проверить историю абсолютно каждого бывшего военнопленного наши органы безопасности, естественно, не могли. У нас ведь тоже люди работают, и читать мысли они не умеют! Почти никто, – грустно взглянув на меня, он развёл руками. Тщательно скрываемое многие годы одиночество этого одарённого homo sapiens на мгновение улизнуло из ментальной тюрьмы, где Павел Пилатов содержал свои непокорные мысли и чувства. Усилием воли полковник вернул беглянку в камеру неусыпного контроля и твёрдо закончил: – Поэтому все побывавшие в плену попадали под подозрение в предательстве Родины и получали одинаковое наказание – по двадцать пять лет колонии. И многие невинные, настрадавшись в немецких лагерях, были обречены продолжить хождения по мукам ещё и в отечественных, бок о бок с настоящими предателями.

– То есть просто всех посадили вот так, без разбора? – возмутился Андрей ещё больше.

Дядя Паша нахмурился. «Тяга к справедливости. Эх, молодёжь! – подумал он. – Знания минимальные, а мнений – фонтан неиссякающий. Осуждать чужие решения гораздо легче, чем их принимать!» – но вслух старик ответил нарочито ровным тоном:

– Конечно, разбирались, но, повторяю, объём работы по фильтрации вернувшихся из Европы сразу после войны был просто неподъёмным. Доказательства чаще всего брать было неоткуда, и на свободе оставались только те, кто имел неопровержимое алиби. А когда после смерти Сталина, в пятьдесят пятом, Хрущёв объявил амнистию, наоборот, многие преступники вышли на свободу вместе с невинными.

– Как всегда у нас – всех под одну гребёнку! – вставил капитан.

Дядя Паша скосил на него недовольный взгляд, подумав, что сотрудник органов должен бы знать, какие сложности стоят за каждой подобной ошибкой следствия, но снова оставил замечание племянника без комментариев, не желая отвлекаться на бессмысленный спор.

– После амнистии некоторым карателям удалось затаиться лет на пять, – продолжал Павел Аедреевич, – ну а потом... они ведь среди людей жили. Я

уже упоминал, что память свидетелей активировалась при узнавании лиц конкретных преступников? – мы с Андреем закивали. – Ну вот. Пострадавшие, пережившие оккупацию, иногда встречали бывших полицаев. Кстати, это часто происходило по стечению обстоятельств. Например, пресловутый Мелешко попался потому, что его узнали по опубликованной в газете фотографии. Как героя труда, между прочим! От случайно узнанных преступников ниточки следствия тянулись и к другим...

Когда мы, наконец, перевернули все материалы последнего процесса по Хатыни, выяснилось, что, сорок лет спустя после войны из пятидесяти папок с делами предателей родины меньше десятка оставалось без пометки о смерти фигуранта. Как сквозь пелену я смотрел на стопки исписанных палачами страниц с признаниями, купившими жизнь монстрам в человеческом облики, которые двадцать второго марта сорок третьего года стояли возле *того* сарая, слушали предсмертные вопли моих односельчан, расстреливали всех пытавшихся вырваться из огня... И вампир, которого я искал, наиболее вероятно, был автором одного из этих признаний! Но который же из них? Снедаемый нетерпением, я стал торопить своих компаньонов:

– Что теперь?

– Теперь, – понимающе глядя на меня поверх очков, ответил полковник Пилатов, – Андрей будет читать показания, а ты выписывай все названные имена.

– Это зачем?

– Посмотрим, чьё встречается чаще других. Давайте попробуем копнуть с самого последнего процесса, – и Павел Андреевич выложил на стол протоколы, принесённые мной из архива накануне ночью.

Предложение полковника не показалось мне не таким уж полезным, но я всё же вооружился ручкой.

– Хорошо, – начал Андрей. – *Петричук И.Л.* Протокол от тридцать первого мая 1973 года. *Расстояние от моего поста до сарая, в который загонялись мирные люди, было примерно 250 метров. На таком примерно расстоянии я рассмотрел...* – и Андрей ткнул указательным пальцем в лист бумаги у меня под рукой и скомандовал: – *Пиши! Смовского, Васюру, Кернера, Винницкого, Германа, Нарядько, Луковича, Лакусту, Катрюка, Думича и Кнапа среди карателей, находившихся у сарая. Найдшимися там карателями и был открыт по сараю с людьми огонь. Помню, что по сараю велась стрельба из станкового пулемета длинными очередями. Раздавались как будто и взрывы гранат у сарая или дальше сарая, в деревне. Почти одновременно, как была открыта стрельба, загорелся сарай*

с людьми. Обреченные на гибель люди стали кричать. Крики разносились по всей деревне.

Он остановился и спросил:

– Записал имена?

Я кивнул в ответ, изо всех сил стараясь не вникать в смысл услышанного, и Андрей взял следующую папку и стал читать, перемежая текст своими замечаниями в местах, где он уж совсем не мог сдержаться:

– *О.Ф.Кнап. Двадцать первое марта 1973 года. Я хорошо, как сегодня, помню, что в этой операции принимали участие и лично стреляли по находившимся в горящем сарае жителям деревни начальник штаба батальона Васюра, заместитель командира первой роты Мелешко, а также Лакуста, Пасечник, Панкив, Ильчук Жора, Катрюк, Кмит, Филиппов, Лукович. Возле сарая находились, но по нему не стреляли Смовский и Винницкий. Как будто они меньше виноваты оттого, что не стреляли! Были ли возле сарая и стреляли ли по кому командиры других рот нашего батальона, не помню. После того, как обрушилась крыша сарая, затихли стоны, крики и плач обреченных. Стоящую перед сараем первую роту с оцепления сняли и приказали двигаться в сторону Плещениц...* – Андрей сделал паузу и, пробежав глазами начало страницы, добавил: – Подожди, вот здесь, выше, он даже называет звания и должности. Вот это запиши! – сказал он мне: – *Командир батальона Смовский, начальник штаба Васюра, командир первой роты Винницкий, его заместитель Мелешко, старшина роты Слижук, командиры взводов Лакуста, Ильчук, Пасечник, командиры отделений Катрюк, Кмит, Панкив, переводчик Лукович – всё начальство в сборе!* – обрадовался капитан. – Надо же, как старался – столько подробностей вспомнил! Ян, ты успеваешь?

Имена в показаниях действительно повторялись, и я начал понимать, зачем их надо было каждый раз выписывать. Андрей стал читать дальше:

– *Сахно С.В. От одиннадцатого июня 1974 года. Участвовали ли в сборе людей Васюра и Мелешко, не могу сказать. Но я видел Мелешко в тот момент, когда людей из деревни гнали к сараю. Мелешко в числе других карателей двигался к сараю. Васюру же я увидел около сарая, когда в нем были закрыты люди. Он был вместе со Смовским, Кернером, Винницким и немцами. Там же был и Мелешко. Пиши, пиши, – опять напомнил Андрей, заметив, что я отвлекся. – От кого исходила вообще команда на открытие огня, я не знаю. Стреляли ли по людям Васюра и Мелешко, я не видел. Пытавшиеся выскочить из сарая погибли от пуль карателей. Я не видел, чтобы хоть один человек остался в живых. В числе погибших было много детей, подростков. А всего каратели уничтожили не менее ста жителей деревни Хатынь.*

Капитан подождал, пока я окончил очередной список. Получалось очень медленно и коряво, так как я писал рукой впервые в жизни. Но это мелкое неудобство меня скорее радовало, потому что оно отвлекало от смысла душераздирающих подробностей, рассказанных бывшими полицейскими. Когда я, наконец, справился, Андрей зачитал из последней отобранной им папки:

– И, наконец, *Лозинский И. М., Минск, двадцатое июня 1974 года. Находясь в самой Хатыни, я видел в деревне начальника штаба Васюру, Смовского, Винницкого, Кернера, Мелешко. Они давали указания подчиненным командирам сгонять жителей деревни в сарай. По их приказанию полицейские первой роты, в том числе Панкив со своими подчиненными полицейскими и Литвин выгоняли людей из домов и в общей массе загоняли в сарай. Позади цепи находились Кернер, Смовский, Мелешко, Васюра, Винницкий и другие офицеры, а также немцы. Затем кто-то из них дал команду стрелять и был открыт ружейно-пулеметный огонь по сараю с людьми. В числе других полицейских находились в цепи и стреляли в сторону сарая Панкив и Литвин из нашего взвода.*

Капитан перевёл дыхание, а Пилатов-старший взглянул на мои каракули и сказал:

– Вот эти пятеро упоминаются чаще других: Кёрнер, Васюра, Винницкий, Смовский, Мелешко. Они же командовали в Хатыни, судя по предыдущим показаниям... Сэкономлю время, скажу про уже небезызвестного вам Оскара Кёрнера, немецкого командира 118-го украинского полицейского батальона. Я встречал информацию о его судьбе в одном из более ранних документов. Кёрнер был арестован французами в 1945 году и избит до смерти бойцами польского охранного подразделения...

– Не могу себе представить, за что! – едко вставил капитан.

– Да, старый лис был жестоким и хитрым, но и он не сумел скрыться. В любом случае, Кёрнер вряд ли дожил бы до наших дней – в сорок третьем ему было уже хорошо за пятьдесят. Исключаем.

И мы стали нетерпеливо рыться в папках в поисках дел остальных перечисленных командиров. Моё сердце колотилось с удвоенной силой, внутри меня всё дрожало от нетерпения в предчувствии становившейся всё более реальной возможности посмотреть, наконец, *ему* в глаза. Пилатовых, и старого, и молодого, лихорадило не меньше. За несколько дней, проведённые за изучением архивов, оба офицера окончательно заразились моей миссией, а инстинкт охотника, свойственный мужчинам *homo sapiens*, к тому же, офицерам разведки, подхлестывал моих помощников, делая нас полноценными соратниками. Когда отыскиались дела всех бывших полицейских из списка, капитан взял верхнюю папку и стал жадно читать:

– Вот... *Смовский Константин... командир 118-го батальона. После участия в карательных акциях на территории Белоруссии оказался в Германии и в мае 1945 года, представ перед судом западных союзников, объявил себя борцом за независимость Украины, что помогло ему избежать передачи советской стороне...* Может этот?

– То есть ему простили убийства сотен беззащитных женщин и детей только потому, что он был борцом за независимость Украины? Разве это оправдывает убийство невинных людей? – меня не переставали удивлять лишённые какой-либо видимой последовательности решения homo sapiens.

– А не стоит удивляться! – с усмешкой отозвался Павел Андреевич. – Нашим западным партнёрам только скажи слово «независимость» – и они охотно закрывают глаза и на убийство, и на насилие. Особенно если чья-то независимость ослабляет сильного противника. Так что такие, как Смовский, для них весьма полезная находка.

– Какую же пользу они извлекли из Смовского? – всё ещё недоумевал я. Вместо ответа полковник дочитал:

– *...осел в Западной Германии, где стал основателем Союза украинских воинов. После поражения бандеровских банд на западе Украины, с которыми Смовский поддерживал связь, он перебрался в США, где активно работал в украинских эмигрантских организациях. Ему даже присвоили звание генерал-хорунжего.* – Теперь ясно?

Я отрицательно покачал головой.

– Ну как же! – возмутился моей непонятливостью Павел Андреевич. – Если бы бандеровцы взяли верх на Украине, то это в корне изменило бы ситуацию в Советском Союзе, а возможно, и развалило бы сам Союз – Соединённые Штаты только к этому и стремятся!

– А разве США не были вашим союзником в той войне? – спросил я.

Вместо ответа в кабинете разразился дружный гомерический хохот. Уже в которой раз моя наивность позабавила дядю и племянника, которые, в силу своей профессии, слишком хорошо знали цену таких вот союзов. Наконец, утирая выступившие от смеха слёзы, отставной полковник похлопал меня по плечу и добродушно сказал:

– Да, сынок, тебе во многом нужно разобраться, прежде чем начинать борьбу с нашими вампирами. Конечно, нельзя не согласиться, что они главный враг человечества, вне зависимости от цвета кожи и гражданства, но как ты собираешься действовать в мире людей, не понимая политики? Я уверен, что вампиров среди политиков значительно больше, чем среди рядовых граждан, *и по эту сторону, и по ту*. Скажу больше: я серьёзно подозреваю, что сама политика – не что иное как их детище...

Тем временем Андрей дочитал сникшим голосом:

– Умер в Миннеаполисе в 1960 году, – и он отложил дело Смковского в сторону: – Не подходит.

– Следующий, – невозмутимо сказал Павел Андреевич. – *Винницкий Иосиф*. Прекрасно устроился к Канаде. *Деятель украинской диаспоры...* – но заглянув в конец документа, сказал. – Ах, нет: *умер в Монреале*. А вот Катрюк, который не попал в твой список по частоте упоминания в протоколах, тоже в Канаде, главным насесте ОУН. Здравствует и поныне, но достать его трудно.

– Почему? – удивился я.

– А Канадские власти отказываются его выдавать нашим. Возможно, тебе удастся воздать ему по заслугам, Ян? – выложив дело Катрюка на стол, полковник ещё раз его перечитал и сказал: – Но, если ты ищешь именно отдававшего приказы о сожжении и расстреле, то, думаю, тебе нужен кто-то другой... Этот был всего лишь командиром отделения, то есть не слишком важной птицей. Давайте посмотрим ещё дела. Вот, *Слижук Иван. Активный член оуновской эмиграции*, тоже ещё жив и на свободе. Старшина роты... тоже мелкая сошка!

Я прочитал следующее имя в списке:

– Мелешко Василий...

– Его уже наказали! Все эти документы, – Андрей взял в руки внушительную стопку папок и потряс ею в воздухе, – из процесса по Мелешко. Расстрелян.

– Ах, это тот, кого узнали по портрету в газете? – вспомнил я.

– Он, – усмехнулся капитан. – Вот и не верь в судьбу после этого!

А я напомнил:

– Природа восстанавливает баланс, даже когда люди о нём забывают.

– У этих «героев» было своё понимание баланса, – скептически заметил Павел Андреевич. – Я уже говорил, что такие обычно прыгают на чашу весов, что потяжелее. Когда немцев выгнали из Белоруссии, 118-й украинский батальон последовал за ними в Восточную Пруссию, откуда был переброшен во Францию. Тогда для нацистов уже здорово запахло жареным, так что полиция решили покинуть своих хозяев и перешли к французам.

– Ага, понятно. Видимо, для баланса, – съязвил Пилатов-младший. – Их участие во французском сопротивлении действительно упоминается в каждом деле!

– В пятьдесят пятом, во время амнистии, факт службы у французских партизан как раз и помог многим бывшим карателям выйти на свободу, – пояснил Павел Андреевич. – Идею о переходе к французам подал Мелешко. Уже тогда сообразил, *что* поможет смягчить его участь. Дальновидная сволочь! Вот: в конце сорок четвёртого *весь состав 118-го полицейского*

батальона перешёл в ряды французского сопротивления, где сражался уже с немцами как 2-й украинский батальон имени Тараса Шевченко, в составе 13-й полубригады Иностранного Легиона. Такой вот баланс получается! А Мелешко-то в свою бытность советским агрономом часто встречался с пионерами и рассказывал им о своих подвигах во Франции, хотя про Белоруссию благоразумно умалчивал...

– Как он вообще посмел вернуться в Советский Союз? – возмущённо спросил Андрей.

– После войны наше правительство потребовало от иностранных властей возвращения советских граждан на родину, так что обратно приехали многие, но всё-таки далеко не все. Больше половины служивших в 118-м украинском батальоне осталось во французском Иностранном Легионе, и не исключено, что и там эти вампиры продолжали свои кровавые деяния.

– В Иностранном Легионе? – изумился капитан. – Вы точно знаете, дядя Паша?

– Нет, я могу лишь предполагать, – объяснил полковник. – В пятьдесят пятом, например, именно Иностраный Легион занимался подавлением антиколониальных восстаний в Алжире. Тогда по отношению как к алжирским партизанам, так и к мирному населению применялись жестокие, в стиле СС, меры, так что у самих французов волосы дыбом вставали. Улавливаете связь? Вполне вероятно, что в Алжир были брошены и возмужавшие молодцы из 118-го украинского, которые могли использовать там свои «навыки», выработанные в охоте за белорусскими партизанами...

– Либо они просто не могли остановиться, – добавил я.

– То есть точно не известно, воевали бывшие украинские каратели в Алжире или нет? – заинтересовался Андрей. – Вы тогда уже служили, дядя Паша?

– Нет, мне не известно. Я работал в другом направлении, – ответил старый разведчик. – Просто... почерк уж слишком похож, а я не верю в совпадения. Исходя из моего опыта, большинство совпадений только кажутся нам таковыми, как правило, из-за ограниченного доступа к информации, то есть невозможности видеть картину в целом. Отследить оставшихся в Иностранном Легионе намного сложнее, чем тех, кто вернулся в СССР. Ну, да чёрт с ними. Кто ещё у нас есть в списке?

А там оставалось единственное пока не вычеркнутое имя, которое я удручённо назвал:

– Васюра.

– Давайте посмотрим, что имеется на него, – не теряя надежды, сказал бывший разведчик.

Отдельной папки по Васюре мы не находили. Андрей обнаружил всего несколько рукописных листков, подшитых к делу Мелешко.

– Показания – свидетеля? – запнувшись от удивления, сообщил капитан.
– Г.Н. Васюры, 20 ноября 1973 г... Та-ак... А почерк прямо каллиграфический! – он наскоро пробежал глазами обе страницы и зачитал вслух: – *На службу в 118-й полицейский карательный батальон я поступил осенью 1942 года. В то время этот батальон дислоцировался в городе Киеве. После окончания школы пропагандистов на территории Германии в местечке Вустрау меня в группе выпускников направили в город Киев в распоряжение Управления полиции. Из Управления полиции в числе 7 человек, бывших командиров Красной Армии – Мелешко, Коровина-Корниец, Козынченко, Билык, Франчука, Ковальчука, меня направили в 118-й полицейский батальон, который к этому времени был уже сформирован. Всех нас назначили на офицерские должности, в основном, командиров взводов этого батальона. Я лично был назначен командиром 1-го взвода 1-й роты. Не понял? – прервался капитан. – Все же называют его начальником штаба...*

– Ты читай! – посоветовал дядя Паша. – Может, этот Васюра сделал карьеру в немецкой полиции.

– Ладно, – согласился Андрей и продолжил. – *Коровин-Корниец был назначен начальником штаба батальона, а Козынченко – техником по боевому вооружению батальона. Став служить в батальоне, я вскоре познакомился с другими его командирами — командиром 1-й роты Винницким, командиром 2-й роты Шудра и командиром 3-й роты Нарядько. Я также познакомился с командиром батальона майором Смовским. Имя и отчество этих сослуживцев я также не знаю. Откровенно старается показать, что его хата с краю! – прокомментировал капитан. – Из командиров отделений я узнал Лакусту и Катрюка, которые служили в первом взводе 1-й роты. Больше из командиров отделений я никого не помню. Мне стало известно, что наряду с командирами-украинцами в 118-м полицейском батальоне имелось немецкое командование. От немцев батальоном командовал Кёрнер, имя и отчества не знаю. Он имел звание майора немецкой армии. При каждой роте и при каждом взводе также имелись немцы-шефы, которым подчинялись командиры-украинцы, хотя эти немцы и являлись по званию младшими командирами. Они же высшая раса! – не удержался Андрей и покосился на меня, опасаясь новой вспышки раздражения.*

– Всё в порядке, – заверил я. Тогда капитан решил высказаться:

– А командиры-украинцы, кажется, считали, что это нормально. Вот чего я понять не могу: русские коммунисты им не нравятся, хотя создали им все

условия для развития, и уж точно без какой-либо расовой дискриминации. А фашисты обращались с украинцами как с людьми второго сорта – и ничего.

– Может, поэтому некоторые и захотели вернуться в СССР, несмотря ни на что, а не остались служить у французов? – предположил я.

– Не думаю, что нам когда-либо удастся это выяснить, – начал было рассуждать Андрей. – Может, они к семьям возвращались и надеялись, что пронесёт?

– Дальше читаем, не отвлекаемся! – строго перебил полковник. Пилатов-младший недовольно крикнул, но послушался и продолжил читать:

– Все немцы держались от нас, командиров, обособленно, всегда располагались в отдельном помещении, указания и распоряжения получали от Кёрнера и передавали их в роты и взводы. Часто немцы о своих действиях не ставили в известность даже командира батальона Смовского. Фактически получалось, что в батальоне было два штаба: немецкий и украинский. Почти все свои дела украинский штаб согласовывал с немцами, самостоятельно принимали решения только по вопросам организации охраны, связи между подразделениями, наведения дисциплины и мелких назначений в батальоне. А где же он называет себя начальником штаба? Нету такого? – опять спросил Андрей, прервав чтение. – ...Всего в 118-м полицейском батальоне числилось около трехсот человек, и в то время я многих знал по фамилиям, особенно из первого взвода первой роты, где я некоторое время являлся командиром взвода... Некоторое время. А дальше – чем занимался?

Полковника явно раздражало многословие племянника – ведь Васюра был последним в списке, и если объектом миссии оказывался не он, то наше следствие заходило в тупик. Дядя Паша издал гневное, но забавное рычание. Андрей с опаской посмотрел на его поджатые губы и, больше не останавливаясь, сосредоточился на подробностях Васюриных показаний:

– Сейчас, спустя более тридцати лет, я позабывал многие фамилии полицейских, а тех, кого помню, то только по фамилиям, имя и отчество я никого назвать не могу. По фамилиям из рядовых полицейских мне помнятся: Скрипко, все время являлся писарем при штабе батальона, на карательные операции выезжал только в том случае, когда выезжал весь батальон; Вусс, припоминаю Павел, все время был денщиком командира батальона Смовского; Егоров, конюх и кучер лошади, закрепленной за Смовским; Пиджаристый, писарь в батальоне по пищевому и продуктовому снабжению; Лютык, кассир и делопроизводитель батальона; Александров, связист батальона; Чижик, парикмахер батальона; Антоненко, полицейский третьей роты; Спивак, полицейский 1-го взвода 1-й роты; Шнайдер, пулеметчик, какой роты не знаю, был убит

партизанами в один день с немцем Вельке; Топчий, полицейский, какого взвода и роты не помню. Больше никого назвать не могу... Не знаю, смогу ли я теперь опознать бывших полицейских, так как прошло более тридцати лет.

Андрей закончил читать. Полковник молчал и казался озабоченным, а мы выжидающе смотрели на него и тоже молчали. Наконец, бывший разведчик задумчиво произнёс:

– Интересно...

– Что? Дядя Паша, не томите! – Андрей сгорал от нетерпения, да и я тоже.

– Такие подробные показания – и абсолютно бесполезные! – стал рассуждать Павел Андреевич. – И ни слова о собственных деяниях этого «свидетеля». Как по книжке! Этот Васюра определённо знал, как отвечать на вопросы следователя.

– Это написано самим Васюрой, а не с его слов, – сказал капитан и перевернул страницу. – А вот есть ещё, другим почерком, записано следователем. Та-ак... *Вопрос: С какой целью был сформирован 118-й полицейский батальон? Ответ: Еще когда мы были в Киеве, нам объявили, что батальон был создан для борьбы с партизанами на оккупированной территории. Вопрос: имели ли место случаи расстрела полицейских вашего батальона в Плещеницах? Ответ: Я помню, примерно в январе 1943 года было два случая расстрела полицейских нашего батальона за связь с партизанами. Первый раз было расстреляно трое полицейских, вторично один полицейский совместно с каким-то гражданским человеком. Кто конкретно расстреливал их — немцы или сами полицейские, – я не помню. Точнее, троих расстреляли немцы, а кто расстрелял полицейского с незнакомым гражданином, я не помню.*

Андрей перестал читать вслух, но снова и снова переворачивал листки и пробегал печатный текст ищущими глазами, как будто что-то пропустил.

– Ну? Дальше! – поторопил его дядя.

– А это всё... – голос капитана прозвучал неуверенно.

– Как это – всё? – в один голос воскликнули мы с полковником, а я спросил: – А вопросы о Хатыни где?

– Их тут... нету... – ещё более растерянно промямлил Андрей. – Так же, как и признания в том, что он, Васюра, был начальником штаба 118-го батальона.

– То есть его не обвинили? Он проходил *только свидетелем*? – продолжал напирать Пилатов-старший.

– Вроде, да... – ещё более неуверенно ответил его племянник.

– Но ведь это имя упоминается в допросе почти каждого карателя! – удивлению выдавшего виды полковника КГБ не было предела. – И что, на

Васюру нет ни дела, ни приговора? Это точно? – Андрей на это лишь развёл руками. – Как можно было не завести дела на человека, чья активная карательная деятельность так много раз упоминается в громком процессе? Не понимаю!

Мы все втроём стали снова и снова перерывать папки с обвинительными делами. Прошло добрых часа полтора, прежде чем Павел Андреевич сдался и подвёл черту:

– Ничего больше нет по Васюре. Даже фотографии не прилагается.

– Есть ещё вот это, – капитан открыл прикреплённый к печатным листкам белый конверт. Там лежал всего один листок. Часть текста на нём была напечатана, а другая исписана ещё чьим-то почерком, прочитать который, казалось, не представлялось возможным.

– Медицинское свидетельство. Понятно. Врач писал! – рассмеялся капитан.

И дядя с племянником углубились в разбирание докторских каракуль. Наконец, Андрей объявил:

– *Рак лёгких!* Дата на медицинской справке – за неделю до той, что указана в показаниях Васюры. А-а-а... Возможно, поэтому его не обвинили? Это ведь смертельная болезнь? И место обозначено – Великая Дымерка. Его что, прямо там допрашивали?

– погоди, погоди, но ведь Васюра не значится умершим? – остановил Павел Андреевич. – Хотя такой рак – самый быстротечный. От него сторают за полгода максимум... Что-то тут не так, нутром чую! – в глазах старого разведчика заиграл азартный охотничий блеск.

А я задал главный вопрос:

– Где он теперь, известно? Ну, если жив, конечно...

Андрей заглянул в листок с показаниями Васюры и сказал:

– Есть только адрес от семьдесят третьего года: деревня Великая Дымерка, Броварский район, Киевская область. Такое впечатление, что его на дому допрашивали – как больного, наверное. Если Васюра каким-то чудом выздоровел, то, думаю, там его и найдём. Место работы – совхоз «Великодымерский», директор по хозяйственной части – ого!

– Значит, найти его будет несложно? – обрадовался я, уже не в силах сдерживать порыв к действию.

– Если жив – да! – с оптимизмом ответил капитан. – Во всяком случае, проверить надо!

Но дядя Паша всё медлил.

– Любопытно, – сказал он, наконец. – Начальник теневого штаба, заместитель директора совхоза. Всё на вторых ролях... Этот Васюра – прямо серый кардинал какой-то! Если он не помер и не вышел на пенсию, то может

быть ещё в должности – и человеком уважаемым. Так что действовать надо наверняка. Сейчас не тридцатые годы!

Несмотря на такую осторожность, Павел Андреевич буквально светился надеждой. Он нарочно сделал длинную паузу, и, насладившись видом наших выжидательно-напряжённых гримас, наконец, прищурил свои разноцветные глаза, окинул меня оценивающим взглядом и поинтересовался:

– А что, тепло ли на вашей Лемурии? Какую одежду вы носите?

– Только лёгкие туники, – я не понимал, к чему клонит полковник, видимо для эффекта припрятавший поглубже ход своих мыслей.

– Хм, советую ознакомиться с модой крайнего севера. Могу поспорить, что ты никогда не видел снега!

– Только в раннем детстве, в Хатыни, – признался я.

– Ну вот и вспомнишь, пока снег не растаял. Начало мая в Коми – это ещё зима. Андрей, найди адреса колоний, где загорают наши приятели – Сахно, Кнап и Лозинский, – приказал дядя Паша энергично вставая.

Капитан по команде зарылся в папки, а Павел Андреевич поднялся на второй этаж своего дома. Я последовал за ним. Полковник открыл располагавшийся в маленькой комнатке огромный потемневшего дерева шифоньер с толстыми украшенными изразцами стенками и выдернул оттуда стёганую фуфайку, зимнее пальто с каракулевым воротником и дублёнку – эти названия тёплых вещей я прочитал в его мыслях. Потом, покрутив и осмотрев со всех сторон пальто, дядя Паша повесил его на вешалку и водрузил обратно в шифоньер. Мы вернулись в кабинет, неся фуфайку с дублёнкой в охапку.

– Вдвоём отправитесь, – объявил мой недавний пациент. Опыт телепортации племянника его не слишком вдохновлял. – Но без партизанщины – через главный вход! Андрей покажет удостоверение и организует официальную беседу. Пока он будет задавать вопросы, ты, Ян, пощиплешь мозги нужных заключённых. Так вы окончательно разберётесь, кто такой был этот Васюра и действительно ли именно он вам нужен.

Тем временем Пилатов-младший закончил выписывать адреса колоний и поинтересовался.

– А вы, дядя?

– А я вам не нянька! – шутливо отрезал полковник и заявил: – Буду командовать из «центрального штаба».

С чувством выполненного долга дядя Паша сладко потянулся, собираясь передвинуть своё любимое гигантское кресло к выходящему в сад окну и явно намереваясь вздремнуть, как только спровадит нас на крайний север.

Глава 13. Последняя жертва

*Ни один человек не выбирает зло, потому что оно зло – он лишь путает
его со счастьем*

Мэри Уолстонкрафт Шелли «Защита прав человека», (1790)

Хотя Пилатов-старший и не подозревал о моём умении приспособлять температуру тела к любому климату, тёплая одежда оказалась весьма полезной для маскировки. Непосвящённому было бы странно увидеть человека в лёгком джемпере невозмутимо стоящим, задрав голову перед тяжёлыми двустворчатыми металлическими воротами, посреди белой тундры, под мокрым снегопадом, распыляемым пронзительно завывающим ветром. Эти ворота были единственным доступным для homo sapiens способом попасть за высоченный кирпичный забор, по всей длине увенчанный кольцами металлической проволоки со зловещими острыми шипами. И словно отвечая на мои мысли, Андрей тоже задрал голову и сказал:

– Местные зэки многое отдали бы за умение телепортироваться!

– Зэки?

– Люди, отбывающие наказание за преступления, заключённые в этой тюрьме, – объяснил он и предложил: – Лучше, чтобы тебя вообще не видели. Одному мне легче будет устроить встречу со Степаном Сахно. Всё-таки я работник системы безопасности.

Я исчез из виду и стал осматривать помещение, пока капитан общался с тюремными офицерами на сплошь исполосованном металлическими перегородками пропускном пункте. Никогда раньше я не видел ничего подобного этому мрачному закрытому пространству, где каждый шаг отдавался безжизненным эхом. Нависавший почти над самой головой серый потолок напомнил мне плиты могил, куда люди заключают своих умерших, не позволяя их душам слиться с миром и тем самым обрекая на окончательную гибель. Видимо, homo sapiens боятся мертвецов не меньше, чем живых преступников с той лишь разницей, что большинство расставшихся со своей брэнной оболочкой – невиновны.

Кажется, у людей принято говорить, что такие места закованы в камень, но здесь не было даже настоящих камней – тех, из которых сделаны отвесные скалы, зацелованные дыханием океана, камней, что несут в себе богатства Земли, обогреваются солнцем, а ночью возвращают всему живому накопленное за жаркий день тепло. Панцирь тюрьмы выстроили из

материалов, хоть и взятых у Природы, но исковерканных смещением, калением и приданием искусственной формы. Ни внутри, ни снаружи я не нашёл ни единой пробивающейся из земли тростинки, да и самой земли-то не было видно. Никакой мало-мальски нормальный обмен энергией не был возможен в этих стенах, откуда Природу полностью изгнали. Мне подумалось, что наказание за преступления у homo sapiens – гротескная пародия на то, как расплачиваются за нарушение гармонии лемурианцы: люди изолируют преступников не только от общества, но и от Природы. Вот только, несмотря на своё невежество либо как раз по причине такового, они сами берутся судить нарушителей.

А в этих бетонных стенах энергию получить неоткуда, кроме как от обитающих в них других homo sapiens, так что попавший сюда надолго человек имеет все шансы превратиться в вампира, даже если до тюрьмы таковым им и не являлся. В довершение всех бед, в отличие от лемурианцев, большинство людей-преступников в конце концов возвращаются в общество себе подобных. Если они привыкают отнимать чужую энергию на зоне, то продолжают это делать и на свободе, тем самым всё больше истощая планету.

Плитка, кирпич, бетон, асфальт, штукатурка, железо, тёмно-зелёная краска, покрывавшая стены и решётки – всё это отражалось в невесёлых лицах охранников, чья работа, видимо была равносильна самому наказанию, с той лишь разницей, что они имели право проводить свободное время за пределами колонии и участвовать в природном обмене энергией, если только осознавали в этом необходимость. А если нет, то вряд ли работникам колонии удавалось не поддаваться соблазну власти над живыми существами и самим не уподобиться вампирам, которых они охраняли.

Невидимо следуя за Андреем и хмурым тюремным служащим, я вошёл в помещение, разделённое на две половины перегородкой из крашеных железных прутьев. Посередине стоял стол, пересечённый этой клеткой пополам. По другую сторону находилась ещё одна дверь, и из неё вывели заключённого в тёмно-синей стёганой робе. Из дела Сахно я знал, что ему было всего шестьдесят четыре, хотя тело этого худого homo sapiens было изношено на все восемьдесят. Лицо заключённого цветом походило на бетонный пол тюрьмы, а иссиня-бледные губы и потухшие глаза утопали в провалах глубоких морщин. Тем не менее, эти глаза беспокойно забегали, как только зэк услышал, с чем пожаловал одетый в гражданское капитан КГБ:

– Я расследую новые подробности сожжения Хатыни и хотел бы задать вам несколько вопросов.

– Что, опять?! – в голосе человечка прозвучал испуг, замеченный даже Андреем. Пройдя войну в отряде карателей и проведя две декады в колонии строгого режима, Степан Сахно прекрасно знал, как жить среди вампиров. Он больше не мог, как в годы войны, похвастаться молодой богатырской силой и взамен научился рачительно беречь энергию благодаря сдержанности и тихому, ровному поведению. Но теперь бывшего палача и бывалого зэка одолело смятение, а в памяти Сахно на секунду вспыхнуло видение: молодой мужчина обеими руками прижимал его шею к тёмной бревенчатой стене, будто хотел задушить.

– Сейчас нас конкретно интересует командный состав 118-го украинского батальона, – пояснил капитан Пилатов.

– Я ведь уже много раз давал показания, – откинувшись на спинку стула и оценивающе прищуриваясь, ответил зэк. Бесспорно этому осужденному всё ещё было что скрывать, но он сообразил: молодой офицер интересовался не его личными грехами. Поэтому Сахно быстро успокоился, и его видение таинственного душителя отступило.

– Я их читал, – миролюбиво сказал Андрей, – но сейчас наше расследование сосредоточено на ныне здравствующих старших офицерах. Знали ли вы людей по фамилии Слижук, Катрюк и Васюра?

– Да, все трое служили в 118-м батальоне, – с нарочитым бесстрашием подтвердил Сахно.

– Какую роль играли эти командиры в осуществлении полицейских и карательных действий в Белоруссии?

– Да я уже сейчас и не помню, кто чем командовал... – стал тянуть резину зэк. – Слижук... я вообще не помню сейчас, что он делал. Катрюк был, кажется, командиром отделения, но не нашего. Васюра – начальник штаба. Его я хорошо помню, – закончил бывший полицейский. При упоминании о Васюре его голос зазвучал уже не бесстрастно, а безжизненно.

Воспоминания, замелькавшие перед внутренним взором Степана Сахно, не шли ни в какое сравнение с его постными ответами на вопросы капитана. Этого-то мы и добивались. Я перестал слушать вяло текущую вслух беседу и сосредоточился, на памяти бывшего карателя.

Говоря о начальнике штаба, наш осужденный внутренне сжался, будто риск наказания от безжалостного командира всё ещё существовал для него в действительности. В памяти бывшего полиция возникло красивое, словно выточенное из холодного мрамора лицо подтянутого молодого офицера лет тридцати, одетого в немецкую форму. Васюра оборачивался и сверлил подчинённого своими тёмными по-адски злобными глазами, заставляя Степана содрогаться от ужаса. Память Сахно о начальнике штаба охранной полиции всегда возвращалась именно к этой минуте. В тот день он шёл

докладывать о невыполнении приказа, как на казнь, воображая ужасы наказания, потому что Васюра был известен жестокостью не только по отношению к врагам, но и к своим подчинённым. Тогда Степану удалось выйти сухим из воды только потому, что командира уже известили как о неудаче, так и о том, что в ней был виноват не Сахно.

– В показаниях Васюры от 1973 года сказано, что в батальоне существовало два штаба, немецкий и украинский. Немецким командовал Кёрнер, а украинский штаб лишь выполнял его распоряжения. Имеете ли вы что-либо добавить к его показаниям? – задал вопрос Андрей.

Осужденный криво усмехнулся:

– Да, выполнял приказы, которые сам же себе и давал.

– Поясните, пожалуйста.

– Эриху Кёрнеру, было уже хорошо за пятьдесят, – неохотно продолжил зэк. – Кажется, он часто болел. Васюра же – офицер-связист, с высшим образованием, молодой, хорошо знал немецкий... ну, в общем, он был лучше Кёрнера...

– Лучше? – удивлённо переспросил Андрей.

– Сильнее, я имею в виду, – снова пояснил Сахно, поёживаясь от пробежавших по телу мурашек. – Так что, если кто вам и нужен, так это Васюра.

– А почему же вы не рассказали об этом на процессе Мелешко?

– Потому что тогда меня спрашивали только о Хатыни, а там находилось всё командование. Я не знал точно, кто какие приказы отдавал, – пожал плечами бывший каратель. Сахно даже самому себе не признавался, что и в семидесятые, в конце концов попав под суд за предательство родины, он в глубине души всё ещё боялся *кровопийцы* чуть ли не больше, чем советского следователя. Тогда, в семидесятые, страх был хотя уже и беспричинным, иррациональным, но от этого не менее сильным. – А что, Васюра так и остался на свободе? – любопытствовал зэк, чуть оживившись и, получив в ответ кивок от капитана, с нескрываемой завистью сказал: – Не понимаю, как ему это удалось...

Андрей закончил беседу, и Сахно, приволакивая ноги, шаркая ими по бетонному полу, исчез за тяжёлой металлической дверью. А я, узнав о Васюре вполне достаточно, всё же последовал за бывшим карателем внутрь лагеря, сгорая от желания узнать, что именно напугало его в начале беседы с капитаном.

Для этого пришлось дожидаться вечера. По возвращении к тюремной повседневности, ум Сахно превратился в калькулятор, занятый исключительно тем, чтобы наперёд просчитывать затраты сил и сводить их к минимуму, оберегая свой убогий ресурс. Нельзя было винить за это

долговременного обитателя оторванного от Природы поселения. Он умел выживать и, несмотря на скудность положения, умудрялся исподтишка подпитываться энергией, которую малоопытные эки помоложе неразумно разбазаривали там и сям. И лишь после отбоя, когда выключили свет, и его соседи по бараку затихли на жёстких нарах, отделавшийся от дневных забот ум престарелого ээка, наконец, расслабился и отдался воспоминаниям.

Сахно боялся, сколько себя помнил. Несмотря на размытость и обрывочность образов из его детства, мне стало ясно, что страх поселился в этой блуждающей впотьмах душе в самом раннем возрасте. Родившемуся в полные беззакония, смерти и голода годы гражданской войны ребёнку было всё равно, кто прав. Стёпа рано сообразил, что его маленькая жизнь не нужна ни белым, ни красным, а иногда ему казалось, что она не нужна даже родителям, которые заботились о своих многочисленных отпрысках, как о телятах или поросятах, не интересуясь чувствами ни тех, ни других. Немногословная вечно уставшая мать много рожала, и почти половина её младенцев не выжили в лихолетье. Две младшие сестрички прожили лет до трёх-четырёх, и умерли одна за другой от каких-то болезней или недоедания – Стёпа не знал. Он помнил только их неподвижные заострённые зеленовато-бледненькие личики, выдававшиеся из наскоро сбитых отцом дощатых ящичков, которые потом заколотили наглухо грубыми крышками и зарыли в глубокие ямы. Мальчику было пять, и боязнь оказаться закопанным в такую же яму превратилась в его самый жуткий кошмар. Никто не обращал внимания на страхи ребёнка, потому что тогда боялись все. И в ответ на безразличие мира Стёпа сам научился заботиться о своём выживании и благополучии и делал это любой ценой, пренебрегая себе подобными точно так же, как те пренебрегали им. Даже теперь, в старости, он считал абсолютно любое деяние, совершённое во имя этой высшей цели, поступком хорошим. Никто и ничто не стоило риска преждевременно оказаться в яме и там сгнить до костей. Степан был рад, что не стал отцом, потому что никогда бы не пожертвовал ничем ради ребёнка. Во время службы в СС он не раз убивал чужих малышей, не задумываясь, а *просто* выполняя приказы.

На самом деле Сахно не жаждал крови – её жаждал обезумевший мир, охваченный уже следующей войной, избежать участия в которой у здорового двадцатилетнего парня не было никаких шансов. И Сахно сначала пошёл в Красную Армию, был послан на передовую, где при первой же возможности сдался в плен немцам, потому что в сорок первом казалось, что их победа была не за горами. Там, опять же чтобы выжить, парень согласился сотрудничать с нацистами и был рад провести несколько месяцев в их пропагандистской школе, вдали от фронта. Потом его приписали к подразделению немецкой вспомогательной охранной полиции,

сформированному в Киеве. Сахно обрадовался месту вдали от настоящей мясорубки. К тому же полицейским дали оружие, то есть возможность защищать себя.

Перевод в Плещеницы на борьбу с белорусскими партизанами, о смелости и отчаянности которых ходили легенды, стал самой что ни на есть неприятной, самой пугающей в его жизни неожиданностью. На таком задании вероятность гибели была уж точно не меньше, чем на фронте. Хуже того, в тылу подобного ему предателя, могли убить из-за угла, поэтому расслабляться и терять бдительность нельзя было ни на минуту. Партизаны мерещились Степану повсюду. Их обвиняющие грозные лица, казалось, выглядывали из всех занавешенных окон-гаубиц в городе и из каждого куста на лесных дорогах. Даже в своём голодном детстве он так не боялся! Власть над безоружными – единственное, что создавало иллюзию защищённости. Молодой полицейский пестовал её, совершая безумные, грязные, жестокие вещи – и в их угаре страх, хоть и ненадолго, но отступал. Изнасилование запуганных или обречённых на смерть женщин почему-то помогало лучше всего. Сахно с товарищами повадились в одно еврейское поселение, где чуть ли не ежедневно развлекались таким образом, вполне безнаказанно. Иногда они ещё и устраивали охоту за пытавшимися спрятаться от непрошеного внимания девицами – и это здорово отвлекало от мыслей о возможности собственной смерти. Так и поступали, пока все евреи не разбежались по лесам либо не были убиты по приказу командования.

Однажды, будучи лет восьми, Стёпа весьма жестоко расправился с соседской кошкой за попытку утащить его еду, которой тогда не хватало как людям, так и животным. За это старшие ребята загнали его в угол, чтобы «поучить». От страха маленький каратель стал, не глядя, изо всех сил тузить перед собой кулаками и отметил стоявшего ближе всех «учителя» парой нешуточных синяков. Глаз у обидчика не открывался неделю, а сельские задиры решили не подходить больше к «бешеному». Вот это Степан хорошо запомнил, и в нём так и остался жить тот зажмурившийся мальчик, тузящий кулаками кого попало.

Примерно тем же способом взрослый Сахно противостоял и партизанской угрозе – только теперь он был вооружён, без разбору стрелял не только в каждого партизана, но и во всех, кто подозревался в помощи или действительно помогал бойцам невидимого фронта выживать в ненавистных и немцам, и украинцам густых лесах и топких болотах Белоруссии. То, что делалось из чувства самосохранения, начальством принималось за преданность, так что Степан умудрялся как подпитываться энергией жертв, так и оставаться на хорошем счету, получая поощрения.

Начальство... оно было не менее страшным, чем партизаны. Старшие офицеры, как немецкие, так и украинские, были другой породы. Не один Сахно ощущал эту разницу и справедливо их опасался. Про себя он делил командиров на *идейных* и *кровопийц*. Смовский и Винницкий, например, были идейными. Они считали, что, поддерживая немцев, боролись на независимость Украины от советских, хотя в этом что-то явно не сходилось. Степан не понимал, каким образом подчинение фашистской Германии или сожжение белорусских селян могло помочь Украине стать независимой... Но он не задавал вопросов: надо так надо. Политические беседы с бывшими членами ОУН или УПА Степана вообще не интересовали. Он быстро понял, что с идейными лучше не связываться, а достаточно лишь сойти у них за своего, для чего требовалось всего-навсего помалкивать, согласно кивать в ответ на их разглагольствования о свободе и говорить на малорусском наречии – украинской мове – в присутствии гладко выбритого любившего блеснуть образованием Винницкого, головореза Смовского, лихо носившего казацкую папаху и усики фюрера, и их политически грамотных сотоварищей, составлявших костяк 118-го украинского батальона.

Страшнее были другие, безразличные к разговорам о политике, которые ничего не боялись и пьянели от вида крови. *Кровопийцы* перешли на сторону поначалу побеждавших немцев ради силы, а когда поняли, что нацистская армия начала эту силу стремительно терять, сообразительный яйцеголовый Мелешко ночью увёл весь батальон к французам, воевавшим против фашистов. Отсутствие убеждений роднило кровопийц со Степаном, но этих он боялся даже больше, чем немецких нацистов, украинских националистов или советских партизан-коммунистов вместе взятых. *Кровопийцы* были непредсказуемы, им было всё равно, кого пытаться и убивать, и они никогда не упускали возможности полакомиться видом человеческих страданий.

Осужденный всё ворочался на нарах, думая: «Принесла же нелёгкая этого капитана!» Сорок лет спустя после войны, когда былая рутинная полицейской службы забылась, растворившись в мелочах тюремной повседневности, самые ужасающие воспоминания оказались ещё более отчётливыми в своей одинокой наготе и теперь, потревоженные, отгоняли желанный сон. Мало того, они превратились в кошмары, и в полузабытьи начальник штаба карателей представлялся Степану демоном жестокости. Однажды Васюра выбил зубы двум своим подчинённым, залившим глаза водкой в неположенное время, а потом заставил их слизывать с пола собственную кровь. В другой раз по его приказу расстреляли двух сослуживцев, подозревавшихся в связи с партизанами. Партизаны же, когда попадали в руки начальника штаба и его приятеля переводчика Луковича, превращались в бесформенный кусок мяса. Сахно видел это собственными глазами.

...Вот он вдвоём с шефом роты зашёл в штаб батальона. Шеф ушел к Кёрнеру, а Степан начал искать Васюру, которого в штабе не оказалось. На вопрос, где может быть начальник штаба, кто-то из полицейских, указал на дом в небольшом переулке и сказал, что он там, проводит допрос. Войдя внутрь, Степан увидел, что Васюра и переводчик Лукович в присутствии офицера немецкой разведки истязают шомполами какого-то белорусского парня. Тому было чуть за двадцать. Во всяком случае Сахно так подумал, мельком взглянув на остатки молодой кожи, которые ещё не были исполосованы и разорваны свиставшими в руках мучителей металлическими прутьями. По лицу молодого человека уже невозможно было не только разобрать возраст, но даже понять, где находятся глаза, нос, рот – так сильно всё это было изуродовано синяками и кровоподтёками. Подозреваемый в партизанщине не кричал. При каждом ударе он издавал глухой стон, а его тело выгибалось неестественной дугой и сникало. Именно тогда Сахно мысленно окрестил своих начальников кровопийцами. С каждой новой волной боли, доставляемой жертве, Васюра и Лукович всё больше распались и даже будто становились выше ростом. А когда Степан вошёл и застыл с раскрытым ртом и вытаращенными глазами при виде кровавого месива, в которое прямо на глазах превращался молодой партизан, эти двое, казалось, ещё больше вошли в раж, наслаждаясь также и ужасом подчинённого. Несмотря на то, что парень был уже без сознания и явно не способен выдать никакой информации, Васюра и Лукович и не думали останавливать «допрос», а третий, немец, на всё это не смотрел вообще. Повернувшись к действию спиной, он внимательно разглядывал что-то в окне, или, может, думал о чём-то постороннем.

Постояв немного и сообразив, что начальство не собирается ради него прекращать пытку, Сахно решил уйти, чтобы вернуться немного погодя. Он и теперь помнил, как выскочил из хаты с бешено колотившимся сердцем и как ему хотелось убежать, спрятаться где-нибудь на болоте, жить отшельником, только бы подальше от *них*... Глотнув на дворе свежего воздуха, как выброшенная из воды рыба, он направился к штабу и решил дожидаться грозного начальства там.

Первым появился Лукович. На ходу беседа с Мелешко, он приближался к хате, в которой располагался штаб. Степан сидел на завалинке, и когда двое поравнялись с ним, услышал:

– Молодец Василь! И хлопцы твои молодцы! – поймав благодарно-гордый взгляд подчинённого, Лукович похлопал по плечу собрата-кровопийцу. – Радистка будет очень кстати. Щенок, которого мы с Васюрой допрашивали, только что сдох, – и переводчик, добавив грязное ругательство, сплюнул на землю.

– Разрешите идти? – спросил немногословный, но явно довольный собой Мелешко.

– Разрешаю. Иди, отдыхай, – махнув рукой, ответил Лукович, но, уже держась за ручку двери и кивком приглашая ожидавшего Сахно войти в дом, окликнул отбывающего собеседника: – Слышь, Василь? А радистка как – симпатичная?

Мелешко обернулся, показал кулак с поднятым вверх большим пальцем, и переводчик, оскалившись в плотоядной улыбке, бросил взгляд на сарай, где держали и новых подозреваемых, и тех, кто выживал после допросов.

Если Сахно в детстве замучил кошку за воровство, то такие как Васюра, Лукович и Мелешко или Кёрнер и Дерливангер, верно, делали то же самое для развлечения. Одни были украинцы, другие немцы, но это не имело значения. Степан встречал кровопийц разных национальностей, как во время войны, так и после неё. В колонии строгого режима такие были собраны со все республик огромной страны. Здесь тоже нещадно избивали в кровь, а иногда и до смерти, насиловали, заставляли лизать пол... И не столько лишение свободы, сколько вынужденная жизнь бок о бок с этими чудовищами была наказанием за его трусость и совершённые из-за неё преступления.

После войны часть тогда уже Второго украинского батальона имени Тараса Шевченко осталась служить в Иностранном Легионе, так что Сахно не знал, что Мелешко вернулся в Советский Союз, пока не был вызван на допрос в начале семидесятых. Самому Степану хотелось покинуть армию с её превратностями как можно скорее, но остаться во Франции гражданским не получилось. Он был репатриирован назад в СССР, а в фильтрационном лагере много раз рассказывал о французских партизанах, ни словом не упоминая о Белоруссии, как научил Мелешко. Оказавшись, наконец, на свободе в пятьдесят пятом, Степан перебрался в Сибирь, надеясь затеряться в её бескрайности. Он так давно жаждал тихой оседлости, в которой безопасность не считалась бы роскошью! И в Куйбышеве жизнь действительно начала налаживаться.

Работы в индустриальном городе было хоть отбавляй. Со статусом бывшего фронтовика, всё-таки полученным после хрущёвской амнистии, заслужить уважение было нетрудно. Сахно всегда остро осознавал свою зависимость от людей, и поэтому старался быть на хорошем счету, на кого бы он ни работал, и вёл себя ровно так, как для этого требовалось. Теперь требовалось быть правильным, жить по-советски. У Степана хорошо получалось – ему даже не нужно было притворяться! За что простому парню, не хватавшему с неба ярких звёзд, ненавидеть власть, давшую жизнь, о которой он и мечтать не мог в своём выпачканном навозом голодном

детстве? Так что вписаться в советскую действительность оказалось несложно – она и создавалась-то как раз для простых парней. Почему же с ней боролись *идейные* из 118-го украинского? Этот вопрос мелькал иногда в уме Степана, но глубокий анализ так и не стал его коньком. Хотя, когда кандидатуру Сахно выдвинули на пост председателя заводского товарищеского суда, он не мог не оценить всей иронии выбора, сделанного доверчивыми сотрудниками.

На заводе Сахно познакомился с Люсей. Девушка была намного моложе него и слушала рассказы о Франции, как сказку о фантастическом тридевятиом царстве. Её широко распахнутые доверчивые глаза растопили ожесточённое сердце бывшего карателя. Хотя на пороге первого же разорённого и сожжённого белорусского дома Степан мысленно и оставил надежду на вечную жизнь, Люся показала ему и пропуском в рай, и проводником туда. Раскаялся ли бывший полицейский каратель? Мучила ли его совесть за убиенных в войну младенцев? Если бы это было так, Сахно не смог бы связать свою жизнь с таким чистым, наивным созданием, как Люся. Нет. Совершённые во время войны мерзости теперь всего лишь казались ему ненастоящими, случившимися с кем-то другим, может быть, с персонажем из старого чёрно-белого кино. Степан решил, что до сих пор ему просто не везло, и что вот теперь судьба, наконец, подарила долгожданное счастье. Главное, он впервые в жизни почувствовал себя в безопасности. Ненадолго. Рад бы в рай – да грехи не пускают.

Шестьдесят девятый оказался злополучным годом. Они с женой окончательно распрощались с мечтой о малыше, и дело было в здоровье Степана. Видимо, Природа наказывала его за прошлые бесчинства над женщинами. Тридцатипятилетняя Люся ходила грустная, укоризненно поглядывая на своего уважаемого мужа-фронтовика, но роптать не решалась. Трусливая же душа Степана в тайне благодарила бога за то, что тот не давал ему обузы, не подозревая о настоящем божьем промысле. В декабре, чтобы передохнуть от семейной рутины, Сахно вызвался сопровождать груз в Оренбург, точнее, на новую нефтяную скважину в окрестностях города, для которой их завод поставлял оборудование.

Путешествие не задалось с самого начала. Им с водителем многотонного КАМАЗа несколько раз приходилось пережить снежную бурю, а потом ехать по заметённой дороге так медленно, что, казалось, на лыжах было бы быстрее. Добирались несколько дней, останавливаясь в крохотных придорожных гостиницах далеко не европейского уровня, где услуга не слишком напрягалась, зная о неприхотливости клиентов-дальнобойщиков. Василь, водитель, и вправду был всем доволен, а вот его экспедитору всё вспоминались кукольно-чистенькие даже в военное время мотели Прованса,

и ностальгия по несостоявшейся заграничной жизни, как призрак Рождества, накатывала на него на протяжении всего почти недельного путешествия.

Наконец, дополнили до места назначения, разгрузили КАМАЗ и остановились на отдых... в бараке. Тут Сахно уже не сдержал досады. Войдя в барак и тут же пожалев, что его дёрнуло отправиться на это приключение, да ещё перед праздниками, он прорычал вслух «чёртовы бабы, все беды от них!», рассмешив напарника, которому в дороге много жаловался на пошатнувшееся семейное благополучие. Временное жилое сооружение для вахтенных рабочих действительно стояло ещё ниже в гостиничной иерархии, чем придорожные мотели. Удобства были на улице и в декабре даже представляли риск для здоровья, но в самих бараках топились жаркие печи и по вечерам пахло яичницей и жареным луком. А в столовой кормили обедом, простым, но обильным и к тому же бесплатным. Туда они с Васьком и заявили на следующий день.

– Ну что, Василь, как думаешь, к Новому году дома будем? – потирая руки над дымящейся тарелкой щей, поинтересовался Сахно.

– Не бойсь, доедем к твоей ненаглядной, – подмигнув, отозвался дальнбойщик. – Уж соскучился, небось?

Степан поглядел на товарища исподлобья с шутливой злостью. В этот самый момент рабочий-бурильщик, крепкий русоволосый мужчина со светлой чуть тронутой сединой бородой, лет под сорок, проходил мимо их стола к раздаточной стойке и вдруг резко остановился. Он уставился на Сахно, побледнев как смерть. Степан вопросительно посмотрел на рабочего, а Васёк выпалил, не задумываясь:

– Ты чё, приятель?

Тот лишь сглотнул и, так ничего и не сказав, с каменным лицом проследовал к источающему запахи столовской еды раздаточному окошку. Васёк скорчил рожу и незаметно для отвернувшегося нефтяника покрутил пальцем у виска, а бывший полицейский почувствовал, как в груди у него что-то ёкнуло и провалилось в холодную чёрную дыру. Его лоб покрылся испариной. Странно поведший себя субъект подсел к своему товарищу за стол наискосок и ел медленно, то и дело останавливая пристальный взгляд на Степане, отчего тому кусок в горло не лез. Лицо этого человека не показалось знакомым, но Сахно хорошо умел доверять своему инстинкту. Весь день он был начеку, но ничего так и не произошло – зато вечером в подсвеченной снежной белизней темноте сибирской ночи по дороге из уборной Степана ждали. От стены отделилась фигура в ватнике и валенках и подскочила к экспедитору. В мгновение ока сильные руки нефтяника схватили беззащитного бывшего карателя за грудки, прижали к брёвнам барачной стены, и Антон Барановский – а это был именно он – зарычал,

выпуская, наконец, на волю накопившийся за целый день – и за долгие годы – гнев:

– Что, не помнишь, меня, падла? Много ты таких, как я спалил в сараях?

– Да ты что, брат, в каких сараях? Кого спалил? – пролепетал Сахно, от ужаса вспотев на морозе. – Обознался ты! Отпусти!

– Да нет, гад, не обознался! – возразил Антон, не отпуская убийцу своей семьи из тисков крепких пальцев. – Хатынь помнишь? Как ты со своими дружками выгонял нас на улицу? Четверо вас было, мне ваши хари до сих пор снятся!

Степана уже колотило крупной дрожью, но он продолжал отпираться:

– Да ты о чём? Я во Франции воевал!

Но Антон, не обращая внимания на слабые доводы, продолжал вытряхивать душу из обидчика:

– А сестру мою, Марию, помнишь? Которую вы... перед тем, как сжечь в сарае заживо... Помнишь?

Перед мысленным взором Сахно возникло молоденькое нетронутое тело девочки, её покрасневшие от сопротивления щиколотки, беззащитно обнажённые гладкие ещё почти детские бёдра, широко разведённые в стороны и крепко зажатые его, Степана, жёсткими ладонями. Русые волосы, выбившиеся из косы в безнадежной борьбе. Как не помнить? Ведь это он приказал ей остаться в доме, когда всю семью угоняли на место расправы. Устремлённые на палача и исполненные жаждой мести глаза брата изнасилованной карателем Марии были слишком похожи на её, светло-голубые с расширенными от страха и боли зрачками, молившие о пощаде! Тут в председателе рабочего товарищеского суда воскрес тот самый мальчик Стёпа, что без разбору махал кулаками для спасения собственной шкуры, а с тем вернулось и показное самообладание:

– Отстань! – и Степан с силой и злостью стряхнул с себя бывшего хатынского парнишку. – Обознался ты! Пошёл вон отсюда!

Антон отступил на шаг со словами:

– Да-а, теперь я точно тебя узнал, и лай твой поганый! Ничего. Завтра в милиции разберутся, а там и КГБ подключится. Сам бы придушил, да не хочу за тебя в тюрьму садиться, гад!

Нефтяник резко развернулся и зашагал прочь, чтобы не передумать. А бывший старшина роты 118-го украинского батальона вместо того, чтобы вернуться в свой барак, на приличном расстоянии незаметно последовал за неприятелем, благо отдалённое рычание работавших в ночную смену машин заглушало скрип снега под его валенками. Даже несмотря на поздний вечер, не было никакой гарантии, что чудом выживший свидетель не поделится своим открытием с кем-нибудь из товарищей той же ночью, а оставить

решение столь внезапно возникшей проблемы до завтра было всё равно, что подписать себе смертный приговор. Долго кружил Сахно у барака врага, заглядывая в неярко освещённые окна. В просветах между причудливыми морозными узорами на стёклах ему удалось рассмотреть, что тот не имел возможности поговорить ни с одним из своих соседей, которые уже крепко спали в барачных койках. Враг долго не ложился. Обхватив голову руками, Антон сидел за столом при слабом свете настольной лампы, то зажимая, то вновь открывая глаза, сжимая кулаки и часто ероша волосы, словно пытался избавиться от навязчивых воспоминаний, страшных, незабываемых.

Началась метель. Степан не ощущал холода, как не ощущали его члены семьи деревенского мальчишки, которых выгоняли на мороз в одном исподнем. Причина была та же, что и тогда у жителей Хатыни: бешено колотившееся от ужаса сердце. А недавно начавшейся метели бывший полицейский был очень рад, так как она обещала скрыть следы его манёвров. Наконец, уже за полночь, молодой рабочий выключил лампу, подошёл к кровати в дальнем углу барака, и, ещё некоторое время посидев на ней, наконец, откинул одеяло и лёг. Тогда Сахно, подгоняемый метелью, побежал к себе, надеясь, что его напарник уже уснул, а тот и вправду заливался богатырским храпом. Экспедитор на цыпочках подкрался к столу, то и дело косясь на Ваську и боясь его разбудить, сцапал разложенные там ключи от грузовика и спички, прихватил в предбаннике несколько бутылок из-под выпитого на ужин кефира, рассовал их по карманам, снова вышел из барака и потрусил к КАМАЗу. С педантичной аккуратностью он отлил понемногу запасного бензина из каждой канистры, чтобы исчезновение горючего не бросилось в глаза товарищу, после чего, озираясь, направился к бревенчатой избе, где покоилась опасность...

...Шум, наделанный неожиданно вспыхнувшим пожаром непонятного происхождения, долетел до гостевого барака не сразу. Здоровенный Васёк долго будил крепко «спавшего» Сахно, схватив за плечи поверх одеяла двумя руками и тряся как тростинку:

– Эй, Степан, да просыпайся же ты! Там пожар! – трубил подъём молодой гигант, желая как можно быстрее полететь на подмогу, в полном убеждении, что и напарник непременно рванёт вместе с ним.

Степан просыпался очень медленно, старательно делал вид, что ничего не соображал:

– Что ты орёшь, как на пожаре? – бурчал он недовольным голосом.

– Да я и говорю – пожар! – прорычал Васёк и, бросив уже из дверного проёма «догоняй!», выскочил на улицу, прихватив ведро и на ходу застёгивая ватник.

Загоревшийся барак удалось потушить, но бывшие в нём рабочие отравились угарным газом, а тот из них, кто спал в углу, где началось возгорание, скончался от удушья. Если бы об этом эпизоде узнали четыре года спустя, когда председателя заводского товарищеского суда всё же замели по сигналу одного бдительного куйбышевского чекиста, то Степан лежал бы сейчас не на этих нарах, а в земле, с парой правоохранительных пуль в грудной клетке. К удаче поджигателя следствие было сосредоточено на военных преступлениях и занималось делами сразу нескольких бывших предателей родины, в разоблачении которых Сахно сумел быть более полезным, чем его бывшие сослуживцы из 118-го полицейского батальона...

Осужденный довольно потянулся в своей жёсткой постели. Жизнь продолжалась. Несмотря на её превратности, он до сих пор не гнил в ужасном ящике. Эта мысль успокоила, как делала и всегда, и заключённый, наконец, уснул.

Глава 14. Земля и крестьяне

Изучение внутреннего мира мелкого вампира Сахно так меня увлекло, что я совсем позабыл о неспособности капитана КГБ к телепортации. Удовлетворив, наконец, своё любопытство, я настроился на мысли Андрея и нашёл его валявшимся поверх покрывала на неудобной койке в одной из захудалых гостиниц Сыктывкара. Молодой Пилатов пялился в страницу купленной по случаю книги, а внутри него всё кипело от праведного гнева, мешая печатному слову должным образом доходить до сознания. Как только я предстал перед легкомысленно оставленным мною на произвол судьбы товарищем, он вскочил, бросился на меня с кулаками и завопил:

– Ах ты сволочь лемурианская! – к счастью, я успел обездвигить его кулак на подходе к своему глазу. Нападавший так и застыл в неудобной позе с поднятой в замахе рукой, и от этого взбесился ещё больше, а я выиграл время, чтобы извиниться, не допустив рукоприкладства:

– Ну прости меня, прости! Я действительно увлёкся и совсем забыл, что нужно было сначала тебя в город перенести.

– А ну освободи меня сейчас же, гад! – рычал мой напарник.

– А ты обещаешь вести себя мирно? – я отлично понимал, что был виноват, но не смог удержаться от смеха – так комично вращались глаза расвирепешего чекиста, которые и без того были чуть навывкате – а теперь прямо-таки вылезли из орбит.

– Обещаю! – не слишком убедительно прохрипел Андрей. Получив, наконец, возможность двигаться, он тяжело опустился на стул и надулся, скрестив руки на груди. Мне было жаль, что друг расточал энергию по моей вине, хотя и не без пользы: в холодном гостиничном номере значительно поднялась температура воздуха.

– Ты хоть представляешь, как мне пришлось изворачиваться? – возмущённо выговаривал мне капитан. – Шепнул по-быстрому, что скоро вернёшься и пропал – а я, как дурак, сижу на стуле напротив дежурного, в исправительном учреждении посреди чиста поля, и не могу объяснить, зачем сижу. Колония строгого режима – не зал ожидания. Возникают вопросы: чего ещё нужно здесь следователю из столицы, раз он закончил свои дела? И на чём он вообще-то приехал в колонию?

– И что же ты им сказал?

Андрей неопределённой махнул рукой и выдохнул:

– Сказал, что добрался на попутке.

– А на чём же ты доехал до города? – наконец, сообразил спросить я.

– А-а, теперь ему интересно! – язвительно огрызнулся капитан. – На их же грузовике. Повезло, что как раз сегодня был наряд в Сыктывкар за провизией. Пришлось ещё в дороге два часа развлекать водителя рассказами о Москве! – излив свою обиду, он замолчал и угрюмо устался в угол, оклеенный засаленными кремовыми обоями в мелких коричневато-розовых цветочках. Мысли капитана были невесёлыми.

– Почему ты думаешь, что тебе теперь придётся уволиться? – спросил я.

– Потому что подставил ты меня! – ворчливо отозвался Андрей. – Если бы я ехал по работе из Москвы, меня должна была привезти и увезти служебная машина. Не дай бог они заподозрят неладное, позвонят начальству, наведут справки! Как я объясню полковнику Свиридову свой несанкционированный визит к чёрту на кулички? Он-то думает, что я у дяди гошу, в Новгороде, и дожидаясь контакта с внеземными цивилизациями. И что я тогда скажу – что таки дождался?

Учитывая неспособность *homo sapiens* к телепортации, появление ничем ни примечательного капитана КГБ в короткий промежуток времени в нескольких точках СССР, между которыми дни пути, действительно могло показаться по меньшей мере странным. Теперь и я видел всю серьёзность своего промаха, виной которому была, конечно же, моя неопытность в мире людей. Но *homo sapiens*, оказывается, хранят секреты даже от тех, с кем занимаются общим делом! Начни полковник Свиридов задавать вопросы, Андрею пришлось бы посвятить его в существование *homo liberatus* и рассказать о моей миссии, что, в свою очередь, потянуло бы за собой множество нитей, распутывать которые я и сам не был готов. Так что

выходило, не позаботившись о товарище, я, могло статься, создал проблемы и самому себе. Тем временем Андрей смягчился:

– Ладно, вообще-то я сам виноват. Нужно было продумать легенду получше и обговорить способы передвижения, – он устало вздохнул. – Столько всего навалилось...

Мне стало жаль его, и, прежде чем окончательно провалиться в сон, капитан Пилатов очутился в своей удобной постели в доме дяди Паши. Я не стал будить хозяина. По сравнению с Сыктывкарком, майская ночь в Великом Новгороде показалась раем, и, затерявшись в саду, я проспал до утра под своей любимой яблоней. Там на меня и наткнулся полковник утром, когда вышел на свежий воздух, размышляя, как приложить чудесным образом восстановленное здоровье к приведению в порядок родового гнезда. Одет он был в тёмно-зелёные шорты по колено и белую тенниску, планируя совместить оценку фронта работ с разминкой. Моё внезапное пробуждение наступило от рук полковника – в буквальном смысле. Павел Андреевич тряс меня за плечи с недюжинной силой. А когда я открыл глаза, то увидел его перекошенное от волнения лицо.

– Эй, Ян! Что с тобой, сынок? – паниковал дядя Паша. – А где Андрей?

– Да всё нормально... – пробурчал я спросонья. – Всё, всё, перестаньте меня тормошить! – полковник так рьяно старался привести меня в сознание, что, казалось, был готов вытрясти моё астральное тело из физического. Никто и никогда раньше не применял ко мне грубую силу – даже во время пожара в Хатыни мать умудрялась прикрывать меня от толчков и тычков, раздаваемых карателями. Новое ощущение оказалось столь неприятным, что я даже почувствовал тошноту. Пришлось выставить энергетический щит, чтобы полковник убрал, наконец, от меня руки и отступил. – Андрей в доме, – успокоил я взволнованного дядю. – Мы вернулись ночью и не стали вас будить. А я просто спал...

– А почему в саду, на земле? – опешил старик. – В доме много свободных комнат, ты же знаешь!

– У вас тут место силы, Павел Андреевич, – я уже окончательно проснулся и обрадовался представившемуся, наконец, случаю сообщить хозяину сада о ресурсе, которым тот, сам того не подозревая, обладал.

– Где? – не понял он.

– Да вот почти как раз где вы сейчас стоите, – и я пальцем указал на место, где дерево выходило из земли.

– Под яблоней? – переспросил полковник, изо всех сил вглядываясь в подножие ствола, как будто хотел увидеть эту самую силу своим человеческим глазом. – Фу, чушь какая-то...

– Да нет, вовсе не чушь. Скажу даже больше: если бы вы хотя бы полчаса в день проводили на этом месте, то моя помощь в исцелении от болезни вам бы скорее всего не пригодилась.

– Что ж ты раньше-то молчал? – возмутился полковник Пилатов, вполне справедливо.

– Давно собирался сказать, но погряз во всех этих поисках, и всё как-то не было подходящего момента, – признался я.

– И что, мне просто сидеть под яблоней? – с энтузиазмом поинтересовался старик, наконец, поверив, что я не шучу. – Медитировать?

– Да, ведь вы же умеете, – без ожидаемого им пафоса отозвался я. – Только кеды снимите – босиком надо. До ста лет проживёте!

Павел Андреевич послушно оставил обувь в сторонке, сел на землю рядом со мной, прислонился к чудесной яблоне, закрыл глаза. Старик думал, что вот, он чуть не умер от рака – а исцеление было у него под боком; что, несмотря на весь его опыт и знания, которых, как ему раньше казалось, хватило бы на несколько жизней, мир оказывался всё ещё полным неизведанного, ради которого определённо стоило жить до ста лет, а если получится, то и дольше. Я тоже молчал и любовался, как его аура на глазах разрасталась и расцветчивалась здоровыми яркими оттенками. Две соседские кошки явились тут как тут и принялись тереться о ноги полковника, а одна забралась к нему на колени. Мой старый знакомый зайка, озираясь, выбрался из травы и опять принялся кланяться, щекоча щиколотку моего друга своими тоненькими усиками. Павел Андреевич открыл глаза и изумлённо воскликнул:

– Это ещё что такое? – разумеется, кошки не его не могли удивить, но вот потерявший страх заяц был из ряда вон. Впрочем, как только старик заговорил, заяц поспешил ретироваться обратно в кусты.

– А, это мой старый приятель, – представил я, помахав вслед убежавшему плутишке. – Вы своим желанием прожить до ста лет сформировали сильный энергетический поток, вот зверушки и захотели причаститься.

Полковник, никогда не державший домашних питомцев, растерянно погладил прильнувшую к его животу кошку и спросил:

– И что, долго мне ещё тут сидеть?

– Думаю, с вас достаточно на первый раз, – весело сказал я, поднимаясь на ноги и подавая ему руку. – Тем более, что мне не терпится рассказать, что мы накопили в Сыктывкаре, а это лучше сделать при закрытых дверях.

Андрей, измученный телепортациями и перипетиями за полярным кругом, проспал до обеда. Пока он отдыхал, я поделился с дядей Пашей сведениями, добытыми из головы Сахно.

– Да, неплохо, – одобрил полковник в отставке. – В спецслужбах тебе цены бы не было! Если бы все наши разведчики умели так считывать информацию... – и он с иронической гримасой возвёл глаза, указывая на верхний этаж дома, где спал капитан Пилатов.

– Если бы все умели, то не было бы никаких разведчиков, – машинально парировал я, и старик, которому было нечем крыть, лишь комично развёл руками в ответ.

– Нужно было бы разобраться с убийством Барановского в Оренбурге, но займёмся этим позже. Сахно уже и так сидит, – рассудил Павел Андреевич. – Значит, всё-таки Васюра? Ты уверен? Ведь вы встретились только с одним из бывших карателей? А как же остальные?

– У меня больше нет никаких сомнений, и нет необходимости тратить время на остальных.

– Тогда мне тоже есть чем похвастаться! – с этими словами Павел Андреевич отправился в кабинет и вернулся оттуда со свёрнутым трубочкой тонким листком бумаги, который протянул мне. – Вот, по факсу прислали.

Я взял из его рук письмо и начал читать вслух:

– «Характеристика на заместителя директора по хо...» не понимаю! – я запнулся. Печатный текст местами был нечётким, и я разбирал его с трудом.

– Хозяйственной! – помог Павел Андреевич.

– Ага... «хозяйственной час-ти совхоза вели... «Вели-ко-ды-мер-ский» Васюру Григория Никитовича, дата рождения 9 февраля 1915 года. ** апреля 1985 года, с. Великая Дымерка, Бро.. Броварский... р-н, Киевская область»... – я остановился, выдохнул и поморгал глазами от напряжения, а полковник сжалился и сказал:

– Ладно, давай я! – он выхватил бумагу у меня из рук, надел очки и стал читать продолжение, почти без запинок: – «Васюра Григорий Никитович работает в совхозе «Великодымерский» 30 лет, начав свой трудовой путь с рядового счетовода в 1955 году. Высшее образование, богатый жизненный опыт, инициативность, отличные хозяйственные навыки и выраженные качества организатора позволили Григорию Никитовичу вскоре занять пост главного бухгалтера, так как его желание постоянно учиться и совершенствоваться выражалось в работе на результат. Григорий Никитович – стремящийся к развитию квалифицированный сотрудник, которому во многом принадлежит заслуга высокой прибыльности и процветания нашего совхоза.

Должность заместителя директора по хозяйственной части тов. Васюра занял в 1965 году. Его заслуги подтверждаются рядом достижений на этом ключевом для совхоза посту: Григорий Никитович произвел полное обновление учётного процесса на предприятии, грамотно провёл

обновление сельскохозяйственного и бытового оборудования, ввел в эксплуатацию значимые для совхоза сельскохозяйственные объекты, а также активно участвовал в построении и введении в эксплуатацию зданий средней школы и больницы. С помощью тов. Васюры совхоз добился высоких показателей, стал рациональнее расходовать ресурсы, а приобретённое под руководством Григория Никитовича современное оборудование позволяет выполнять работы в срок и удерживать в совхозе ценные кадры». Деловой мужик – этого не отнимешь! – заметил полковник Пилатов. – Видимо, и немцы это оценили... «С коллективом тов. Васюра придерживается стиля строгого наставничества и высокой требовательности, что мотивирует многих сотрудников работать добросовестнее и повышать показатели, а также стремиться к карьерному росту. Коллектив, находящийся под его руководством, дисциплинирован, социально защищен, условия труда соответствуют всем нормам безопасности.

Большое значение Григорий Никитович уделяет работе с молодёжью: как ветеран Великой Отечественной войны он регулярно встречается со школьниками, поддерживая педагогов Великодымерской средней школы в благородном деле патриотического воспитания подрастающего поколения. Также тов. Васюра является почётным курсантом Киевского Военного училища связи имени Калинина.

Для коллектива совхоза Григорий Никитович является примером трудолюбия и целеустремленности. Он продолжает свою трудовую деятельность несмотря на пенсионный возраст. Тов. Васюра многократно был отмечен грамотами, а также награждён медалью «Ветеран Труда».

Характеристика предоставлена по запросу военкомата на предмет награждения Васюры Григория Никитовича Орденом Отечественной Войны в честь 40-летия Победы над немецко-фашистскими захватчиками.

Подписи руководителей совхоза «Великодымерский»:

Яценко Анатолий Тихонович /Яценко/ – глава сельсовета совхоза «Великодымерский»

Бочаров Анатолий Борисович /Бочаров/ – заместитель главы сельсовета совхоза «Великодымерский»

Когда Павел Андреевич дочитал характеристику, я спросил его:

– Откуда это у вас?

– Важно не что знаешь, а кого! – ответил полковник и заговорщицки подмигнул своим карим глазом.

Оказалось, пока мы мёрзли на крайнем севере, он тоже не сидел сложа руки. Дозвонился в Броварский районный военкомат и раздобыл вот эту

характеристику на Васюру, подключив кое-каких старых знакомых. По странному совпадению, бывший начальник штаба 118-го украинского полицейского батальона как раз обратился с требованием наградить его Орденом Отечественной Войны.

– Как же можно награду – требовать? Разве это не знак, который даётся обществом людей в качестве благодарности? – удивился я. – По крайней мере так мне объясняли дома...

– Вообще-то правильно объясняли, – согласился Павел Андреевич. – Но в данном случае, орден юбилейный.

– Юбилейный? Это как?

– Его присуждают в честь юбилея – сорок лет Победы в Великой Отечественной войне – всем участникам войны, – объяснил полковник. – Видимо, нашего подопечного по какой-то причине забыли включить в список. Вообще-то, с таким прошлым довольно глупо подставляться ради тщеславия!

В дверях, за спиной сидевшего на диване полковника появился Пилатов-младший. Он зевнул и потянулся сначала вверх, потом в стороны, словно расправляя невидимые крылья, после чего молча прислонился к косяку, скрестив руки. Андрей был одет в тот самый повытянутый в коленках спортивный костюм, в котором я перенёс его из московского общежития в дом дяди Паши. По направлению моего взгляда Павел Андреевич понял, что мы уже не одни. Он обернулся, оценивающе посмотрел на племянника и сообщил ему иронически:

– А видок у тебя помятый!

– Попробовали бы вы телепортировать, да ещё за полярный круг и обратно! – слезливо отозвался капитан, но тут же добавил, желая замять неприятную тему: – Ладно, день на солнышке – и буду как новенький. Что я пропустил?

Дядя Паша протянул ему характеристику на Васюру:

– Вот.

Пробежав глазами факсимильный текст, Андрей изумился:

– Передовик и герой труда, значит? Характеристика просто идеальная! Я бы сказал даже слишком. Интересненько... Это из военкомата? – он ткнул указательным пальцем в бумагу и, получив в ответ утвердительный кивок от полковника, предложил: – Надо выяснить, почему Васюры не оказалось в списке награждённых... Дайте мне денёк отдохнуть – и поедем в... как её? – и он опять заглянул в характеристику, – Великую Дымерку и в Бровары.

Павел Андреевич встал с дивана, подойдя к племяннику, обнял его за плечо и повёл в сад на встречу с чудесной яблоней. На выходе он обернулся

и снова подмигнул мне своим карим глазом, обещая не тратить этот день впустую, а заняться стратегическим планом выслеживания вампира.

Вечером того же дня было решено нам с капитаном притвориться представителями производственной организации, заинтересованной в хозяйственном обмене с совхозом «Великодымерский», что напрямую выводило нас к директору по хозяйственной части. В шкафу у полковника нашёлся прекрасный классический деловой костюм для Андрея. Когда дядя Паша был помоложе, он отличался той же статью, что и племянник. Мне же, в виду моего щуплого по сравнению с пилатовским телосложения, пришлось нанести визит в городской магазин, что закончилось облачением в костюм менее элегантный, сшитый не по спецзаказу, а для широкого потребления. В довершение образа пришлось согласиться и на ужасный галстук. Теперь и я прочувствовал почти все неудобства, которые испытывала Кассандра во время нашего визита на Лубянку. Кроме каблуков, разумеется. «Как же важно было зачать от меня ребёнка, если она согласилась упаковать себя в этот дурацкий футляр, явно лишь для того, чтобы заслужить желаемое? Неспроста всё это!» – пронеслось у меня в голове. Сердце кольнуло нехорошее предчувствие, но я его отогнал.

На следующее утро мы перенеслись на крошечную, залитую серым запылённым бетоном и вонявшую технической смазкой платформу железнодорожной станции, откуда должны были явиться в сельсовет совхоза «Великодымерский» пешком, чтобы сориентироваться на местности и не вызвать подозрений. Мне казалось отличной идея понаблюдать за Васюрой, как говорят разведчики homo sapiens, «под прикрытием», чтобы получше понять, насколько силён этот вампир, осознаёт ли он свою силу, и в каких отношениях находится с окружающим миром.

Карты местности у нас не было, но Андрей был уверен, что «язык до Киева доведёт», и первым делом отправился порасспросить кассиршу. Та оказалась кругленькой грудастой женщиной с двойным подбородком, в неестественно мелких осветлённых до белизны кудряшках, с живенькими любопытно стрелявшими карими глазками, утопавшими в широком лоснящемся от пота лице. Она была немногим старше капитана, но по виду годилась ему в матери. Форменная одежда железнодорожницы, темно-синя юбка и белая блузка, так сильно облегла её облепленное жиром, стремительно прощавшееся с молодостью тело, что чуть ли не трещала по швам. Пока я осматривался, кассирша, с интересом разглядывая явившегося вне расписания прибывающих поездов прилично одетого красавца-мужчину, моего спутника, и неуклюже кокетничая, объясняла ему дорогу:

– Як вийдете зі станції, йдіть по бетонній дорозі, щоб не заблудитися. О то прямо, прямо, – она вскинула свои в ниточку выщипанные брови и

указала направление толстым, как колбаска, пальцем. – Поки дорога не поверне наліво. Тоді ви теж зверніть наліво та йдіть по той же дорозі, поки не увідите центр. Там у нас усе: і сільсвіт, і магазіни, і школа...

Подойдя к собеседникам, я, подстроившись в её тон, поблагодарил:

– Щиро дякуємо!

– Будь ла-асочка! – ответила кассирша писклявым сопрано, обнажив мелкие, как у грызуна, зубы в слащавой улыбке, и я за рукав увёл капитана от пожиравшей его глазами тетёхи. На фоне своего спутника я выглядел вовсе не интересным и, признаться, был этому рад, по крайней мере в данном случае.

– Откуда у тебя такие познания в языках? – смеясь, поинтересовался Андрей, когда мы, наконец, унесли ноги со станции и зашагали по дырявой бетонке, по обочинам которой росла свежая, но уже успевшая запылиться трава.

– Да у нас ведь нет языкового барьера.

– Как же это получается? Вы что, изучаете все языки?

– Нет, мы их просто понимаем. Я не совсем уверен, как, но думаю это приходит вместе с телепатией – первым бытовым навыком, которому учится любой лемурианец, – беспечно объяснил я. – Читаешь мысли и желания любого живого существа – и отвечаешь на языке его мыслей.

– И говоря «любого живого существа», ты имеешь в виду...

– Да, и животных тоже.

– То есть ты можешь разговаривать с кошками и собаками?

– Ну, с ними можно общаться, не раскрывая рта. Просто посылать сигнал. Ты же видел, как я это делал в Минске! – напомнил я, и мой спутник хмыкнул, вспомнив о начудившем в парке водолазе.

– А научиться этому можно? – с завистью спросил он.

– Можно, но нужны время и концентрация. Твой дядя научился же, частично, насколько позволило окружение... Только вашему виду телепатия обычно даётся нелегко. Вы ведь строили Вавилонскую башню вместо того, чтобы строить себя...

Остаток пути до Великой Дымерки мы шли молча. Андрей задумался над моими словами, и лицо его приобрело уже знакомое мне философско-безнадёжное выражение. Проведя чуть меньше месяца бок о бок с одним из homo liberatus, то есть со мной, тридцатитрёхлетний офицер стал склоняться к мнению, что именно общечеловеческая недоразвитость была причиной не первый год глодавшего его чувства недовольства собой и даже какой-то неполноценности. Подобно большинству людей, Андрей был склонен следовать по пути наименьшего сопротивления и уже начинал мысленно сооружать оправдание тому, чтобы окончательно смириться с этим чувством

ущербности, так как возможности дотянуться до лемурианцев всё равно не представлялось. Я уже достаточно знал своего друга и не стал мешать его погружению в очередной приступ меланхолии. В конце концов, важно было только то, что капитан всё ещё шагал рядом со мной и ни разу не отказал в помощи, часто жертвуя собственной энергией и комфортом в пользу моей миссии.

Вскоре я перестал прислушиваться к мыслям Андрея и стал рассматривать нудноватый пейзаж. Местность была открытой, чисто выбритой под земледелие, отчего выглядела какой-то неестественно лысой. По обе стороны дороги простирались распаханые и засеянные поля. Одни были подёрнуты зелёными всходами, другие чернели великолепной жирной почвой, посыпанной какой-то химической дрянью, которая из-за сухой весны не впиталась в чернозём, а, смешавшись с пылью, разносилась ветром и затрудняла дыхание. Высокие деревья, из которых состояли узкие лесополосы-пылесборники, выглядели несчастными потерянными карликами на фоне необъятной пахоты. В борьбе со страхом вымирания homo sapiens избавились от густых, кишачих дичью грибных и ягодных лесов, произраставших в этих местах каких-нибудь пару тысячелетий назад, то есть, изуродовали Природу.

Забетонированный отрезок пути, тоже покрытый слоем пыли, привёл нас через поле к асфальтированной дороге, настолько узкой, что на ней не могли бы разминуться два автомобиля. Мы по очереди спотыкались о мелкие рытвины в асфальте, который ближе к селу сменился наезженным до твёрдости сухим грунтом. Самым незначительным шевелением ветерка, ног или колёс над неасфальтированной дорогой поднималось целое облако из частиц этого истосковавшегося по гармонии мира. Желтовато-серая пелена висела в воздухе почти постоянно, не успевая осесть до очередного движения.

Трактор с синей кабиной и пустым прицепом, управляемый водителем с припухшим, выразившим полное безразличие лицом, с рыком и грохотом проколесил нам навстречу – и это было хуже всего. Видимость на дороге совершенно исчезла, дышать стало нечем из-за выхлопов вонючей солярки, а пыль моментально забила в ноздри, покрыла серым слоем одежду, ботинки, волосы и наши вспотевшие лица. Когда мы, наконец, выбрались из адского облака, Андрей взглянул на рукав дядиного дипломатического костюма, резко остановился и возопил:

- Неужели нельзя было телепортировать?
- А ты бы предпочёл две телепортации подряд? – искренне удивился я.
- Прямо сейчас – да! – рявкнул капитан и начал лихорадочно отряхиваться, при этом громко чертыхаясь. Я вздохнул, мысленно

соглашаясь со спутником в том, что прогулка по просёлочной дороге была не лучшей идеей, и, последовав его примеру, тоже стал отряхиваться, но без чертыханий. Словом, нам обоим здесь уже не нравилось.

Было около одиннадцати утра, когда мы, в подпорченных костюмах, наконец, вошли в село. Улицы были почти пустынными, за исключением пары проехавших мимо нас велосипедов с притороченными к рулю корзинами. Обладатели этого неустойчивого транспорта колесили по ухабистой грунтовке бесшумно, словно унылые призраки. Вначале навстречу проехал мужчина в сером потёртом пиджаке и обшарпанной кепке. Он был моего возраста, но выглядел почти как старик. К тому же, от него нестерпимо воняло алкогольным перегаром и потом, запах которого выдавал разрушение печени. Дядька не обратил на нас никакого внимания. А вот проехавшая через минуту худощавая женщина лет сорока в ситцевом платье с интересом покосилась быстрыми глазками на двух молодых, одетых по-городскому мужчин, но и она продолжила путь по своим делам. Когда пыль от колёс второго велосипеда немного рассеялась, снова стало тихо, и только невидимые вездесущие голуби не переставали громко хлопать, радуясь народившемуся на днях потомству.

Весеннее солнце палило не по сезону, свежая молодая листва местами придавала живость тусклому от пыли пейзажу, но даже при ярком свете дня – а может быть именно из-за него – на проходящего вдоль села чужака накатывало гнетущее чувство одиночества и какой-то потерянности, вызываемое нескончаемыми деревянными заборами, непроницаемыми, выкрашенными в тёмно-зелёный или небесно-голубой цвет. Казалось, если упасть и умереть посреди улицы, то так и останешься лежать в пыли на поживу дикой и домашней фауне. Такие мысли одолевали капитана.

Меня же удивила непохожесть запущенной, пыльной, ухабистой улицы, заросшей по обочинам неприглядной сорной травой, и ухоженных участков, которые Андрей не мог видеть за заборами. Очевидно, местные жители строго разделяли своё и не-своё. Там, за оградами, ни единому клочку земли не позволялось пустовать: перекопанная жирная почва была с геометрической методичностью усажена полезными для хозяев овощами. Всё это богатство, хорошо увлажнённое и сдобренное фекалиями животных, а не совхозной химией, ещё только начинало покрываться всходами, обещавшими со временем превратиться в аппетитные дары Земли. Зеленели узорчатые листья моркови, стебли огурцов и кабачков выбросили усики, пустившиеся расползаться по грядкам тоненькими змейками; из земли виднелись розовые шляпки ранней редиски, зелёный лук тянулся вверх ровными стрелками, а разогретые весенним теплом свежие укроп и петрушка распространяли вкусный аромат.

В глубине почти каждого двора цвело несколько сортов фруктовых деревьев, а самые дальние углы заросли колючими кустами малины, так что вторжение с соседской территории было чревато болезненными царапинами. Заборы, разделявшие дворы, были не менее высокими и крепкими, но их не трудились красить, а просто сбили когда-то из деревянных досок, теперь почерневших от времени. В каждом огороде происходило одно и то же: на единственном ещё пустовавшем участке какая-нибудь женщина средних лет или старше, согнувшись вдвое и подоткнув подол юбки, закапывала в землю небольшие продолговатые розовато-коричневые клубни. Изредка хозяйка огорода выпрямлялась, чтобы отереть капли пота с лица, и снова возвращалась к посадке картофеля.

По обочинам улицы росло много бесхозных фруктовых деревьев. Кое с каких лепестки почти совсем облетели, а другие ещё радовали глаз белыми и розовыми соцветиями.

– Вот за что я люблю Украину, так это за фрукты на дорогах! – сказал Андрей. – Жаль, что сейчас не лето, а то наелись бы вишен, абрикос или яблочек, пока тащимся по деревне.

– А что в ваших краях такого нет?

– Бывает, но не так много.

– Почему, интересно?

– Не знаю... земля на севере не такая плодородная, наверное. А может там не так сильно беспокоятся о ворах, как здесь...

– При чём же здесь деревья?

– Детворе хочется яблочка, и они вполне могут залезть в соседский сад, объяснил Андрей. – А если яблоки растут прямо на улице, то и надобность в воровстве вроде как отпадает. Хотя это только мои догадки: я ведь не деревенский житель...

– А зачем вообще нужны эти заборы между садами? Нельзя всем иметь один большой сад, что ли?

Андрей расхохотался:

– Ты понятия не имеешь о частной собственности, да? Будто прямо из коммунизма явился! – и, встретив мой недоумённый взгляд, он пояснил: – Каждый варит *своё* варенье!

– А что такое варенье?

– Э-э-э... – мой спутник наморщил лоб, подыскивая слова для описания, и ответил: – Ну, если выразиться научным языком, то это фрукты с сахаром, подвергнутые термической обработке.

– Ах, сахар... – воспоминание об отвратительной противоестественной сладости заставило меня тоже поморщиться. – Понятно. Этого нет в Природе, и быть не должно.

– Во время войны сахар был дороже золота...

– Войны тоже быть не должно! – отрезал я. Сама мысль об убивающих друг друга людях была противна до тошноты. Андрей развёл руками, с одной стороны, соглашаясь со мной, а с другой давая понять, что он-то ничего изменить не может. Я понимал, что он прав и, сделав над собой усилие, чтобы отвлечься, сказал: – В деревне, где живёт твой дядя, я почти не видел таких высоких заборов... так, колышки одни, только для виду.

– А теперь загляни за заборы, в частные дворы. На что угодно могу поспорить, что в них всё идеально! – оказалось, Андрей всё же имел хорошее представление о жизни украинского села.

– Уже заглянул, – ответил я с улыбкой. – Так и есть. Откуда ты знаешь, если не можешь видеть сквозь забор?

– А это все знают. Местные жители вообще славятся своим трепетным отношением к собственности, – объяснил капитан Пилатов, иронически усмехаясь. – Может, потому и разногласий с коммунистами у них было больше, чем где бы то ни было. Жадность в наше светлое будущее уж никак не вписывается.

– Собственность – главная слабость всех *homo sapiens*, с весьма незначительными вариациями, – возразил я. – То есть не сама по себе, а чувство защищённости, которое испытывает владелец прямо пропорционально её количеству.

– Что-то вроде костыля! – выставив вверх указательный палец, заявил Андрей.

– Да, наверное, – согласился я. – Главное, ведь костыль хоть и помогает передвигаться – это всё же не настоящая нога! – Андрей согласно закивал. – В свою очередь, собственность требует энергии и времени. За ней нужно ухаживать. Её нужно контролировать. Энергию, конечно, можно восстановить, а вот время – невосполнимо, потому что ограничено вашим биологическим циклом. Оно и есть ваша жизнь. Очень короткая жизнь.

Андрей привстал на цыпочки, вытянув шею, заглянул поверх голубого забора, оказавшегося ниже других. Там в огороде возилась женщина с измотанным, покрасневшимся от работы лицом. Почти шёпотом, чтобы она не могла услышать, капитан сказал:

– Кажется, тут собственность съедает больше энергии, чем даёт.

– Как раз вот эта зависимость и приостановила вашу эволюцию, – с грустью отозвался я, уже не глядя в указанную спутником сторону, потому что мне и так всё было ясно. – Научись *homo sapiens* управлять естественными энергетическими потоками, они получили бы прямой доступ к ресурсам Земли и перестали бы считать владение вещами главным способом выживания.

– Получается, чтобы перестать тратить жизнь на накопление, надо не волноваться о недостатке ресурсов; чтобы не волноваться, надо уметь их привлекать...

– ... через контроль энергии, – вставил я.

– Да. Контролировать энергию нужно учиться, и на это требуется время – то самое, что мы тратим на накопление и удержание ресурсов. Получается заколдованный круг, – подвёл черту капитан. – Думаешь, у нас есть надежда?

Я ответил честно:

– Думаю, что пока нет.

– Но ведь некоторые – у кого всё есть, кому не нужно работать – они ведь могут посвящать время развивающим практикам?

– Ты так ничего и не понял! – со вздохом возразил я. – Дело не столько в наличии или отсутствии ресурсов, сколько в страхе остаться без них. Насколько мне известно, ваши богатые боятся ещё больше, чем бедные, потому что им есть что терять. Лишь только запахнет жареным, они побросают всякие духовные практики и займутся спасением своих сбережений, посвятив этому остаток жизни, если потребуется. К тому же, у некоторых накопление превращается в зависимость, даже когда они уже могут себе позволить не работать до конца жизни. Трудно представить большую бессмыслицу! По сути своей, homo sapiens – рабы страха, и пока это так, свобода останется для вас не более, чем мечтой, сколько бы вы о ней ни кричали. К сожалению, страх – часть вашего ДНК, и даже мы не в силах это изменить.

– Почему? Вы же умеете влиять на зачатие?

– Мы можем влиять на процесс зачатия, но не на результат. ДНК – это очень сложный комплекс, и одно изменение может повлечь цепную реакцию, последствия которой предсказать невозможно. Скорее всего они были бы ужасны, как любое вмешательство в Природу. У вас уже есть истории о таких неудачниках, как, например, Франкенштейн... А мы не меняем Природу, а только договариваемся с ней. Чувствуешь разницу?

– Не очень, – честно признался Андрей, а у меня появилось горькое и так мало знакомое чувство бессилия от невозможности изменить жизнь трудившихся за этими заборами людей – от того, что сами они считали эту жизнь на пятачке «своей» земли если не счастливой, то, во всяком случае, стабильной и безопасной.

– Крестьян ваших мне особенно жаль, – добавил я.

– Почему именно их? – заинтересовался Андрей, и я объяснил:

– Они навязывают сделку земле: отдают ей свои силы, но и её вынуждают работать неестественно много. Крестьянин уверен, что после тяжкого своего

труда он вправе требовать от земли возврата в виде урожая – но ведь она не просила крестьянина отдавать ей столько энергии! Владение землёй – самая смешная ваша иллюзия. Земля вбирает в себя останки «хозяина», когда он умирает, а сама продолжает жить – так кто же кем владеет?

Беседуя, мы не заметили, как добрались до центра села, представлявшего собой небольшую сплошь закованную в асфальт площадь, по углам которой робко жались придушенные деревца. Это место называлось центром не только благодаря своему географическому положению по отношению к остальным частям Великой Дымерки, но и потому, что призвано было служить насущным нуждам местных жителей. По периметру площадь была застроена незатейливыми одноэтажными коробками с вывесками, гласившими «Господарчі товари», «Промислові товари», «Гастроном», «Хліб», «Аптека», «Шиномонтаж». На асфальте возле входа в последнее здание темнели пятна технического масла и валялись легкомысленно брошенные под ноги окурки. Остальная часть площади выглядела чище.

Мы вошли в дверь под надписью «Гастроном», где надеялись достать чего-нибудь съестного и порасспросить. С первой надеждой я сразу же распрощался, так как, кроме расставленных на полках красивыми пирамидками металлических банок с консервированной килькой и стеклянных с плавающими внутри вываренными фруктами, ничего съедобного в продуктовом магазине не наблюдалось. Андрей спросил о местонахождении сельсовета у изнывавшей от любопытства темноволосой продавщицы в предположительно белом фартуке и такого же цвета цилиндрическом головном уборе, которая своей полнотелостью и слащавой приветливостью к незнакомцам напоминала встреченную ранее на станции кассиршу. Из-за прилавка последовал певучий ответ:

– Так о сё ж за углом, біле кірпічне зданіє. Воно тут саме велике, так що не пропустите, – тут продавщица не вытерпела и всё-таки поинтересовалась: – А кого вы шукаєте?

– Нам нужен замдиректора по хозяйственной части, – ответил капитан, стараясь придать официальность голосу.

– А-а, дак його сьогодні ні у сільсовіті треба шукати! Він у школі сьогодні річ толкає, мій малий казав в них збір у честь Дня Перемоги...

– Вот спасибо, красавица! – оживился Андрей. – А ещё такой вопрос: есть у вас тут гостиница какая-нибудь?

– Гостиница? Та е... – продавщица хихикнула. – Але ж я вам не совітую...

Я, конечно, рассмотрел её ментальную картину того, что называлось гостиницей, а потому потянул капитана за рукав и, многозначительно глядя ему в глаза, подтвердил:

– Она не советует!

Поняв мой сигнал, Андрей опять обратился к продавщице:

– Ну, а комнату можно у кого-нибудь снять на пару дней?

– А, ну цього скільки завідно! – и тётка гаркнула в сторону входной двери своим трубным гласом, так что мы оба вздрогнули от неожиданности: – Тимофівна! Візьмешь кавалерів на постій?

Мы с капитаном обернулись. В магазин как раз входила невысокая поджарая бабулька с самодельной матерчатой сумкой в руках, ещё крепкая и, очевидно, лет десять назад отличавшаяся такими же пышными формами, как и у продавщицы. Формы эти теперь иссохли и уныло свисали почти до пояса. На вошедшей было поблэкшее тёмное платье в мелкий цветочек, а её наполовину поседевшие собранные в узел волосы прикрывал подвязанный на затылке платок.

– А хто вони такі? – поинтересовалась пожилая женщина, шагнув внутрь магазина.

– Та з городу, к Васюрі по ділам. Тільки ж у Васюрі їм краще не останавлюватися.

– Что ж так? – вставил вопрос капитан.

– В ньюого жінка хворіє, та и вообще...

Продавщица передёрнула плечами при мысли о том, как жилось бы квартирантам в доме у Васюры, а Тимофеевна деловито оглядела нас с ног до головы, прикидывая, сколько запросить за комнату. Зная уже, что у хозяйки имеется большой огород, я ответил на её размышления:

– Десятка в день пойдёт. Да, и столоваться тоже будем.

Тимофеевна бросила на меня чуть удивлённый взгляд, но не придавала значения такому попаданию в точку, а лишь поинтересовалась:

– Надовго?

– Как получится, – уклончиво ответил Андрей и вежливо добавил: – Если это вас не стеснит. Деньги вперёд отдадим.

– Добре, – купив спички и соль, за которым заходила в магазин, хозяйка сделала приглашающий жест и сказала: – Ходімо, хлопці. Тільки треба буде на базар зайти, раз ви хочете столоватися...

Андрей спросил две бутылки «Куяльника», протянул мне одну и жадно присосался к горлышку другой, а Вера Тимофеевна презрительно фыркнула:

– Та нащо вам той «Куяльник» здався? У нас у колодязі вода краще...

– Это мы тоже попробуем, Тимофеевна, – с обаятельной улыбкой пообещал ей капитан, а потом непринуждённо, как бы между прочим, обратился к продавщице: – Так во сколько мероприятие в школе? Хотелось бы заглянуть, полюбопытствовать...

– Та у два часа, кажись... – последовал не слишком уверенный ответ.

– В два, в два, – эхом повторила наша хозяйка. – Мій малий казав, що не прийде до мене після школи, тому що в них збір дружини.

– Внук, – пояснил я для капитана, а пожилая женщина снова удивлённо подняла редкие с седыми волосками брови, но и теперь оставила мою способность угадывать без комментария, а я мысленно оценил её проницательность.

– Ну, тогда у нас есть ещё пара часов, чтобы заселиться, – деловито посмотрев на часы, сказал Андрей. – Через базар, конечно. А мы поможем донести.

Вера Тимофеевна была умной женщиной и всегда следовала своему житейскому опыту. Она пережила оккупацию в Дымерке. Когда немцы угнали её восемнадцатилетнего мужа на работы в Германию, она была на сносях и узнала о гибели отца своего сына Гоши уже после войны. Как выяснилось, на пути в Европу Женя дважды убежал, чтобы вернуться к семье. В первый раз охранники его изловили и снова посадили в поезд, а во второй раз пристрелили. Так и осталась семнадцатилетняя Вера с младенцем на руках на попечении родственников. Новое личное счастье она так и не нашла по причине послевоенной нехватки мужиков. Война унесла и двух её старших братьев, а Вера так и осталась жить в родительском доме, который в конце концов унаследовала. Её единственный ненаглядный Гоша выучился в Киеве на агронома и вернулся в Дымерку завидным женихом, завёл семью и выстроил собственный большой дом со всеми удобствами, как настоящий начальник. В общем, несмотря на женское одиночество, Тимофеевна считала, что в жизни ей повезло, во всяком случае больше, чем многим.

Великодимерский базар выглядел оптимистичнее сельского магазина, в отличие от которого здесь было немало сырых овощей, хоть и прошлогодних: и капуста, и картошка, и морковь, и толстокожие яблоки. До нового урожая было ещё далеко, но разложенные в изобилии свежие редиска, зелень и ранняя клубника уже радовали глаз. Было не совсем понятно, кому здесь всё это продавали, так как почти все местные жители выращивали то же самое на собственных огородах. Из объяснения бабы Веры следовало, что местные на базар приходили лишь за недостающим, а чаще сюда приезжали люди из районов, жившие в квартирах городского типа, без-огородные либо не желавшие возиться. Не поинтересовавшись нашими предпочтениями, Тимофеевна купила полмешка картошки, сухую фасоль, головку капусты, ещё какие-то овощи, травы и вонючий прокопчённый свиной жир. Капитан в предвкушении потёр руки и, принимая сумки у хозяйки, радостно предположил:

– Борщец намечается? К вечеру как раз поспеет!

– Так, синку, – добродушно усмехнулась Вера Тимофеевна, к слову, работавшая поваром в местной столовой. По стечению обстоятельств, она получила в тот день выходной только потому, что в имевшемся при столовой ресторане на вечер планировали праздничный ужин для районного начальства, и её как лучшую в своём деле пригласили обслуживать мероприятие.

– А есть-то *сейчас* хочется... – плаксиво пожаловался Андрей.

– Та пішли, синку, вдома щось придумаємо, – последовал ответ бодрой тётки.

В кухне у бабы Веры я увидел холодильник, полный кулинарных изысков, в основном приготовленных из трупов животных. Счастливое предвкушение озарило лицо моего спутника. Такого мясного разнообразия он не встречал даже в московских магазинах и, заплатив Тимофеевне за три дня вперёд, Андрей набросился на домашнюю колбасу – мясо и жир свиньи, смешанные с травами и специями и нашпигованные в свиную же кишку. Всё это баба Вера наскоро обжарила на сковороде с невероятным количеством жира. От вида этого действия и от запаха жареного мяса меня чуть не стошнило, хотя я ещё во время покупки сала на базаре понял, что столоваться здесь будет только капитан Пилатов.

Пока Андрей насыщался и болтал с хозяйкой, я вышел через заднюю дверь на воздух. Моим глазам представилось приятное зрелище огорода и сада. К сожалению, в климате средней полосы эти овощи и фрукты только начинали прорастать, ещё не пригодные к еде. Но утолить голод было необходимо, а времени для телепортации куда-то ещё тоже не было, так что пришлось импровизировать.

Я присмотрел пару пробивавшихся из почвы кустика моркови, снял неудобную обувь, взялся за зелёные стебельки в месте, где они соприкасались с землёй и, во много раз ускорив приток энергии к растениям, через минуту вытащил длинные ярко-оранжевые корнеплоды из земли, всполоснул под ручком у задней двери и наслаждался их сочной сладостью. Повторив процедуру пару раз, я направился к ближайшей яблоне за десертом, присмотрел белый с нежной розовинкой цветок, уже опылённый работающей пчелой, и заключил его в полусферу из сложенных пальцев. Из цветка быстро завязался зелёный плод и начал увеличиваться с каждой секундой. И когда на моей ладони уже лежало большое яблоко, а я, любуясь его совершенством, лишь дожидался полного созревания сладкой мякоти под беловато-румяной хрустящей кожицей, за спиной раздался визг бабы Веры:

– Ох, божечки!

Обернувшись, я увидел Тимофеевну, с округлившимися глазами и раскрытым ртом наблюдавшую за моими манипуляциями. Мне пришлось на время оставить зрелое яблоко на ветке и поспешить на помощь медленно оседавшей вдоль стены пожилой женщине. Я привёл её обратно в дом, усадил на первый попавшийся стул и счёл необходимым извиниться:

– Простите меня пожалуйста! Я должен был предупредить, что не ем мяса...

– Ага... мясо... понимаю... – слабым эхом отозвалась Тимофеевна, но неожиданно вскочила со стула и метнулась обратно в сад, к моему яблоку... Конечно, строго говоря, это было её яблоко, ибо оно выросло на её земле.

Мы с капитаном тоже вышли в сад, где и нашли хозяйку, которая рассматривала покрытую весенним цветом ветку с единственным зрелым плодом на конце.

– Это ещё что за чудеса? – вполголоса, с улыбкой, но без особого удивления поинтересовался Андрей. – Ты что, и так можешь?

Пришлось объяснить:

– Да, но делаю не часто... Просто не было времени телепортировать в тропики.

К нашей хозяйке наконец вернулся дар речи.

– Як ты це робишь? – не испытывая ни малейшего интереса к теме телепортации, пролепетала она.

– Контролируя энергетические потоки, Вера Тимофеевна, – обыденным тоном ответил я и наконец осмелился спросить. – Можно я уже съем это яблоко?

Мать великодымерского агронома ошарашенно кивнула и только спросила:

– Які такі потоки?

– Видите ли, уважаемая Вера Тимофеевна, – мягко и вкрадчиво вступил в разговор мой товарищ, искушённый в работе с населением, – там, откуда явился к нам этот молодой человек, люди проводят время, не вкалывая до седьмого пота, а максимально развивая способности своего мозга и тела. А потом захотел яблочко – подошёл к яблоне и сам себе вырастил, когда требуется...

– А картоплю він також може? А буряки? – стала допытываться наша практичная хозяйка.

– И картоплю, и морковку, и бураки, – напевал очаровательный Андрюша, взяв её под локоть и уводя обратно в дом, чтобы дать мне возможность покончить с десертом.

– Це ж скільки можна на продаж виростити? – восхищённо бормотала Тимофеевна, занятая производимыми в уме подсчётами доходов, которые

мог бы принести быстрый урожай, полученный, как ей казалось, без всяких трудозатрат. – І скільки разів на рік можна таке робити?

На свой манер баба Вера была не лишена воображения. Ей уже представлялись аккуратные горки свежих овощей и фруктов, красиво выложенных на базаре в межсезонье, завистливые глаза соседок и приятный шелест денежных купюр в многочисленных карманчиках специального сшитого для базарных дней передника, где для каждого вида банкнот и монет предназначалось своё отделение. Потом ей представился новый свинарник, где красовалась пара дородных хрюшек – мечта, которую Тимофеевна всё не могла осуществить за неимением времени, денег и рабочих рук в хозяйстве... Полёт её фантазии был приостановлен весьма шокирующим утверждением, которым Андрей закончил своё объяснение:

– У них нет ни сельского хозяйства, ни собственности на землю, ни торговли. Не нужно им всё это. С такими талантами можно жить одним днём... – в общем, каждый мечтал о своём. А я, покончив наконец с едой, вернулся в кухню и уточнил:

– Всё правильно, Андрей, но всё же мы предпочитаем употреблять дары земли, созревающие естественным путём в положенное время, а к ускорению роста прибегаем только когда абсолютно нет другого выбора. Вот как сейчас. Я думаю, нам пора поторопиться, если мы хотим услышать речь *товарища* Васюры.

Вежливый капитан поблагодарил хозяйку за вкусный обед и вышел со мной за калитку.

– По-моему, у бабы Веры начался экзистенциальный кризис, – озабоченно предположил Андрей, оглядываясь на крышу дома. – Ей не надо было стереть память?

– Стереть память невозможно, мой друг, это всё ваша фантастика. Можно лишь заблокировать воспоминания гипнозом, – со вздохом отозвался я. Применять внушение к нашей хозяйке мне не хотелось, так как её пронизательный ум мог нам ещё пригодиться. – Думаю, в данном случае и это не нужно. Вера Тимофеевна и так понимает, что рассказу о постояльце со сверхспособностями всё равно никто не поверит, а перспектива прослыть сумасшедшим шеф-поваром чревата потерей рабочего места, – с такими железными доводами капитан КГБ не мог не согласиться.

Выйдя за калитку и оглядевшись по сторонам, мы телепортировали поближе к школе, слегка рискуя быть замеченными в нестандартном способе передвижения, но не имея времени на ещё один пеший переход по пыльным улицам Великой Дымерки.

Глава 15. История вампира, идеальная и реальная

Как только мы вошли в здание школы через парадный вход, к нам тут же подскочила миниатюрная женщина средних лет. Под воротником её белой блузы был продет алый шёлковый треугольник, завязанный спереди красивым квадратным узлом. «Вожатая», – тут же догадался Андрей, мельком вспоминая собственное детство и девушку-выпускницу в точно такой же синей в складочку юбке до красивых округлых коленок, сводивших с ума подростка Пилатова. Подошедшая к нам была много старше, чем вожатая из его пионерского детства – Андрей это понял по мелким, заметным лишь вблизи сухим морщинкам на её лице. Светлые, прямые и чуть жидковатые волосы, как под линейку остриженные на длину, где оканчивался заострённый подбородок и начиналась тонкая шея, бледные губы-ниточки, коротенькие светлые бровки – казалось, бедняжка где-то растеряла краски, точно выгорела на солнце, и лишь большие, бездонные, тревожно-вопрошающие голубые глаза восполняли недостаток цвета на худеньком лице. Одета школьницей женщина задержалась всего на несколько секунд, чтобы, глядя на нас снизу вверх, спросить своим высоким, почти детским, голосом: «Вы по приглашению?» Андрей отрицательно помотал головой в ответ, и вожатая, ни слова ни говоря, отошла и быстро затерялась в хаотичном движении белых рубашек, украшенных красными каплями пионерских галстуков.

Раньше я никогда не видел столько детей! Двухэтажное здание школы жужжало их голосами, как пчелиный улей. Детвора сновала вверх и вниз по лестнице и носилась по фойе, спеша доделать свои дела и делишки до начала сбора дружины. В конце концов треугольные алые капли стали постепенно вливаться в общий поток, двигавшийся в сторону актового зала – просторного помещения, сплошь заставленного рядами сидений, соединённых между собой в довольно громоздкие конструкции по четыре стула. Там и должно было состояться торжество.

Входящих в зал встречало выразительное пение глубокого баритона, перекрывавшее жужжание голосов. Тем не менее, самого певца и близко не было, а музыка исходила из двух расположенных по углам сцены электрических приспособлений.

Этот День Победы
Порохом пропах.
Это праздник
С сединою на висках.
Эта радость
Со слезами на глазах...

Слова песни и голос поющего мужчины, хотя и звучали в записи, взволновали меня почти так же, как игра капитана на рояле в доме дяди Паши. У homo liberatus почти нет искусства – мы наслаждаемся голосами Природы, а плодами своего воображения способны поделиться с кем угодно, не трудясь претворять их в материальную действительность. И самое главное, благодаря доведённому до совершенства обмену мыслями и энергией, нам мало знакомо то состояние переполненности чувствами, вдохновляющими homo sapiens на создание их самых прекрасных шедевров. Острая тоска по недостижимому или утерянному беспокоит лемурианцев крайне редко просто потому, что в мире существует слишком мало целей, которые мы не способны были бы достичь. А печаль от безвременной утраты для моих собратьев – скорее, тема легенд, чем реальность – ведь наши родные и близкие живут по нескольку столетий. Даже лёгкую грусть homo liberatus испытывают нечасто. Все, кроме меня. Вероятно, поэтому песня, рождённая из человеческих страданий, так сильно бередила мне душу. Внутри меня снова что-то перевернулось, и я молча пытался избавиться от комка в горле, предотвратить подступившие так некстати слёзы. Вышло, что человеческая музыка действовала на меня особым образом. В это время капитан Пилатов водил глазами по сторонам, разглядывая публику и вовсе не подозревая, что творилось со мной. Он-то не прислушивался к песне, которую знал наизусть и которая звучала по всей стране в это время года, сколько Андрей себя помнил.

Просторное помещение быстро заполнялось пионерами. Между рядами и входом в зал оставалось немного не заставленного стульями плохо освещённого пространства, и несколько взрослых, явившихся «не по приглашению» стояли рядом с нами, тоже прислонясь к стене, так что мы вполне сливались с группой «непочётных» гостей и не привлекали внимания. В торжественной суматохе никому не было дела до двух чужаков. Пожалуй, единственным, кто мысленно отметил наше присутствие, оказался коренастый рыжеватый мужчина, который переходил с места на место, прицеливая объектив фотоаппарата «Зенит» то в сторону сцены, то на юную аудиторию, щебетавшую в ожидании начала мероприятия. Случайно задев меня, он искренне извинился, лучезарно-обезоруживающе улыбнулся. Бросив на нас быстрый пытливый взгляд, человек с фотоаппаратом про себя удивился прекрасно скроенному костюму Андрея и моей цыганской внешности. И то, и другое было редкостью в тех краях. Так я встретил ещё одного замечательного представителя homo sapiens. Руслан Баталов мне сразу понравился. В каждом движении молодого человека через край была светлая, как солнце, энергия, а готовность её отдавать была даже чересчур

велика. Интерес к новому персонажу отвлек меня от собственных переживаний, и я пообещал себе обязательно найти возможность поближе с ним познакомиться, тем более что, будучи уроженцем соседнего села, Руслан мог нам пригодиться.

От входа в зал внезапно повеяло холодом. В дверях появился высокий старик в ладно сидевшем на стулу худощавой фигуре сером костюме с парой прикреплённых к лацкану медалей. Из-под пиджака его была видна идеально чистая белая рубашка, ворот которой за отсутствием галстука расхотелся в стороны, обнажая острый, как шип, кадык.

Вошедший двигался медленно, не шаркая. Он не пользовался тростью, но выглядел усталым и будто бы не обращал внимания на сопровождавшую его вездесущую пионервожатую, заплывшую назад-вперёд, стараясь выказать уважение известному своей суровостью заслуженному гостю. А тот лишь изредка поглядывал на маленькую женщину сверху вниз, да так презрительно, словно на путавшуюся под ногами собачонку, чем заставлял её нервничать ещё сильнее.

– Неприятный тип, – вполголоса заметил Андрей. – Это и есть Васюра?

– Он, – коротко ответил я. – Энергию сосёт прямо на ходу. Бедная вожатая...

Старик разместился в центре сцены за стоявшим на ней длинным столом, покрытым красной скатертью, и окинул аудиторию неприязненным плотоядным взглядом. «Смотрит на детей как удав на кроликов!» – пронеслось в уме у капитана. Узкие губы бывшего командира карательного батальона скривились в пренебрежительной усмешке, но такое неприкрытое выражение предвкушения поживы никого из присутствующих в зале не удивило: пионеры и их учителя не имели ни малейшего представления об энергетических вампирах, зато о непростом нраве директора по хозяйственной части совхоза «Великодымерский» в селе знали все от мала до велика. Бывало, не слишком старательным сотрудникам даже по морде перепало. Применение рукоприкладства в работе с коллективом было, конечно, не по-советски, но не обученные юриспруденции великодымерские мужики нравы имели простые, казацкие, и «отеческая трёпка» от прошедшего войну ветерана их не обижала, тем более что всегда бывала «за дело». В результате же мордобоя нерадивые неизменно и надолго исправлялись, старались больше, вследствие чего и зарабатывали лишнюю копейку на радость своим жинкам. К тому же, за достигнутые, пусть и с помощью мордобоя, высокие производственные показатели совхоза Григория Никитовича шибко уважали в районной администрации, так что польза была для всех. А если речь шла об интересах села, то в той же администрации Васюра имел ходы и выходы и за словом в карман не лез. В

общем, односельчане были за ним как за каменной стеной, а потому уважали и не заостряли внимания на тяжёлом характере старика и его презрительном отношении ко всему, что движется.

– Дорогие ребята! – пропищала в микрофон вожатая, обращаясь к затихшему залу. – Сегодня на нашем торжественном сборе дружины мы снова приветствуем почётного гостя, нашего односельчанина, ветерана Великой Отечественной войны, ветерана труда Григория Никитовича Васюру!

И вожатая с преувеличенным энтузиазмом захлопала в ладоши. Дети тоже захлопали, но без энтузиазма, а как-то заученно. На заднем ряду подросток с бритым затылком, одетый в мятую, но чистую белую рубашку, наклонился к замаскированному давно не стриженными вихрами уху сидевшего рядом товарища и прошипел:

– Знову про подвиг связиста і про французьких партизанів буде говорити. Щороку одне й те саме! Нудьга!

– Ага! – отозвался взъерошенный веснушчатый приятель. – Скоріше б закінчилося! Мені деду треба накормити. Мамка до міста поїхала. А його на мене залишила на цілий день.

– Спорю, що твій дід Іван інтересніше розказав би, якщо б міг. Про партизанів, – воодушевился парнишка с бритым затылком.

– Да-а... жаль, що він лежить і мовчить, скільки себе пам'ятаю, – согласился вихрастый, вздыхая.

Тут стоявшая у стены симпатичная молоденькая учительница сделала уморительно-гневную гримасу и шикнула на нарушителей дисциплины, погрозив им тонким длинным пальчиком, и те с туповатым выражением послушания на загорелых физиономиях закрыли рты и уставились на сцену. В зале повисла выжидательная тишина. Наконец, Васюра, не вставая со стула, медленно заговорил:

– Я приветствую подрастающее поколение, – сил в старике было на один глоток, его тонкие бледные с синевой губы едва шевелились, а голос скрипел так слабо, что, несмотря на грязно-коричневый цвет его ауры и на эпизод с выкачиванием энергии из суетливой пионервожатой, я на секунду даже засомневался, того ли человека мы разыскали.

– Григорий Микитович! – высокопарным тоном обратилась вожатая к гостю. – Расскажите нам о вашей борьбе против немецко-фашистских захватчиков, чтобы пионеры всегда помнили, какую цену заплатили ветераны за мирное небо над нашими головами.

– Ну что ж... – отозвался старик, притворяясь, что ему требуется время на размышление, хотя он намеревался произнести всё ту же ежегодную речь с лишь небольшими вариациями.

А я приступил, наконец, к своей миссии. По удивительному стечению обстоятельств, мне удалось не только разыскать Васюру, но и явиться в Великую Дымерку в день его публичного выступления – и это давало прекрасную возможность изучить вампира, словно в лаборатории. Я подстроился к сознанию бывшего командира штаба карателей, чтобы сканировать его мысли и воспоминания во время обращения к пионерам. Забегая вперёд, скажу, что результат этого эксперимента превзошёл все мои ожидания!

Старик откашлялся, издав отвратительный каркающий звук, и, медленно, как будто нехотя выпуская слова из узкой морщинистой щели своего рта, начал:

– Ещё до войны я окончил Киевское Военное училище связи, после чего был направлен в Прибалтику на службу по специальности.

До училища связи Васюра совсем недолго работал в школе в родном Чигирине. Способностей к наукам Григорию было не занимать, как и желания постоянно держать кого-нибудь в подчинении. Васюра не знал, откуда бралось такое желание, но оно не покидало его всю сознательную жизнь, а порой становилось таким невыносимо острым, что вынуждало к странным даже для него самого поступкам. В детстве в подчинении у Гриши находился один только пёс Полкан неизвестной породы, которого молодой хозяин тренировал до изнеможения и жестоко наказывал даже за самые малые промахи. Юный Васюра испытывал необъяснимое воодушевление при виде жалко съёживавшегося внушительных размеров животного, прижимавшего морду к земле под ударами своего безжалостного повелителя.

От природы прагматичный молодой вампир понял, что образование – ключ к власти и что семилетки будет недостаточно. Он окончил десять классов, поднажал на математику да языки, особенно немецкий, который был в большой чести между Первой и Второй мировой. Профессия школьного учителя показалась ему самым очевидным выбором, потому что в детстве Васюра постоянно ощущал свою зависимость от учителей, но работа в школе разочаровала Григория: денег там платили мало, возможность подчинять учеников ограничивалась требованиями и правилами совнаркома образования, бить детей строго воспрещалось. А молодому расправлявшему крылья вампиру хотелось острых ощущений. Он бросил заочный педагогический и подался в Киевское Военное училище связи.

– Когда началась война, я уже командовал отделением, – скрипел Васюра. – Наша дивизия находилась в Латвии и участвовала в боях за Лиенаю. Этот небольшой пограничный прибрежный город был важной стратегической позицией. И всё же на момент вторжения фашистов

личный состав нашей дивизии был наполовину не доукомплектован, – голос рассказчика начал крепнуть и в нём зазвучал металл, постепенно вытесняя старческую скрипучесть. – Вдобавок, опытные солдаты срочной службы уволились в запас осенью 1940 года, а вместо них прислали молодёжь, которую до лета сорок первого ещё не успели как следует обучить. Танков хороших тоже не было, и пришлось обходиться лёгкой техникой...

По мере того, как внимание аудитории сосредотачивалось на речи выступавшего, движение невидимой человеческому глазу силы приняло в зале векторное направление. В конце концов, семидесятилетний вампир, как магнит, превратился в центр притяжения биоэнергетических потоков, которые до начала его выступления хаотично кружили по залу. Васюра сделал паузу и с удовольствием оглядел детишек, застывших в оцепенении, словно животные при виде опасной рептилии. Этот мутировавший homo sapiens тем не менее не отдавал себе отчёта в том, что совершал акт вампиризма. Васюра просто знал, что безраздельно прикованное к нему внимание всегда помогало ему почувствовать прилив сил, и использовал своё общественное положение для изыскания любых возможностей это внимание получить. Он осознавал свою власть над залом, смаковал её, подпитывался ею, и было совершенно ясно, зачем этот старик приходил сюда каждую весну... Как у любого человека в глубокой зависимости от внешней субстанции, для вампира не существовало ни жалости, ни стыда, ни любых других человеческих ценностей. Не существовало ничего, кроме жажды и единственной цели – утолить её.

– Рядом с Лиенаей находился истребительный авиаполк, летавший на устаревших самолётах, – продолжал Васюра, всё сильнее и сильнее воодушевляясь. Морщины на лице выступающего разглаживались на глазах – он как будто лет на десять помолодел. – Ожидались новые машины, но их доставить не успели, да и лётчиков в полку тоже не хватало. Говорили, некоторые из них ещё только проходили обучение... Этот авиаполк был разбит при первом же налёте немцев, и Лиеная осталась без поддержки авиации. Противник превосходил наши силы на целую треть, и был намного лучше технически оснащён. Так что положение наше для обороны оказалось не лучше, чем в Брестской крепости, о трагической судьбе которой вы все, конечно, знаете, – на лице вампира промелькнула злобная гримаса, и он добавил, не скрывая осуждения: – В общем, доверчивыми были наши начальники. Не ждали нападения, не готовились... даже несмотря на то, что немцы уже вплотную подошли к границе.

– Как они вообще позволяют ему говорить такое школьникам? – удивлённо шепнул капитан КГБ, имея в виду «антисоветский» выпад

ветерана в отношении армейского руководства. – Надо будет подать сигнал местным коллегам...

Я скептически посмотрел на своего товарища, не подозревавшего о дружбе нашего вампира с «местными коллегами». Но Андрей был прав: в последних словах Васюры сквозила ненависть к власти, вынудившей его, такого неотразимого молодого офицера, воевать за слабую армию. Васюра и по сей день не сомневался, что имел тогда полное право сменить армию на более сильную и отомстить «обидчикам».

Как и капитану, многим слушателям в глубине души было не по себе: в день празднования Великой Победы критика действий советского командования многим показалась неуместной, но в сельском сообществе подобные выпады замдиректора совхоза обычно списывали на обиду на сталинскую власть, «несправедливо» посадившую его «за то, что попал в плен». Некоторые невольно передёрнули плечами от смущения. Светлые ниточки детской энергии всё быстрее направлялись к грязно-коричневой ауре сухощавого старика и исчезали там, словно в чёрной дыре. Я впервые видел акт вампиризма своими глазами. Васюра был настолько силён, что мне и самому, даже находясь в противоположном углу зала, потребовалось выставить энергетический щит, чтобы не оказаться в числе его доноров. К чести своей, Андрей довольно стойко сопротивлялся силе вампира, пока я не сообразил, что надо оградить товарища от донорской повинности, распространив защиту и на него.

Выступавший взял графин со стола, и налил воды в гранёный стеклянный стакан. Теперь рука стареющего вампира была тверда, а движения точны как у молодого. Он залпом осушил ёмкость, словно запивая жирную, приправленную специями пищу, удовлетворённо крякнул и, увлекаясь всё сильнее, продолжал:

– Подвиг связиста не такой заметный, как подвиг солдата на поле боя. Телефонист исправляет повреждённую огнём противника линию – казалось бы, что в этом героического? – и Васюра по-актёрски возвысил голос на риторическом вопросе. – Однако, если эту линию не исправить, нарушится обмен информацией между подразделениями, армия не сможет действовать согласованно. Поэтому от своевременной передачи сообщений часто зависит исход боя, особенно в условиях недостатка сил, – старик сделал паузу и окинул взглядом пионеров, желая удостовериться, действительно ли все они слушают его внимательно. Глаза детей были обращены на выступавшего, но это совсем не означало, что они слушали. Многие из них, к своему счастью, лишь притворялись внимательными, на самом деле думая о собственных ребячьих заботах. Вампир, конечно же, не мог об этом знать наверняка, но подозревал. Раздражённый своей неспособностью

контролировать мысли смирно сидевшей ребятни, он лишь выдохнул с коротким рыком, скорчил недовольную мину и снова заговорил, ещё более драматично: – *Связистам приходилось несколько раз делать вылазки, чтобы найти обрыв проводов, ползти по земле под обстрелом, продвигаясь вдоль проложенного кабеля.* Вот вы тут сидите в безопасности, – он навёл костлявый указательный палец, как пистолет, на сидевших в первом ряду, чем добился, наконец, полного внимания пионеров, которые вытаращили глаза от неожиданности, – а там каждую минуту любой мог быть убит снайпером или шальной пулей! Многие мои товарищи так и погибли. Вначале я находился на командном пункте, но, когда людей стало не хватать, я взял инструмент и сам вышел искать оборванный провод. Там-то меня и контузило, и я потерял сознание...

Старик резко замолчал и ястребиным взглядом уставился на собрание, словно обвинял присутствовавших в своей контузии. Я всматривался в его лицо и прислушивался к его воспоминаниям. До сих пор он говорил чистую правду. Уж кем-кем, а трусом Васюра не был, а я, хотя и стоял на противоположной стороне зала, мог смутно различить одну странную особенность изучаемого вампира: тот уголок его мозга, где у обычных людей рождается страх, не то, чтобы атрофировался, но как будто онемел. Такая мутация у homo sapiens была для меня новостью – а значит и никто из лемурианцев об этом тоже не знал! Странное явление требовало проверки, как на более близкой дистанции, так и на других вампирах – ведь у встреченного мной накануне Сахно всё обстояло с точностью до наоборот: именно страх превратил его в энергетического рвача и скрягу. Как в истинном homo liberatus предвкушение открытия перевесило во мне ненависть к палачу, и я стал наблюдать за Васюрой с ещё большим интересом.

Легко себе представить, сколько энергии теряла армия людей в начале войны из-за тогда ещё слишком мало знакомого страха гибели, и в муках ранений, и в агонии самой смерти! Васюру до сих пор будоражили воспоминания о первом бое, когда ещё совсем молодой вампир испытал такой мощный, доходивший до эйфории прилив возбуждения и такие яркие, ни с чем не сравнимые ощущения, какие ни разу до того дня не посещали его скучающий ум. Так кто-то помнит незабываемо вкусное блюдо, поразившее однажды своей необычностью и новизной, уникальным для одного-единственного шеф-повара собранием ингредиентов; помнит и стремится испытывать полюбившийся вкус снова и снова, до одержимости – и всё же, что-то особое, что-то неуловимое постоянно ускользает, и однажды посетившее наслаждение не приходит, даже несмотря на, казалось бы, в точности повторённый рецепт...

Несомненно, эйфория Васюры в первом бою была вызвана новым для него опытом никем и ничем не ограниченной поживы. Сила, в которую вошли нацисты в сорок первом, открывала для их сторонника неисчерпаемые возможности видеть человеческие страдания и вызывать их самому, но чувство новизны является лишь однажды, и повторить тот день Васюра так не сумел, как сильно ни старался. И всё же именно в погоне за неуловимым коктейлем из острых ощущений он и превратился в зрелого, искусного вампира.

Несколько секунд рассказчик всматривался в зал взглядом орла, выискивающего на земле добычу, пытаясь перехватить хоть что-нибудь похожее на страх его гинувших в бою товарищей – но чувство неловкости от затянувшейся паузы было самым большим страданием, какое могли подарить вампиру выжидательно молчавшие слушатели, юные жители мирной советской деревни. Вот чем Васюре приходилось довольствоваться! Он чувствовал досаду, но не был удивлён. Престарелый «кровопийца» часто жалел, что не остался служить в Иностранном Легионе. Кто же мог предположить, что французы, пострадавшие от нацистов, позволят пытать и карать воевавших против колонизаторов партизан Алжира с не меньшей жестокостью, чем разрешали это делать сами нацисты в Белоруссии в сорок третьем? Кто же знал, что из-за «оттепели» в Советском Союзе пойдёт на убыль страх, буквально витавший в воздухе при Сталине? Да, мир перевернулся...

Раздалась пара жидких хлопков от не выдержавших неопределённости самых младших пионеров, слушавших речь Васюры впервые, но их тут же одёрнули более знающие товарищи, шепнув: «Погоди, сейчас про плен и французских партизан будет рассказывать!» Оратор умудрился услышать этот полушёпот и, метнув пронзительный взгляд на неосторожного ребёнка, продолжил рассказ, надавливая на каждое слово и с удовольствием наблюдая, как голова мальчишки виновато втянулась в плечи:

– Верно, я попал в плен. Раненый. Без сознания, – Васюра выдержал многозначительную паузу. – Оказался в концлагере в местности Ширмек. Там нас заставляли работать на износ и почти не кормили, но я был молод, силён и сумел протянуть до сорок четвёртого.

Это была ложь, сказанная не терпящим возражений тоном. Для *тех* трёх лет в уме Васюры существовало особое гетто, в котором воспоминания жили в виде приключенческого романа, хотя и увлекательного, но как бы вымышленного, не имевшего ничего общего со старшим лейтенантом советской армии, в чьей роли вампир представлялся на встречах молодёжи с ветеранами. Он сочинил про себя другую военно-приключенческую историю, на которую и подменил оригинал так же спокойно, как переставил

бы местами фолианты на книжной полке. Как только разговор заходил об отношениях с немцами, показания Васюры звучали довольно искренне, будто в исполнении незаурядного актёра. И ложь, и ментальные манипуляции доставляли вампиру определённое удовольствие, но значили для него не больше, чем тасование колоды карт.

– Тогда мне с несколькими нашими *братами* удалось бежать во время укладки и починки рельсов, взорванных партизанами. Произошло это недалеко от французско-швейцарской границы. Нам было известно, что поблизости вело борьбу с фашистами французское сопротивление – маки. Мы с товарищами решили совершить побег и влиться в партизанскую войну во Франции...

На самом деле всё происходило вот как.

... Душной июльской ночью в слабо освещённой бревенчатой хате старшины 118-го полицейского батальона шуцманшафта решали, как жить дальше. Нацистская армия безнадёжно драпала, и тем утром полицейским объявили, что через два дня состоится переброс их батальона через Польшу в Пруссию, а оттуда во Францию. Натворившие немало неприглядных дел украинские хлопцы, из которых Васюра был самым старшим по возрасту, сидели за длинным столом, покрытым цветастой льняной скатертью не первой свежести. На столе стояли опустошённые металлические чашки из-под чая, пополнять которые было некому, так как местную службу выпроводили из хаты, чтобы всё сказанное не дай бог не просочилось к немцам. Водки тоже не пили – в тот вечер было не до неё. Обливаясь потом, братья спорили жарким шёпотом на западенском наречии и суржике; некоторые вскакивали, взволнованно жестикулируя, видимо, телодвижениями восполняя невозможность громко материться.

– *На що нам здалися ті Німеччина та Франція? Ми і тут насилу їх розуміли – а там що буде?*

– *Ех, зараз би додому, та хозяйство наладити. Скучили руки по землі.*

– *Та хто ж тобі дасть господарством займатися? Війна ще не закінчилась. У кращому разі, відправлять на фронт. Підставлятися під кулі день і ніч – це тобі не охороняти. З німцями усе ж таки ризик менший...*

– *Але ж вони нас за людей не вважають...*

– *Так! А за кого тебе вважатимуть, якщо ти тут залишишся? «Смерш»* тебе швиденько на чисту воду виведе – і до стінки! А якщо ні, то на фронт, на передову да ще у штрафбат, бо дивись, яка у тебе харя здорова. Що ти будеш робити? По підвалах ховатися? Треба йти з німцями.*

– *А що там робити? Подихати разом із фрицями? Війну вони, вважай, вже програли.*

– *Там побачимо...*

– А що буде з нашими сім'ями?

– Ти думаєш, ти їм дуже допоможеш, якщо тут залишишся? Якщо тебе нема вдома, ти в полоні чи зник без вісти. А так – чим ти займався весь цей час, якщо ти не на фронті, і в списках партизанських загонів тебе немає? Згадай моє слово, у них партизани усі записані. То ж буде тобі вежа**, а рідним тавро*** назавжди. Зникнути на якийсь час треба, і іншого виходу у нас немає, крім як йти за кордон.

Умный Васюра следил за разговором молча, размышляя и не забывая подпитываться энергией, выпускаемой в жарком споре не на шутку трусившими братами. Он был невысокого мнения о своих сослуживцах, особенно о тех, малограмотных, что ныли о мамках и бабках и о возвращении к мирной жизни. Начальник штаба прекрасно понимал, что лучшим выходом было выехать с немцами в Европу – а там будет видно. Только требовалось отправить весточку жене, тем более что его отпуск вскоре после уничтожения Хатыни возымел свои плоды: на руках у Нины была полугодовалая дочь – прямое доказательство их с супругой встречи во время оккупации, что само по себе служило наводкой на его службу у немцев.

«Оставайтесь в Латвии, – написал он жене, – но вы должны переехать куда-нибудь из Лиенаи, до того, как придёт Красная Армия. Возвращаться в Ленинград тебе нельзя, потому что родные тоже начнут спрашивать, откуда ребёнок, если муж пропал без вести. Поселитесь там, где тебя никто не знает, в подробности не вдавайся, а главное, не болтай. Вещи, которые я привозил и высылал, продавай по необходимости. Этого хватит на какое-то время. К письму прилагаю подарок для дочери, надеюсь увидеть её по своём возвращении.

Когда придут красные, постарайся устроиться на работу. С твоим знанием немецкого можно и в школу, и переводчиком – но лучше в школу – там денег хоть и меньше, но легче заработать уважение, а оно тебе пригодится. Все мои письма сожги».

Их батальон двигался на запад по северу Польши, а не через Варшаву, где другая дивизия застряла в боях. Многие вояки из 118-го считали, что им несказанно повезло отсидеться вдали от линии фронта, потому что здесь чуть ли не единственным их неприятелем была жара. За две недели на тридцати железнодорожных составах переправились из Илавы сначала в Германию, а оттуда в Страсбург и далее в Бургундию. Ехали долго и муторно. В офицерском вагоне было чище и просторнее, чем в солдатских, пропахших куревом, потом и сапогами, но всё же и в них стояла невыносимая духота.

Желание украинских хлопцев служить немцам таяло на глазах. Те, кто раньше делали это из страха за свою шкуру, вообще не хотели воевать и согласились идти в Европу только потому, что боялись мести красных. Националисты, воевавшие за свободу, то есть от обиды на раскулачивших их коммунистов, против французов ничего не имели. Васюра же был почти уверен, что, останься он в Союзе, ему удалось бы как-нибудь выкрутиться, но вампира подсознательно манили тревога, то и дело захлёстывавшая сослуживцев, и ужас случайных жертв, с кем удалось бы расправиться в пути. На тот момент двадцатидевятилетний офицер СС уже отдавал себе полный отчёт в том, как сильно человеческие страдания возбуждали и веселили его, хотя причину этого своего пристрастия он так и не понял до самой старости. Такие, как он, его приятель Лукович, командир взвода Мелешко и целая свора туповатых рядовых, шли на запах крови, а на освобождённых от фашистов территориях она уже не стала бы литься всё тем же беспредельным потоком, к которому каратели пристрастились в охоте за партизанами. Вместе с отступавшей армией нацистов вампиры продвигались на Запад, но и там им уже не удавалось пировать, как в Белоруссии, так что служба у немцев в конце концов постыла и «кровопийцам».

А тут ещё выскочил языковой вопрос. Пока болтались несколько дней в Польше, было даже весело. Украинские хлопцы ныряли на базар, где понимали почти всё, что говорили местные, либо по трое или четверо прохаживались с автоматами по деревням и там наскребали съестного и водки. Когда же въехали в Германию, мародёрские радости оказались под запретом, а общаться теперь получалось только друг с другом. Вдобавок, группе старшин зачитали предписание: по прибытии на место назначения отправиться на военную переподготовку. Вместо ожидаемого чувства благодарности к заботливым хозяевам, это вызвало панику среди старшин. В начальство они выбились в основном благодаря своему карательному рвению и умению договариваться с братами, а не образованию, так что эти командиры так и не овладели языками и отделяться от своих на чужой земле побаивались.

Васюра наблюдал за душевными метаниями подчинённых с интересом. Его-то проблема языка не особо волновала – начальник штаба знал и русский, и украинский, и немецкий, немного понимал по-французски. Когда доехали до Франции, его даже снимали на день с поезда и на специальной машине возили помогать на допросе.

Красавца, украинского офицера, грамотно говорившего по-русски, привезли, чтобы он очаровал молодую соотечественницу, бывшую манекеницу, которая оказалась урождённой русской княгиней и

антифашистской подпольщицей. Его задачей было выпытать всё, что можно, о её дружках-маки и, в идеале, убедить сотрудничать с немцами. Такую вот неожиданную инструкцию начальник штаба украинских карателей получил перед тем, как войти в допросную. Роль доброго следователя до сих пор не бывала частью вампирского амплуа – Васюра получал намного больше удовольствия, орудуя шомполом. Приходилось рассчитывать, что сработает маска неотразимого мужчины, которая в своё время так сильно впечатлила юную Нину. Но Вики, жена русского князя в эмиграции, выросшая в Париже, окатила почти-соотечественника леденящим аристократическим презрением, так что Васюра вынужден был отойти в угол комнаты, чтобы унять некстати нахлынувший приступ бешенства. А немецкий следователь тем временем задал, казалось бы, резонный вопрос:

– Я не понимаю, почему вы сопротивляетесь Германии, которая ведет борьбу с коммунистами? Ведь это из-за коммунистов ваша семья потеряла положение в обществе и вынуждена была уехать из России.

А дочь русских эмигрантов ответила всё с тем же дворянским достоинством:

– Цель, которую вы преследуете в России, – разрушение страны и уничтожение славянской расы. Я русская, хоть и провела всю свою жизнь во Франции. Я не предаю ни своей родины, ни страны, меня приютившей, – последнее больше всех адресовалось горящим глазам Васюры, с ненавистью устремлённым из угла допросной на покрытую синяками и кровоподтёками княгиню-манекеницу.

Демонстрация безрассудного героизма была вампиру не в новинку, потому что Белоруссия кишела преданными родине партизанами. Для него такие вот патриоты были кем-то вроде юродивых. Эти «идиоты», ценившие идею превыше собственной жизни, слишком хорошо контролировали свой страх, чем вгоняли Григория в мучительную жажду, которая выражалась в томительном до бешенства чувстве неудовлетворённости. Не участвуя в природном обмене энергией, вампир не подозревал, что причина любви здорового человека к родине кроется в генетической связи живого существа с энергией дома. Васюра, словно хищник, который в порыве охотничьего азарта когтями выцарапывает добычу из её убежища, обычно впадал в раж в стремлении заставить этих дураков страдать и бояться. На допросе во Франции, в силу своего подчинённого положения и навязанной ему непривычной роли, он ни добился показаний от Веры Оболенской, ни даже заставил её страдать. И все эти годы тот день, как ноющая заноза, сидел в памяти вампира...

Шуцманов привезли во Францию не для участия в боях, а исключительно для охраны и борьбы с партизанами. Предполагалось, что в Бургундии полицейские продолжают в том же духе, что и в Белоруссии, но командование совершенно закрыло глаза на настроения вояк. То ли начальство отказывало наёмникам низшей расы в сложности чувств и мотивации, то ли думало, что страха перед мстостью Красной Армии было достаточно, чтобы удержать предателей на своей стороне, то ли в преддверие конца нацисты просто зарыли головы в песок – так или иначе, они серьёзно недооценили хохляцкую гибкость и смекалку.

В свою очередь, французы отнеслись к украинцам вполне доброжелательно, особенно когда поняли, что те не горят желанием воевать за проигрывавшую армию. Вскоре по прибытии в Бургундию, агент сопротивления под прикрытием предложил соотечественникам Васюры перейти на сторону маки. Тут среди братьев особых споров не возникло, так как шуцманы уже давно затаили обиду на хозяев: и за то, что те держали их за людей второго сорта, и за то, что, действительно, заставили ремонтировать железную дорогу, словно пригнанных насильно рабов, и за обещание разлучить их с товарищами. Да и мысли о будущем тревожили предателей родины. Сражение на стороне французского сопротивления давало надежду на прощение. «Несколько украинских братьев», а именно вся 30-я гренадёрская дивизия СС, ночью 27 августа 1944 года покинула дислокацию немцев. Если хочешь, чтобы твоей лжи поверили, рассказывай часть правды. Именно это событие лежало в основе сказки, которую Васюра уже который год рассказывал пионерам:

– Около половины третьего ночи мы углубились в лес. Дальше всё пошло не по плану. Мы плохо знали местность и свернули не на ту дорогу. Разминулись с ожидавшими нас французами – агентами маки, с которыми нам удалось связаться через своего человека в немецкой охране. Мы блуждали по окрестностям несколько часов, пока не вышли, наконец, к селу, где один из связанных с подпольем местных жителей помог нам найти партизан, – Васюра снова налил воды из стеклянного графина и, выпив залпом, продолжал: – Французское сопротивление вело борьбу не менее опасную, чем белорусские или украинские партизаны. Можно сказать, борьба эта была интернациональная: в ней участвовало так много наших с вами земляков, что из них формировали целые отряды. Нас зачислили во второй украинский батальон имени Тараса Шевченко. Где бы ты ни служил, у тебя очень ограниченный круг общения. Ты знаешь тех, с кем непосредственно взаимодействуешь, а остальных – нет. Так что получилось, что мы общались только со своими земляками, а иметь дело с французами приходилось редко. Большинство украинцев почти не знали

языка, так что это было даже хорошо, – здесь Васюра снова воспользовался правдой.

Кого только не было в армии французского сопротивления! Но, выбрав меньшее из двух зол, бывшие шуцманы старались держаться вместе, никем и ничем не интересуясь, кроме самих себя и собственного благополучия, впрочем, как обычно. Далее в рассказе вампира следовал пассаж, заученный из интервью с белорусским партизаном, много лет назад напечатанном в одной газете. Суть партизанской войны одинакова во все времена, так что эта часть рассказа всегда проходила на ура несмотря на то, что на самом деле Васюрин опыт в роли бойца невидимого фронта был гораздо меньше опыта истребления таких бойцов.

– Вначале велась, в основном «рельсовая война», – нагло врал он. – Подрывали эшелоны, доставлявшие немцам оружие и продовольствие; уничтожали водонапорные башни на железнодорожных станциях – то есть делали всё, чтобы усложнить жизнь противнику. Одновременно наши ребята активно изучали карты местности. Кроме того, овладевали новыми видами французского оружия. Одним словом, осваивали всё, что могло бы нам пригодиться в тылу врага, – украденное из старых газет ничего общего не имело с подлинной историей «ветерана». *Дело в том, что 2-й украинский батальон имени Тараса Шевченко создали 27 августа и расформировали 28 сентября 1944 года, так что у братьев не было не только желания, но и времени для партизанских подвигов на новой местности.* – Едва мы познакомились с положением и обстановкой, как уже на третий день нам пришлось участвовать в одной нелегкой операции. Нам предстояло подорвать железную дорогу, которая находилась в семидесяти километрах от нашего основного места дислокации. Это расстояние мы преодолели пешком в течение суток. Забрали всё необходимое для выполнения операции: боеприпасы, взрывчатку и многое другое, и с наступлением темноты отправились в путь. Нас на это дело пошло около семидесяти человек партизан. Через полтора суток, не доходя двух километров до станции, мы приблизились к железнодорожному полотну.

«Вот так, – уже в который раз подумал вампир. – Побольше цифр! Цифры всегда звучат убедительно». И продолжил вслух:

– Когда мы прибыли на место, нас обо всем очень хорошо проинструктировали... – тут Васюра сделал паузу и со скрытой насмешкой оглядел аудиторию. Будь слушатели повнимательнее, они наверняка подивились бы, кто и на каком языке мог подробно инструктировать украинских хлопцев в Альпах – но ни пионеры, ни даже их наставники явно не отличались пытливостью ума и просто глотали за уши притянутую ложь «ветерана». На лице Васюры промелькнул оскал, похожий на довольную

ухмылку. Никто не мешал ему насыщаться энергией. – Каждый из партизан получил конкретное задание и знал, что и как ему следует делать. В операцию оказались вовлечены также железнодорожные сторожа, которые после выполнения этого задания влились в состав нашего партизанского отряда, – опять же, за все годы, что Васюра кормил пионеров этой байкой, никто ни разу не задумался, как сторожа-французы влились в отряд не владевших языком украинцев! – Военная охрана железнодорожного моста была нами своевременно изолирована. В результате всего этого мы могли беспрепятственно действовать на протяжении более чем двух километров.

Бывший начальник штаба нацистского карательного батальона не подозревал о присутствии в зале чужаков, да и не беспокоился о такой возможности. На старости лет вампир совсем перестал осторожничать. А между тем, кроме капитана Пилатова, находившегося в поле моей энергетической защиты и потому при каждой несостыковке в рассказе Васюры удивлённо вскидывавшего брови, в зале был ещё один сомневающийся. Не каждый год на сборе великодымерской пионерской дружины присутствовали газетчики, но в честь юбилея Великой Победы из района прислали журналиста для репортажа о встрече ветерана с подрастающим поколением. Руслан отправился в сельскую школу по чистой случайности, вместо заболевшего товарища и даже без ведома начальства. С самого момента своего явления в актовом зале Васюра вызвал у него безотчётную, но сильную неприязнь, и репортёр, хотя интуитивно, но довольно надёжно оградил себя от поползновений вампира. А тот, привыкший годами безнаказанно дурачить односельчан, мысленно поздравлял себя с очередным успешным выступлением и с невозмутимой наглостью продолжал украденный рассказ без единой ссылки на оригинал:

– Надо сказать, наши действия по подрыву железной дороги оказались хорошо организованными. Людей расставили так, что минирование и поджог зарядов проходили по одновременной команде по всей длине объекта. На операцию было отведено не более получаса времени, но, несмотря на такое ограничение, враг нас все равно обнаружил. Поэтому минирование проходило под обстрелом противника, который вел по нам огонь с ближайшей станции. Мы пропустили один эшелон, затем сумели заложить взрывчатку под стык рельсов и взорвать четыре снаряда. План операции был хорошо продуман, что обеспечило нам отход. Через очень короткое время все партизаны явились в назначенное место сбора. Задание мы выполнили успешно, хотя к исходу операции не досчитались двенадцати своих товарищей. Они погибли в боях с врагом. Также у нас были и раненые. Впрочем, противник в эти дни понес потери в четыре раза больше, был выведен из строя большой участок железнодорожного пути и взорван мост.

В результате железная дорога находилась в нерабочем состоянии очень продолжительное время! Впоследствии мы узнали, что на операцию тогда вышли все партизанские отряды близлежащих районов, – вампир закончил патетически громко, уже сильно переигрывая, а его паства совершенно притихла. Васюра снова налил себе воды, на этот раз сделал лишь один глоток, прищурился и всмотрелся в зал. Когда новая гнетущая пауза стала невыносимой для всех, кроме самого ветерана, он требовательно зыркнул на несмело жавшуюся на углу президиума и не решавшуюся подать голос вожатую, да с таким презрением, словно та была одной из куриц, бестолково ошивавшихся по окраинам Дымерки. Маленькая женщина встrepенулась и торопливо прокудахтала вопрос, предусмотренный годами не менявшимся сценарием:

– Григорий Микитович, а как выглядали ваши партизански будни? – будучи в полутрансе, как и большинство слушателей Васюры, она забыла перейти с языка своих мыслей на литературный и выпалила всё на суржике.

Вампир одарил её деланно-поощрительным оскалом и с нажимом, без запинки, произнёс готовый, повторяемый уже много лет подряд, ответ:

– Жизнь в партизанском отряде была беспокойной. Нам не раз приходилось сталкиваться лицом к лицу с немецкими автоматчиками. И хотя перевес зачастую оказывался на стороне вражеских сил, мы, партизаны, выходили из боя со сравнительно малыми потерями, – Васюра сделал судорожное, вовсе не вязавшееся с уверенным тоном его речи, движение подбородком вперёд, словно его тонкие скулы норовили вырваться вон из выбритой до синевы сухой кожи. Казалось, голос и лицо говорящего жили отдельно друг от друга, что производило жутковатое впечатление на детей. – С питанием тоже дела обстояли не всегда гладко, – продолжал пересказывать чью-то историю самозванец. – Собирали фрукты и ягоды. Также охотились с помощью ружей, но старались это делать как можно реже, чтобы немцы не могли услышать ружейные выстрелы в горах и нас обнаружить. Но если мяса иногда удавалось добыть, то хлеба и соли не видели по многу дней. Почему? Потому что все это было очень трудно получить. Ведь мы не могли стоять на одном месте столько времени, чтобы принять груз, сброшенный с самолета. Да и заброской с самолёта невозможно было снабдить питанием такое число бойцов. Достать же продовольствие на месте оказывалось трудно, тоже по причине большого количества партизан, хотя местное население и принимало нашу сторону и много помогало. А немцы боялись каждого куста, – тут Васюра, крикнув, усмехнулся, вспоминая своих трусоватых сослуживцев, вроде Сахно. – Они имели возможность двигаться только днем, по большим дорогам. В тех же местах, где дислоцировались немецкие подразделения, им угрожали

постоянные неприятные сюрпризы с нашей стороны. Свое местонахождение они всегда минировали и огораживали колючей проволокой. Но наши люди духом не падали и продолжали громить врага на каждом шагу. Причем делали это с малыми потерями для партизан и с большими — для противника.

Тут вожатая захлопала с показным восторгом, приглашая пионеров восхищаться смелостью и находчивостью и всех партизан, и гостя, в частности. Слушателям ничего не оставалось, как последовать её примеру, а Васюра, наконец, покончив с цитатами выбранных из газет партизанских баек, завершил рассказ той долей правды, которая вот уже сорок лет вполне надёжно маскировала его преступления против людей и Природы:

– Четвёртого сентября 1944 года мы готовились занять дорогу Море – Понтарлье. Лейтенант Фёдоров и полковник Пети обсуждали план будущего наступления на Понтарлье. Ночь прошла беспокойно. Ведь каждый из нас знал, что рано утром нам предстоит бой. Но партизаны хорошо подготовились к встрече с врагом. Раненые были доставлены в безопасное место. Немцы были вооружены легкими танками, артиллерией, минометами и пулеметами. У нас же, партизан, ничего не имелось кроме гранат и автоматов. В отношении живой силы противник превосходил нас в три раза. За день нам пришлось отбить три атаки. Когда мы наконец, отбили третью по счету, то отошли в глубь леса, где находилась остальная часть отряда вместе с ранеными. Причиной такого нашего спешного отхода явилось не то, что не было сил удерживаться, а то, что эта позиция нас в дальнейшем не устраивала. К концу дня пятого сентября третья сотня лейтенанта Фёдорова и войска французских партизан освободили город и захватили в плен около трёхсот немцев. В этом бою погиб солдат Бронислав Лужинский, тяжело ранены были младший сержант Лукинюк и рядовой Михаил Токарь,

«В первый раз имена назвал!» – отметил про себя капитан Пилатов.

– Девятого сентября первая и вторая сотни Негребецкого освободили Дамблен. После войны местные жители установили памятник в честь освобождения города, – Васюра снова сделал странное движение подбородком. Он жалел, что никогда не видел этого памятника. – Двенадцатого сентября сотня Фёдорова вместе с сотней французской армии, попав в немецкую засаду у Мошама, приняли бой. Они оказались в тройном кольце окружения, которое сумели прорвать с большим трудом только спустя двое суток. Фёдоров командовал отступавшими войсками. Восемь солдат нашего батальона получили награды от французского командования, а двадцать восьмого сентября французы расформировали батальон по просьбе советского посольства, – если бы слушатели

осмелились, они бы ясно слышали ненависть в голосе ветерана. – *Шевченковцы, сдав оружие, отправились в Марсель. Французские власти предложили бойцам либо остаться в Иностранном Легионе, либо вернуться в СССР. Сто шестнадцать человек вернулись на родину,* – оратор сделал короткую паузу и, скривив губы, про себя добавил: *«А значительно большая часть ушла служить во Французской армии!»* – Так в конце 1944 года закончилась наша партизанская жизнь... – лицо Васюры перекопилось, и он заключил уже совершенно ледяным голосом: – Что было дальше – это уже история не про войну. Спасибо за внимание, – прищурил глаза и умолк.

Юные и взрослые слушатели, в продолжении речи вампира томившиеся, будто придавленные тяжёлым прессом, тоже оставались безмолвными ещё пару мгновений. Затем все стал аплодировать, а сорокалетняя вожатая в пионерской форме подскочила к Васюре и поспешно подала ему букет красных цветов с грубовато зазубренными, словно вырезанными из бумаги, лепестками и небольшую коробочку, тоже красную. Визгливым от старания быть всеми услышанной голосом женщина пропищала:

– Спасибо, Григорий Никитович, за ваш интересный и поучительный рассказ! Родина никогда не забудет вашего подвига и подвига ваших однополчан, погибших в боях на нашу Советскую Родину! Разрешите вручить вам этот памятный подарок в благодарность за мирное небо над нами! – она передала букет и красную коробочку бывшему палачу белорусских деревень и тоже захлопала в заполошном восторге. Снова включили песню «День Победы» и на сцену начали выходить лучшие ученики школы, удостоенные чести поздравить ветерана. Все они вручали ему одинаковые букеты гвоздик, а Васюра купался в этих лучах признания с застывшим, как камень, лицом. На самом деле его мутило от неистового желания свернуть шею парочке красных галстуков. Меня тоже выворачивало наизнанку – от отвращения.

– Буду снаружи, – бросил я Андрею, махнув рукой в сторону выхода. Я с трудом дождался момента, когда, наконец, удалось попасть на свежий воздух, отошёл от крыльца и прислонился к дереву, которое росло метрах в пятидесяти от парадного входа.

Что же теперь? В течение почти целого часа я смотрел на мир глазами вампира, сделавшего меня сиротой. Словно побывал в аду. Воспоминания мутировавшего homo sapiens, увлечённо издевавшегося над себе подобными, жгли душу, словно они были моими собственными. У меня кружилась голова от соблазна раздавить его, как вошь, здесь и теперь. Я тяжело дышал, старался овладеть собой, но вместо этого неотвратимо терял силы и впервые в жизни ничего не мог с этим поделать! Я чувствовал себя больным и начинал понимать, что так и сам рискую стать жертвой вампира.

Не в силах удержать покидавшую меня энергию, я направил её в молодой дубок с ещё только набухавшими почками, который обнимал обеими руками, – и дерево в считанные секунды выпустило красивые резные листья и покрылось зелёными желудями.

– Вам плохо? – спросил кто-то за спиной.

Я обернулся и встретил пронизательный взгляд человека с фотокамерой.

* Смерш (сокращение от «Смерть шпионам!») — название ряда независимых друг от друга контрразведывательных организаций в Советском Союзе во время Второй Мировой войны.

**вежа – вышка (укр.)

***гавро – клеймо (укр.)

Глава 16. Логово

Руслан Баталов был наблюдателен, как все хорошие журналисты – потому и оказался единственным с крыльца школы заметившим, как голые ветки дуба прямо на глазах закудрявились летней зеленью. Давая волю любопытству, он направился к дереву, которое продолжало выпускать листья и жёлуди стремительно, будто при сжатой съёмке. Подойдя поближе, Руслан увидел уже знакомого ему по актовому залу молодого человека цыганской внешности, привалившегося к дубу с закрытыми глазами, точно в полуобмороке, и тут же позабыв о чудесах природы, подбежал ко мне и, взяв за плечо, спросил:

– Что с вами? Вам плохо? Может, скорую вызвать?

– Нет, нет, я в порядке... спасибо.

Я открыл глаза и отрицательно покачал головой, но не сдвинулся с места. Несколько секунд Руслан стоял в нерешительности, не снимая руки с моего плеча. Он не желал оставлять, как ему казалось, беспомощного человека. И от такого участия я начал приходить в себя, восстанавливаться. Молодой homo sapiens был полон сил и отдал мне часть своей энергии так легко, словно выступление Васюры никак на него не подействовало – и это было самое любопытное!

– Какой-то упадок сил вдруг случился после речи ветерана, – признался я, а Руслан посочувствовал:

– Я видел вас в зале. Вы же всё время простояли на ногах, а там душно было! – он похлопал меня по плечу и добавил: – Да и Васюра этот... тяжёлый. На детей смотрел как удав на кроликов. Прямо вампир какой-то!

Я чуть не подпрыгнул от неожиданности и воскликнул:

– Интересное сравнение! – Руслану, конечно, было невдомёк, что моё удивление относилось к его прозорливости, а не удачной метафоре. Баталов явно был, как говорят homo sapiens, свой человек, но спешка с «инициацией» работника средств массовой информации могла вылиться нежелательные для миссии последствия. Даже не в пору зазеленевшее дерево было досадной неловкостью с моей стороны. Нельзя было использовать свои способности так близко от человеческой толпы! Поэтому я лишь забросил пробный шар: – Главное, что большая часть им рассказанного – враньё.

– Как это? – опешил Руслан, и в его живых серых глазах затеплился профессиональный живчик.

– Очень просто. Васюра служил у нацистов в полицейском батальоне и командовал сожжением Хатыни.

У моего собеседника отвисла челюсть. Васюра был личностью известной. Его уважали не только в Дымерке, но и в районе. Руслан сел на травку под дубом, скрестив ноги, и, пытливо глядя на меня снизу вверх, спросил:

– А доказательства?

– Доказательства есть, – сообщил я, избавляясь от обуви и опускаясь на землю рядом с ним. – Вон идёт Андрей Пилатов, капитан КГБ. Мы вместе ведём расследование...

– Пока что неофициальное, – закончил за меня Андрей, поравнявшийся с нами и быстро сообразивший, о чём разговор.

– Знакомься, это Руслан Баталов...

– Журналист, – опять закончил за меня Андрей, который почему-то был в прекрасном настроении.

Наш новый знакомый, удивлённо переводя глаза с меня на капитана, воскликнул:

– А как вы узнали моё имя? И что я журналист? На мне ведь не было опознавательного знака! – надо сказать, отправляясь в великодымерскую школу для небольшого «дежурного» репортажа, Руслан решил не надевать свой значок, а поработать тихо, без помпы, поскольку некоторые молодые учительницы и так знали его по танцам в сельском клубе, куда он в своей собственной школьной юности регулярно сопровождал девочку Аню. Всё это, казалось, происходило в другой жизни... Теперь же Баталов мечтал сделать репортаж века, а не ошиваться по пионерским сборам. – Я что, тоже часть расследования?

Мы с Андреем хмыкнули в унисон:

– Пока нет, – успокоил его мой спутник. – Просто кто же ещё стал бы бегать по залу с дорогой камерой во время мероприятия?

– И имел бы такую защитную броню против вампиров! – полушутливо добавил я и применил недавно приобретённый человеческий навык, то есть соврал: – А имя ваше известно из газет, – на лице бедняги растерянность сменилась подозрением. У Баталова была прекрасная интуиция, и он чувствовал, что со мной «что-то не так». Я тут же попытался убедить его в обратном: – Не беспокойтесь, мы не психи, и он действительно капитан КГБ.

Андрей проиллюстрировал мои слова: вынул из внутреннего кармана пиджака корочку и держал её на уровне глаз Руслана до тех пор, пока тот не вздохнул с облеганием.

«По крайней мере, капитан КГБ должен быть нормальным!» – подумал он, а я представился:

– Меня зовут Ян. Я родом из Белоруссии, и это дело касается моей семьи.

– Хорошо, ребята, – заговорил, наконец, наш новый знакомый. – Другие вопросы потом. Какие всё-таки есть доказательства того, что Васюра служил у немцев? – сознание того, что наклёвывалась сенсация, уже начало свербеть в мозгу журналиста, как неуёмный буравчик, заглушая все другие мысли.

– Да полно доказательств, на самом деле! – воскликнул Пилатов. – В судебных процессах над предателями, проходивших в семидесятых, есть показания не только Васюриных сослуживцев, но и его собственные, где он открыто признаётся в сотрудничестве с фашистами. Сам Васюра, в отличие от многих свидетелей, не упоминает, что занимал командную должность в полицейском охранном батальоне, который нацисты использовали для охоты на партизан. Одно неясно: почему этим показаниям не дали ход?

– Действительно, это очень странно, – согласился внимательно слушающий капитана Руслан. – А бумаги, то есть протоколы – где?

– Протоколы лежат, где им положено – в архиве, но у нас есть копии, – и Андрей потряс папкой с фотоснимками, которую всё время таскал с собой.

– Та-а-ак... – сказал Руслан, потирая руки. Он на минуту задумался. Никто его не торопил. – Если вы правы, вывести этого гада на чистую воду – святое дело! Вот только действовать надо очень осторожно – у Васюры полно дружков среди местного начальства...

– То же самое говорит мой дядя, – согласился Андрей и сел на травку напротив нас, рискуя испортить шикарный пилатовский костюм.

– А кто у нас дядя? – поинтересовался журналист.

– Полковник КГБ, в отставке, – с нескрываемой гордостью объяснил молодой офицер.

– А... – иронически крикнул Руслан. – Ну, тогда дядю надо слушать! Что же ещё дядя советует?

– Посетить логово вампира и разведать его тылы, – прервал я начавших было хорохориться, как молодые петушки, собеседников. – Я думаю, нам

следует разделить... Кстати, Андрей, расскажи нам, что это тебя так распирает?

И капитан, наконец, разразился повествованием:

– Ну, после мероприятия, я решил познакомиться с директором школы...

– Напрасно ты это... – вставил я, покачав головой. Было бы лучше не болтать направо и налево об истинной цели нашего появления в Дымерке.

– А вот и не напрасно! – возразил он. – Старшая дочь Васюры в школе завучем трудится – и совершенно очевидно, что коллектив школы большой любви ни к ней, ни к её папаше не питает, так что директор особо не запирался, даже несмотря на неофициальность нашей беседы. И да, он обещал о нашем разговоре не распространяться, так что не волнуйся, – бросил капитан в мою сторону. – Так я и узнал, что отец завуча проворачивал разные делишки со стройматериалами, пока возводили школу и сельсовет. Говорят, у Васюры дом огромный в селе.

– Ну, у директора школы тоже дом ничего себе! – заметил Руслан. – Это он за что-то другое на Васюру в обиде. Или на дочку, раз она у него завучем... Ты это всё за полчаса у директора школы выудил?

– Ага! – капитан утвердительно кивнул и самодовольно улыбнулся. – Накипело, видно, у мужика, а делиться с местными властями он не рискует – боится Васюриных дружков.

– Понятно... Вот что значит – органы! – с завистью сказал журналист. О Васюре он был наслышан, но познакомиться лично всё как-то не было повода. К тому же любознательность репортёра в отношении руководителей какого бы то ни было уровня не слишком поощрялась начальством – чаще всего главный редактор делал страшные глаза и шипел: «Не лезь!»

– Это ещё не всё, – продолжал Андрей. – Выхожу я из кабинета директора – а он находится рядом с учительской – и слышу, как две училки сплетничают в коридоре. Я притворился, что рассматриваю доску почёта, и вот что услышал. Одна говорит: «Васюру в военкомате обошли орденом Отечественной Войны – так он аж взбесился! Медалей-то у него негусто!» А другая отвечает: «Какой орден? Он же сидел!» А первая ей: «Ну, говорят, сидел только за то, что попал в плен... Это уже давно забыто. В общем, старик возмутился и отправил требование, чтобы его тоже наградили. Даже заставил председателя колхоза характеристику накрапать»... А характеристика эта у нас уже на руках! – весело закончил капитан.

– И что? – не понял Руслан.

– Ну как же! – Андрей вскочил на ноги и стал ходить по траве взад-вперёд, возбуждённо жестикулируя. – Ты же сам говорил, что у Васюры – связи, так?

– Ну да... – в один голос отозвались мы с Русланом.

– А в военкомате офицеры служат!

– Ну? – опять не понял журналист.

– Баранки гну! – и молодой Пилатов скорчил надменную рожу. – На пенсию они уходят в сорок пять лет!

Наконец, Руслан начал догадываться, куда клонил капитан:

– Если у Васюры и были там знакомые десять лет назад, их уже сменили более молодые, с которыми связей он мог и не наладить.

– Молодец, Андрей! – похвалил я, про себя отметив, что сам я такой детали учесть просто не мог бы. – Думаю, это отличный шанс!

– Ребята, возьмите меня в команду! – взмолился Руслан. – В броварском военкомате я бывал не раз. Как журналисту мне будет легко там сориентироваться и с нужными людьми связаться, а вас не светить, если ваше расследование неофициальное – до поры до времени, я надеюсь...

Мы с капитаном переглянулись, и Андрей, которому Баталов был тоже симпатичен, ответил:

– Валяй, присоединяйся!

Из-за праздников, часть операции, которую Руслан предложил взять на себя, откладывалась до понедельника. Мы отдали ему копии протоколов из белорусского архива, что привело журналиста в неописуемый восторг. Было решено, что за выходные он ознакомится с материалами из папки, а в понедельник посетит военкомат.

– Это будет просто бомба! – задорно приговаривал Руслан, пробегая глазами содержимое папки. Он отправился на станцию, чтобы успеть на следующий поезд. Уходя, журналист обернулся, помахал нам рукой и, окинув взглядом кучерявую крону дуба, снова подумал: «Странно, всё-таки!», к счастью, никак не связывая столь раннее появление желудей с нашим присутствием. Через минуту он опять погрузился в обдумывание тактики и стратегии нового расследования.

Капитан Пилатов, заметив, куда посмотрел уходящий, тоже задрал голову, ухмыльнулся и сказал весьма обыденно:

– О! Жёлуди! Твоя работа?

– Это случайно получилось, – объяснил я.

– А он?..

– Видел, но не понял. Проблемы человечества для него гораздо важнее парадоксов Природы.

– Ну и ладно, – довольным голосом заключил Андрей.

Мы вернулись на квартиру, чтобы поподробнее расспросить бабу Веру о Васюрином банкете. Не застав уже отправившуюся на вечернюю подработку хозяйку, решили разделиться: я собрался поближе изучить самого вампира, а Андрей отправился к дому Васюры, чтобы встретиться с его семьёй. Всё, что там произошло, я после узнал из воспоминаний

капитана Пилатова. Этот визит оказался судьбоносным для него и ещё одного человека.

Логово вампира окружал высокий забор из листового железа, выкрашенного бордово-коричневой краской. «Прямо бункер какой-то!» – подумал Андрей, приблизившись к ограде дома Васюры. Ворота для въезда и калитка для входа тоже были железными и выглядели неприступно. Дом полностью находился внутри двора, так что видна была только верхняя часть передней стены, сложенной из такого же белого кирпича, как сельсовет и школа, да ещё покрытая серой черепицей крыша с мансардным окошечком.

Андрей нажал на кнопку электрического звонка над калиткой и стал ждать. Никто не открывал. Он надавил на кнопку ещё и ещё раз. Наконец, из глубины двора послышался стук распахнувшейся двери, а ещё через минуту щёлкнул засов, и возникшее в проёме приотворившейся калитки видение как громом поразило капитана Пилатова.

На него снизу вверх вопросительно уставилось хрупкое существо лет двадцати – двадцати двух с глубокими и грустными золотисто-карими глазами, в простеньком белом ситцевом платье, чистом, но явно не успевшим встретиться с утюгом. Это была младшая дочь Васюры. Она раскраснелась и запыхалась, очевидно, выбежав из дома в сильной спешке, так что прядь её светло-пепельных вьющихся волос выбилась из-под пластмассового домашнего обруча и падала вдоль виска на миниатюрную шею, от чего девушка показалась Андрею особенно трогательной и беззащитной. Несколько секунд Люба недоумённо и как будто разочарованно изучала потерявшего дар речи незваного гостя после чего нетерпеливо спросила:

– Что вам угодно? – её голос и движения источали уверенность и решительность, не вязавшуюся с такой subtilной внешностью, да и форма вопроса, неожиданная в устах украинской сельской дивчины, удивила офицера КГБ. Наконец сообразив воспользоваться удостоверением личности, мой товарищ ответил:

– Капитан Пилатов... Андрей.

Люба, не взглянув на корочку, впустила незнакомца внутрь двора и, сделав приглашающий жест, побежала обратно в дом. Посетитель легко догнал её, благодаря своим широким шагам. Несмотря на не совсем понятную для него спешку, от внимания капитана не укрылась зажиточность вампирова логова, значительно более откровенная внутри дома, чем снаружи. Все ведущие в многочисленные комнаты двери были из орехового дерева с недавно вошедшими в моду вставками из матового стекла. Ковры

лежали везде, даже в прихожей, а на оклеенных дорогими обоями стенах висело несколько изысканных гравюр, столь же неожиданных в обстановке дома работника совхоза, пусть даже и начальника, что и столичное обращение его дочери.

– Я уж подумала, что скорая из района так быстро добралась, – на ходу объяснила своё разочарование девушка едва поспевавшему следом капитану. Не интересуясь целью визита, она указала ему на открытую дверь в большую, обставленную добротной мебелью комнату на нижнем этаже и скомандовала: – Вам придётся обождать. У мамы опять приступ!

– А что с ней? – сумел, наконец, вставить Андрей. Он не пошёл в гостиную, а продолжил подниматься за девушкой по лестнице, в мезонин, где умирала жена Васюры.

– Рак... Мучается очень. Не могу её оставить. Эти двое умелись на свой сабантуй, – Люба имела в виду отца и сестру. Остановившись на несколько секунд перед дверью в комнату под самой крышей, она повернулась к Андрею и, видя, что он тоже собирается войти к больной, подняла на него полные тревоги глаза с расширенными зрачками и глухо добавила: – Так что даже хорошо, что вы пришли. Страшно тут одной.

– А я как раз хотел с вашей мамой поговорить... конфиденциально...

– Какие разговоры? – гневно прошипела Люба. – Говорю же, плохо ей!

– Понимаю, – миролюбиво отозвался капитан, а сам подумал с жалостью: «Такая измученная, нервная... Наверное, от недосыпания».

– Лучше не говорите маме, кто вы. А то можете ещё хуже сделать! – проинструктировала девушка. – Скажите, что вы мой знакомый из Киева.

Андрей уже и сам понял, что задать свои вопросы жене Васюры у него вряд ли получится, но всё же следом за дочерью больной вошёл в комнату под самой крышей, усечённую до формы треугольной призмы. По сравнению с добротной обстановкой нижнего этажа, здесь всё смотрелось как-то бедненько. На голых досках сиротел жалкий домотканый половик. На деревянной тумбочке возле кровати отсвечивали какие-то аптечные склянки, явно бесполезные. На покрытом чистой цветной скатертью небольшом столе, рядом с подававшей неяркий свет чудом сохранившейся довоенной лампой светло-зелёного стекла сиротела тарелка с давно остывшим и загустевшим нетронутым ужином. Там же стояли большой стеклянный кувшин и простой гранёный стакан, наполненные водой. На старой узкой односпальной кровати тихо угасала мать Любы. Её щеки ввалились, а обтягивавшая их кожа походила на тонкий бледно-серый пергамент. Глаза больной были закрыты, хотя по выражению боли, поминутно искажавшему её лицо, было ясно, что она не спала.

– Что ж её так далеко положили? – тихо удивился запыхавшийся от пробежки на третий этаж капитан. Если срочная помощь понадобится – можно и опоздать, пока сюда доползёшь!

Дочь умирающей безнадёжно махнула рукой и ответила:

– Отец так распорядился! – в голосе Любы снова проскользнула гневная нотка, и девушка с горечью добавила: – Не хочет, чтобы она глаза мозолила. У него, видите ли, работа ответственная, ему нельзя ни волноваться, ни переутомляться. Сам сюда почти не заходит, да и Галка тоже не празднует. Выжали из матери все соки и спихнули на сиделку.

– А, вы?

– А я пединститут в Киеве заканчиваю. Вот, мама запретила бросать учёбу, – и девушка с надрывной нежностью погладила руку больной. – Сюда приезжаю часто, но только ради неё. Сиделки не будет на праздниках, так что самой приходится крутиться...

Почувствовав прикосновение дочери, больная приоткрыла глаза. Её бескровные губы зашевелились при виде незнакомца, и молодые люди скорее угадали, чем услышали вопрос:

– Кто это, Любочка?

– Это мой знакомый, мамочка, – и девушка, вдруг сообразив, что не помнит ни имени, ни фамилии посетителя, панически уставилась на него.

– Капи... простите, Андрей Пилатов, – пришёл на помощь гость. – Приятно познакомиться... – он покосился на Любу и, в тайне радуясь роли её кавалера, осмелился добавить: – Наконец...

– Нина Владимировна! – шёпотом подсказала девушка.

– ...Нина Владимировна, – закончил капитан.

Глубоко ввалившиеся глаза умирающей, когда-то голубые, но уже до самого дна вычерпанные болью и почти прозрачные, на несколько мгновений задержались на госте. Казалось, она собирала последние силы, чтобы, уцепившись за этот мучительный мир, в последний раз принять участие в судьбе своей любимой младшенькой девочки. Наконец, жена Васюры еле слышно обратилась к Любе:

– Хороший парень... – а потом, медленно переведя глаза на Андрея, умоляюще добавила: – Обещайте...

– Всё, что угодно, – с готовностью ответил тот.

– Позаботиться об Любочке... – выдохнула больная. – Увезите её... подальше...

– Мамочка, ну что ты такое говоришь? – вмешалась девушка. – Как же я могу тебя бросить?

Больная прикрыла веки, не имея сил даже отрицательно покачать головой, и прошептала:

– Недолго... осталось... – и снова потребовала от гостя, почти беззвучно:
– Обещайте!

Тут раздалось истерическое дребезжание входного звонка. Люба встрепенулась.

– Это скорая! Побудьте здесь! – и побежала открывать.

А Нина Владимировна вдруг широко распахнула глаза, с неожиданной силой схватила посетителя за руку и быстро заговорила, сжигая последнюю искру жизни в обращённой к нему лихорадочной мольбе:

– Андрюша, спасите мою девочку! Увезите! Григорий, её отец – страшный человек... Нельзя, чтобы и она... как я вот...

Капитан Пилатов, как ни жалел умирающую, просто не мог упустить этот единственный шанс услышать исповедь жены Васюры:

– А что с её отцом?

– Он ужасный... Настоящий вампир... Никто не знает... Он мучил людей, убивал... Я никому не говорила... ради моих девочек!.. Никогда... но... должна... перед смертью...

Андрей присел на край кровати и осторожно спросил:

– Кого же он убивал?

– Людей... Мирных... во время войны. Он... служил у немцев... Я знаю, – больная тяжело дышала, то и дело хватая ртом воздух, словно выброшенная на сушу рыба, но непременно хотела досказать. – Приезжал... в отпуск... в форме офицера... СС... Привозил... вещи... Он и сейчас убивал бы... если б мог... Вот... меня... убил... Спасите Любочку, умоляю!.. Её сестра... как отец... а Любочка – хорошая девочка...

На лестнице послышались шаги и голоса. Вслед за Любой в дверях появилась невысокая женщина средних лет. На ходу пытаясь попасть в белые рукава халата, она сказала осуждающим тоном:

– Далеко же вы больную держите!

Нина Владимировна вцепилась холодеющими пальцами в руку капитана и умоляюще прохрипела:

– Обещайте, что увезёте её!

Получив от Андрея кивок согласия, больная со вздохом облегчения откинулась на подушку, и счастливая улыбка навечно застыла на её бескровном измождённом лице.

– Мама! Мамочка! Не-ет! – истошно закричала Люба и, подбежав к кровати схватила за плечи уже неподвижное тело. – Ну, помогите же ей! Сделайте что-нибудь!

Фельдшер скорой помощи подошла к постели, взяла кисть руки, безжизненно свесившуюся с края узкой кровати, подержала несколько секунд, безнадежно скривила уголок рта и, покачав головой, ответила:

– Поздно. Отмучилась Нина Владимировна, – и она присела к столу, чтобы написать заключение о смерти. – А где же муж и старшая дочь?

– На банкете, я полагаю, – ответил Андрей, нестерпимо остро осознавая то, как дико прозвучали эти его слова.

– Надо, чтобы кто-то вызвал их домой, – бесстрастно сказала фельдшер. Она вопросительно, но требовательно взглянула на незнакомца. – А вы кто?

– Знакомый Любове Григорьевны, – уклончиво ответил капитан, не желая афишировать свою должность.

– Сходите за родными?

– Да, но чуть позже, – и он скосил глаза в сторону Любы, беззвучно сотрясавшейся над постелью матери. Теперь и счастье, и горести этой девушки с заплаканными золотисто-карими глазами были для него важнее всего на свете.

Покончив с формальностями, фельдшер удалилась, и Андрей почти насильно вывел дочь усопшей на воздух. Сели на скамейку под деревом. Люба уронила голову на руки и невидящими глазами уставилась вниз, на бетонную дорожку, что вела от калитки к крыльцу. Во дворе было неуютно. Пристройки, в разное время добавленные к одноэтажному дому Васюры, в сумерках казались щупальцами огромного спрута с горящими глазами-окнами, отражающими последние лучи иссиня-огненного заката. Сверху каждая пристройка завершалась треугольной призмой мансарды, замаскированной под крышу, но маленькие блестящие чистотой глазки-окошечки всё же выдавали существование дополнительных жилых этажей. Капитан Пилатов не понаслышке знал об уловках наживавшихся на тёплых местах начальников и сразу обратил внимание на внешнюю простоту и даже какую-то серость, тщательно маскирующую благосостояние хозяина.

Огородик был маленький: в нём росла только зелень, не требовавшая серьёзного ухода. В отличие от своих односельчан, члены семьи замдиректора совхоза не увлекались земледелием. Сам Васюра, очевидно, считал копанье в земле ниже своего достоинства, а его женщинам работа школьными учительницами не оставляла времени на огородничество. Растительности во дворе было вообще не много – всего пара яблонь и абрикосовых деревьев, осыпавших белыми лепестками бетонные дорожки, которые некому было подметать после того, как совсем слегла Нина Владимировна. Внушительный кирпичный гараж, куда легко мог уместиться средней величины грузовик, несоразмерно доминировал над остальным хозяйством. К нему от железных ворот вела широкая асфальтированная колея. А в глубине заднего двора, будто извиняясь за своё существование, робко притулилась к забору деревянная выкрашенная зелёной краской едва приметная хозяйственная сараюшка.

Всё это молодой Пилатов сумел рассмотреть, со скамейки, на которой рядом с ним сидела и молчала Люба. Капитан ничего не желал сильнее, чем утешить девушку, но чувствовал, что никакие пошлые слова соболезнований не соизмерялись с её потерей. Внезапно поразившая его любовь к дочери вампира подсказывала, что просто находиться рядом было лучшее, что он мог для неё сделать. Наконец, Люба отняла руки от лица и устало проговорила:

– Знаете, у меня ведь больше никого нет.

– А отец? Сестра? – спросил капитан, тем не менее не удивившись. Из последних слов Нины Владимировны ответ был очевиден, но Андрей хотел услышать его от самой девушки.

Люба горестно покачала головой:

– Они меня ненавидят... не знаю, за что, – дочь Васюры помолчала. – Может, за то, что не такая же... – не договорив, Люба судорожно всхлипнула. – Вообще-то они почти всех ненавидят. Мама была единственная родная душа у меня... А теперь – никого! – и слёзы снова тихо заструились по щекам бедняжки.

Андрей сделал движение, чтобы взять её ладони в свои, но, не смея прикоснуться без разрешения, неожиданно для самого себя выдохнул:

– У вас есть я!

Люба отстранилась и, подняв на капитана мокрые глаза со слипшимися от слёз длинными тёмными ресницами, пролепетала:

– Но я вас совсем не знаю!

– Это ничего. Узнаете. Будет время, – пообещал Андрей, вдруг почувствовав себя скалой, для которой весь мир – точка опоры, а сам он ничего не желал так сильно, как стать фундаментом счастья этого осиротевшего существа.

– Вы ведь приходили, чтобы что-то узнать, – с тяжёлым вздохом проговорила девушка, заставляя себя собраться. – Что?

– Я уже узнал. Ваша мама рассказала мне.

Люба нахмурилась, вскочила со скамейки и, сжимая кулаки, будто собиралась расквасить Пилатову нос, воскликнула:

– Ты что, её допрашивал, пока я спускалась за врачом?

– Мне не пришлось, правда! – стал поспешно объяснять капитан, встревоженно хватая руками воздух, пытаясь вернуть собеседницу на прежнее место. – Она сама рассказала как раз то, за чем я приходил.

Девушка, всё ещё тяжело дыша, застыла, скрестив руки, подозрительно уставилась на Андрея, и немного погодя спросила уже спокойнее:

– Это что-то, о чём я не знаю?

– Думаю, не знаете... Во всяком случае, ваша мама определённо не хотела говорить при вас.

– Но почему она тогда доверилась вам? – присаживаясь обратно на скамейку, всё ещё с подозрением спросила девушка. Мать была её лучшим другом. Люба не представляла, что у Нины Владимировны могли быть от неё тайны. – Вы сказали ей, кто вы?

– Конечно нет, – Андрей отрицательно помотал головой. – Как я понял, этот секрет она хранила всю жизнь, но не хотела унести с собой... а я лишь случайно оказался рядом.

– А вы? Вы расскажете мне?

Андрей ответил не сразу, и лишь после минутного раздумья сказал:

– Это очень сложное дело. Оно касается вашего отца, – доводить до Любы всю правду о преступлениях Васюры было не время, у него просто язык не поворачивался. – Конечно, вы первая, кто имеет право знать, и я обещаю, что узнаете, но давайте поговорим об этом позже. Теперь следует заняться похоронами.

Люба пожала плечами, молча кивнула и, как-то сникнув, согласилась:

– Ладно...

Убедившись, что девушка немного успокоилась, капитан пешком отправился в темноту, на другой конец плохо освещённого села, в ресторан, за Васюрой и школьным завучем, сестрой Любы. А младшая дочь вампира вернулась в дом, чтобы побыть наедине со своей несчастной матерью, в последний раз.

Глава 17. Шабаш серых кардиналов

Вера Тимофеевна уже трудилась в ресторане вместе со своей помощницей – готовила праздничный стол для непонятого статуса банкета. Мероприятие было вроде бы частное, так как гостей, избранных, всегда тех же самых, приглашал один Васюра. Сын пожилой поварихи, главный агроном совхоза, ни разу не удостоился этой чести – и слава богу, думала баба Вера. Директор совхоза, прямой начальник Васюры, на её памяти тоже сюда не захаживал – и всё же продукты для застолья покупались почему-то из совхозного бюджета, а не за личные деньги замдиректора. Ещё из мыслей поварихи я узнал, что этот банкет был чуть ли не традицией, и всегда проходил в годовщину Дня Победы – вот только тостов ни за Победу, ни в память погибших сограждан здесь не произносили.

Вера Тимофеевна обслуживала это мероприятие много лет подряд и у неё было немало причин, чтобы недолюбливать собиравшуюся здесь компанию, но прагматичная душа поварахи тянулась к привлекательному вознаграждению, даже несмотря на необходимость притворяться глухой и слепой. Да и отказываться было небезопасно. Баба Вера не понаслышке знала цену зависимости от людей, заполучивших власть, какие бы идеалы те ни проповедовали, так что умудрённая опытом женщина прилежно выполняла свою работу и держала всякие сомнения при себе.

В кухне было жарко, бурлили кастрюли, шипели сковородки. Я незримо наблюдал, как баба Вера по-жонглёрски орудовала ножами и тёрками, изредка отдавая команды техничке Зое, забитого вида женщине лет тридцати, которая по причине своей крайней несообразительности к готовке не допускалась, а была только на подхвате: занималась уборкой, мытьём посуды и прочими мелкими поручениями. Ей было велено не выходить из кухни до конца ужина, после чего отправляться напрямиком домой. На эту вечернюю смену Зоя тоже являлась ежегодно, потому что начальство приказывало. Муж, не устававший твердить, что семье нужны деньги, был вовсе не против. Он вообще охотно спроваживал супругу на любые вечерние шабашки, в её отсутствие занимался своими делами, а всё заработанное отбирал и где-то прятал. Денег Зоя, можно сказать, не видела, но это каким-то чудом ускользало от её понимания. Вообще, на селе недалёкость бедняжки была почти легендой. Мысли технички словно двигались по узкому тёмному коридору в направлении, заданном и ограниченном стенами этого ментального тоннеля. О съезжавшихся на банкет «больших начальниках» техничка думала, как о небожителях – и гордилась, что именно её приглашают их обслуживать. В силу своей крайней недоразвитости это человеческое существо не умело представить себе вещей, находившихся вне поля её зрения, и поэтому в Зоинем воображении никак не достраивалась картина всего, что могло происходить на банкете после ужина, чем и сводился к нулю риск распространения сплетен. А Вера Тимофеевна, любившая работать в чистоте, понимала, что пересуды о Васюрином «шабаше» были ни к чему, и поэтому всегда приглашала именно эту тихую, хотя и бестолковую помощницу.

Желая сориентироваться и присмотреть место для встречи с вампиром лицом к лицу, я выбрался из кухни и проследовал по ведущему к банкетному залу короткому коридору, стены которого почти сплошь были загорожены широкими металлическими стеллажами с разной утварью. За дверью, обитой бесцветной фанерой с маленьким окошечком для обзора, было просторное помещение банкетного зала, высокий потолок которого в нескольких местах был пересечён низко нависавшими декоративными

балками. Тяжёлые бордовые портьеры, подвязанные затейливыми верёвочками с вплетёнными в них прожилками из золотой нити и внушительными кистями на концах, обрамляли окна поверх занавесок из воздушной, но почти непрозрачной ткани. С выходящей в зал стороны серая фанерная с окошечком дверь была обита дубом с красивыми разводами срезанного дерева, совсем недавно покрытыми свежим, всё ещё неприятно пахнувшим лаком.

На начищенном до блеска паркете стоял длинный стол, накрытый на тринадцать персон. Вокруг стола суетилось с десятков милостивых девушек в белоснежных передниках и таких же белых крахмальных наколках на высоко уложенных волосах. Все они были не местными, и мне потребовалось всего несколько минут, чтобы понять, почему... В углу, противоположном двери с окошечком, хлипкий молодой мужчина, великодымерский комсорг, обустроивал музыку. Он лез из кожи вон, чтобы выбиться в настоящее начальство – и делал это весьма своеобразным способом. Вампирчик с глазами-буравчиками был известен среди организаторов партийных встреч тем, что сколотил добротную службу эскорта из комсомольских активисток. Так же, как и он, девицы эти стремились к обеспеченному ресурсами будущему, в надежде на которое оказывали весьма разнообразные услуги во время проводимых в узком кругу мероприятий. Хотя Васюра и был беспартийным, но влияние в районе имел немалое, так что комсорг всюду старался и здесь.

Закончив установку музыкального центра, он подошёл к официанткам-комсомолкам и деловито поинтересовался:

– Ну что, дивчата, все на месте?

– Все, Василь Васильич, – откликнулось несколько кокетливых голосов.

– Готовы к мероприятию? Выкрутасов, как в прошлый раз, не будет?

Девушки переглянулись и, вытаращив глаза, дружно замотали головами. Комсорг окинул свой контингент инквизиторским взглядом так, что у нескольких активисток засосало под ложечкой, и, убедившись в отсутствии незнакомых лиц, просиял слащавой улыбкой, шлёпнул стоявшую ближе всех к нему комсомолку пониже спины и напутствовал:

– Вот и умницы. Работайте!

«Выкрутас», о котором упомянул Василь Васильич, случился недавно. Дело в том, что комсомольские активистки в награду за выполнение такой вот общественной нагрузки действительно периодически выдвигались на повышение, и приходилось подыскивать им молодую смену. В прошлый раз одна девица привела подружку, не менее наивную, чем симпатичную. Новенькая комсомолка с гордостью приняла предложение «помочь на партийном мероприятии», но не сумела усмотреть между строк полный

список возлагаемых на неё обязанностей. Когда лысеющий брюхастый вампир начал вовсе не по-отечески трогать её своими колбасообразными пальцами, она, не раздумывая наградила его пощёчиной и прибежала к Василию Васильичу жаловаться. Комсорг разяснил ей ожидания партии в самых доступных выражениях, чем вогнал несчастную девушку в настоящий шок. Бедняжка залилась слезами и наотрез отказалась идти с начальством в сауну. Вскоре после инцидента незадачливой красавице предложили добровольно-принудительное партийно-комсомольское повышение – в Воркуте. Удерживать всё произошедшее в тайне оказалось хлопотно и отняло у великодымерского комсорга столько сил, что даже отчаяние и подавленность высылаемой из благодатной Украины на крайний север девушки не могли восполнить его энергетические потери... Но на этот раз на банкете работали проверенные в боях комсомолки, так что он мог расслабиться и получить удовольствие от не менее полезной, чем интересной, по его мнению, компании.

Я вышел на воздух и только тут обратил внимание, что светло-жёлтое одноэтажное здание, приземистое, с декоративными белыми бордюрами, имело два крыла. По левую руку от главного входа находился собственно ресторан с хозяйственным помещением, а по правую – что-то вроде небольшой гостиницы. Я заглянул туда и внутри нашёл несколько уютных комнат, с удобными диванами, мягкими креслами, маленькими столиками и заранее зажжёнными красивыми торшерами с роскошными абажурами, приглушавшими яркий электрический свет. В каждом номере стояло по большой кровати. В том же крыле находилась и сауна – причина столь возбуждённого настроения комсомольских активисток. Васюра оказался более чем хлебосольным хозяином, и, хотя сам уже вряд ли был способен воспользоваться всеми радостями, предлагаемыми здесь гостям, он, очевидно, не утратил стратегического мышления. Добротное здание на отшибе села было выстроено не вчера и периодически использовалось для отдыха приезжих начальников, в то время как жители Великой Дымерки не имели сюда свободного доступа. Такие выводы я сделал из мыслей комсорга, который чаще всего и являлся организатором подобных сабантуев.

Васюра вместе со старшей дочерью Галиной подъехал первым, на жигулях грязно-голубого цвета. Он выглядел значительно бодрее, чем когда я увидел его входящим в актовЫй зал школы. Почти одновременно явились двое таких же, как он, хозяйственников из соседних колхозов. Мужчины обменялись рукопожатием довольно сдержанно, хотя их объединяли не только долгие годы знакомства. Эти гости были примерно одного возраста с Васюрой и в войну тоже сотрудничали с немцами, хотя и не с такой

самоотдачей, как их великодымерский приятель. Оба тоже отсидели по пять лет в лагерях и вышли по хрущёвской амнистии. Как и Васюра, они предпочитали держаться на вторых ролях – это не помешало всем троем в течение последних лет двадцати проверить столько выгодных совместных дел, что ни один из них не мог пожаловаться на необеспеченную старость.

Подошла Галина, поздоровалась с приятелями отца. Она была в прекрасном настроении. Дело в том, что после сбора дружины явился вызванный в школу папаша одного проштрафившегося сорванца, и Галина Григорьевна отчитала обоих в своём кабинете, насладившись как стыдом и гневом родителя, так и ужасом незадачливого отпрыска перед предстоявшей нещадной поркой, которую определённо собирался учинить не отличавшийся педагогическим талантом пьяница, совхозный автомеханик. Школьная жизнь была щедра на подобные выбросы эмоций, так что вампирица-завуч не знала энергетического голода. В сорок один год её кожа отличалась идеальной гладкостью, а чёрные глаза отливали таким же, как у Васюры, презрительным холодом.

На собственных машинах подъехали заведующая складом молокозавода, тётка плотного телосложения, и тощая остроносая дамочка, заместитель главного врача броварской больницы – обе отменные стервы, возрастом чуть за пятьдесят. Вместе с Галиной они удалились внутрь ресторана, чтобы скоротать ожидание начала банкета за беседой в баре. Потом явился бывший заместитель начальника броварского военкомата, майор в отставке, ещё вполне крепкий мужчина. Он был старым приятелем Васюры и большим взяточником, по вине которого Советская Армия не досчиталась многих солдат срочной службы, прикупивших себе белый билет через упомянутую выше медицинскую матрону.

Заместитель председателя Броварского райисполкома и заместитель председателя строительного ведомства явились на одной машине. Эти давние подельники ворочали многочисленными схемами по перепродаже налево стройматериалов, таким образом подвампиривая из районного бюджета, который в свою очередь откладывался внушительными прослойки жира у обоих на животах. С помощью этих двоих Васюра неплохо поживился на строительстве сельсовета и школы в Великой Дымерке, в результате чего и появились пристройки к его дому.

Гости из Киева приехали последними. На красном «Москвиче» подкатил сравнительно недавний приятель хозяина банкета, проректор Киевского Педагогического института. Этот гость был помоложе остальных. Он резво выпрыгнул из машины, обеими руками потряс холодную морщинистую ладонь Васюры:

– Очень рад видеть вас в добром здравии, Григорий Никитович! – пропел профессор пронзительным дискантом. – Как ваша дочь-красавица?

– Это я у *вас* должен спросить, – ухмыльнулся Васюра, наморщив лоб. – Вам ведь доверил ребёнка!

– Но вы же зна-аете... – начал было лебезить проректор.

– Да знаю, знаю, – отмахнулся старый вампир. – У вас много таких, как мы. Пошутил я.

Пять лет назад, во время вступительных экзаменов в один из лучших вузов республики, профессор этот получил от Васюры в подарок полный багажник отменной свежей свинины. Хотя дочь и безо всякой помощи набрала высокий вступительный балл на экзаменах, и можно было вполне обойтись без подношений руководству института, отец решил перестраховаться. У него на то были свои скрытые причины. Когда Люба начала взрослеть, всё в доме стало меняться. Младшая дочь неудержимо ускользала из-под влияния деспота, а жена этому по-тихому потакала, чего Васюра ей не прощал, потому что считал их обеих своей безраздельной собственностью. Вот тогда-то вампир и перестал беречь Нину Владимировну, словно безнадежно испортившуюся машинку, которой была одна дорога – на свалку. Предлагая подарок проректору, Васюра настаивал, что многочисленные даватели взяток могут вытеснить даже лучших кандидатов, но на самом деле он стремился заставить дочь почувствовать себя обязанной и этим удержать её под контролем. А профессору так понравилась свиная вырезка, которой в столичных магазинах наблюдался дефицит, что в следующие четыре года в Киевский Педагогический институт поступило ещё несколько представителей великодымерской золотой молодёжи, значительно менее талантливой, чем Люба. Эти проректорские протеже действительно заняли чужие места в конкурсной системе бесплатного образования.

На чуть подержанных синих «Жигулях» явился отставной проректор Киевского Военного Училища связи, бывший сокурсник Васюры. Подполковник Губко за всю Великую Отечественную ни разу не побывал на фронте, да ещё умудрился сделать карьеру в тылу. О Васюриной истории он знал не более других, оставаясь в неведении по поводу службы бывшего однокашника в СС, но шестое чувство подсказывало Губко, что у товарища рыльце в пушку не меньше, чем у него самого. И, видимо, из чувства вампирской солидарности, даже выйдя на пенсию, этот лысый пузырь продолжал помогать приятелю изображать героя и получать почести. Его стараниями Васюра имел звание Почётного Курсанта училища и являлся перед будущими военными связистами в роли ветерана не менее раза в год, чтобы, словно десертом, поживиться высококачественной энергией

здоровых молодых парней. А сам Губко и после ухода в запас предпочитал жить в столице. Слишком уж любил он заглянуть в магазин, где в последние пару лет граждане неизменно толпились в очередях за маслом и колбасой. Любил вдохнуть их депрессию полной грудью и ощутить неизменный прилив бодрости. К самому же брюхастому лентяю почти вся еда приезжала из той же Дымерки, минуя магазины, так что подполковник знал о дефиците лишь по слухам и наблюдениям. С помощью вышеупомянутой парочки из строительного ведомства Губко выстроил себе дачу в соседней Пуховке, на берегу Десны, куда выезжал лишь по-буржуйски – порыбачить и скушать пашлык. Частым гостем там был и Васюра.

Старый однокашник оглядел банкетный зал с порога и, потирая руки в предвкушении угощения, похвалил:

- Прекрасный стол, как обычно, Григорий Никитович!
- Чем богаты! – с деланой лёгкостью отозвался Васюра.

Среди увиденных отставником разносолов мяса и рыбы было значительно больше, чем овощей, конечно, ещё и потому, что на овощи был пока не сезон, но в тщеславном мозгу хозяина банкета и в самодовольной ухмылке, то и дело трогавшей уголки его тонких губ, читалось желание блеснуть возможностями. На столе стояло плоское блюдо разложенных спиралью изящных бутербродов с дорожкой красной и чёрной икрой, достать которую можно было разве что по большому благу. На тарелочках поменьше красовалось разнообразие тонко нарезанных колбас и сыров, посыпанных для красоты консервированным горошком и свежей зеленью. И одновременно с появлением Губко в зал вынесли шедевр бабы Веры из несчастного свежеубиенного молочного поросёнка, овевший уже рассеявшихся по местам вампиров умопомрачительным ароматом жареной со специями плоти.

Круг Васюры состоял из тщательно избранных. Это были не люди, а рычаги, подобно хозяину банкета, предпочитавшие сидеть на вторых ролях. Он делал всё, чтобы как можно дольше не упускать свой шабаш серых кардиналов с короткого поводка. Все собравшиеся были знакомы между собой не первый день, но между их душами не существовало необходимой для дружбы энергетической связи. Зато была иная, напоминавшая паучьи сети, расположенные так близко одна от другой, что вожаделенная добыча неминуемо попадалась в одну из ловушек. Даже пауки нуждаются в себе подобных! Они объединяются чтобы успешнее отбирать жизненные соки у своих жертв. И на протяжении застольной беседы ауры Васюриных гостей взаимодействовали, выпуская склизкие энергетические нити цвета серовато-коричневой грязи, которые сползались вместе, соединяясь в тёмные опухоли плотных узелков-связок. Воздух в банкетном зале наполнился вонью

паразитизма, которая перебивала для меня даже тошнотворный запах тонко нарезанных мясных дефицитов, пожираемых вампирами.

На самом деле хозяину не стоило волноваться. Гости были одной с ним породы – энергетические щипачи разной силы и аппетита: вампиры и вампирчики, вампирицы и вампирочки, вампиришки и вампирёныши. Они насыщались силами общества homo sapiens, понемногу отколупывая там и сям, а чувство принадлежности к стае им было необходимо, как гиенам. Васюра же был среди них вампирищем. Взгляд его глаз, таких чёрных, что казалось, будто в них не было зрачков, пронизывал словно кортик. Гости знали: любой, кто осмеливался отказать этому харизматичному старцу, испытывал чувство, напоминавшее падение в бездну. С другой стороны, присутствовавшие на банкете и не думали противоречить хозяину. Каждый в глубине души почему-то считал его выдающимся человеком и так или иначе заискивал, хотя в социальной иерархии некоторые из гостей стояли выше замдиректора совхоза. Об эсэсовском прошлом Васюры участники шабаша, разумеется, не подозревали. Ему же в жизни доводилось встречать вампиров значительно сильнее и ненасытнее себя, как в годы войны, так и после неё, в лагерях. Словно выдавший виды матёрый волк, Васюра вместо борьбы за власть, на которую был уже не способен, довольствовался компанией местного разлива, которую мог легко подчинить себе даже на склоне лет.

– А что, кума, – поинтересовался он у массивной заведующей молочным складом, поглощавшей сервелат, подобно Сцилле, – у тебя осталось ещё что-нибудь из последней партии?

– Та ушло майже усе вже, – отозвалась Нелли Борисовна. Она как раз привстала и через весь стол потянулась за очередным деликатесом. – А скільки тобі треба, Микитович?

– Да пару ящичков всего, – процедил Васюра сквозь зубы, брезгливым взглядом скользя по её нависшему над салатами внушительному бюсту, облачённому в безвкусную вельветовую блузу, светло-бордовую, под горло, с несуразными блёстками.

– Та зайдёте після свят. Що небудь придумаємо! – с весёлым кряхтением плюхаясь обратно на стул пообещала кума.

Заведующая складом, помимо своей основной работы, уже лет пять промышленяла продажей налево сливочного масла, которое, согласно распоряжению «сверху», должно было оставаться во вверенных ей складских холодильниках, вместо того чтобы отправляться в магазины и питать простых советских граждан. Когда срок годности скоропортящегося продукта истекал, масло просто списывали. Нелли Борисовна придумала несложную, но весьма доходную схему: с помощью хозяйственников вроде

Васюры она находила спекулянтов, перекупавших масло задолго до истечения срока годности и далее продававших его по удвоенной цене другим спекулянтам – реализаторам. Последние, в свою очередь, предлагали дефицитный продукт из-под полы втридорога. Советские граждане – конечно, теперь уже не все, а лишь жёны крупных и мелких начальников, соглашались платить тройную цену за обычное сливочное масло, не желая толкаться в очередях, особенно когда готовились к приёму гостей. Так, энергия коров, доярок, работников маслозавода и покупателей бесперебойно превращалась в денежный эквивалент и оседала в карманах трёх вампирчиков: Нелли Борисовны, скупщика и реализатора. И всё благодаря негласной директиве сверху, запрещавшей продавать масло простым трудящимся по установленной государством цене. Зачем нужна была такая директива, заведующая складом не имела понятия, но в подробности не вдавалась и просто использовала возможность подзаработать, а не «переводить продукт». В глубине души она даже считала, что делает доброе дело! Требовалось всего-то не распространяться о досрочной зачистке холодильников и вовремя списывать «залежавшийся» товар. Нелли Борисовна всегда придерживала кое-что для своих. Она отлично понимала пользу шабаша, так что любой из присутствовавших всегда мог на неё рассчитывать.

Васюра поморщился, глядя на жирные от копчёной сёмги губы кладовщицы, и утвердительно кивнул на её приглашение заехать после праздников. Тут к нему подошла прислуживавшая за столом комсомольская активистка и сообщила медовым голосом:

– Григорию Микитовичу, вас там спрашивают. Сами выйдете или сюда пригласить?

– Кто спрашивает? – раздражённо прошипел хозяин.

– Та мужчина какой-то, – отступив на полшага, будто её сбрызнули кипятком, неуверенно пролепетала девица. – Молодой.... Чернявый. Незнакомый. Кажись, не местный.

– Зачем? – Васюра всё ещё решал, послать незваного посетителя на все четыре стороны лично или через комсомолку.

– Он говорит, это важно...

Незванным посетителем был я. Достаточно хорошо рассмотрев всю компанию вампиров, я решил, наконец, поставить бывшего офицера СС лицом к лицу с предстоящей расплатой, да так, чтобы он не сомневался, что расплата эта обязательно наступит. Васюра неспешно отправился на крыльцо. Ему было скучно на банкете и любопытно, кто мог явиться на шабаш без приглашения. К тому же старик думал насладиться смущением незнакомца, которого собирался отчитать за нарушение покоя заслуженного

человека. Он огляделся и, не увидев никого ни у входа, ни на стоянке, погрозил кулаком в сторону кустов и испустил что-то среднее между рыком и шипением:

– Шутники чёртовы! Доберусь я до вас! – но возвращаться внутрь вампир не спешил, а присел на низкие каменные перила крыльца и стал смотреть, как сгущается майская ночь.

Сумерки, когда на мир незаметно, исподволь наползает чернота, когда всё живое собирается на покой и от усталости теряет бдительность, когда так легко поймать в силки полусонное животное или застать врасплох человека, – он любил это время ещё с войны. А в последние годы Васюра пристрастился изводить по вечерам устававшую после длинного школьного дня жену, пока не выжал из неё жизнь до последней капли. Припомнив ощущение злорадства и наполненности, каждый раз приходившее при виде слёз Нины Владимировны, вампир даже потёр руки от удовольствия. Он был уверен, что на него никто не смотрит, а я всё это время стоял совсем рядом, вслушивался в поток его сознания, наблюдал, но позволил увидеть себя только когда Васюра уже собирался вернуться в банкетный зал. Я появился на расстоянии вытянутой руки от старика, и он отшатнулся от неожиданности, сильнее упёрся ладонями в перила. И всё же ни на физическом, ни на ментальном уровне Васюра не почувствовал испуга, которого можно было бы ожидать от homo sapiens в подобных обстоятельствах. В этом я был совершенно уверен, так как внимательно следил за его мыслями и пульсом.

– Так это и есть начальник штаба 118-го полицейского батальона шущманшафта? – заговорил я, глядя в упор в чёрные глаза вампира.

Тот опять не испугался, а как будто даже заинтересовался и ответил невозмутимо, тем самым ледяным тоном, который обычно заставлял его жертв втягивать головы в плечи:

– Не знаю, о чём вы толкуете, молодой человек. И вообще, кто вы такой, чтобы так грубо разговаривать с пожилым человеком?

– Я Ясик из Хатыни, которую ты, вампир поганый, уничтожил в сорок третьем! – бросая обвинение в лицо Васюры, я держался прямо, огородив себя надёжным энергетическим щитом.

– Какой такой Ясик? Не было там никакого Ясика! – возмутился бывший эсэсовец и, тут же сообразив, что от неожиданности сам же всё и подтвердил, расвирепел и резко указал пальцем на дорогу. – Убирайся вон, хулиган, а не то я вызову милицию!

Старик разозлился не на шутку, но при этом оказался способным оценивающе оглядеть собеседника и хладнокровно рассудить: «Не-ет, слишком молодой! Врёт, конечно, и чего-то хочет». Он снова грозно указал

пальцем в сторону дороги, пытаюсь испепелить меня своим полным ненависти взглядом, который обычно действовал безотказно. Вместо ответа я на мгновение перешёл в невидимое состояние, снова появился перед бывшим карателем, и только после этого ответил, стараясь придать беззаботность своему голосу:

– Валяй, зови! Пусть подумают, что ты, наконец, рехнулся от злости.

– Кто ты такой? – опять потребовал ответа Васюра, осознав, наконец, что ни его чёрный взгляд, ни приказной тон на меня не действуют, и что он находится один на один с превосходящим силой противником. Самое удивительное, страх к вампиру так и не пришёл – наоборот, в мозгу его стал постепенно закипать азарт, словно перед началом увлекательной игры. Я всё же решил не менять тактику.

– Я твоя расплата.

Всю свою сознательную жизнь я мечтал занести боль своей детской утраты над головой маминого убийцы, как топор, и увидеть перекошенную от страха возмездия маску вампира, недостойную называться лицом. А теперь, произнося заветную угрозу, я будто слышал себя со стороны. Мой голос звучал спокойно и даже как-то обыденно, и вылетающие из моих уст слова разбивались на холодные мелкие ледышки. Энергетический щит не позволял вампиру поработить меня – а мне он не давал терять силы, защищал даже от самого себя, ибо дать волю ненависти перед этим чудовищем было всё равно что позволить ему откусить мне палец.

Васюра, как и все его соотечественники, был воспитан в духе материализма, не веровал в кару небесную и, конечно же, не мог принять новой для себя реальности, в которой противник способен становиться невидимкой и бог знает на что ещё. Бывший эсэсовец не сомневался, что моё появление и исчезновение – просто какой-то трюк, но своим быстрым расчётливым умом он осознал, что обещание расплаты – не розыгрыш, и спросил вызывающе:

– Что же, убьёшь меня прямо здесь? – дьявольская усмешка искривила тонкую щель его морщинистого рта.

– Сделать из тебя жертву? Нет, ты не этого заслужил, палач! – твёрдо возразил я. – Сначала о твоих преступлениях узнают все.

– Ты ничего не докажешь, щенок! – с откровенной злостью прорычал бывший командир штаба карателей, распаяясь ещё сильнее. Он вовсе не собирался сдаваться.

– Другие докажут, – пообещал я. – А меня здесь вообще нет! – и для убедительности снова пропал и появился перед глазами злобного старика. – Просто знай, что на этот раз избежать возмездия тебе не удастся. Adieu! – я окончательно исчез из поля зрения вампира, оставляя его в одиночестве

гадать о надвигавшихся на него неприятностях. Ещё какое-то время Васюра просидел на перилах крыльца, вполне хладнокровно размышляя о брошенном ему вызове. Не оставалось никакого сомнения, что его будоражила и развлекала опасность.

А у меня совсем пропало желание его убивать. Любознательность, породившая homo liberatus, оказалась сильнее человеческой ненависти. Обиженного судьбой ребёнка она превратила в бесстрастного наблюдателя, учёного – и я был этому рад. В конце концов, суть моей миссии состояла в первую очередь в изучении особенностей вампиров, их силы и слабостей.

Ещё во время посещения сельской школы я заметил, что у Васюры мозг отличался от других людей – а встреча на близком расстоянии лишь подтвердила это наблюдение. Причиной существования монстра была совершенно определённая мутация, из-за которой homo sapiens не мог ни любить, ни сопереживать, и вообще его духовная жизнь была как бы парализована и на тонком плане исключала возможность природного обмена энергией. Вместе с тем, даже будучи семидесятилетним старцем, он искал сильных ощущений. Именно ощущений, а не чувств. Выходило, я только что подарил палачу своей матери гонку на выживание, тем более увлекательную, что она совершенно определённо была последней, хотя даже теперь вампир не преминул сделать ставку на то, чтобы выкрутиться, как всегда. Явное превосходство противника превращало оборону в Васюрину самую излюбленную игру – без правил, давая кард-бланш на любые средства защиты.

Для избежания в очередной раз расплаты за преступления Васюре требовался Валериан Кротовский, бывший заместитель начальника следственного отдела Украинского КГБ. Валериан Карпович, как и всегда, был в числе приглашённых на ежегодный банкет, а сегодня он почему-то запаздывал – но тут, словно по заказу, его белая «Волга» подкатила к ресторану. «На ловца и зверь бежит!» – обрадовался не суеверный от природы Васюра. Как настоящий игрок, при любом раскладе карт сохраняющий бесстрастное лицо, вампир не двинулся со своего наместа на перилах крыльца и лишь с достоинством поприветствовал вновь прибывшего мановением костлявой руки.

– Припозднился ты сегодня, Карпыч! – нарочито обыденно проскрипел бывший нацист навстречу гостю, как только тот выставил свои длинные, как у журавля, ноги из просторного автомобиля. – Кладовщица уже почти весь сервелат сожрала, а соседи того и гляди водку прикончат.

– Здоровеньки булы, Григорий Мыкытович! – как сухой горох, рассыпался голос Кротовского из темноты. – Ничего, ничего! У вас с голоду

не помрёшь. Вы же у нас волшебник: одной рыбкой всех накормите, хе-хе-хе!

– Ну, пойдём, пойдём, выпьем, – и Васюра жестом пригласил отставного подполковника внутрь. – Да и разговор к тебе есть, серьёзный, – и, поймав вопросительный взгляд тут же наострившего уши старого знакомого, Васюра добавил, с деланой беззаботностью кивнув в сторону ресторана: – Позже, когда эти в сауну заползут.

Приезд последнего гостя пролил свет на чудесное превращение командира штаба карателей, садиста и вампира, в сравнительно невинного свидетеля преступлений своих сослуживцев на предыдущих процессах по Хатыни. Знакомство Кротовского с Васюрой началось в Киеве, незадолго до переброски 118-го батальона в Белоруссию. С помощью местной полиции фашисты разыскивали и угоняли украинскую молодёжь в Германию работать на немецких заводах, и когда Васюра, тогда ещё только младший офицер, а не начальник штаба, явился с двумя солдатами за шестнадцатилетним Валерианом, мать, ползая на коленях, пообещала сделать что угодно, лишь бы ей оставили сына. Валериан был поздним ребёнком одинокой учительницы украинского и немецкого языков, её единственным светом в окошке, а Васюра знал, что в школе дети часто болтают о домашних делах и о том, чем занимаются родители. Он решил, что из учительницы мог бы получиться полезный информатор. Мамаша согласилась, но справлялась неважно – а вот сыночек оказался пронырливым, обожал игру в шпионов, а к слежке имел настоящий талант. Невероятная наблюдательность была у него в крови, и для Валерика не имело значения, за кем следить. О своём отце Кротовский ничего не знал. Мать наотрез отказывалась о нём говорить, не хранила ни фотографий, ни памятных вещей, но таланты сына её совершенно не удивляли, поэтому юный следопыт сделал вывод, что их он унаследовал от неизвестного родителя так же, как и фамилию, не совпадавшую с материнской.

Ещё до прихода фашистов парнишка развлекался тем, что узнавал о проделках, грешках и слабостях своих товарищей, их родителей и даже многих школьных учителей. Он следил за всеми и вся без особой цели, а добытой информацией делился крайне редко, избирательно и только если это приносило выгоду. Сообразительный от природы Валериан понимал, что репутация стукача выгоды никакой принести не могла – вот и не злоупотреблял. Его радовало само обладание информацией. В шпионаже, которого потребовал Васюра, была не просто выгода – в нём заключались спасение от рабства и возможность остаться с матерью, которая была единственным доверенным лицом подростка, впрочем, как и Васюра, не имевшего способности любить. Юный шпион скоренько втёрся в доверие к

подпольщикам и часто бегал для них связным. Он был настолько осторожен, что партизаны так никогда и не вычислили, откуда шла утечка информации. Точнее, те, кто понимал это уже в застенках гестапо, уносили тайну молодого «крота» с собой в могилу, что, впрочем, ни разу не пробудило в Валерике мук совести.

Когда Киев освободили от фашистов, благоразумный юноша за немцами не последовал, а окончил десятилетку на одни пятёрки и поступил в школу разведки. Потом он женился по приказу партии и начал службу уже на благо советской страны. Хотя патриотизма в куцей душе Кротовского было ни на грош, он понимал и соблюдал правила игры: чтобы продолжать заниматься своим любимым делом – слежкой, требовалось быть образцовым гражданином и всячески выражать преданность родине. О подвигах Кротовского во славу Третьего Рейха знала одна мать, но она скончалась вскоре после войны. И всё-то складывалось просто замечательно, пока в семьдесят третьем Валериан Карпович, к тому времени уже замначальника следственного отдела КГБ УССР, лицом к лицу не столкнулся с Васюрой, доставленным в Киев для улаживания кое-каких формальностей, чтобы потом быть отправленным в Гродно. Старого знакомого вызывали на допрос по процессу Мелешко, в котором участвовало слишком много свидетелей – бывших сослуживцев Васюры по 118-му батальону. Для жестокого начальника штаба, который не прощал подчинённым даже малых оплошностей, дело откровенно пахло керосином, тем самым, которым офицер СС приказывал поливать дома белорусских деревень для наилучшего возгорания. Кротовский не знал, чем именно занимался его «благодетель» после отъезда 118-го батальона из Киева в сорок втором – а вот Васюра прекрасно помнил, каким образом началась карьера данного советского разведчика. Бывший эсэовец, хотя на людях и не подал виду, что узнал завербованного им когда-то информатора, но одарил подполковника таким пронзительным взглядом, что тот, не дожидаясь попыток шантажа, сам предложил помощь в избавлении Васюры от поездки на допрос в Белоруссию. Валериан Карпович всегда просчитывал ситуацию на много шагов вперёд. Подключив к делу сразу несколько знакомств в Минске и Киеве, он вернул вампира обратно в Дымерку, добившись допроса якобы смертельно больного свидетеля по месту жительства – и дело было успешно замято. Так эти двое сравняли счёт и оказались повязанными на всю оставшуюся жизнь, что, впрочем, не тяготило ни того, ни другого, потому что сделаны они были из одного теста.

Пока Кротовский оставался на службе, он регулярно получал приятные посылочки из Великой Дымерки, а после выхода в отставку Валериан Карпович развёлся, наконец, с супругой и поселился в прекрасной квартире

в сравнительно тихих Броварах. Он прибил к Васюре, как старая собака к хозяину. Именно такие отношения и сохранялись между ними, словно замначальника УКГБ всё ещё был шестнадцатилетним сопляком на побегушках у молодого офицера полиции. Кротовский и не думал бунтовать. Как и остальные мелкие вампиры из компании Васюры, он безотчётно воспринимал Григория Никитовича как высшее существо. Совершенно верно истолковав брошенные мной слова «Другие докажут!», Васюра рассчитывал, что связи бывшего «крота» в органах ещё раз помогут избежать наказания, по крайней мере, того, что могло исходить от обычных людей. Хозяин банкета приветственно пожал Кротовскому руку и повёл его к столу угощаться.

Как только за ними закрылась дверь, я услышал в темноте знакомые шаги, и на дальнем конце бетонной дорожки, ведущей от пыльного сельского бродвея к крыльцу ресторана, замаячил силуэт высокого мужчины с военной выправкой. Это Андрей нёс вести о смерти Нины Владимировны, которая скончалась в самый разгар банкета. К несчастью, всё это время я не слышал его мыслей, потому что блокировал и отбрасывал в сторону все помехи. Я был слишком занят наблюдением над вампирами, а с появлением капитана сразу понял, что спасти несчастную мать его возлюбленной было уже поздно. Время неподвластно силе *homo liberatus*.

Глава 18. Любовь

Для прощания с покойной тело Нины Владимировны было перевезено в фойе сельского клуба, так как Васюра не пожелал превращать своё логово в «проходной двор». Люба провела рядом с гробом почти весь следующий день, то плача, то отвлекаясь на печальные хлопоты, и у меня было достаточно времени, чтобы за ней понаблюдать.

Сильные колебания воздуха от бушующих гормонов капитана Пилатова достигли меня ещё накануне, даже раньше, чем тот поравнялся с рестораном, и я понял, что мой товарищ неожиданно обзавёлся своей собственной миссией. Зная чувствительную натуру Андрея, удивляться такому резкому изменению курса не приходилось. Конечно, теперь я мог обойтись и без его помощи, но чувствовал ответственность за судьбу своего друга, который вряд ли встретил бы эту девушку, не притащи я его в Великую Дымерку. Очень хотелось отдать капитана, как говорится у людей, в хорошие руки – а

ведь дочь вампира могла оказаться чем угодно! Вот я и решил хорошенько изучить предмет серьёзных намерений молодого офицера.

Волноваться оказалось не о чем. Приблизившись к Любе, я почувствовал облегчение и приятную теплоту – от девушки как будто повеяло летним морским бризом. словно Природа уравнивала дьявольскую злобу отца ангельской добротой дочери! Правда, в тот день её чистая душа была омрачена скорбью потери самого близкого человека и страхом перед будущим. Дочь вампира училась на последнем курсе педагогического института, и уже получила распределение на работу в великодымерской школе – конечно же, стараниями отца. Люба не ошибалась, думая, что Васюра считал её своей собственностью, а теперь ей было некуда деваться, потому что закон требовал от молодого специалиста отработать три года по месту распределения. Жизнь в ненавистном доме, где уже не будет защитницы-матери, значила полную зависимость от воли деспота. Других членов семьи, кроме отца и сестры, Люба не знала. Васюра запрещал жене входить в сношения с ленинградской роднёй, а его собственная семья вообще не никогда упоминалась, так что у детей вампира не было ни бабушек с дедушками, ни тёток с дядьями.

Дело было не только в отце. Люба родилась и выросла в Великой Дымерке, но всю свою пока ещё недолгую жизнь она чувствовала себя птенцом, случайно вылупившимся в змеином гнезде. Народ в украинском селе прагматичный. Искренность среди дымерцев, во всяком случае по отношению к дочери Васюры, была на вес золота. Её отца боялись и недолго любили за тяжёлый нрав, но он оказывал влияние на всё происходящее в совхозе, поэтому чуть ли не каждый сосед стремился подмазать хозяйственника, не жалея лесты и для его младшенькой. А Любу воротило от их приторных похвал. Чаще всего девушка чувствовала, что в глаза ей говорят не то, что думают. Все, кроме, может быть, некоторых учителей, потому что она оказалась действительно самой умной в классе. Люба училась без особого напряжения, с удовольствием и ради удовольствия, но мало кто из одноклассников веровал в радость познания. Сельские ребята охотно у неё списывали, но за глаза называли дочь Васюры зубрилкой и задавакой, что вовсе не соответствовало истине.

Особенно трудно пришлось, когда дети начали взрослеть. В восьмом классе в середине учебного года дело дошло до того, что с Любой вообще перестали общаться. Задирать дочь Васюры опасались из-за отца – игнорировать было безопаснее. Девочка входила, садилась за парту и сразу же ощущала, как над головой у неё нависала незримая тяжёлая туча, которая нещадно сжимала шею и затылок, давила и высасывала из неё всю радость, будто спрутообразный паразит, вгоняла в уныние. Зато родители тех же

одноклассников, встречая её на улице, сладко пели: «Здравствуй, Любочка! Яблучка не бажаєш?» Дело дошло до того, что пару месяцев, без объявления какого-либо бойкота, с ней почти не разговаривал никто из ребят. Один Лёшка, сосед по парте и одиночка по натуре, был равнодушен к настроениям одноклассников, как, впрочем, и к достижениям в академических дисциплинах. Учился он довольно средне, и то благодаря своим недюжинным способностям, а усилий к учёбе вообще не прилагал никаких.

Лёшка был безнадежно влюблён в Любочку. Классная руководительница это заметила и поместила их за одну парту, до самого окончания школы – и очень правильно сделала. Для отличницы было облегчением, что Лёшка никогда не кланчил списать во время контрольных – из мужской гордости, разумеется. А соседка по парте, в конце концов, заразила этого сорванца-одиночку своей страстью к наукам, и он действительно стал успевать значительно лучше. Так, Любовь, как электрический проводник, подключила Лёшку к образованию.

У мальчишки был свой особый талант: он видел людей насквозь уже будучи подростком, словно обладал встроенным в мозг чувствительным сенсором. Так вот, именно Лёшка открыл глаза соседки по парте на корень зла. Однажды по пути из школы Люба в отчаянии воскликнула:

– Почему никто со мной не разговаривает? И смотрят, как на врага... Что я им сделала?

– Да вони тобі задрять, – отозвался парень, стараясь казаться бесстрастным.

– Завидуют? – опешила Любочка.

– Що ти отличница та що вчителі тебе люблять, та що батько в тебе начальник... – терпеливо пояснил Лёшка.

– Да разве же это повод не общаться с человеком? – изумлению наивной школьницы не было предела.

Лёшка лишь пожал плечами и подтвердил очевидное:

– Для них – так.

Решение оказалось до смешного простым. После этого разговора Любочка постаралась не слишком увлекаться учёбой, в результате чего получила четвёрку в четверти по паре школьных предметов. План сработал сверх ожиданий: как по мановению волшебной палочки, одноклассников попустило, и у не-отличницы, опять-таки без объявления перемирия, сразу же появилась пара приятельниц, с которыми можно было проводить время на переменках, а не стоять одной в сторонке. По понятным причинам, с этими подружками не следовало делиться своими проблемами, а особенно теми, что касались разногласий с отцом. Единственными родными душами для Любы оставались мать и Лёшка. С последним, к великому

неудовольствию отца, девушка проводила всё больше времени, и Васюра винил парня за то, что дочь «съехала» в учёбе. Лёшки не стало первым. Сразу после выпускных экзаменов он утонул в реке при странных обстоятельствах. А теперь вот ушла и мать.

Выудив всё это из мыслей, калейдоскопом пронесившихся в голове Любы, пока она горевала у гроба, я очень пожалел, что не спас жену Васюры. Хотя, возможно, даже оказался я рядом во время визита Андрея в дом вампира, было бы слишком поздно: опухоль уже целиком поглотила несчастную женщину. Выходило, что появившийся внезапно симпатичный капитан КГБ был для Любы единственным шансом вырваться из змеиного гнезда – шансом, на который сама девушка не рассчитывала серьёзно. И хотя Андрей всё время ошивался поблизости, искал возможности поговорить с ней до похорон, Люба будто его избегала. На самом деле её мысли метались по тёмному узкому тоннелю, казавшемуся несчастной сироте безвыходным, так что заплаканные глаза Любы просто не замечали капитана, потому что смотрели только вниз.

Ввиду жаркой погоды похороны организовали быстро, и уже через день всё село собралось на кладбище проводить любимую всеми учительницу в последний путь. Мы с Андреем плелись в хвосте процессии и старались не попасться на глаза Васюре, который уже знал меня в лицо. Капитан Пилатов также счёл за благо не встречаться с отцом своей возлюбленной – тогда, в ресторане, он, по моему совету, просто передал записку о кончине Нины Владимировны через официантку. Директор великодымерской школы, где жена Васюры трудилась последние двадцать с лишним лет, произнёс довольно искреннюю речь над могилой:

– Сегодня мы прощаемся с Ниной Владимировной. Это невосполнимая утрата. Мы потеряли замечательного человека, который, как никто другой, умел утешать и детей, и взрослых, – директор остановился, глубоко вздохнул и про себя закончил: «...Из которых её муж и Галка кровь сосали». – И прощать. И, главное, любить несмотря ни на что, – при этих словах Люба судорожно, но беззвучно всхлипнула, и слёзы снова полились из её глаз, а директор продолжал: – Прости и ты нас, Нина. Даже если имя твоё затеряется в закоулках нашей памяти, та доброта, что ты дарила взрослым и детям, останется в сердцах и прорастет снова...

От последних слов Галину, старшую дочь вампира, заметно передёрнуло. Она никогда не понимала доброту и самоотдачу матери, что и послужило причиной их отдаления друг от друга. Васюра же стоял с бесстрастным, как у гипсового изваяния, лицом, и односельчане принимали это за скорбь сурового ветерана. Точнее, люди хотели так думать, потому что было бы

слишком ужасно признать правду: за его ничего не выражающей маской скрывалась пустота.

Старик уже давно считал супругу отслужившим своё и списанным со счетов активом, судьба которого была ему безразлична. Он повстречался со студенткой Ниночкой незадолго до войны, во время ленинградской командировки. Высокому, статному, молодому офицеру с орлиным взглядом не составило труда очаровать девятнадцатилетнюю воспитанную на классической литературе профессорскую дочку, а она из-за своей неопытности в любовных делах, позволила ему не просто очаровать, а поистине поработить себя. Нина полностью растворилась в сильном харизматичном мужчине, а вампир лелеял её, как хороший хозяин лелеет ценную собственность. Васюра хорошо разбирался в слабостях людей. Он рассчитывал, что эта наивная красавица из интеллигентной семьи, как выяснилось, дворянского происхождения произведёт на свет породистых детей и воспитает их соответственно. На третий день знакомства он явился в дом профессора с кольцом и шикарным букетом, попросил руки девушки и легко получил благословение родителей, главной слабостью которых была вера в человеческую порядочность. Васюра женился и увёз Ниночку в Прибалтику, предварительно в тайне от молодой жены настроив анонимный донос на тестя. Того вскоре арестовали, и лейтенант Советской Армии запретил Нине общаться с её семьёй дабы не бросать тень на свою. После войны добавилось ещё и опасение, что, напиши она родным, служба Васюры у нацистов, всплыла бы вместе с вопросами о рождении старшей дочери, и учительница русского языка и литературы из великодымерской школы так до конца дней и не узнала, что случилось с её отцом-профессором в лагерях, а с матерью и сестрой в блокадном Ленинграде. Бедняжка всю их совместную жизнь находилась в безраздельной власти мужа, но она не роптала и мысленно оправдывала любое совершённое Васюрой зло, следуя пословице «муж и жена – одна сатана», даже когда начала осознавать, насколько действительно близко стоял Григорий к этому самому сатане.

Лояльность Нины Владимировны к мужу оставалась неизменной, несмотря на все те «необычные» поступки, которые он совершал и о многих из которых она знала или догадывалась. Именно на этой лояльности и держался их странный брак, так как умный Васюра прекрасно понимал, что терпение Нины было поистине уникально. Супруга провинилась перед ним лишь в одном – в потакании бунтарству младшей дочери, но в глазах вампира это полностью перечёркивало её преданность длиною в жизнь. Когда он понял, что в противоречиях с дочерью Нина Владимировна не на его стороне, то ужасно разозлился и начал изводить жену придирками, не гнушался и рукоприкладством, чего никогда ранее себе не позволял. Она

сгорела, как свеча. По соображениям престарелого вампира – получила по заслугам, так что в нём не шевелилось ни капли сожаления. Пока соседи и коллеги прощались с покойницей, Васюра банально скучал и от скуки обдумывал, как поставить к ноге непокорную дочь. Я переводил взгляд то на непрестанно всхлипывавшую Любу, то на полное сочувствия лицо Андрея, вынужденного стоять в стороне, а не подставлять плечо поддержки своей любимой. По иронии судьбы капитан Пилатов хотел успеть жениться на дочери Васюры, отправившего собственного тестя в лагерь, до того, как вампира арестуют. Так, Андрей, сам того не подозревая, собирался замкнуть кармический круг и восстановить природный баланс.

Директор школы окончил речь. Глядя на то, как Васюра сгрёб кладбищенский чернозём в костлявую пригоршню и с презрительной миной на лице небрежно швырнул землю на гроб жены, я шепнул капитану Пилатову:

– Ты действительно должен увезти её отсюда как можно быстрее, – я имел в виду Любу и, встретив неуверенный взгляд своего товарища, развеял сомнения: – Я наблюдал за ней. Думаю, она согласится, когда ты объяснишься. – «Хорошо иметь друга, который читает мысли», – подумал Андрей, и я с улыбкой похлопал его по плечу. Любовь – это наивысшая ценность в обоих наших мирах. Она и есть та непрерывная нить, что роднит homo liberatus с расой людей. – Очень милая девушка. Чистая душа, светлая аура, несмотря на всё, что она здесь пережила, – добавил я шёпотом, отчего лицо капитана расплылось в совершенно неуместной на похоронах счастливой улыбке.

Оттягивать было нельзя. Поминки проходили в школьной столовой, вмещавшей почти всё взрослое население Великой Дымерки. Андрей догнал дочь Васюры по пути туда. Девушка плелась, шаркая ногами, как старушка. На её лице ещё не до конца просохли дорожки от пролитых на кладбище, так и не утёртых слёз. В груди влюблённого капитана сердце бешено стучало от волнения, и мне казалось, звук этих ударов даже перекрывал шёпот Андрея.

– Надо поговорить, – сказал он очень тихо, будто мимоходом, стараясь, чтобы на него никто не обратил внимания.

– О чём? – глядя в землю, машинально спросила Люба.

– Об одном очень важном деле, касающемся вас... – замявшись, объяснил Андрей. Дочь Васюры апатично скривила губы и, ничего не ответив, продолжала идти. – О том, что я узнал от вашей мамы, – несмело напомнил мой товарищ. «Вот тюфяк!» – подумал я, но тут мой друг собрал, наконец, всю волю в кулак, и, не отставая, весьма настойчиво прошипел: – Простите, Любовь Григорьевна, я понимаю, что сейчас неподходящий момент... Но поверьте, потом может стать уже поздно...

Люба вдруг резко остановилась и пристально, снизу вверх посмотрела в лицо своего недавнего знакомого. Её покрасневшие заплаканные глаза стали более осмысленными, и в них даже мелькнула искра надежды.

– Хорошо, – согласилась девушка. – Встретимся у школы со стороны сада через час-полтора. Тогда все уже выпьют, и, надеюсь, никто не заметит моего отсутствия.

– Буду ждать! – воскликнул Андрей счастливым шепотом и тут же отстал, смешавшись с толпой.

Через час капитан метался под окнами школы, как дикий зверь. Ему предстояло признаться в любви. Убедить девушку в своей искренности. Сообщить о том, что её отец-большой-начальник – бывший нацистский каратель, который, вероятнее всего, скоро предстанет перед судом и будет казнён. И, наконец, предложить сначала руку и сердце, а затем сразу и переезд, равносильный побегу. Что ж, перед Андреем стояла задача действительно не из лёгких, и мои попытки поддержать его совершенно точной информацией о том, что Любе он тоже нравится, к моему удивлению, вовсе не прибавляли моему другу смелости. Сердце капитана КГБ по-прежнему выпрыгивало из груди, а в горле как будто застрял свинцовый комок: молодой человек всё равно не мог избавиться от боязни быть отвергнутым. «Вероятнее всего, она скажет, что не выйдет замуж за первого встречного! Это же вполне естественно! Такая девушка вряд ли доверится незнакомцу... – крутилось в голове у моего друга. – А я лишь хочу, чтобы она была счастлива! Как же доказать ей, что мои намерения более чем серьёзны?» От волнения его лихорадило, и каждый раз, когда накатывала неумная волна мелкой дрожи, зубы капитана отбивали чечётку, которую он совершенно не способен был взять под контроль. Молодой человек от волнения терял почти столько же сил, сколько я затратил на излечение его больного раком дяди, – но с гораздо меньшей пользой. Энергия просто покидала его тело, улетучиваясь в и без того тёплый сумрак майского вечера. Мне было жаль своего друга. Люди никогда не могут быть до конца уверены в чувствах своих возлюбленных. Они сомневаются, даже услышав слова признания, а чтобы произнести такие слова, преодолевают страх быть отвергнутыми, лишаясь энергии, которая могла бы спасти жизни.

У homo liberatus всё иначе. Благодаря телепатии взаимность в любви не является для нас секретом. Мы мгновенно получаем ответы. Мы не принимаем загадку за любовь – не подменяем содержание неизвестностью. Лишённые страха, лемурианцы не боятся ни отказа, ни охлаждения чувств, а благодаря умению поддерживать собственный гормональный баланс, даже безответно влюблённый homo liberatus сохраняет ясность мысли. Будучи отвергнутыми, мы не испытываем душевных мук ещё и потому, что не

измеряем свою и чужую ценность взаимностью в любви – ведь отдельная осечка так ничтожна, по сравнению с величием Природы! Мы даже не знаем, что такое ревность, источник которой у людей – всё тот же страх потери и поражения.

Люба задерживалась. Наконец, она вышла, гадая, о чём с ней так срочно хотели поговорить. Нервозная мелкая дрожь изводила её, точь-в-точь как моего товарища. Новый знакомый очень нравился Любе, хотя чувство вины за мысли о мужчине в день похорон матери глодало бедняжку и смущало ещё сильнее. Потупив глаза и изо всех сил стараясь не выдать своего интереса, дочь Васюры не заметила, как с её появлением просветлело лицо Андрея. Девушка давно предвидела уход матери и представляла своё будущее в самых мрачных красках, а капитан КГБ, неизвестно откуда возникший и протянувший руку помощи в момент кончины Нины Владимировны, был как спасительный луч света, неожиданно замаячивший в конце тёмного тоннеля.

– Простите, что заставила ждать, – начала Люба, хотя мой товарищ и в мыслях не винил её за своё долгое бдение под окнами школы. «Вежливая – совсем не в отца!» – промелькнуло в голове у Андрея.

– Ну что вы! – поспешно ответил капитан. – Я благодарен, что вы согласились уделить мне время в такой тяжёлый для вас момент, но... – Андрей перевёл дыхание, попытался сглотнуть комок в горле, мешавший ему говорить связно и, наконец, сумел выдать: – То, что я хочу сказать, важно для нас обоих.

Услышав слово «нас», Люба на мгновение потеряла способность дышать и вопросительно взглянула на молодого Пилатова, а тот, распознав искру надежды в её золотисто-карих глазах, вдруг, неожиданно для самого себя, выпалил:

– Будьте моей женой!

Люба коротко ахнула, приоткрыв пересохшие от волнения губы. Энергия, бушевавшая в сердце капитана, мощной волной передалась ей и расцвела ликованием в душе девушки – но в следующее мгновение сомнение и боязнь совершить ошибку уже накатили ледяной волной, потопив в себе счастливое «да», готовое сорваться с её губ. Я же, незримо наблюдая за их разговором, открывал для себя всё новые грани homo sapiens.

Оказалось, в любви их мужчины схожи с лемурианцами. Андрей с первого взгляда распознал свою вторую половинку, и раз запечатлевшись, теперь был готов на всё, чтобы сделать её счастливой. То же самое почувствовал и я, когда впервые увидел Полину. А вот у женщин homo sapiens признание в любви от незнакомца и скоропалительное предложение быть вместе, как выяснилось, вызывают недоумение и всё тот же страх.

«Разве можно полюбить кого-то так быстро? – думают они. – Что он за человек? На что способен? Чего боится? Какие у него достоинства? А недостатки? Что ждёт меня и будущих детей, если я дам согласие? Я ему не верю, во всяком случае, пока...» Все эти вопросы зажужжали в голове Любы, как пчелиный рой, смущая и отвлекая от того, что она, собственно, чувствовала рядом с молодым красавцем. И дочь Васюры только и смогла, что неуверенно пролепетать:

– Но ведь я вас совсем не знаю... – разумеется, женщин homo sapiens нельзя винить за промедление и стремление испытать избранника. Для них это жизненная необходимость – ведь материнство у их вида нуждается в защите и поддержке. Вот, за отсутствием телепатии, от мужчины и требуют доказательств не только способности, но и искреннего желания поддерживать и защищать.

Лемурианские женщины одарены даже более тесной связью с Природой и более мощной энергией, чем мужская – они в общем-то и не нуждаются в помощи или защите и часто предпочитают независимость в своём – неизменно желанном – материнстве. Дети у homo liberatus далеко не всегда рождаются от любви, впрочем, как и у людей – в противном случае, наша раса давно перестала бы существовать. И всё же, подобно людям, мы считаем это чувство самым прекрасным, что создала Природа. Более того, мы до сих пор не отказались от нашей физической оболочки как раз для того, чтобы сохранить любовь в её единстве ума, души и тела. Вот только испытать её доводится далеко не каждому, но, если кто на Лемурии и воспитывает потомство вдвоём, так это любящие пары...

...Молодые люди были серьёзны. Оба чувствовали одно и то же – и оба мучились от неизвестности, а я, невидимый, наблюдал этот абсурд и держался изо всех сил, чтобы не спугнуть влюблённых «смеющимся воздухом» – такой комически бесполезной выглядела эта двухсторонняя гормонально-энергетическая буря. Несмотря на неопределённый ответ, в голосе девушки совсем не слышалось протеста, и чуткий от любви капитан воодушевился:

– Я понимаю ваше смущение и опасение, Любовь Григорьевна... Люба... понимаю, что, возможно, вы не испытываете взаимных чувств, даже просто потому, что не имели времени разобраться в них, – Андрей неотрывно смотрел в напряжённо изучавшие его глаза. – Я полюбил вас, как только увидел в дверях дома вашего отца, но поверьте, если бы не обстоятельства, я бы не стал пугать вас столь скоропалительным предложением, – Андрей говорил так горячо, словно в нём, наконец, прорвалась плотина. – Я приглашал бы вас на свидания, окружил бы вниманием и заботой; мы бы гуляли под луной по берегу реки и много, много разговаривали. Я бы дарил

вам цветы, белые розы... И только когда вы знали бы обо мне всё и чувствовали себя со мной в безопасности, только поняв, что вы тоже меня любите, я бы осмелился признаться в своих чувствах и просить вашей руки. – Он перевёл дыхание и обречённо закончил: – Но сейчас... простите... приходится вот так нелепо торопиться... Просто необходимо!

– О какой необходимости идёт речь? – глухо произнесла Люба. – Это связано с вашим первым визитом к нам? Разговором с... – её голос дрогнул, – с мамой? – капитан кивнул в ответ, а дочь Васюры потребовала: – Расскажите! Сейчас! – в голосе девушки внезапно зазвенела сталь, так что даже сидевший рядом влюблённый Пилатов слегка отшатнулся. Я же улыбнулся и подумал, что Любочка ещё преподнесёт всем нам сюрпризов.

– Это очень страшная правда, – несмело начал Андрей. Он всё спрашивал себя, способны ли будут эти хрупкие плечи справиться ещё с одной тяжкой ношей. Деваться было больше некуда, но капитан помедлил ещё секунду. – Да, боюсь, вы всё же должны узнать, – он втянул в себя побольше воздуха и, наконец, сказал: – Ладно! Были найдены свидетельства службы вашего отца у фашистов во время войны.

Брови девушки взлетели, и она возразила как-то слишком быстро:

– Нет-нет, он бежал из плена и воевал во французском сопротивлении! И в лагере сидел за то, что попал в плен!

– К сожалению, это не вся правда, – упавшим голосом возразил Андрей. Меньше всего на свете ему хотелось быть вестником вот таких новостей! – Васюра попал в плен в сорок первом, а к французскому сопротивлению примкнул в сорок четвёртом. Ваша сестра появилась на свет...

– Мама забеременела прямо перед войной! – снова перебила девушка.

– По паспорту, Галина Григорьевна на два года старше, чем на самом деле. Она родилась в конце сорок третьего. После того, как ваш отец приезжал в отпуск в оккупированный город Лиенае.

Брови Любы недоверчиво взлетели, и она спросила:

– А сама Галина об этом знает?

– Не уверен, – капитан пожал плечами. – Не думаю...

– А откуда тогда знаете вы?

Этот вполне резонный вопрос оказался настоящим испытанием для моего товарища. Время было совсем не подходящее для того, чтобы рассказывать ещё и о знакомстве с телепатом, имевшим прямой доступ к мыслям Васюры! На мгновение замаявшись, Андрей уклончиво ответил:

– Расследование пока что неофициальное, его ведёт частное лицо... Мой друг... *Он* выяснил. Но это совершенно точно! – понимая, что приходится балансировать на довольно зыбкой почве, капитан поспешно перевёл разговор на более определённую тему: – Но не это главное... С начала сорок

второго по август сорок четвёртого ваш отец служил в 118-м полицейском батальоне шцманшафта, сформированном из украинцев, перешедших на сторону нацистов. Он командовал штабом батальона. Об этом у КГБ есть показания его бывших сослуживцев, других полицейских. Много показаний, – словно громом поражённая, Люба несколько секунд смотрела на собеседника, потом вскочила и заходила по дорожке перед скамейкой взад-вперёд, ломая руки. – К сожалению, и это ещё не вся правда, простите, мне трудно говорить... о таком... с вами... – Андрею тяжело давался этот рассказ – слова будто застывали на языке, не желая выходить из его уст. – Но я должен. Чтобы защитить вас.

– Да не томите же! Говорите! – с жаром воскликнула девушка, потрясая руками.

– Хорошо, – тихо сказал Андрей. Он настороженно огляделся по сторонам и, наконец, сообщил: – Григорий Васюра командовал сожжением нескольких белорусских деревень, в том числе Хатыни... и... лично пытал и убивал. Не только партизан, но и невинных женщин и детей...

– Хватит! – возмущённо прервала его Люба. – Всё это отвратительно! Почему я вообще должна вам верить? – молодой человек запнулся. Посвящать свою возлюбленную в ужасные подробности прошлого её родного отца было не менее отвратительно, чем сами эти подробности.

– Мне так жаль... – только и мог сказать он. – Я видел протоколы допросов карателей своими глазами. У моего товарища есть фотографические копии и, если хотите... – капитан имел в виду папку, переданную Руслану, и уже думал, что на вечер-другой нужно было бы забрать документы у журналиста, чтобы показать их дочери Васюры.

Люба перестала метаться по дорожке. Она остановилась и молча, широко раскрытыми глазами уставилась на Андрея. Расстроенный взгляд моего влюблённого друга не лгал. К тому же девушка слишком хорошо знала своего отца-садиста и лучше, чем кто бы то ни было понимала: сказанное капитаном КГБ вполне могло быть правдой. Воспоминания детства, проведённого в доме Васюры, мрачным калейдоскопом кружились в её сознании. Вот расколотая вдребезги кровотокающая головка запущенного в стену полосатого котёнка, которого младшая дочь притащила когда-то с улицы. «Блохастый» зверёк только тем и провинился, что оказался в доме без разрешения. Вот целая вереница сторожевых псов, которые не выживали в Васюрином хозяйстве больше года, так что в конце концов их перестали заводить. Вот красно-фиолетовый подбитый глаз и уродливо кривящийся в болевых судорогах рот лишившегося зуба совхозного тракториста. Мужик с похмелья не вышел на работу во время летней страды. Вот мать накладывает примочки на иссиня-коричневые пятна на своих бёдрах и предплечьях.

Подонки били чем попало, но не по лицу – специально так, чтобы жену не отстранили от работы в школе. Вот и четыре стены собственной Любиной комнаты, запертой снаружи на ключ после храброй попытки девочки-подростка опротестовать методы, которыми папаша добивался своего от всего, что движется. А Васюра никогда ни о чём не сожалел, не признавал своих поступков жестокими – он «учил». Люба давно уже не верила бытующей в деревне байке, что отец, мол, многое пережил, и это испортило его характер. Ведь он был не единственным кто, вернулся с фронта, побывал в заключении и должен был вновь приспособиться к мирной жизни. Что это была бы за жизнь, если бы все ветераны войны были похожи на Васюру? Жестокость сурового вечно на что-нибудь обозлённого отца всегда и ранила, и озадачивала девушку, но всё это казалось ей лишь фоном, вторым планом для чего-то большего – а переднего плана просто не было. В центре картины зияла пустота, словно там не хватало нескольких самых ключевых кусочков мозаики – и капитан Пилатов только что помог завершить изображение.

– Допустим, – сказала, наконец, Люба более ровным голосом. – Но если есть показания, то почему же *его* не осудили раньше?

– Это был и наш главный вопрос! Выяснилось, что все эти годы Васюру прикрывал знакомый... из КГБ, и мы только что узнали, кто, – Андрей смотрел на младшую дочь вампира, и тревога разъедала его изнутри. Молодой Пилатов был уверен, что теперь девушка, от которой зависело всё его счастье, видела в нём врага, порочившего имя её отца. И безо всякой надежды на прощегние капитан закончил: – Нина Владимировна знала о преступлениях мужа, хотя и без подробностей. Пока вы ходили встречать доктора, она сказала мне об этом. Не хотела уносить с собой... туда... но и вам, детям, говорить не смела, – и он решился напомнить о главном: – И ещё... она просила позаботиться о вас.

Как подкошенная, Люба опустила на скамейку и заслонила ладонями глаза. Так она просидела долго, невольно подвергая нашего капитана пытке молчанием. Андрей изнывал в ожидании приговора, не смея проронить ни слова, а девушка лихорадочно раздумывала. Люба унаследовала сдержанное профессорское достоинство от деда и недюжинную психоэнергетическую силу, хотя и с противоположным знаком, от отца. Она была, пожалуй, одной из немногих, если не единственной, кто в последние несколько лет осмеливался противостоять старому вампиру. А тот не трогал младшую дочь, но лишь пока. Люба давно мечтала убраться подальше как от Васюры, так и от всей ненавистной Дымерки. Замужество было бы идеальной возможностью, но разве исчезновение перед арестом отца не станет предательством? С другой стороны, так ли уж позорно было предавать предателя? Этому Андрея она, конечно, совсем не знала, но могло ли что-

либо быть хуже жизни рядом с Васюрой? Люба снова взглянула в лицо молодого человека – в нём безошибочно читалась любовь. Она ещё не подозревала, как сильно рисковал офицер КГБ, собираясь взять в жёны дочь бывшего нациста. И девушка услышала, как её собственный, но показавшийся таким чужим тихий голос прервал тягостное молчание:

– Я вам верю. Я согласна.

Андрей, задохнувшись от счастья, сгрёб её тонкие пальцы в свои крупные мягкие ладони и притянул их к губам, всё же не решаясь на настоящий поцелуй. И на душе у Любы отлегло.

– А где же ваш товарищ? – вдруг спросила она. – Ну, тот, который ведёт расследование...

– Он сейчас подойдёт, – с нажимом ответил Андрей, мысленно умоляя меня не появляться из ниоткуда перед несчастной девушкой, которая и без наших чудес пережила довольно. Я сделал вид, что вышел из-за угла здания школы, и капитан со вздохом облегчения представил меня своей возлюбленной: – Познакомьтесь. Это Ян. Это его семья пострадала в Хатыни.

– Очень приятно, – улыбнулся я невесте друга и включился в разговор, не утруждая себя лишними объяснениями: – Ты должен увезти Любовь Григорьевну прежде, чем начнётся официальное расследование, – и, отвечая на мысленный вопрос Андрея, я похлопал его по плечу и добавил: – Я благодарен тебе, очень благодарен, но теперь смогу обойтись помощью одного Руслана.

– Ты уверен? – спросил капитан.

– Абсолютно! – не допускающим возражений тоном сказал я. – У тебя теперь другие заботы: молодая жена и вообще...

Я улыбнулся хлопавшей глазами Любе. Она не понимала, как я узнал о её согласии стать женой капитана, которое она дала прямо перед моим приходом. Андрей, заметив, её недоумение, дал весьма сомнительное разъяснение:

– Не удивляйтесь. Ян особенный.

– Сейчас главная задача – позаботиться, чтобы дальнейшая судьба Васюры не отразилась на вас, – обратился я к девушке.

– А Галина как же? – слабо возразила Люба.

– Галина? Она... – я попытался ответить как можно мягче. – Она очень похожа на отца – ведь так? – Люба кивнула. – Поэтому сумеет о себе позаботиться. Думаю, вы это и сами знаете.

«Я-то знаю, – пронеслось в уме капитанской невесты. – Но откуда знаешь ты?»

– Возможно, Андрей расскажет вам мою историю подробнее, но позже, – пояснил я в ответ на её мысли, удивив девушку ещё больше, а Андрей хмыкнул и радостно поддакнул:

– Я же говорю – он особенный!

Было решено, что Люба вернётся в Киев, где молодые люди и подадут заявление в ЗАГС. Андрей надеялся ускорить заключение брака, используя удостоверение капитана КГБ. Дочь Васюры должна была сдать выпускные экзамены и оформить диплом института уже на фамилию мужа, сделав это в последний момент, чтобы проректор, приятель вампира, не успел ни пронюхать, ни доложить её отцу. Дело было обычное – многие однокурсницы Любы вышли замуж за время пятилетней учёбы. Распределение тоже решили игнорировать и надеяться, что служба капитана освободит Любу от поползновений законодательства. Андрей, к тому же, осознавал, что страна приближается к такому хаосу, что скоро никому не будет дела до мелких нарушений. Про себя он подумывал подать в отставку и поселиться с женой в Великом Новгороде, в доме у дяди. Люба ушла домой собирать вещи, и на следующее утро поездом отправилась в Киев сдавать экзамены, ни слова не проронив отцу и сестре о предстоящем скоропалительном замужестве. Андрей присоединился к ней уже в поезде. Так моя миссия лишилась бойца, по крайней мере на время.

Глава 19. Привидение

За месяц, проведённый на Земле, я вдоволь навеселился, наблюдая ступор, в который демонстрация возможностей *homo liberatus* вгоняла *homo sapiens* – а вот Андрей отчитал меня за то, что я показал свою природу вампиру. Тот сразу же начал дёргать за ниточки своих полезных знакомств, чтобы в очередной раз избежать возмездия – и это, по словам капитана, совершенно точно должно было усложнить мою задачу. Мой друг был прав лишь отчасти.

Новость о кончине Нины Владимировны, доставленная на банкет, вовсе не заставила Васюру поторопиться домой. Прочитав записку Андрея, он подумал: «Мёртвых в могилу – живых за стол», как ни в чём ни бывало вернулся в зал и обратился к своему шабашу:

– Дорогие гости, сегодня я вынужден вас покинуть рано. А вы отдохайте, развлекайтесь – всё, как обычно. Василь Василич, будь добр, проследи! – небрежно бросил Васюра в сторону комсомольского лидера уже на выходе

из зала. Он встретился взглядом с Кротовским, кивком головы пригласил его с идти собой и уединился с отставным шпионом в одной из комнат для отдыха. Убедившись, что гости заняты выбором дальнейших развлечений и что за дверью никого нет, бывший эсэсовец опустил в большое мягкое кресло и заговорил барским тоном: – Сегодня, прямо перед твоим приездом, явился сюда какой-то странный сопляк, лет двадцати пяти, представился живым свидетелем той истории в Хатыни и угрожал мне возмездием.

– Да этого быть не может, Григорий Микитович! – залебезил Кротовский. – Был бы он свидетелем – ему было бы лет пятьдесят!

– То-то и оно, – проворчал Васюра, посчитав благоразумным умолчать о моей способности становиться невидимым. – Тогда что это за сукин сын, откуда он взялся и чем располагает? – Кротовский только и мог, что развести руками в недоумении, а замдиректора совхоза закончил не терпящим возражений тоном, будто снова командовал выходящим из окружения батальоном: – В общем, тебе задание, Валериан. Аккуратно о нём разузнать и дело замять, если снова потребуетя.

– Сделаем, Григорию Микитовичу, не волнуйтесь, – сладко пропел Кротовский. Если бы Васюра умел, как я, читать мысли, он бы понял, что, на самом деле, Валериан Карпович и палец о палец ударять не собирался. У бывшего начальника – и связи бывшие, и влияние. Валериан Карпович прекрасно знал, что все те ниточки, за который он дёргал двенадцать лет назад для спасения своего бывшего покровителя-шутмана, давно уже превратились в удочки на пенсионных дачах. И дёргать их теперь могла разве что рыба, водившаяся в ставках и речушках Украины. Новых начальников из КГБ Кротовский знал не настолько хорошо, чтобы доверительно, без вреда для самого себя, договариваться с ними о давнем, весьма щекотливом деле. Дешевле всего было не светиться, оставить всё как есть, и надеяться, что угрозы его приятелю от какого-то юнца были просто хулиганской выходкой. Полковник в отставке так и поступил, а Васюру уверил, что обо всём договорится. Так я окончательно понял, что вампиры не способны на дружбу.

И всё же впредь я решил действовать избирательнее и маскироваться тщательнее. Например, торопиться раскрывать все подробности своего происхождения журналисту – человеку, имеющему доступ к массовому сознанию homo sapiens, определённо не стоило. В понедельник, тринадцатого мая, я, словно невзначай, встретил Руслана в броварском парке на подходе к круглой площадке, в центре которой в положении взлёта застыла птицеобразная окрашенная серебряной краской машина с

прорисованной на хвосте красной пятиконечной звездой – самолёт, памятник бесстрашию бескрылых людей.

Баталов заметил меня не сразу. От частного дома на перекрёстке улиц Черняховского и Димитрова, где он снимал комнату, до военкомата было минут двадцать пешего ходу, но Руслан уже часа два петлял по прилегавшему к учреждению парку. Журналист сжимал под мышкой нашу папку. За праздники он изучил каждую строчку находившихся в ней протоколов, которые действительно тянули на сенсацию. И всё же Руслана терзали сомнения в отношении как людей, уж слишком беззаботно вручивших ему все материалы, так и подлинности самих документов. Баталов недоумевал, каким образом Васюре до сих пор удавалось избежать обвинения и возмездия, если на руках у следствия уже более десяти лет находились такие серьёзные свидетельства преступлений этого неприятного старика со злобными глазами. Если бы протоколы из папки оказались фальшивыми, то журналист рисковал не только очернить уважаемого человека, но и самому стать посмешищем и слепой марионеткой в чьей-то игре.

Руслану было двадцать восемь, а карьера его до сих не клеилась – из-за бившего через край энтузиазма и избыточной честности. Главный редактор держал его в штате, отдавая должное таланту и энергии молодого журналиста, но всё же самые злободневные баталовские статьи, отпечатанные на доставшейся в наследство от деда-военкора пишущей машинке, к великому разочарованию автора, пылились в столе у дрожавшего за своё кресло начальника. «Ветер перемен», подувший в стране три недели назад, открывал новые горизонты для таких неугомонных правдолюбов, как Руслан, поэтому в будущее он смотрел с надеждой – и сейчас, как никогда, нельзя было оступить.

– Гуляете? – поинтересовался я, стараясь придать своему голосу беззаботность. Руслан очнулся от своих мыслей, и его рыжеватые брови удивлённо взлетели.

– А вы как здесь? – спросил он.

– Да вас ищу, Руслан Богданович, – честно признался я. – Поинтересоваться, какие выводы вы сделали из прочитанного и не ослабело ли ваше желание заниматься моей темой.

Журналист испытующе посмотрел мне в лицо своими честными серыми глазами. Он всё ещё до конца не определился, стоит ли иметь со мной дело.

– Стоит! – не удержался я. У моего собеседника отвисла челюсть

– Вы что, читаете мысли?!

– Есть немного, – сообразив, что снова выдал себя, я обратил смущение в шутку и постарался побыстрее перевести разговор к делу: – Вам, наверное,

не понятно, как Васюра смог до сих пор избежать возмездия? – Руслан кивнул удивлённо, а я поспешил объяснить: – У нас с товарищем Пилатовым этот вопрос тоже возникал.

– Что же, и ответ есть? – поинтересовался журналист с лёгким сарказмом в голосе.

– Да всё, в общем, довольно банально, – объяснил я. – У Васюры есть... был дружок в КГБ, который его всё это время и прикрывал. Мы с Андреем даже выяснили, кто. Я, собственно, и пришёл, чтобы вам об этом рассказать.

– И что, этот защитник Васюры – большая шишка? – с беспокойством спросил Баталов и подумал: «Опять двадцать пять! Столько шишек на пути, что нормальному человеку ходить по прямой – только ноги ломать!»

– Был шишкой, пока на пенсию не ушёл, – успокоил я. – Так что думаю, сейчас путь открыт, и достаточно прямой, – я снова встретил настороженный взгляд журналиста, но, к счастью, мы как раз подошли к выходу из парка Победы, через дорогу от которого виднелось здание военкомата. Я сделал приглашающий жест в сторону учреждения, перекрыв путь к дальнейшему промедлению. – Пользуйтесь, моментом, товарищ Баталов!

– А вы? Пойдёте со мной? – спросил Руслан, приостанавливаясь.

– Подожду здесь, а то придётся объяснять кто я да что...

– Да-а, там пришлось бы, – согласился он. – Вы и мне-то не объяснили. Ваш приятель только корочкой помахал...

– Обязательно объясню! – пообещал я. – Хотя, думаю, для вас не важно, кто я, а важна сама тема и подлинность документов. Как это называется? Сенсация? Так что смелее, товарищ репортёр, навстречу своему светлому будущему! – конечно, я собирался с ним, но товарищу репортёру об этом знать не полагалось. Я хотел, чтобы всё шло естественным для homo sapiens образом.

Сердце Руслана замирало, пока он поднимался по ступенькам военкомата, но совсем не от того, что журналист стоял на пороге сенсации – просто ему было совершенно точно известно, кто в конторе занимался документацией по воинским наградам. Анна Друзь. То есть уже почти десять лет как Анна Селивёрстова. Аня. Самая красивая девочка в классе, в которую были влюблены все. Аня, конечно, это понимала, но характера была робкого – наверное, поэтому и потянулась к нему, смелому и прямолинейному подростку. Руслан носил её портфель с пятого класса, многократно дрался из-за неё. Делился планами. Он всегда хотел быть журналистом, как дедушка, и девочка раскрыв рот слушала истории от фронтового корреспондента, которые внук героя с увлечением ей пересказывал. После выпускного вечера Руслан провожал подругу домой и решил, наконец, на первый поцелуй и признание в любви, впрочем, и без

того очевидной. Молодые люди тут же стали обсуждать, как поженятся и будут вместе всю жизнь. Вскоре Руслан уехал в Киев поступать в университет, а когда вернулся, то узнал о предстоящей свадьбе своей возлюбленной и молодого офицера-пограничника, родом из Броваров, где девушка поступала в техникум.

Для Ани, как и для всех не хватавших с неба звёзд дивчат украинского села, замужество было целью жизни, а выйти замуж за военного считалось и престижно, и романтично. Встретив решительного по характеру старшего лейтенанта и к тому же красавца, она, на зависть подругам, буквально вытащила счастливый билет, которым не преминула воспользоваться. «Кричали женщины «ура» и в воздух чепчики бросали!»* – с горькой иронией процитировал тогда Руслан перед своей матерью, доставившей ему неприятную новость, и гордо сошёл с дистанции. Восемнадцатилетний студент-первокурсник журфака с туманными карьерными перспективами офицеру-пограничнику был не конкурент и счёл разумным не маячить, хотя своих чувств к Ане не растерял. Благодаря длинным языкам родного села Руслан всегда был в курсе передвижений семейной пары от границы к границе огромной страны. Совсем недавно, после ранения, полученного при задержании нарушителя, майор Николай Селивёрстов сумел перевестись в родной город, и был назначен начальником броварского военкомата. Туда же пристроил и свою супругу на полставки и теперь, после нескольких переездов, у Ани были и достаток, и приличная работа, и время на воспитание двойняшек: проверку уроков, вождение дочери в музыкальную школу, а сына в спортивную секцию – и всё это сравнительно недалеко от стареющих родителей. По всем меркам, её жизнь удалась. А кем стал Руслан? Всего лишь журналистом районного разлива – положение, опять же, по всем меркам, неказистое. И несмотря ни на что, перед школьной подругой он рисковал гораздо меньше, чем перед коллегами и начальством, и прекрасно понимал, что начинать расследование этого пока что сомнительного, но многообещающего дела нужно было именно с её кабинета.

Проходя по грязно-бежевым коридорам, Руслан вспоминал день их первого и единственного, такого волнительного для него поцелуя: кареглазое лицо хрупкой белоснежки, обрамлённое двумя тяжёлыми чёрными косами, лёгкое влажное дыхание губ, пахнувших сладкой конфетой, худенькую талию, перевязанную широким шёлковым поясом поверх выпускного платья... Если честно, ум журналиста был занят попытками представить, какой теперь стала Аня, а не делом, по которому он явился в военкомат. Руслан подошёл к фанерной двери с надписью «Отдел наградений» и постучал в неё костяшками пальцев, постучал как можно

громче, словно пытаюсь заглушить удары своего неистово колотившегося сердца.

– Войдите! – пропел изнутри полужнакомый голос. Посетитель нажал на металлическую ручку, толкнул дверь и увидел её. – Ну, здравствуй, незнакомец!

Предупреждённая по коммутатору о непредвиденном визите, молодая женщина приветливо улыбалась перламутрово-розовыми губами, обнажая светло-бежевые ровные зубы. Она встала из-за рабочего стола, стремительно вышла навстречу Баталову и радостно раскрыла объятия бывшему однокласснику. На ходу она цокала тонкими каблучками и покачивала округлыми бёдрами, обтянутыми узкой форменной юбкой, которая, казалось, вот-вот разойдётся по швам.

– Баталов! Руслан! Вот, значит, какой ты стал!

– Какой? – поинтересовался Руслан, комично морщась.

– Крепкий! Настоящий мужчина! – рассмеялась она, припоминая тощего рыжеватого парня, обнимавшего её после выпускного.

– Ты тоже... изменилась, – промямлил тот, не желая вдаваться в подробности. По сравнению с образом хрупкой девушки, десять лет хранившимся в памяти школьного воздыхателя, белоснежка приобрела, мягко говоря, аппетитные формы, а её сопрано, хотя и знакомое, отдавало металлическими нотками, как у опытной женщины. С неловким энтузиазмом обняв эту чужую сдобную талию, Руслан вдохнул и аромат восточных пряностей, тоже чужой. Это была уже не пахнущая конфетой Анечка, которую хотелось целовать и защищать, – это была Анна Петровна Селивёрстова, офицерская супруга.

– Как ты живёшь? Женат? Дети есть? Журналистом работаешь?

– Нет, не женат. Какая семья у журналиста? – отшутился Руслан. – Анна улыбнулась вежливо, даже снисходительно, сразу оценив неказистые успехи бывшего воздыхателя, а он добавил: – Про тебя не спрашиваю, потому что и так знаю.

– Знаешь? – она изобразила удивление. – Откуда?

– Как откуда? К матери я заезжаю часто, а она регулярно докладывает мне все сельские новости, – усмехнулся Баталов. – Может, я и стал журналистом, благодаря её генам.

Оба расхохотались. В их родном селе чуть ли ни каждое лицо женского пола могло свободно заменить радиослужбу новостей. У Анны даже слёзы выступили. Лёд неловкости был растоплен. Она полезла в сумочку, достала платочек и зеркальце и, промакнув начавшую было расплываться чёрную тушь, наконец, поинтересовалась:

– Мне сказали, у тебя какое-то дело?

– Д-да... – отозвался Руслан, соображая, с чего начать. – Я тут задумал одно журналистское расследование. И дело довольно щекотливое... Поэтому я очень рад, что попал именно к тебе... – Анна заинтригованно хмыкнула в ответ. – Имя Григория Васюры тебе о чём-нибудь говорит?

Её прекрасные брови удивлённо взметнулись, и Анна воскликнула:

– Вот это совпадение. Сейчас! – и, сделав указательным пальцем знак подождать, она вернулась за рабочий стол, взяла верхнюю папку, выудила из неё какой-то документ и, повертев в руке, протянула бумажку Баталову: – Вот, читай. Совсем недавно пришло – мы даже не успели направить на рассмотрение!

Руслан взял листок, исписанный ровным, как под линейку, почерком, почти каллиграфическим, если бы не чрезмерно острые углы и линии, которые на деле оказалось весьма сложно разобрать.

Начальнику военкомата
Селивёрстову Н.М.
Васюры Г.Н.

Заявление.

Я, Васюра Григорий Никитович, директор по хозяйственной части совхоза «Великодымерский», ветеран Великой Отечественной войны и Труда, передовик (характеристику от директора совхоза прилагаю), был обойдён в награждении юбилейным Ордена Отечественной Войны, что считаю вопиющей неблагодарностью и неуважением.

Данным заявлением требую рассмотреть вышеизложенный вопрос и восстановить справедливость.

Всех благ,

Подпись: Васюра
мая, 1985 г.

Дата: **

– Какая наглость! – не удержался Руслан.

– В смысле? – не поняла заведующая отделом наградений. – Тон заявления, конечно, резкий, но дедульку этого можно понять...

– М-да, видела бы ты этого дедульку! – пояснил журналист. – Но это всё эмоции. Лучше посмотри, что попало мне в руки, – и он протянул Анне нашу папку.

Она стала просматривать лежавший сверху документ. По мере прочтения протокола, глаза сотрудницы военкомата всё больше округлялись.

– То есть этот Васюра фактически командовал сожжением Хатыни?! – наконец воскликнула Анна. То, что предатель и нацистский палач многие годы жил в соседстве с её родным селом, казалось жене советского пограничника невероятным. И ещё более невероятным было то, что заявление от этого преступника с требованием награды за защиту советских людей, лежало теперь у неё на столе! Тем не менее, фотографии протоколов перед её глазами смотрелись довольно убедительно. – Откуда это у тебя?

– Из архива КГБ Белоруссии... вроде бы...

– Как это – «вроде бы»?

– Вот тут-то и начинаются странности, – признался Руслан. – Я даже не полностью уверен, что это копии подлинных документов, а если и подлинных, то добыты они были, возможно, не совсем законным путём.

– Ты что, связался с преступниками? – в голосе бывшей одноклассницы прозвучала нотка разочарования и даже паники. Она тут же испугалась за своё и мужнино доброе имя.

– Ну что ты! Ничего такого, разумеется! – поспешно заверил журналист и, про себя отметив невольно вырвавшийся у Анны вздох облегчения, объяснил: – Просто ко мне обратилось частное лицо, странный парень: говорит, что он родственник кого-то из погибших в Хатыни – а сам как будто с другой планеты! – я в который раз мысленно отдал должное проницательности Руслана. Ему и в голову прийти не могло, что правда могла совмещать и то, и другое. – Но главное, с ним был капитан КГБ из Москвы. Корочку мне показал, настоящую, но сказал, что приехал сюда, чтобы помочь другу, тоже в рамках частного расследования – «пока». Они-то и передали мне вот эту папку и именно потому, что я журналист. Я им случайно попался, на мероприятии, где этот Васюра речь толкал. Отвратительный тип, должен тебе сказать! – и Руслан выжидающе взглянул на очень внимательно слушающую собеседницу, а она вдруг проникновенно спросила:

– Это очень важно для тебя, да? – все эти годы Аня чувствовала себя предательницей, хотя и знала, что сделала верный выбор, бесспорным доказательством чего являлась её счастливая семейная жизнь. Руслан же не только не пришёл на свадьбу, но и ни разу с тех пор не показался на глаза, когда его школьная любовь приезжала в родное село навещать своих родителей. Так что было ясно, что он ничего не забыл – а теперь вдруг явился к ней на работу и просит о помощи. Анна вдруг сообразила, что содействие, по всей видимости, не слишком успешному до сих пор журналисту, сможет избавить её от чувства вины. А Руслан осёкся и, помолчав, признался:

– Если хотя бы часть того, что написано в этих документах, – правда, то у меня появятся очень хорошие перспективы... профессиональные, – Анна

понимающе закивала, а он добавил: – Проблема в том, что Васюра – человек уважаемый, поэтому надо всё хорошенько проверить, прежде чем выдвигать какие-либо публичные обвинения. Осторожность нужна. Думаю, потребуется помощь твоего мужа.

Заведующая отделом награждений встала из-за стола, подошла к выходящему во двор военкомата окну и, скрестив руки, задумалась, машинально наблюдая за военными клерками, беседовавшими снаружи на перекуре. Дело было правое, но торопиться и рубить с плеча действительно не стоило: в случае ошибки оба могли получить по шапке, а за компанию и Николай. Руслан же, присев на стул для посетителей, рассматривал красивый профиль офицерской жены, слегка подпорченный чуть наметившимся вторым подбородком. Он всё удивлялся, как это не всколыхнулось в нём ни капли былой любви, хотя Анну и сейчас можно было назвать красавицей, несмотря на располневшие формы.

– Да, с мужем посоветоваться надо, – наконец, ответил она. – Только не здесь.

Тем временем, как по заказу, майор Селивёрстов стремительно без стука вошёл в кабинет жены со словами:

– Ну что, ты домой собираешься? Я еду в Киев, могу подбросить по пути, – он торопился, но, увидев сидевшего за столом штатского незнакомца, сбавил обороты. – О, у тебя посетитель? Здравствуйте! – он энергично пожал руку Руслана и представился: – Селивёрстов.

– Руслан Баталов, журналист, – и последовало ответное рукопожатие.

– Мы раньше встречались?

– Только на фотографиях! – с улыбкой ответила за Руслана Анна, присаживаясь на широкий подоконник. – Это мой одноклассник и друг детства, познакомься. Я тебе рассказывала.

– Пра-авда? – Николай выпучил глаза в комическом гневе. – Тот самый, что на свадьбу не явился?

– Он самый, – со смехом подтвердил Баталов. – За это прошу прощения!

«Лучше бы извинился за то, что целовал мою жену!» – ревниво подумал майор, а вслух сказал: – Извинение принято. Очень рад знакомству! – и добавил шутливо: – Лучше поздно, чем никогда!

– Давай пригласим Руслана в гости? – предложила Анна.

– А давай! – согласился Селивёрстов, принимая несуществующий вызов. – Познакомимся получше и наверстаем упущенное, – и он, щёлкнув себя по подбородку, заговорщицки подмигнул, намекая на не выпитое на свадьбе.

Николай был далеко не глуп и прекрасно понимал, что вот это и есть школьный воздыхатель его Анны, о котором не раз проговаривалась тёща. Майор безусловно доверял жене. В пограничном военном городке, где он

служил до ранения, общество было небольшое, женщин мало, а интересных молодцов в военной форме – хоть отбавляй, и у его красавицы-супруги тайных и явных поклонников было более чем достаточно. И если даже там верность офицерской жены выдержала все испытания, то внезапное появление одноклассника, журналиста по профессии, скорее всего, означало: тому просто что-то нужно, а Анна собирается попросить мужа – своего начальника – о совете либо о помощи. Догадливость некоторых *homo sapiens* при отсутствии способности к телепатии начинала меня восхищать, но всё равно было жаль бедного майора. Он не мог ничего знать наверняка, и, несмотря на столь логичные рассуждения, тревожный червячок страха потерять любимую женщину и семейное благополучие исподволь зашевелился в смелом сердце офицера. Что ж, смелым можно называть лишь того, кто способен бояться. Привыкший смотреть в лицо опасностям Николай решил провести разведку боем и предложил: – Сегодня я в Киеве и буду поздно – как насчёт завтрашнего вечера?

– Договорились! – согласился Руслан, ещё раз пожимая руку мужу повзрослевшей белоснежки. – Тогда до завтра!

Баталов оставил супругов-сослуживцев, а я последовал за ним и притворился, что всё время прождал возле военкомата. Настроения общаться со мной у Руслана не было никакого, и он говорил сухо, желая поскорее от меня отделаться. Рассказывая о посещении отдела наградений, журналист постарался исключить все свои частные переживания, словно выжал воду из насквозь пропитанной губки, а я слушал с улыбкой, вызвавшей в нём недоумение, которое он из вежливости не высказывал. Очень хотелось открыться новому участнику миссии, но я решил всё-таки не торопиться и сперва увидеть, до чего договорятся майор и журналист.

Вынужденное ожидание в течение целых суток дало мне время подумать о Полине. Разумеется, я вспоминал о ней каждый раз, становясь свидетелем любовных перипетий моих знакомых *homo sapiens*, но до сих пор поиски Васюры и изучение его повадок и окружения, как и наблюдение за людьми вообще позволяли мне довольно успешно отвлекаться от собственных чувств. Полина была ещё так юна по меркам воспитавшего её общества, что я считал за благо держаться подальше, чтобы не тревожить её. Теперь же, обречённый на сутки бездействия, я позволил себе взглянуть на девочку, тем более что ей вовсе не обязательно было знать о моём посещении.

Дни становились всё длиннее и теплее. Я нашёл Полину на лавочке на берегу озерца – там, где почти месяц назад я рассказал ей о *homo liberatus*. Она глядела на тихую воду и перебирала в уме моменты нашей встречи, ставшей самым большим приключением в её пока ещё не долгой жизни. По натуре Полина не была общительной, а о нашем знакомстве вообще боялась

рассказывать кому-либо, чтобы не прослыть чокнутой. Временами ей вообще казалось, что встреча с homo liberatus была лишь сном или плодом её богатого воображения, с которым девочка всегда была на «ты». Мать отчитывала её за упавшую успеваемость, учителя недоумевали, а одноклассники дразнили сонной мухой – и Полина всё чаще сбегала на место нашего знакомства, где никто не мешал ей вспоминать и мечтать.

Сонной она точно не была. Опыт перемещения в пространстве, хотя и в роли пассажира, разбудил мозг девочки, возможности которого стали стремительно расширяться. Это развитие, которого Полина пока не осознавала, лежало далеко за пределами школьной программы: в ней начала раскрываться способность чувствовать движения энергии всего живого – и однообразный полупустой мир внезапно переполнился. Не испытанные до встречи с «пришельцем» ощущения хлестали через край! Они просто атаковали Полину, а бедняжка не знала, как справиться с этим неуёмным хаосом без посторонней помощи, и от смущения и замешательства казалась окружавшим её homo sapiens заторможенной. Теперь-то принять участие в судьбе Полины, помочь ей расправить крылья было моим долгом. Я подумал, что это занятие будет много приятнее охоты на вампира! И всё же передать Васюру в руки человеческого правосудия было важнее всего. Только это окончательно ограждало меня от участи убийцы. «Скорей бы всё разрешилось!» – думал я. Моё сердце рвалось остаться с ней, у тихого озера, хотя бы ненадолго, но, сделав над собой усилие, чтобы так и не показаться на глаза девочке, я вернулся в Бровары.

А вот на Руслана встреча со школьной любовью подействовала с точностью до наоборот: он больше не испытывал ни былой привязанности к Анне, ни обиды на неё – и это принесло странное чувство освобождения. Как будто дверь в прошлое, которая целых десять лет оставалась приоткрытой на маленькую щёлку, наконец, решительно захлопнулась. Собираясь посетить дом майора, Руслан рассуждал уже трезво. Он понимал, что необходимо было задобрить в первую очередь хозяина, поэтому не преминул запастись бутылкой самого приличного коньяка, доступного его карману. Для остального семейства он решил остановиться на коробке «Вечернего Киева». И то, и другое он смог достать через свою квартирную хозяйку, много лет работавшую кладовщицей в центральном гастрономе. В голове журналиста тут же сложился заголовок «Как я искал «Вечерний Киев» в Броварах», но он благоразумно отбросил идею очередного обречённого на похороны в редакторском столе памфлета. С лихвой отблагодарив хозяйку за доставку дефицитов, Руслан быстро вышел за калитку и зашагал по пыльному тротуару в сторону противоположного

конца города, где в высотной новостройке свила своё гнездышко майорская чета.

Обменявшись рукопожатием, Руслан последовал за Селивёрстовым через длинную прихожую в большую комнату, обставленную обитым бежевым плюшем комплектом из большого дивана и двух удобных кресел, а также новой тёмно-ореховой мебельной стенкой, под стеклом которой красовались расставленные в симметрическом порядке хрустальные бокалы. На противоположной стороне, за спинкой дивана во всю стену красовался огромный с замысловатыми узорами ковёр, в котором я рассмотрел невидимую человеческому глазу, но весьма активно копошившуюся жизнь. К дивану был приставлен раздвинутый во всю гостеприимную ширину стол-книжка, и хозяйка дома заканчивала раскладывать на нём деликатесы, накануне привезённые мужем из столицы. Их дочь практиковала гаммы на стоявшем в углу той же комнаты компактном пианино, а за её спиной работал цветной телевизор с выключенным звуком.

Получив амнистию с появлением гостя, девочка радостно убежала, а Анна подумала, что надо бы озадачить мужа перенесением инструмента в детскую. Да и вообще пора бы расселить двойняшек в разные комнаты, хотя для этого им с мужем и придётся переехать жить вот в эту, большую, которая до сих пор по-барски выполняла только роль гостиной. Анна считала себя счастливой и гордилась своими достижениями – ведь у неё было всё, он чём могла мечтать советская женщина: любимый муж на хорошей должности, выросшие на таёжной природе здоровые и спокойные дети, и вот теперь – эта прекрасная трёхкомнатная государственная квартира «почти в Киеве», в которой жена майора надеялась и состариться. Сюда было не стыдно пригласить как бывшего одноклассника, так и сослуживцев Николая с их любящими сладкое и посплетничать жёнами. Руслан тоже оценил представшее его глазам благополучие и искренне порадовался за Аню. Он знал, что счастливые люди охотнее помогают другим.

В безмолвном телевизоре молодые мужчины в коротких шортах гоняли мяч по огромному полю, окружённому несколькими восходящими ярусами сидений, заполненных то и дело вскакивавшими и неистово жестикулировавшими людьми.

– Какой счёт? – поинтересовался Руслан у хозяина.

– 3:1, «Динамо», – весело ответил Николай. – Ты за кого болеешь?

– За «Динамо»! – Руслан сказал правду и широко улыбнулся, выставляя на стол коньяк.

– Наш человек! – майор протянул руку гостю. Занятно было наблюдать, как часто мужчины homo sapiens обменивались рукопожатием, особенно когда стремились продемонстрировать взаимное расположение. На самом

деле каждый из двоих слегка опасался другого, но противниками они друг друга не считали и становиться ими не желали.

– Вы тут общайтесь, а я закончу на кухне, – сказала Анна, припрятала от детей коробку с конфетами и оставила мужчин принохиваться дальше наедине. Принесённый гостем коньяк тут же оказался в руках у Николая.

– Ну что, по одной за знакомство? – предложил он. – Или, может, водочки?

– Можно и водочки, – согласился Руслан, на самом деле мало знакомый с культурой распития коньяка.

– Закусывайте! – долетел из кухни женский голос. Мужчины заговорщицки переглянулись и одновременно хмыкнули. Майор предпочитал держать марку, а Руслан и хотел бы закусить, но постеснялся. Так алкоголь и отправился путешествовать по их несчастным организмам в одиночестве. Наливая по второй, майор положил к себе на тарелку кусок селедки, и Руслан с облегчением последовал его примеру. Николай, наконец, решил, что пора озвучить вопрос:

– Так что же привело тебя к нам после стольких лет? У тебя какое-то дело?

Накануне он приехал из Киева поздно, а утром все были заняты обычной суматохой: завтрак, сборы в школу и на службу. Анне же, как обычно, хотелось спихнуть решение сложного вопроса на мужа, поэтому на этот раз она даже радовалась, что можно было спрятаться за повседневными заботами. Расслабившийся от водки Руслан встретил открытый взгляд собеседника и понял, что пора.

– Если честно, я теперь жалею, что раньше с тобой не познакомился, Николай Иванович. Давно было пора покончить с детскими обидами... – начал он, и, после короткой заминки, добавил: – Хотя, кажется, время меня действительно вылечило, – с этими словами он ответил майору таким открытым дружелюбным взглядом, что у того сразу отлегло от сердца. А Руслан выложил нашу папку на край стола. – Да и дело у меня в настоящий момент совсем не детское. Мне в руки попали вот эти материалы.

Николай потянулся к документам, открыл первую страницу и, демонстрируя полное неведение, спросил:

– Что это?

Руслан тут же понял, что заведующая отделом награждений ничего не рассказала мужу о сомнениях по поводу ветерана Васюры. Тогда он передал начальнику военкомата всё, что знал о деле, иллюстрируя свой рассказ выдержками из копий протоколов.

– Понимаешь, получение официального доступа к изучению военных архивов займёт вечность. И потом, Васюра – человек уважаемый. Не

хотелось бы подставляться в случае, если все эти копии – подделка, – закончил журналист.

«И ты решил подставить меня!» – пронеслось в мыслях у внимательно слушавшего начальника военкомата, но в эту минуту в комнату вернулась Анна.

– Меня тошнит от одной мысли, что всё в папке может быть правдой! Представляете – наградить *вот это* юбилейным орденом Отечественной Войны? Брр! – сказала она, невольно передёрнув плечами, а потом обратилась к мужу: – А копии, скорее всего, от настоящих протоколов.

– Почему ты так уверена? – возразил майор. Анна присела на широкий подлокотник дивана и понизила голос почти до шёпота, как будто её могли подслушать:

– Сегодня утром я позвонила в архив и сделала запрос. Мне ответили, что с июля 1941 года Григорий Васюра числится пропавшим без вести. Выходит, ваш уважаемый человек – привидение.

*«Кричали женщины «ура» и в воздух чепчики бросали!» – цитата из комедии Александра Грибоедова «Горе от ума», выражающая женское восхищение мужчинами-военными.

Глава 20. Мерцание индиго

Васюрой занялись homo sapiens. Все, кто с моей помощью узнал о его нацистском прошлом, были настроены решительно, и мы считали, что человеческая судебная машина вполне способна была разобраться с военным преступником без моего вмешательства. Мне оставалось на время отстраниться и держаться от Васюры подальше во избежание соблазна самому расправиться с ним. Так или иначе, поняв, что делает вампира вампиром, я неплохо продвинулся в выполнении миссии. Пожелают ли теперь лемурианцы вмешаться и остановить полный захват планеты Земля этой тупиковой ветвью эволюции человечества? Для принятия подобного решения нужны были все мои соплеменники, а до следующего Единения оставалось чуть меньше трёх земных месяцев. Их я хотел провести с Полиной.

В моё отсутствие девочка снова и снова приходила к нашей скамейке у озера. Лишь эта вода, эти кусты и деревья видели то, что видела она, и только им была понятна тоска, не покидавшая бедняжку после единственной встречи с удивительным пришельцем. А тёплые майские дни нудно

тянулись нескончаемой вереницей, и всё свободное время Полина проводила, сидя на берегу как приклеенная в ожидании нового чуда. Девочка уже начинала думать, что это чудо не повторится никогда и что впредь в её жизни не будет ничего, кроме таких вот приторно-однообразных тихих дней снаружи – и хаоса мыслей и ощущений внутри. Тем сильнее стало её ликование при моём появлении.

– Ян! Ты вернулся! – мощная волна радости подбросила Полину на ноги. Она с трудом сдержала желание кинуться мне на шею, а её энергетическое поле, сдавленное ежедневно разраставшимся, словно гигантская опухоль, чувством безнадёжности, буквально утроилось и превратилось в ослепительное ярко-синее с фиолетовым сияние. Ещё немного – и, казалось, в её следах на траве начнут распускаться цветы.

«Здравствуй, любимая!» – подумал я, а вслух сказал с безмятежной улыбкой:

– Я же обещал. Помнишь?

– Помню, конечно, – со вздохом ответила Полина и отступила назад. – Ещё бы не помнить, только... мало ли кто что обещал! – эта юная душа уже была отравлена человеческим скептицизмом.

– Я вижу, вера твоя пошатнулась, – укоризненно констатировал я.

– Есть немного, – со вздохом призналась девочка и вернулась на лавочку. На самом деле, снова увидев моё появление «из воздуха», Полина на мгновение усомнилась в собственном рассудке, а теперь вдруг растерялась и не знала ни что делать, ни что говорить – и какой же милой она была в своём смущении! Её сердечко бешено колотилось, щёки пылали, а от миниатюрных ушек можно было бы разжигать костёр. Мне было и смешно, и жалко несчастного подростка, обречённого переживать вот такой разрушительный ураган внутри собственного тела. Чтобы помочь ей справиться с неловкостью, я перешёл прямо к делу:

– Скажи, о чём ты мечтаешь больше всего на свете? – девочка, не ожидавшая такого с места в карьер поворота, удивлённо вскинула брови, а я заверил: – Я серьёзно спрашиваю!

После минутного раздумья она тихо проговорила:

– Я бы хотела... увидеть весь мир, – хотя эта светло-русая головка вовсе не напоминала цыгановатых лемурианцев, душа моей возлюбленной рвалась в полёт, подобно не ведающим границ истинным homo liberatus. А в следующую минуту ей припомнились шумные вагоны поездов дальнего следования и тошнотворная духота старенького автобуса, на котором мать или отец довозили её в гости к бабушке, от затерявшейся в степи железнодорожной станции до небольшого посёлка в Краснодарском крае. Так что Полина передёрнула плечами и добавила: – Но я не люблю поездов.

И самолётов. И автобусов... и вообще всего, в чём ездят, как селёдки в консервной банке. Фу! – и она скорчила смешную рожицу. – Знаешь о чём я думала, пока тебя не было?

– Конечно, знаю! – ответил я, и мы оба рассмеялись. – Ты желаешь преодолевать пространство так же легко и быстро, как когда я перенёс тебя отсюда прямо в твою комнату, – и, не дав вечно сомневающемуся в себе подростку начать говорить о несбыточности такой мечты, я, наконец, открыл Полине секрет её происхождения: – Дело в том, что в тебе есть ген *homo liberatus*.

– Чего-чего? Ген кого?

Детей, генетически связанных с обеими нашими расами, легко различить по ауре цвета индиго, которая годам к двадцати пяти – тридцати у большинства из них изменяется на другой оттенок, в зависимости от духовного становления. После этого определить родство *homo sapiens* с нами намного труднее. Так я и понял с первой же встречи, что Полина состояла в родстве с моим народом.

Юные потомки *homo liberatus* среди людей никогда не переставали удивлять. Таланты детей индиго разнообразны, как оттенки в палитре гениального художника: от почти незаметных окружающим сверхчувствительности и тонкой интуиции до мощного «колдовского» дара, воспетого в человеческих сказках. Одни слышат невысказанные мысли, другие предчувствуют будущее, третьи передвигают предметы, не прикасаясь к ним, а особо одарённые, единицы, даже самостоятельно овладевают искусством телепортации и астральных перемещений. Невозможно предугадать, какую удивительную смесь Природа задумает впрыснуть в следующий сосуд жизни, так что лемурианцы только шутят, когда говорят, что зачатие детей с *homo sapiens* – наш вклад в улучшение человеческой расы.

Мы и не пытаемся ничего предугадать. В делах любви *homo liberatus* далеки от сегрегации и беззаботны, как сама Природа, которой они привыкли доверять. Природа сама поддерживает свой баланс. Словно беспечный экспериментатор, она развлекается, тасуя и причудливо смешивая миллионы жизней, создавая новые, а потом вынуждает их бороться с трудностями, которые сама же и предлагает.

До момента моего повествования очень немногие из наших утруждались специально разыскивать своих рассеянных по Земле дальних родственников, потому что невозможно предсказать, в каком глухом захолустье или безумном водовороте мегаполиса замерцает следующий ярко-синий огонёк. И всё-таки, случайно повстречав индиго, любой лемурианец постарается научить его использовать дар во благо Природе,

научить чувствовать и понимать её. Из простого сострадания. Это всё равно, что спасти от голода и зимней стужи попавшегося на пути бездомного котёнка. И да, среди нас всегда есть несколько энтузиастов, добровольно посвящающих жизнь молодым «магам» на Земле – но я вовсе не принадлежу к их числу. Меня интересовала одна Полина.

– Из таких детей, как ты, иногда получаются волшебники, – начал я без обиняков. Девочка раскрыла рот от удивления, а я лишь улыбнулся и продолжил: – Например, отец Мерлина, самого великого волшебника в человеческой истории, был homo liberatus, которому пришлось оставить мальчика среди людей только потому, что тот родился с геном страха, – юная индиго смотрела на меня во все глаза. Я прекрасно понимал, какими неправдоподобными мои слова казались застрявшему в человеческой матрице подростку, но продолжал подливать масла в огонь: – Были и другие. Можно с уверенностью сказать, что все великие пророки и целители на Земле – наши родственники, как и ты.

Полина не знала, что и думать. Она больше не могла сомневаться в реальности мира, о котором до нашей встречи лишь зачитывалась в фантастических историях, но поверить в свою собственную принадлежность к этому миру было для неё уже слишком! Наконец, девочка обрела дар речи и сумела пролепетать:

– Но... я ведь... обычная...

– Ты сама-то в это веришь? – иронически хмыкнув, остановил я. Она сконфуженно пожала плечами. – Тебе что, нужны доказательства?

– Ну да... – смущённо промямлила Полина.

– Хорошо. Помнишь, как мы перенеслись отсюда в твою комнату? – спросил я. Она закивала. – Что ты чувствовала сразу после телепортации?

Полина мечтательно улыбнулась и, прикрыв глаза, ответила:

– Было здорово! Будто взлетаешь высоко-высоко на качелях – а потом падаешь и снова взлетаешь!

– Ты хотела бы ещё? Хотела бы это повторить?

– Ты ещё спрашиваешь?! – с готовностью воскликнула она.

– Ну вот. А для организма обычных homo sapiens, если им выпадает редкий случай перемещаться в пространстве в роли пассажиров, телепортация – нелёгкое испытание. Примерно вот такое, – и я визуализировал перед Полиной своё воспоминание о том, как Андрея Пилатова стошнило в дядином палисаднике, когда я перенёс его туда из Москвы.

– Фу! – и девочка поморщилась. – Хорошо, что у меня такого не было!

– Это потому, что ты похожа на меня... ну, во всяком случае, до определённой степени, – пояснил я.

– Но как? Мои родители – обычные люди!

– Обычные? Возможно. Но дело, вероятно, не в них, а в их предках, и весьма дальних. Точно могу сказать только то, что по отцовской линии.

– То есть мой папа – тоже? – поразилась девочка, вытаращив глаза.

– У него свои таланты, – уклончиво ответил я. – Не могу тебе сказать больше, – не стоило обсуждать с подростком участие её отца в секретном оборонном проекте, о котором даже семьям знать не полагалось. Полина умолкла, возбуждённо пытаюсь вообразить полную чудес жизнь, так неожиданно замаячившую впереди. Новые ощущения, начавшие атаковать девочку после случившейся месяц назад телепортации, теперь приобретали смысл. – Так вот, тебе понравилось перемещаться в пространстве как раз потому, что это у тебя в крови, – закончил я и спросил без пафоса: – Хочешь научиться?

– Ты ещё спрашиваешь?! – воскликнула девочка. Да, вопрос был действительно дурацким. – Я готова! Правда! – но вдруг спохватилась: – Ой у меня же каникулы начинаются через две недели! И родители отправляют меня к бабушке! – Полина так наивно, так искренне расстроилась, что я смеялся до слёз.

Главное препятствие к достижению homo sapiens истинной свободы – их тоннельное, нуждающееся в моделях и шаблонах мышление. Каждый человеческий ум живёт в эдакой коробочке. У кого-то она невероятно тесная, у кого-то чуть побольше, а кто-то, раз пострадав от собственной ограниченности, заражается ментальной клаустрофобией и начинает отчаянно охотиться за знаниями, пытаюсь раздвинуть стены своей столь же непреодолимой, сколь и эфемерной тюрьмы. Как бы ни старались люди, они лишь подменяют одну ментальную модель на другую, а вырваться за пределы и оказаться свободным до конца не способен ни один из них, даже индиго. Несколько секунд, обиженно сдвинув брови, Полина в недоумении наблюдала, как я хохотал. Наконец, до неё дошло, что именно меня развеселило, и она тоже захихикала.

– Бабушка ведь живёт у моря? – спросил я, наконец, отсмеявшись. – Это отличное место для обучения – медитации и тренировок, – и, заметив кислую рожицу, которую девчонка скорчила при слове «обучение», я добавил с весёлой строгостью: – Ты же не думаешь, что сможешь перемещаться в пространстве по щелчку пальцев? Я тебе не фея-крёсная!

– Конечно, не думаю, – соврала Полина и покраснела, поймав мой укоризненный взгляд. И тут я понял, что придётся запастись терпением. Никогда не считал педагогику своим призванием, и раньше мне казалось бессмысленным то, как некоторые лемурианцы возятся со случайно найденными среди homo sapiens дальними родственниками. А теперь меня

неотвратно тянуло к этой чуть несуровой девочке-индиго, и любовь не позволяла бросить её с этими способностями на произвол судьбы, так что я, хоть и неохотно, но продолжил разочаровывать подростка:

– Перемещение в пространстве – это не волшебство. Даже чистокровные homo liberatus не получают всё, что они умеют, на блюдечке. Лемурианцы начинают учиться управлять своими силами мало по малу, с самого младенчества, а полным спектром возможностей овладевают лишь годам к тридцати-сорока, по земному летоисчислению. Иногда и позже. Мне, например, межпланетная телепортация не удавалась аж до сорока четырёх лет. Поэтому не жди, что я повоюю руками у тебя над головой – и ты сразу сможешь путешествовать без границ. Такое происходит только в волшебных сказках, которые сочиняют невежественные homo sapiens.

«Жаль», – подумала Полина, искоса взглянула на меня и фыркнула, а я ухмыльнулся и окончательно развеял её надежды на лёгкое волшебство:

– Если сможешь для начала преодолеть пару метров, будет очень хорошо! Поняла? – Полина поджала губы и молча кивнула. – А теперь ступай домой. Сама. Пешком пока что. И по дороге поразмышляй о том, как могла бы лучше использовать энергию, которую ты потратишь на работу ногами, преодолевая... сколько здесь? – я прищурился, оценивая. – Ну, скажем, два километра, – я постарался придать своему тону назидательность, но индиго безошибочно различила смех в моём голосе. Она показала мне язык и отправилась восвояси, одновременно счастливая и озадаченная. Полина несказанно радовалась моему возвращению, а теперь ещё и ожидала невероятных метаморфоз, но новость о том, что успех овладения «магическими» способностями зависел в первую очередь от неё самой, подействовала на девочку отрезвляюще. Не то, чтобы моя индиго не желала трудиться – просто сомнение в успехе тут же начало точить отравленную человеческим страхом душу подростка. Мне-то она верила – а вот веры в себя ей сильно не доставало.

Я собирался расположиться для сна тут же, на берегу, создав энергетический купол, но прежде надо было как следует разобраться, с чем же предстояло иметь дело. Глубокой ночью я перенёсся в комнату Полины. Даже в своём крепком сне несчастная боролась с гравитацией: лёжа на животе, она упиралась в матрац коленом согнутой ноги и локтем левой руки, а правой рукой обнимала подушку, в которую уткнулась лицом, тихонько посапывая. Несколько минут я любовался безмятежным сном девочки, борясь с желанием стащить эту серую в розовый цветочек пижаму с её не знавшего любви тела и ласкать, ласкать до изнеможения... Но я явился не за этим и, когда в конце концов справился со своим порывом, не дотрагиваясь, провёл ладонью вдоль позвоночника спящей, там, где свечение индиго

граничило с прозрачностью воздуха. И стало ясно, что искусственно, за один сеанс восстановить энергетическое поле этого юного, но уже помятого цивилизацией создания действительно не удастся. Не удастся и за два. А я-то в глубине души надеялся, что поддразнивания о трудностях и тренировках обратятся в шутку!

Самый большой затор находился у Полины во второй чакре. Впрочем, засорённость двух нижних центров энергетического обмена у homo sapiens ни для кого из лемурианцев не новость. Причина – всё тот же страх. А когда энергия застаивается на таком примитивном уровне, можно использовать, в лучшем случае, лишь пятую часть мозга. Мне всё казалось, что индиго должна была отличаться от обычных людей, но приходилось признать, что я ошибался и что, несмотря на родство с homo liberatus, ей предстояло преодолеть намного более сложный путь, чем детям Лемурии. Сперва нужно было помочь Полине вырваться из оков человеческой матрицы, потому что без очищения и восстановления красной и оранжевой чакр нельзя надеяться не только на освоение телепортации, но даже и такого примитивного навыка, как телепатия. Кто знал, что из этого получится? Судя по опыту Единения, лечить людей от них самих – задача нелёгкая и неблагодарная, а иногда вообще не выполнимая. Я бы просто ушёл, если бы не любил Полину так сильно. И хотя эта попытка обещала перерасти в пытку, на следующий день я бодро приступил к первому опыту:

– Закрой глаза и представь всё, что доставляет тебе удовольствие. Не важно, в каком порядке.

Девочка удивлённо уставилась на меня. Она уже настроилась на трудности и не ожидала, что речь пойдёт о чём-то приятном. Я поощрительно кивнул. Тогда моя индиго закрыла глаза и задумалась. В её воспоминаниях калейдоскопом закружились обрывки ощущений и картинок из пока ещё весьма скудного жизненного опыта.

...Ласкающая ноги тёплыми поцелуями морская вода. Умиротворяющее шуршание прибоя. Лёгкое дуновение солёного бриза в лицо. Мягкий влажный песок, преображающийся в причудливые постройки под руками маленькой выдумщицы... Да, морское побережье обещало стать идеальным местом для наших занятий.

...Шелест листвы в торжественной тишине неподвижного с виду, но наполненного музыкой жизни леса. Растворённость, затерянность в этом таинственном зелёном шуме – чувство, знакомое любому ребёнку Лемурии.

...Вот пятилетняя Полина громко поёт на качелях в бабушкином саду, и чистый голос ещё не знающего застенчивости ребёнка свободно льётся в такт захватывающим взлётам и падениям, разносясь по соседним дворам и заставляя людей улыбаться...

...Яркие картинки из фильмов про любовь и приключения, которым девочка-подросток научилась сопереживать, воображая себя на месте героев...

...Вот и сама она идёт по пустынному пляжу рядом с кем-то прекрасным и сильным – высоким широкоплечим блондином, увы, совершенно не похожим на меня – ещё не встреченным, отчего и очертания его лица нечётки, но вполне настоящее сладкое волнение неизменно охватывает тело Полины в том месте фантазии, где воображаемый *он* берёт её за руку.

На этом «неприличном» месте моя индиго словно одёрнула себя, и её мысли резко переметнулись к совсем иным радостям: она вспомнила вкус шоколада и ванильного мороженого в лимонной глазури. Потом восхитительно мягкие, с тягучей начинкой конфеты из сгущённого молока. Потом воздушный эклер с нежным таящим на языке сливочным кремом. Пропитанные ароматными специями и томатным соусом кусочки телятины в мамино фирменном беф-строганофф. Хрустящую румяной корочкой картошечку с поджаристым луком и скукоженными побуревшими лисичками. И, наконец, пельмени со свежим домашним фаршем, заправленным дразнящим нос чесноком и душистым перцем, утопающие в жирной сметане, смешанной со сливочным маслом! У девочки даже слюнки потекли – так ярко она вообразила все эти незатейливые изыски.

Бррр! Только теперь мне удалось хоть немного прикоснуться к смыслу кулинарной культуры *homo sapiens* и понять, почему они так любят свою отравляющую тело еду. Пищевые удовольствия занимали поистине несоразмерное место в ментальном пространстве Полины, словно она пристрастилась к наркотику, подменявшему чуть ли не все остальные, менее доступные радости жизни. Если разобраться, такому положению дел удивляться не приходилось. Ведь море было далеко, качели давно превратились в забаву для маленьких, в лес, пусть даже он находился прямо за окном, девочка попадала только когда освобождалась от школы и других обязанностей матрицы, а любовь, согласно наставлениям родителей, должна была вести напрямиком к свадьбе, о которой в неполных четырнадцать лет даже думать не подобало. И только в еде Полину не ограничивали – не удивительно, что моя индиго таскала на себе лишний жирок и любила покушать. И всё-таки её воспоминания принадлежали человеку жизнерадостному, несомненно способному испытывать весь спектр удовольствий, как телесных, так и духовных. Почему же оранжевая чакра моей юной подруги была так плотно закупорена? Я недоумевал.

Ответ не заставил себя долго ждать. Вдруг Полина встрепелась и распахнула глаза. Взглянув на свои маленькие ручные часики, она взвизгнула:

– Ой! Мне же пора домой! – без дальнейших объяснений девочка вскочила на ноги и быстро зашагала в сторону городка.

– Подожди! Куда ты? Мы же не закончили! – мои попытки убедить её задержаться хоть на минуту были сведены на нет тревогой, как ураган, напроць сметавшей любые разумные доводы.

– Мама уже, наверное, с ума сходит! – бросила на ходу моя индиго и уже бегом припустила через лес.

Ещё ни разу за месяц, поведённый на Земле, я не был так озадачен. Словно в окно, через которое мы вместе любовались приятными воспоминаниями, вдруг влетел грубый тяжёлый булыжник – и едва наступившее столь необходимое душе подростка умиротворение, разлетелось вдребезги на острые осколки. Где росли зелёные деревья, остались лишь жалкие пни. Где плескалась морская вода, зияли сухие трещины. Девочка бежала домой вприпрыжку, её сердце чуть не выскакивало из груди, кровь пульсировала в висках. Она взлетела на третий этаж через две ступеньки, распахнула незапертую дверь и крикнула с порога:

– Мамочка, извини, я опоздала!

– Ох, ну слава богу! – послышался из комнаты недовольный грудной голос. – Я уже целый час места себе не нахожу! Где тебя носило?

– Прости меня, пожалуйста! – умоляющим голосом отвечала Полина, входя в комнату. – Гуляла в лесу и задумалась...

Я незримо присутствовал при этой домашней сцене, желая выяснить, почему моя индиго так резко сорвалась с места и ради чего оборвала медитацию на полдороги. Полина мать сидела в мягком кресле перед телевизором. Перед ней на квадратном тёмного дерева журнальном столике стояла большая плоская тарелка, на которой лежала едва начатая разрезанная вдоль целая сайка с хрустящей корочкой, тщательно натёртой чесноком. Каждая половина мягкого белого пористого хлеба была покрыта не слишком-то тонкими стёжками копчёного свиного жира. В общем, из съедобного с моей точки зрения на тарелке был только чеснок. Всё это запивалось чашкой крепкого и очень сладкого чая. Такова была ежевечерняя ритуальная трапеза в ожидании мужа, и ближе к ночи ему мало радости перепало от отяжелевшей после плотного ужина сорокалетней супруги. А та в тайне страшилась забеременеть «на старости лет», отчего любовным утехам предпочитала удовольствие от еды. Выяснилось, это от матери Полина переняла привычку подменять вкусоностями все так или иначе не доступные радости жизни.

Из мыслей же женщины я понял, что прерванный ужин раздосадовал её больше, чем само опоздание дочери, но жена офицера считала воспитательную беседу главной родительской обязанностью. Нельзя было

«позволять ребёнку распускаться», так что Полинина мать, как обычно, довольно правдоподобно взялась рукой за сердце, явно не собираясь дарить провинившейся девочке лёгкое прощение.

– На целый час задумалась? Как же так можно? А мысль о матери тебя случайно не посетила среди прочих? – с гневным сарказмом спросила она. – И обувь сними, будь добра! Не носи грязь в квартиру!

Полина, всё ещё запыхавшаяся, вернулась в прихожую и неловко скинула туфли, желая провалиться сквозь землю, хотя, между прочим, это на ней лежала еженедельная уборка обеих комнат их хрущёвки. Грехи в этом доме отпускались редко, а регулярно подогреваемое чувство вины успешно заменяло наказания. Полина изо всех сил старалась не совершать промахов, но часто получалось наоборот: мать всё равно изыскивала новые лазейки для придинок.

– Уроки сделала?

– Да, конечно! Всё в порядке, – оправдывающимся голосом ответила девочка. – Там немного совсем: конец четверти же!

– Ну смотри! – поджав губы процедила мать. – Переодевайся и причешись, пожалуйста, не шастай по дому лохматая. И иди мойся, пока отец не явился.

Полина отправилась в ванную, а я, удивлённый тем, как беззастенчиво эта женщина вампирила собственную дочь, заинтересовался её мыслями. Мне-то было ясно, что часовое опоздание девочки домой переживалось матерью гораздо меньше, чем это казалось дочери. Все знали, что в строго охраняемом военном городке, окружённом колючей проволокой, опасность улицы для подростка была близка к нулю. Хотя, справедливости ради надо заметить, что жена офицера действительно привезла из своего родного миллионного города многочисленные страхи, не уместные в маленьком посёлке: что девочка свяжется с плохой компанией, начнёт пить, чем-нибудь колотиться и пойдёт по рукам или будет обижена злыми людьми. Законченным вампиром Полинина мать не была, но энергетический голод испытывала часто – из-за отчаянной нехватки ярких впечатлений «в этой глуши», куда ей пришлось последовать за мужем. Такова была цена престижного брака с военным. И скучающая женщина часто воображала сценарии ужасов из городских баек в таких ярких деталях, что их воплощение в жизнь уже представлялось лишь вопросом времени и ошибок, которых девочка-подросток, казалось, просто не имела шансов избежать. Воображала и отчаянно старалась навязать дочери страх – единственное, по её мнению, средство, способное от этих самых ужасов оградить.

Однако у сорокалетней дамы с удовольствием всё было в порядке, потому что она виртуозно умела вызывать в близких желание заглядеть вину и

сделать для неё что-нибудь приятное. Особенно старался муж, потому что был слишком занят службой, и в редко выдававшееся свободное время с готовностью исполнял все прихоти любимой супруги. Скука превратила офицерскую жену в настоящую королеву драмы, а, за частым отсутствием дома мужа, самым доступным и безопасным видом драмы было воспитание ребёнка, в чём она регулярно и упражнялась. Мать внушала девочке, что живёт исключительно ради неё. Под предлогом исполнения дочернего долга от Полины требовалось крайне бережное отношение к материнским нервам и сердцу, по правде говоря, на удивление здоровому, учитывая частые испытания свинным салом. А тревожность и непроходящая виноватость подростка служили доказательством того, что совесть у ребёнка развивается как следует. Так что чувство собственной правоты, неизменно приходившее во время спектакля с прикладыванием к сердцу руки, дополнялось приятным сознанием выполненного родительского долга. Полинина мать всегда была права, по крайней мере, в собственных глазах, регулярно кого-нибудь критиковала, а сама крайне редко испытывала чувство вины, которое, главным образом, и подавляет оранжевую чакру.

Она действительно не позволяла Полине распускаться – девочка словно застыла в состоянии многообещающего чудесного бутона. Мать, предпочитали не замечать, насколько сильно Полина отличалась от остальных детей, а та, ранимая, как любой подросток, глубоко переживала свои «промахи» и «ошибки». Почти вся энергия, которую моя индиго выносила из спасительного общения с лесом, уходила на то, чтобы заслужить одобрение. Девочка «не зазнавалась», то есть не придавала значения своим талантам, оставаясь не слишком высокого мнения о себе. Отказывалась от многих своих желаний, потому что мать считала их вредными или ненужными. Впрочем, невозможно полностью искоренить дух свободы в потомке homo liberatus. Полина часто поступала по-своему, когда рядом не было других людей, отчего и предпочитала уединение. И всё же энергетические перебои в её чакре удовольствия были весьма серьёзными.

Я вернулся к озеру в глубокой задумчивости. Всего за месяц пребывания на родной, но всё ещё так мало знакомой планете, я налазил взаимопонимание с несколькими взрослыми homo sapiens и с их помощью выследил вампира, а теперь вдруг почувствовал себя в тупике. Растерялся перед незримой эмоциональной стеной, отделявшей от меня четырнадцатилетнюю девочку. И пока моё уставшее тело набиралось сил под надёжным энергетическим куполом, душа устремилась к затерянной среди звёздного неба едва различимой точке под названием Новая Лемурия, за советом.

– Папа! – позвал я. Симон тут же отозвался:

– Здравствуй сынок.

Он наблюдал за мной всё это время и не нуждался в объяснениях, и теперь его душа говорила с моей. В этом астральном измерении отец увлёк меня куда-то. Было таким облегчением просто следовать, ни о чём не думая, ничего не решая! Мы с Симоном уходили вглубь лемурианских джунглей, и каждый шаг возвращал меня на день назад, делая всё моложе и любознательнее, а затем всё меньше и неопытнее. Через пятнадцать тысяч шагов я снова стал маленьким мальчиком, каким был после бегства из опустошённой вампирами Хатыни. Мы оказались у водопада. Его потоки грациозно скользили вниз. Каждая капля воды не падала, а неторопливо планировала в воздухе, отражая солнечный свет крохотными радугами, в которые маленький Ясик так любил вглядываться. Симон внёс меня в переливавшееся нежными цветами водяное облако...

...Вырванное из войны маленькое одинокое существо не задавалось вопросом, каким образом отец и другие жители Лемурии понимали друг друга без слов. Я и сам тогда замолчал на много месяцев, но почти сразу стал слышать внутренние голоса *homo liberatus*, а вскоре и остальных живых существ, населявших планету. Это вовсе не показалось мне странным. Наоборот, я думал, что так и было нужно, и решил, что раньше я не слышал мысли потому, что был маленький, а теперь просто стал большим.

Homo liberatus не рассказывают своим детям ни сказок, ни поучительных историй, а просто показывают жизнь, отпуская в свободное от ограничений путешествие по ней и лишь чутко наблюдая со стороны, всегда готовые прийти на помощь. Малышам позволяют самостоятельно влиться в мир, научиться жить в согласии с Природой внутри и вне себя. На Лемурии нет школ. Каждый новорождённый *homo liberatus* становится главным занятием своих родителей на следующие за рождением ребёнка десять-двенадцать лет, по истечении которых юные лемурианцы полностью способны как защитить, так и прокормить себя. Я вспомнил, как вместо ответа на любой вопрос Ясик, родившийся на Земле и привыкший надеяться на взрослых, получал лишь поощряющий к исследованию кивок от неотлучно бывшего рядом отца – и с увлечением пускался навстречу удивительным открытиям. В конце концов, ответы находились без посредников, и из самой Природы я черпал понимание того, что правильно, а что нет.

Симон, даже больше других родителей старался помочь мне стать независимым – сильным и мудрым. Он не желал, чтобы меня постигла судьба Иисуса. Я всегда могу рассчитывать на отца, хотя давным-давно и вышел из детского возраста. Он остаётся моим лучшим другом – вот и теперь

указал мне путь, оживив воспоминания детства: мне предстояло сделаться для Полины не учителем, а проводником и переводчиком.

«Ключ к успеху – твоя любовь, – сказал мне на прощание Симон, хорошо знавший людей. – Ребёнком индиго, воспитанным в любви, движет любовь, а от «магии», творимой из страха или обиды, хорошего не жди».

Глава 21. Три луны с индиго

Homo liberatus не строят воздушных замков, поэтому и чувство разочарования нам почти не знакомо, а боязнь не соответствовать чьим-то ожиданиям вообще лежит за пределами нашей природы. Совсем иначе обстояли дела у Полины: чуть ли не единственное, чего она боялась – это разочаровать родителей, учителей, друзей – весь мир! И этот страх, буквально управлял жизнью моей индиго. Поэтому при мысли о неудаче тревога накрывала её с головой и так сильно истощала, что было удивительно, как у несчастного подростка ещё оставались силы, чтобы просто ходить. Какая бессмысленная трата энергии!

Полина приготовилась учиться перемещению в пространстве так же, как математике в школе, и вот на меня смотрела отличница, для которой оправдать ожидания учителя автоматически стало важнее самого искусства, которым она собиралась овладеть. Невольно оказавшись в роли судьи её успехов, я словно попал в дурацкую западню, выбираться из которой нам предстояло вместе. А несчастная пленница матрицы *homo sapiens*, в которой оценка является важнее знания, не осознавала даже самого факта своего плена. Приходилось набраться терпения и надеяться, что, благодаря нашим занятиям, оковы этой ментальной тюрьмы ослабеют, потому что только так можно было восстановить здоровый обмен энергии у юной жертвы цивилизации.

Началось лето, и берег озера стал слишком людным. Нашу скамейку чаще всего занимали влюблённые парочки, причём каждый вечер – разные, поэтому в ожидании отъезда Полины к бабушке мы тренировались в тихом месте в лесу, куда моя индиго любила приходить ещё до нашего знакомства.

– Ответь мне на вопрос: что это? – начал я, выставив вперёд указательный палец.

– Это? Это дерево, – ответила девочка, про себя удивившись простоте задачи. Я продолжал выжидательно молчать, и она добавила неуверенно: – Дуб...

– Хорошо, – согласился я. – Что ты о нём знаешь?

– Ну-у... – она на минуту задумалась. – Дубы живут долго, сто лет и больше.

– Допустим, – сказал я, стараясь сохранять бесстрастное выражение. – Что ещё?

– Из всех деревьев в природе средней полосы у них самый толстый ствол, – вспомнила и отчеканила Полина. Я скептически скривил губы, потому что дерево перед нами было молодое и ещё довольно тонкое. Девочка продолжала: – На ветках образуются жёлуди, которые падают на землю. Из них вырастают новые дубы, – моя подопечная сделала паузу и вопросительно посмотрела на меня, недоумеая, что же ещё я хотел от неё услышать, а я продолжал молчать, нарочно провоцируя замешательство. Она действительно растерялась и лягнула: – Из дуба делают мебель... и бумагу...

Тут я уже не выдержал и расхохотался.

– Откуда же ты всё это взяла?

– Не знаю... не помню, – сконфуженно ответила Полина. – Читала, наверное, или в школе рассказывали... или ещё в садике. А что тут смешного? – в конце концов обиделась она.

– Прости! Конечно, я не должен был смеяться, – извинился я, утирая слёзы. – Просто ты совсем не поняла мой вопрос: что ты знаешь он *этом* дереве? Ты ведь часто сюда приходишь, правда?

– Ну да... – неуверенно ответила индиго, а я подбодрил:

– Смелее! Вопрос скорее риторический. Я знаю, что это почти что твой друг!

– Да-а, это правда! – согласилась она с лучезарной улыбкой. – Ладно... Я поняла. *Этот* дуб ещё молодой. Растёт в тени других деревьев и, кажется, поэтому так поздно выпускает листья. Смотри, всё вокруг зелёное, а у него почки только чуть-чуть набухли...

– Молодец! – похвалил я. Наконец, мы встали на верный путь. – Что-нибудь ещё?

– Наверху есть гнездо какой-то птицы. Вон там, видишь? – Полина указала на еле заметный в густых ветвях тёмный узелок из сухих сучьев. – В прошлом году появилось. А сейчас неизвестно, живёт ли в нём кто-нибудь...

– Живёт, – сказал я, знающе подмигнув. Она опять улыбнулась и умолкла. – Это всё? – девочка неуверенно кивнула. – А скажи мне, дитя, почему ты всегда приходишь именно на это место, хотя в твоём распоряжении целый лес?

Полина никогда не задавалась этим вопросом.

– Не знаю. Тянет сюда, что ли...

– Умница! – снова похвалил я, причём она не поняла, за что. Матрица не предусматривала похвалы за незнание. Я объяснил: – Да просто это место силы в лесу, которое ты *сама* почувствовала! А дуб вот этот – проводник энергии, несмотря на свою молодость. Его корни уходят в недра дальше корней остальных деревьев, они питаются глубинными соками земли и выводят энергию наружу. Много живности является сюда днём и ночью, чтобы набраться сил, и дерево щедро делится с лесными обитателями, – и я вспомнил: «Как яблоня в саду у дяди Паши!» – Потому и листья выпускает позже других дубов. А из людей, видимо, одна ты почувствовала, что этот – особенный.

Полина слушала, как завороженная, и я добавил:

– «Дуб» и «дерево» – лишь слова, которые позволяют вам разложить мир по полочкам, как ты попыталась сделать вначале.

– Но ведь всё, что я сказала тоже правда! – возразила девочка.

– Что – правда? То, что из дубов делают мебель? Весьма печальная правда! – я не сумел сдержать раздражения. – Кто вообще придумал красть деревья у Природы, чтобы удобнее было сидеть, читать и писать, и было куда складывать свой хлам?

– Люди...

– И названия деревьям тоже дают люди. *Всего лишь homo sapiens!* Так им легче учиться, как дрова запасать, наверное! – когда речь заходит о Природе Земли, уничтожение людьми леса чуть ли не самая больная тема у лемурианцев. Полина втянула голову в плечи, как будто сама была виновата в том, что *homo sapiens* тысячелетиями вырубает деревья на дрова и постройки. Я опомнился: – Ну, ну, ты-то тут ни при чём! Подойди и обними своего друга, – девочка послушно сделала движение в мою сторону. – Да не меня, а дуб!

– Чего? – Полина притормозила и вытаращила глаза. – Ты хочешь, чтобы я обняла дуб?

– А разве ты этого никогда не делала? – хитро подмигнув, спросил я, и она опять смутилась. Полина всё забывала о моём прямом доступе к её мыслям, а когда вспоминала, чувствовала себя будто бы голой. – Я точно знаю, что, оказавшись наедине с собой, ты общаешься с растениями как с живыми существами – и правильно делаешь. Смелее! – подбодрил я.

Просьбу повторять не пришлось. Подойдя к дереву, Полина вдохнула полной грудью, закрыла глаза и обвила его руками. Я тут же про себя пожелал оказаться на месте дуба-счастливчика, а моя индиго слилась с мощным источником энергии, растворилась в нём, и долго стояла так, перестав, наконец, беспокоиться о моём присутствии. Определённо, это место было лучшим в округе для овладения так называемой «магией» – то

есть, от слова «мочь», выявлением и усилением возможностей человека. Когда моя индиго, наконец, отсоединилась от молодого дуба и открыла глаза, я сказал:

– А теперь ответь мне ещё на один вопрос: кто ты?

На этот раз она не спешила с ответом. Все те роли, что ей приходилось исполнять, словно маленькому бездумному винтику общественной машины, выстроились в уме четырнадцатилетнего подростка в нетерпеливую очередь:

«Ты же девочка и должна следить за своей внешностью!» – укоряла мама, когда Полина забывала причесаться или собиралась выйти из дому в неглаженной блузе. Жена офицера беспокоилась, что за неопрятный вид девчонки осудят мать.

«Ты же моя дочь и должна быть лучшей!» – настаивал отец, ожидая от Полины успехов в школе и ещё бог знает в чём. Трудно придумать более абсурдный мотив к достижениям, чем этот, превращающий ребёнка в инструмент удовлетворения родительского тщеславия. К счастью или нет, моя индиго училась легко и без усилий – она и так была лучшей, и такие вот подхлестывания только создавали ненужное напряжение, которое, как тяжёлый пресс, исподволь выдавливало её энергию.

«Ты же отличница и должна показывать другим пример», – повторяла учительница в надежде, что хотя бы этот тихий умный ребёнок не усложнит ей жизнь. Далёкой от тщеславия девочке «обязанность» показывать пример была в тягость.

«Ты же пионерка и должна проявлять инициативу!» – пыталась вдохновить вожатая, желая перекинуть на «творческого ребёнка» часть своей работы. Полина действительно сама организовала в школе несколько тематических вечеров, потому что искренне стремилась сделать мир вокруг себя интересным и наполненным – в своём понимании. За это другие ребята, а в тайне даже некоторые учителя, считали её выскочкой.

«Ты же моя подруга и должна мне помогать!» – ныла соседская Ленка, когда хотела списать у Полины математику. Если бы не насущная проблема с домашними заданиями, эта самая завистливая Ленка с радостью затравила бы мою индиго, которую за глаза называла «не от мира сего» – а так, одноклассники просто держались от Полины на расстоянии, когда ничего от неё не хотели.

«Должна, должна, должна... Но ведь я – совсем не то, что должна другим! И вообще, почему я всё это должна?» – вот какая мысль вдруг поразила Полину своей очевидностью. Навязанные ей матрицей роли показались мелкими, и даже как будто бы ненастоящими. У Полины словно открылись

глаза: люди, загонявшие её в эти роли, видели в ней не более чем инструмент для исполнения *своих*, а не её желаний.

Я терпеливо ждал. Наконец, моя индиго с достоинством взглянула на меня, гордо и немного забавно подняла подбородок и уверенно произнесла:

– Я человек.

А я сказал:

– Отлично! Первый урок ты усвоила.

Внесу ясность. Дети Лемурии начинают свой путь становления с познания окружающего мира и себя как части мира. На вопрос «Кто ты есть?» они отвечают «Я – часть».

Как и моя покойная мама, травница, Полина была воплощением своего имени. Связь с растениями оказалась её особым даром, и моя индиго почти сразу стала чувствовать движение живых потоков внутри всего, что уходило корнями в землю. Она и до нашей встречи разговаривала с цветами, а всего через два дня медитаций уже отличала энергию дуба от энергий берёзы и сосны. И озадачила меня вопросом:

– Вот ты не ешь мяса живых существ, питаешься растениями – а ведь они тоже живые!

– Это чистая правда, – согласился я.

– Почему же ты – *вы* – считаете, что нельзя убивать животных, но можно срывать и пожирать растения? – и, ласково погладив листочки папоротника, возле которого мы сидели, Полина добавила с вызовом: – Только не говори мне, что у яблони или ореха нет души и что они не чувствуют боли! Животные хотя бы могут убежать от охотника, а растения – нет. Они совсем беззащитные... Рвать и рубить их даже подлее, чем убивать животных!

Вот это была настоящая лемурианская логика! Я почувствовал гордость за свою ученицу и стал объяснять:

– В том, что растения всё чувствуют, ты совершенно права, но, поедая плоды, мы не причиняем боли ни стволу, ни стеблю, ни веткам, ни, тем более, корням. Плоды самой Природой предназначены питать. Их мякоть у растений – всё равно, что материнское молоко, которое существует специально для кормления другого живого существа, а потому отдаётся без боли и сожаления. У женщины или самки животного обычно достаточно молока, чтобы прокормить своего ребёнка, но иногда его больше, чем нужно, и она может выкормить и чужого. А бывает и так, что детёныш уже переходит на взрослую пищу, а из материнской груди всё ещё сочится молоко, от которого ей приходится избавляться, чтобы избежать боли. Кстати, лемурианцы не отказываются и от молока животных, но мы пьём его только убедившись, что детёныши самки не останутся голодными, – я

протянул Полине яблоко: – Хочешь? – она взяла плод, умело запасённый и сохранённый людьми ещё с осени, но есть не торопилась, а стала рассматривать чуть сморщившуюся прошлогоднюю кожицу. Я подбодрил: – Вот сейчас ты съешь его, а семена бросишь на землю – и у них будет возможность прорасти.

– А семена вы едите? – задумчиво спросила девочка.

– Ну... бывает и едим, – признался я. – Но знаешь, наше пищеварение – система открытая, как и у людей, – я сопроводил эти слова вертикальным жестом от головы до живота. Полина хихикнула и откусила кусочек яблока, а я закончил: – Так что, не одобряя вырубку деревьев и в то же время питаюсь их плодами, мы не противоречим ни себе, ни Природе.

Общение и обмен энергией с нашими зелёными братьями было хорошим началом в обучении индиго. Полина интуитивно делала всё это и раньше, а я лишь дал ей толчок, помог осознать источник её связи с лесом. К сожалению, овладение возможностями собственного тела давалось моей индиго гораздо труднее. У растений энергия движется одним сплошным потоком, а человек, существо намного более сложное, начинает контролировать силы своего плотного и тонкого тела только когда все его чакры очищены и свободны от застоя.

В изощренности подавления, засорения и торможения своих и чужих энергетических центров *homo sapiens* не знает себе равных. Природа одарила его мышлением, то есть сделала богаче большинства других обитателей Земли, но люди направили этот дар на защиту от неё самой, а не на взаимодействие с ней. На то, чтобы как можно тщательнее Природу обкрадывать. Но и этого им показалось мало – и *homo sapiens* начали избирать себе подобных с помощью матрицы законов и табу, морали и традиций. Изобрели оружие, чтобы держать других в не меньшем страхе, чем свой собственный. Запустили своё вечное движение по этому порочному кругу! Цивилизация стала могилой эволюции *homo sapiens*. Как тот глупый слуга, что из страха закопал и тем самым похоронил доверенную ему монету, люди за сотни тысяч лет своего существования так и не приумножили данное Природой, не обогатили новыми возможностями даже своего физического тела, не говоря уже о тонком плане. И когда наш Иисус попытался объяснить это на излюбленном у них языке занимательной истории, его слушатели, недолго думая втиснули притчу о талантах в свою матрицу и продолжили совершенствовать орудия, которые держат в руках, а не сами руки.

Освободиться от матрицы можно лишь вне общества, её создавшего. Не случайно самыми «просветлёнными» среди людей считаются отшельники. Справедливости ради, до нашего знакомства тяга Полины к уединению служила не столько дорогой к просветлению, сколько убежищем от

внешнего мира, атаковавшего её своей грубостью и глупостью. Моя индиго всё равно была рабой поляризованной дуальной системы. Книги и кино внушили ей представления о «добре» и «зле», школа определила понятия о «хорошем» и «плохом» поведении, а мать постоянно твердила о том, что «полезно» и что «вредно», хотя сама имела весьма скудные познания по этим вопросам.

Отъезд на три месяца к бабушке, обитавшей в небольшом приморском посёлке, оказался более чем своевременным. Там можно было использовать длинные летние дни для тренировок и медитаций под звуки дробившегося о скалы прибоя. Старушка – и так я называю её чисто *по-человечески*, ибо баба Оля выглядела чуть за шестьдесят, а её энергии могла позавидовать леноватая сорокалетняя невестка – так вот, баба Оля души не чаяла в единственной внучке. Она слишком радовалась приезду чада на всё лето, чтобы допускать мысль о критике или придирках, которые могли отвратить взрослеющую девочку от будущих посещений.

Полинина бабка была значительно терпимее своей невестки, а её ум – так занят повседневными заботами, что как будто бы ими и ограничивался. Это показалось мне странным, учитывая её кровную связь с *homo liberatus*. О своём прошлом пожилая женщина вообще не вспоминала – из-за этого и я ничего не смог о нём узнать, хотя, по правде говоря, внучка занимала мои мысли намного больше бабушки. И я решил, что эта стареющая и, вероятно, помятая жизнью в матрице, индиго только и сохранила от предков, что уравновешенный, не склонный к бессмысленным страхам характер и уважение к свободе. Баба Оля не ограничивала внучку и лишь настаивала, чтобы Полина, плававшая как рыба и в каждый свой приезд пропадавшая на пляже целыми днями, являлась домой до темноты.

Полина очень любила гостить у либеральной старушки, но, приученная жить с оглядкой на материнский контроль, воспринимала условия своей свободы буквально. Как только край солнечного диска чуть задевал линию горизонта, моя индиго, вместо того чтобы впитывать обильно высвобождающуюся на закате энергию моря, впадала в беспокойство. Мне никак не удавалось убедить её, что вся эта тревога, эта буря в стакане воды, безнадежно отдаляла нас от желаемого результата. Вначале я просто пытался подольше удержать стремившуюся досрочно ретироваться подругу, но скоро моё терпение иссякло.

– Куда ты? – спросил я, потянув Полину за рукав, когда она вскочила на ноги, намереваясь отправиться домой. – Ведь рано ещё!

– Пусти! – моя индиго отдернула руку, захлебнувшись волной раздражения, как из-за повторяемого каждый вечер вопроса, так и от нежелания обидеть и меня. Было бесполезно что-либо выяснять, когда она

находилась в таком вот взвинченном состоянии, но на следующее утро, как только Полина явилась на облюбованный для наших практик пустынный пляж, я сказал:

– Нам надо серьёзно поговорить. Что происходит с тобой по вечерам?

– А что происходит? – спросила девочка, и её щёки стали пунцовыми.

– Что заставляет тебя так сильно волноваться, когда время подходит к возвращению домой?

– Ты ведь знаешь... – неохотно ответила Полина.

– Знаю, но хотел бы услышать это от тебя.

Она закатила глаза, вздохнула и выдавила:

– Ну... я боюсь прийти домой поздно и разволновать бабушку.

– А почему ты боишься?

Тут меня наградили таким негодующим взглядом, словно я богохульствовал в церкви:

– Ты что, не понимаешь? – воскликнула Полина. – Бабушка старенькая! А вдруг у неё с сердцем плохо станет, если она распереживается!

– И мама тоже старенькая? – я понимал: мои вопросы звучали жестоко с *человеческой* точки зрения, но это была безжалостность хирурга, вонзающего острый скальпель в плоть пациента для удаления опухоли. Так уж ведётся у homo sapiens: всё, что идёт им на пользу либо болезненно, либо невкусно.

– Н-нет, конечно... мама не старенькая... ну, может быть чуть-чуть... Но она же растила меня! Ночей не спала!

– Ты желанный ребёнок?

– Вроде да... – не совсем уверенно сказала Полина. – Мама так всегда говорит. А почему ты спрашиваешь.

– Согласись, что, когда человек хочет родить ребёнка, он автоматически соглашается отвечать за беспомощного младенца и должен быть готов ко временным неудобствам. Так что бессонные ночи и другие трудности – это святая родительская обязанность. За них ты точно ничего не должна! – для моей индиго всё это прозвучало дико. Полина слышала меня, осознавала мою правоту, но душа её отторгала кощунственное утверждение, что мать не имела права требовать благодарности за исполнение своей естественной роли. – И вообще, твоя мама даже моложе меня.

– Ну-у, ты-ы... ты же другой! – девочка уцепилась за это оправдание, как за спасательный круг.

– Точно подмечено! – согласился я с иронической усмешкой. – Я отличаюсь тем, что чувствую состояние клеток и тканей любого живого организма. Заявляю с полной уверенностью: ни у твоей мамы, ни у бабушки не имеется даже намёка на проблемы с сердцем, – я немного помедлил,

решая продолжать ли резать правду-матку. – А вот отцу твоему стоило бы свой мотор подлатать – но он молчит о своих симптомах, потому что слишком боится волновать любимую жену, которая совершенно здорова. Разве это справедливо? – я оборвал тираду, переводя дыхание и понимая, что меня занесло, и тут же раскаялся в своей резкости. Полина смотрела на меня широко раскрытыми глазами. К развенчанию мифа о материнской непогрешимости добавилось ещё и беспокойство об отце. Да, не стоило вот так всё вываливать. Но сказанного вернуть было нельзя, и единственным разумным выходом было воспользоваться моментом сполна. – Ты сама-то видишь абсурдность своих переживаний?

У Полины была привычка закусывать губы от напряжения, так что в тот момент на её побледневшем лице на месте рта стала видна лишь тонкая полоска. Её мир переворачивался. Уже в который раз со дня нашей встречи. Я постарался заставить свой голос звучать как можно мягче:

– Нет, ты не думай, твоя мама не врёт, когда хватается за сердце – она действительно верит в то, что если будет часто волноваться, то умрёт от инфаркта. Просто не всё, во что верят люди, на самом является фактом, понимаешь?

Полина не отвечала, но я и так знал, что возмущение в отношении сказанного раздирало её на части. Я выставил ладонь в защитном жесте. Её направленная против меня энергия начинала утомлять, но я не видел иного выхода, кроме как решительно вскрыть нарыв:

– Нет ничего разрушительнее вины. Ты должна избавиться от этого раз и навсегда.

– А разве ты никогда не чувствуешь себя виноватым? – взбеленилась Полина. – Только злодеи живут без совести! – сказав это вслух, она отшатнулась от меня, вдруг засомневавшись, правильно ли поступила, связавшись с «бездушным» пришельцем. И сразу же сообразив, что я услышал её мысли, девочка совершенно растерялась.

– Это тебе решать, – жёстко ответил я. Её недоверие было очень обидно, но я тут же взял себя в руки. – Только один совет: не надо путать чувство вины с совестью.

– А это разве не одно и то же? – всё ещё раздражённо возразила Полина.

– Разумеется, нет! – я уцепился за возможность утихомирить бурю наших разногласий длинным объяснением. – Совесть свойственна и *homo sapiens*, и *homo liberatus*. Это духовное ведение внутри нас, способность воспринимать вести из тонкого мира, советоваться с ним о том, что правильно в каждый отдельный момент жизни. Со-весть. *Homo liberatus* общаются с тонким миром без посредства религии и, оказываясь перед жизненной дилеммой, обращаются к нему – то есть к своей совести – через

медитацию. В Природе нет ни абсолютного добра, ни абсолютного зла, а есть только сила, способная служить как созиданию, так и разрушению. Поэтому мы не пишем законов и не судим ни себя, ни других. Ну, а *homo sapiens*, поскольку променяли Природу на цивилизацию, почти потеряли способность слышать подсказки тонкого мира. Подменили голос живой совести религиями и законами, не универсальными по определению, и сами же объявили, что изо всякого закона есть исключение. А как распознать это исключение если бога из души сослали в храм? Такого предписания не существует – вот тут-то и начинается зло! Например, во всех религиях мира сказано, что убийство – грех, но разве люди не убивают? *Homo sapiens* объявляют обстоятельства исключительными, как только им это становится выгодно – отсюда все преступления против Природы и человечности. Правила, подменившие голос тонкого мира, сделали людей глухими к нему. А когда ваши законы откровенно не работают, проблема выбора для вас самое тяжкое и мучительное из испытаний. В свою очередь, чувство вины ничего общего с совестью не имеет – оно лишь голос страха так или иначе пострадать за ошибку, неминуемую, когда следуешь несовершенным законам... Но главное, вызывание вины – мощное оружие манипуляции и контроля, потому что вина, как и сам страх, поработает душу, отравляет и пожирает её, лишает способности радоваться. Она блокирует твою энергию, Полина!

– А *homo liberatus* никогда не ошибаются? – спросила индиго, слушавшая меня с молчаливым недоверием. Я услышал сарказм в её голосе.

– Конечно, мы ошибаемся, хотя и редко.

– И что делаете тогда?

– Вот именно – делаем! Исправляем везде, где возможно, восполняем нанесённый вред – невольно нанесённый, ибо навредить преднамеренно ни один из нас не способен. Ты понимаешь разницу между чувством вины и исправлением ошибки, между страданием от разрушительной эмоции и рациональным действием?

– А если не получается исправить или восполнить? Например, если кто-то умер из-за тебя?

– Тогда мы просто отпускаем. Во-первых, в Природе смерти нет, а есть перерождение. А во-вторых, не все трагедии являются таковыми с точки зрения дальней перспективы... – я осёкся. Правда, прозвучавшая из моих собственных уст, вонзилась в сердце острым шипом. Если бы мама не погибла в огне Хатыни, я не мог бы ни осуществить, ни даже начать свою миссию.

– И вам совсем не больно, не жаль? – с вызовом спросила Полина, приняв мою паузу за неуверенность.

– Конечно, больно, – я не сумел подавить тяжёлый вздох. – Мы переживаем потерю близких не меньше вашего, но не боимся оправданного риска и его последствий, потому что не способны испытывать страх, а в своём выборе всегда следуем подсказкам тонкой сущности, то есть совести. В отличие от злодеев, которые действуют исключительно для удовлетворения потребностей грубого плана. У злодеев связь с совестью утрачена совершенно, так что их можно считать главными жертвами цивилизации *homo sapiens*, – говоря о злодеях я имел в виду вампиров, но всё ещё не хотел отягощать подростка рассказом о миссии. Пока что ей нужно было разобраться в самой себе.

Полина совсем сникла. Противоречивые мысли хаотически роились в её голове и отчаянно боролись между собой. Слышать голос тонкого плана, как *homo liberatus*, было бы здорово, но куда же девать всё, чему её учили до сих пор? И если теперь отойти от усвоенных с детства правил, то как жить, пока не расслышишь этот самый голос *настоящей* совести? Сомнения индиго были мне понятны – ведь я требовал отказаться от самой основы матрицы *homo sapiens*, но другого пути не было. Я не мог позволить себе ни блуждания в тумане неопределённости, ни участия в мелочных человеческих играх, так что приходилось проявлять твёрдость, и я сказал:

– Послушай, все живые существа так или иначе заботятся о своих родных, но это означает помощь в минуту нужды, а не принесение неоправданных жертв. Тратить чуть ли ни дневной запас энергии на переживания возможных несчастий или на извинения за всякий неодобренный поступок – это настоящее преступление с точки зрения природного обмена. Взгляды, мнения и чувства даже самых дорогих тебе людей – это их жизнь, а не твоя, и, если хочешь развить *свои* способности, ты должна сделать усилие и вымести всё, что тебя разрушает, поганой метлой. Если не сможешь, тренироваться дальше не имеет смысла.

Мои слова подействовали на Полину как холодный душ. Она ничего не отвечала, но хорошо меня поняла – я это видел. Я действительно требовал от четырнадцатилетнего подростка слишком много: раз и навсегда выбрать либо собственный путь, либо жизнь в угоду окружающим. До сих пор моя индиго не задумывалась о том, что беспокойство о маминых нервах могло вредить её собственному душевному равновесию, но не могла не признать, что ненасытное чувство вины, будто петля на шее, с каждым годом становилось всё теснее, всё безнадежнее перекрывая ей дорогу к самой себе. Невозможно было помочь ей по-другому. Даже чтобы вытащить кого-то из трясины, нужна рука самого утопающего, протянутая навстречу спасителю. Нужна воля к жизни. И чтобы выбор Полины не оказался слепым, я, собравшись с духом, сообщил:

– Прежде чем решить, как жить дальше, ты должна знать ещё кое-что. Люди вроде тебя, наследуют некоторые из способностей homo liberatus, но полный спектр – никогда. И на самом деле я не знаю точно, что получится из наших занятий. Результат, несомненно, будет, потому что даже сейчас, имея засорённые чакры, ты прекрасно чувствуешь и понимаешь растения. И это лишь малая часть твоих способностей. Ты определённо научишься многому, но перемещение в пространстве – наитруднейшее из всего, что умеют жители Лемурии. И вполне возможно, что телепортацию ты не освоишь, несмотря на тренировки, даже если ты решишь полностью перекроить своё отношение не только к близким, но и ко всему человечеству.

– А нельзя меня как-то изменить... если не будет получаться телепортировать? – робко спросила Полина. – Ну, вы ведь лечите рак, влияете на клетки...

– Это далеко не одно и то же! – усмехнулся я. – Изменение генетики означало бы конфликт с Природой, заранее обречённый на поражение, – моя индиго разочарованно вздохнула, а я сказал как можно мягче: – Сейчас тебе лучше побыть одной и хорошенько всё обдумать. Если решишь дать себе шанс, – «и мне тоже», мысленно добавил я, – завтра утром жду тебя на этом самом месте. В противном случае нам придётся попрощаться.

Без дальнейших излишних я исчез с глаз Полины, а она осталась неподвижно сидеть на тёплом песке, обхватив руками колени, глядя на почти совсем гладкое, тихо мурлыкавшее море, словно надеялась выудить верный ответ из отливающей серебристой сталью воды. Сердце моей подруги сжималось и ныло, обуреваемое как жаждой познания, так и страхом одиночества, с которым неразрывно связана свобода духа в мире homo sapiens, – испытание, непосильное даже для большинства их взрослых. Одно было хорошо: моя индиго уже обращалась за советом к своей тонкой сущности, хотя и бессознательно. Мне оставалось лишь надеяться, что частичка Лемурии одержит верх над человеческим несовершенством и поможет ей совладать со страхом.

Я незримо оставался рядом с Полиной, пока моё сердце не устало сжиматься и ныть в унисон с её. Бессилие чем-либо помочь бедняжке казалось невыносимым. Главное, куда бы я ни подался, я всё равно слышал мысли любимой. Единственным способом оторваться от них было заняться делом – и я отправился в Великий Новгород повидать Пилатовых. Я не стал оповещать о своём присутствии, а решил просто посмотреть, как живёт дядя Паша и как устроились у него влюблённые.

С похорон Нины Владимировны прошло полтора месяца. В доме отставного спецагента КГБ приглушённо играло радио. Люба, уже почти неделю тоже Пилатова, возилась в просторной кухне. На плите что-то варилось, а молодая женщина то и дело застывала на месте, скрестив руки, и неподвижным взглядом смотрела на белевший за окном берёзовый ствол, освещённый лучом полуденного июньского солнца. Она думала о том, что бегство из родительского дома перед скорым арестом отца выглядело как самое настоящее предательство. Хотя не было ни капли сомнения ни в преступлениях бывшего ээсовца, ни в справедливости грядущего наказания за его злодеяния, чувство вины пожирало дочь Васюры, нещадно выедавая из её души радость расцветавшей день ото дня любви к мужу. Словно отцевампиру всё ещё подпитывался энергией своей непокорной дочери, даже на расстоянии не освободившейся от его власти. Уже который день Люба не находила себе места, с горечью сравнивала себя с Павликом Морозовым*, и на душе у неё моросило гадко и грязно, а капли этой мороси то и дело проливались из её добрых золотисто-карих глаз. Особенно тошно было теперь, когда сразу после скоропалительной и очень тихой регистрации брака в одном из киевских ЗАГСов, Андрей привёз молодую женщину в этот красивый старинный дом на окраине Великого Новгорода, а сам умчался в Москву увольняться из органов. Уехал он не дале как накануне, оставив Любу на попечение полковника Пилатова.

Люба почти ничего не знала о дяде мужа, кроме того, что Павел Владимирович был очень уважаемым человеком и что в отставку ушёл якобы из-за смертельной болезни, и намёка на которую молодая женщина не могла разглядеть. Дядя Паша, даже слишком энергичный для своих лет, был добр к невестке, но его пронизательные глаза, один прозрачно-голубой, а другой зеленовато-карий, пугали её почти так же, как злобный чёрный взгляд Васюры. Андрей рассказывал о полковнике урывками, по официальной версии, за неимением времени, но было очевидно: муж как будто не желал выдавать какой-то секрет. Её родство с предателем Родины казалось девушке причиной подобного недоверия, и поэтому Люба чувствовала себя такой маленькой и жалкой, что не смела ни сказать лишнего слова, ни поднять глаз, а сама строила догадки, и от невольного сравнения харизматичного полковника с отцом при каждом его появлении несчастную бросало в дрожь. Более всего ужасало то, что её теперешнее положение действительно было лучшим из всех возможных выходов.

Отставной полковник спецотдела КГБ вернулся из сада. Бодро шагнув в кухню, он не хуже меня оценил душевную непогоду, царившую на женской территории. «Пора наводить мосты», – подумал он, и как можно

веселее обратился к молодой невестке:

– Ну что, Любаша, осваиваешься? Пахнет восхитительно!

Люба вздрогнула, обернулась, запаниковала, и ответила почти шёпотом:

– Д-да, Павел Андреевич. Спасибо вам...

– Кстати, милая, ты не обязана заниматься хозяйством, – продолжил полковник. – Тут до тебя соседка неплохо справлялась, а средств у нас, слава богу, достаточно.

– Ну что вы, Павел Андреевич, мне не сложно, – тихо возразила дочь Васюры. «Как же ещё я могу расплатиться за убежище?» – с грустью подумала она и тут же встретила проницательный взгляд бывшего разведчика.

– Это не убежище – это родовое гнездо твоего мужа, – серьёзно ответил Пилатов-старший на мысли Любы, так что у той от удивления пропал дар речи. А дядя мужа как ни в чём не бывало поинтересовался: – Ты плакала? – девушка мотнула головой, а он укоризненно усмехнулся: – Нашла кому врать! Выключай-ка своё варево да пойдём покалякаем. Вот и чайник очень кстати закипел! – взяв свою новую родственницу за хрупкие плечи, дядя Паша развернул её лицом к двери и подтолкнул к выходу в гостиную, где указал на диван. – Присядь-ка.

Совершенно подавленная и ещё больше напуганная, Люба повиновалась. Она уселась в углу дивана и сняла с подлокотника привезённую с собой из родительского дома старинную куклу. Не глядя на дядю Пашу, дочь Васюры стала перебирать пожелтевшие кружева на некогда роскошном платье принцессы, в которой я с удивлением узнал Ядвига, любимицу Сони Яскевич. Пока страшный Пилатов заваривал чай, сердце стучало у Любы в висках, а из глаз снова начало капать. Войдя в гостиную, Павел Андреевич подумал, что лишь в таком вот юном возрасте можно пройти через столько болезненных переживаний без большого вреда для здоровья.

– Какая красавица! – дружелюбно похвалил он, указав на Ядвигу. – Как её зовут?

– Оксана, – шмыгнув носом, ответила невестка.

– Выглядит старше тебя, – заметил дядя Паша.

– Так и есть, – грустно улыбнулась Люба. – Отец прислал сестре с войны, трофей, в подарок... только сестра её не любила. А я... Оксана мне как подруга. «Единственная подруга!» – добавила Люба про себя и громко, со всхлипом втянула воздух. Ей всегда казалось, что Оксана живая, что о чём-то грустит и хранит какую-то печальную тайну. Мне и самому стало безумно любопытно, каким образом переименованная в Оксану Ядвига попала к дочерям Васюры, который в дом Яскевичей вряд ли сам заходил

– Послушай, детка, – начал, наконец, Павел Андреевич. – Какие отношения у тебя с отцом? – в ответ молодая женщина тяжело вздохнула и пожалала плечами, разгоняя побежавшие по телу при воспоминании о Васюре мурашки, а дядя Паша заключил: – Понятно. И всё-таки ты почему-то чувствуешь себя виноватой, что уехала. Как будто ты сбежала.

«Ещё одна виноватая! – подумал я раздражённо. – Да это у них хуже наркотика!»

– Так я и вправду сбежала! – с жаром возразила Люба. – Это меня убивает, понимаете? – в отчаянии заломив руки и задохнувшись, воскликнула она. А старик продолжал невозмутимо докапываться до сути.

– В чём, по-твоему, ты виновата?

– Отца предала! – выдохнула невестка.

Бывший полковник КГБ молча кивнул. Он был homo sapiens и понял чувства Любы лучше, чем когда-либо мог бы понять её я.

– Я не буду кормить тебя высокими словами о том, что этот человек предал Родину. Оставим это. Он предал саму человеческую природу.

«Молодец! В самую точку!» – мысленно похвалил я пожилого гипнотизёра.

– И вот интересно, предать предателя – это хорошо или плохо? – спросил дядя Паша у молодой женщины, повторив вопрос, который она постоянно задавала себе сама. Люба растерянно уставилась на него.

– Н-не знаю... Может и плохо. Ведь получается тогда, что я тоже предательница! – и она с новой силой залилась слезами. Павел Андреевич сел рядом с ней на диване и положил свою сильную сухую ладонь поверх тонкого Любиного запястья.

– Тебе сейчас стыдно и за себя, и за отца, так что ход твоих мыслей вполне понятен, – возразил он. – Но давай предположим, что ты осталась бы рядом с Васюрой. Тебе бы пришлось носить клеймо дочери нациста до конца жизни – и всё равно рано или поздно сменить фамилию. Ничему бы ты не помогла, да и помогать вряд ли захотела бы, – младшая дочь вампира понурилась, неохотно соглашаясь с доводами полковника. – А ответа на вопрос хорошо или плохо предавать предателя не существует, точнее у каждого он свой.

«Довольно гибко. Молодец, дядя Паша! Обошёл без давления», – порадовался я.

– Что же мне теперь делать? – всё ещё тихо всхлипывая, спросила Люба.

– Жить! – отчеканил Павел Андреевич. – И думать не об искуплении, а о восстановлении баланса. Ты добрая девочка. Даже своим существованием ты уравниваешь грехи отца. Живи, чтобы восстановить равновесие, сделай столько же добра, сколько Васюра

причинил зла. На самом деле это просто. Работай с детьми – ты ведь учительница! Только научись правильно понимать добро. Его нельзя навязывать.

Так и подружились дочь бывшего эсэсовца Григория Васюры и отставной полковник КГБ.

Когда наутро я вернулся на наше место, Полина ждала меня там. Если бы не другая одежда, можно было подумать, что она всю ночь провела здесь, вглядываясь в морскую даль в поисках ответов. Моя индиго не только переделалась в новое платье, но и как будто пересекла невидимую грань, перешла в новое измерение. Едва соприкоснувшись с её мыслями, я вздохнул с облегчением, поняв, что Полина выбрала свою Природу. Решение было принято, и теперь сердце девочки билось ровно, ум был ясен, как если бы в нём и не происходило вчерашней бури. И только зная её мысли я понимал, какие нешуточные противоречия сумело преодолеть это юное существо за одни эти сутки.

Моя ученица имела потрясающую силу воли. Она уже не убегала впопыхах на закате, а когда старая привычка пыталась напоминать о себе, Полина использовала технику ментального отстранения, которой я её научил. Это когда представляешь себя кем-то другим и смотришь со стороны на вызывающие сильные чувства события. Сами homo liberatus редко пользуются этой техникой. За недоступностью переживаний, имеющих источником страх – то есть доброй половины сложных человеческих чувств мои собратья считают сильные эмоции полезными. Тем не менее, ментальное отстранение здорово мне пригодилось, как только пришлось иметь дело с людьми: лишь благодаря ему я и сумел не прикончить Васюру, а Полина всё ещё оставалась невинной. Для неё же этот способ обретения внутреннего равновесия оказался необходим как воздух.

Энергетические центры моей индиго восстанавливались не по дням, а по часам. Очищение нижних чакр постепенно открыло путь первым видимым успехам, которые не заставили себя ждать. Полина почти сразу научилась шевелить лёгкий песок, не прикасаясь к нему, хотя передвижение более тяжёлых предметов ей далось не сразу. Она злилась на неудачи, а мне казалось, это только мешало. Раз, тёплым июльским вечером, девочка заявила, что не вернётся в дом бабы Оли, пока не заставит свою пляжную сумку прилететь прямо в руки. Полина сидела возле самой воды, а большая сумка валялась под кустом шагах в десяти. После бессчётного числа безуспешных попыток, когда стало уже почти темно, я решил вмешаться:

– Тебе пора домой, помнишь?

– Да, да, я знаю! – с досадой отмахнулась Полина, и вдруг ветка куста изогнулась и дала сумке хорошего пинка, а моя подопечная притянула долгожданный предмет со своей стороны. Я не поверил своим глазам: её умение договариваться с растениями опережало даже моё, а злость на многократные неудачи трансформировалась в движущую силу! Однако! Не всё у индиго работало так же, как у homo liberatus!

Уже совсем стемнело, и пришлось телепортировать Полину к дому. Баба Оля спросила плаксивым голосом:

– Что ж ты так долго, Полечка? У тебя всё хорошо?

Внучка заключила старушку в крепкие объятия и пропела:

– Извини, бабулечка, всё очень хорошо! – и, чмокнув оторопевшую старушку в морщинистую щёку, завальсировала по просторной веранде дома и добавила: – Я тебя очень люблю! – это была новая, сильная Полина.

Моя подруга не особо ладила с местными ребятами. Когда внучка была маленькой, баба Оля всё пыталась обеспечить ей компанию и иногда водила играть с двумя крикливыми соседскими мальчишками, с которыми у девочки не было ничего общего. Полина предпочитала сидеть с книгой в саду или строить на пляже замки из песка. Когда два года назад бабка, наконец, посчитала её достаточно взрослой для самостоятельных вылазок в окрестности, моя индиго была на седьмом небе. Конечно, Краснодарский Край – не Лемурия. Четырнадцатилетнему подростку невозможно прекратить зависеть от остальных людей, просто приняв такое решение. Рядом с ней я почти всё время находился в невидимом человеческому глазу состоянии, чтобы жители посёлка не заметили приезжую Ольгину внучку в компании никому не известного взрослого мужчины – в противном случае Полининой свободе, наверное, пришёл бы конец.

Соседские мальчишки тоже выросли. Их родители выращивали виноград в совхозе, и в летнюю страду своих детей почти не видели. Старшие оставались на подхвате по дому, а управившись, слонялись с удочками по побережью в жажде приключений. И хотя мы с Полиной облюбовали самый недоступный уголок, будто нарочно для нас отгороженный выдававшейся в море природной стеной из обломков скал, появление вездесущих местных ребят было лишь вопросом времени.

Однажды человек шесть одетых в длинные шорты пацанов Полининого возраста, с нависшего над пляжем утёса заметили отчётливо обрисованную на полоске белого песка фигурку девочки, неподвижно сидевшей в позе лотоса. Пробраться к нашему месту с берега было почти невозможно – ребята это знали лучше, чем кто бы то ни было, но заметив там девчонку, лица которой было не рассмотреть, местный заводила не преминул бросить вызов всей загорелой компании. Медленно, но упорно, серьёзно рискуя

переломать ноги, мальчишки стали пробираться по скользким валунам, обуреваемые любопытством и жаждой славы. Мы-то с Полиной обычно телепортировались на этот пляж и обратно, но, заметив незваных гостей, я вспомнил об успехе с телекинезом сумки, увидел в появлении мальчишек ещё одну возможность и решил, что на этот раз не стоило слишком спешить с подачей транспорта. И я, предварительно подхватив с песка и спрятав ту самую сумку, просто исчез из виду.

Как только из-за огромных валунов долетели мальчишеские голоса, Полина позвала, не оборачиваясь:

– Ян! Я-ан! – общение с нарушителями спокойствия ей вовсе не улыбалось. Пришлось бы объяснять, как она, девчонка, сумела перелезть через острые мокрые камни и что она здесь забыла. К тому же бабе Оле не полагалось знать, что её внучка подвергает себя такой опасности, а соседские мальчишки молчать не стали бы. – Я-ан! – опять позвала моя индиго, озираясь по сторонам, но ответа не последовало – и меня она рядом не увидела. А разоблачение неумолимо приближалось. Наконец, длинные босые ноги самого ловкого пацана приземлились на песок по нашу сторону нагромождения каменных глыб, откуда можно было бы разглядеть лицо девочки и узнать соседку – но героический обладатель загорелого голого торса не узрел там никого, кроме пары выброшенных на песок медуз.

– Где же девчонка? – озадаченно воскликнул он.

– Может, просто показалось? – гадала подтянувшаяся в скорости команда.

– Что, всем сразу?

Так или иначе, гордая своим подвигом компания развалилась на нашем пляже для отдыха, очевидно, надолго, а прозрачная Полина в это время жалась к большому, срезанному отвесно камню, ещё не соображая, какой прорыв она только что совершила.

– Шшш... – шёпотом предупредил я, оказавшись за её спиной. – Посмотри за свои руки! – наконец осознав, что стала невидимкой, моя индиго зажала рот прозрачной ладонью, пытаясь заглушить возглас удивления и ликования. Я взял её за плечи, и мы оказались по другую сторону скалистой стены.

Так я понял, что чувство близкой опасности и сильные эмоции подталкивают homo sapiens к самому краю их возможностей. Я и раньше слышал об этом на Единении, но только с Полиной воочию убедился в том, как человеческий страх трансформируется в силу. Мой вид изжил этот механизм реагирования сотни тысяч лет назад, хотя, вероятно, давным-давно, в самом начале, именно страх подтолкнул жителей Лемурии к желанию овладеть искусством исчезновения из поля зрения врага и телепортации от него на безопасное расстояние. Для современных homo

liberatus адреналин в крови – скорее спутник увлекательных приключений или предвестник любовных утех. В компании Полины я часто чувствовал его прилив, но далеко не каждый раз прибегал к ментальному отстранению, потому что никогда прежде я не ощущал такой жажды жизни, какая сопутствовала каждому дню, проведённому рядом с моей индиго.

Наше время неумолимо истекало. Казалось невероятным то, как быстро, всего за три луны, Полина научилась передвигать предметы на приличном расстоянии и становиться невидимой для человеческого глаза, не говоря уже о ментальном отстранении и разгоняющей тревогу медитации. Без сомнения, я мог гордиться успехами своей подопечной. Мысли она всё ещё не читала, но это её почему-то не слишком беспокоило, а вот неудачи с телепортацией очень расстраивали девочку, хоть я и не раз предупреждал её о сложности и возможной недостижимости этого искусства для индиго. Полина чувствовала себя прекрасно у меня «на хвосте», но телепортировать самостоятельно у неё никак не получалось. А ведь способность преодолевать любое расстояния в доли секунды справедливо казалась девушке ключом к свободе! Изо дня в день она изнуряла себя отчаянными попытками перенестись хотя бы на пару метров, волновалась, что время тренировок на исходе, злилась на себя и преуспевала ещё меньше именно от того, что так сильно хотела преуспеть. Выходом из заколдованного круга могло стать только освобождение от самого отчаяния, которое, по моему мнению, и являлось главным камнем преткновения.

– Пойми, – старался объяснить я Полине. – Истинно свободный человек – не тот, кто может переносить своё тело в любой уголок вселенной, а тот, над кем не властвуют ни его желания, ни гнев и обида, ни страх потери в случае неудачи – вот что поработает homo sapiens сильнее, чем любые ограничения!

Полный безнадёжности взгляд был мне ответом. Как же подростку, выросшему в управляемом потреблением обществе, хотя бы представить состояние свободы от желаний? А потом её отчаяние прорвалось безудержным потоком слёз, и мне было так жаль бедняжку! Надо сказать, что за всё время знакомства я не прикасался к Полине, за исключением необходимости брать её за плечи для телепортации. Избегал физического контакта, чтобы не сорваться, потому что слишком сильно хотел обладать этим по-человечески несовершенным, но безраздельно околдовавшим меня существом с душой, не готовой к любви. Но нельзя же было не утешить плачущего ребёнка! Я обнял Полину, и она немедленно уткнулась шмыгающим носом в моё голое плечо, и моя кожа увлажнилась тёплой солёной жидкостью. Любимая сотрясалась от рыданий у меня в объятиях, а в моём теле всё выше поднималась горячая волна. Я прижимал её к себе,

наверное, слишком крепко, потому что моя индиго вдруг перестала рыдать, подняла на меня мокрое лицо и вопросительно заглянула мне в глаза. Нё ярко-малиновые влажные губы оказались напротив моих. И я не выдержал. Поцеловал её. По-настоящему, как страстно влюблённый мужчина целует желанную женщину.

В мгновение ока моя индиго оказалась за соседней скалой в двадцати шагах от места, где я её обнимал. До сих пор девочка, буквально на моих глазах превращавшаяся в прекрасную девушку, думала обо мне как о друге, а начав тренировки, стала относиться как к учителю, вообще не имеющему пола. Ей было невдомёк, что единственная причина, по которой мужчина уделяет столько времени и сил случайно встретившейся на его пути женщине – это его желание обладать ею. Девочка сидела на траве, обескураженная и внезапным, первым в её жизни поцелуем, и неспособностью сконструировать по этому поводу какое-либо суждение, и неожиданно успешной телепортацией, от надежды на которую она минуту назад отказалась. Я даже на расстоянии ощущал сотрясавшие её энергетические вибрации – именно вибрации, а не мысли или желания. Случившееся поразило и меня. Не слышал, чтобы наши любители обучать индиго прибегали к такому вот методу тренировок! И надо было что-то предпринять, потому что я точно знал, что для объяснения в любви было не время. Я принялся очень медленно сокращать расстояние, физически ощущая, как галопировало сердце в груди Полины. Остановился за утёсом. Девушка не могла меня видеть, но знала, что я находился в двух шагах от неё.

– Ты испугалась? – начал я осторожно.

– Н-не знаю, – последовал тихий – и правдивый – ответ. – Зачем ты?.. – тогда я порадовался, что Полина пока не овладела телепатией, и снова применил перенятый от *homo sapiens* приём – соврал:

– Крайняя мера. Чтобы вызвать эмоциональную реакцию. Как когда ты хотела спрятаться от мальчишек, помнишь? – несмотря на молчание моей индиго, я понял, что объяснение почти сработало, и пообещал: – Прости. Этого больше не повторится.

Её едва заметный вздох разочарования отозвался в моём сердце волной ликования, но нужно было использовать момент, чтобы закрепить успех. Да и природное любопытство *homo liberatus* взяло верх. Я же говорил, что у жителей Лемурии способности души и тела раскрываются после длительных медитаций, слияния с Природой, познания себя и установления контроля над потоками энергии – то есть никак не в результате душевных потрясений. То, как индиго каждый раз выходила на новый уровень благодаря выбросу адреналина, было для меня настоящим открытием.

– Давай постараемся сосредоточиться на ощущениях, которые привели к телепортации, – я деловито указал на песок и сказал всё ещё находившейся во власти случившегося девочке. – Сядь вот здесь. Закрой глаза. Постарайся вызвать в себе те же самые чувства, начиная с момента, когда впала в отчаяние и заплакала – и далее. Что это было? Определённо что-то мощное, – я с удовольствием окунулся в свежие воспоминания своей подопечной. – Отчаяние... Удивление?... – я старался, чтобы мой голос звучал бесстрастно, но, кажется, получалось не очень.

– Неожиданность! – поправила Полина. Именно это казалось ей главной причиной только что удавшегося «чуда».

– Неожиданность сыграла роль, конечно, – согласился я. – Но не совсем так, как это видится тебе. От неожиданности ты не успела произвести какое-либо суждение: хорошо ли, плохо ли то, что произошло? Правильно или неправильно? Сейчас ты пытаешься втиснуть поцелуй в нишу ценностей – и это тебя отвлекает и снова блокирует твою энергию. Оставь. Это совершенно не нужно. Просто постарайся пережить эмоции заново. В том числе и тот порыв – желание оказаться в другом месте.

Я замолчал, предоставив Полине ментальное пространство. Она сидела на песке с закрытыми глазами, перебирая в уме события последних нескольких минут – и вдруг в мгновение ока исчезла и вновь появилась, но уже сидя в воде, где язычки прибоя нежно лизали тёмный песок. Девочка взвизгнула, вскочила на ноги, и их облепил мокрый подол тонкого платья. Сообразив, как попала в воду, Полина залилась счастливым смехом. Я тоже засмеялся.

– Хорошо, что ты не оказалась на большой глубине!

– Ну и что? Я же отлично плаваю! – задорно возразила моя индиго.

По правде говоря, опасности неконтролируемой телепортации в открытое море пока не представлялось: успехи моей ученицы всё ещё были весьма скромными и в следующие пару дней Полине удалось закрепить перемещение всего на несколько шагов, хотя даже и это получалось не каждый раз. Но лиха беда начала. Лучшее всего ей удавалось состояние невидимости. Почему? Можно было лишь догадываться. Может быть, потому что оно не требовало физического взаимодействия с другими объектами, а может быть, желание стать невидимкой уже давно гнездились в душе замкнутой по характеру девочки.

До отъезда Полины в Белоруссию оставалось три дня, да и Единение должно было начаться совсем скоро. И тут моя индиго заявила:

– Не хочу возвращаться. Хочу полететь с тобой! – и хитрюга применила свой самый запрещённый приём – заглянула в мои глаза так, что внутри у меня всё перевернулось. – Пожа-алуйста!

Я с сожалением окинул взглядом её постройневшую за лето фигурку, уже полностью оформившуюся в девичью, две тяжёлые косы, от солнца превратившиеся из соломенных в почти совсем белые, стройные длинные ноги, покрытые бронзовым загаром. Больше всего на свете я хотел бы никогда с ней не расставаться! Полина и сама прекрасно понимала, что ей не место на Лемурии, но всё же ждала моего ответа с какой-то безумной надеждой. Я не прерывал молчания, а она, даже не умея читать мысли, почувствовала колебание в затянувшейся паузе:

– Как я теперь буду жить с рядом с другими? – плаксивым голосом спросила моя индиго.

Я усмехнулся:

– Так же, как и раньше, если не станешь хвалиться своими успехами на каждом углу.

– А если стану? – с вызовом сказала она.

– Ну... тогда к тебе скорее всего заявится служба разведки, с которой мне довелось познакомиться два месяца назад – и детство твоё на этом закончится.

– Ух ты! Меня могут взять в разведку? – воскликнула Полина, и в её глазах заблестел огонёк восхищения.

– Скорее всего, этого будет не избежать, если другие узнают о раскрывшихся в тебе талантах, – вздохнул я. – Особенно их заинтересует твоя способность становиться невидимкой, я полагаю... Но, если такое случится, ты об этом очень скоро пожалеешь.

– А что же плохого? – удивилась моя индиго.

– Плохо то, что любая разведка в принципе направлена против неприятеля, то есть предполагает его наличие, и таким образом поддерживает вражду между homo sapiens. Цель разведчика – предотвратить ожидаемый от других вред, в котором по определению нет никакой необходимости. Поэтому разведка абсурдна, как и сама вражда. Если бы вы все владели телепатией, вы бы это понимали.

– Никогда об этом не думала, – ответила Полина.

– Вы, homo sapiens, вообще мало думаете. А когда думаете, то как будто идёте по глухому тоннелю – я чувствовал досаду, хотя и глупо было ожидать, что юная индиго окончательно освободится от матрицы за такое короткое время. – Не лучше ли использовать твою любовь к растениям и лечить людей, как твоя прапрабабушка?

Полина презрительно сморщила нос. В её глазах лечение себе подобных не выдерживало конкуренции с легендарными подвигами разведчиков, а сомнительность моральной составляющей таких подвигов совсем не была

очевидной для советской школьницы. Тем временем я, наконец, решился предложить:

– По поводу твоей просьбы... Ты хочешь увидеть Новую Лемурию?

– Ты возьмёшь меня с собой?! – глаза Полины загорелись, и она тут же позабыла о разведке.

– Не слишком-то радуйся. Речь идёт о коротком посещении, вроде экскурсии... и я не уверен, сумею ли перенести тебя туда. Никто никогда не приглашал homo sapiens в наш новый дом, и неизвестно, как на тебя повлияют телепортация на другую планету и пребывание там. Так что это огромный риск, – предупредил я. – Ты боишься?

– Конечно нет! – выпалила Полина

– «Конечно»? Вот это уже глупо! – её беспечность показалась мне просто возмутительной. – Ты не боишься того, что действительно связано с угрозой жизни, но была в панике, воображая, что у мамы или бабушки может случиться сердечный приступ из-за твоего часового опоздания? Этого я никогда не пойму!

Полина скорчила кислую рожицу, опять презрительно сморщила нос. К сожалению, причиной такого легкомыслия было совсем не отсутствие страха, а её юность и слабое представление о смерти. Что ж, я хотел показать ей свой мир и был почти уверен, что смогу. А бояться я не умею.

– Тогда завтра утром, – серьёзно сказал я. – Будь готова к приключениям.

* Павлик Морозов – мальчик с Урала, из неблагополучной семьи, в 1932 году выдавший собственного отца коммунистам. В советский период считался пионером-героем.

Глава 22. Индиго в новом свете

Я не случайно назначил путешествие на утро. Хотел дать своей подруге время подумать об опасности межпланетного перемещения, чтобы она сама решила отказаться от этой затеи, но на следующий день, когда Полина явилась на наше место, я понял: она действительно почти не спала, но вероятность плачевного исхода телепортации волновала легкомысленного подростка меньше всего. Наоборот, упрямая девчонка окончательно убедила себя, что если не воспользуется возможностью стать первым человеком, посетившим другую планету, то будет жалеть об этом всю жизнь.

Девушка несла в руках пластиковую сумку со сменой одежды, которую я посоветовал прихватить, а на ней было платье цвета приглушённого изумруда, от которого её сияющие зелёные глаза казались ещё ярче. Я пощупал пальцами ткань на рукаве платья и сказал:

– Красивое! Жалко будет!

– Почему? – удивилась моя индиго. – Я же вроде как в гости собралась!

С минуту полюбовавшись, я с сожалением посоветовал:

– Переоденься в другое, из пакета, а платье спрячь вон там, под камнем, – и я указал на самый дальний от воды обломок скалы. Полина раскрыла рот, чтобы запротестовать, но я, постучав себя пальцем по лбу, напомнил: – Совсем позабыла о моём плачевном виде в день нашего знакомства, да?

И она вспомнила:

– Да-а, на тебе были одни ключья! Кстати, что случилось тогда с твоей одеждой? – она только теперь сообразила об этом спросить.

– Во время межпланетной телепортации физическое тело на мгновение распадается на атомы. Тонкие ткани нестойкие, их элементы не возвращаются в изначальную форму, – мне вдруг нестерпимо захотелось, чтобы Полина передумала, отказалась лететь, и я добавил: – Да и у нас самих по прибытии на место назначения ощущения, мягко говоря, не из приятных. Тело словно закипает изнутри и взрывается. Оно и на самом деле в каком-то смысле взрывается, оказавшись в вакууме на долю секунды. Нужно уметь удержать свои собственные частицы вместе. А мне придётся удерживать ещё и твои! – я сделал многозначительную паузу, но девочка упрямо не желала бояться опасности, а волновалась совсем о другом:

– В чём же мы будем *там*? Голые, что ли? – и она нервно хихикнула.

– Нас встречают, – коротко пояснил я. – Так ты точно решила? Не боишься? Хорошо подумала?

– Да подумала, подумала! Летим! – отмахнулась Полина и, утопая ступнями в песке, решительно потопала со своим пакетом к указанному мной камню. Пройдя пару метров, она остановилась, оглянулась на меня, прикрыла глаза и успешно телепортировалась. Оказавшись именно там, где хотела, индиго показала мне язык и крикнула: – Отвернись!

Она пришла обратно в стареньком спортивном костюме и подала мне горячую сухую ладонь, но я притянул её к себе, и крепко сжал в объятии, сцепив пальцы, чтобы моя любовь не расплылась на частицы в межпланетном пространстве.

– Готова? – спросил я. Смущённая близостью, Полина кивнула. – Тогда тебе лучше закрыть глаза для безопасности, чтобы не полопались, – почувствовав, как участилось её сердцебиение из-за подступающей паники, я добавил ледяным голосом: – Это шутка. Почти...

И пока она гадала, шутил я на самом деле или нет, мы телепортировали.

Симон и Мина уже ожидали нас, чтобы оказать первую помощь, в которой я нуждался не менее своей спутницы. Как только мы материализовались у Водопада Надежды, Симон на несколько секунд заключил меня в энергетический кокон, чтобы наверняка стабилизировать положение всех моих органов, а потом столкнул в не по-земному чистую воду. Мина проделала то же самое с Полиной, так что мы оба оказались в проточном бассейне под водопадом, полностью обнажённые. Я отошёл от вакуумного шока почти сразу, а вот моей индиго, достигшей Лемурии в глубоком обмороке, потребовалось просидеть в воде с полчаса, пока она окончательно не избавилась от тошноты и головокружения. Мой отец и его подруга подали нам одинаковые зелёные туники, и только когда Полина облачилась в лёгкую ткань, Симон вслух обратился к ней:

– Добро пожаловать на Новую Лемурию!

– С-спасибо, – ошалело озираясь, тихо отозвалась девочка.

– Как замечательно, что ты не взорвалась! – простодушно выложила Мина моей спутнице. Слова её прозвучали так обыденно, что Полину покорило, а мой отец заботливо пояснил:

– Не обращай внимания! Мы редко видим смерть. Ты ведь уже знаешь, как долго живут homo liberatus? И мы не страшимся ни своей смерти, ни чужой, потому что не способны бояться, но с его стороны, – и отец до боли сжал моё плечо, – это просто мальчишество подвергать твою жизнь такому риску: надо же было додуматься протащить через космический вакуум неподготовленный организм! И всё ради чего – экскурсии?

«Я люблю её, папа, и хотел показать ей наш мир!» – мысленно огрызнулся я.

«И для этого был готов потерять?» – отрезал Симон, а вслух ответил:

– Мы освободились от страха потому, что наши близкие так же сильны, как и мы сами. Но она... – и он бесцеремонно ткнул пальцем в живот смущённой Полины. – Она не одна из нас! – никогда раньше я не видел отца в гневе.

– Ну ладно тебе! – мягко перебила Мина, тронув его чуть повыше локтя. – Всё же обошлось!

Симон тяжело вздохнул и с грустью непонятого человека взглянул на свою подругу. Все эти годы его преследовала картина Хатынского пепелища. Конечно, через Единение все мы не раз чувствовали, как горестно сжимается его сердце при малейшем напоминании о том дне, но Симон был единственным из всех ныне живущих homo liberatus, кто лично пережил трагедию потери близкого человека. Хотя предсказанная ещё в год переселения на Новую Лемурию гибель моей матери и позволила отцу

забрать меня сюда, его никогда не покидала мысль, что любимую можно и нужно было спасти.

Homo liberatus моложе ста лет считают Новую Лемурию своим домом, как, впрочем, и я, хоть и родился на Земле. Я попал сюда в том нежном возрасте, когда живёшь одним днём и когда за переменами не следует ностальгия. А для более зрелых лемурианцев прожитое на чужой планете столетие стало временем не только открытий, но и испытаний. И главное из испытаний заключалось, как ни странно, в более беззаботной, чем на Земле, жизни – без людей. На этой планете царствовала Природа. Здесь не приходилось скрываться от разделившихся на рабов и господ жестоких существ, создавших цивилизацию инструментов, запретов, потребления и жадности. В новом мире не было многоликого человеческого страха и неутолённых желаний – но и всего, что homo sapiens создали благодаря своим страстям и страданиям, здесь тоже не было, в том числе и сбивающей с толку, творящей хаос и созидающей человеческой любви. Лемурианцам вроде моего отца без людей оказалось скучновато. Это было невозможно объяснить логически, но, пожив среди homo sapiens, я начал немного понимать отца.

Впечатления Полины напоминали первые воспоминания Симона о переселении на Новую Лемурию. Когда моя подруга, наконец, оправилась от вызванной телепортацией внутриклеточной бури, то почувствовала, что передвигаться здесь было гораздо легче, чем на Земле.

– Какая лёгкость! – воскликнула она, оттолкнулась ступнями, подпрыгнула вверх и медленно опустилась обратно. – Здорово! Как будто не ходишь, а плаваешь! Как это получается?

– Эта планета меньше Земли – и притяжение здесь слабее, – объяснила Мина, подмигнув девочке. – И все наши «чудеса Природы» существуют именно благодаря этому. Посмотри на водопад!

Полина обернулась и только теперь заметила, что водопад можно было назвать этим словом только за неимением более подходящего: покидая отвесный обрыв, вода не стремилась вниз так же быстро, как это происходит на Земле. Крупные капли медленно планировали в воздухе, собирались в причудливое облако, переливавшееся на солнце сотнями радуг, и, неторопливо достигнув воды, с мелодичным хлюпаньем оседали в каменном бассейне. Наша гостья остановилась, раскрыв рот, чтобы полюбоваться диковинным зрелищем, но Мина нетерпеливо потащила её за руку:

– Пойдём, я тебе ещё покажу!

Мине нравилось удивлять, но такая возможность была редким развлечением на Новой Лемурии, где все видели друг друга насквозь. Поэтому она завладела моей индиго, оставляя нас с Симоном позади. Я тихо

радовался лёгкости своих шагов и компании, где снова мог быть самым собой.

Мои собратья облетели множество уголков Вселенной, прежде чем нашли единственного подходившего для жизни двойника Земли, с водой и кислородом. Небо Новой Лемурии тоже голубое, и деревья зелёные, но на этом, пожалуй, сходство со старой планетой и заканчивается. Здесь всё не так, как на Земле – всё лучше, во всяком случае так кажется мне: деревья больше – да и сами деревья выше, воздух богаче на кислород, а вода чище. Старшие переселенцы утверждают, что так же было и на Земле каких-нибудь пять тысяч лет назад. Лемурианцы винят homo sapiens с их производством и извращёнными представлениями о чистоте в том, что на планете стало трудно дышать даже вдали от городов, а незагрязнённые реки и озёра можно пересчитать по пальцам одной руки.

Наша гостья следовала за Миной вдоль тихой речки, по берегам которой росли деревья, вдвое и втрое выше взрослых дубов из леса за домом Полины. От их подножия до листьев было не дотянуться, а влюблённой во флору индиго так хотелось их рассмотреть! Обхватив её за талию, я оторвался от земли, и через мгновение моя возлюбленная трогала круглый гибкий лист кумакуры размером в человеческий рост.

– Какой мягкий! Как бархат! – воскликнула девочка.

– Прямо как твоя туника, да? – встряла в разговор нагнавшая нас Мина. Наша гостья с недоумением потрогала свою новую одежду, а Мина подтвердила догадку: – Да, туники – это целые листья! С ними ничего не нужно делать, кроме прорезания отверстий для рук и головы.

– ...Что очень нас порадовало, – добавил присоединившийся последним Симон, которому стало скучно торчать одному внизу, и, отвечая на Полинин ещё не высказанный вопрос, добавил: – Ну, потому что здесь нет людей с их ткацкими станками, а мы не производим машин – и вообще ничего не производим.

– Вообще-то мы носим одежду очень редко, – сообщила Мина и скорчила смешную гримасу.

Глаза моей подруги округлились:

– Вы что, ходите голые? Не стесняетесь?

В ответ мы дружно расхохотались, все втроём.

– А чего нам стесняться? – стал поддразнивать я.

– Ну-у... – Полина так покраснела, что нам стало её жалко.

– Милое дитя! – ответил Симон за всех. – Здесь вообще не знают такого слова, особенно молодые, не бывавшие на Земле и не встречавшие homo sapiens с их цивилизованным стыдом.

– Холодно нам не бывает благодаря умению регулировать температуру, – добавил я к сказанному отцом, – а прикрывать тело от глаз других лемурианцев нет смысла.

– Почему? – не поняла Полина.

– Все же видят всех насквозь, при желании! – многозначительно подмигнув, напомнила Мина. – И потом, когда с детства не носишь одежды и видишь других тоже без одежды, вообще не замечаешь наготы.

– К тому же, у всех лемурианцев тела красивые, благодаря вегетарианской пище и умению поддерживать баланс энергии в организме, – добавил Симон. – Так что и необходимости прятать недостатки фигуры тоже не возникает.

– А почему же *вы* все одеты? – наконец, решилась спросить девочка с Земли.

Мы с отцом переглянулись, а Мина улыбнулась и ответила:

– Так для тебя же, глупенькая!

Мы вернулись к реке и продолжили путь. По обоим берегам за грядой густой прибрежной растительности, словно гигантские стены, высились отвесные скалы, настолько высокие, что их верхушки достигали редких облаков. Эти скалы показались Полине угрожающими, но Мина её успокоила:

– Камни почти не обваливаются, а если это и происходит, то падают они довольно медленно. Как почему? Потому что сила притяжения меньше, чем на Земле!

– Да-а, там падать быстро и больно, – я поморщился, вспомнив своё первое приземление.

– Вон, смотри, впереди арка, – и Симон указал на место сужения реки, над которым возвышалось каменное полукольцо, поросшее изумрудными разводами травки и парой мелких кустиков. – ...Нет, это не мост. Это остатки выветрившейся горы... Не падает только потому, что недостаточно тяжела для этого... Да, конечно, её можно использовать вместо моста, но нам ведь это не нужно, как ты понимаешь! – он отвечал на вопросы нашей гостьи прежде, чем она успевала их озвучивать.

Тем временем в ясном небе показалась еле заметная точка и начала быстро расти. Наконец, Полина рассмотрела белую птицу, которая, приблизившись ещё, оказалась вовсе и не птицей, а самкой белой куммы. Это, наверное, самая изящная и гордая хищница Новой Лемурии. Оказавшись над нами, она на минуту зависла в воздухе, затенив дневное светило своими пятиметровыми белоснежным крыльями. Никто из присутствовавших не выказал волнения, поэтому и Полина тоже решила, что опасаться нечего. Задрав голову, она с интересом рассматривала четыре

тонкие мускулистые лапы с крепкими когтями и иссиня-белый пух на животе чудного зверя. Наконец, кумма медленно спланировала над рекой, из кожной складки на спине выбросила тонкий длинный хвост, который, словно лассо, обмотался вокруг той самой арки, притянув к ней мощное тело хищницы, и животное спикировало на узкую поверхность каменного мостика. Словно гигантская кошка, белая кумма, презрительно шурясь, издалека смотрела на нашу компанию своими жёлтыми глазами, близко посаженными на вытянутой морде. Она несколько секунд поводила туда-сюда густыми кисточками на кончиках наострѐнных ушей, выпустила свои гибкие сенсоры, которые зашевелились в воздухе, словно жили отдельно от сливавшейся с камнем неподвижной фигуры. Из одного сенсора показался острый шип и, как тонкое копьѐ, пронзил невидимую глазу добычу. Не меняя позы, хищница откусила голову пойманному налету полупрозрачному существу, которое Полина увидела лишь когда из останков несчастной твари закапала небесного цвета жидкость.

– Камбалу поймала, – обыденно прокомментировала Мина, разглядывая на расстоянии морду охотницы, замазавшуюся светло-голубой кровью жертвы.

– Камбалу? – удивилась Полина. – Рыбу?

В это время от тянувшейся вдоль хребта густой гривы белой куммы отделилась человеческая фигура. Со спины зверя соскочил смуглый мускулистый молодой мужчина небольшого роста. Он сделал в воздухе приветственный жест ладонью – Симон и Мина ответили тем же.

– Это Дон, племянник отца, – сказал я Полине, глядя, как мой двоюродный брат возится вокруг своей гигантской питомицы.

– Разве он не умеет летать сам, как ты? – любопытствовала девочка.

– Умеет, конечно.

– Просто они с этой зверюгой неразлучны! – вставила Мина и с плохо скрываемым неодобрением добавила: – По-моему, Дон любит её больше женщин. Не помню уже, когда его с кем-нибудь из наших видела.

– Не сплетничай! – шутливо заступился Симон за чудесного наездника. – Ты же прекрасно знаешь!

Полине эти обрывки разговора были непонятны, и мне приходилось дополнять:

– Дон ещё совсем молод, ему тридцать. Он и правда проводит почти всё время с животными, но у него уже есть дочь.

– И где же его семья? – заинтересовалась Полина.

– Это не семья. Лидия хотела воспитывать девочку сама, так что Дон ребёнка не видит.

– Как это – хотела? – не поверила моя индиго.

– Для тебя это звучит странно? – спросил Симон без удивления. – Конечно, в мире людей женщины редко выражают желание обзаводиться потомством вне пары. Забота о ребёнке, его защита и одновременно добывание пропитания при ограниченных, как у вас, возможностях – дело трудное для одиночки, как женщины, так и мужчины. У *homo sapiens* для воспитания детей действительно нужны двое. У нас же еда растёт прямо над головой, а мать может создать энергетический купол или кокон, чтобы оградить ребёнка и от падений, и от нападений. Также, ей не приходится угадывать, нужды малыша, потому что она сканирует его тело и эмоции одним взглядом, так что у наших младенцев даже плакать нет необходимости...

– Поэтому у женщин есть выбор, – сказала Мина с достоинством. – К тому же, дети у нас появляются только по обоюдному согласию, потому что *homo liberatus* выучиваются контролировать все клетки своего тела годам к десяти. Достаточно отказа только одного из любовников чтобы не дать произойти зачатию. Если женщина не хочет ни с кем делить радость материнства, она может попросить мужчину о ребёнке. Такое у нас бывает довольно часто.

– А как же любовь? – разочарованно спросила Полина.

– Любовь... – эхом отозвалась Мина и, вздохнув, бросила грустный взгляд на моего отца. – Полная взаимность. Гармония астрального, ментального и телесного – только это состояние мы называем любовью. Случается крайне редко. Когда какого-либо из трёх компонентов не хватает, к счастью или к сожалению, мы слишком хорошо это понимаем.

– Любовь невозможно вызвать усилием воли, – спокойно отозвался Симон. – Не каждому *homo liberatus* выпадает это счастье даже раз в нашей довольно долгой жизни, и, если бы дети рождались только от истинной любви, наша раса давно бы вымерла, как, впрочем, и ваша.

– И всё же многие воспитывают в парах, как вы, например, – заметил я, а Полина заинтересовалась:

– А у вас есть ещё дети?

– У Яна есть старший брат, – с нескрываемой гордостью ответила подруга отца. – Девяносто трёх лет, если считать по земному календарю.

– Как же долго вы вместе? – удивилась девочка.

– С тех пор, как перебрались на эту планету. За исключением времени, проведённого с его матерью, – ответил Симон, кивком указав на меня, причём Полина про себя отменила полное спокойствие Мины. – Почти сто лет уже, получается. Трудности сближают не только *homo sapiens*.

В это время Дон оставил, наконец, свою крылатую питомицу на изгибе каменной арки и оказался возле нас, во всей своей мускулистой наготе.

«Здравствуй, дядя, и все здравствуйте!» – поприветствовал он.

– У нас гостя с Земли, мой мальчик, первая в истории переселенцев. Она не владеет телепатией, – сказал мой отец своему племяннику.

– Да-а? Ух ты! – вслух воскликнул молодой человек и с интересом уставился на Полину. Сверх всего прочего любопытство у него вызвал ступор, в который бедняжку вогнала мужская нагота. Племянник Симона родился на Новой Лемурии и никогда не встречал homo sapiens. Смятение нашей гостьи позабавило Дона, а меня начало бесить его невежество.

– И ты не мог бы одеться? – кокетливо попросила Мина, пожалев остолбеневшую девочку, которая впервые в жизни видела голого мужчину.

– Пожалуйста! – с нажимом присоединился я, не скрывая раздражения.

– Ладно! – мальчишка беззаботно пожал плечами, выставил в сторону ладонь, и в его руке возник свежий лист кумакуры.

– Ни разу не надевал! – засмеялся он, неловко облачаясь в бархатистую живую ткань.

– Спасибо, что согласился присоединиться к нам, – сказал мой отец.

– Дон у нас главный любитель и знаток местной фауны, – пояснила Мина для нашей гостьи. – Он знает всё о животных Новой Лемурии.

– Ну, не всё, конечно, – отозвался мой двоюродный брат с ложной скромностью. – Но они удивительные! Замечательные!

Полина, наконец, осмелилась задать вопрос новому знакомому:

– А как рыба оказалась в воздухе?

– Рыба? – удивился Дон, но тут же считав ассоциации земной девочки, засмеялся: – Ах, нет, на Новой Лемурии камбала – не рыба. – Он выставил вперёд руку, и Полина увидела, как плоское полупрозрачное существо плавно опустилось на его ладонь, и умиротворённо расслабилось, безвольно свесив края своего тельца, ходившие мелкими волнами во время плавания в воздухе. – Хочешь погладить?

«Как сопля», – морщась, подумала Полина, но всё же несмело вытянула палец и дотронулась до спинки лемурианской камбалы позади круглой головки с крохотным хоботком вместо носа. Мягкая, как у медузы, спинка зверька чуть содрогнулась, а тоненький змеиный хвостик с присоской на конце задвигался влево-вправо.

– Ты ей нравишься! – просиял Дон, а мой отец сказал:

– До нашего переселения на этой планете не было существ, использующих язык как мы его понимаем, так что называть животных и растения было некому. А нам некогда и незачем выдумывать новые слова – вот и дали всему земные названия по сходству, признаться, порой весьма отдалённому.

– Давай её покормим! – предложил девочке Дон. Он поводит в воздухе свободной рукой, будто поманил пальцами, – и Полина увидела, как голубенький кончик хоботка устроившегося на ладони существа раскрылся, словно цветок, и всасывающими движениями стал поглощать что-то, чего наша индиго не могла увидеть, а потому спросила:

– А что же она ест?

– Органические частицы и одноклеточных, которые поднимаются в воздух из-за слабого притяжения, – объяснил я. – Мы их видим, а человеческий глаз, наверное, не может.

– Камбалы – настоящие санитары планеты, без которых было бы трудно или вообще невозможно дышать, – с любовью добавил Дон и погладил полупрозрачное существо вдоль спинки.

– А эти... кошки? – и Полина указала на всё ещё сидевшую на каменной арке белую кумму. – Не съедят всю камбалу?

– Конечно, нет! – Дон удивился её вопросу. – Это же природная пищевая цепочка!

Он перевернул насытившуюся и доверчиво нежившуюся на его ладони камбалу на спинку.

– Вот видишь эти присоски на брюшке и на конце хвоста? Они позволяют замирать на отвесах скал, когда становится темно или чтобы прятаться от хищников. А хвост – это руль. Здоровая сильная камбала сумеет увернуться от шипа белой куммы, а те, что послабее попадаются. Естественный отбор. Мы не вмешиваемся почти.

– И вам не жалко бедных зверушек? – всё не унималась юная землянка, а мой кузен совершенно искренне поинтересовался:

– А что такое «жалко»? – и они с Полиной недоумённо уставились друг на друга. Дон был истинным сыном Новой Лемурии. Я пришёл ему на помощь:

– Мы живём по законам Природы, а для Природы главное – баланс. Ни homo liberatus, ни другие обитатели этой планеты не знают насилия ради насилия. А в мире без жестокости и жалость остаётся не востребованной.

– Дон никогда не встречался с людьми, поэтому он тебя и не понял, – пояснил мой отец.

Полина в упор посмотрела на молодого человека и вдруг, без видимой связи, спросила обвиняющим тоном:

– И что, ты никогда не увидишь свою дочь?

Молодой лемурианец покосился на дядину подругу, усмехнулся и спросил:

– Обсуждали моё прошлое?

– Ага, объясняли жизнь homo liberatus на твоём примере, – подтвердила Мина и тоном гида обратилась к Полине, словно предмет разговора при этом не присутствовал: – Лидии триста лет, а Дону тридцать. Он сам для неё ребёнок, – а про себя подумала: «Ребёнок. Но какой же великолепный! Настоящий Апполон!»

Дон не обращал внимания на игривость Мины. Как и большинство лемурианок, она заглядывалась на этого мускулистого красавчика, непохожего на наших невысоких худощавых братьев, веками предпочитавших игры с энергией упражнениям физического тела. А у Дона мускулы развились от того, что он почти всё время проводил с не владеющими нашей суперсилой животными, бегая вместе с ними либо верхом на них, а также таская на руках их детёнышей. Мой двоюродный брат привык слышать подобные мысли женщин, но сердце его пока молчало. Скаля белые зубы в беззаботной улыбке, он ответил Полине:

– Когда дочь Лидии вырастет и станет частью Единения, мы, конечно, познакомимся. А дальше – как получится, по желанию.

– Дон и сам присоединился совсем недавно. С год назад, кажется? – вступилась за него Мина, всё ещё читая осуждение в мыслях нашей гостьи.

– Зачем же тогда эта Лидия хотела ребёнка именно от тебя? – продолжала докапываться Полина, а Мина снова встряла, не дав молодому лемурианцу раскрыть рта:

– Потому что самые одарённые дети рождаются от молодых мужчин, которых на Лемурии совсем немного, при нашем-то долголетии, – бросив быстрый взгляд на моего отца, она добавила: – Прости, Симон, без обид...

– Ну, это, конечно, тенденция, а не правило, – добродушно возразил тот и многозначительно похлопал меня по плечу, а я тут же подумал о Кассандре и её настойчивости. «Обсудим это позже», – отозвался на мою мысль отец и сказал не столько Полине, сколько своему племяннику: – К сожалению, душу Дона ещё не затронула не только любовь, но даже и дружба с кем-либо, кроме братьев наших меньших.

– Кстати, здесь Маланья не пробежала? – спросил молодой красавец. И из кустов, как по команде, высунулась длинноволосая голова с широкой слегка приплюснутой челюстью. – Ах, вот и она! Иди, иди сюда, моя хорошая! – и юноша поманил голову пальцем. Существо несколько раз похлопало длинными ресницами, обрамлявшими жёлто-оранжевые слегка навывкате глаза, затем вышло из кустов и нерешительно, бочком, на двух ногах двинулось в нашу сторону, широко улыбаясь своими гигантскими тёмно-розовыми губами. Ошеломлённая Полина, с раскрытым ртом наблюдавшая за приближавшимся чудом, подумала: «Фу! Страшилище! Лицо, как у лягушки!», за что Мина сильно толкнула её локтем.

Несмотря на почти сплошь покрывавшие тело Маланьи длинные шелковистые светло-русые волосы, или шерсть – это уж как угодно – Полина не могла не понять, что существо было женского пола, потому что твёрдые соски двух довольно больших грудей, покрытых не волосами, а гладкой розовой кожей, заметно выдавались вперёд, а плавно двигавшиеся широкие бёдра и тонкая талия Маланьи словно были срисованы с картинок к арабским сказкам. – А, ты уже и помылась для меня! Ну что за умница! – и Дон недвусмысленно провёл рукой вдоль шерсти пониже спины поравнявшегося с нами существа. Маланья порывисто прижалась к молодому человеку, одарив его полным обожания взглядом и нежной улыбкой, обнажившей крупные ровные зубы зеленоватого оттенка. – Потерпи немного, милая! – ласково сказал ей молодой лемурианец. – Погуляй с нами.

Все, кроме Полины, прекрасно знали, что Маланья, самка лемурианского гоминида, была любимицей моего двоюродного брата и, несмотря на полное отсутствие каких-либо сверхспособностей и довольно маленький по сравнению с телом мозг, странным образом всегда оказывалась там, куда направлялся Дон. Лемурианские гоминиды – местные обитатели. Эти дружелюбные существа были чуть ли не первыми, кого встретили *homo liberatus*, когда приземлились на новой для себя планете. Скорее всего, в процессе эволюции будущие родственники Маланьи когда-нибудь станут разумными в человеческом понимании, но пока это далеко не так. Они всеядны, живут небольшими группами, а между собой общаются с помощью гортанных звуков. Разумеется, для нас обоюдное понимание не проблема. Мои соплеменники сразу заметили, что система обмена энергии у этих существ сложнее, чем у других обитателей планеты, но проще, чем у *homo sapiens* – потому и называют их гоминидами. У лемурианских гоминидов всего пять чакр. Благодаря почти полному отсутствию воображения, у них нет религии, и только поэтому мы не стали для них богами, хотя *homo liberatus* сразу начали помогать этим напоминавшим людей радушным и мирным созданиям. Помогали чаще всего тем, что спасали от диких зверей и лечили больных, но скоро поняли, что этим лучше не злоупотреблять, потому что спаситель становится смыслом жизни для получившего помощь гоминида. Вот и Маланья повсюду следовала за Доном после того, как он вытащил её, тогда ещё подростка, из зубов местного хищника. Теперь самка гоминида охотно присоединилась к компании, где находился Дон, не замечая пытливого внимания девочки-индиго, которая в глазах Маланьи ничем не отличалась от нас. Пока мы шли вдоль реки, питомица Дона то и дело выбрасывала свой длинный с расширением на кончике язык и, поймав

насекомое, проглатывала на ходу, вызывая у Полины ещё большее отвращение: «Ну точно, лягушка!»

Погода, по обыкновению, стояла райская. Жаркие лучи дневного светила – звезды, которую пришельцы с Земли беспечно окрестили Солнцем – смягчённые парившими в воздухе каплями влаги, превращались в благодатное тепло. Крохотные дракончики порхали в высокой, с человеческий рост, траве. Полина остановилась, наблюдая, как чьё-то змеиное тельце, покрытое сине-зелёным оперением, нырнуло в окружённую голубыми лепестками цветочную чашу величиной с голову девочки и завозилось внутри, всасывая пыльцу своим длинным, тоненьким, как ниточка, хоботком.

– Хоботок? Как и у камбалы, – ответил Дон на мысленный вопрос нашей гостьи. – Вся мелочь на этой планете, да и не только мелочь, – и он снова погладил пышнотелую Маланью пониже спины, – питается частицами и организмами из воздуха, недостаточно тяжёлыми, чтобы оставаться внизу. Этот – тоже, а пыльца для него как десерт.

В это время птичьи крылья и длиненька мордочка нектарника высунулись из цветка, и существо без страха посмотрело на нас желто-коричневыми глазками-бусинками.

– А оно кусается? – осторожно поинтересовалась девочка.

– У него же нет зубов! – засмеялся Дон. Он приставил ладонь к цветку, и нектарник перебрался на руку молодого человека, присосался к его коже задними лапками и стал выжидательно перебирать когтистыми пальчиками передних. – Но если решит, что попал в беду, то может сильно оцарапать.

– Как кошка, – сделала вывод Полина.

– Ну, вроде того! – поддакнула Мина и, шаловливо ткнула пальцем в грудь моего кузена. – А вот он никогда не видел живой кошки!

– В самом деле, Дон, – согласился со своей подругой Симон. – Ты не собираешься отправиться на Землю? Хотя бы для того, чтобы встретиться с тамошней фауной...

Дон поморщился и ответил, растягивая слова:

– Ну-у, мо-ожет, когда-нибудь...

– Я вижу, ты не торопишься с межпланетной телепортацией, – иронически заметил я.

– А зачем? – резонно возразил Дон. – Что-то я не вижу, чтобы ты получал удовольствие от распада на частицы и старания снова собраться в целое! – и он беззаботно махнул рукой, выталкивая нектарника на волю. – Мне и дома хорошо.

– Дома... – эхом отозвались Симон и Мина с неприкрытой грустью.

Желая перевести разговор на что-нибудь более приятное, Дон снял с гладкого ствола пушистого чудика с тупой мордочкой и круглыми лиловыми глазками, погладил по синевато-серой цвета древесной коры спинке и со своей ладони показал Полине:

– Смотри, это флафик!

– Ой, какой хорошенький! – взвизгнула наша индиго. – Похож на котёнка!

– Ну, тебе виднее! – засмеялся Дон.

– Только без коготков!

– Этот чуть-чуть кусается, и даже бодается, – предупредил мой кузен, поглаживая роговичные реснички на носике и между ушками малыша. Чудик разинул рот с маленькими, почти незаметными, но многочисленными зубками и облизал державшую его руку несоразмерно огромным языком.

– А на вид ласковый! – засмеялась Полина.

– Ласка тут ни при чём. Это он покушал, – возразил Дон, и, осторожно взяв флафика за лапку с четырьмя крохотными пальчиками, показал девушке. – Видишь, этими присосками на пальцах он закрепляется на камнях или стволах деревьев и слизывает с их поверхности насекомых и другую мелкую живность, а возьмёшь его в руки – так и руки вымоет.

Полина протянула ладонь, чтобы приласкать – или покормить – флафика, но тот фыркнул и зашипел, сооротив уморительную, но явно не дружелюбную гримасу.

– Не советую, – засмеялся Дон. – Вот эти зубки – для защиты. Покусает любого, кому не доверяет... – Полина одёрнула руку, а мой двоюродный брат вернул зверька на дерево, где тот моментально слился с иссиня-бурой корой. – К счастью для него и других мелких видов, здесь, кроме нас, никто не умеет внушать чувство безопасности.

Мы подошли к дельте реки, впадавшей в необъятное глубокое озеро, и почти одновременно с нами из роци между скалами и берегом, появился небольшой табун хоботоидов, которые издали показались Полине гигантскими лошадьми. Высокие мощные ноги легко и быстро несли их мускулистые тела, а на длинных шеях и вдоль хребтов красовались густые чёрные, светлые и рыжие гривы. Тонкие хвосты оканчивались лохматыми метёлками. Когда же мы подошли поближе, нашу гостью ждал сюрприз: животные как раз приступили к водопою, для чего развернули свои длинные подвижные хоботы, которые во время бега были скручены аккуратной спиралью под нижней челюстью. Чудные существа с совершенно лысыми толстокожими боками втягивали живительную влагу своими тонкими насосиками, а затем впрыскивали её в вечно жующие травоядные рты. «Всё-таки это лошади или слоны?» – гадала моя индиго, бродя между не обращающими на нас никакого внимания хоботоидами.

– На твоём месте, я бы перестал сравнивать, – сказал ей Симон. – Это неблагоприятное занятие. Любое сходство с земными животными здесь просто случайность или, скорее, адаптация к похожим условиям жизни.

Тут Дон сообщил невозмутимым голосом:

– Нам бы лучше убраться подальше от воды.

Идти ногами времени не оставалось, и мы быстро перенесли себя и наших не способных к телепортации подруг шагов на сто от воды. Через мгновение тихая гладь озера пошла кругами, вздыбилась мощными волнами, и из глубины стремительно вырвалось семь громадных голов на длинных змеиных шеях. Одна, с круглыми красно-жёлтыми близко посаженными глазами была больше других и командовала шестью недоразвитыми, поменьше, предназначенными для охоты. У каждой из шести голов был один еле заметный, но зоркий глаз и более чем заметная вонючая зубастая пасть. Чтобы насытить общий для них всех гигантский желудок, головы-охотники задвигались на своих гибких шеях вдоль берега, защёлкали острыми зубами, хватая всякую неосторожно зазевавшуюся там тварь. На этот раз не повезло двум хоботоидам, сильнее других поглощенным переливанием воды в рот. От жажды бедняги пропустили короткий момент, когда ещё можно было унести ноги. Чудовище было так велико, что, вытянув свои шеи на всю длину, легко могло дотянуться и до нас, но ни один *homo liberatus* даже не дрогнул, не только потому, неспособен был испытывать страх, но и потому, что ещё до появления монстра на поверхности озера Дон внушил главной голове, что мы не добыча.

Полина инстинктивно спряталась за моей спиной. Она онемела от ужаса, хотя и видела, что лемурианцы спокойно наблюдали устроенное чудищем светопредставление. Зрелище поедания хоботоидов живьём потрясло её даже больше, чем вид самого монстра.

– К-кто это? – дрожащим голосом прошептала она мне в ухо.

– Это Харибда.

– Харибда? – удивилась девочка. – Они что, правда существуют?

– Ты говоришь о греческом мифе? – повседневным тоном перебил Симон.

– Нет, конечно. Это мы окрестили самого опасного хищника на этой планете харибдой, из-за удивительного сходства с описанием мифического чудовища, которое, кстати, никогда не существовало на Земле, и уж тем более не могло угрожать людям в тот поздний период, когда *homo sapiens* уже путешествовали под парусами и воевали железными мечами.

А Дона от обязанностей проводника отвлекала дрожавшая как лист Маланья. Она тоже пряталась за спиной своего защитника, панически впиваясь в его загорелые плечи всеми восемью длинными острыми ноготками. Пару лет назад Дон вытащил самку гоминида из пасти именно

такого чудовища. Он стал легонько поглаживать Маланью между ног. По правде говоря, это действительно был самый верный способ её успокоить – возбудить в ней инстинкт, противоположный страху. Ведь живые существа плодятся только когда чувствуют себя в безопасности. Разумеется, Дон не только не волновался о том, как это выглядело в глазах Полины, но даже и не понимал, что его действия могли удивить и смутить кого-либо из присутствовавших. Харибда, проглотив ещё несколько зазевавшихся зверушек, удалилась переваривать обед в своей глубоководной засаде, и к тому времени Маланья не на шутку распалилась от поглаживаний своего кумира. Она опустила на траву, развела ноги и выпустила цветок. Так мы называем то, что делают самки многих животных Новой Лемурии.

У здешних самцов всё почти так же, как и у земных, а вот у самок матка для соития выходит наружу и раскрывается в виде воронки, похожей на красный лоснящийся цветок, который к тому же шевелится, делая всасывающие движения. Такое вот недвусмысленное выражение согласия или приглашения. Так как лемурианские гоминиды очень любвеобильны и чувственны, некоторые мои соплеменники, по природе своей склонные к экспериментам, не могли отказать себе в новых впечатлениях – удовольствие, на мой взгляд, сомнительное, так как внешность самок гоминида, как и альтернативный способ совокупления с ними, явно на любителя. Мой же двоюродный брат, рождённый и выросший на Новой Лемурии, женщинам своей расы пока что предпочитал простую и преданную Маланью, не способную слышать его мысли.

– Я должен о ней позаботиться! – сказал Дон, с предвкушением глядя на предлагавшую себя питомицу.

– Только избавь нас от созерцания своей заботы, – шутливо проворчал в ответ Симон.

Мой кузен одарил компанию озорной улыбкой, с энтузиазмом подхватил на руки томившуюся жарким желанием Маланью и вместе с ней телепортировал в рощу. А Полина села на траву и обхватила голову руками. Потрясённая до глубины души, она чувствовала себя как та девочка из книжки, через кроличью нору попавшая в мир, где привычная матрица не имела силы. Полине казалось, что homo liberatus кругом поступали неправильно, но и то, как мы не спешили спасти хоботоидов от харибды, и равнодушие Дона к собственной дочери, и его «бесстыдная» межвидовая связь с самкой гоминида – всё это здесь как-то имело смысл.

– Так и должно быть, – пытаясь успокоить девочку с Земли, объяснил Симон. – Можно понять всё, что допускает Природа. И мы привыкли всё это ценить, – отечески прикоснувшись ладонью к макушке Полины, он поделился с ней энергией, восполняя утерянное бедняжкой от потрясения и

страха. Благодаря моему отцу к ней быстро вернулось душевное равновесие, и гостя засыпала нас вопросами.

– А мужчины гоминидов? Они не ревнуют? На вас не нападают? – отношения Дона и Маланьи поразили Полину более всех других увиденных на Новой Лемурии чудес, вероятно, потому, что без своей социальной матрицы *homo sapiens* теряют ориентацию в мире.

– Во-первых, наши дамы тоже интересуются их весьма неплохо сложенными самцами – иногда! – усмехнулась Мина. – А во-вторых, на нас невозможно напасть. Мы ведь не живём в группах, не устраиваем уютных домов, забитых кучей вещей – мы можем просто исчезнуть, когда пожелаем. Так что воевать было бы не с кем, даже если бы кто-то и захотел. У *homo sapiens* за многие тысячелетия нашего с ними соседства ни разу не получилось нам навредить.

– Конечно, о полноценном акте любви с лемурианским гоминидом речи быть не может. Я имею в виду слияние энергий, достижение гармонии, единения на астральном уровне, – пояснил мой отец. – Эти отношения между видами скорее похожи на то, что бывает у *homo sapiens* с собаками: вы получаете и даёте безусловную любовь, которая тем не менее не может заменить любовь к себе подобным. Хотя некоторые люди и предпочитают общество собак... А насчёт ревности... где ты видела собаку ревнующую другую собаку к человеку?

– Но ведь люди же не спят с собаками! – горячо возразила Полина.

– Идея о спаривании с лемурианскими гоминидами возникла только из-за их внешнего сходства с людьми – это случайное развитие событий. Такая близость доставляет лишь примитивное удовольствие, и от неё не могут рождаться дети.

– А Дон предпочитает простоту, – саркастически добавила Мина.

– Дон – это исключение, я считаю, – заступился за племянника Симон. – Живность Новой Лемурии – пока что его главная любовь. Он у нас такой один. Почти всё своё время проводит с местными зверушками, изучает их и помогает в моменты нужды. Так что Маланья – это часть его жизни. К чему он придёт в будущем, неизвестно, но до тех пор, пока он остаётся частью Единения, мы знаем, что эта «дружба» с самкой гоминида не наносит вреда Природе. Так что мешать ему нет никакой причины.

– Так эти гоминиды – разумные или нет? – не унималась Полина.

– На Новой Лемурии мы не разделяем существ на разумных и неразумных, – наконец, решил вставить слово и я. – Впрочем, даже и на Земле эта классификация лишь придумана людьми... Мы же обращаем внимание, сколько и какие чакры имеет живое существо и как они взаимодействуют с внутренним и внешним миром. Конечно, биологически

это связано с устройством нервной системы, которая, как и всё живое во Вселенной, подвержено эволюции.

– Из моего опыта жизни на Земле, большинство *homo sapiens* не способны управлять собственной энергией и состояниями – и в этом они даже менее «разумны», чем некоторые животные, – поделился наблюдением мой отец, а Мина поддакнула:

– Технический прогресс их особенно подкосил. Слишком многое за них машины делают! – при этом Полина вспомнила, что слышала то же самое и от меня.

Мы вошли в рощу и подкрепились одним из сладких фруктов, что, как гигантские мячи, дозревали на раскидистых ветвях, расточая головокружительно сладкий аромат. Полина, раз надкусив рыхлую питательную мякоть, выпалила:

– На вкус как банан!

– Правда? – с комическим изумлением спросил Симон. – Ну, тогда тебя не удивит его название.

– Какое?

– Банан!

Мы дружно расхохотались, а моя индиго долго не могла остановиться, смеялась до слёз, избавляясь от напряжения, накопившегося за весь безумный день.

– Правда, у *этого* банана есть один приятный побочный эффект, – заговорщицки подмигнув, сообщила Мина.

– Он что, заставляет смеяться? – попыталась угадать Полина, всё ещё подхихикивая.

– Не совсем... – неожиданно серьёзно сказал мой отец. – Мы все его почувствуем через несколько минут. Думаю, нам стоит разделиться, чтобы тебя не смущать ещё раз, – потом он так же серьёзно обратился ко мне: – Надеюсь, всё у вас пойдёт хорошо, мой мальчик. Возможно, другого случая у тебя не будет, по крайней мере, очень долгое время! – с этими словами Симон нежно взял под локоть свою подругу и увлёк её вглубь рощи. Уходя, он обернулся и помахал нашей гостье рукой: – Прощай, милая! Точнее, до свидания. Мы обязательно ещё увидимся.

Когда отец и его подруга исчезли из виду, я указал Полине на вершину скалы:

– Давай поднимемся туда. Я хочу бросить этот мир к твоим ногам! – выдав такой пассаж, я и сам себе удивился: «Фу, какой высокопарно-романтический слог! Никогда бы этого не сказал в нормальном состоянии!» – но моя индиго ответила мне таким мягким, таком женственно-звущим

взглядом, что я тут же позабыл о риторике. Да, волшебный банан начинал действовать, и не только на меня.

Оказавшись на вершине гряды из отвесных скал, Полина увидела, что их обратная сторона плавным, поросшим густыми джунглями склоном уходила в котловину, на самом дне которой виднелась серая плоская пустошь. Там ничего не росло, а из расщелин в камнях, клубясь мохнатым паром, брызгали белые фонтанчики гейзеров. Капли пара висели в воздухе, и безоблачное небо над котловиной было расцвечено дюжиной великолепных ярких радуг. От такой красоты у моей подружки перехватило дыхание.

– Вот это да! – только и могла произнести она. Вдруг Полина неожиданно для самой себя поцеловала меня в губы. И тут же смущённо отступила. – Извини...

Я еле сдержался, чтобы не ответить на поцелуй. Я бы вложил в него всю свою накопившуюся за долгие недели страсть – но ловил себя на том, что, напротив, старался казаться равнодушным, словно влюблённый мальчишка homo sapiens, не уверенный в чувствах желанной женщины. На самом деле я точно знал, что Полина ещё не окончательно осознавала свои желания, и ждал, пока это произойдёт – в противном случае наша близость была бы слишком похожа на соблазнение и обман. Единственный поцелуй, после которого моя индиго впервые в жизни телепортировала, не связывался в её сознании ни с каким продолжением. Неопытная девочка, убеждённая вечно критикующей матерью в своей непривлекательности, наивно поверила в «рабочую необходимость» и старалась не вспоминать о том случае, правда, с переменным успехом.

По законам своей страны, Полина была несовершеннолетней, и, хотя биологически уже года два была готова к радостям любви, она не смела даже помышлять о таковых. И только здесь, на не угнетённой матрицей планете, под разбудившем желания плоти действием чудесных бананов в теле юной индиго шевельнулась первая горячая волна и понесла любимую в мои объятия. Я не хотел её спугнуть, так что выдержка была мне нужна как никогда прежде. Долгое ожидание удовольствия мало кому здесь знакомо. Оказалось, оно будоражило до безумия, ввергая в острую, сладкую муку, будто я горел изнутри. Главное, мне почему-то нравилась эта человеческая игра, и вместо того, чтобы ответить на поцелуй, я просто улыбнулся и сдержанно сказал:

– Ну что ты, милая! Это всё бананы. Я чувствую то же самое...

Ранее увлечённая зрелищем радуг над котловиной, Полина только теперь, последовав направлению моего взгляда, заметила посторонних. В сотне шагов, на вершине соседнего обрыва лицом к лицу сидели мужчина и женщина. Их тела плотно соприкасались, а руки и ноги переплелись. Эти

двое находились здесь довольно давно и были без остатка поглощены друг другом, поэтому они не обратили внимания на непрошенных наблюдателей. После знакомства с Доном и Маланьей девочка с Земли уже не слишком удивилась увиденному, но тут было совсем другое. А я и не мечтал разделить с Полиной зрелище истинной любви, редкое даже для глаз homo liberatus! Теперь, после упорных тренировок, это было несложно: я просто присоединился к её энергетическому полю – и моя индиго тоже увидела, как ауры влюблённых, ярко-оранжевая у юноши и небесно-голубая у девушки, всё больше смешивались воедино, превращаясь в поминутно разрастающийся, насыщенный светом и цветом, кокон.

– Как красиво! – восхищённо прошептала Полина. – Что они делают?

– Медитируют, – ответил я, не слишком успешно стараясь заставить свой голос звучать ровно. – В преддверии акта любви.

Юная землянка покраснела и хотела отвернуться – но не смогла. В её мире смотреть считалось бы постыдным, а потому запретным – и всё же она не отводила глаз. Влюблённые сидели на каменном выступе. «Как спектакль на театральной сцене!» – подумала Полина, на что я возразил:

– Спектакль для кого? Ведь до нашего прихода вокруг не было ни души! Они просто нашли самое красивое место, чтобы сполна насладиться своей близостью. У вас это называется романтикой, кажется. Возможно, у людей и принято любить в темноте, за закрытыми дверями и в спешке, как будто, соединяясь телами, они крадут что-то друг у друга... Но у нас не так.

Полина внимательно присмотрелась к казавшейся неподвижной паре и воскликнула:

– Они же ещё младше меня!

– Ей тринадцать, ему пятнадцать, если перевести на земной возраст, – просветил я спутницу. – Ну и что? Даже у homo sapiens ходят легенды об историях любви в совсем юном возрасте. Джульетте, например, было тринадцать... Истинную любовь нельзя упускать – это редкий подарок Природы, в любом из миров.

– Но это же... – у Полины в голове зудел целый рой эпитетов в оправдание слова «нельзя»: «стыдно», «рано», «опасно»... и, конечно же, «страшно».

– Только не у нас, милая, – и я позволил себе обнять её за плечи. – Homo liberatus свободны следовать зову Природы, как только появляется обоюдное желание – а его невозможно скрыть в компании телепатов. Обоюдность – единственное условие. В противном случае закон Природы был бы нарушен.

– А дети? – недоверчиво покачала головой Полина. – Что, если у таких молодых появятся дети?

– А, это опять же по желанию! – засмеялся я. – Помнишь, что говорила Мина? Лемурианцы умеют управлять всеми своими и даже чужими клетками задолго до того, как созревают для продолжения рода.

– То есть ты можешь... и мне? Ну? Чтобы я не...

– Конечно! – ответил я.

В это время ауры юных любовников, наконец, полностью слились в общую сферу, их губы то и дело встречались, а руки становились всё смелее и настойчивее, изучая и лаская. Каждое прикосновение безудержных пальцев к коже другого отдавалось всполохом белых искр, и чем сильнее было наслаждение, тем чаще и ослепительнее становилось сияние. Наконец, тела влюблённых соединились, будто стали одним существом. Я это видел отчётливо, а Полина с нашего места могла разглядеть лишь яркое белое свечение внутри оранжево-голубого шара. Разумеется, моя индиго понимала, что происходит, да и вся округа наполнилась энергией любви, неудержимой, всепоглощающей и всё отдающей. Полина молчала, но её ум и тело пели в унисон: «Я тоже хочу!» Она несмело дотронулась до моей руки и вопросительно заглянула мне в глаза.

– У нас не получится вот так красиво, – сказал я. Теперь, когда любовь всей моей жизни просила меня о близости, мне вдруг стало грустно.

– Почему? – опешила Полина.

– Потому что для этого нужна настоящая гармония. Я люблю тебя с первой минуты нашей первой встречи – но ты...

– И я тебя люблю! – возбуждённо прошептала моя индиго. Я обнял её и, наконец, тоже поцеловал в губы.

– Если бы это было так!

– Я не понимаю... – она отстранилась и обиженно нахмурилась. – Ты думаешь, я обманываю?

– Конечно, нет! – я притянул её обратно, прижимая к себе всё сильнее. – Просто... да, твоё тело и в самом деле пробудилось для любви – и это прекрасно, но твоя душа ещё совсем не готова. И невозможно предсказать, когда это произойдёт, – больше всего на свете я желал затонуть в этих пульсирующих фиолетовых волнах, хотя они и не сливались с моими, а лишь смешивались в причудливую мозаику – её цвета индиго и моей изумрудной зелени. И с этим ничего нельзя было поделать! Я смирился и прошептал: – Обещаю тебя порадовать, милая! – я поцеловал высокую скулу возле раскрасневшейся миниатюрной мочки уха, просунул руку под её тунику и нарочито медленно начал пальцами ласкать змеевидный желобок от длинной шеи до талии, улыбаясь каждый раз, когда от моего прикосновения по спине любимой пробегала волна блаженной дрожи. Я уже решил было

позволить себе более смелую ласку, но на пути в святая святых мои пальцы застыли. Внезапная отрезвляющая мысль заставила меня отступить.

– Послушай, ты должна знать... – Полина потянулась, чтобы снова обнять меня, но я решительно задержал её руки. – Подожди! Это важно! – несколько секунд мы боролись, задыхаясь. Наконец, она поняла, что я был серьёзен, сдалась и застыла с вопросом в глазах. – Возможно, после возвращения на Землю мы долго не увидимся. Я не хочу, чтобы ты думала, будто я овладел тобою обманом, соблазнил и бросил. Ещё не поздно остановиться и вернуть тебя домой прямо сейчас...

Мой голос прозвучал глухо, как чужой, а Полина только рассмеялась и поцеловала мою руку, крепко сжимавшую её запястье. Она меня хорошо поняла, но поняла и себя и теперь точно знала, что больше не желает сдерживать свою природу, до того дня дремавшую в оковах предписанной матрицей невинности. Единственным, что оставалось в Полине невинным после той ночи, была душа наследницы homo liberatus... А я сознательно обрекал себя на вечную муку, потому что понимал: каждое мгновение той ночи будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь.

Кто обладал любимой женщиной, зная наверняка, что она не вполне испытывает ответные чувства, тот поймёт всю горечь послевкусия. Неважно, к какой расе ты принадлежишь. Имея доступ к опыту и переживаниям всех homo liberatus, я слишком хорошо знал, как выглядит гармония истинной любви. Оказалось, и высокая степень посвящённости, и сила телепатии способны причинять боль, и впервые в своей жизни, если не вообще в истории своего вида, я испытал зависть к homo sapiens, к их *возможности* жить в плену целительных иллюзий. Вероятно, я и люблю по-человечески, ибо не только никогда не встречал лемурианца, так сильно, так горько, так по-тёмному пожираемого безответным чувством, но даже и не слышал о таких в наших преданиях. А Полина тянулась навстречу ласкам, как нетронутый бутон раскрывает лепестки навстречу солнечному теплу. Моя способность читать желания компенсировала её неопытность, и моя индиго несколько раз достигала вершины наслаждения, куда мужчина во что бы то ни стало стремится привести ту, кого действительно любит – но её восторг и благодарность за подаренные яркие ощущения лишь таковыми и оставались. «Пока что!» – думал я с надеждой.

В долину гейзеров заглянул хрустальный рассвет Новой Лемурии. Действие чудесных бананов давно уже выветрилось из наших утомлённых тел. Я проснулся первым и скользнул ладонью вдоль обнажённой спины юной индиго, прикоснулся губами к её плечу, и она открыла свои манящие в пучину предштормового моря глаза. Я-то любил её и без бананов.

– Пора отнести тебя домой.

Полина сладко потянулась на помятой нами за ночь шелковистой траве и беспечно пролепетала:

– Я совсем потеряла счёт времени... А что, там тоже утро?

– Я не знаю, – честно признался я.

Мы вернулись вовремя. Темнота всего лишь начинала сгущаться над побережьем Чёрного Моря.

Глава 23. Единое сознание

*Жалеть же того, кто сечёт меня плетью –
Для этого надо совсем ошалеть!*
Расул Гамзатов «Песня о глупцах и мудрецах»

Я достиг Новой Лемурии в полном изнеможении: целых три межпланетные телепортации вперемешку с ночью любви – всё это давало о себе знать. И теперь я качался на баюкавших морских волнах, бездумно глядя в сиреневатую синеву высокого неба, потеряв счёт времени. Тёплая вода Моря Решений насыщала воздух ионами, которые постепенно залатывали энергетические пробоины в моём потрёпанном теле. Поначалу у меня не было сил даже следовать взглядом за изредка пролетавшими над водой полупрозрачными существами. Воздушные камбалы меня тоже игнорировали, но лишь до тех пор, пока я сполна не напился мощью океана. Лишь только восстановился энергетический баланс, крохотные лапки присосались к моей груди, и хоботок зарыскал по коже в поисках мелких организмов. Я не мешал гостье, хотя и знал, что она будет разочарована, так как простейшие, естественно, погибают по время межпланетного путешествия. Благословенный, безмятежный круговорот Природы, гармония, которой так нелегко достичь на Земле, умиротворяюще действовали на моё нывшее от расставания с Полиной сердце, но эту пробоину было не так легко залечить. Да я и не хотел. Моя миссия, сама по себе нелегкая, любовной тоски не предусматривала, но я не отказался бы от мыслей о своей индиго ни за какие блага мира.

До Единения оставался один лемурианский день. Я не торопился встречаться с собратьями раньше времени, хотя – или, скорее, именно потому, что в этот раз моё возвращение к Единому сознанию было главным событием в жизни мирной расы *homo liberatus*, вынужденной спастись на далёкой планете от вездесущего технического прогресса. Мой народ ждал

ответов, и прежде, чем ими поделиться, я должен был привести в порядок свои мысли и чувства.

На Новой Лемурии есть только один континент, во всяком случае пока. Вся остальная поверхность планеты покрыта океаном, дно которого непрерывно меняется: извергаются подводные вулканы, сдвигаются тектонические плиты, то выталкивая острова, то хороня их в тёмных глубинах. Если бы мой народ захотел жить, как люди, и одно поколение не насладились бы оседлостью. К счастью, наше понимание мира и спокойствия отличается от человеческого.

Море Решений названо так потому, что в нём находится Остров Единения, достаточно большой, чтобы вместить всех взрослых лемурианцев одновременно. Остальные собираются на соседнем острове, где подростки полностью предоставляются самим себе, а за совсем юной детворой присматривают молодые люди, ожидающие призыва Единого Сознания. Точного момента наступления их зрелости предсказать невозможно, но время от времени с Острова Ожидания на Единение прибывает новый *homo liberatus*.

У этого места есть и другое название – Остров Веселья. Уже самостоятельная, но ещё беззаботная молодёжь, кому пока не дано решать судьбы своего народа, и у кого ещё даже не теплится желания что-либо решать, отлично проводит здесь время, полностью посвящая его шалостям и развлечениям. Сорванцы одного с Полиной возраста, пожалуй, единственные из нас, кто любит большие компании – пошуметь, подурачиться, померяться силами и окунуться с головой в эйфорию первой влюблённости. Конечно, всё это им доступно и в самые обычные дни, но знаю по себе: есть что-то захватывающее в отсутствии родительского ока даже когда тебя вовсе и не ограничивают. Во время Единения взрослые отстраняются от собственного «я» и теряют способность к астральному и телепатическому общению с внешним миром, в том числе с собственными чадами.

Homo liberatus от тринадцати до тридцати начинают прибывать на Остров Ожидания ещё за пару дней до начала Единения, чтобы продлить веселье. Заглянул туда ненадолго и я. Очень хотелось вспомнить юность, когда миссия ещё казалась не более, чем фантазией. Полностью восстановившись, я медленно пошёл к скалистому берегу по воде, приятно ласкавшей босые ноги прохладными влажными язычками штиля. Встретив весело визжавших ребят, которые бегали по поверхности морской глади, как по суше, потому что это было самое ровное и открытое место для игры в салочки, я улыбнулся. *Homo sapiens* здорово удивились бы, увидев эту беззаботную

ораву родственников человека-бога безмерно далёких от того, чтобы называть себя богами!

Проведя более тридцати лет в ожидании призыва Единения, я очень хорошо знал это место, и поэтому отправился к его самой возвышенной части, где сразу же заметил другую кучку подростков, которые шумно договаривались о правилах игры. И через пару минут первый мальчишка оттолкнулся от обрыва и взлетел ввысь, ноги вместе, руки врозь. Воображая себя птицей, он распахнул объятия ветру и солнцу. Ребята решили потягаться в длительности полётов, и я подумал, что им довольно долго придётся ждать возвращения этого сорванца, который в свои четырнадцать уже выписывал в воздухе пируэты почище самой юркой камбалы.

Я вознёсся на скалу и решил пешком прогуляться вниз по пологому лесистому откосу, где можно было и подышать устойчивом лесным озоном, и перекусить. Там тоже росли волшебные бананы, от которых я на этот раз держался подальше, а взамен устроил себе пир их орехов и сладких, сочных, но вполне безобидных краснобоких руллей. Утолив голод, я бодро последовал дальше, на противоположную сторону острова. На своём пути, в многочисленных, но отдалённых друг от друга ложбинах пологого склона я время от времени замечал то сосредоточенно медитирующего молодого взрослого, то совсем юные парочки, не пренебрегшие бананами, а возможно, употребившие их специально, для остроты ощущений. Эти полудети-полувзрослые целовались, трогали, гладили и щекотали друг друга, сливались телами – всё это делалось далеко не беззвучно, и никто из них не обращал ни малейшего внимания на случайно забредшего на Остров Веселья избранного. Проходя мимо одной такой парочки, от которой просто искры летели, я на несколько минут остановился. Их неумелые ласки фонтанировали молодой энергией, но любви в них не было даже близко – одни бушующие гормоны, так что мне стало даже смешно. Станным образом, эта искромётная сцена успокоила мою боль неразделённой любви. В конце концов, трудно было ожидать глубокого, гармоничного, всепоглощающего и всё отдающего чувства от девчонки, такой же, как вот эти зелёные подростки, и вдобавок не до конца разобравшейся в своей собственной сущности! «Я обязательно вернусь к тебе, Полина, – подумал я, – но значительно позже. Возможно, тогда и ты будешь готова!» И на Остров Единения я отправился с лёгким сердцем.

Лемурианцы прибывали постепенно, по мере желания пообщаться друг с другом до начала медитации. Одиночки от природы, некоторые homo liberatus ни с кем не встречаются между Единениями. Многие занимаются чем-то настолько для себя интересным, что вообще забывают о времени и являются в последнюю секунду, когда мощный зов Единого Сознания уже

невозможно игнорировать. Ну, и родители маленьких детей тоже не торопятся оставлять своих отпрысков на попечение старающейся повзрослеть молодёжи. Небольшая горстка матерей явились с грудничками, ещё не вставшими на собственные ножки. У них какой-то свой способ слияния одновременно с младенцем и с Единением, непостижимый для мужчины, даже читающего мысли женщин. Когда все *homo liberatus* расположились на расстоянии вытянутой руки друг от друга и остров уже осветился золотисто-белым энергетическим куполом, трое новичков, два молодых человека и девушка, ощутив долгожданный призыв общего разума, появились на самом краю плато и опустились там на землю в позе лотоса. Они стали частью сознания своего народа безо всякой инициации, так же тихо и естественно, как на цветущем дереве распускается новый бутон.

Находясь внутри этого ментального целого, мы не осознаём течения времени до самого окончания Единения, но в тот день ещё до начала медитации все понимали, что размышление о наших будущих отношениях с планетой Земля продлится дольше обычного. Когда среди нас не осталось ни одного отдельного «я», когда всё найденное и утерянное, всё изученное и выстраданное превратилось в общее достояние, плоды моих изысканий, ожидаемые здесь с особым трепетом, молниеносно влились в Единое Сознание. Теперь предстояло тщательно обдумать всё, что я выяснил и испытал, а потом решить, как нам поступать дальше. Это было нелёгкое решение, вызвавшее самые серьёзные противоречия за последнее столетие, поэтому *homo liberatus* задержались на Острое Единения почти на два месяца. Но чувства преходящи – они не стоят пристального внимания. Мысль вечна – её передачей и ограничусь далее.

...Итак, что же мы знаем о вампирах теперь? Эта вариация *homo sapiens* может быть как врождённой, так и приобретённой.

В первом случае двусторонний обмен энергией с окружающим миром нарушен в силу мутации, при которой плотность серого вещества в орбитофронтальной коре и в передней островковой доле головного мозга гораздо ниже, чем у обычного *homo sapiens*. Такое отличие не позволяет вампирам чувствовать, как нормальные люди, и потому природный обмен энергией с помощью полного спектра эмоций им недоступен. Мутанты неспособны к сопереживанию, любви и самоотречению, и поэтому не имеют никаких морально-нравственных ориентиров и не подвержены вторичному, то есть социальному страху. Они боятся только физической опасности, но и здесь умеют точно оценить, как правило, довольно низкую вероятность таковой, отчего ведут себя отчаянно и дерзко, что часто принимается людьми за смелость.

Не связанные вторичным страхом, вампиры не теряют самообладания в сложных обстоятельствах, без колебаний принимают жёсткие решения – всё это вызывает восхищение у нормальных *homo sapiens*. Люди считают бесстрашие и холодный ум качествами лидера, и поэтому охотно допускают вампиров к управлению обществом, чем сами же и роют себе западню. Так ненавидят собственный страх, что готовы вручать судьбы целых наций тем, кто его не выказывает – и часто только поэтому! Ведь *homo sapiens* не слышат мыслей и не подозревают о причинах бесстрашия вампиров-мутантов. На самом же деле смелость – это преодоление своего страха, в то время как в укрощении чувства, которого не испытываешь, нет никакой заслуги.

Делая вампира лидером, люди надеются, что он поведёт их к лучшей жизни, а мутанты умны, отлично разбираются в правилах матрицы и успешно притворяются, что пекутся об улучшении жизни своего вида. В этой лжи и есть их главная опасность: на самом деле вампиров не заботит ничто, кроме насыщения энергией, то есть собственных удовольствия и выгоды. Источник удовольствия у них совсем не тот, что у нормальных *homo sapiens*. Вампиры и сами редко осознают, почему их так радует вид чужой боли, но мы-то знаем, что именно несчастный человек быстрее всего теряет энергию. Чем больше вокруг страданий, тем вкуснее вампиру. Физическая боль живых существ полнее всего насыщает мутантов, так что самые жестокие преступления, войны и геноцид – дело исключительно их рук. А в мирное время они причиняют окружающим душевные муки – ведь против этого не существует почти никаких законов, и уж тем более смертной казни. Душа обычного *homo sapiens* страдает чаще всего от вторичного страха – его-то вампиры и вызывают умелыми манипуляциями, поддерживая таким образом своё существование...

...Разве бесстрашие не делает вампиров похожими на *homo liberatus*? – Конечно, нет! Ведь их бесстрашие – это всего лишь мутация, одновременно и следствие, и причина нарушения обмена энергией с Природой. Для нас же этот обмен – главная ценность, а хищение и консервация жизненной силы нам претит. *Homo liberatus* не способен на убийство или причинение любого вида боли – вампир же пойдёт по головам и даже по трупам своих собратьев, включая родных и близких, для достижения выгоды или удовольствия физического тела и притока энергии на тонком уровне. Чувствуете разницу?

В сознании вампиров понятие добра и зла вращаются вокруг достижения того, в чём они видят вознаграждение. Правда, по иронии, в погоне за удовлетворением своих желаний мутанты иногда даже приносят пользу, с точки зрения общества... Как? Это очень просто. Например, вампир-адвокат за вознаграждение вполне способен спасти от казни или тюрьмы

невиновного, но он же без зазрения совести станет защищать даже самого жестокого убийцу и насильника. Такому, в принципе, безразлично, на чьей стороне находиться.

Да и само общество *homo sapiens* меняет свои ценности как перчатки! Конечно, это чаще всего происходит под влиянием тех же вампиров, но всё же... Нам ли, долгожителям, не знать, насколько непостоянны человеческие понятия о добре и зле? И как они перестают иметь что-либо общее с Природой... Например, убийство считается у них добром, если речь идёт об уничтожении врага, кого бы так ни называли. Тот же Васюра был на хорошем счету у нацистов как раз потому, что не останавливался перед казнью и истязанием «враждебно настроенных» стариков, женщин и детей. В глазах немецких командиров он был преданным фюреру бесстрашным офицером, хотя как самому Васюре, так и его соратникам из 118-го, откровенно говоря, было наплевать на фюрера. Они просто-напросто питались энергией ужаса и боли своих жертв...

...Так что, мутанты вообще не испытывают эмоций?

Ну, одну-то эмоцию мы точно наблюдали – скуку. На тонком плане она означает энергетический голод и вызывает злость. Скука – это сигнал, что пора на охоту за смертью, страхом и страданиями. Когда невозможно наносить вред людям, мутанты мучают животных, но человеческая энергия для них самая вкусная...

...Откуда вообще взялись вампиры? Существовали ли они на заре человечества? Нельзя быть вполне уверенными, но это маловероятно. Одно совершенно точно: такая мутация – следствие нарушения природного баланса. Наша раса намного старше *homo sapiens*, более того – мы от них и произошли, но ведь среди нас вампиров не бывает! Мы начали наблюдать за людьми, когда те ещё жили в пещерах и согревались шкурами животных, когда опасность исходила на них лишь извне. Пока люди боролись со стихией и хищниками, собирали плоды и охотились, среди них точно не было вампиров. Не потому ли то время называют Золотым Веком?

...Скорее всего, вампиры появились, когда люди осели, чтобы выращивать еду, а не собирать её, то есть нарушили природный баланс. *Homo sapiens* начали заводить как можно больше детей для помощи в хозяйстве, будто дети – это инструменты. Люди перестали ценить жизнь. У многодетных родителей не хватало энергии любви на всех малышек – и те просто умирали! Довольно скоро *homo sapiens* поняли, что убиваться за крестьянской сохой вредит их здоровью. Возвращение к собирательству их пугало, и вместо этого они начали эксплуатировать друг друга – вот что дало толчок вампиризму! Как трещина в земле, дисбаланс становился всё шире и глубже. Манипулируя страхом собственных собратьев, вампиры изобрели

власть – право получать добровольно передаваемую энергию в обмен на защиту от... чего? Вот здесь-то и лежит главное противоречие homo sapiens.

Ясно, что первоначально люди передавали свою материализованную в деньгах энергию своим вождям и верили, что те вернут всё сполна в виде защиты от внешней угрозы. По-иному и быть не могло: ни одно живое существо не пожелает отдавать добровольно, не надеясь на возмещение. Так как же и когда защищать народы от внешней опасности – стихии и хищников – стало не так важно, как от себе подобных? Кто был тот первый homo sapiens, решивший затаить полученное от своих братьев, а не обратить на общую пользу, а потом послать соплеменников грабить соседей? Никто этого не знает и никогда не узнает, но вся история человечества – это история борьбы вампиров за кормушку, их пир на труде, боли и страданиях принуждённых или обманутых жертв!

...А наши предки? Как же они могли бездействовать?

В те далёкие времена наблюдение за homo sapiens считалось у них скорее развлечением. Лемурианцы надеялись, что когда-нибудь люди, как и мы, всему научатся и избавятся от страха. Потом Старая Лемурия затонула, и homo liberatus были слишком заняты переселением в бермудскую колонию. Видимо, тогда они и упустили человечество из виду... А когда вернулись, возможно, было уже поздно? И сколько бы они ни пытались наставлять homo sapiens, сколько бы пророков и мудрецов ни посылали, человеческий страх диктовал своё. Миссия Иисуса окончательно доказала, что преодолеть разрушительное влияние страха на человечество невозможно лишь обучая людей жить в любви и гармонии с Природой, то есть с богом. За каких-нибудь два тысячелетия homo sapiens довели учение Иисуса до абсурда, обратив его во вред как Природе Земли, так, в конечном счёте, и собственному виду. Вот что происходит с нашим знанием, пропущенным через призму человеческого страха! Со времени Иисуса количество вампиров среди людей лишь возросло. Эта мутация настолько распространилась, что ей даже дали название в медицине – психопатия, то есть одновременно «страсть» и «болезнь» души. Очень точно. И теперь психопаты толкают Природу Земли на грань выживания.

Пока обычные homo sapiens борются со страхом или поддаются ему, задаются нравственными вопросами, жертвуют во имя любви, вампиры, всем этим не отягощённые, не теряют времени. Неспособные чувствовать страх, но хорошо умеющие его внушать, они взбираются на иерархические вершины матрицы, становятся элитой, всё больше и больше подчиняют себе человечество...

...А вот ещё один трюк человеческого лицемерия: врачи homo sapiens не считают психопатию болезнью! Если бы вампиров признали больными, то,

по закону матрицы, пришлось бы жалеть злодеев за то, что те родились злодеями. Лечить их, а не наказывать...

...Только представьте, как добрая половина заключённых перекочевала бы из тюрем в психиатрические больницы! Туда же, вслед за преступниками пришлось бы отправить и многих наделённых властью. Разве последние могут это допустить?

...Получается, что нормальным *homo sapiens* не под силу противостоять вампирам, и сделать это кроме нас просто некому?

...И всё-таки, не создала ли Природа вампиров с какой-то целью? Если это болезнь, мы можем и, очевидно, должны вмешаться: воздействовать на мозг психопатов, привести его к той же норме, что и у остальных *homo sapiens*. ...Но что, если вампиры существуют по воле Природы? Возможно, мы чего-то не понимаем в её замыслах? Не видим полной картины?

...Паразиты тоже созданы Природой, но любое живое существо стремится от них избавиться, а если не может, то ослабевает и гибнет...

...Что, если, воздействовав на мозг вампиров, мы нарушим природный баланс? Так мы предадим нашу главную ценность! Разве мутация не свидетельство намечающейся эволюции?

...Пусть так... Если действительно на Земле образуется новый вид – вампиры, то кто-то должен стать их добычей, то есть энергетическими рабами. Неужели речь идёт об эволюционной поляризации *homo sapiens*, о распадении их на два вида – хищников-вампиров и безответных доноров? Эта мысль уже высказывалась одним писателем. Герберт Уэллс его звали, кажется... Ведь в животном мире всё так и устроено – есть охотники и есть добыча, и мы в это не вмешиваемся. Так почему же должны сейчас?

...Потому что возможен и другой путь! Среди *homo sapiens* очень мало способных противостоять вампирам, таких, как Руслан Баталов, например – но они есть! Наши предки тоже были *homo sapiens*, и каждый из присутствующих является доказательством развития, ведущего к не востребованности как власти, так и самого страха, её породившего.

...Закон Природы – это обмен энергией – а вампиры как раз эту основу и подрывают... Да, вампиризм – это мутация, и возникла она как реакция на условия среды обитания. А какие это условия? Нехватка ресурсов? Но этого нельзя утверждать, потому что люди научились отнимать у Природы всё, что возможно и даже что невозможно. Численность *homo sapiens* стремительно растёт – этого происходило бы при нехватке ресурсов, ведь так? И всё равно люди продолжают бояться, что им не хватит, и запасают, запасают, запасают... И чем больше человек запасает, тем больше боится – теперь уже потерять. И нет ему покоя из-за этого страха. А между тем всё отложенное

про запас – это взятая у Природы и не возвращённая энергия. Нарушение баланса.

...Почти все homo sapiens мечтают иметь больше ресурсов, чем смогут использовать за одну жизнь. Культура вампиризма – стремления взять как можно больше, а отдать как можно меньше – идеализирует богатство. Так что распространение мутации не удивляет – это действительно приспособление к среде обитания – среде, созданной людьми и не имеющей ничего общего с Природой.

...Другой вид вампиризма – приобретённый – порождение этой самой культуры, психическая болезнь от длительного переживания тревоги и страха, особенно в детстве. Очевидно, она является промежуточным звеном, предшествующим, собственно, мутации. У психовампиромозга нормального homo sapiens. Такие не только не ищут, но и испытывают отвращение к крови и насилию, как все нормальные люди. Психовампиромозгам не чужды моральные ценности, а кража энергии – их модель выживания, выученная в трудном детстве. Они просто не представляют другого пути. Сумев заполучить чужие ресурсы, психовампиромозги чувствуют и умиротворение, и торжество победителя – но ненадолго. Краденая энергия для них опьянение, в которое хочется впадать снова и снова...

...Психовампиромозги не так опасны, как мутанты, но их труднее распознать, потому что приобретённый вампиризм проявляется только когда его носитель впадает в тревогу. Сахно, например, в мирное время вернулся к нормальному человеческому состоянию, стал работать и чувствовал себя вполне комфортно в обществе, основанном на обмене, а не на накоплении – но как только явилась опасность разоблачения старых грехов, он не задумываясь убил невинного человека.

...Можно ли излечить приобретённый вампиризм? Поскольку причина его внешняя, скорее всего поможет гипноз, который требует гораздо меньше умения и энергии, чем вмешательство в структуру мозга. С другой стороны, всегда будет оставаться риск раскодирования и рецидива. К тому же разыскивать психовампиромозгов будет гораздо сложнее, чем мутантов: потребуются наблюдение, понимание отношений между людьми, что само по себе целая наука. Ведь психологический вампиризм гораздо мягче, и он может касаться только избранных доноров, более доступных жертв, а не всех подряд. Например, Полинина мать ограничивается энергией своих близких. У других, посильнее, таких, как подельники Васюры, круг доноров шире. В общем, ещё неизвестно, каких вампиромозгов будет сложнее привести к природному балансу – ведь для коррекции мозга мутанта, вероятно, потребуется всего одна операция!

...Картина ясна. Но вот вопрос: зачем нам-то всё это нужно? Не лучше ли было бы просто покинуть Землю и окончательно переселиться на благословенную Новую Лемурию и жить спокойно?

...Мысль, конечно, привлекательная, но как же быть с нашими родственниками, индиго? Неужели мы просто бросим их на произвол эволюции? Учитывая унаследованные ими от нас сверхспособности в сочетании со страхом, в кого превратятся индиго, если раса *homo sapiens* действительно распадётся на два вида?

И вдруг произошло чрезвычайное событие. Одна из оракулов решилась открыть своё видение остальным. Провидицы поступают так лишь когда от принятого на Единении решения зависит выживание всего нашего вида. Было бы достаточно пальцев на одной руке, чтобы пересчитать случаи, подобные этому – за почти миллион лет истории *homo liberatus*! И тогда вот что влилось в Единое сознание.

...Нам всегда казалось, что мы помогали *homo sapiens* из чистого альтруизма, что нам-то самим ничто не угрожало – но это вовсе не так! Если *homo liberatus* полностью уберутся с Земли, поляризация человеческой расы на вампиров и доноров действительно произойдёт. Эта ветвь эволюции окажется тупиковой и фатальной для человечества. В управляемом вампирами мире шанс на выживание есть у одних вампиров. Мутация закрепится и распространится, рождение детей-психопатов превратится в норму – и не будет на Земле достаточно любви, чтобы противостоять этим монстрам. Индиго тоже начнут рождаться вампирами. Некоторые из них вырастут в самых опасных носителей этой мутации. Вседозволенность сделает вампиров поистине ненасытными, и они станут забирать энергию из всего живого и неживого, не заботясь о её восполнении. Через пару-тройку сотен лет, а может и раньше, вампиры истощат не только расу доноров, но и всю Природу Земли и полностью уничтожат планету, а вместе с ней и самих себя...

Наблюдая картину будущего, раскрытую нам провидицей, *homo liberatus* почувствовали боль опустошённой, слабеющей планеты, ощутили печаль Природы, которая, словно отжившая своё дряхлая старуха, беспомощно смирилась с неотвратимостью подступающей смерти. А потом мы все ощутили агонию Земли, такую невыносимую, как если бы каждый из нас застрял в состоянии межпланетной телепортации, медленно и мучительно распадаясь на атомы. Единое Сознание будто застыло посреди этой пытки. Будто арктическая стужа заморозила ручей, движение в котором до сих пор не останавливалось ни на минуту. Но это был ещё не конец предсказания!

Здесь, на Новой Лемурии, густо населяющие планету человекообразные через несколько тысячелетий перейдут на более высокую ступень эволюции,

но, подобно *homo sapiens*, они не сумеют побороть страх. Их тоже ждёт мутация вампиризма. Лемурианские гоминиды создадут ещё более жестокую матрицу, чем у людей. В конце концов жить станет невыносимо и здесь – и нашим потомкам снова придётся искать новый дом... Дальше увидеть нельзя...

Это предсказание потрясло Единеное Сознание. Раса, считавшая себя свободной потому, что на протяжении сотен тысяч лет умудрялась оставлять позади угрозы своему существованию, не связываясь с агрессорами, раса, убеждённая в правильности невмешательства в развитие других видов – целая раса *homo liberatus* как один осознала, что теперь не имеет права поворачиваться спиной к страданиям детей Природы.

...Что же, так и будем убежать?

...Нет! Больше так нельзя! В конце концов выясняется, что проблемы других видов всегда становятся нашими, и может случиться, что отступить станет просто некуда. Искать во Вселенной ещё одну Землю, как букашку в густой траве? За годы астрального блуждания нам повезло открыть только Новую Лемурию!

... Пусть мы сильнее и выше в развитии, но и нам не меньше, чем любому виду, нужна среда обитания. Нам нужна Природа, гармоничная и здоровая, а не загрязнённая и осквернённая опустошающими её машинами, в которые превратились палки бывших обезьян!

...Эти машины дают людям силу передвигать гигантские объекты, общаться на огромном расстоянии, перемещаться в любую точку планеты – вот на что они тратят свою жизнь и энергию! Вот как люди достигают почти всего, что умеем мы, и добиваются превосходства над всем живым. Но они не имеют никакого права на превосходство, потому что как биологический вид *homo sapiens* топчутся на месте!

... Это из-за их вампирских машин нам нет покоя на Земле! Да и самой Земле больше нет от них покоя!

...Если не начнём действовать, мы просто лишимся места под солнцем! Под двумя солнцами...

...Может, стоит просто уничтожить их технологии? Бросить человечество назад в каменный век? Оставить на произвол естественного отбора?

...Нет, нет, нельзя поддаваться гневу! Полонка всех машин на Земле, конечно, заманчивая мысль, но такая миссия потребует от нас огромной энергии, которая потом к Природе не вернётся. А ведь нам самим придётся восстанавливаться именно за счёт Природы, и это ослабит её. Мы ведь не хотим уподобляться вампирам!

...И вообще, разрушение претит homo liberatus. Никто из нас не согласится на такое дело...

...У людей уже столько машин, что даже если отправить по одному homo liberatus на каждый их завод, нас не хватит, чтобы остановить всё производство одновременно. А уничтожать машины постепенно бессмысленно: люди будут использовать исправные, чтобы чинить сломанные – вот и всё.

...Что же делать? Если бездействовать, то печальное будущее ждёт не одних нас. Естественный отбор у людей нарушен болезнью вампиризма. Вампиры уже стали сильнейшими из homo sapiens, изобрели множество способов выкачивать из Природы энергию и запасать её. Они уже опустошают мир! Если мы лишим homo sapiens привычного им количества энергии, голодные вампиры станут ещё опаснее, и ещё скорее превратят лучшую часть человечества в доноров. Резко сломав матрицу, мы создадим катаклизм и только ускорим окончательную поляризацию видов. И тогда лучший генофонд homo sapiens – доноры, творцы, волонтеры Природы, отдающие свою энергию на её процветание, будут поработаны и в конце концов уничтожены. Если в дисбалансе виноваты вампиры, то и избавлять Природу следует именно от них – и только потом от их инструментов. Ян положил начало, но теперь это наша общая миссия!

...Многое предстоит сделать. Во-первых, нужны добровольцы. В них нет недостатка после того, как мы заглянули в будущее! Но кто-то должен остаться и продолжить обживать Новую Лемурию и растить детей. И помочь лемурианским гоминидам победить страх, научить их использовать всё, чем наградила их Природа. Пока не поздно. Только так можно спасти это благословенное место от разрушения баланса...

...Кто может принести реальную пользу миссии? Да, все члены Бермудской Лемурии и переселенцы, родившиеся на Земле – это наша главная сила. Они знают и планету, и нравы людей. А вот молодые добровольцы должны разобраться в своих мотивах, прежде чем отправляться туда. Если ваше рвение продиктовано только жадой приключений, лучше оставайтесь на Новой Лемурии! В начале миссии мы и так совершим немало ошибок, а горячие головы станут лишь помехой...

...Не бывавшим на Земле понадобятся тренировки и адаптация. Бермудская колония хорошо подойдет для этого, а дальше – рассеемся по планете. Все добровольцы понимают, что потребуется как гипнотическое, так и физическое воздействие на вампиров, но ещё предстоит выяснить, что будет, если вернуть мозг мутанта в состояние нормального homo sapiens. Поначалу придётся действовать вслепую, потому что никто никогда не делал ничего подобного. Люди сказали бы, что это негуманно... и были бы правы!

Придётся потратить время на дополнительные наблюдения и изучение вампиров, прежде чем производить над ними какие-либо операции. Хорошо, что наши знания распространяются со скоростью мысли! Успех одного откроет дорогу к успеху миссии...

...А вот с психовампирями придётся разбираться отдельно, и неясно, сколько на это уйдёт времени. Число добровольцев ничтожно по сравнению с растущим населением планеты Земля.

...Почему бы не задействовать индиго? Да, это выход! Их значительно больше, чем нас. Но и здесь не всё просто! Потребуется время, чтобы их разыскать и обучить, а помощь от индиго должна быть исключительно добровольной и с полным пониманием миссии. Если хотя бы половина из них пожелает присоединиться к освобождению Земли от вампиров, то может получиться целая армия!

...Сколько же времени уйдёт на завершение такой миссии? Сто лет? Уж точно не меньше!

...И при настоящем положении дел всё это рискует вылиться в гонку с вампирами: либо мы нейтрализуем их, либо они полностью истощат и разрушат Природу Земли... Так или иначе, после раскрытого нам видения мы просто не имеем права бездействовать!

...Кстати, почему среди нас нет Кассандры? Она ждёт ребёнка? От Яна? Это точно? То, что беременность не позволила ей телепортироваться с Земли, не удивительно, хотя пропускать Единение на Новой Лемурии, чтобы сохранить зачатого на Земле ребёнка, за сто лет ещё никому не приходилось. Странно другое. Кассандра просто исчезла из виду после того похода в КГБ. И найти её невозможно: провидица затенила своё сознание, не даёт себя услышать. И никто не знает, где она теперь...

...До сих пор ни одна лемурианка так не поступала! Кассандра обрекает на испытания и себя, и свой народ, оставляя нас в неведении о своей судьбе. Ведь каждый оракул – наше общее достояние.

...Но мы же привыкли доверять провидицам? Поступим так и теперь! Бесспорно, Кассандра знает, что делает, и совершенно точно делает это на благо homo liberatus...

Глава 24. Железный катаклизм

Стремительное возвращение сотни лемурианцев на Землю потревожило водную гладь недалеко от Бермудской колонии. Мы сразу же ушли на большую глубину для восстановления, но спустя всего несколько секунд, со

стороны океана встрепенулась и покатила в нашу сторону мощная волна. Рассекая воду головкой-конусом, быстро сокращая расстояние, на нас неумолимо неслось внушительной длины металлическое тело, наполненное зарядом разрушительной энергии.

– Ничего себе «добро пожаловать»! – вырвалось вслух у одного из новичков. – Разве у вас тут не выставлен купол?

И едва успев собрать свои атомы воедино, homo liberatus телепортировали в глубину непроходимых джунглей в самом сердце острова.

«Что это было?» – безмолвным хором недоумевали мои собратья, рассаживаясь по причудливым изгибам деревьев и переплетениям толстых лиановых стеблей.

«Не было, а есть, – печально констатировал старик Пересвет. – Это оружие, изобретение людей».

«В воде?» – трое молодых лемурианцев, тех самых, для кого только что окончившееся Единение было первым, невзирая на предупреждения, последовали за нами из чистого энтузиазма и жажды приключений – но таких вот приключений они явно не ожидали.

«А вы думали, люди воюют только на суше?»

«Как же они нашли наш остров? – недоумённо воскликнула Мина. – И энергетического купола больше нет... Получается, колония теперь видна любому кораблю или самолёту?»

«Боюсь, что и колонии больше нет», – задумчиво сказал Симон.

Мы провели на Новой Лемурии около шести земных недель, и так как во время Единения невозможно применять телепатию и путешествовать астрально, никто не следил за событиями в колонии и не мог объяснить, что же именно здесь произошло. Ведь защитный купол создавался из энергии самой Земли – он веками оставался на месте, даже в отсутствие homo liberatus на острове. И только у двоих из нас почти одновременно мелькнула догадка: «Джим!»

После межпланетного перемещения все нуждались в отдыхе, потому что полностью восстановиться в океанских водах почти никому не удалось, но и с разведкой медлить не стоило. Кто знал, не сумеют ли их приборы опять нас засечь. Оставив своих братьев в чаще, куда даже пешему пришлось бы пробираться несколько часов, мы с отцом и Индо отправились в деревню, где жили потерпевшие кораблекрушения люди. В ней всего-то было домов пятнадцать, но теперь почти возле каждого стоял военный автомобиль на четырёх или шести толстых колёсах, несущих на себе пузатые бронированные коробки болотно-песочного цвета с небольшими отверстиями-окошечками. Ещё с войны мой отец знал из мыслей солдат, как ужасно тесно и душно бывает молодым мужчинам, согласившимся

передвигаться внутри подобных металлических кабин, но как радуются они отсутствию окон, потому что так у врага, которого они в глаза не видели, остаётся меньше шансов их убить. То и дело приезжавшие и снова куда-то отбывавшие бронированные коробки издавали нестерпимый рёв и воняли переработанной нефтью и ещё бог знает чем, от чего тошнило, как тогда, в гараже Полининого отца – только намного хуже. Между хижинами деловито сновали люди в военной форме под цвет машин. Судя по обрывкам их мыслей, почти все поселенцы острова были «эвакуированы». И только в домике на окраине деревни мы обнаружили двоих задержавшихся.

Средних лет испанец Маркус и американец Роджер, совсем старик, попали в Бермудскую колонию почти в то же время, что и Джим, но отнеслись к такой перемене в жизни значительно спокойнее, чем наш несостоявшийся самоубийца. Маркус был тогда ещё почти ребёнком, сиротой. Один дальний родственник придумал забрать его к себе в Штаты, но корабль, на котором мальчика переправляли, попал под наш купол – и Маркус оказался здесь. Из жизни среди людей он помнил лишь сиротский приют, где до него никому не было дела, так что наша колония стала для него домом, да ещё и местом обучения «волшебству». Маркус сумел освоить телепатию и основы телекинеза. Он и теперь не спешил убраться отсюда, потому что не знал, куда податься по прибытии на большую землю.

Роджер был как раз тем матросом, который за деньги взялся переправить юношу в Америку. Он был шапочным знакомым двоюродного дяди Маркуса, владельца небольшого автосервиса на периферии, которому нужны были рабочие руки. Дядя этот был деловым человеком и специально нанимал бедных родственников-иммигрантов, считая, что такое благодеяние с лихвой компенсировало их низкий заработок. Теперь же Роджер был стар и так привык к тишине острова, что боялся уезжать отсюда до тех пор, пока не решит, как жить на континенте. Давным-давно сведённые судьбой мужчины всегда держались вместе.

Мы сочли за благо не являться к ним неожиданно, а сначала понаблюдать, оставаясь невидимыми. Они сидели за самодельным столом сорокалетней давности, на котором стояла еда, совсем не похожая на ту, какой питались островитяне при *homo liberatus*. Восьмидесятилетний Роджер остатками зубов елозил во рту консервированную фасоль в томатном соусе, а его более молодой товарищ с жадностью выгребал из металлической банки отвратительно вонявшую тушёнку. Убивать животных на острове мы не позволяли, к чему поселенцы хотя и привыкли, но не все относились с одинаковым энтузиазмом. Даже эти двое, преуспевшие кое в каких «паранормальных» навыках, не до конца верили в самую прямую связь между своими достижениями и отказом от поедания трупов.

«Человеческий гедонизм – вещь заразная», – грустно подумал Симон, наблюдая за этим молчаливым пиршеством.

«Заразная и вредная! – поддакнул Индо. – Скоро их умения пойдут на убыль. Так что не грех и помешать унылой трапезе».

В это время Маркус встрепенулся и настороженно спросил у воздуха:

– Кто здесь?

Мы быстро решили, что одного Индо, знакомого обоим мужчинам, будет достаточно для выяснения обстоятельств, и наш спутник проявился перед поселенцами.

– Это я, не бойтесь, – произнёс он нарочито сдержанно и, кивнув в сторону окна, спросил: – Что здесь произошло?

– А сами не видите? – проворчал Роджер. – Налетели, как саранча железная! – и мысленно добавил: «Помереть спокойно не дадут!»

– Где же остальные наши... то есть ваши? – продолжал расспрашивать Индо.

– Перебрались на континент! – объяснил отяжелевший от тушёной говядины Маркус, вытирая лоснящиеся губы рукавом новой песочного цвета рубашки.

– Давно?

– Да не далее, как вчера...

– А что тут теперь делать? – угрюмо сказал старик. – Шум да вонь, команды да беготня. Долго же вас не было в этот раз! Опоздали всего на два дня...

– Но как? – продолжал допытываться наш товарищ.

– А вот, полюбуйся! – и Маркус взял с лавки скрученную газету под названием «Daily Motion» и протянул её лемурианцу. Индо вслух прочёл заголовок:

– «ТРИДЦАТЬ СЕМЬ ЛЕТ В ЗАЛОЖНИКАХ У ИНОПЛАНЕТАН! Тайна Бермудского Треугольника, наконец, раскрыта!» – он вопросительно посмотрел на собеседников. – У каких инопланетян?

– Так у вас же! – гавкнул Роджер, по-стариковски раздражаясь непонятливости лемурианца.

Индо иронически вскинул брови и продолжил читать:

– «Гражданин США Джим Молескин возвратился к семье после тридцатисемилетнего отсутствия, на протяжении которого бывший пилот считался пропавшим без вести вместе со всеми пассажирами самолёта «Тигр», исчезнувшего в Бермудском Треугольнике 30 января 1948 года. Мистер Молескин утверждает, что всё это время находился в заложниках у инопланетян, которые создали колонию на одном из Бермудских островов, замаскировали и скрыли её от американских властей». Джим ведь знает, что

мы не инопланетяне! – оторвавшись от статьи, спокойно заметил Индо, на что старик огрызнулся:

– Вот только газетчикам так интереснее!

Наш товарищ пожал плечами и стал читать дальше:

– «Бывший лётчик американского пассажирского воздушного флота утверждает, что не только вся команда и пассажиры, но и граждане разных стран, пропавшие в Бермудском Треугольнике в разные годы, до сих пор находятся на этом невидимом острове. Джим Молескин сообщил, что хозяйничающие там инопланетяне обладают всеми сверхспособностями, которые можно себе вообразить: они умеют читать мысли, двигать предметы на расстоянии, телепортироваться, а также лечить все болезни. Чудом вернувшийся домой бывший пилот утверждает, что они обучали этим умениям и своих пленников и обещали всем, кто освоит искусство телепортации, беспрепятственно позволить покинуть остров, чего, разумеется, не случилось ни разу со дня пребывания мистера Молескина на острове». Что ж, Джим рассказал им о нас всё и рассказал довольно точно, – рассудил Индо, а Маркус беспечно рассмеялся:

– Точно! Ну и что? Кто ж ему поверит?

На это лемурианец с профессорской назидательностью произнёс:

– И более всего потому, что сам-то Джим почти ничему не научился, – годы его возни с поселенцами *homo sapiens* определённо давали о себе знать.

– Он вас просто ненавидел – мотивация так себе! – усмехнулся Маркус и добавил с нескрываемой обидой: – Зачем вы сделали исключение именно для него?

– Это была сделка, и очень для нас важная, – сдержанно отозвался Индо. – Но за что же нас ненавидеть? Надо было тренироваться и телепортироваться домой. За тысячелетия существования колонии мы ведь ни разу не нарушили своего обещания!

В ответ раздался сардонический хохот – обоих поселенцев рассмешила наивность моего собрата. А Индо вовсе не был наивным и не шутил. Он родился в Бермудской колонии четыреста лет назад и сам был свидетелем нескольких случаев подобного возвращения *homo sapiens* домой. Правда, все они произошли задолго до рождения старика Роджера, а люди, как известно верят лишь собственным глазам и фактам, хотя к последним почти никогда не имеют полного доступа.

– Говорят, Джим на следующий же день потащился в полицию! – сообщил Маркус, перестав, наконец, смеяться.

– И не побоялся, что его сочтут за психа! – поддакнул Роджер.

– А сами вы не так же поступили бы? – любопытствовал Индо.

– Да кто его знает? Жди меня кто-нибудь на большой земле, уже давно был бы там. И никакой купол меня не удержал бы. А так...

– Это вряд ли, – серьёзно заметил лемурианец. – И всё-таки, как сюда попали все эти солдаты и машины?

– Как-как... Вроде бы лазерной пушкой пробили ваш купол или что-то в этом роде... – объяснил Роджер без особой уверенности.

– Я слышал их мысли, – добавил Маркус. – Оказывается, имея хотя бы приблизительные сведения об острове, они давно могли бы его обнаружить. А если не знаешь о существовании чего-то, то и не ищешь.

– ...Мы в этом не разбираемся, потому как не следили за техническим прогрессом последние сорок лет, за что вам низкий поклон, – закончил Роджер с долей сарказма. – Но теперь нам здесь покоя точно не дадут и остаться вряд ли позволят. А когда я приеду на континент, то буду там старым отставшим от жизни идиотом.

– Или прославишься, как Джим! – поддразнил Маркус.

– Я с газетчиками не вожусь, и тебе, дружок, не советую, – огрызнулся старик и, ткнув пальцем в сторону Индо добавил: – Мне-то на лемурианцев грех обижаться!

– И что же вы собираетесь делать? – несмотря на свалившиеся на нас неприятности, Индо, почти вся жизнь которого прошла в Бермудской колонии, продолжал заботиться о застрявших в ней людях. – Вам нужна какая-нибудь помощь? Можем перенести вас на любой континент, куда скажете.

– Благодарим покорно! – старик даже фыркнул. – Сейчас ты мне поможешь, а потом от меня до конца жизни не отстанут, ни жёлтая пресса, ни, хуже того, спецслужбы! – он перевёл взгляд на своего компаньона. – И вообще, лучше нам обоим помалкивать о том, чему они нас здесь научили. Может стать себе дороже! – получив от Маркуса понимающий кивок, Роджер снова обратился к лемурианцу: – Без вас разберёмся. Тут теперь помощников вон сколько понаехало! – он с кряхтением поднялся из-за стола, выглянул в окошко и едко заметил: – Более интересный вопрос – что *вы*-то собираетесь делать?

– Будем думать, – сухо отозвался Индо. Роджер был прав: заключив сделку с Джимом, мы не учли, что его ненависть могла привести к такому плачевному развитию событий и что homo sapiens усовершенствовали свою технику ещё больше с тех пор, как мой народ переселился на другую планету.

«Потому и переселились, – ответил Симон. – Всё случившееся вполне закономерно. Нельзя было отпускать этого Джима. Вы просто выбрали путь наименьшего сопротивления».

Покидая хижину, Индо сказал поселенцам напоследок:

– Что ж, желаю удачи. Надеюсь, всё у вас сложится хорошо. А у меня лишь одна просьба: не сообщайте им, – и он кивнул в сторону окна, – что видели меня.

Получив от Маркуса и Роджера обещание не выдавать наше присутствие на острове, мы покинули их хижину. Было абсолютно ясно, что колонии на Бермудской Лемурии, на протяжении тысячелетий служившей домом и убежищем homo liberatus, пришёл конец. За поселенцев мы больше не отвечали, но хотели понять, все ли они сохранили в тайне искусство, которому у нас обучились, поэтому возвращаться в джунгли к ожидавшим новостей собратьям было ещё рано.

Между домами и за пределами деревни царило хотя и неспешное, но непрерывное движение. Военных было так много, что места в хижинах покинувших остров «заложников» хватало не всем, так что деревню теперь окружали просторные тенты, державшиеся на глубоко врытых в землю металлических кольях и креплениях. Внутри этих шатров было полно нужных солдатам вещей, которые тем не менее при необходимости могли уместиться в походные рюкзаки. И тенты, и одежду, и рюкзаки, сшитые из материи всё того же песочного цвета, с высоты птичьего полёта можно было и не заметить, но вблизи... всё это источало странный, отталкивающий запах – не грязи или человеческого пота, а военной амуниции. Сложно было точно определить, чем именно пропахли солдатские вещи. В воспоминаниях Симона тут же пронеслись все человеческие войны, которые ему довелось наблюдать, блуждая в мире людей в поисках моей матери, и он подумал: «Сто лет прошло, а вонь войны всё та же!»

«Здесь же не война, отец», – возразил я.

«Война – это не действие, сынок. Это состояние души, – объяснил он. – Несчастной человеческой души, исковерканной страхом и ненавистью к нему, отчаянной попыткой от него избавиться, защититься или хотя бы вообразить, что против страха имеется сила. А за неимением собственной homo sapiens используют силу машин и оружия».

«Так это запах машин и оружия?»

«В том числе».

Несколько военных спали внутри тентов, остальные в ожидании подъёма по тревоге занимались делом, смысл которого был нам непонятен. То есть мы видели, что они обслуживали машины, проверяли исправность оружия, готовились к возможному – нашему – нападению. Нападать ни них никто, конечно, не собирался. Да и ни одно из этих приспособлений не могло бы победить или пленить homo liberatus, так что здоровые мужчины попросту бездарно теряли здесь время своей и без того короткой жизни.

«Дела службы» почти безраздельно заполняли ментальное пространство военных. Ещё в их мыслях оставался уголок на худо-бедно человеческие отношения с сослуживцами и семьями, если таковые имелись, а также на внушённое газетами и командирами сознание собственной правоты в роли защитников свободы и национальных интересов американского народа. Лишь некоторые из этих людей действительно желали убивать. Остальные страдали от самой извращённой формы страха – боязни делать выбор – и готовы были рисковать своей и чужой жизнью, лишь бы иметь роскошь на любое обвинение отвечать: «Я солдат. Я следовал приказу».

«Надо найти их командиров», – подал идею Симон.

Штаб располагался в самой просторной хижине. Мы аккуратно телепортировали внутрь, оставаясь невидимыми, и лишь пятисекундные помехи в радиоцентре могли бы выдать появление *homo liberatus*, если бы кто-нибудь о нём подозревал. Мы тут же сжали свои силовые поля до минимума и застыли в ожидании.

Дальнюю стену комнаты почти полностью закрывала карта Бермудских островов. Наша Лемурия не была не ней напечатана, но кто-то довольно точно прорисовал новый остров красным цветом, и теперь он бросался в глаза, словно капля крови на светлой голубизне океана. Большая часть комнаты была в три ряда уставлена несуразными раскладными стульями, а между картой и маленьким оконцем помещался компактный столик, на котором лежали разноцветные фломастеры, остро заточенные карандаши и несколько исписанных от руки листков бумаги.

Примерно через полчаса вошли двое. Один был, что называется, матёрый волк и, очевидно, командир, невысокий коренастый блондин. Последнее можно было определить лишь по едва отросшему на бритой голове белёсому ёршику. Коричневое от загара обветренное лицо майора было испещрено мелкими морщинками, говорившими о закалённом характере, а не о старости. Этот прекрасный экземпляр здорового *homo sapiens* был моложе меня лет на десять. Под короткими рукавами его военной рубашки играли завидные мускулы, а его штаны, очевидно, очень удобные, имели множество карманов, содержавших всё необходимое живущему в вечном движении полевому офицеру.

Второй, помоложе, более худощавый, но тоже мускулистый, одетый в такую же маскировочного цвета форму, казалось, смотрел на майора снизу вверх хотя и был выше ростом. Этот был карьеристом и... психовампиром с бегающими карими глазами-буравчиками, незагорающей бледной кожей и тонким, острым, как у москита, носом. Бесшумно затворив за собой дверь, лейтенант спросил:

– Что вы думаете обо всём этом, командир? Куда делись эти инопланетяне?

– Да какие инопланетяне? – с досадой отмахнулся майор. – Чепуха всё это, коллективная фантазия несчастных потерпевших, помешавшихся от безысходности.

– Но кто-то же держал их здесь и успешно скрывал целый остров от властей?

Командир пехотной бригады много где побывал за время службы, от Вьетнама до Гренады. Повоевав за свободу многих народов планеты Земля, даже когда те сопротивлялись собственной свободе, он хорошо знал, как изобретательны бывают враги закона и демократии. Закоренелый прагматик, майор знал из опыта, что любому чуду в конце концов находится до смешного банальное объяснение. Так что от слов своего подчинённого он поморщился, как от докучливой зубной боли, и не вполне уверенно ответил:

– Думаю, пираты.

Его план был довольно прост: дожидаться возвращения пиратов, разобраться с ними и потом передать властям «очищенный» остров под ещё одну военную базу. Какому ведомству отойдёт эта территория, майору было всё равно. «Ждать тебе придётся долго и безрезультатно!» – дружно усмехнулись мы.

– А как же пираты умудрялись держать здесь людей все эти годы? Гипнозом, что ли?

– Кто их знает? Может и гипнозом... Гипноз – вещь вполне реальная, – задумчиво ответил командир, пересматривая лежавшие на столе записки.

– А зачем тогда пленников оставляли в живых? – не унимался лейтенант.

– Ну, не все же такие кровожадные, как ты, приятель! – снова поморщившись, усмехнулся майор.

– Ну ладно, пусть это были добрые пираты, – иронически хмыкнул лейтенант, не придавая значения выпадку командира. – Но тогда откуда эта защита, которую наши проббили с корабля? Они что, эксперименты какие-то ставили под носом у Пентагона? Может это русские, а не пираты?

Майор пожал плечами и подумал про себя: «А была ли защита?» Его не интересовала фантастика.

– Может и русские. Если так, то это намного хуже пиратов! – такая версия казалась командиру довольно правдоподобной, но верить в неё ему очень не хотелось, потому что длительное незафиксированное присутствие русских на Бермудских островах не означало бы ничего хорошего.

– И гипнотизёры у русских сильные – работают безо всяких медицинских препаратов. Я читал! – всё напирал молодой вампир, которому нравилось раздражать командира. Майор нетерпеливо взглянул на свои

водонепроницаемые противоударные именные часы – подарок командования за боевые заслуги, которым он очень гордился. При взгляде на эти часы у майора всегда поднималось настроение, потому что они означали признание, хотя теперь и показывали, что третий собеседник безбожно опаздывал. Но тут как раз снаружи послышалось рычание подъехавшего автомобиля.

Последним участником встречи оказался капитан военного судна, дрейфовавшего на том месте, где раньше начинался наш защитный купол. Оттуда и выпустили торпеду, когда зафиксировали колебания воды и воздуха от телепортировавших в океан homo liberatus. Как только третий вошёл в хижину, мы вздохнули с облегчением, поняв, что, хоть на корабле и засекали наше падение в воду, но так и не разобрали, что это было. А стреляли на всякий случай. Капитан выглядел озабоченным и выпалил с порога:

– Большое количество органических тел упало в море между берегом и моим судном. Был произведён торпедный выстрел, но никаких целей он не поразил. А цели исчезли.

– Как это – исчезли? – недоверчиво переспросил майор.

– В том-то и дело, что неизвестно! Было скопление каких-то живых существ, а потом их не стало – и всё.

– Неужели они и вправду телепортировали? – восхищённо воскликнул лейтенант.

– Не говори ерунды! – рыкнул на него командир и обратился к капитану: – Может, дельфины?

– Может и дельфины, – иронически отозвался тот. – Вот только дельфины не падают в море из ниоткуда, и направление их движения мы бы отследили...

– Не нравится мне всё это! – с нарочитой сухостью сказал майор. – А радары? Может, эти объекты скинули с самолёта?

– Если их доставил воздушный транспорт, то это было какое-то новое слово техники, потому что на радарх – тишь да гладь.

– Ну, тогда это точно русские! – воскликнул лейтенант. Его голос прозвучал почти радостно.

– Похоже, так и есть, – процедил сквозь зубы командир пехотной бригады. – Объявляй общее построение.

– Есть, сэр! – и подпитавшийся майоровой энергией молодой офицер умчался поднимать личный состав, что было, конечно, пустой тратой сил и времени, потому что через минуту мы вернулись в джунгли к своим, а через семь все участники миссии по очищению планеты Земля от вампиров оказались уже на другом полушарии, на острове Бухты Халонг, где я провёл две недели перед тем, как всё начать.

Только что наша – теперь уже общая – миссия стала ещё сложнее. Спонтанно у нас произошло единение сознания – так мы и достигли единодушия в том, что делать дальше.

Наша миссия и теперь не была поставлена под угрозу. Наоборот, случившееся лишней раз утвердило нас в необходимости избавиться от вампиров, которых оказалось немало и среди военных. Все лемурианцы это заметили. Но нужна была новая колония. Homo liberatus тысячелетиями скрывались от людей, никогда не стремились к власти, захвату мира или даже какой-либо его части, потому что и так без труда находили всё нужное для счастливой жизни. Всё, что нам когда-либо требовалось – одно спокойное место на этой планете, чтобы отдаваться медитации и восстанавливаться, подключаясь к энергии Земли без риска быть прерванными или атакованным.

Где найти уголок, куда не только не ступала нога человека, но и не ступит, хотя бы в ближайшие сто лет? Как ни прекрасен был этот остров в Бухте Халонг, он подходил меньше всего. Чуть в стороне виднелись следы от костра. Здесь уже побывали homo sapiens, и они обязательно вернуться! Тогда где? Рассыпаться на время по миру и изучить непроходимые территории? Возможно, осмотреть места с суровым климатом, менее привлекательные для homo sapiens?

Найти новую обетованную землю поручили молодым, впервые телепортировавшим с Новой Лемурии. Для них этот поиск обещал стать чем-то вроде учебной экспедицией, познанием Природы Земли и изучением поведения тех, кто считает себя её царями. Остальные решили рассеяться и продолжить миссию – для начала разыскать как можно больше индиго, хотя обучение последних приходилось отложить до основания новой колонии. Для самых опытных homo liberatus главным делом оставались исследования и эксперименты по нейтрализации вампиров. И для меня, несмотря на мою молодость. Васюра всё ещё ходил по земле, и я считал своим долгом лично препроводить его в последний путь.

Покидали бухту медленно и тихо. Подобно другим молодым лемурианцам, я был подавлен, так невовремя потеряв точку опоры. В общей медитации я прекрасно расслышал, что далеко не все верили в существование на Земле места, куда не ступала нога homo sapiens. По-иному смотрел на разорение Бермудской колонии мой отец.

«Обнаружение острова было лишь вопросом времени, – философски объяснил он. – Рано или поздно этого следовало ожидать. Бермудская Лемурия и так продержалась под носом у американцев целых двести лет! Вот только момент теперь очень неудачный».

«Если этого ожидали, почему же наши колонисты не занялись переселением раньше?» – возразил я, даже не пытаясь скрыть раздражения.

«Не было повода, – невозмутимо ответил Симон. – Ни одна из оракулов не подняла тревогу, – он был невероятно терпелив, как всегда. – Сто лет назад провидицы настояли на поиске новой планеты, а в этот раз все они промолчали. Это значит, падение Бермудской колонии – часть событий, без которых нельзя обойтись».

Принять его слова было нелегко. Оракулов вообще не понять – их мысли почти всегда затенены, кроме исключительно редких случаев. Раскрывая они нам свои видения чаще, соблазн изменить всё, что кажется «неправильным», был бы слишком велик. А кто мы такие, чтобы исказить ход событий? Одно изменение неизбежно влечёт за собой цепочку других. И потом, время и совокупность всего происходящего в мире, радостного и трагического – это часть замысла Природы, и у нас, не способных видеть дальше собственного носа, нет никакого права оспаривать её неисповедимые пути. И так далее... Я слышал всё это с детства, но чувство было такое, будто нас предали. Пророчицы Новой Лемурии даже не пожелали присоединиться к миссии – ни одна из них! Кассандра тоже так и не объявилась, «и это неспроста», – думали все. И продолжали верить в неё.

Глава 25. Следствие

Конец рабочего дня у нормальных людей – пустой звук для следователя КГБ по особо важным делам. Правда, сегодня Евгений Далатович мог бы отправиться домой, где его жена Ира наверняка уже приготовила что-нибудь вкусненькое. Провести время со своей верной подружкой... Ира сегодня не на дежурстве, но она давно привыкла к ненормированному графику мужа, да и с самого начала знала, за кого выходила. Чуть ли не напрямую из ЗАГСа Евгений, тогда совсем ещё желторотый лейтенант, отправился на задание, а его молодая жена – ассистировать на сложной операции. Без вопросов. Без упрёков. Без разочарования. И, конечно, Ира любила свою работу не меньше, чем он свою. Муж оберегал Родину, а жена спасала жизни её самых маленьких граждан. Два сапога – пара. Две личности. Обзавестись своими детьми оказалось некогда, и от этого иногда становилось грустно. Что ж, видно оба они пришли в этот мир, чтобы служить другим... И вот, через двадцать лет, Евгений прославился расследованием и раскрытием военных

преступлений, а Ирина стала ведущим детским хирургом города Минска. А готовить она научилась ещё лучше!

Было вполне естественно, что к делу Васюры привлекли именно Далатовича, но оно дошло до следователя лишь через полгода после визита журналиста Баталова в отдел награждений броварского военкомата. К аресту последнего нацистского полицая готовились тщательно и не без задержек со стороны межведомственной бюрократии. Если бы я не был занят сначала Полиной, а потом Единением и последствиями разорения бермудской колонии, можно было бы сойти с ума, наблюдая за всей этой человеческой волокитой. Вернувшись, наконец, к делу Васюры и увидев, что его ещё даже не арестовали, я уже начал было жалеть о решении пустить наказание вампира на волю homo sapiens, но умудрённый знанием людей Симон успокоил:

– А что ты хотел от существ, не способных к телепатии? Если бы люди могли читать мысли вампира, как делаешь ты, им, конечно, не потребовалось бы собирать доказательства его злодеяний. А без телепатии их громоздкая система правосудия – благо!

– Какое же это благо? – взбеленился я. – Злодею дают время, за которое можно придумать, как защититься или даже скрыться. А в случае с Васюрой, так этот старик и умереть может, не дождавшись суда... Тогда и не получится никакого наказания!

– Это правда, но только когда действительно обвиняется злодей, – возразил Симон. Я непонимающе уставился на отца, а тот воскликнул: – Боже мой, Ян! Тебе так многое ещё нужно понять! Только представь, что не способный к телепатии судья посадит в тюрьму подозреваемого – а тот на самом деле преступления не совершал... в то же время какой-нибудь хитрый убийца, подставивший несчастного, будет жить припеваючи!

Да, я слишком заиклился на Васюре. И отец был прав: расследование и суд над вампиром давали мне прекрасную возможность лучше понять пути человеческие, пусть даже тупиковые и такие же несовершенные, как и сами homo sapiens. Так что, пока мои соплеменники исследовали самые дальние уголки планеты Земля в поисках места для новой колонии, я, набравшись терпения и не выдавая себя, проходил каждый шаг расследования по делу Васюры бок о бок с его участниками.

Так вот. Копий, переданных Русланом начальнику военкомата, разумеется, было недостаточно для выдвижения столь серьёзного обвинения пожилому человеку, ветерану войны и труда. Теперь такие дела быстро не делались. Сначала проинформировали УКГБ, где во время проверки всплывших документов их чуть снова не похоронили. Этого не произошло лишь благодаря бдительному оку дяди Паши. Полковник Пилатов держал

руку на пульсе. Он дошёл до Генерального Прокурора СССР и добился опротестования материалов предыдущего, послевоенного процесса в отношении Васюры – и лишь после этого военная коллегия Верховного Суда СССР возбудила новое обвинение против нашего вампира. Наконец, бумаги по обвинению в дезертирстве и сотрудничестве кадрового офицера с врагом передали в Военный трибунал, от которого был назначен ведущий следователь – а Далатович на сей раз отвечал только за поиск и доставку свидетелей. В каком-то смысле Евгений был даже рад такой роли, потому что он уже знал почти всех свидетелей по этому делу и неоднократно опрашивал их в ходе предыдущих расследований.

И вот теперь подполковник Далатович не шёл домой, а уже в который раз перебирал документы, целую декаду покоившиеся в архиве. Перечитывал протоколы допросов, на многих из которых сам присутствовал. Мучился. «Как случилось, – думал следователь, – что Васюру не привлекали к ответу до сих пор? Как позволили ему жить среди людей, у которых, возможно, хранятся фотографии им же убитых родных? А теперь что ж? Васюра старик, и даже смертная казнь не способна будет лишить его времени – прожитых безбедно и вполне счастливо лет – дара, которого этот монстр вовсе не заслужил. И главное, винить-то некого: вероятно, я сам упустил, не перепроверил!» Евгений крепко сдавил ладонями лысеющую голову. Чуть ли не в каждом протоколе допроса бывших полицейских 118-го батальона фигурировало имя их начальника штаба, но самого начальника, проходившего свидетелем по делу Мелешко, следователь, хоть убей, вспомнить не мог. Вот письменные показания, весьма подробные, где фамилии тех же сослуживцев названы десятками – а о своей высокой должности в 118-м батальоне свидетель Васюра умалчивает. Слова «не могу вспомнить» можно было смело назвать лейтмотивом этого документа.

За давностью лет многое действительно забывается. Вот и сам Далатович мучительно пытался выискать нужную нить в лабиринте собственной памяти, а она как будто играла с Евгением, возвращая к самому началу.

...Сорок три года пролетело со дня его первого задания в качестве партизанского связного. Девятилетний мальчишка боролся с фашистами так же самозабвенно, как играл в казаки-разбойники, когда ему было семь и война ещё не превратила эту самую игру в страшную реальность. Потаёнными, неизвестными даже большинству односельчан лесными тропками Женя таскал донесения подполья в партизанский лагерь и возвращался в родную деревню, под крыло ничего не подозревавшей матери, пока однажды партизанский командир не вызвал заночевавшего в лагере юного связного к себе. Он попросил остальных выйти из землянки.

Взрослый, закалённый в боях мужчина, положил на плечо мальчика дрожащую руку и непривычно мягко сказал:

– Слушай, Жека. Не нужно тебе в Осовы сегодня... – и, встретив вопросительный взгляд парнишки, добавил глухим голосом: – И вообще не нужно. Нет больше Осов.

Не желая понимать страшный смысл сказанного, Женя твердил упрямо:

– А как же мама? Мишка? Ниночка? – а слёзы уже сами лились из глаз.

– Никого нет, сынок, – выдавил из себя командир и, пока он держал в объятиях сотрясавшегося в рыданиях сироту, по лицу офицера Красной Армии ползла единственная солёная капля, стоившая океана слёз.

Женя оставался в отряде, пока не прогнали немцев, а потом командир написал двоюродной бабке Далатовича, учительствовавшей в Минске, и попросил приютить бывшего партизанского связного до возвращения отца. Отец так и не вернулся. Погиб на фронте в сорок четвёртом, так что одинокая бездетная Евдокия Григорьевна оставалась единственной опекуной не по годам рассудительного подростка. Пожилая учительница сразу обратила внимание на живой ум мальчика, одинаково хорошо успевавшего как в математике, так и в гуманитарных науках.

– Надо учиться! – неустанно жужжала свою присказку мудрая женщина. – Если хочешь, чтобы ужас не повторился, постарайся оказаться там, где сможешь этому помочь.

...Сорок лет прошло с со Дня Победы – а война всё не отпускала. Или Евгений не мог отпустить войну, забравшую его семью ...

...Десятки тяжёлых коробок, прибывших на товарную станцию – всего на двоих молодых студентов статистического техникума. Ребята подрабатывали грузчиками в государственном архиве Минской области. Документы с пометкой «Секретно» были доставлены из Чехословакии, Польши, Венгрии, Германии. Чёрт его знает, что лежало в этих коробках! Может, самого чёрта там и запечатали. Было что-то зловещее в набранных готическим шрифтом немецких надписях...

...А вот – Женя, неожиданно для самого себя назначенный архивариусом секретного отдела Минского архива, заглядывает в кое-какие документы из тех самых коробок, но разобрать мало что может. Не хватает знания языков. Языками он так и не овладел, хоть уже и окончил юридический. Всё жалел времени. Всё казалось, что язык – всего лишь оболочка для главного – содержания. Оно-то интересовало студента академии КГБ куда больше...

...Распределение в прокуратуру Плещениц, работа в разных городах Белоруссии, где чуть ли не вся карьера Далатовича вылилась в охоту за бывшими нацистами и их прихвостнями, прятавшимся после войны по углам, как тараканы. Самое трудное было отличить преступников и

предателей от безвинно пострадавших. И тех и других было не перечислить, и с каждым таким расследованием Евгений переживал войну заново. Очевидно, это и был его крест, который Далатович нёс безропотно. С помощью Евгения сняли обвинение с женщины, просидевшей пятнадцать лет в лагерях за то, что её сын служил в немецкой полиции. Сразу после войны работы по фильтрации было не початый край, а людской гнев силён и порою слеп. Коллеги, расследовавшие сотрудничество с немцами, тоже были людьми. Не приняли во внимание, что второй сын «предательницы» служил в партизанском отряде и что у бедняжки изо дня в день шла ещё и гражданская война на собственном подворье. Обвинения с неё удалось снять благодаря повторному расследованию, проведённому Далатовичем в бытность свою в Плещеницкой прокуратуре. Так молодой специалист заслужил доверие местного населения и репутацию дотошного следователя – у начальства. Сам же он, несмотря на молодость, думал о себе как о винтике в машине справедливости, а вовсе не как о рулевом. И не обольщался: свободу-то невинно осуждённой крестьянке он вернул – только вот пятнадцать лет жизни бедной женщине возместить было невозможно, в то время как десятки настоящих предателей безнаказанно пользовались благами идущей в гору жизни в победившей нацистов стране. Одна эта мысль толкала Евгения продолжать работу, несмотря на боль воспоминаний.

...В следующий раз он вернулся в архив с коллегой-переводчиком. Вместе бывшие однокашники и подняли те самые трофейные документы. Даже полиглоту Эдику было сложно разбирать замысловатый готический шрифт. И всё-таки они не зря загорали в секретной секции. Один за другим распаковывали ящики, которые Женя когда-то собственноручно перетащил из вагона на эти полки. Вскоре наткнулись на папку с надписью «Борисовский гебитскомиссариат», нашли в ней спецдонесения Плещеницкого отделения жандармерии за 1943 год, одно из которых гласило: *«22 марта 1943 года 118-й карательный полицейский батальон под командованием Эриха Кернера совершил акцию против партизан и населения в деревне Хатынь»*. Надо сказать, на тот момент на месте сожжённой Хатыни уже открыли мемориал, где экскурсоводы вообще не упоминали о злодеяниях 118-го украинского батальона, словно такого и не существовало никогда. Туристам, поёживавшимся от жутковатых ударов колоколов, продолжали рассказывать о зверски сожжённой немецкими захватчиками деревне. Не то, чтобы следователь по особо важным делам Далатович не знал о существовании полицейских формирований, полностью состоящих из предателей Родины, но информации у прокуратуры КГБ после войны было совсем не много. А тут у него в руках оказалось такое! Несколько лет эта самая информация просто валялась на полке...

Я даже слегка позавидовал Далатовичу: он наказал *своего* вампира значительно раньше, чем я нашёл своего. По документам из трофейного архива он разыскал первых пятерых бывших полицаев 118-го батальона, и среди них – помощника командира взвода, который уничтожил Осовы – Лакусту. Свидетели – бывшие сослуживцы – показывали, что именно этот отличился там особой жестокостью, расстреливая мирное население в родной деревне Евгения. Возможно, сам Лакуста и расправился с матерью, братом и сестрёнкой чудом уцелевшего юного связного, а после войны умудрился затаиться в Донецке и тихонько работать шахтёром среди простых советских граждан, пользоваться теми же благами, что и они. Правда если Лакуста и был вампиром, то, видимо, не от рождения, что стало мне ясно по тому, как в воспоминаниях следователя бывший полицейай встретил его взгляд полными ужаса глазами. И на вопрос, не доводилось ли ему бывать в Белоруссии, выдохнул: «А я вас ждал!» В мирное время в убийце чудом проснулась совесть.

...Девочка-комсомолка, дочь скрывавшегося предателя, свесилась вниз головой из окна пятого этажа, бьётся в истерике, узнав о жутком, позорном прошлом отца. Далатович успел схватить её за ноги, не дал убить себя. Спас жизнь ребёнку человека, убившего его мать.

«Вот что по-настоящему очищает карму!» – подумалось мне.

... Лакуста и другие четверо порассказали много подробностей и назвали десятки имён в надежде купить себе жизнь. Поезда и самолёты, размытые и разбитые российские, украинские и белорусские дороги. Почти девять месяцев следствия. Расправы над белорусами, в которых главную роль сыграл 118-й батальон шущманшафта, не ограничились ни Хатынью, ни Осовами – список уничтоженных этими карателями населённых пунктов был длиной в более чем четыреста наименований. Лакусте так и не удалось купить себе жизнь – слишком много нашлось свидетелей кровожадности этого вампира. Остальных четырёх карателей посадили на десять и пятнадцать лет. Может, сейчас они пригодятся? Что действительно трудно себе представить – так это дальнейшую жизнь бедной девочки, дочери предателя. «Сын за отца не отвечает», но всё же...

... Позже начался процесс над Мелешко...

«Столько всего лезет в голову! – очнувшись от воспоминаний, разозлился следователь. – И всё не то! Как же я всё-таки проглядел?»

Я понял, что без моей помощи подполковнику будет трудно выбраться из тупика, потому что чувство вины – плохой помощник, когда нужно действовать. Я-то знал намного больше, благодаря посещению банкета вампиров. Пришлось нагнать на Далатовича вполне объяснимую для конца рабочего дня дремоту.

...Васюру подполковник не помнил потому, что никогда его не видел. Встретив в семьдесят четвёртом старого знакомого в коридоре киевского здания КГБ, бывший начальник нацистского штаба так и не доехал до Гродно и лично на допросе не присутствовал. Его бывший агент-протезе был теперь большим человеком и знал все ходы и выходы сложной судебной системы. Вместе два вампира сочинили письменные показания, после чего Васюра отправился в Бровары и с помощью знакомого врача, вампирши с банкута, без труда раздобыл фальшивое медицинское свидетельство о том, что он-де тяжело болен, по коей причине не в состоянии явиться на допрос лично. А там...

Следователь встрепенулся и оторвал от письменного стола лицо, на котором, словно шрам, ярко краснел отпечаток завязки от папки. «Приснится же! – с удивлением подумал он, протирая глаза. Евгений встал, прошёлся по кабинету туда-сюда, из стеклянного графина налил воды в большой гранёный стакан и выпил залпом. Подошёл к окну, с минуту осовело пялился на тихо парившие в свете уличного фонаря снежинки. И вдруг совершенно чётко осознал: – А ведь вполне возможно, что так всё и было!» Я мысленно похвалил бывшего архивариуса за доверие интуиции, а тот резко развернулся и, стремительно подойдя к столу, стал лихорадочно рыться в многочисленных пухлых папках, где хранились подробности закрытых более десяти лет назад дел. Наконец, обнаружил коричневый казённый конверт с телефонограммой из Киевского отдела УКГБ, гласившей:

«Свидетель по делу Мелешко Григорий Никитьевич Васюра на допрос явиться не может ввиду тяжёлой болезни. Письменные свидетельские показания и медицинскую справку прилагаем». В том же конверте покоилась маленькая бумажка, содержащая диагноз – «рак лёгких».

«Видимо, не было никакого рака, – тут же догадался Далатович. – И как только рука повернулась у доктора? Ведь могла и накаркать!» Честному следователю, отдававшему всего себя людям, было невдомёк: не страшащимся наказания вампирам чужды суеверия. Теперь всё сходилось. Наконец-то! В семидесятых, когда были ещё живы десятки свидетелей как среди пострадавших белорусов, так и их мучителей, когда последних приходилось отлавливать по всей стране с помощью мизерных средств, вероятность не обратить внимания на и так умиравшего от смертельной болезни стареющего предателя была довольно высока...

Евгений всё-таки не смог вспомнить, как он тогда принял решение не трогать Васюру и даже отдельной папки на него не завёл. В памяти подполковника словно зияло белое пятно, которое разрасталось тем шире, чем дальше тот на нём сосредотачивался. «Чертовщина какая-то!» – в конце

концов махнул рукой Далатович. Следователь подровнял на столе документы и отправился домой, испытывая облегчение от мысли, что, скорее всего, десять лет назад он не просто проглядел злодея, а проявил человечность.

И вот, более полугода спустя после визита журналиста Баталова в военкомат, у сельсовета совхоза «Великодимерский» остановился чёрный УАЗ без задних окон. Из машины вышли трое штатских, которых тем не менее выдавала военная выправка. Оставляя цепочки чётких следов на свежем снегу, посетители бесшумно влились в двухэтажное здание белого кирпича, без стука открыли добротную дверь с надписью «Заместитель директора по хозяйственной части». Навстречу незванным гостям зыркнули злобные, чёрные, как преисподняя, глаза, так что сотруднику госбезопасности, первым шагнувшему в кабинет, стало не по себе.

– Вы кто такие? – хрипло прорычал вампир.

– Васюра Григорий Никитьевич?

– Предположим! – последовал язвительный ответ.

– Вы арестованы по подозрению в военном преступлении.

– Что? – возмущённо гаркнул бывший нацистский офицер. – В каком таком преступлении? – но голос старика звучал театрально и вместо положенных в случае подобного страшного недоразумения хрипоты и дрожи, отдавал холодным металлом, из какого делаются острые кинжалы.

– Вы имеете право хранить молчание.

«Кротовский – сволочь! – пронеслось в голове вампира. – Не решил вопрос всё-таки! Ну, ладно, если отправимся на вышку – то вместе!» А вслух он ответил полностью изменившимся, теперь уже чересчур дружелюбным голосом:

– Послушайте, парни, это какое-то недоразумение! Я же ветеран войны!

Новость о том, что Васюру увезли в следственный изолятор, распространилась по Великой Дымерке почти так же быстро, как если бы её жители транслировали мысли на расстоянии, подобно лемурианцам. Буквально через час завуч Галина Григорьевна вытребовала в школьном отделе кадров свою трудовую книжку, в которой она значилась под фамилией покойного мужа, а вечерним поездом, с чемоданом и большой дамской сумкой, где среди прочих наскоро собранных предметов первой необходимости лежал паспорт на ту же – не-Васюрину – фамилию, она, никому ничего не сообщив, уже мчалась в северную столицу, чтобы затеряться на берегах Невы.

Далатовичу повезло не заниматься делом Васюры в одиночку. За расследование отвечал председатель Военного трибунала полковник Виктор Глазков, тоже имевший опыт ведения шумных процессов об измене Родине – но только офицерами. Ещё в конце семидесятых Глазков вёл дело перешедшего в войну на сторону фашистов Калмыцкого кавалерийского корпуса. К чести обоих следователей, им скорее хотелось пристрелить вампира, чем бежать без оглядки, подобно большинству встречавшихся с Васюрой homo sapiens. Мало кто из до сих пор разоблачённых предателей отличался такой увёртливостью, таким холодным умом и даже азартом, такой наглой лживостью, как этот. Виктору и Евгению постоянно казалось, что подследственный на шаг их опережал. Очень скоро эта его способность разъяснилась.

Главными и опять-таки самыми разговорчивыми из доставленных Далатовичем свидетелей оказались знакомые ему по старым делам бывшие полицейские 118-го украинского батальона. Евгений без труда разузнал о местонахождении всех двадцати шести, что были ещё живы. Осужденные на лагеря уже досиживали срок, а человек семь-восемь, выйдя по амнистии в пятьдесят пятом, так и остались на свободе, поскольку не было доказано их непосредственное участие в карательных операциях. И те, и другие проходили свидетелями по делам семидесятых. Весьма полезным оказался Скрипко, который служил писарем при штабе 118-го батальона, то есть под прямым началом Васюры. Он-то не мог не узнать бывшего командира! А ещё Скрипко сообщил, что Васюра пользовался у немцев особым расположением и совершенно точно учился не только в их школе пропагандистов, но и в разведшколе – потому и владел в совершенстве самыми разнообразными техниками допроса.

– Хотя всем техникам он предпочитал пытки! – иронически добавил бывший писарь.

Глазков и Далатович переглянулись:

– Отсюда, пожалуйста, поподробнее! – потребовал военный следователь.

– Как вы поняли, что Васюра владеет техниками допроса?

– Ну-у... Начальник штаба проводил обучение среди старшин, – Скрипко закашлялся, пытаясь избавиться от застрявшего в горле комка. – Васюра им рассказывал, как вести себя на допросе, если они вдруг попадут в плен к партизанам... А я при том присутствовал.

«Теперь понятно! – в унисон подумали офицеры. – Вот почему он так виртуозно запутывает следствие».

– Вы сможете подтвердить свои слова в присутствии суда? – спросил Глазков бывшего писаря. Скрипко вдруг затрясся как осиновый лист и вместо ответа испустил громкий судорожный вздох.

– Теперь ваш бывший командир – семидесятилетний старик и находится под охраной. Вам нечего бояться! – напомнил следователь.

– Вы не понимаете... – дрожа, пролепетал бывший писарь. – Васюра – чёрт!

Офицеры снова переглянулись. Глазков подошёл к свидетелю, положил руку ему на плечо и мягко спросил:

– Так разве помощь в разоблачении и наказании чёрта – не святое дело? – и, глядя в глаза бывшего писаря, широко распахнутые от необъяснимого ужаса перед отсутствующим в допросной камере вампиром, подполковник добавил: – Возможно, вам на том свете зачтётся? – Скрипко затравленно поёжился и молча кивнул, соглашаясь.

Не только он называл Васюру чёртом. То же самое с небольшими вариациями следователи слышали чуть ли не от каждого из бывших полицейских. И от охранников, приставленных к камере обвиняемого. И от его конвоиров. Ещё в войну вампир начал замечать, что стоило нарисовать в воображении, как он с упоением кого-то душил – и тот человек менялся в лице, краснел или бледнел, пугался и чаще всего исполнял его волю безоговорочно, уступал ему желаемое либо просто уходил с его пути. В мирное время Васюра всё старался накопить «на старость» и поэтому не злоупотреблял этой своей способностью, что называется, всеу и даже подавлял её, будучи слишком умён, чтобы рубить сук, на котором сидел. А оказавшись под следствием, за неимением других занятий он стал развлекаться, применяя свой губительный талант ко всякому, кто вынужден был иметь с ним дело. Это оказалось даже веселее, чем во время войны. Избирательность больше вообще не требовалась, так как на Володарке на его стороне не было и не могло быть ни единой живой души, и вампир совершенствовался в своих зловещих навыках, восхищался собственными достижениями, бесился, сознавая, что «из-за чёртова материализма» всю жизнь игнорировал в себе такую силу – и от злости становился ещё опаснее. Больше всех, конечно же, досталось полковнику Глазкову на первом допросе.

– Где вы находились осенью и в начале зимы 1942 года? – начал следователь.

– Я находился в немецком плену, – ровным бесцветным голосом ответил обвиняемый.

– Вы лжёте. Когда вы попали в плен, то сразу же согласились служить фашистам. В ваших собственных показаниях от 1974 года вы написали об

этом, так же, как и том, что после окончания *немецкой пропагандистской школы* были направлены в Киев, как раз в январе сорок второго, для службы в 118-м батальоне шутцмантшафта.

– Я такого не помню. Я был очень болен, когда писал те показания.

– Значит, вы тогда лгали? – и следователь подошёл вплотную к Васюре со спины, что было с его стороны крайней неосторожностью. – Или лжёте сейчас? На смертном одре обычно рассказывают правду!

В ответ Васюра повернул голову и отвесил бедному Глазкову такой взгляд, что тот задохнулся и отступил назад. По-видимому, военному юристу не так часто, по сравнению с обычными следователями, приходилось иметь дело с настоящими вампирами-мутантами. Под трибунал обычно попадали офицеры, проступки которых происходили от слабости характера – то есть полная противоположность Васюры. А при встрече с этим обвиняемым воздух в допросной будто разрежился до предела, голову полковника сдавило в невидимых тисках, дыхание затруднилось, а в горле будто кусок свинца. Хотя Виктор отчаянно пытался подавить вдруг одолевший его панический страх, уровень адреналина в его крови подскочил выше некуда, в обход всех волевых усилий. С трудом заставив себя не расклеиться перед обвиняемым, он без объяснений отправил Васюру в камеру и почти весь остаток дня не мог прийти в себя. Тогда я понял, что долго полковник так не протянет и, когда приводили Васюру, стал выставлять для Глазкова защитный отзеркаливающий блок.

– В своих письменных показаниях вы назвали множество имён, – продолжил Глазков на следующем допросе.

– Я не помню, кого называл. Прошло много лет, – строптиво парировал Васюра, про себя недоумевая, отчего его техника удушения больше не действует.

– Но показания всё-таки сохранились. Вот они, написанные вашей рукой и с вашей же подписью, – и Глазков с небольшого расстояния показал подследственному уже читанные мною ранее страницы. – Кое-кто из карателей, которых вы здесь называли, до сих пор живы, и нам удалось их разыскать. Все эти люди опознали вас по фотографии. Гражданин Скрипко, в частности, утверждает, что вы вначале были старшиной роты, но заняли пост начальника штаба после бегства вашего предшественника к партизанам.

– Не знаю никакого Скрипко! – злобно огрызнулся вампир, на что полковник невозмутимо возразил:

– А вот он вас знает. Это бывший писарь 118-го батальона, имя которого, кстати, стало нам известно из вашего же старого письма.

– Прошло много лет, – снова сказал Васюра с напускным равнодушием, про себя всё больше раздражаясь неудачными попытками сломать душевное равновесие следователя. – Сейчас я не помню никакого Скрипко. Кто бы он ни был, это неправда.

– То есть обманывает Скрипко?

– Этот человек, видимо, ошибается, – ещё более бесстрастным голосом пояснил вампир.

На всех допросах обвиняемый отвечал одними и теми же, будто заранее заготовленными словами, а с каждым повторением становился всё спокойнее – для опытного следователя самый что ни на есть хрестоматийный признак лжи. А Васюра каждый вырванный у жизни день считал выигрышем. Он не испытывал страха и вообще мало что чувствовал, кроме торжества победы и прилива сил каждый раз, когда удавалось запутать следствие. Вампир уже давно понял, что это была последняя игра – тем больше его веселило всё, что удавалось урвать от каждого мига жизни.

Сила внушения Васюры была так велика, что панический страх накатывал на жертв его тюремных экспериментов неизменно: так же, как и у полковника Глазкова на том первом допросе, у любого, кто встречался взглядом со злобным стариком, перехватывало дыхание, сердце начинало бешено колотиться, а энергия в избытке покидала тело и немедленно поглощалась вампиром. Только молодые и здоровые работники центральной тюрьмы и были способны выдержать поползновения этого мутанта. Я даже начал подозревать его родство с лемурианцами, доказательств которому, как мне думалось, было уже не достать. Так или иначе, если бы не моё постоянное незримое присутствие в мрачноватых допросных Володарки, Васюре, вероятнее всего, удалось бы выйти на волю и на этот раз. После бесед между ним и Глазковым мне и самому приходилось отправляться за черту города для восстановления, но было ясно, что безуспешные попытки поживиться энергией следователей гневили и ослабляли вампира. Так что я делал всё правильно.

Решив защищать полковника от Васюры, я впервые не внял советам отца. Симон, как и остальные, странствовал – на этот раз чтобы лучше изучить вампиров и найти детей-индиго, но навещал меня довольно часто и всё старался убедить в необходимости невмешательства. «Как же люди смогут осудить преступника, если не почувствуют, насколько он опасен? Надо дать им бороться со злом самостоятельно» – всё повторял он. А я не мог сидеть сложа руки, когда вампир на моих глазах тянул энергию из нормальных homo sapiens, на которых была вся надежда. В конце концов, это была моя миссия. Время бездействия прошло. В этом меня поддержало и Единение.

Пока я защищал следователя в допросной, лемурианцы путешествовали по Земле. Находить мутантов оказалось не слишком сложно, так как эти монстры всегда легко выдают себя своей жестокостью и бессовестностью. И хуже всех оказались потомки homo liberatus, рождённые с мутацией вампиризма – считанные единицы, но наносимые ими беды и разрушения стоили легиона! Единение обдумывало весьма неутешительные вести.

«...Особенно опасны психопаты, принявшие собственную силу и начавшие искать знания, как Васюра в тюрьме. Если бы он всю жизнь творил зло, до конца понимая свои возможности, преступления этого вампира, вероятно, носили бы глобальный характер...

...И вообще, имея хотя бы незначительную толику наших способностей, не ограниченную моралью жадность, недоразвитый страх, и полное отсутствие жалости и сострадания, до какой степени индиго-вампиры могут истощить Природу Земли?

...Да они давно это делают! В истории homo sapiens достаточно примеров мистического правления зла. Мы считали, что люди должны развиваться естественно, как и остальные биологические особи, что Природа сама поддерживает равновесие... Но вот эти самые мутанты уже довели человечество до мировых войн, додумались использовать природную силу урана, чтобы держать в страхе весь мир. Посмотрите, к чему это привело: сотни тысяч умирают от лейкемии, океаны сотрясаются от испытательных взрывов, превращающих их в мёртвые зоны, леса и поля заражаются радиоактивными элементами, которым на земной поверхности вообще не место! А атомные станции? Жадность homo sapiens до энергии уже перевесила страх перед смертельной опасностью, чего авария в Чернобыле хоть и вопиющее, но закономерное следствие. Сколько времени пройдёт, прежде чем Природа этой планеты окажется больше не в силах восстанавливать своё равновесие?

...А что делали мы до сих пор? Отворачивались от её страданий и убивались подальше. Умывали руки. Природа не простит, если мы и теперь не встанем на её защиту. Видение оракула о появлении вампиров на Новой Лемурии не случайно. Всё во вселенной взаимосвязано...»

К началу суда я снова был на Земле, а Глазков тем временем вернулся из Германии, куда ездил в командировку, чтобы нанести визит Якову Рудерману, после войны ставшему Артуром Левом.

Обоим следователям не давали покоя противоречия в сведениях о нападении на немецкую автоколонну, во время которого был убит офицер

СС Вёльке. Сожжение Хатыни было принято считать мстью немцев за гибель этого олимпийского чемпиона из Германии. Судя по документам и отрывочным свидетельствам выживших, выходило, что, атаковав ту автоколонну, партизаны подставили мирных жителей. Но вот сами партизаны, с которыми беседовал следователь Военного трибунала, а за десять лет до того сотрудники КГБ, в один голос твердили, что обстрел той автоколонны в их планы не входил, команды на него никто не отдавал и случившееся оказалось тогда неожиданностью для них самих. Бывшие партизаны не лгали, но все эти годы чувство вины всё же довлело тяжким грузом на совести старых бойцов. Директор музея Матвей Иванович был лишь одним из многих. Даже мне, легко читавшему мысли свидетелей, было неясно, что же именно тогда произошло. Не из одной профессиональной скрупулёзности Глазков и Далатович не могли пройти мимо такого странного несоответствия. Оба родились и выросли в Белоруссии, лично знали многих старых партизан. Невозможно было представить, что те могли вот так заведомо накликают смерть на своих же соседей! Долгие годы вопрос кто же на самом деле убил любимца фюрера, висел в воздухе. А между тем в истории с обстрелом немецкой автоколонны оказались замешаны совершенно неожиданные третьи лица.

Еврейская тема всплыла в этом деле исподволь. В одной из небольших деревень Евгений встретился с новым, не опрошенным ранее свидетелем, чьи письменные показания предъявил следствию по возвращении в Минск.

...В августе 1943 года – сообщил Иван Шакаль, – партизаны предупредили нас, что каратели готовят против них блокаду и посоветовали местным жителям на это время скрываться в окрестных лесах и болотах. Я тоже скрывался в болотистой местности километрах в трех от своей деревни. Вскоре после этого лес пришли прочесывать каратели, одетые в форму защитного цвета и говорившие на русском и украинском языках. Я затаился в зарослях и они, пройдя совсем близко, меня все же не обнаружили и пошли дальше. Вскоре с той стороны, куда они направились, я слышал разрывы гранат и выстрелы. Дождавшись прекращения стрельбы и ухода карателей, я побежал в ту сторону, узнать в чем дело, предполагая, что они убили кого-то из односельчан. Метрах в 700–800 был островок Лучинский Бор. Я подошел туда и увидел разрушенный взрывом вход в замаскированную землянку. О существовании такого убежища я ничего не знал. Вокруг землянки лежали разорванные взрывами гранат трупы стариков, мужчин, женщин и детей, их было много, но сколько именно не могу сказать. Я их не мог подсчитать, так как часть изуродованных трупов лежала на поверхности, а часть под обломками землянки, а в сами землянки я не спускался. Все уничтоженные люди были

лица еврейской национальности, которые проживали в деревне Бахиты Ивьевского района.

Ознакомившись с новыми сведениями, Глазков сразу вспомнил, что в старых делах читал похожие показания одного из бывших карателей, Гаврилы Думыча, которого уже не было в живых. Хорошо организованному следователю не составило труда отыскать этот документ от 4 мая 1974 года:

В конце июля 1943 г. я, в составе всего 118-го батальона, выехал на операцию в Налибокскую пуцу. На этой операции вместе с другими были Васюра и Мелешко. В лесу мы наткнулись на небольшую насыпь, похожую на холм. Не помню кто из полицейских 1-й роты провалился в дырку ногой, и мы все из 1-й роты собрались около этого насыпа. Затем этот полицейский начал разгребать в том месте, где у него провалилась нога, и из ямы прогремел один выстрел, которым этот полицейский был ранен. После выстрела мы сориентировались, что там был какой-то схрон и в нем были люди, которых мы посчитали за партизан. Тогда Мелешко начал кричать, чтобы из схрона вышли все, кто там находился. Однако из схрона никто не выходил. Тогда кто-то из полицейских бросил гранату. После взрыва гранаты из схрона начали выходить люди. Вышло их всего человек 20. Как оказалось это были евреи. Среди них было 4–5 женщин, один ребенок в возрасте 3–4 лет, а остальные мужчины. Вынесли они с собой из схрона 2 или 3 ржавых карабина. Не помню, по чьему приказанию они выстроились в шеренгу. Во время построения 4 или 5 мужчин и одна женщина начали убежать в сторону ближайшего болота. По убегающим стали стрелять наши полицейские. Видел, как по ним стрелял Иванкив из ручного пулемета, Мелешко из 10-зарядного карабина, а также Лакуста, Катрюк и Кмит. Я и другие полицейские по убежавшим евреям не стреляли. В результате обстрела, все убежавшие были убиты. Затем Мелешко обратился к остальным евреям, чтобы они сказали, где скрываются другие евреи, обещая при этом, что если покажут других, то им ничего не будет. Один из евреев вышел из строя, сказав, что может показать место укрытия остальных. С этим евреем пошел полицейский Кушнир и еще один, которого не помню. Этот еврей пошел с ними к ближайшему большому дубу, что-то там сказал на еврейском языке, и из-под корней этого дуба вылезли еще два еврея. Кушнир вместе со вторым полицейским по приказанию Мелешко, повели сразу этих двух и третьего, который их указал, к командованию нашего батальона. Кмит вместе с полицейскими своего отделения расстреляли всех евреев, которые стояли в строю. При этом присутствовал Мелешко, а затем он обо всем доложил командованию батальона. Немец Мюллер приказал расстрелять оставшихся трех евреев. Приказывал в свою очередь Мелешко мне, чтобы я расстрелял их. Я

ответил ему, что не могу этого сделать, потому что не имею на это совести. Мелешко начал кричать за это на меня, мол, что это из меня за солдат, а по возвращению в Новогрудок за невыполнение этого приказа Смовский направил меня в штрафную роту в Минск. Вышеуказанных евреев при мне и других полицейских расстрелял из ручного пулемета Иванкив, отведя их в кусты. Иванкив сделал это по своей инициативе, потому что никто ему приказания расстрелять этих евреев не давал. Таким образом, в трех разных местах в лесу были расстреляны обнаруженные нами евреи в количестве около 20 человек. Группы их остались на месте расстрела. Васюра вместе с другими командирами батальона присутствовал только при расстреле Иванкивым трех евреев.

Время событий, указанное в этих двух показаниях, отличалось лишь незначительно, так что Виктор и Евгений пришли к выводу, что речь в них шла об одном и том же событии. Вдобавок в той же деревне Далатович узнал, что после войны место расстрела спрятавшихся в землянках людей было найдено одной из поисковых экспедиций. По скелетам так и остававшимся в землянке, определили, что там погибло двадцать восемь человек. Позже присутствие Васюры при убийстве несчастных евреев в землянке подтвердили ещё два бывших карателя.

На этом бы всё и закончилось, если бы не Матвей Иванович, который приехал в Минск для дачи показаний. Поскольку он воевал на территории, упоминавшейся в обоих рассказах об убийстве евреев в землянке, старого партизана попросили рассказать, что известно ему.

– Только слухи, к сожалению, – ответил директор музея. – Но вообще, евреям хуже всех приходилось. Гетто и рабочие лагеря тогда уже уничтожались фашистами, так что уцелеть удавалось лишь тем евреям, что прятались по лесам. Там их блуждало немало, из-за чего полицейские постоянно прочёсывали местность и часто находили партизанские стоянки вместо еврейских... Да... Гражданским грозила жестокая смерть за укрывание евреев. А жители деревень... ну, они тоже не без предрассудков. Хотя откровенной ненависти к евреям никто не питал, но и рисковать жизнью за них тоже не хотели. Если белорусов могли иногда пощадить за лояльность фашистам, то евреев просто убивали без разговоров, причём украинские националисты ненавидели их больше, чем немецкие нацисты...

– Почему вы так думаете? – поинтересовался Глазков.

– Не думаю – знаю! – возразил Матвей Иванович. – От перебежавшего тогда к нам в отряд полицейского.

– А партизаны евреям разве не помогали? – удивился следователь. Директор музея вздохнул, грустно посмотрел на собеседника и подумал: «Если бы ты там был, то не задавал бы дурацких вопросов!» А вслух ответил:

– Партизанам и самим частенько еды не хватало – мы не могли укрывать всех прятавшихся по лесам женщин и детей. Однажды к партизанскому отряду «Мечь» прибилося почти триста человек. Что было с ними делать на подконтрольной врагу территории?

– Ого! Уверен, что в отряде и бойцов-то было меньше!

– Тот-то и оно! – усмехнулся Матвей Иванович. – Партизаны, конечно, не бездействовали. Запрашивали разрешения центра о вывозе евреев с территории Белоруссии. Был такой Николай Киселёв, боец из того отряда «Мечь». Ему-то и поручили вывести тех триста человек за линию фронта. И он это сделал.

– Прямо как Моисей! – вспомнил Виктор едва знакомую коммунисту библейскую легенду.

– Только Моисей спасал евреев от рабства, а наш русский партизан – от смерти, – заметил старик. – Киселёв знал лес как свои пять пальцев, и всё же не все немецкие засады удалось обойти. Они почти месяц шли. Выжили не все, конечно. Киселёв им даже маленькую девочку спас, которую свои же требовали утопить, представляете? – и, заметив недоумённый взгляд следователя, старик пояснил: – Потому что Берта стала плакать от усталости и подвергла риску всех остальных, когда линию фронта переходили. Своя рубашка, как говорится...

Полковник лишь неодобрительно хмыкнул:

– М-да...

– А Николаю удалось взять малышку на руки и как-то успокоить. Берта и теперь живёт в Нью-Йорке. А Киселёва даже в Книгу Праведников народов мира записали!

– Что вы говорите? Русского Николая – в еврейскую Книгу Праведников? – поразился Виктор.

– Так ведь – «народов мира» же! – рассмеялся Матвей Иванович в ответ. Он очень оживился, вспоминая этот эпизод. – Знаете, я ведь историк по образованию, и после войны имел возможность встретиться с Николаем! Представьте себе, наши арестовали его, когда весь этот *исход* пересёк линию фронта. Подумали, что он дезертир – и тогда уже была очередь евреев спасать Моисея. За него просили все – и отстояли, – следователь благоразумно решил не комментировать возмутительный факт ареста героя. Матвей Иванович его не осуждал, а только задумчиво повторил: – Да, так что Берта в Америке... Вообще из тех евреев мало кто в стране остался.

– Может быть, поэтому про них так мало упоминают? – вслух рассудил Глазков.

– А может, потому что число убитых здесь евреев – капля в море. Каждый третий белорус погиб, когда фашисты пытались создать здесь мёртвую зону.

– А в партизанских отрядах евреи воевали?

– Да как вам сказать? – неопределённо хмыкнул директор музея. – Нельзя ответить на этот вопрос однозначно. Мужчины их не сидели сложа руки, сопротивлялись – это точно. Но знаете, у избранного народа в каждой песне – свой собственный голос. И защищали они не столько Родину, сколько себя и свои, еврейские общины, делали вылазки обособленными малыми группами. Связь с ними была плохая, и, как следствие, координация действий тоже... хотя некоторые числились в списках партизанских отрядов.

И тут Глазкова осенило:

– То есть они могли обстрелять немцев и скрыться, ни с кем не советуясь и никому не отчитываясь?

– Вполне! – подтвердил Матвей Иванович, уже понимая, к чему клонит полковник.

Немалых трудов стоило распутать этот клубок. Глазков долго штудировал предоставленные архивом списки бойцов партизанских отрядов, хотя расследование подробностей нападения на автоколонну и не относилось к делу Васюры напрямую. То есть преступление командира штаба карателей, отдававшего приказы убивать мирных жителей Хатыни, не становилось менее серьёзным, будь оно спровоцировано официальным партизанским отрядом или кем-то ещё, поэтому решение Виктора потратить время на расследование этой части старой истории меня скорее раздосадовало. Но когда он действительно откопал несколько имён и собрался навестить одного из числившихся в списках еврея в Дюссельдорфе, я обрадовался. Оставалось лишь внушить кому нужно, чтобы даты поездки Глазкова совпали со временем Единения.

Из Германии следователь вернулся с уверенностью, что нациста-олимпийца действительно атаковала самодеятельная группа из семи евреев, а не организованный партизанский отряд. То же самое подтвердил другой участник атаки, Израил Шпарберг, которому Виктор и Яков вместе позвонили из Дюссельдорфа в Соединённые Штаты. Вот только оба еврея отказались давать письменные показания. Бывший Рудерман объяснил, что получает пенсию в Германии и не желает доводить своё военное прошлое до сведения немецких властей. «Какая ирония!» – с горечью подумал следователь. Выходило, что поездка не могла повлиять ни на суд, ни на историю, но Виктор Глазков всё равно не считал её напрасной. Пусть даже суд и история не примут устный рассказ за доказательство, красные партизаны, на которых он с детства равнялся, были оправданы в его собственных глазах.

В зале заседания военного трибунала вся мебель была из дерева, точнее из тонких листов клеенной и залакированной деревянной стружки. Запах клея и лака, который homo sapiens давно разучились различать, и ещё абсолютно голые белые стены придавали помещению вид официозной безнадёжности и ненатуральности, что вполне соответствовало человеческой судебной системе. Главное, если верить Симону, в большинстве «цивилизованных» стран мира залы суда выглядят примерно так же, что лишний раз доказывает то, как мало homo sapiens отличаются друг от друга.

Правила игры можно было понять, даже находясь в абсолютно пустом зале. Место каждого участника было огорожено специальным квадратным барьером-трибуной, и для исполнения роли совершенно очевидно требовалось стоять в предписанном квадрате. Все трибуны располагались по левую сторону от входа для публики, а по правую сторону были ряды деревянных стульев, скреплённых по четыре, как те, которых нам не досталось в великодымерской школе.

Эти ряды стали заполняться задолго до начала заседания суда по делу военного преступника и предателя Родины Григория Васюры. Люди приходили по двое или по трое. Седовласые, пропахшие табачным дымом мужчины в чистых глаженных рубашках и неброских серых и коричневых пиджаках. Женщины с испещрёнными глубокими морщинами лицами, одетые в тёмные прямые юбки и кофты крупной ручной вязки, наглухо застёгнутые поверх простеньких светлых блузок. Многие из них не снимали с головы шерстяных платков и шапочек. Мне почему-то вспомнилась Кассандра с её шикарным костюмом, который смотрелся бы здесь неуместно и даже нелепо.

Друг друга знали не все, и я решил не скрываться, а подошёл к Руслану Баталову, который тоже по своему обыкновению явился задолго до начала события.

– Доброе утро, товарищ Баталов! – окликнул я со спины. Тот быстро обернулся, его лицо расплылось в искренней дружелюбной улыбке, и журналист приветствовал меня:

– О! Здорово, Ян! – его голос звучал возбуждённо в ожидании правосудия, которое, Руслан это осознавал, без него могло бы и не состояться. – Куда же вы пропали? После военкомата вас как ветром сдуло! А я хотел интервью взять...

– У меня – не стоит, – усмехнулся я. – А вас, как я понимаю, можно поздравить?

– Да, да, вашими молитвами! – закивал Руслан, улыбаясь шире прежнего.
– Как только делу дали ход, меня сразу же забрали в Москву. Так что спасибо вам с Андреем за карьеру!

– А здесь вы?..

– В качестве единственного допущенного репортёра!

– Это вполне справедливо, приятель! – и я похлопал Баталова по плечу.

– Согласен на все сто! – рассмеялся мой рыжий собеседник. Его смех прозвучал слишком громко в строгом зале, где все разговаривали между собой вполголоса. Руслан это сразу почувствовал и, оглянувшись, прикрыл рот рукой и спросил уже тише: – А как Андрей? Он будет?

Я помедлил с ответом. Не следовало рассказывать представителю прессы, что теперь уже отставной капитан Пилатов был женат на дочери сегодняшнего подсудимого. А журналист словно почувствовал сенсацию:

– Чего молчим-то?

– Э-э-э... я не совсем уверен, – уклончиво ответил я. – Дело в том, что Андрей женился и они ожидают пополнения в семье, так что...

– Поня-атно, – разочарованно протянул Руслан, и тут же опять заулыбался. – Нет, ну пополнение – это замечательно!

«Вот так, – похвалил я себя, – а про Любу рассказывать не обязательно. – Возможно, это и не потребуется».

Андрею удалось уговорить жену не приезжать на суд. От беременной Любы как от свидетеля особой пользы быть не могло, так как она родилась в мирное время, уже после возвращения Васюры после амнистии – а вот её волнения и слёз можно было ожидать наверняка, что ребёнку бы лишь навредило. Зато приехал Павел Андреевич и перед тем, как войти в зал, встретился с секретарём Военного трибунала, которому передал довольно большой целлофановый пакет, после чего подошёл к нам.

– Вот, познакомься, Руслан, это полковник Пилатов, дядя нашего Андрея! – представил я подошедшего гипнотизёра.

– Полковник в отставке, – улыбнувшись, уточнил дядя Паша, вглядываясь своими странными глазами в лицо журналиста, от чего тому стало не по себе.

– Павел Андреевич, а это Руслан Баталов – единственный представитель прессы.

– Очень рад знакомству! – пытаюсь избавиться от чувства дискомфорта, Руслан с энтузиазмом потряс руку Пилатова, соображая, что же было нужно здесь этому странному человеку. Выполняя безмолвную просьбу гипнотизёра, я постарался увести Руслана из зала:

– Не покажешь, где здесь уборная?

– Пойдём быстрее, пока не начали! – и добродушный Баталов, испытывая лёгкую досаду в мой адрес, потянул меня за рукав и повлёк к выходу.

В зале стоял приглушённый гул. Некоторые свидетели, с большим трудом собранные здесь подполковником Далатовичем, были знакомы между собой со времён войны, но встречались редко либо вообще не общались. Люди пытались жить дальше, старались не вспоминать, что сделали с их родными и близкими такие чудовища, как сегодняшней подсудимый. Некоторых уже допрашивали на прошлых процессах, где неизменно присутствовали сотрудники полковника Пилатова, помогая несчастным вспомнить нужные суду подробности и снова их забыть. Сегодня Павел Андреевич всё сделал сам – и теперь пострадавшим от рук карателей снова приходилось ворошить страшные воспоминания, радости от которых не испытывал ни один, хотя не говорить о войне они тоже не могли.

– Господи, да когда ж всех гадов переловят уже?

– Всех-то вряд ли переловят. Но ничего, они и так посдыхают.

– Как и мы...

Когда мы с Русланом вернулись в зал суда и уселись ближе к задней стене, он легонько толкнул меня локтем и взглядом указал на одетого в неплохого кроя костюм долговязого молодого человека в больших круглых очках, который подошёл к адвокатскому квадрату, уселся за встроенный внутри трибуны стол и стал раскладывать там бумаги.

– Смотри, это защитник! Кротовский, – сообщил журналист мне на ухо. – Интересно, как это – защищать такую мразь? Он явно не горит энтузиазмом.

Молодой адвокат действительно заметно нервничал, и его худые длинные пальцы чуть дрожали от напряжения, нет-нет да и роняя толстую шариковую ручку.

– Ты его знаешь? – поинтересовался я, хотя уже читал ответ в мыслях журналиста.

– Вовсе нет, – отозвался Руслан. – Его из Киева принесло. Хотя чему удивляться?

– Как это? – я притворился, что не понял.

– Ну, у Васюры должны же быть связи...

Мой проницательный знакомый даже не представлял, насколько был прав. Молодой адвокат был двоюродным племянником Васюриной шавки Валериана Карповича, который сам на суд не явился, поскольку, узнав об аресте старого приятеля, срочно слёг от тяжёлой болезни, а молодого родственника всеми правдами и неправдами убедил взяться за это дело, сопроводив словами:

– Я тебя умоляю, Серёжа! Я ему должен – и не хочу, чтобы об этом знали. Это ведь я тебя в юридический устроил, помог тебе, помнишь? А теперь ты помоги мне. Этот процесс выиграть невозможно – да тебе и не нужно.

Просто посиди там... Подай апелляцию, если *он* захочет. Дело-то проигрышное, в любом случае, слава богу.

Серёжа был «ботаником», очень неглупым и очень тихим. Он знал назубок и уголовный кодекс, и историю уголовного права, но в суде бывал редко, потому что в принципе чувствовал себя там не в своей тарелке. Но отказать родственнику было неудобно. Природа дядиного долга оставалась загадкой для молодого адвоката лишь до момента встречи с подзащитным. Васюра не преминул пролить свет на так называемую старую дружбу и обещал в случае чего вывести дядю Валеру на чистую воду – только тогда Серёжа Кротовский понял, во что вляпался. Теперь он, потупив глаза, сидел перед вспоминаящими войну стариками с таким чувством, будто это его собирались здесь судить. Он просто жаждал проиграть, но так, чтобы Васюра не решил в отместку рассказать про дядю, потому что Серёжа прекрасно понимал: разоблачение дядиного давнего предательства поставит жирный крест и на его собственной жизни. И молодой адвокат изображал деятельность, изо всех сил притворялся, что хочет и может быть полезным – а отвращение как к подзащитному, так и к самому себе глодало его изнутри, и Сергей уже мысленно клялся по окончании этого кошмара сменить работу, хоть на секретарскую.

– Встать! Суд идёт!

Трое мужчин со звёздочками на плечах появились в противоположных общему входу дверях, прошли за длинный судейский стол и заняли там кресла с высокими спинками. Полковник Глазков сел в центре стола. Следом три помощника, пошатываясь, внесли четырнадцать толстых папок с документами по делу Васюры, которые разложили перед членами трибунала. Я в который уже раз поразился, сколько человеческого труда и времени – времени жизни этих следователей и делопроизводителей – было потрачено на то, что для меня было ясно с первой встречи со старым мутантом.

– Введите обвиняемого! – скомандовал полковник Глазков.

Наконец, в дверном проёме общего входа возник уже слишком хорошо мне знакомый высокий старик с коротко остриженными седыми волосами. Он приостановился на пороге, окинул зал пронзительным оценивающим взглядом, на мгновение прищурил тёмные глаза, в которых сверкнула искра презрения к «набежавшим сюда ничтожествам» – но тут же уставился себе под ноги, которые начал переставлять с видом крайней осторожности, словно вот-вот споткнётся и грянется об пол. Васюра брёл к скамье подсудимых, держа правую руку на груди. Надо сказать, здоровье у него было отменное, а нарочито медлительные движения психопата предназначались для публики. Вампир был сыт во всех отношениях, а

следовавшие за ним конвоиры, напротив, выглядели уставшими. В зале воцарилась гробовая тишина, тягостная, гнетущая, как перед грозой. В этой тишине, словно тикающий механизм бомбы, раздавались лишь пришаркивания подсудимого. Когда Васюра поравнялся с сидевшими в среднем ряду детьми Хатыни, которых в лицо, конечно, не знал, он почему-то повернул голову и встретился глазами с Софьей Яскевич, и в тот же самый момент откуда-то из дальнего ряда, вырвался полный ненависти женский возглас: «Выродок!» Кричала не та, кому удалось избежать мучительной смерти в сарае деда Казимира. Софья оцепенело, расширенными от ужаса глазами глядела на вампира. Она тоже не знала Васюру в лицо, но под его чёрным взглядом снова ощутила себя восьмилетней девочкой боявшейся даже вздохнуть, чтобы не выдать своего убежища в куче проросшей картошки. В эту минуту именно там ей и хотелось опять оказаться. Натурально, ниточка её энергии тут же потянулась к мутанту.

А выкрик – он принадлежал старухе, которая узнала в обвиняемом нацистского офицера, занимавшего во время оккупации одну из лучших квартир в Плещеницах. Такого холёного и гладко выбритого, в начищенном мундире и сапогах. Имя этого офицера, до смерти забившего шомполом соседского подростка, было ей неизвестно до начала этого процесса – все эти годы женщина считала, что это был немец, но теперь... Её возглас, как пушечный залп, взорвал безмолвие. Несколько пожилых женщин и мужчин, как по команде, вскочили на ноги и ринулись было из рядов. Эти люди не нуждались в судебной процедуре – они и так могли бы придушить вампира за свои ополовиненные семьи, разрушенные дома и детдомовкое детство. Несколько молодых мужчин в военной форме преградили путь разбушевавшейся было публике, встали между людьми и Васюрой, который неожиданно бодро заторопился к спасительной скамье. С трудом удалось судебным приставам справиться с всколыхнувшейся в зале суда волной человеческой ненависти.

– Прошу соблюдать спокойствие! – несколько раз выкрикнул подполковник Глазков, и, когда люди немного успокоились, добавил твёрдым, голосом в котором всё же различались тёплые нотки: – В суде должен соблюдаться порядок. В следующий раз я буду вынужден отдать приказ об удалении нарушителей из зала.

Васюра же, как только оказался под прикрытием барьера, почувствовал себя в безопасности и вообще значительно лучше. Разумеется, волна ненависти по отношению к нему состояла из выплеснутой людьми энергии и лишь укрепила силы вампира. Его губы тронула ехидная улыбка. Подсудимый не испытывал ни страха, ни сожаления, ни вины. Он просто

продолжал игру. Играл до конца, который задался целью оттянуть как можно дольше.

Глава 26. Суд

Суд продолжался полтора месяца. Доказательство ведущей роли Васюры в карательных операциях в Белоруссии проходило сложно до абсурда, хотя преступления этого человека ни у кого не вызывали сомнения. Ответственным за ведение следствия полковником Глазковым был разработан план допроса свидетелей, согласно которому каждого вызывали в заранее отведённый день.

Не все могли самостоятельно добраться до Минска для дачи показаний в суде. Далатович забыл, когда ночевал дома. Он трясся на выделенном командиром Военного округа УАЗике по ноябрьским дорогам Белоруссии, чтобы доставить свидетелей и пострадавших к назначенному сроку из разбросанных по лесам деревень. Пожилые люди с трудом отрывались от повседневных, казалось бы, мелких, но таких важных для них забот.

– Ды як жа я паеду, міленькі? – плакала бабушка. – Манька вось-вось ацяліцца! Нельга ж кідаць жывёліну!*

И Евгений ночевал на гостевом топчане в деревенской хате, молился о скорых и благополучных Манькиных родах, а потом ещё чтобы успеть на слушание в назначенный день – не создать проволочки в и так затянувшемся деле. Ездил он в одиночку, потому что, хоть процесс и был вроде бы крупным, денег на дополнительный транспорт выделили мало, и вообще у обоих следователей было такое чувство, что кто-то сверху относится к этому делу без энтузиазма.

– Для допроса вызывается свидетельница Буцкевич Елена Алексеевна, 1911-го года рождения.

Из зала поднялась сухонькая по-деревенски одетая старушка в завязанном под подбородком платке. Елена Александровна была тихой женщиной, не привыкшей находиться в центре внимания. К тому же она чувствовала себя виноватой и перед следователем за задержку с отъездом, и перед Манькой с телёнком, которых так скоро после родов пришлось оставить на попечение соседки. Выходя к допросу, пожилая женщина всё ещё думала о корове. Она

вполне равнодушно глянула в сторону подсудимого и подумала: «Фу, які чорт!» И всё же лицо Васюры не пробудило в ней никаких воспоминаний.

Председатель Военного трибунала начал допрос свидетельницы с обычной процедуры:

– На каком языке желаете отвечать на вопросы?

Старушка заставила себя собраться и ответила полным предложением, как делала на другом суде одиннадцать лет назад:

– Я буду отвечать на русском языке.

После соблюдения формальностей, к допросу свидетельницы приступил прокурор:

– Где вы проживали во время немецко-фашистской оккупации?

– *Во время фашистской оккупации я проживала в деревне Заречье Логойского района Минской области.*

– Вы работали где-нибудь?

– *Только на своём хозяйстве.*

– Расскажите, что вы знаете о карательной акции, предпринятой нацистами в деревне Заречье. Когда это случилось?

– *Примерно в середине февраля 1943 года. Каратели напали на Катели и Заречье со стороны Плещениц.*

– Где вы находились, когда полицейские пошли в деревню Заречье?

– *Я сидела дома и слышала звуки выстрелов, потом люди говорили, что в Кателях были партизаны, которые приняли бой. Но стрельба продолжалась недолго. Каратели ворвались в Катели и Заречье и сразу загорелись дома,* – Елена Алексеевна старалась говорить ровно. Нытьё среди крестьян не принято, да и слёзы давно были выплаканы все – так ей казалось.

– *Сначала подожгли школу и два крайних дома, а потом стали поджигать все подряд. Из окна своего дома я видела, как каратели движутся по деревне на подводах и по ходу своего движения поджигают дома.*

– На каком языке говорили каратели?

– *В основном на украинском, но я думаю, там было немного русских и немцев.*

– Вы всё время оставались в своём доме?

– *Нет, только пока они не направились к нашему двору. До этого они ворвались во двор сестры моего мужа, Веры Буцкевич. Её и Танечку, её дочку, застрелили на месте, а потом, уже мёртвых, подожгли,* – пылающие трупы Веры и Танечки, под которыми моментально растаял снег на золоткином подворье, возникли перед внутренним взором свидетельницы, и по её щеке скатилась слеза. Старая женщина глубоко вздохнула, снова взяла себя в руки и продолжила всё тем же ровным голосом. – *Дом их тоже подожгли и сарай, и курятник. Потом убили и подожгли соседку старуху*

Марушку в её дворе. После этого каратели направились к нашему двору. Увидев это, я бросилась к двери и выскочила во двор, где меня прикладом по голове ударил каратель и я без сознания упала на снег, где и пролежала длительное время. Так и выжила, – баба Лена прекрасно понимала, что ударившему её полицейскому было наплевать на её жизнь, но и очнувшись вечером того жуткого дня после ухода полицаев, и много лет спустя она благословляла мужика в нацистской форме за его безразличие, за то, что поленился добить. Бездетная свидетельница Буцкевич никогда никому в этом не признавалась, как и в том, что первым её чувством по приходу с сознание было ликование от того, что повезло выжить.

– В вашем доме был кто-нибудь ещё? – продолжал допрашивать прокурор.

– Да. *Я выбежала, моя мать оставалась в доме, вместе с которым и сгорела...* – Елена Александровна вдруг всхлипнула. Самообладание начало покидать её. – *Потом мы нашли на пепелище дома её останки в обгорелой печи. Эта печь была сделана из сырой глины, поэтому мать туда и спряталась. Наверное, надеялась, что жар до неё не доберётся. Только туловище матери уцелело от огня, голова и руки до плечей полностью обгорели, – тихий, ровный голос свидетельницы теперь звучал жутковато. Если бы не лившееся по щекам слёзы, которые она не утирала, потому что их не замечала, присутствовавшие в зале могли бы подумать, что эта женщина вообще ничего не чувствует. Она действительно не отличалась богатым воображением и после войны жила в своих крестьянских заботах, как в защитном панцире. И только образ матери, скорчившейся в той глиняной печи от боли и страха, задыхавшейся и всё надеявшейся перетерпеть и спастись, до тех пор, пока сознание её не улетучилось вместе с дымом-убийцей – только это Елена Буцкевич представляла себе всю жизнь с мучительной ясностью. «Выведи я тогда маму на улицу, – всё думалось бабе Лене, – она бы тоже могла отделаться ударом приклада, как я».*

– Сколько всего человек было убито в деревне Заречье? – продолжил допрос прокурор, стараясь не обращать внимания ни на тихие слёзы свидетельницы, ни на выводивший из себя скучающий взгляд Васюры.

– *Всего было убито около 18 человек и сожжены все дома, остались одни пепелища.*

– Вы знаете, почему каратели сожгли вашу деревню?

– Да, – быстро сказала Буцкевич. – *За день до расправы с жителями Котелей и Заречья у карателей был неподалеку от наших деревень бой с партизанами, в котором, как говорили очевидцы, погибло несколько карателей, поэтому они и пришли в наши деревни мстить за своих убитых.*

– Каратели грабили дома перед тем, как их сжечь?

Баба Лена судорожно вздохнула.

– *Я теперь не помню, грабили каратели моих односельчан и меня или нет, там был такой ужас, такое зверство, что талый от пожара снег плыл по улице деревни вместе с людской кровью,* – она даже не преувеличивала. Когда чудом выжившая молодая женщина очнулась после удара прикладом, дом уже распадался на тлеющие балки. Она поднялась, пошатываясь и плохо соображая, вышла за разваленный плетень, побрела туда, где раньше была главная и единственная улица Заречья, и у соседского двора ступила в лужу крови, которой тут же пропитался её почерневший от сажи валенок...

– Вы узнаете обвиняемого?

Свидетельница перевела на вампира свои голубые, прозрачные от старости глаза и тихо ответила:

– Нет, этого человека я не помню, – она помолчала с секунду и чуть виновато добавила: – Я вообще почти не помню лиц карателей.

Глазков обратился к Васюре:

– Подсудимый, какое отношение вы имели к уничтожению деревни Заречье?

– *Я не был в деревне Заречье и не могу сказать, что там делали полицейские нашего батальона,* – без запинки ответил бывший командир полицейского штаба. Он прекрасно понимал бесполезность Елены Алексеевны как свидетеля обвинения против него лично – и откровенно торжествовал.

Даже в молодости вампир был предусмотрительным. Имея под прямым началом штабного писаря, Васюра всеми сознательно старался не светить своё имя в немецких документах и донесениях. Ему нравилось быть серым кардиналом – а теперь эта «скромность» неплохо окупала себя, позволяя изворачиваться и цепляться за каждую несостыковку.

Потерпевшая Ольга Устин была сильно взвинчена и от нахлынувших во время суда воспоминаний говорила громко:

– *В мае 1943 года, точного числа не помню, в деревню Дальковичи ворвались каратели, приехавшие из Плещениц и всю деревню сожгли. В тот же день карателями был убит мой отец Кононович Герасим Андреевич.*

– Как же вам удалось выжить? – поинтересовался защитник Кротовский.

– *Перед наступлением карателей на Дальковичи партизаны предупредили местных жителей, чтоб те удирали в лес.*

– В селе происходил бой?

– *Самого боя партизан с карателями я не видела, так как еще до боя мы спрятались в лесу в болоте, но слышали выстрелы и взрывы. Думаю, бой был на подходе к деревне.*

– Как выглядела деревня после боя?

– *Когда мы вечером того же дня пришли в Дальковичи, то обнаружили во дворе труп моего отца, который был убит выстрелом в сердце, у него сердце даже выскочило из груди, и труп был весь обгорелый, – потрясение, перевернувшее мир молодой женщины в тот день, переросло в гнев, который давно убил бы её, если бы годами не оставался запёртым где-то на задворках памяти несчастной. А теперь этот гнев, перед началом суда выпущенный Павлом Пилатовым наружу, излился на подсудимого. Потерпевшая направила указательный палец в сторону Васюры со словами: – Изверги! Люди вы или звери?*

Вампир встретил её обращение острым прищуренным взглядом, и начал мысленно душить «обидчицу». Ольга сразу почувствовала нехватку воздуха, чему в пылу своего выступления не придавала значения. Прокурор тем временем продолжал допрос:

– Когда пришли каратели, в деревне, кроме вашего отца, оставался ещё кто-нибудь из жителей?

– *Да, моя мать рассказала, что несколько односельчан не успели уйти в лес, и каратели их убили в разных концах деревни, где кого застали, – голос свидетельницы стал громче и выше, а её лицо сильно покраснело. – Всех других убитых мучили перед смертью: Кононович Анна и Пелагея были все изрезаны ножами или штыками, а внутренности их были вынуты и лежали на огороде, животы вспороты штыками, трупы старичка Аринича и слепой Ковшик Дорофеи тоже были изуродованы, – Ольга снова повернулась лицом к человеку на скамье подсудимых, перейдя уже на крик: – Зачем вы мучили всех этих людей? Что они вам сделали? – ледяной взгляд Васюры резанул её, как кинжал поперёк горла – гражданка Устин резко побледнела, стала ртом хватать воздух и, теряя сознание, начала было оседать под свидетельскую трибуну. Один из приставов успел подбежать сзади, чтобы подхватить женщину и вывести из зала. Заседание суда пришлось прервать, пока скорая помощь не забрала в больницу вторично пострадавшую от вампира свидетельницу.*

Когда Васюру снова ввели в зал и спросили, был ли он в Дальковичах в день сожжения деревни, и кто отдал приказ сжигать дома и истязать мирных жителей, он невозмутимо и даже бодро ответил:

– *Я не знаю, кто мучил и истязал людей в Дальковичах, я там был, но не отдавал приказов своим подчиненным жечь деревню и убивать людей, – бывший командир полицейского штаба беззастенчиво лгал. Все факты из*

показаний Ольги Устин легко всплывали в его памяти во всех отвратительных подробностях и кровавых красках. А рассказ женщины об истерзанных телах её родных и соседей скорее развеселил его, чем возбудил хоть каплю сострадания или сожаления. В общем, вампир был доволен тем, как довёл «нахалку» до больничной койки, чего, разумеется, никто не смог бы доказать. Прокурор не удержался и едко заметил:

– То есть, вы тихо курили в сторонке, наблюдая за тем, как убивают и мучают людей?

– Я не курю, – игнорируя язвительный тон обвинителя, возразил вампир. Он скривил узкие губы в наглой ухмылке и, не обращая никакого внимания на волну возмущённого ропота в зале, цинично добавил: – Это вредно для здоровья.

Вампир словно получил приглашительный билет на свой последний бал. Он то и дело воображал удушение выходящих к трибуне свидетелей и пострадавших, с которыми в своё время не успел расправиться 118-й украинский батальон, а боль воспоминаний этих несчастных о потерянных семьях и разрушенных гнёздах оборачивалась для него настоящим вдохновением. Совсем не то, что для членов трибунала и судебных приставов, кому приходилось иметь дело с последствиями ментальных экспериментов мутанта. Взаимная ненависть бывшего начальника штаба карателей и находившейся в зале публики наэлектризовывала воздух так, что временами там становилось трудно дышать. После инцидента с обмороком Ольги Устин в зале суда постоянно дежурил врач.

Свидетельница Нина Михайловна Скакун напоминала говорящую мумию, и я почувствовал к ней такую жалость, что поспешил заранее оградить несчастную от поползновений вампира вопреки соглашению с Симоном как можно меньше вмешиваться в процесс.

– Где вы проживали во время Великой Отечественной войны? – начал допрос прокурор.

– *Я проживала в своей родной деревне Осовы,* – тихо ответила женщина.

– Расскажите, что произошло 27 мая 1943 года.

– *В тот день я находилась со своими тремя детьми дома. Каратели пришли в деревню 26 мая, переночевали, а утром меня и других женщин деревни заставили выбирать из гуртов для них картошку, которая находилась примерно в полукилометре от деревни.*

Обвинитель обратился к Васюре:

– Подсудимый, это было ваше распоряжение?

– Я ничего не знаю о том, что каратели заставляли кого-то из местных женщин выбирать для них картошку, я никому такого распоряжения не давал, – нарочито растягивая слова, отозвался тот.

– На каком языке говорили каратели? – продолжали опрашивать свидетельницу.

– Большинство на украинском. Некоторые на смешанном русском и украинском, – выдохнула Ольга Михайловна, про себя добавив: «Зброднікі гніюсныя!» ** – Примерно перед обедом каратели нагрузили возы картошки и отпустили нас по домам.

– В котором часу вы вернулись домой?

– Примерно в двенадцать. Ещё когда я подходила к своему дому, я слышала крики и выстрелы, которые долетали с другого конца деревни.

– Кто-нибудь был дома, когда вы вошли внутрь?

– Нет. Ни одного из моих детей там не было, – Ольга Михайловна задышала тяжело и прерывисто, но продолжала: – Тогда я побежала к матери. Она жила по соседству. Она сказала, что приходили каратели и забрали всех троих, Володечку тринадцати лет, Зину семи лет и Колю – два годика, – старушка судорожно всхлипнула, – и погнали куда-то. – Она достала маленький носовой платочек из рукава своей вязаной кофты, утёрла им слёзы и навязчивым движением стала мять в руках повлажневший кусочек ткани, будто из него пыталась выдавить силы, чтобы говорить дальше. – Я побежала туда и от людей узнала, что каратели согнали партизанские семьи в сарай на окраине деревни, сарай этот подожгли и всех находившихся в нем людей расстреляли и сожгли. Там были и мои дети! Когда я прибежала к сараю расправа была уже кончена, и каратели уехали из деревни, – бедная женщина умолкла. Ни до, ни после войны, в её жизни не было дня чернее, чем тот. Истошные крики отчаяния, словно вой потерявшей детёнышей волчицы, безумные метания вокруг догоравших развалин сарая, проклятия, посланные богу за то, что вместо детей не забрал её самоё – всё это спустя сорок три года могло бы казаться страшным сном, но... горе матери, пережившей своих детей, не имеет срока давности.

Евгений Далатович далеко не впервые слышал об уничтожении родной деревни, и каждый раз этот рассказ действовал как приложенное к груди раскалённое железо. Он знал Ольгу Михайловну всю свою жизнь, в детстве дружил с её старшим сыном, а когда пришли нацисты, мальчишки по очереди таскали записки в партизанский отряд. В тот день оказалась его, Женина, очередь бежать в лес, а Володе не повезло. Было невыносимо смотреть, во что горе превратило эту некогда дородную цветущую красавицу. А строптиво-недовольная мина подсудимого, которому, благодаря моему отзеркаливанию, боль несчастной матери не доставляла на

этот раз никакого удовольствия, заставила подполковника КГБ сжать кулаки. Тогда Евгений поднялся со своего сиденья в переднем ряду, решительно подошёл к тихо плакавшей, всё ещё стоя внутри трибуны, свидетельнице и обнял её за плечи. Это было нарушением протокола, но судьи промолчали, все как один.

– Хотите, чтобы перенесли ваш допрос, тётя Оля? – прошептал Евгений на ухо старушке, но та выпрямилась, насухо вытерла лицо насквозь промокшим платочком и всё так же тихо, но с какой-то новой сталью в голосе возразила: – Нет. Сейчас, – она с ненавистью посмотрела на Васюру, втянула в себя побольше воздуха, собираясь с силами и закончила: – *Люди говорили, что жену моего брата и её троих детей и ещё несколько семей они увели и гнали перед собой до Нивок, чтобы не взорваться на партизанских минах, а дойдя до Нивок каратели сожгли их дотла.*

Была очередь молодого Кротовского задавать вопросы. Он чувствовал себя неловко, потому что сам был любящим сыном и, слушая рассказ свидетельницы Скакун, представлял на её месте свою мать. Серёжа неловко поднялся и спросил неожиданным для самого себя высоким фальцетом:

– Где находился ваш муж во время войны?

– *Мой муж, его родной брат, как и почти все мужчины нашей деревни ушли в партизанский отряд, а все оставшиеся жители деревни помогли им как могли.*

– То есть Осовы были партизанской деревней? – прокашлявшись, уточнил адвокат.

– Да. Конечно, да.

– А как каратели об этом узнали?

– *Я не знаю точно, кто выдал партизанские семьи. В деревне ходили слухи, что это сделал староста Островко Иван, но каратели сожгли в сарае и его, так как его сын воевал в партизанском отряде.*

– В Осовах был полицейский штаб?

– *Я ничего об этом не знаю.*

– Вы видели когда-нибудь этого человека? – и защитник указал Ольге Михайловне на Васюру.

Старушка внимательно всмотрелась в сидевшего на скамье подсудимых и, поколебавшись, ответила:

– Кажется... он ведь теперь старик. Выходил там из машины один офицер, видный такой, молодой, весь начищенный. Мы думали, немец... – когда ей показали старые фотографии, заплаканная свидетельница вздохнула с сожалением и с извиняющимся видом честно ответила: – Не могу сказать... Я видела того офицера со только спины и немного сбоку, и он ничего не говорил. А я старалась не задерживаться рядом с ними...

– У меня всё, – закончил Сергей Кротовский с облегчением. Его вопросы могли отдалённо сойти за стремление защитить преступника.

Часть защиты была построена на том, что никто из жителей сожжённых деревень не видел Васюру в лицо – и в первую очередь хатынцы, которые тогда были детьми и уцелели как раз потому, что так или иначе скрылись от глаз палачей, то есть вообще в тот день не видели нацистов с близкого расстояния. В суде над Васюрой были допрошены все выжившие из всех сожжённых карателями деревень – десятки пожилых мужчин и женщин, но пока выходило, что точно опознать вампира никто из них не мог, а могли только бывшие полицейские 118-го украинского батальона, которых ещё предстояло допросить. Их было больше двух дюжин, а Васюра уже строил планы встречного обвинения бывших подчинённых в клевете из зависти или обиды за то, что был строгим командиром и не давал «этим отбросам» разгуляться, но тут на допрос вызвали Виталия Сухобокова. Обвинитель намеренно пригласил этого свидетеля последним из пострадавших.

Невысокий коренастый мужчина с посеребрёнными сединой коротко стриженными висками уверенной походкой направился к месту допроса свидетелей. Он оглядел сидевшего на скамье подсудимых худого старика и, спокойно встретив ненавидящий взгляд Васюры, улыбнулся, легко и совершенно самостоятельно отразив поползновения вампира. Это был не индиго, а обычный homo sapiens, но очень сильный, каких так мало остаётся на планете Земля. Он напоминал Руслана Баталова. Есть такие люди, для которых обмениваться с Природой всё равно, что дышать. Они легко делятся и так же легко получают то, что даётся добровольно, и никакая цивилизация не может помешать этому естественному обмену. А вампиры просто не могут к таким подступиться, так что этот даже не нуждался в моей защите.

После прохождения формальностей прокурор начал допрос:

– Гражданин Сухобоков, знаете ли вы подсудимого?

Свидетель – снова без страха – встретил злобный взгляд вампира и ответил:

– Да, я знаю этого человека.

– Где, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились?

– Вряд ли это можно назвать знакомством, – горько усмехнулся Виталий.

– *Нас арестовали примерно двадцать пятого апреля 1943 года, как раз во время религиозного праздника Пасха.*

– Расскажите подробно об обстоятельствах, которые привели к вашей встрече с подсудимым.

– *В одном доме с нами, на территории крахмального завода, жила Корсакова Агафья, работавшая на крахмальном заводе и поддерживавшая связь с партизанами,* – начал свидетель Сухобогов. – *Через неё политрук*

партизанского отряда поручил нам в 1942 году собирать патроны и боеприпасы для партизан, что мы и делали. В конце 1942 или в начале 1943 года в Плещеницы прибыл украинский полицейский батальон и разместился в казармах бывшего погранотряда. Двое полицейских, офицер Козленко и рядовой Спивак, часто приходили к нам на завод. Они высказывали намерения связаться через Корсакову с партизанами и потом перейти в партизанский отряд.

– Эти полицейские перешли потом к партизанам?

– Нет, они этого не сделали. Вполне вероятно, они так говорили с провокационной целью... – и Виталий вспомнил, с какой осторожностью все, кого он знал, разговаривали тогда с теми двоими, чтобы их не раздражать, но и лишнего не сболтнуть. Осторожность оказалась не напрасной, а Виталию она спасла жизнь. – И в апреле 1943 года кто-то из украинцев, приходивших на крахмальный завод обнаружил у Корсаковой два ящика патронов и пять пистолетов. Сама Корсакова успела уйти в лес, потому что кто-то предупредил её, что в штабе украинского 118-го батальона готовятся аресты за связь с партизанами.

– Откуда вы знаете номер батальона? – попросил уточнить прокурор.

– От Козленко и Спивака, – пояснил свидетель без запинки. – Корсакова тогда с двумя своими сыновьями убежала в лес к партизанам, а на следующий день в поселке Плещеницы, на крахмальном заводе и в соседней деревне Рудня были арестованы четырнадцать жителей поселка. Полицейские украинского батальона ездили на крытой машине с четырёх утра и собирали туда арестованных. Я помню, что когда они пришли в наш дом, то среди них был и этот человек, – Сухобоков кивком указал на подсудимого. – Он спросил у моей матери, кто тут из детей старший и когда она ответила, что я старший из пятерых братьев, меня арестовали.

– Кроме вас, среди арестованных были дети или подростки?

– Нет. Среди арестованных в тот день по подозрению в связи с партизанами я был самый молодой по возрасту.

– Где вас содержали под арестом?

– Нас доставили в расположение полицейского батальона, где держали несколько суток, избивали и допрашивали в штабе батальона.

– О чём вас допрашивали?

– На допросах меня спрашивали, передавал ли я оружие партизанам, где оно спрятано, как переправлялось в отряд, какие сведения собирали для партизан.

– Как с вами обращались во время допросов?

– На допросы арестованных водили по одному, прогоняли через две шеренги полицейских, которые в это время били нас прикладами и чем

попало. Перед допросом нас всех избивали полицейские прикладами винтовок, палками и железными прутьями. Вот этот человек, – на этот раз Сухобоков прямо, пальцем указал на Васюру, причём фантазии вампира об удушении «нахала» отскочили от Виталия, как резиновый мяч, – он приходил и избивал арестованных сначала увесистой палкой, вроде бы бамбуковой, а потом ногами. Фамилии его я тогда не знал и увидел в первый раз его во время ареста.

– Как был одет этот человек?

– Он был одет в форму типа немецкой, только другого цвета, чем у немцев, у него была какая-то зеленовато-желтая форма, погоны на ней были офицерские как у Козленко.

– Кроме обвиняемого, кто ещё присутствовал, когда вас допрашивали?

– На допросах в батальоне присутствовало двое немцев, Козленко и Спивак, командир их 118-го батальона и вот он, – и свидетель опять прямо указал пальцем на Васюру, глядя в глаза вампиру. – Этот человек допрашивал меня сам, избивал своей палкой и железным прутком, говорил, что сдерет с меня большевистскую шкуру, – и, не удержавшись, добавил чуть насмешливо: – Я думаю, дело было вовсе не большевиках, а просто это садист, и ему всё равно, кого истязать.

Большинство homo sapiens, раз сильно испугавшись, продолжают бояться всю жизнь. Лишь немногие закаляются страхом и учатся ему противостоять, что и произошло с подростком, прошедшим сквозь строй бичевавших его карателей и через ад Васюриных пыток. Так бывает с человеком, который, потеряв надежду на спасение и приготовившись к гибели, всё-таки выживает.

– Имеете ли вы что-либо добавить к сказанному? – спросил прокурор, оставив без внимания мнение свидетеля о природе поведения подсудимого.

– Да. Особо жестоко допрашивали Никиту Ходасевича, требуя от него рассказать, куда он девал гранаты и боеприпасы, оставленные у него дома полицейским-украинцем. После допросов я видел у Ходасевича черные фаланги пальцев, которые каратели зажимали ему в дверях, кровоподтеки на теле от избиения железными прутьями и палками. Через два-три дня после допросов в полицейском батальоне меня, Ходасевича, Климантовича, Шавенко и Тененбаума перевели в тюрьму Плеценицкой полиции, где около десяти суток нас тоже подвергали допросам, на которых присутствовали немцы-жандармы, начальник местной полиции и переводчик. Из камеры тюрьмы жандармы забрали Тененбаума Хаима и расстреляли как гражданина еврейской национальности. Никита Ходасевич умер от истязаний, Перхурович Мария тоже умерла.

– А как поступили с вами?

– Меня обвиняли в связи с партизанами через сына Агафьи, Александра Корсакова, но кто-то из присутствовавших там полицейских, заходивших к нам домой, сказал, что патроны в ящиках показывал им не я, а Александр. После этого меня направили на работы в Германию, где я оставался до конца войны.

Голос подал адвокат:

– Почему вы так уверены, что это тот самый человек, которого вы видели во время ареста и на допросе в штабе? Ведь прошло более сорока лет.

Свидетель взглянул на Кротовского и усмехнулся, подумав: «Ты бы тоже запомнил того, кто чуть тебя не прикончил!» Потом он ещё раз встретил и спокойно выдержал испепеляющий взгляд Васюры.

– Прошло много лет, это правда. Но глаза его не изменились – такие же злобные, какими я их помню. Его тогда в камере, где нас держали, называли чёртом. Тогда он был лет тридцати, более плотного телосложения.

– Вы сможете опознать обвиняемого на фотографии тех лет? – спросил полковник Глазков и свидетелю подали два групповых фото. Виталий без колебаний выбрал одно:

– Вот, здесь есть этот человек, – и указал на изображение Васюры на фотографической бумаге.

Со скамьи подсудимых донеслось еле слышное ворчание вампира сквозь зубы:

– Ублюдок! Зря я тебя не прикончил!

Итак, Сухобоков оказался единственным пострадавшим свидетелем, который лицом к лицу встречался с начальником штаба 118-го украинского полицейского батальона. И в первый раз за свою обширную практику Далатович порадовался, что кое-кого из шуцманов не присудили к расстрелу в шестидесятых и семидесятых. Двадцать шесть доставленных на суд бывших карателей заполнили все пробелы в показаниях потерпевших. Во время войны почти все эти люди стали вампирами из животного страха за собственную шкуру – а после, когда попали под суд, крайне старательно давали показания, всё с той же целью остаться в живых благодаря сотрудничеству со следствием.

Теперь «счастливчики» либо уже отбыли срок наказания, либо заканчивали отбывать, так что речь не шла об их собственном выживании. И всё же в этих незатейливых и отнюдь не благородных умах читался энтузиазм в отношении участия в процессе над Васюрой. В один голос бывшие полицейские показывали, что за каждым актом геноцида белорусских стариков, женщин и детей, кроме немецких командиров, стояли их командир штаба Васюра и командир полка Смовский. Конечно, про шуцманов-хохлов давно было известно, что они готовы и родную мать

продать за привлекательную цену, но в случае с Васюрой их главным вознаграждением была месть. Парадокс трусости состоит в ненависти к тому, кто внушает страх. А бывший начальник штаба многих заставил пожалеть о переходе к нацистам, потому что за проступки он наказывал своих подчинённых не менее жестоко, чем врагов. Васюра был вампиром-мутантом. Ему действительно было безразлично, кого заставлять страдать.

Из колонии близ Сыктывкара этапировали Степана Сахно, который прямо-таки воодушевился, узнав, что бывший командир штаба всё-таки предстанет перед судом. Казалось, старый арестант собрал всю свою смелость в кулак, словно это была его лебединая песня, посмотрел в глаза вампира и обратился к трибуналу:

– Этот человек – настоящий монстр. Ну, ладно – партизаны, и даже их семьи и сочувствующие, но зачем было издеваться над своими?

– Протестую! – воскликнул с места Васюра. – Я не издевался, а лишь поддерживал военную дисциплину.

– Да? А зубы моему другу зачем выбил? Грицку-то? – горячо возразил Сахно. – Гражданин судья! Два моих товарища были в увольнении в деревне, ну и хватили лишнего. С кем не бывает? Страшно было. Люди старались забыться. А когда вернулись, то попались на глаза вот ему, – и свидетель направил палец в сторону Васюры. – Так он их избил прямо в штабе, все зубы повыбивал. Кровищи было море! А потом он заставил хлопив их же собственную кровь языками с пола слизывать. И всё под дулом пистолета! Настоящий зверь! Я многое в жизни повидал, но такого ужаса и унижения больше никогда не встречал.

Васюра, всё это время испепелявший глазами бывшего сослуживца, вбирал в себя гнев и ужас от не угасших во времени жутких воспоминаний Степана. При мысли о лижущих пол полупьяных полицейских, губы вампира тронула презрительно-самодовольная усмешка. Он здорово тогда повеселился, а теперь поднял руку и заявил:

– Товарищи судьи! Я протестую! Вверенные моему командованию полицейские были настоящие бандиты, отбросы общества, чудовища и садисты. Заставить их подчиняться приказам и соблюдать дисциплину было возможно только их же собственными методами – держать их в страхе!

А Сахно разошёлся не на шутку и уже не мог остановиться:

– Граждане судьи, не слушайте его! Васюра – чудовище. Он просто любил мучить и убивать людей. Когда наш батальон передислоцировался в Польшу в сорок четвёртом, ночью была длинная остановка. Ну, мы с ребятами вышли на воздух, разложили пайки, ужинаем. И тут за моей спиной является вот он, – и Сахно снова пальцем указал в сторону скамьи подсудимых. – Хватает за шиворот мальчонку лет семи-восьми и поднимает в воздух, как

ценка. У пацанёнка кусок хлеба в руке был, сворованного у наших. Видно, совсем оголодал, раз осмелился у полицейских стащить. Ну вот, мы все молчим, смотрим. У меня на языке крутится: «Да отпусти хлопчика!» – а вслух сказать боюсь. Боюсь оказаться на месте воришки! – Сахно прервался. Он уже задыхался, лицо его постепенно становилось иссиня-бордовым, но он больше не желал молчать.

– И что случилось дальше? – спросил прокурор.

– Дальше? Он вынул свой офицерский револьвер и застрелил ребёнка, – тихо ответил старый арестант, закрыл глаза, снова мысленно наблюдая холодящую кровь сцену, и почти шёпотом закончил: – *Вот так навесу и застрелил, в упор.*

У Сахно уже не хватало сил на рассказ о том, как командир отшвырнул мёртвого мальчика в сторону, словно ненужную вещь, окинул пристальным взглядом оцепеневших от ужаса полицаев, молча развернулся и зашагал прочь. А в зале суда воцарилось молчание, во время которого Васюра сначала закатил глаза, подумав: «Господи, какие мелочи вспомнил!», потом переменял позу, закинул ногу за ногу и спокойно произнёс, трескучим голосом разрезая безмолвие:

– Да придумал он всё! Боялись они меня – так я этого и добивался. Вот и сочиняли байки.

– Протестую! – тут же отозвался обвинитель. – Имеются точно такие же показания, изложенные ещё одним, ныне покойным, свидетелем письменно. Обвинение предоставило их трибуналу, – и он указал на папки, лежавшие перед судьями.

Несчастный свидетель продержался ровно до конца допроса, а за дверями схватился рукой за сердце и потерял сознание. Сахно был осмотрен врачом и отправлен в тюремную больницу, где умер от инфаркта ещё до заката того же дня.

Таким образом выяснилось, что, сидя в тюрьме, старый вампир научился не только издеваться над людьми на расстоянии, но даже и убивать, что серьёзно омрачило удовольствие бывших карателей от мести своему жестокому командиру. Весть об инфаркте Сахно быстро распространилась среди как содержащихся на Володарке, так и за её пределами, снова пробудив страх перед Васюрой.

Когда вызвали свидетеля Ивана Козыченко, из зала суда встал очень высокий, тощий мужчина, немного старше подсудимого, одетый в тёмно-коричневый выходной костюм, на пиджаке которого блестело несколько военных наград: медалей за Победу, юбилейных и памятных знаков, в том

числе злополучный для Васюры орден Отечественной Войны. При виде такой наглости, по залу прокатилась волна негодования, а прокурора прямо перекосило от возмущения:

– Как вы смеете носить эти награды? – с отвращением прогремел обвинитель, нарушая протокол, на что трусивший в глубине души Козыченко ответил с деланным достоинством:

– Я воевал в Красной Армии.

– И предали её, перейдя на сторону фашистов!

– Наказание за свою ошибку я уже получил, – нудным голосом возразил старик, имея в виду годы, проведённые в лагерях до всеобщей амнистии в пятьдесят пятом, после которой он более не привлекался, так как позже не нашлось свидетельств его преступлений против мирного населения. Козыченко этот служил техником по вооружению – целый год в Красной Армии, затем в плену, когда согласился работать на немцев, и, наконец, в 118-м украинском батальоне – то есть он не убивал сам, а готовил к бою и ремонтировал орудия убийства. «Квалифицированный специалист по определению вправе иметь кусок хлеба с маслом, на кого бы он работал», – искренне считал этот homo sapiens.

Полковник Глазков, немало удивлённый столь вопиющим промахом системы, отчеканил:

– По результатам рассматриваемого дела вы будете лишены всех этих наград. Это я вам обещаю. Так что лучше снимите их сразу.

– Но я имею право носить то, чем наградила родина! Я за неё воевал целый год, рисковал жизнью! – продолжал выкобениваться Козыченко. Медали бывший техник нацепил, чтобы впечатлить не столько судей, сколько публику – и жестоко просчитался. Этот техник так глубоко утопил в прагматизме свою совесть, а вместе с ней и связь с тонким миром, что напрочь разучился производить верные суждения о чувствах людей. В зале не утихало возмущённое шиканье и неслись реплики вроде «вот бессовестный!», «гад позорный!» и «сними медали, сволочь фашистская!», из-за которых невозможно было продолжать допрос. В конце концов, Козыченко неуклюже снял пиджак и с досадой начал перед всеми откручивать награды. Сцена с медалями сильно позабавила сидевшего на скамье подсудимых, от которого ненадолго отвлеклись. Васюра тихо потешался над глупостью бывшего подчинённого и над гневом прокурора. На лице вампира играла злорадно-высокомерная ухмылка. Наконец, управившись и снова натянув поблёкший без медалей бурый пиджак, незадачливый механик прошёл за предназначенную для него трибуну.

– Свидетель Козыченко, вы узнаете подсудимого? – начал допрос прокурор.

– Да, узнаю. Это Васюра Григорий Никитович.

– При каких обстоятельствах вы познакомились с гражданином Васюрой?

– Он был начальником штаба 118-го полицейского батальона, где я занимал должность техника по оружию, – и, поймав недобрый взгляд бывшего командира, губы которого беззвучно шевелились, как раздвоенное жало змеи, Козыченко поспешил добавить: – Но мне не приходилось много общаться с гражданином Васюрой

– Почему?

– Из-за разницы в званиях... Он любил и старался получить всё лучшее, ну, а мы... – не утерпел свидетель и, безуспешно стараясь прочистить горло от застрявшего там комка, хрипло выдал: – Гражданин судья, прошу зачитать показания, написанные мною ранее. Мне что-то нехорошо. Можно присесть? – и Козыченко в изнеможении опустился на вовремя подставленный приставом стул. Один из троих членов трибунала взял со стола исписанный мелким почерком лист бумаги и прочитал:

– Показания И.И.Козыченко от 6 августа 1973 года, г. Гродно.

В начале лета 1943 года примерно в мае месяце мне приходилось в составе 118-го полицейского батальона выезжать на карательную операцию против партизан и мирного населения в Бегомльский район Минской области. Операция проводилась на протяжении месяца. Кроме нашего батальона в этой операции участвовали и другие немецкие карательные формирования. 118-й батальон выезжал на операцию в полном составе из поселка Плещеницы. <...> В ходе операции полицейские совершали тяжкие преступления. Сжигали деревни, расстреливали захваченных партизан и мирных советских граждан <...> Когда мы проходили лес, что между деревнями Горное и Новая Вилейка, то по нашему обозу из леса с левой стороны было дано две очереди из автоматического оружия, в результате чего была ранена лошадь одного подводчика. Кто обстрелял наш обоз в то время, я не знал. Некоторые полицейские из третьей роты открыли на несколько минут ответный огонь по лесу, но по нас никто больше не стрелял и партизан не приходилось там видеть <...>

Когда мы прибыли в Маковье, то начальник штаба Васюра был вместе со штабом. Где он был до этого, я не знаю. Помню, что в деревню Маковье кто-то из полицейских доставил в то время двух задержанных парней в возрасте примерно 17–18 лет. Их подозревали в связи с партизанами. Начальник штаба Васюра и переводчик Лукович допрашивали задержанных в доме, где размещался штаб. Подвергали их избиению и разным пыткам, чтобы признались в связи с партизанами и рассказали, где есть партизаны. Васюра и Лукович заставили задержанных копать для себя яму за сараем

дома, где был штаб батальона. Задержанные парни и после этого ничего не сказали. Тогда Васюра и Лукович отвели обоих к выкопанной яме и расстреляли их из пистолетов прямо в упор. В то время я находился в штабе батальона и все это видел. <...>

По окончании этой операции полицейский первой роты Филиппов Василий говорил мне, что в лесу, когда двигались из Горное в направлении Новой Вилейки, был обстрелян наш обоз и ранена лошадь подводчика не партизанами, а самим Филипповым. Это он сделал с провокационной целью, чтобы вызвать репрессии в отношении мирных жителей и оправдать эти репрессии ответными мерами на «действия» партизан. Филиппов действительно был с первой ротой, которая двигалась после деревни Горное на левом фланге от штаба батальона и обоза. На вооружении у него все время был автомат и, насколько я помню, по обозу было дано две очереди из автоматического оружия.

Гул негодования пронёсся по залу. Васюра снова ухмыльнулся. Он хорошо помнил этого разведчика Филиппова, головореза с выдумкой и без какого-либо намёка на совесть. Работать с такими он очень любил и приветствовал их «творчество», хотя о провокации, рассказанной в зачитанных показаниях, услышал впервые здесь, на суде. Вообще-то до справедливости вампиру не было никакого дела ни тогда, ни теперь – его интересовала лишь возможность поживиться.

Тем временем второй член трибунала достал из папки ещё один листок и сообщил:

- Здесь есть ещё показания Козыченко от 4 апреля 1974 г.
- Зачитайте, пожалуйста, – попросил председатель Глазков.
- В конце зимы 1943 года плещеницкими жандармами были расстреляны три полицейских нашего батальона. Их расстреляли, видимо, за связь с партизанами. Фамилий расстрелянных не знаю. Примерно в апреле 1943 года были расстреляны Виноградов и еще один полицейский, фамилии которого не помню. Я лично видел, как в украинском штабе Васюра и Лукович допрашивали и избивали Виноградова и того другого полицейского. За что они были расстреляны, точно не знаю, но полагаю, что за связь с партизанами. Виноградова и его товарища опознал какой-то гражданский мужчина. Весь личный состав был выстроен во дворе. Гражданский ходил перед строем и присматривался к каждому. После того, как он указал на Виноградова и второго, те сразу были арестованы. На второй день Васюра и Лукович в присутствии одного немца их допрашивали. Я чего-то заходил в помещение штаба и лично видел, как Васюра и Лукович резиновым илангом по очереди избивали Виноградова и второго арестованного, обзывали нецензурными словами, требовали

от них в чём-то признания. Арестованные молчали. В комнате, где производился их допрос, я был не очень долго. В моем присутствии Васюра и Лукович избивали илангом арестованных. Били их по лицу, голове, рукам...

Кого Васюре действительно не хватало после войны – так это Луковича, состоявшего при штабе переводчиком, но занимавшегося далеко не одним переводом. Знающий и хорошо образованный, как и сам начальник штаба, Лукович был не просто его правой рукой – он иногда казался Васюре братом-близнецом. Не будучи отягощённым проблемами командования, этот затейник изобретал такие изощрённые пытки и издевательства, которые по обыкновению орудовавшему палкой и шомполом Васюре даже в голову не приходили, но от которых у обоих вампиров буквально текли слюнки. Вместе они находили достаточно поводов, чтобы приводить идеи Луковича в исполнение. «Эх, славное было время!» – подумал подсудимый и ностальгически вздохнул. Переводчик 118-го украинского батальона был бессемейным, так что по окончании войны возвращаться в Союз ему было не за чем. Он охотно принял предложение французских властей о службе в Иностранном Легионе – единственном пути, защищавшем бывших шуцманов от репатриации. На этом дорожки вампиров-сослуживцев разошлись навсегда, и Васюра никогда больше не слышал о своём закадычном приятеле, не знал о его дальнейшей судьбе, но иногда воображал, каких бы дел они вдвоём натворили, окажись Лукович членом его великодымерского шабаша.

* Манька вот-вот отелится! Нельзя ж бросать животину!

** Предатели гнусные

Глава 27. Преступление и наказание

Делу об уничтожении Хатыни было отведено особое место в процессе, но Васюра упорно отрицал своё участие, а тем более командование карательной акцией, считавшейся одной из самых бесчеловечных в истории той войны. Все, от членов Военного трибунала до дежуривших на заседаниях приставов, недоумевали: какой в этом смысл, если и без Хатыни доказательств преступлений бывшего начальника штаба 118-го украинского охранного батальона было более чем достаточно для смертного приговора?

А подсудимый рассчитывал верно. Однажды по телевизору Васюра посмотрел репортаж о группе пожилых немцев, приехавших в Хатынь отмаливать грехи и в качестве покаяния прошедших несколько километров до мемориала пешком, несмотря на старческие немощи и инвалидность. Зная, что сожжение именно этой деревни получило мировую огласку, Васюра сообразил, что в глазах советской – и не только советской – общественности дело окажется незавершённым пока не докажут его участия именно в этом преступлении. А до тех пор неизбежный смертный приговор будет откладываться, и он будет жить. По тому, как следователи лезли из кожи вон, по крупицам собирая нужные доказательства, вампир всё больше убеждался, что был прав, и с увлечением морочил головы трибуналу. Бывший начальник полицейского штаба твердил, что не помнит никакой Хатыни. Когда на суде назвали дату сожжения деревни, он первым делом сообщил, что был в отпуске у жены в Прибалтике и как раз в это время зачал с ней свою старшую дочь.

– Вызывается свидетель Галина Новикова.

И в зал вошла старшая дочь Васюры. Далатович всеми правдами и неправдами, частью благодаря логике, а частью – моему внушению, всё-таки разыскал её в Ленинграде, где Галина уже устроилась работать в школе и даже начала продвигаться по карьерной лестнице. В свидетельстве о рождении Галины значилось «13 февраля 1942 года», но, пытаясь отпереться от участия в Хатынской расправе, вампир сам признался, что ещё во время войны велел жене изменить дату появления Галины на свет, чтобы скрыть от НКВД факт своей встречи с супругой весной 1943 года, так как в это время в советских записях он числился пропавшим без вести. Много документов терялось во время войны, и заявление женщины о выдаче нового свидетельства о рождении её ребёнку никого не могло удивить.

– Возможно, как раз в период моего отпуска 118-й батальон и уничтожил деревню? – вызывающе уставившись на прокурора, спросил Васюра.

После того, как гражданке Новиковой задали все формальные вопросы, секретарь осторожно подал обвинителю привезённый полковником Пилатовым большой полиэтиленовый пакет. Оттуда появилась ещё сохранившая остатки былой красоты кукла, разодетая в пожелтевшие от времени кружева. Из зала послышался удивлённый женский возглас:

– Ядвига! – Софью Яскевич как громом поразило чудесное воскрешение любимицы её детства.

– Гражданка Новикова, вы узнаете этот предмет? – задал вопрос прокурор, не обращая внимания на восклицание из зала. – Пожалуйста, помните об ответственности о даче ложных показаний

– Да, – ответила Галина, скривив губы в холодной улыбке и пожимая плечами. Разодетая кукла никогда ей не нравилась. – По словам матери, отец прислал этот *военный трофей* с фронта, когда получил известие о моём рождении.

Васюра мысленно потешался: «Не суд, а балаган какой-то!», а вслух сказал:

– Причём здесь кукла? Мне самому её подарили!

– Вы помните, кто вам её подарил?

– Нет! – грубо отрезал вампир.

– Сколько у вас детей, подсудимый? – уточнил обвинитель.

– У меня две дочери, Галина, 1944-го года рождения и Любовь – 1962-го.

– Благодарю, – с подчёркнутой вежливостью сказал прокурор. – Для дачи показаний приглашается свидетель обвинения Софья Яскевич. Гражданка Яскевич, вы узнаете этот предмет? – спросил он изнывавшую от нетерпения телеграфистку.

– Да! Она моя! То есть была... моя любимая кукла! – ответила Софья, утирая слёзы умиления, и добавила с нежностью: – Ядвига... Когда к нам в деревню пришли каратели, я с ней играла. Мать отослала меня к тётке, в подвале у которой я и спаслась, а кукла осталась лежать на моей кровати. Я думала, что она сгорела вместе с домом!

После гражданки Яскевич снова вызвали бывшего техника по вооружению Козыченко, и прокурор задал ему тот же вопрос:

– Свидетель, вы узнаете этот предмет?

– Д-да, смущённо ответил Козыченко, – я взял эту куклу из вещей одного сослуживца, который погиб в бою с партизанами. А он прихватил её из какого-то дома в Хатыни, когда выгонял жителей к сараю. У меня детей тогда не было – просто пожалел выбрасывать такую красоту.

– Вы точно помните, что местом, где сослуживец украл эту куклу, он называл именно Хатынь?

– Да, абсолютно точно.

– И что вы сделали с куклой дальше?

– Положил под свою койку и чуть не забыл про неё. Вспомнил только когда начальнику штаба, то есть Васюре, пришло письмо о рождении дочери. Тогда подарил ему, хотел задобрить... ну... просто, на всякий случай.

– Идиот! – тихо прорычал со своего места подсудимый.

– Когда именно вы подарили эту куклу обвиняемому?

– В начале весны сорок четвёртого.

– В каком именно месяце? – уточнил прокурор.

– В марте или апреле, кажется. Снег уже растаял тогда. Точнее не скажу.

– Может быть, раньше?

– Нет, нет, не может. Дочь-то у Васюры 13 февраля родилась. Он тогда Луковичу хвалился, а тот мне сказал в разговоре – это точно! Я ещё подумал: «Надо же! У чёрта и дитё на чёртову дюжину родится!» А письмо-то только к весне дошло.

– Идиот! – снова прошипел Васюра в сторону бывшего техника, который поспешил скрыться в последнем ряду зала суда, как только был отпущен с места допроса свидетелей.

– Что ж, сопоставим даты, – подытожил обвинитель. – Не представляет труда подсчитать, что ребёнок, родившийся в феврале 1944 года, мог быть зачат не раньше конца апреля – первой половины мая 1943 года, то есть спустя целый месяц после уничтожения Хатыни, – и он обратился к трибуналу: – Товарищи судьи, это противоречит утверждению о том, что 22 марта 1943 года подсудимый был в отпуске, так как в военное время отпуск не мог длиться месяц или больше.

Васюра хотел было возразить, что Козыченко ошибся, и что на самом деле Галина родилась тринадцатого января, но почему-то передумал и сказал правду:

– Я вспомнил, что, действительно в отпуск ездил в апреле, а не в марте. А в тот день, о котором вы спрашиваете, меня неожиданно оставили в штабе, и в обеденный перерыв я ходил стричься.

Все присутствовавшие в зале суда в унисон подумали, что трудно было найти отговорку более смехотворную, чем эта, но своего Васюра тем не менее добился: суд отложил заседание, пока бедный Далатович не съездил в Плещеницы, откуда, к великому удивлению вампира, да и своему тоже, привёз пенсионерку Анну Ивановну, работавшую в войну в единственной в посёлке парикмахерской. Привёз лишь для того, чтобы она сказала в присутствии Военного трибунала:

– В тот день вообще никто не приходил.

А Васюра продолжал настаивать:

– Не помню я Хатыни! Я точно был в увольнении в тот день! *Была у меня связь с женщиной одной в Плещеницах. Я у неё ночевал.*

И снова отправился подполковник в Плещеницы. Во время службы Васюры в карательном батальоне любовница у него действительно была – вдова с двумя детьми. Об этом и свидетели упоминали. Вампир рассчитывал, что эта женщина уже умерла, поскольку она была лет на пять старше него, но через неделю её тоже нашли, и старушка безо всякого сочувствия к бывшему «любовнику» рассказала:

– Спала с этим чудовищем, конечно, но какая там любовь? Все знали, что это зверь. Глаз он на меня положил – и деваться некуда было. У меня

дети... Не приходил он в тот день! – а про себя подумала: «А если бы и приходил, то всё равно сказала бы, что не был!» Начальник штаба карателей и ночевал-то у неё редко. Обычно являлся под вечер, клал на стол буханку, без единого слова пальцем указывал на зашторенный ситцевой занавеской угол восьмилетним близнецам, неизменно терявшим при нём дар речи и, не меняя бесстрастного выражения на красивом, как у каменного изваяния, лице, многократно делал своё дело с их боявшейся пикнуть несчастной в своей славянской красоте матерью, от которой требовал всегда блюсти чистоту. Потом уходил ужинать на свою удобную большую квартиру...

Так, пользуясь глупыми с точки зрения судей и публики отговорками, Васюра и выиграл себе почти целый месяц жизни.

– Вызывается свидетель обвинения Петричук Иван Данилович.

Как и прежде, допрос бывших сослуживцев подсудимого по 118-му полицейскому батальону был оставлен Глазковым, что называется, на закуску. В зал под конвоем ввели невысокого человека, ещё не старого, чисто выбритого, с угловатым черепом и коричневыми зубами. Одет он был в тёмно-серый мешковатый костюм, как будто бы новый, но явно купленный в значительно лучшие для своего хозяина времена, когда тот ещё был в теле. Увидев старика на скамье подсудимых, свидетель тут же узнал Васюру, о чём незамедлительно сообщил суду. Прокурор задал вопрос:

– Вы принимали участие в карательной операции в деревне Хатынь 22 марта 1943 года?

– Д-да, – запнувшись отозвался Петричук и, бросив опасливый взгляд на сидевших в зале пожилых белорусов, поспешно добавил: – Только... я со своим отделением стоял в оцеплении.

– Расскажите о событиях того дня и что вам известно об участии в них Васюры Григория Никитьевича.

Петричук набрал в лёгкие побольше воздуха и начал было издалека, с гибели Вёльке, но скоро ощутил шевеление волос у себя на голове и осёкся. Под злобным взглядом Васюры, тихо сыпавшего проклятиями в спину бывшего сослуживца, свидетеля заметно лихорадило. Он был наслышан об инфаркте, постигшем Степана Сахно после допроса в суде, и ни минуты не сомневался, что тот умер не без помощи «чорта». Петричук, в семидесятых осуждённый за предательство Родины и преступления против мирных граждан, теперь ожидал скорого освобождения и планировал напоследок, по выходе из колонии, пожить по-человечески. А рисковать здоровьем ради

мести бывшему командиру вовсе не стремился. Он обратился к председателю:

– Мне что-то нехорошо. Можно зачитать мои письменные показания?

У обвинителя, уже ожидавшего подобного развития допроса, эти показания были под рукой. Он передал документ суду, один из членов которого вслух зачитал написанное Петричуком:

– Как командир отделения, я все время не стоял на одном месте. По цепи я переходил в другие места, разговаривал с командирами других подразделений, подходил близко к сараю, в который загонялись жители деревни. Тогда я видел около сарая командира батальона Смовского, начальника штаба батальона Васюру, немцев Кернера, Германа, командиров рот Нарядько и Винницкого. Там находились и другие полицейские нашего батальона, а также эсэсовцы. Когда жители Хатыни были заперты в сарае, полицейские сарай стали забрасывать гранатами. Гранаты взрывались, из сарая раздавались крик и плач людей. Затем по сараю был открыт ружейно-пулемётный огонь. Картина была жуткой. В то время я видел, как от сарая в сторону леса бежал ребенок лет 6–7 и был убит выстрелом. От чьей пули он был убит, я не могу точно сказать, но по возвращении в Плещеницы были разговоры среди полицейских батальона, что по бежавшему ребенку стрелял либо Смовский, либо кто-то другой, стоявший вместе с ним около сарая. Сарай потом был подожжен. Вскоре были подожжены и другие постройки Хатыни. К нашему отъезду вся деревня горела.

– Гражданин Петричук, вы подтверждаете зачитанные показания?

– Всё подтверждаю, – отозвался свидетель, у которого нервно стучали зубы. Лишь когда его вывели, наконец, из зала суда, бывший каратель вздохнул с облегчением и направился в спасительную тюремную камеру в надежде, что видел Васюру в своей жизни в последний раз.

Почти все бывшие полицейские 118-го украинского батальона, вызванные в качестве свидетелей после Петричука, чуть ли не с порога просили, чтобы вместо устного допроса их показания зачитали. Тюремные сплетни о тягостной атмосфере в зале суда напомнили трусоватым психовампирам о паническом ужасе, в своё время наводимом на них начальником штаба. Да что там? Они не забыли, что Васюра подчинял своей воле даже немецких эсэсовских офицеров. Бывшие шуцманы не горели желанием снова попасть на зуб «чорту», хотя и не могли объяснить свой страх перед старым, находившимся под охраной человеком. Этот страх ничуть не умаялся незавидным положением подсудимого. Так что этапированный из снежного Сыктывкара Остап Кнап, предпочёл вообще не

раскрывать рот, а лишь подтвердил верность написанного им на предшествовавшем суду допросе.

– Ввиду явного численного и огневого перевеса карателей партизаны были вынуждены оставить деревню и отступить в лес. После этого каратели беспрепятственно вошли в Хатынь, – читал показания Кнапа один из судей трибунала. – Два-три дома, подожженные, очевидно, во время перестрелки, горели. Вскоре нашему взводу последовала команда расположиться в цепь полукольцом напротив ворот большого деревянного сарая, к которому полицейские первого и третьего взводов 1-й роты совместно с эсэсовцами стали сгонять жителей деревни. 3-я рота в это время оцепила Хатынь с целью предотвращения возможного нападения партизан, и чтобы исключить бегство в лес кого-либо из жителей деревни. Часть полицейских 118-го батальона и эсэсовцев вместе с полицейскими и жандармами из Плещениц обыскивали дома и надворные постройки, грабили имущество жителей деревни, забирали скот. Всеми действиями карателей руководили Кернер, Смowskiй и Васюра, а также офицер-эсэовец. Цепь полицейских, в которой находился и я, была расположена метрах в тридцати от сарая. Напротив ворот сарая, перед самой цепью был установлен станковый пулемет, первым номером которого был полицейский Лещенко. После того, как всех жителей Хатыни согнали в сарай, по распоряжению командования батальона полицейские первого и третьего взводов также стали в цепь перед сараем. Кернер, Смowskiй, Васюра и немецкий офицер-эсэовец находились у сарая, командовали карателями. Мне трудно судить о том, какую конкретно кто из них давал команду. Но, находясь от них в непосредственной близости, я хорошо видел, что они все четверо осуществляли руководство карательной акцией в Хатыни. После того, как все жители деревни были согнаны в сарай и заперты в нем, переводчик Лукович поджег соломенную крышу сарая. Находившиеся в нем люди стали кричать, плакать, молить о пощаде, ломиться в запертые ворота. В этот момент кто-то из командиров, уже отошедших от сарая и расположившихся у фланга цепи полицейских, дал команду открыть по сараю огонь. Все стоявшие в цепи, и я в том числе, открыли стрельбу. Вместе с нами по сараю с людьми вел огонь из своего автомата Васюра. Это я видел хорошо, так как он находился в непосредственной близости от меня, не более, чем в 10–15 метрах. Стреляли до тех пор, пока не обвалилась пылающая крыша сарая и не затихли крики и стоны, находившихся там людей...

Так, с помощью показаний психовампиров – бывших полицейских 118-го украинского охранного батальона – события гибели моей родной деревни были восстановлены буквально по минутам, а руководящая роль командира

их штаба Григория Васюры в этой карательной акции неоспоримо доказана. Прокурор не мог найти более убедительных слов обвинения, чем свидетельства очевидцев, которые он лишь перефразировал в своей заключительной речи. А защитник был краток. Серёжа Кротовский понимал всю глупость своей роли и безнадёжность любой попытки доказать непричастность Васюры ко всем преступлениям, в которых того обвиняли. Адвокат лишь просил суд принять во внимание, что его подзащитный «искупил вину самоотверженным ударным трудом на благо Родины». Причём, при словах «ударным трудом» из зала кто-то из явившихся на суд великодымерцев выкрикнул: «Ага, чуть что не по его – в морду ударял!» И хотя председатель Военного трибунала сразу же осадил нарушителя порядка, даже малое впечатление от перечисления заслуг Васюры в мирное время было полностью уничтожено. Затем полковник Глазков обратился к подсудимому в последний раз:

– Гражданин Васюра, мы опросили двадцать шесть бывших полицейских 118-го батальона шуцмандшафта, совместную службу с которыми в названном подразделении вы не отрицаете. Все эти свидетели подтвердили, что вы не только присутствовали при сожжении деревни Хатынь, но и играли одну из ведущих ролей в совершении этого чудовищного преступления против человечности. Вне зависимости от того, сознаетесь вы или нет, вашу вину можно считать доказанной, и всё-таки я обязан задать вопрос: теперь вы признаётесь в организации уничтожения деревни Хатынь и всего её мирного населения 22 марта 1943 года и в своём непосредственном участии в этой карательной акции?

Васюра медлил, смакуя повисшую в зале суда невыносимую тишину. Власть, которую он, пускай на несколько мгновений, пускай в последний раз, получил над «жалкими букашками». Сознание, что даже со скамьи подсудимых он внушал ужас этим «ничтожествам». Всё ещё не соглашаясь на проигрыш, вампир с ненавистью посмотрел на прокурора, потом по очереди на каждого из членов трибунала, перевёл презрительный ледяной взгляд на сидящих в зале – и в последнем ряду заметил меня. Я не удержался и приветственно помахал ему рукой – и вся эфемерная власть психопата над томившимися тягостным ожиданием людьми полетела в тартарары. Васюра взбесился и громко выплюнул:

– Да, это я сжёл вашу Хатынь!

Зал разрешился вздохом облегчения, как будто признание вампира действительно что-то меняло. Ещё с минуту члены трибунала молчали, словно оставаясь под гипнозом. Наконец, председатель опомнился и громко объявил:

– Суд удаляется на совещание. Приговор будет оглашён завтра в десять часов утра.

– Именем Союза Советских Социалистических Республик. 26 декабря 1986 года, город Минск...

В приговоре, зачитанном Григорию Васюре, на двадцати пяти печатных страницах перечислялись его преступления, доказанные в ходе процесса и сводившиеся к убийству как минимум трёхсот шестидесяти мирных граждан. Судя по подслушанным мною мыслям вампира, даже и этот список был далеко не полным.

– ... присудить Васюре Григорию Никитьевичу высшую меру наказания – расстрел. Приговор может быть обжалован и опротестован в кассационном порядке в Военную коллегия Верховного суда СССР через Военный трибунал Белорусского военного округа в течение семи суток со дня его оглашения...

Когда всё закончилось, я встретил в коридоре Руслана Баталова. Он рвал и метал. Материал, с такой тщательностью, с такой страстью им подготовленный – статья, на которую отвели целый разворот газеты «Известия», была снята с печати, когда уже находилась в типографии.

– Нет, ну ты представляешь? – неистовствовал оскорблённый до глубины души журналист. – Говорят, генсеки обеих республик «выразили обеспокоенность»! И всё! – я сочувствовал его возмущению. Соккрытие истории Васюры от общественности было в высшей степени несправедливо. – Как можно не рассказать людям о таком чудовище? И зачем молчать, особенно вот теперь, когда на каждом углу кричат про гласность?!

Откуда ни возьмись к нам подошёл полковник Пилатов, который за дни этого длительного процесса даже свёл с Русланом приятельские отношения. Он пожал Баталову руку и, пристально глядя в глаза молодому человеку, объяснил:

– Затем же, зачем и раньше.

– А, понятно, – неожиданно спокойно согласился журналист и добродушно улыбнулся.

– Было очень приятно познакомиться с вами, товарищ Баталов, – дружелюбно попрощался старый гипнотизёр, потихоньку подталкивая представителя прессы к выходу. – Искренне желаю вам творческих успехов!

И Руслан без дальнейших возражений отправился на вокзал, чтобы сесть на поезд до Москвы.

– Жаль, что его работа оказалась бесполезной, – сказал я полковнику Пилатову, провожая глазами журналиста, пока тот не скрылся за двустворчатой дверью в конце коридора, на что Павел Андреевич возразил:

– Рано ещё судить о пользе. Уверен, что будет время, когда эти материалы очень даже пригодятся. Надеюсь, он сохранит свои черновики, – и дядя Паша перевёл на меня пытливый взгляд своих странных глаз. – Более интересный вопрос – что собираешься делать ты, Ян? *Своего* вампира ты прижал – и что теперь?

– Ну, наказание Васюра пока не понёс... – неопределённо ответил я.

– Это да! – согласился полковник. – Уверен, что он подаст апелляцию, хотя бы в попытке продлить свою жизнь! – мой собеседник тоже читал многие мысли вампира. – Так что тебе потребуется терпение... Чем собираешься заняться?

Я пока что не имел чёткого плана, кроме участия в общей миссии. Время до следующего Единения полностью принадлежало мне.

– Отправлюсь на Новую Лемурию, вероятно... Отдохну. Но сначала хотел бы навестить Андрея. У него ведь пополнение ожидается. В гости пригласите? – и я подмигнул Пилатову-старшему.

– Разумеется! – не задумываясь, ответил старый разведчик. – Внучок должен появиться со дня на день – вот и приходи познакомиться!

Всё случилось, как и предполагал Павел Андреевич. Васюра действительно обжаловал приговор. Просил заменить расстрел тюремным заключением, принять во внимание его возраст и послевоенные трудовые заслуги. Конечно, ему было отказано, но рассмотрение апелляции продлило жизнь вампира ещё почти на целый год – и это казалось мне царским подарком убийце!

В тюремной камере он изнывал от скуки. Я навещался туда лишь изредка, не показываясь осужденному. К счастью для прочих, Васюру держали в одиночке, отчего он довольно сильно ослабел и не упускал малейшей возможности выкачать энергию из кого бы то ни было: подворовывал то у охранников, то у конвоя, то у других заключённых во время прогулки – чаще всего путём воображаемого удушения, в котором ещё больше поднаторел, поскольку оно было единственным доступным способом забирать достаточно много в короткие промежутки времени. Репутация чёрта следовала за Васюрой по пятам, а сам вампир после таких «забав» неизменно чувствовал бодрость и готовность продолжать бороться за выживание.

Люба навестила отца лишь один раз, чтобы сообщить о рождении внука. Это известие не то, чтобы обрадовало, но на время как-то подбодрило вампира. Его почему-то всегда сильно заботило продолжение рода. Я же поспешил удостовериться, что мальчик не унаследовал мутации своего деда. Мой визит в дом Пилатовых оказался вдвойне приятным: я увидел, что супруги были счастливы и весьма довольны друг другом, несмотря на скоропалительный брак, и что их малыша окутывал мягкий сине-фиолетовый свет, окончательно подтвердивший происхождение силы его деда. К счастью, мозг внука Васюры был совершенно нормален. Узнав о том, что произвёл на свет индиго, капитан в отставке было растерялся и засыпал меня вопросами:

– И что же нам теперь делать? Вы же не заберёте его у нас? И что я скажу жене?

– Делать ничего не нужно, – ответил я, похлопав по плечу обеспокоенного папашу. – Пусть растёт, как другие дети. Просто наблюдай за сыном, изучай его способности и характер. Этим ты ему очень поможешь, – а мысленно я добавил: «И нам тоже».

– А Люба? Что сказать ей? Она ведь ничего не знает ни о *homo liberatus*, ни о своём родстве с вами. Почему же она сама не экстрасенс или кто-то в это роде?

– Ген *homo liberatus* рецессивный, – объяснил я своему другу. – Способности проявляются далеко не у всех наших потомков. Супруге пока не говори ничего – зачем зря беспокоить? Время придёт – может, она и сама догадается.

А вот разыскать собственного ребёнка мне всё не удавалось. Кассандра хорошо умела прятаться. Правда, кроме меня, её никто особо не искал. Провидица почти всю жизнь провела на Земле и очень хорошо умела скрывать как свою сущность от людей, так и свои мысли от соплеменников. Лемурианцы не сомневались, что у оракула была важная причина, чтобы так поступать. Скрывать то, чему предстоит изменить и даже перевернуть мир, но чему не должно препятствовать ничьё вмешательство – обычное дело для провидиц. Оставалось только ждать – и мы настороженно, но спокойно смотрели вперёд.

В рождении ребёнка у Кассандры, тем не менее, сомневаться не приходилось, потому что в конце января 1986 года по земному летоисчислению случилось нечто удивительное. Я увидел сон. Впервые со дня, когда стал частью Единения. Сны у *homo liberatus* – редкие гости, ведь благодаря искусству медитации мы и наяву близко соприкасаемся со своим бессознательным. А тут мне приснилось дерево, чёрное, как уголь приисподней. В начале оно было маленьким саженцем, но стало

стремительно расти, распуская в стороны свои крючковые ветви. Крона дерева издавала змеиное шипение, и шевелилась, как живая, раскидываясь всё шире, пока не стала похожа на гигантскую тёмную паутину. Жадно, без разбора, без остановки, зловещие ветки-щупальца опустошали всё на своём пути, и наполненный жизнью лес на глазах превращался в высохшую, потрескавшуюся пустыню. Вдруг вдалеке, на самом горизонте появилось большое сверкающее озеро – и ненасытная крона, устремившись было к его дышавшей живительной силой воде, наткнулась на невидимую, но непробиваемую стену. Чёрное дерево не сдавалось. Концы его веток превратились в огромные, подобные человеческим, кулаки, которые стали неистово колотить воздух в попытках пробить прозрачный щит и добраться до источника света. На этом месте я проснулся в полном недоумении и потрясении и увидел Симона. Отец сидел рядом со мной на сочной новозеландской траве, где я прикорнул для восстановления сил. Он наблюдал за моим сном, а когда я открыл глаза, взял меня за руку и сказал:

– У тебя сын.

Такое известие подбросило меня на ноги.

– Откуда ты знаешь?

– Когда у нас рождается мальчик, отцу ребёнка всегда снится дерево – и неважно, какое расстояние их разделяет, – объяснил мне Симон. – Помню, когда ты появился на свет, в моём сне дерево было местом силы, связи с Землёй, вроде яблони в саду твоих друзей, а то, что приснилось тебе... оно забирает энергию, а не отдаёт.

– То есть мой сын... Не может быть! – смысл посланного мне через сон известия о страшной сущности ребёнка, зачатого в мрачном подвале для допросов, был более чем очевиден, но я отказывался верить в такой зловещий знак.

– Не будем строить предположений, – остановил меня Симон. – Хотя Кассандра исчезла не случайно... Но ведь зачем-то она настаивала на зачатии этого ребёнка? – я озабоченно кивнул в ответ, почувствовав себя бессильной пешкой в игре скрытной провидицы, а отец добавил задумчиво: – А вот озеро – это девочка. В твоём сне оно было далеко... вероятно, девочка ещё не родилась? Интересно... Возможно ли такое? – и он вопросительно посмотрел на меня.

– Конечно нет! Нет! – воскликнул я, вскочил и стал ходить взад-вперёд по мирно зеленевшей поляне, безразличной к настигшим меня новостям. – Я ведь люблю Полину! Разве я мог так с ней поступить? Я обо всём позаботился!

Отец на это усмехнулся и подумал: «Ну, тебе лучше знать, что там между вами произошло». После того дня, когда Полина побывала на Новой

Лемурии, я сам попросил его поработать с моими мыслями, помочь отмежеваться от сознания любимой. На сей раз Симон согласился. Это была необходимая, хотя и временная мера для того, чтобы моё жгучее желание находиться рядом со своей индиго не отвлекало меня от миссии, которая, как нам всем тогда казалось, находилась на самом трудном своём этапе. В наших планах по нейтрализации вампиров было слишком много белых пятен, а моя роль, как и в самом начале, оставалась не последней. Я не забывал о Полине, но не должен был с ней встречаться, чтобы не дать этой уж слишком тесной связи возобновиться и помешать делу, задуманному Единением. Поэтому мы с отцом больше не возвращались к разговору о моей любви даже после того странного сна.

Когда же люди, наконец, вынесли вампиру приговор, я вначале наведалься к Пилатовым, а потом, как и собирался, вернулся на Новую Лемурию, чтобы отдохнуть перед Единением. Симон и Мина отправились туда раньше меня, и всё посылали какие-то загадочно-игривые сигналы, которые меня слегка раздражали, потому что из-за огромного расстояния их было невозможно как следует разобрать. Астральный образ обожавшей сюрпризы Мины являлся ко мне несколько раз и прямо пританцовывал от радостного нетерпения. Было ясно, что она пыталась меня подразнить, так что я решил нарочно не обращать внимания, пока всё само собой не разъяснится, чем слегка подпортил веселье своей мачехе.

Окунуться в освежающую глубину Озера Надежды после стольких земных перипетий – настоящее блаженство! Я не торопился выбираться на сушу. Выныривал, подставлял лицо водопаду, громко фыркал и нырял обратно, как будто весь мир сделал для меня паузу в своём вечном круговороте. Я думал, я это заслужил. Наконец, представ перед терпеливо ожидавшей на берегу компанией, я увидел глаза цвета предштормового моря. *Её* глаза. На лице нашего младенца.

Кассандра оказалась не одинока в своей скрытности. Провидица Ольга четырёхсот восьмидесяти лет, ещё в юности оторвавшаяся от своего народа специально, чтобы ко времени моего рождения о ней перестали вспоминать, – баба Оля ждала меня на берегу Озера Надежды бок о бок с моим отцом и Миной. На руках у так долго маскировавшегося среди людей оракула лопотала её внучка, кудрявая белокурая девочка homo liberatus, рождённая по воле Природы, которую ни один из нас не способен преодолеть. Малышка протянула ко мне свои крохотные, мягкие, розовые ручонки. И мир сделал паузу... но это уже другая история.

Первого октября восемьдесят седьмого я вернулся на Землю и материализовался в одиночной камере Григория Васюры – вампира, психопата, садиста, палача моей матери и сотен других несчастных homo sapiens. Я сразу понял: ни до, ни после суда он ни минуты не жалел о своих преступлениях. Мутант был не способен к раскаянию даже перед казнью, назначенной на следующее утро. Уже несколько сотен лет лемурианцы не проводили экспериментов над людьми, но на этот раз мой народ был единодушен, поручая мне столь непривычное и даже жестокое дело: привести мозг вампира к норме обычного человека, скорректировать мутацию – и посмотреть, что из этого выйдет.

Отец всегда отговаривал меня от мести тому, кто, хоть и воплощал в себе зло, но всё же был не более чем порождением человеческой матрицы. Да я и сам осознавал всю бессмысленность своего желания взглянуть в лицо этого зла перед тем, как искоренить его. Я и не собирался – хотел невидимо и побыстрее всё сделать и удалиться, но, оказавшись в камере, прочёл мысли заключённого. Поскольку в тюрьме Васюра не мог доставлять боль живым людям, он развлекался воспоминаниями. И надо же было случиться, что как раз в момент моего появления вампир представлял себе, как стреляет из автомата по выбегающим из сарая хатынцам! На его лице играла гримаса человека, с азартом давившего тараканов в собственной кухне. Я просто не мог устоять! Встретившись со мной глазами, Васюра быстро понял, что моё присутствие в камере не было плодом его воображения.

– Ты? Опять ты? Это всё ты! – только и успел прорычать вампир до того, как оказался обездвиженным для операции, и пока я приводил мозг мутанта к естественным пропорциям, он находился в полном сознании. Его ледяные чёрные глаза были широко распахнуты. Постепенно их выражение начало смягчаться, потеплело, плотно сжатые губы старика размякли в немыслимой на лице кощей доброй улыбке. И Васюра вздохнул так глубоко и счастливо, словно я только что изгнал дьявола из его души. Когда я закончил, и старик снова смог двигаться, он, безмолвно посмотрев на меня каких-нибудь пару мгновений, упал на колени.

– Что же я наделал? Прости меня, мальчик! Пожалуйста, прости за всё! Я не... – зарыдал бывший командир нацистских прихвостней, сам понимая, что содеянному им злу не может быть ни прощения, ни оправдания, ибо заточению в братских могилах не бывает амнистии.

– Бог простит, – ответил я по-человечески, не в силах преодолеть отвращение.

– Убей меня, умоляю! – простонал Васюра, обливаясь слезами. Призраки истерзанных жертв уже толпились перед его внутренним взором, требовали

ответа, сводили с ума, адским жаром испепеляя душу своего мучителя и убийцы.

Я молча покачал головой и просто исчез. Оставил своего давнего обидчика наедине с его раскаянием – ношей, которая оказалось несовместимой с жизнью. Такую новость я понёс на Единение. А Васюре достались и наше милосердие, и моя месть: всего один день был дан переставшему быть вампиром человеку наедине с его пробудившейся от летаргии совестью – целый мучительный день.

Эпилог

Свекровь Кассии Колосс, дизайнер по профессии, с детства мечтала построить дворец, и на удалённом острове, купленном влюблённым супругом специально для их медового месяца, ей посчастливилось воплотить свою навязчивую идею о красивой жизни. Тогда она впервые не была ограничена в средствах! Попавшая из грязи да в князи молодая жена одного из сильнейших мира сего вложила в это строение и его обстановку все свои фантазии о неограниченном богатстве и, поскольку была славянкой, фантазии ей было не занимать. Теперь всё это вычурное великолепие перешло к новоиспечённой, неизвестно откуда взявшейся, но безраздельно завладевшей сердцем сына и моментально забеременевшей невестке. «Пусть поживёт подальше от общества, – рассудила благоразумная свекровь. – Пока не разберёмся, что за птица».

Кассия, то есть Кассандра, супруга наследника одного из богатейших на планете Земля мультимиллиардеров, выбравшись, наконец, из бессмысленного лабиринта мраморных купален дворца, поспешила затеряться на диком побережье. Чистейший белый песок нежно ласкал ступни, начинавшие отвыкать от хождения босиком. Ярко-зелёные верхушки пальм клонились в сторону прибоя, обмениваясь энергией с Тихим океаном. Истосковавшая по общению с Природой лемурианка блаженно закрыла глаза и на несколько минут бездумно влилась в эту гармонию. Только в тропическом буйстве пустынного пляжа, которое так напоминало погибшую Бермудскую колонию, возвращалась к жизни провидица, обрекая себя на добровольное заточение в золотой клетке. Восстановив баланс, она стала с грустью наблюдать, как двухлетний черноглазый вампир развлекается убийством беспомощных медуз, вместо копья орудуя шипом побеждённого накануне тропического растения. Как только этот удивительно красивый ребёнок стал понемногу понимать свою отдельность от матери и окружающего мира, он тут же – бессознательно –

принялся изобретать пути извлечения психобиологической энергии из всего, что не было им самим – и не давал покоя ни людям, ни животным.

– Мама, смотри – я сделал шашлык из медуз! – хвастливо прокричал рано начавший говорить не по возрасту сообразительный мальчишка.

По щеке Кассандры скатилась слеза. Учить её сына любви и доброте, сопереживанию или состраданию было бесполезно, как и взывать к его совести или страху... Правда, ген страха в нём всё-таки был – подавленный, как и у всех носителей мутации, которую лемурианские родственники миссис Колосс уговорились искоренить. Это от них провидица прятала рождённого от мессии ребёнка с сине-фиолетовой аурой, уже начинавшей замутняться и темнеть, потому что двухлетний индиго слишком часто издевался над мелкими тварями. Если бы Кассандра не знала, какое место предназначалось её сыну в осуществлении миссии *homo liberatus*, она ни за что не согласилась бы произвести на свет это маленькое чудовище, которое ради общей цели должно было оставаться таковым. И требовалось вырастить из него не какого-то деревенского садиста и даже не завоевателя земель – мальчику предстояло стать главным вожаком у вампиров этой планеты. Вот для чего провидица жертвовала маленькому Александру третье столетие своей жизни. Находиться рядом. Учить играть в человеческие игры – играть в самой высшей лиге, играть виртуозно. Направлять в создании мировой коалиции зла. Создавать анти-мессию.